

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

<http://www.archive.org/details/bielyiarkhivseri008800>

Бѣлый Архив

— 15 —

I

1926

МАТЕРИАЛЫ
„Музея Современныхъ Событий въ Россіи“
Я. М. ЛИСОВОГО.

Бѣлый Архивъ

*Сборники материалаовъ по исторіи и литературѣ
войны, революціи, большевизма, бѣлаго движенія и т. п.
подъ редакціей Я. М. Лисового.*

I.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Памятка «Музея Современныхъ Событий въ Россіи»

ОТДѢЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
«The Museum Contemporary Events in Russia».

ПАРИЖЪ
1926

« Перепечатка статей и документовъ и копировка изъ-
стражій разрѣшается съ уплатой въ пользу «Музея
Современныхъ Событий» 10% съ каждого тиражного
экземпляра » .

Директоръ «Музея Современныхъ Событий въ Россіи» и редакторъ «Бѣлаго Архива» обращается съ горячимъ призывомъ ко всѣмъ русскимъ людямъ зарубежной и внутренней Россіи, сочувствующимъ идеѣ сохраненія и опубликованія историческихъ матеріаловъ, принять активное участіе въ этомъ общерусскомъ дѣлѣ.

«Музей» и «Архивъ» охватываютъ всѣ события послѣднихъ лѣтъ: отъ Великой войны и до настоящихъ дней невольного скитанія и всѣ присланные матеріалы по разнымъ вопросамъ этого периода (документы, дневники, воспоминанія, фотографіи, книги, брошюры, листовки, карты, диаграммы, плакаты, рисунки, эскизы и т. п.) — будутъ по желанію собственника—или сохраняться въ цѣлости и неприкосненности въ музѣи и демонстрироваться въ рядѣ передвижныхъ выставокъ въ числѣ прочихъ матеріаловъ музея,—или же опубликовываться въ «Бѣломъ Архивѣ».

Важнѣйшіе изъ нихъ будутъ переведены на англійскій языкъ и напечатаны въ крупныхъ американскихъ журналахъ и газетахъ.

И въ томъ, и другомъ случаѣ — всѣ матеріалы будутъ оплачены въ предѣлахъ ихъ исторической важности и реальной цѣнности.

Восьмилѣтнее существованіе музея и его активная дѣятельность служатъ порукой тому, что всѣ матеріалы будутъ использованы въ русскихъ національныхъ цѣляхъ.

Техническая сторона присылаемыхъ рукописей безразлична.

Матеріалы предлагается направлять по слѣдующимъ адресамъ:

1. J. M. LISSOVOY — 2, rue Belloni, Paris XV, France.
2. P. T. KOROLEVITCH — 120, rue de prince Alexander, Belgrade, S.H.S.
3. M. O. JURGELONIS — 1739, So. Halsted Str., Chicago Ill., U. S. A.

ДИРЕКТОРЪ
«Музея Современныхъ Событий въ Россіи»
Я. М. ЛИСОВОЙ

приносить искреннюю благодарность за
пожертвованные въ собственность музея
материалы:

1. Е. К. Л. — Коллекцію Совѣтскихъ серебрянныхъ,
мѣдныхъ и бронзовыхъ монетъ
  2. В. П. Сіяльскому — Коллекцію Эмигрантскихъ
плакатовъ
  3. Союзу Галлиполійцевъ — нѣсколько плакатовъ
  4. В. А. Горянинову — приславшему изъ Швейцаріи
русскіе плакаты изд. Лиги Наций.
-

Оглавление

	стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	9
I. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.	
1. Секретный Отчетъ Комиссаровъ XI Арм. И. Киріенко и А. Чекотило	13
2. Я. Л. Лисовой. А. Керенскій въ Армії Генерала Де- никина (по матеріал. шт. 28-й дивизії)	35
3. „ Революціонные генералы	52
II. РЕВОЛЮЦІЯ И БОЛЬШЕВИЗМЪ.	
1. П. Нестеренко. Гатчина въ дни борьбы съ большевизмом.	72
2. Ф. Гнѣсінъ. Туркестанъ въ дни революціи и большевиз.	81
III. БѢЛОЕ ДВИЖЕНІЕ.	
1. Засѣданіе Политическаго Совѣщанія Добр. Арміи 15 января 1918 г.	96
2. Докладъ Главнок. Воор. Силами Юга Россіи о полож- женіи дѣлъ на Зап. фронтѣ вообще и объ арміи полк. Бермонта Авалова въ частности	101
3. Объяснит. записка по этому докл. ген. шт. полк. Я. М. Лисового	127
IV. ПИСЬМА БѢЛЫХЪ ВОЖДЕЙ.	
1. Письмо Верховн. Правителя Адмирала А. В. Колчака Донск. Атаману генер. А. П. Богаевскому	136
2. Письмо генер. М. В. Алексѣева генер. А. И. Деникину	138
3. Наказъ генерала М. В. Алексѣева Членамъ Донской миссіи	142
4. Письмо генер. М. В. Алексѣева генер. П. Н. Краснову	144
5. Письмо генер. М. В. Алексѣева генер. А. П. Богаев- скому	147

6. Письмо генер. И. П. Романовского генер. А. П. Богаевскому	151
7. Директивы генер. М. В. Алексеева Нач. В. Полит. Отд. Д. Ар. М.	153
8. Изъ блокъ-нота генер. М. Б. Алексеева.....	154
V. СЛАВЯНЕ — БОЛЬШЕВИЗМЪ — БѢЛОЕ ДВИЖЕНИЕ.	
1. Черезъ Сибирь къ свободѣ (переводъ съ чешского).....	158
2. Г. Малецъ. Докладъ Главнокомандующему Вооружен. Сил. Юга Россіи Члена Русскаго Нар. Сов. Прикарпатской Руси.....	163
3. Письма Карпаторусск. Обществ. и Полит. пъятелей	177
VI. МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКОВЪ РЕВОЛЮЦІИ.	
П. Н. Милюковъ, А. И. Гучковъ, Н. Н. Щепкинъ, И. И. Киріенко, М. Каменскій, Дэс. Бьюконенъ, Генералы М. В. Алексеевъ, А. М. Драгомировъ, В. Лечицкій, М. Пешъ, полк. Васильевъ и др.	181
VII. ЗАРУБЕЖНАЯ РОССІЯ.	
Лекція Е. Д. Кусковой. Зарубежный Съездъ. Католичество и Православіе на фонѣ Парижскихъ дней. Красновъ — Койсуговъ — Суворинъ. Годовщина смерти генерала Л. Г. Корнилова.	187
VIII. ВНУТРЕННЯЯ РОССІЯ.	
1. Влад. Игоревъ. Красная Армія и «Военизація»	197
IX. КРИТИКА И БИБЛIOГРАФІЯ	
X. ПРИЛОЖЕНИЕ.	
1. Памятка «Музея Современныхъ Событий въ Россіи»	207
ИЛЛЮСТРАЦІИ	
— Послѣдній портретъ Адмирала А. В. Колчака, Офицеры до митинга и во время митинга, А. Керенскій въ арміи ген. Деникина, Бермонтъ-Аваловъ — генераль Гольцъ и ихъ армія, Прапорщикъ Крыленко, Поручикъ Дзевалтовскій, Призывъ въ красную армію, Жизнь красныхъ курсантовъ и др.	
Фотодокументы, карты, копіи прокламаций, карикатуры и т. п.	

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Не мудрствуя лукаво».

Послѣ восьмилѣтняго существованія, музей «Современныхъ Событий въ Россіи» вступаетъ въ новый фазисъ активной дѣятельности —

«БЪЛЫЙ АРХИВЪ»
является дѣтищемъ музея.

Столь продолжительное существованіе этого культурно-исторического предпріятія въ тяжкихъ условіяхъ бѣженского скитанія объясняется тѣми принципами, которые, повидимому, были правильнозаложены въ основу бытія музея, и принципы эти слѣдующіе: 1) Дерзаніе, 2) Единоначаліе, 3) Объективность, 4) Глубокая вѣра въ дѣло, 5) Полная независимость отъ партійныхъ и т. п. узъ и 6) Исканіе новыхъ путей.

Правда, въ наше эмигрантское время переорганизаціи, комитетодержавія и многоначалія, музею, въ его дѣятельности, зачастую приходилось оставаться въ одиночествѣ — не используя всей своей продуктивности, но, въ этомъ случаѣ, предпочиталось скрѣпѣ временное бездѣйствіе, чѣмъ провалъ его въ связи съ проваломъ тѣхъ или иныхъ партій, тѣхъ или другихъ организацій — компромиссы же всегда были чужды дѣятельности музея.

«БЪЛЫЙ АРХИВЪ» являясь дѣтищемъ музея, заложенъ на тѣхъ же основныхъ принципахъ и будетъ служить выражителемъ здоровой активной мысли въ условіяхъ полной свободы слова.

И, во имя этой послѣдней задачи, страницы «БЪЛАГОАРХИВА» предназначены не только для архивныхъ матеріаловъ музея, но открыты и перу всѣхъ обладающихъ страницами воспоминаній и сочувствующихъ идти будущей активной и безкомпромиссной борьбы съ большевизмомъ во имя возсозданія поруганной Россіи.

Черная въ тяжелыхъ дняхъ прошлаго поучительные уроки для построения сътланаго будущаго, «Б ъ Л Ы Й А Р Х И В Ъ», будучи совершенно независимъ въ своемъ мнѣни, не обойдеть молчаниемъ и тѣхъ темныхъ сторонъ минувшей борьбы, которая такъ запятнали бѣлое движеніе, дискредитировали его сущность, свели на нѣть всѣ достигнутые успѣхи и породили недоброжелательную критику къ бѣлому движенію вообще.

«Б ъ Л Ы Й А Р Х И В Ъ» рѣшиительно отвергаетъ кабинетно-схоластическую формулу престарѣлыхъ отцевъ:

«т е р п ы н і е, т е р п ы н і е, т е р п ы н і е...

и взамѣнъ противопоставляетъ формулу молодости, жизненности и энергіи

«и с կ а н і е, д е р з а н і е и н а с т у п л е н і е»

ибо

«Промедленіе времени смерти невозвратной подобно».

(Петръ Великій),

ибо

«Промедленіе времени столь полезное въ спокойное время, губить людей въ бурные времена».

(Ламартинъ),

ибо

«Угрожать не наступая, значитъ обнаруживать свое безсиліе».

(Ламартинъ)

Итакъ—величие былыхъ подвиговъ и павшихъ за Россію героевъ, уваженіе къ стѣдинамъ, обезсиленной въ неравной борьбѣ, старости, призыва къ исканію новыхъ путей и дерзанію молодости и гражданское мужество изслѣдованія причинъ содѣянныхъ ошибокъ и даже преступлений—таковы и у т и «Б ъ Л А Г О А Р Х И В А».

Я. М. Лисовой.

I.

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ

СОЛДАТЫ!

ВЪ ПЕТРОГРАДЪ РЕВОЛЮЦІЯ!

А вы еще не замѣчаете, что вѣсъ обманываются?

А вы еще не замѣчаете, что англичане погоняютъ Россію, что они вгоняютъ ваше Отечество въ бѣдствіе?

Англичане обманули вашего Царя, они принудили Его къ войнѣ, чтобы съ Его помощью овладѣть миромъ.

Сперва англичане шли рука объ руку съ Царемъ, теперь они противъ него: всегда они добивались только вонхъ собственныхъ, корыстныхъ цѣлей.

Англичане заставили вашего Богомъ вами аннаго Царя отказаться отъ престола.

Почему?

Н потому, что Онъ уже не хотѣлъ большевиковъ имъ въ обманъ. Потому, что Онъ понялъ всю язвительность английской ягры.

Военные поставки дали англичанамъ огромный зарплатокъ, дали имъ безчисленные миллионы, и отъ продолженія войны можетъ быть польза только для англичанъ.

А кто ведетъ эту кровавую войну? — Это мужикъ, славный, много терпящій мужикъ, молча страдающій, молча умирающій безъ понятія о томъ, что проливаетъ кровь для Англіи.

А кто еще больше страдаетъ отъ этой ужасной кровавой войны? Это ваши матери, ваши жены, вашиѣ дети. Уже болѣе двукъ съ половиною дѣтей у никъ неѣ сына, мужа, отца. Быть онѣ безъ помощи, безъ поддержки, а теперь передъ ними новый врагъ: торговизна, исодостатокъ хлѣба, недостатокъ всякихъ сѣѣстныхъ припасовъ. И придется имъ гибнуть отъ мужы и головы.

А откуда торговизна, голодъ, нужда? — Вѣтъ откуда Англія и кулаки-торговцы, вступивши съ ней въ союзъ, скупили всякіе припасы и хранить ихъ у себя, чтобы послѣ добиться невиданныхъ и неслыханныхъ ценъ.

Кого обогатитъ война? — Англію и спекулянтовъ.

Русский Народъ! Просянись! Отверзи очи!

Всѣ бѣда отъ Англіи.

Англія ворочаетъ дѣлами въ Россіи!

Вашъ врагъ — Англія!

Одна изъ рѣдкихъ нѣмецкихъ прокламаций разбросаныхъ передъ русскими окопами въ ночь 27-28 февраля 1917 г. — первое извѣстіе полученніе фронтомъ о началѣ революціи.

СЕКРЕТНО

Названіе частей войскъ, горо-
довъ, мѣстечекъ и деревень ог-
лашенію не подлежитъ.

ОТЧЕТЪ № 1.

Отъ 26-го мая по 26-е іюня 1917 года.

Выѣхавъ изъ Петрограда 28-го мая, я и мой помощникъ А. М. ЧЕКОТИ-
ЛО прибыли въ расположение XI-й арміи лишь 8-го іюня, задержавшись
въ Кіевѣ и Каменецъ-Подольскѣ для совѣщенія съ комиссарами особой,
7-й и 8-й армій, а также для ознакомленія съ дѣятельностью фронтового
комитета и согласованія съ ними въ будущемъ нашей работы и выступленій.

По прибытіи въ армію, мы явились на засѣданіе Исполнительного ко-
митета XI-й арміи, который познакомили съ нашей ролью въ арміи и тѣми
принципами, которыми мы полагали руководствоваться въ своей дѣятель-
ности, а также уговорились о способахъ согласованія нашихъ дѣйствій.

По нашему мнѣнію, назначеніе комиссаровъ — помочь арміи стать
въ такія условія, при которыхъ комиссары будутъ излишни. Это можетъ
быть достигнуто съ одной стороны усиленіемъ и упроченіемъ выборныхъ
солдатскихъ организацій (ротныхъ, полковыхъ, дивизіонныхъ, армейского
и пр. комитетовъ), а съ другой — созданіемъ и укрѣплениемъ въ арміи соз-
нательной дисциплины, какъ основного фактора ея моци и боеспособности.

Все таки разvить планомѣрную дѣятельность въ этихъ двухъ главнѣй-
шихъ направленіяхъ намъ не удалось. Мы прибыли въ армію за 10 дней
до начала наступленія. Пришлось думать не объ организаціонныхъ зада-
чахъ, а направить всѣ силы и энергию на устраненіе длиннаго ряда разныхъ
конфликтовъ, мѣшавшихъ осуществить намѣченный планъ военныхъ опе-
рацій. Эти конфликты сводились къ отказу разныхъ частей арміи исполнять
приказы командного состава, касавшіеся въ началѣ перегруппировки войскъ,
а затѣмъ и чисто боевые. Были впрочемъ случаи, когда нѣкоторые части
намѣревались совершенно бросить окопы, оставить въ нихъ оружіе и уйти
по домамъ.

Количество конфликтовъ не уменьшилось и послѣ начала наступленія, хотя во многихъ случаяхъ измѣнился ихъ характеръ. Сущность подавляющаго большинства конфликтовъ — нежеланіе вести активнаго операціи, стремленіе выйти въ резервъ, отдохнуть. Отсутствіе у многихъ солдатъ сознанія своего долга и убѣжденіе въ полной безнаказанности за любое нарушеніе дисциплины, создали чрезвычайно благопріятную почву для дезорганизующихъ армію теченій. Тѣмъ болѣе, что они черпали идеиное бла-
гословеніе на это въ разнаго рода «Правдахъ», широкой волной затоплявшихъ и затопляющихъ фронта и тылъ.

Идейной подкладки во всѣхъ конфликтахъ нѣтъ, есть только пользованіе большевистской фразеологіей для прикрытия неприглядныхъ побужденій. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно прослушать нѣсколько рѣчей ора-
торовъ, говорящихъ противъ наступленія, причемъ большевистские лозунги находять здѣсь такихъ истолкователей, что большевикамъ надо бы отъ нихъ только откращиваться и отмежеваться самимъ рѣшительнымъ обра-
зомъ, но они этого, къ сожалѣнію, не пытаются даже дѣлать. Въ результатѣ дѣйствительные, идеиные большевики, отходить далеко на задній планъ, ихъ мѣсто занимаютъ и выступаютъ подъ ихъ флагомъ бывшіе уголовные, полицейскіе, жандармы, провокаторы, нѣмецкіе агенты и разный сбродъ трусовъ, негодяевъ и предателей.

Намъ приходилось выслушивать на митингахъ отъ этого сорта «большевиковъ» и проповѣдь немедленного прекращенія войны, заключенія какого угодно мира на какихъ угодно условіяхъ.

Намъ приходилось слышать проповѣдь возстанія не только противъ Временного Правительства, но и противъ Совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, которые «подкуплены буржуями».

Намъ приходилось наблюдать такихъ «большевиковъ» въ роли вожа-
ковъ солдатъ, открыто, даже въ дни наступленія, братавшихся съ нѣмцами, призывающихъ къ неисполненію приказовъ и ведшихъ солдатъ въ тылъ, когда другіе сражались въ это время въ окопахъ, страстно ожидая поддержки и смѣни.

И всѣ они ссылаются на «Правды», всѣ они пользуются аргументами «Правды», распространяемыхъ иногда даже нелегальнымъ путемъ.

Точка зреїнїя С. Р. и С. Д. безсовѣстно искажается такими «большеви-
ками», часто распространяются отъ его имени совершенно невѣроятныя вѣсти вродѣ того, напр., что С. Р. и С. Д. высказался и высказывается про-

тивъ наступления, или что С. Р. и С. Д. не довѣряетъ Временному Правительству и т. п.

Создается опредѣленное впечатлѣніе, что въ большевистскую агитацію вмѣшалась преступная рука, творящая гнусное дѣло измѣны и предательства. Очевидной становится работа контрь-революціонныхъ силъ, выступающихъ подъ фирмой большевизма. Дальше будутъ приведены многочисленные факты, подтверждающіе эти выводы.

Но все же, какъ ни были сильны эти группы, играющія на низменныхъ инстинктахъ трусости и подлости, большинство арміи, если не сознаніемъ то чутью, идетъ по пути большинства революціонной демократіи, проявляя большую гражданскую зрѣлость, сознавая свои обязанности по отношенію къ родинѣ и революціи.

Этотъ результатъ въ большой степени надо отнести за счетъ интенсивной дѣятельности выборныхъ солдатскихъ организаций, особенно армейского комитета, ведущихъ неустанную агитацию, пропаганду, и улаживающихъ многочисленные конфликты исключительно силой убѣжденія и своего авторитета. Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ представители солдатскихъ организаций оказываются бессильными. Это почти всегда , когда конфликты создаются, поддерживаются и раздуваются темными силами.

Безответственность и безнаказанность нарушителей дисциплины очень усиливали вліяніе «большевиковъ», позволяя имъ утверждать и доказывать, что власть въ Россіи бессильна и поэтому можно дѣлать все, что угодно.

Дѣйствительность, къ сожалѣнію, ихъ не опровергала ни событиями на фронтѣ, ни событиями въ тылу. Принудительная дисциплина старого режима пала, а новая дисциплина, основанная на сознаніи своего долга, еще не укрѣпилась, не вылилась въ опредѣленная формы. Колебанія же и нерѣшительность центральной власти по отношенію ко всякаго рода дезорганизующимъ революцію группамъ, никоимъ образомъ не могли помочь процессу укрѣпленія революціонной дисциплины, тѣмъ болѣе, что командный составъ послѣ революціи оказался фактически бессильнымъ. Всѣ его распоряженія оставались пустымъ звукомъ, если горсть провокаторовъ или «шкурниковъ» не хотѣла ихъ исполнять. Воздѣйствіе же на нихъ убѣждениемъ, конечно, должно разсматриваться, какъ покушеніе съ негодными средствами.

Тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ эти горсти пускали въ ходъ терроръ по отношенію къ большинству, съ ними несогласному. Угрозы примѣ-

ненія и примѣненіе оружія, ручныхъ бомбъ, являлись слишкомъ сильными средствами противъ пассивнаго большинства и достигали результатовъ, которые были нужны преступному меньшинству.

Это породило даже новую форму дезертирства — въ окопы. Многие сознательные солдаты, не имѣя возможности бороться съ терроромъ меньшинства, желая исполнить свой долгъ, тайкомъ уходили изъ неповинующихъ властямъ частей, несмотря даже на караулы, которые разставлялись иногда для предотвращенія такихъ побѣговъ.

Поэтому на насъ легла прежде всего задача указать и доказать, что свобода не означаетъ еще своеольства всѣхъ и каждого, что революціонная власть большинства народа, представителями которой мы являемся, — есть и что она не потерпитъ анархическихъ, дезорганизующихъ армію выступлений.

И очень часто одного выступленія кого либо изъ насъ, — представителей Исп. Ком. С. Р. и С. Д., съ рѣшительными заявленіями о необходимости неуклонного исполненія приказовъ команднаго состава было достаточно, чтобы сознательное, но пассивное нерѣшительное большинство, рѣзко отмежевалось отъ меньшинства или брало рѣшительный надъ нимъ перевесъ и водворяло порядокъ и дисциплину. Такъ бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда конфликты возникали только на почвѣ малосознательности солдатской массы, ея утомленности трехлѣтней войной и недостатка внутренней дисциплины, неправильномъ пониманіи своего долга.

Совершенно иное дѣло, когда конфликтъ подогрѣвался дѣятелями, прошлое и настоящее которыхъ весьма подозрительно. Всѣ рѣчи, увѣщанія, уговоры не только не достигали цѣли, но наоборотъ — создавали въ толпѣ увѣренность, что ихъ «уговариваютъ» потому, что ничего съ ними не могутъ сдѣлать. Въ такихъ случаяхъ, мы считали и считаемъ необходимымъ не останавливаться въ нужныхъ случаяхъ передъ самыми рѣшительными мѣрами, вплоть до примѣненія силы оружія, какъ бы не оцѣнивала это критика слѣва. Иначе становится невозможной сколько нибудь действительная борьба съ разложениемъ арміи и упадкомъ ея боеспособности.

Боевать съ помощью однихъ только уговоровъ и увѣщаній немыслимо.

Описаніемъ фактической стороны конфликтовъ, въ разрѣшеніи которыхъ мы принимали участіе, выясняется правильность вышеприведенныхъ общихъ соображеній и выводовъ.

Первое наше выступленіе было въ 20 пѣхотной дивизіи, стоявшей на

позиції на пассивномъ участкѣ. Два полка дивизії были въ окопахъ, а 2 — въ ближайшемъ резервѣ, причемъ полки находились въ окопахъ посмѣнно. При подготовкѣ къ активнымъ операциямъ, дивизію потребовалось перемѣстить на другой пассивный участокъ фронта, верстъ на 20 съвернѣе. Начавшееся давно въ дивизії броженіе вылилось въ отказъ дивизії исполнить этотъ приказъ. Усилія Армейского Комитета понудить дивизію выполнить этотъ приказъ оказались безрезультатными...

11-го іюня, мы оба отправились въ 20 дивизію. Первымъ посѣтили 77-й Тенгинскій полкъ, который встрѣтилъ насъ, выстроившись по-ротно, во главѣ съ офицерами. Поздоровавшись съ полкомъ, мы устроили митингъ, на которомъ намъ удалось повліять на полкъ, дать перевѣсь благоразумному большинству. Два батальона и всѣ команды полка рѣшили выполнять всѣ приказы командного состава и черезъ 2 часа выступили съ музыкой къ мѣсту назначенія, несмотря на начавшійся дождь. Со стороны оставшагося 1-го батальона были угрозы силой оружія помѣшать полку выполнить приказъ, но пулеметная команда демонстративно выступила съ приготовленными къ бою пулеметами — и никакого столкновенія не произошло. До настоящаго времени 77-й Тенгинскій полкъ остается вѣрнымъ своему рѣшенію и сохраняетъ хорошее, бодрое настроеніе, которое сильно повысилось послѣ привѣтствія полка Исполнит. Ком. С. Р. и С. Д., сдѣланнаго по докладу комиссара И. КИРЕНКО, послѣ принятаго полкомъ рѣшенія.

Послѣ выступленія въ 77 Тенгинскомъ полку, мы побѣхали въ 78 Навагинскій полкъ, который встрѣтилъ насъ очень холодно, почти враждебно. Наши рѣчи слушались неохотно, прерывались возгласами «довольно», «долой», «слышали» и т. д. За позднимъ временемъ окончаніе митинга было перенесено на утро слѣдующаго дня. На этотъ митингъ явились свободные солдаты и другихъ полковъ дивизії. Выступавшіе противъ насъ ораторы рѣшительно заявляли, что они противъ наступленія, а такъ какъ передвиженіе дивизії способствуетъ наступленію, то дивизія исполнять приказъ не должна. Говорилось, что мы съ Германіей никогда не справимся, поэтому не надо новыхъ жертвъ, а надо немедленно заключить миръ какой угодно цѣною. Говорилось, что пусть воюютъ буржуи, которымъ нужна война, а пролетарій воевать больше не будетъ, такъ какъ если ихъ перебьютъ, то буржуи восторжествуютъ. Говорилось, что пусть правительство сначала опубликуетъ тайные договоры, пусть сначала соберется стокгольмская конференція и только послѣ этого можно вести наступленіе. Словомъ, го-

ворилось все то, чѣмъ богаты страницы «Правды», но только еще въ болѣе сгущенныхъ тонахъ, безграмотно, съ прибавленіемъ всяческой отсебятины. Однимъ изъ такихъ ораторовъ былъ, какъ мы потомъ узнали, отбывавшій каторгу за какое то уголовное дѣло разжалованный офицеръ, служащей теперь солдатомъ. Другой ораторъ-офицеръ былъ исключенъ судомъ чести изъ общества офицеровъ за мордобой.

Нужно отмѣтить, что дивизія не отказывалась стоять на позиції и съ гордостью говорила, что она будетъ защищать родину, но только не станеть наступать. Объясненіемъ этого служитъ положеніе позиції, занимаемой дивизіей: это одинъ изъ самыхъ спокойныхъ и удобныхъ участковъ фронта. Окопы противника расположены въ $1\frac{1}{2}$ — 2 верстахъ на другомъ берегу трудно переходимой рѣки, части дивизіи расположены въ прекрасномъ сосновомъ лѣсу, въ сухомъ мѣстѣ. Отсюда нѣсколько неожиданное горячее стремленіе, проливать свою кровь за родину, хотя за 8 мѣсяцевъ стоянки дивизіи на этой позиції потери были только отъ болѣзней; ни убитыхъ, ни раненыхъ въ дивизіи не было.

Въ результатѣ митинга на нашъ призывъ, подчиниться всѣмъ приказамъ командного состава, вышла группа всего въ 40-50 человѣкъ, нашедшихъ въ себѣ мужество сдѣлать это, несмотря на грубыя издѣвательства и угрозы. Подавляющее же большинство полка осталось при своихъ руководителяхъ, характеристики нѣкоторыхъ приведены выше. Надо добавить, что отколовшійся 1-й батальонъ 77 Тенгинского полка явился на митингъ съ винтовками, имѣя въ виду расправиться съ нами, но повидимому на это у нихъ не хватило рѣшимости. Съ остальными полками дивизіи 79 Куринскимъ и 80 Кабардинскимъ мы не успѣли переговорить, т. к. необходимо было срочно уѣхать въ ударную группу, начавшую наступленіе.

Эти полки, также какъ 1-й батальонъ 77 Тенгинского и 78-й Навагинской полки отказались отъ исполненія приказа и остались на прежнемъ мѣстѣ. Потомъ они отведены были въ резервъ, гдѣ предполагалось ликвидировать всю эту исторію, которая затянулась вслѣдствіе начала активныхъ операций и необходимости нашего присутствія въ наступающихъ частяхъ въ т. н. ударной группѣ.

Ликвидациоисторіи съ 20 дивизіей пришлось отложить до болѣе благопріятнаго момента, несмотря на всю нежелательность такой оттяжки.

Въ ударной группѣ нась ожидалъ рядъ конфликтовъ, отнявшихъ у насъ большую часть нашего времени и энергіи.

14-го іюня помош. комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО долженъ быль уладить конфліктъ въ 21 Фінляндскомъ стрѣлковомъ полку, который раскололся на двѣ части: 4 $\frac{1}{2}$ роты стояли на позиції, а 7 $\frac{1}{2}$ рота бездѣйствовали въ тылу. Пришлось съѣздить на передовыя позиції въ дер. Августовку переговорить съ ротами, т. к. они не хотѣли объединиться съ оставшимися въ тылу. Послѣ $\frac{1}{2}$ часовой бесѣды эти роты согласились на объединеніе при условіи извѣстной фільтраціі — должны были быть удалены изъ полка нѣкоторые солдаты, дезорганизовавшіе полкъ. Съ этимъ рѣшеніемъ А. М. ЧЕКОТИЛО поѣхалъ къ остальнымъ ротамъ, стоявшимъ въ дер. Цебровѣ, которые были къ его пріѣзду выстроены въ полномъ порядкѣ. Послѣ рѣчи А. М. ЧЕКОТИЛО, роты безпрекословно обязались выполнить всѣ предъявленныя къ нимъ требованія. Около 20 человѣкъ изъ полка были выдѣлены самими ротами и человѣкъ 10 отказались ити куда бы то ни было и исполнять какіе бы то ни было приказы. Всѣ они переданы судебнымъ властямъ. Часть ротъ, согласно отданного имъ приказа, въ тотъ же день выступила на позицію, а остальная—черезъ три дня. Такимъ путемъ было достигнуто восстановленіе 21 Фінляндского стрѣлковаго полка, какъ боевой единицы, геройски выполнившаго затѣмъ свою задачу въ дни наступленія 18, 19 и 23 іюня.

15 іюня мы оба, совмѣстно съ членами армейскаго и фронтового комитетовъ, отправились въ 13 Фінляндскій стрѣлковый полкъ, въ большинствѣ своемъ, отказавшійся отъ выполненія приказаній команднаго состава. Только около 300 человѣкъ изъ полка ушло на позицію, желая исполнить свой долгъ. 13 Фінляндскій стрѣлковый полкъ, между прочимъ, именно тотъ, въ которомъ служилъ извѣстный большевикъ прaporщикъ КРЫЛЕНКО (товарищъ Абрамъ). Полкъ такъ быстро воспринялъ откровенія большевизма, что очень быстро перегналъ въ практическихъ выводахъ своихъ учителей и даже вліяніе КРЫЛЕНКО оказалось бессильнымъ остановить разложеніе полка и убѣдить его подчиняться приказамъ.

Когда мы подѣхали къ расположению полка, то они не пожелали выстроиться по-ротно, какъ мы требовали, а сбились въ беспорядочную кучу. Не доѣзжая примѣрно шаговъ 400 до полка, мы категорически потребовали, чтобы полкъ выстроился, на что дали 10 минутъ сроку, угрожая въ противномъ случаѣ уѣхать. Полкъ требованіе исполнилъ, за исключениемъ кучки вожаковъ, ушедшыхъ совсѣмъ изъ полка и удалившихся въ дер. въ мѣсто стоянки полка. Послѣ рѣчи комиссара И. И. КИРЕНКО, предъявившаго полку требованіе подчиниться волѣ большинства револю-

ціонної демократії, ізъ него виѣлилось около 300 человѣкъ, изъявившихъ безусловное желаніе подчиняться всѣмъ приказамъ команднаго состава. Этихъ товарищѣй, какъ оказалось, раньше не выпускали изъ полка угрозами расправиться съ ними штыками и ручными гранатами. Остальнымъ, около 700 человѣкъ, было также разрѣшено присоединиться къ полку, ввиду выраженного ими, хотя и нѣсколько запоздалаго согласія, выполнять всѣ приказы. Но этого обѣщанія они не выполнили и присоединились черезъ нѣсколько дней къ отказавшемуся повиноваться Гвардії Гренадерскому полку, о которомъ будетъ сказано выше.

Вечеромъ, того же 15 іюня, помощникъ комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО поѣхалъ въ дер. Ерчевцы ликвидировать конфліктъ въ 1-мъ батальонѣ 138 Болховскаго полка, отказавшемся отъ исполненія приказа. Дивизіонный и полковой комитеты, послѣ долгой возни съ этимъ батальономъ, не добившись удовлетворительныхъ результатовъ, обратились за помощью къ намъ. Выяснилось, что остальные полки 35 дивизії, къ которой принадлежить Болховской полкъ, также какъ и остальные 2 батальона полка, очень возмущены исторіей съ 1-мъ батальономъ и настаиваютъ на чисткѣ батальона и преданіи суду виновныхъ въ призываѣ къ неповиновенію. Дивизіонный и полковой комитеты поэтому пришли къ заключенію о необходимости временнаго изолированія батальона и назначенія слѣдствія. Послѣ рѣчи А. М. ЧЕКОТИЛО батальонъ безпрекословно согласился на эти условія, быль отведенъ въ тылъ и тамъ производится слѣдствіе, имѣющее цѣлью выяснить виновныхъ въ призываѣ къ неповиновенію и преданію ихъ суду. По имѣющимся свѣдѣніямъ, батальонъ очень тяготится своей вынужденной бездѣятельностью, когда вся дивизія сражается съ врагомъ и рвется на позицію. На дніяхъ это желаніе батальона будетъ исполнено, т. к. слѣдствіе заканчивается.

Слѣдующимъ конфліктомъ явился отказъ 6-й Гренадерской дивизії двигаться на другой участокъ фронта. Дивизія передвигалась изъ Особ. арміи въ XI-ю и, остановившись въ Кременецѣ, отказалась двигаться дальше, требуя отвода въ резервъ и продолжительного отдыха. Со стороны чиновъ дивизії раздавались угрозы самовольно сѣсть въ поѣздъ и силой принудить везти ихъ, куда имъ хочется. Армейскому комитету удалось убѣдить подчиниться приказу часть одного полка, но остальные не поддавались убѣждению. Понадобилось вмѣшательство комиссара, и въ Кременецъ поѣхалъ И. И. КИРІЕНКО вмѣстѣ съ членомъ Исполн. комитета Юго-Западнаго

фронтъ д-ромъ ГУРЕВИЧЕМЪ. Собравъ полковые комитеты неповинующейся дивизіи, И. И. КИРІЕНКО и тов. ГУРЕВИЧЪ выяснили имъ вообще недопустимость такого поведенія полковъ, а особенно въ тотъ моментъ, когда революціонная армія перешла въ наступленіе, повинуясь волѣ большинства Русскаго Народа. Полковые комитеты согласились съ этимъ и обязались соотвѣтственно воздѣйствовать на полки дивизіи, которые дѣйствительно въ полномъ порядкѣ выступили въ назначенный имъ районъ. Такая легкая и быстрая ликвидација конфликта обусловливалась, главнымъ образомъ, извѣстіями объ успѣхахъ начавшагося наступленія.

Сплошная полоса очень серьезныхъ конфліктовъ ожидала нась въ 1-мъ Гвардейскомъ корпусѣ, сильно зараженномъ «большевизмомъ» самого специфического, шкурнаго оттѣнка. Корпусъ стоялъ въ резервѣ въ Тарнополь и очень неохотно выступилъ, когда понадобилось двинуть его на позицію.

Командный составъ, особенно высшій, представлялъ самыя пессимистичнія оцѣнки боеспособности корпуса и не могъ быть увѣреннымъ ни одну минуту въ исполненіи имъ приказовъ, кроме только одного Измайловскаго полка и отчасти Семеновскаго и Преображенскаго полковъ. Такое состояніе 1-го Гвардейскаго корпуса, естественно озабочивало какъ высшій командный составъ арміи, такъ и нась, ибо въ начавшихся бояхъ, при недостаточности пополненій и отсутствії глубокихъ резервовъ, каждая боевая единица была на счету, а тѣмъ болѣе такая крупная, какъ корпусъ.

Въ Гвардейскій корпусъ направился помощникъ комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО. Однако, вопреки ожиданіямъ команднаго состава корпуса, послѣдній уже выступилъ и слѣдоваль къ мѣстамъ своего назначенія. На другой день А. М. ЧЕКОТИЛО поѣхалъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ былъ очень тепло встрѣченъ. Настроеніе полка не оставляло желать лучшаго: бодрое, увѣренное, сознательное. Въ тотъ же день А. М. ЧЕКОТИЛО имѣлъ бесѣду съ полковымъ комитетомъ Семеновскаго полка, изъ которой выяснилось также очень хорошее, твердое настроеніе всего полка, готоваго ити по первому приказу куда угодно. Далѣе были имъ посыщены Павловскій полкъ, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, положеніе было много хуже, нежели въ предыдущихъ полкахъ: одинъ батальонъ совсѣмъ отказался ити съ полкомъ, два другихъ колебались, и только второй батальонъ рѣшилъ ити по первому зову и участвовать въ бояхъ. Въ моментъ прїезда А. М. ЧЕКОТИЛО въ полкъ, послѣдній однако укладывался и готовился къ выступле-

нию вмѣстѣ съ другими полками корпуса. Тѣмъ не менѣе состоялось краткое совѣщаніе съ предсѣдателемъ полкового комитета и нѣкоторыми изъ его членовъ, на которомъ выяснилось, что полкъ, кромѣ 1-го батальона, готовъ исполнить всѣ приказанія команднаго состава, хотя въ общемъ это настроеніе, кромѣ 2-го батальона, не твердое.

Въ Гренадерскомъ полку ни совѣщанія, ни митинга устроить не удалось, т. к. этотъ ультра-большевистскій полкъ, находившійся подъ исключительнымъ вліяніемъ нѣкоего поручика ДЗЕВАЛТОВСКАГО, не желалъ никого выслушивать. Товарищу А. М. ЧЕКОТИЛО ДЗЕВАЛТОВСКИМЪ было заявлено тоже, что и КЕРЕНСКОМУ: «Мы не нуждаемся ни въ уговорахъ, ни въ совѣтахъ, т. к. хорошо разбираемся во всемъ сами, ибо выписываемъ много газетъ, поэтому можете не тратить напрасно времени».

Понятно, что такое заявленіе, поддержанное большой группой бывшихъ при этомъ гренадеръ, диктовало только рѣшеніе уѣхать дальше, что и было Тов. ЧЕКОТИЛО сдѣлано.

На другой день А. М. ЧЕКОТИЛО долженъ былъ посѣтить Егерскій и Финляндскій полки, но вслѣдствіе дождя автомобиль завязъ въ грязи, время ушло и посѣщеніе полковъ не состоялось.

Черезъ день А. М. ЧЕКОТИЛО посѣтилъ Павловскій полкъ, настроеніе въ которомъ нѣсколько окрѣпло, но все же оставалась неувѣренность въ его прочности, особенно ввиду создавшагося положенія въ Гренадерскомъ полку.

Конфликтъ съ Гренадерскимъ полкомъ явился наиболѣе значительнымъ и яркимъ изъ всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ. Гренадерскій полкъ — это маленький Кронштадтъ со всѣми специфическими особенностями оплотовъ большевизма. Огромнымъ вліяніемъ въ полку пользовался поручикъ ДЗЕВАЛТОВСКІЙ, энергичный человѣкъ, ставшій большевикомъ послѣ поѣздки въ Петроградъ. Полкъ быстро воспринялъ большевистскую окраску и, кромѣ большевистской литературы, не довѣрялъ никакой другой, да и попадала такая въ полкъ рѣдко и въ очень ограниченномъ количествѣ, такъ какъ ДЗЕВАЛТОВСКІЙ и Ко. тщательно старались охранять распропагандированный ими полкъ отъ всякаго иного вліянія.

Настроеніе полка впервые выявилось для насъ при поѣздкѣ КЕРЕНСКАГО, когда онъ посѣтилъ 16-го іюня Гвардейскій корпусъ. Всѣ полки корпуса собирались въ одномъ мѣстѣ и только Гренадерскій полкъ съ большей частью Павловскаго стали отдельно отъ нихъ шагахъ въ 500 , требуя, чтобы КЕ-

РЕНСКІЙ говориль съ ними особо. Голосованіемъ солдатъ корпуса, собравшихся на митингъ, было рѣшено, чтобы эти полки присоединились къ общему собранію, но тѣ остались при своемъ рѣшеніи. И только отдѣльныя группы солдатъ подошли къ митингу съ явнымъ желаніемъ сорвать его: КЕРЕНСКАГО прерывали криками «довольно», «долой» и даже ругательствами, а товаришу И. И. КІРІЕНКО не дали даже закончить свою рѣчь.

По окончаніи митинга, горячо проводившаго любимаго Министра, Гренадеры однако окружили его автомобиль и убѣдили выступить передъ полкомъ. Здѣсь выступилъ руководитель полка ДЗЕВАЛТОВСКІЙ, вызывающе заявившій КЕРЕНСКОМУ: «Мы позвали Васъ не затѣмъ, чтобы выслушивать Ваши рѣчи, краснорѣчіе Ваше намъ извѣстно, но мы не нуждаемся въ уговорахъ или въ рѣчахъ, мы читаемъ много газетъ и хорошо разбираемся во всемъ сами и Васъ мы позвали для того, чтобы вручить нашу резолюцію».

Резолюція эта была составлена по большевистскому трафарету и содержала обычные лозунги недовѣрія Временному Правительству и т. д.

На рядъ вопросовъ КЕРЕНСКІЙ отвѣтилъ весьма удачно и тактично, но проводили его все же весьма недружелюбно, слышались даже ругательства по его адресу. Одного этого было вполнѣ достаточно, чтобы охарактеризовать этотъ полкъ центромъ дезорганизації Гвардейского корпуса даже если бы не было послѣдующихъ фактовъ. А эти факты таковы: когда полки корпуса должны были сдѣлать послѣдній переходъ передъ занятіемъ позицій, то Гренадерскій полкъ отказался слѣдовать дальше и остался въ дер. Даниловце, вызвавъ этимъ массовое возмущеніе въ тѣхъ частяхъ, которыя уже приняли участіе въ бояхъ. Это негодованіе очень усилилось, когда черезъ день послѣ этого Гренадерскій полкъ, по командѣ ДЗЕВАЛТОВСКАГО, самовольно вернулся въ предыдущую свою стоянку, верстъ на 20 въ тылъ въ дер. Хородыще. Всѣ офицеры полка, по распоряженію Командарма, остались и полкъ пошелъ безъ нихъ, при чемъ они должны были сдѣлать это украдкой т. к. иначе имъ угрожали расправой. Чувство возмущенія по адресу Гренадеръ во многихъ частяхъ было такъ велико, что грозило выплыть даже въ форму самосуда. Были части, требовавшія принужденія Гренадеръ къ повиновенію и заявлявшія, что въ противномъ случаѣ они сами это сдѣлаютъ.

Положеніе очень обострилось послѣ присоединенія къ гренадерамъ батальона Павловскаго полка и 700 человѣкъ 13 Финляндскаго стрѣлковаго

полка; кроме того къ гренадерамъ стали присоединяться одиночками и небольшими кучками дезертиры и другихъ полковъ. Гренадеры вели повсюду свою агитацию противъ наступленія и на ст. Езерно дошли до того, что стали глумиться надъ ранеными, которые за это стали гренадеръ избивать. Только вмѣшательство бывшаго неподалеку члена армейскаго комитета спасло гренадеръ отъ смерти.

Нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось арестовать по обвиненію въ подстрекательствѣ къ убийству КЕРЕНСКАГО, призывахъ къ неповиновенію, но всѣ они были освобождены по недостаточности обвинительного материала.

На совѣщаніи съ членами армейскаго и фронтового комитетовъ, а также по соглашенію съ Командармомъ было рѣшено принять противъ Гренадеръ рѣшительныя мѣры, чтобы привести ихъ къ повиновенію и остановить распушущую деморализацию арміи, не останавливаясь даже передъ силой оружія. Чтобы избѣжать возможнаго кровопролитія требовалась сильная вооруженная демонстрація, которая показала бы неповинующимся солдатамъ всю безцѣльность сопротивленія. Для этой цѣли, къ полудню 24 іюня, къ мѣсту стоянки Гренадерь, Павловцевъ и Финляндцевъ была подтянута кавалерійская дивизія, двѣ батареи артиллериі и два броневыхъ автомо-біля. Когда стоянка ихъ была оцѣплена, комиссарь И. И. КИРЕНКО вызвалъ представителей полка и предъявилъ имъ письменный приказъ, выработанный на совѣщаніи:

Выйти безъ оружія въ указанное пункты: желающихъ подчиняться всѣмъ приказамъ команднаго состава и выполнить свой долгъ передъ родиной и революціей — въ одномъ мѣстѣ, всему полковому совѣту — въ другомъ и, наконецъ, отказывающимся отъ повиновенія — въ третьемъ.

Все оружіе и казенное имущество должно было быть оставлено въ полномъ порядкѣ и цѣлости на мѣстѣ стоянки.

Никому изъ желающихъ выполнить приказъ не должно быть оказано никакого противодѣйствія, а тѣмъ болѣе насилия.

На исполненіе этого приказа данъ былъ срокъ въ 2 часа.

По истеченіи этого срока по стоянкѣ долженъ быть открытъ предварительный артиллерийскій огонь съ высокими разрывами.

По истеченіи получаса послѣ открытія предварительного артиллерийскаго огня, въ случаѣ неисполненія приказа, артиллериа должна была перейти на пораженіе при содѣйствіи пулеметнаго и ружейнаго огня,

За 10 минутъ до истеченія срока ,всѣ осажденные Гренадеры, Павловцы и Финляндцы съ оркестромъ музыки во главѣ, подъ звуки марсельезы стройными рядами, безъ оружія вышли на указанное имъ мѣсто. Здѣсь ДЗЕВАЛТОВСКІЙ началь требовать отъ И. И. КИРІЕНКО его документовъ, хотя онъ хорошо зналъ его, такъ же какъ и положеніе И. И. КИРІЕНКО въ армії въ качествѣ комиссара. Но И. И. КИРІЕНКО оборвалъ его и приказалъ немедленно и безпрекословно выполнить требованія приказа, что ДЗЕВАЛТОВСКИМЪ и было сдѣлано.

Весь полковой совѣтъ былъ арестованъ и преданъ суду, тоже было сдѣлано по отношенію къ ряду другихъ чиновъ полка, относительно которыхъ имѣлись данныя для возможности преданія ихъ суду. Въ Гренадерскомъ полку послѣ этой операциіи осталось около 300 человѣкъ солдатъ, которые хотѣли исполнить свой долгъ и удерживались остальными угрозами примѣненія къ нимъ оружія, а также всѣ офицеры. Остальныхъ Гренадеръ, Павловцевъ и Финляндцевъ рѣшено было расформировать по другимъ полкамъ группами по 50 — 70 человѣкъ. Такимъ образомъ была ликвидирована исторія съ Гренадерскимъ полкомъ.

Не успѣли мы еще закончить дѣло съ Гренадерами, какъ на очередь выплылъ вопросъ объ остальныхъ полкахъ Гвардейского корпуса.

Происходившій 23 іюня, по нашей ініціативѣ бой, обнаружилъ большую деморализацію въ полкахъ 2-ї дивизії Гвардейскаго корпуса, особенно Московскому и Финляндскому. Было созвано соединенное засѣданіе всѣхъ ротныхъ и полковыхъ комитетовъ этихъ полковъ, на которое отправился помощникъ комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО. На этомъ собраніи рѣзко выявился полный моральный развалъ полковъ — особенно Московскаго. Оказалось, что полки пошли въ атаку очень хорошо, но такъ какъ они своеевременно съ противникомъ не сближались, то имъ пришлось отъ своихъ до непріятельскихъ окоповъ пробѣжать отъ 1 до 2 верстъ и они выдохлись въ своемъ наступательномъ порывѣ. Наткнувшись же на неразбитую артиллеріей проволоку, состоящую изъ одного ряда низкихъ колѣевъ, полки совсѣмъ растерялись и залегли, несмотря на то, что противникъ бѣжалъ изъ своихъ окоповъ и прекратилъ на 20 минутъ совершенно огонь. Несмотря на всѣ усиленія офицеровъ, солдаты продолжали лежать передъ проволокой, пока не вернулись нѣмцы и почти въ упоръ не стали ихъ разстрѣливать. Полки понесли значительныя потери безъ всякой пользы для дѣла. Эта неудача, постигшая полки 2-ї Гвардейской дивизіи, обусловливалась,

конечно, не только тѣми обстоятельствами на которыхъ указывали солдаты этихъ полковъ. По отзыву компетентныхъ лицъ, такія препятствія были бы пустяками для боеспособныхъ полковъ. Дѣйствительно, на томъ же засѣданіи обнаружились болѣе глубокія и существенные причины неудачи. Главная изъ нихъ—это качество пополненій, приходившихъ изъ Петрограда. Такъ Московскій полкъ пополнялся исключительно городовыми, стражниками и жандармами, которыхъ въ полку оказалось около 150 человѣкъ. Многіе изъ нихъ стали большевиками, отрицающими необходимость наступленія и т. д., другие просто не были обучены, т. к. занятія въ запасномъ батальонѣ по винѣ большевиковъ, были поставлены настолько скверно, что нѣкоторые солдаты не умѣли даже зарядить винтовку, никто не умѣлъ метать ручныя гранаты, никто не умѣлъ рѣзать проволоку. Естественно, что такие солдаты не могли составить боеспособной части, тѣмъ болѣе, что большинство полка ни разу не слыхали пушечного выстрѣла. Къ этому прибавилось еще то, что много старыхъ солдатъ, дисциплинированныхъ, обученныхъ и обстрѣянныхъ было отправлено въ запасный полкъ.

Въ Финляндскомъ и Павловскомъ полкахъ городовыхъ и жандармовъ было сравнительно немного, и здѣсь точно также распущенныя, распространявшимися большевиками пополненія явились элементами дезорганизации, неповиновенія самой низкой шкурности. Сознательные солдаты, весь командный составъ въ одинъ голосъ умоляютъ не посыпать пополненій изъ Петрограда, такъ какъ кромѣ вреда, разложенія и деморализующихъ большевистскихъ идей и лозунговъ эти пополненія ничего не приносятъ.

Въ конечномъ результатѣ засѣданія опредѣлилось полное нежеланіе Московскаго полка воевать, а Финляндскій и Павловскій полки выставляли рядъ условій, при которыхъ они согласятся вести операциі. Въ сущности это надо было разсматривать, какъ благовидный замаскированный отказъ отъ исполненія своего долга.

Характерной для Финляндскаго полка явилась исторія съ арестомъ солдата ВАСИЛЬЕВА, выдававшаго себя за члена Петроградскаго Совѣта Р. и С. Д., хотя и не имѣвшаго въ подтвержденіе этого никакихъ документовъ. ВАСИЛЬЕВЪ типичный «большевикъ» шкурной категоріи. Свою агитацию противъ наступленія онъ подкрѣпилъ и дѣломъ, отказавшись участвовать въ бою 23 июня, но взявшись на себя организацію уборки раненыхъ. Въ моментъ боя ВАСИЛЬЕВЪ отсиживался въ 5 — 6 верстахъ въ тылу, а уборка раненыхъ была имъ такъ преступно небрежно организована,

что много раненныхъ оказалось неподобранными на 2-й и даже на 3-й день послѣ боя, несмотря на полную безпрепятственность это сдѣлать. Съ нашего согласія Командармъ распорядился арестовать ВАСИЛЬЕВА и предать его суду. Въ полку послѣ этого началось броженіе, 11-я рота заявила, что ВАСИЛЬЕВА не выдать; полковой комитетъ послѣ долгихъ и жаркихъ дебатовъ рѣшилъ наконецъ, что ВАСИЛЬЕВЪ долженъ быть арестованъ, но для наблюденія за ходомъ слѣдствія рѣшилъ командировать двухъ солдатъ делегатовъ. Согласились выдать ВАСИЛЬЕВА и 11-я рота, но для его охраны послала 12 человѣкъ. Намъ понадобилось болѣе двухъ часовъ времени, чтобы убѣдить делегатовъ полкового комитета въ законности и необходимости ареста и преданія суду ВАСИЛЬЕВА, виноваго въ тяжеломъ преступленіи. Еще труднѣе было убѣдить ихъ въ неисполнимости ихъ желанія наблюдать за ходомъ слѣдствія, какъ недопустимаго вмѣшательства въ дѣйствія судебнай власти. Однако это удалось сдѣлать и на этомъ исторія съ арестомъ ВАСИЛЬЕВА пока кончилась. Остальные конфликты послѣ первыхъ наступательныхъ операций сводились къ требованіямъ отдыха. Солдаты при этомъ совершенно не ставили передъ собой вопроса — нужно или не нужно наступать, есть ли кѣмъ ихъ смѣнить, какъ это можетъ отразиться на общемъ ходѣ дѣлъ, а просто на просто заявляли: «мы свое дѣло сдѣлали, теперь пусть дѣлаютъ другіе, а намъ нужно отдохнуть, пополнить свои ряды и привести себя въ порядокъ». Эти требованія подкрѣплялись иногда угрозами даже уйти съ позиціи, не дожидаясь смѣны. А 4-я Финляндская дивизія (13, 14, 15 и 16 полки) эту угрозу привела въ исполненіе, вслѣдствіе чего пришлось растягивать для закрытія этой дыры на фронтѣ сосѣднія части, двинуть изъ резерва Чехо-Словацкую бригаду, понесшую большія потери въ бояхъ 18 и 19 іюня.

Считаемъ своимъ долгомъ отмѣтить беззавѣтный героизмъ Чехо-Словаковъ, дравшихся, какъ львы, вынесшихъ на себѣ главную тяжесть боя при занятіи сильно укрѣпленной австрійцами высоты «Могила» и взявшихъ болѣе 3000 пленныхъ и 15 орудій.

Нѣкоторыя изъ частей, требовавшихъ отвода въ тылъ, имѣли для этого всѣ основанія. Такъ напримѣръ 151 пѣхотная дивизія, доблестно участвовавшая въ бояхъ 18, 19 и 23 іюня, потеряла выбившими изъ строя до 70% своего состава, а въ нѣкоторыхъ ротахъ осталось 10-15 штыковъ. Конечно такую дивизію необходимо было сохранить, т. к. доводить ее до полной потери боеспособности и истощенія кадровъ являлось бы крайне нецѣль-

сообразнымъ. Эта дивизія немедленно была сънена послѣ сообщенія Командарму помощникомъ комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО дѣйствительного положенія дивизіи.

Точно также б Финляндская стрѣлковая дивизія, послѣ боевъ 18 — 19 іюня, въ которыхъ она геройски выполнила свою задачу, потеряла въ общемъ болѣе 50% своего состава и настоятельно требовала отвода ея въ тыль на отдыхъ и для пополненія.

Однако на фронтѣ создалось такое положеніе, что удовлетворить подобныя требованія можно было только цѣною отказа отъ активныхъ операций и предоставлениемъ инициативы противнику. Такъ, 82 пехотная дивизія, при удовлетвореніи требованія б Финляндской, оставалась бы безъ всяких резервовъ, что разумѣется лишало ее оперативной свободы. Помощнику комиссара А. М. ЧЕКОТИЛО пришлось Ѳхать въ эту дивизію съ задачей убѣдить отказаться отъ этого требованія, хотя на нѣсколько ближайшихъ дней. Предъявлять къ дивизіи требованіе было невозможно, какъ по неимѣнію средствъ принудить ее исполнить требованіе въ случаѣ отказа съ ея стороны, такъ и потому, что дивизія дѣйствительно нуждалась въ отводѣ въ тыль, для нѣкотораго, хотя бы кратковременного отдыха и пополненія. А. М. ЧЕКОТИЛО такъ и подошелъ къ вопросу и, когда бесѣдоваль съ полками онъ заявилъ имъ прямо: «мы отъ Васъ ничего не требуемъ, такъ какъ Вамъ безусловно нужно дать отдыхъ, но положеніе сейчасъ такое, что Васъ некѣмъ замѣнить. Вашъ уходъ явится большими ударомъ для хода операций. Поэтому именемъ Временного Правительства и С. Р. и С. Д. прошу Васъ остаться на чѣстѣ». 21 и 22 Финляндскіе стрѣлковые полки единогласно согласились на это. Изъ 23-го полка, понесшаго большія потери (болѣе 60%) согласилось около $\frac{1}{4}$. И только 24 полкъ категорически отказался отъ поддержки товарищѣй. Нѣкоторымъ оправданіемъ ему можетъ служить лишь то обстоятельство, что полкъ потерялъ около 70% своего состава и лучшіе элементы полка были выбиты въ бояхъ 18-19 іюня, вслѣдствіе чего шкурники оказались въ большинствѣ, тогда какъ до боевъ они не имѣли значенія и полкъ считался по праву лучшимъ въ дивизіи.

Требовали отдыха также 2-я Финляндская, 152, 35, 2 Гвардейская дивизіи, словомъ большая часть войскъ ударной группы. Весьма значительную роль въ этомъ процессѣ тяготѣнія въ тыль сыграла непрекращавшаяся ни на минуту большевистская агитация, разрушавшая и безъ того слабую, почти призрачную дисциплину и сознаніе своего долга.

Во всѣхъ этихъ конфликтахъ, также какъ и въ тѣхъ, которые улаживались членами армейского комитета, бросалось въ глаза прежде всего невозможное положеніе офицерскаго состава, безсильнаго, непризнаваемаго солдатами, третиуемаго ими и лишенаго возможности реализовать свои полномочія. При большой отвѣтственности, офицерство оказалось лишеннымъ правъ не только командныхъ, но зачастую и многихъ гражданскихъ, какъ напр. свободы слова. Всякій призывъ съ ихъ стороны къ солдатамъ къ исполненію своихъ обязанностей, вообще все, что шло въ разрѣзъ съ инстинктами и пожеланіями шкурныхъ элементовъ арміи, встрѣчается послѣдними рѣзко враждебно, причемъ нерѣдко раздавались угрозы расправы оружиемъ. И это были не пустыя угрозы. Такое положеніе сильно затрудняло вообще созданіе новой революціонной дисциплины и исключало возможность имѣть въ арміи тотъ сложный и правильно дѣйствующій механизмъ, какимъ она должна являться. Но стоило кому либо изъ офицеровъ принять большевистскую окраску или просто потакать шкурникамъ, что бы онъ быстро дѣлался вождемъ массы. Но только до первого противорѣчія ей. Достаточно такому вождю призывать солдатъ къ исполненію долга, хотя бы въ исключительномъ случаѣ, чтобы по его адресу вообще посыпались самые рѣзкіе упреки, обвиненія въ продажности (съ легкой руки «большевиковъ», обвиняющихъ министровъ-соціалистовъ и С. Р. и С. Д. въ подкупности, этотъ способъ опорачиванія своихъ противниковъ очень привился въ арміи).

Конечно, не вездѣ къ офицерамъ такое отношеніе, но во всякомъ случаѣ оно господствующее. Послѣ боевъ 18 — 19 и 23 іюня оно немного улучшилось, т. к. офицеры съ легендарной отвагой шли впереди солдатъ, подавая примѣръ храбрости и неустранимости и этимъ заставили относиться солдатъ къ нимъ съ большимъ уваженіемъ. Но это мало измѣнило общее незавидное положеніе офицерства въ арміи.

При разрѣшеніи описанныхъ конфликтовъ, мы попутно выполняли и общеполитическую работу, направленную на поднятіе сознательности массъ, пробужденія въ нихъ чувства гражданственности и пониманія своего долга передъ революціей, необходимости наступленія; наша работа въ этомъ направленіи совпадала и согласовалась съ дѣятельностью выборныхъ солдатскихъ организацій, изъ которыхъ особенно значительную работу выполнилъ армейскій комитетъ.

Въ результатѣ этой работы, въ арміи, къ началу наступленія, создалось въ общемъ удовлетворительное, можно сказать, даже хорошее настроеніе.

Дезорганизующіе армію элементы встрѣтили достаточно сильное противодѣйствіе и почти всѣ части войскъ, участвовавшія въ наступленіи 18—19 іюня, шли въ бой съ энтузіазомъ. Помимо ряда выступленій съ рѣчами въ полкахъ, нами, совмѣстно съ комиссаріатомъ 7-ї арміи и тов. СТАНКЕВИЧЕМЪ было выпущено передъ началомъ наступленія воззваніе.

Передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій фронтовой и армейской комитеты и delegація черноморцевъ послали своихъ представителей въ полки ударной группы съ цѣлью ободрить войска, подтвердить своимъ участіемъ въ бояхъ необходимость и цѣлесообразность наступленія, а также являться примѣромъ мужества, сознательного исполненія долга и подчиненія боевымъ приказамъ команднаго состава. Эти представители сыграли очень большую роль въ происшедшыхъ бояхъ, причемъ три члена армейского комитета были убиты, два члена армейского комитета и нѣсколько черноморцевъ были ранены. Мы съ своей стороны вмѣстѣ съ тов. СТАНКЕВИЧЕМЪ обходили передъ боемъ окопы и передавали солдатамъ привѣтствіе отъ имени Исп. Ком. С. Р. и С. Д. и во время боя находились на наблюдательныхъ пунктахъ.

Удача наступленія 18—19 іюня сильно подорвала вліяніе «большевистской» агитациі. Но, къ сожалѣнію, не надолго.

Порывъ воодушевленія, поддержаній удачей, началъ постепенно угасать, подтачиваемый, съ одной стороны, агитацией темныхъ элементовъ арміи, выступающихъ подъ фирмой большевизма, а съ другой — сознаніемъ массы своей безответственности и безнаказанности. Неудивительно поэтому, что дезорганизаторская теченія не умерли и вновь подняли голову. Малоуспѣшный въ общемъ, по винѣ главнымъ образомъ гвардіи, бой 23 іюня, даль сильный толчекъ въ этомъ направленіи, деморализовалъ рядъ полковъ и подорвавъ, съ такимъ трудомъ налаживавшееся, довѣріе къ командному составу.

Стало несомнѣннымъ, что поддерживать дисциплину и порядокъ въ арміи одними лишь мѣрами нравственного воздѣйствія невозможно.

Конечно, нельзя сказать, что въ солдатской массѣ нѣть вовсе правового сознанія, нѣть пониманія своихъ обязанностей, чувства отвѣтственности. Одна возможность наступленія и сохраненія въ цѣлости арміи послѣ переворота доказываютъ противное. Все это есть, но находится въ состояніи

неустойчиваго равновѣсія. Новыя правовыя отношенія не выкристаллизовались въ юридическихъ и судебныхъ нормахъ, не вошли въ сознаніе массъ конкретно. *Масса не знаетъ что можно и что нельзя и въ понятіи очень многихъ ея представителей, свобода часто смыкается съ полнымъ своеобразствомъ.* Этимъ объясняется большинство непорядковъ въ арміи.

Одной изъ основныхъ настоительнѣйшихъ задачъ текущаго момента — *выясненіе и укрѣпленіе въ солдатскихъ массахъ идей права и законности.* Революціонная власть должна проявляться во всѣхъ областяхъ солдатской жизни, нормировать и опредѣлять общественно-политическая ея стороны, а не отсутствовать, предоставляемъ массу самое себѣ или демагогамъ, провокаторамъ, шкурникамъ и германскимъ агентамъ, творящимъ дѣло разрушения арміи.

Организація ротныхъ, полковыхъ, корпусныхъ и военно-окружныхъ судовъ стоятъ на очериди дня, какъ безотлагательная задача; къ фактическому проведенію ея въ жизнь и направляются наши усиія. Этотъ вопросъ былъ вынесенъ комиссаромъ И. И. КИРЕНКО и нѣкоторыми членами фронтового комитета на собраніи, состоявшемся въ концѣ іюня въ Каменецѣ-Подольскѣ. Фронтовый комитетъ рѣшилъ принять самыя энергичныя мѣры къ скорѣйшей организаціи судовъ и разъясненію солдатамъ ихъ правъ, обязанностей и отвѣтственности.

Въ арміи приходится слышать очень много нареканій на систему полковыхъ и ротныхъ судовъ. Страшить название «дисциплинарный», указываетъ на большую роль, отведенную въ этихъ судахъ офицерамъ, и т. д. Недостатки судовъ извѣстны, — полагаемъ, что Всероссійскій Съездъ С. Р. и С. Д. достаточно полно ихъ освѣтилъ и, надо думать, что уставъ о нихъ будетъ надлежащимъ образомъ исправленъ. Ссылаясь же на эти недостатки, солдатская организація не находять возможнымъ вводить ротные и полковые суды, опасаясь сильной оппозиціи со стороны массъ, и армія остается совершенно безъ судовъ. Мы полагаемъ, что эта ссылка неосновательна, что подъ оппозиціей массъ скрывается «большевистская» непріязнь ко вся кому вообще суду, нежеланіе вообще нести отвѣтственность за свои поступки и правонарушенія. Эту боязнь необходимо преодолѣть и ввести въ жизнь идеи права и законности, заставить солдатскую массу воспринять опредѣленную систему правъ и обязанностей передъ родиной.

Особенно большое значеніе въ этомъ отношеніи могутъ имѣть корпусные и военно-окружные суды, вѣдѣнію которыхъ будутъ подлежать всѣ наиболѣе

значительные проступки противъ дисциплины. Дѣло борьбы съ анархіей, дезорганизаціей будетъ поставлено на прочную почву лишь тогда, когда оно будетъ систематическимъ и опирающимся на постоянно дѣйствующій институтъ судебной власти. Принимаемыя комиссарами и солдатскими организаціями мѣры въ видѣ расформированія частей и арестовъ лицъ, неисполняющихъ приказанія, являются въ сущности, полумѣрами. Правда, онъ производятъ сильныя впечатлѣнія, какъ на тѣ части, къ которымъ примѣняются эти мѣры, такъ и на окружающихъ, — въ арміи укрѣпляются идеи дисциплины и права.*.) Но такія мѣры примѣняются лишь въ исключительныхъ случаяхъ, менѣ же значительные факты нарушенія дисциплины сплошь и рядомъ остаются безнаказанными и даже часто незамѣченными. Необходимо, чтобы такія мѣры, оставаясь чрезвычайными, только для исключительныхъ моментовъ, дополнялись правильно и постоянно дѣйствующимъ институтомъ суда.

Въ жизни армій и дѣятельности солдатскихъ организацій необходимо отмѣтить еще одну весьма существенную особенность — это оторванность, какъ солдатскихъ массъ, такъ и ея выборныхъ организацій отъ Всероссійскихъ Съездовъ Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ. Къ голосу ихъ прислушиваются, съ постановленіями ихъ считаются, авторитетъ ихъ великъ. Но нѣть сознанія чувства, что это — ихъ собственные органы, что они съ этими органами крѣпко связаны. Сплошь и рядомъ очень важные вопросы обсуждаются и рѣшаются совершенно независимо отъ рѣшеній совѣтовъ. Такая оторванность отъ Всероссійскихъ органовъ революціонной демократіи, обусловливается, съ одной стороны, общей нашей отсталостью и непривычкой къ общественной жизни. а съ другой — инертностью самихъ совѣтовъ и беззаботностью насчетъ упроченія и усиленія своего вліянія. Армія наводнена «Правдами» всѣхъ видовъ, тогда какъ «Ізвѣстія С. Р. и С. Д.», «Голосъ Солдата», такъ же какъ и «Ізвѣстія Кр. Д.» можно найти съ большимъ трудомъ даже въ такихъ значительныхъ тыловыхъ центрахъ, какъ Тарнополь, Вишневецъ, Кременецъ. Агитаторовъ большевиковъ въ арміи туча, тогда какъ представители Совѣтовъ являются здѣсь очень рѣдкими голосами. Естественно, что солдаты не знаютъ, не слышать голоса Совѣтовъ, что любому демагогу такъ легко извратить его въ своихъ

*.) Такъ въ дѣлѣ ликвидации конфликтовъ въ XI арміи несомнѣнно очень благопріятно отразились произведенія комиссаромъ 7 арміи Савинковымъ расформированій частей войскъ, отказавшихся отъ повиновенія.

Прапорщик Крыленко (тов. Абрамъ)
(по сов. юбил., фотогр. 1917-18 гг.)

Бывший поручикъ Л.-Гв. Гренад. полка Даевалтовскій.

Офицеры до митинга.

... Во всѣхъ конфликтахъ бросалось въ глаза прежде всего невозможное положеніе офицерскаго состава, безсильнаго, непризнаваемаго солдатами третиуемаго ими и лишенаго возможности реализовать свои полномочія. При большой отвѣтственности, офицерство оказалось лишеннымъ правъ не только командныхъ, но зачастую и многихъ гражданскихъ...

Офицеры во время митинга, на которомъ солдаты призывались къ недовѣрью имъ — (старымъ слугамъ царскаго режима и пръпѣшникамъ буржуазіи).

Къ ст. „А. Керенскій въ армії ген. Деникина“.

... Нервное, измученное, сбривато-желтое, без признаковъ какой бы ни было растительности лица, мутные глаза... таково было первое впечатлѣніе произведеніе «премьеромъ»...

... Обходъ кончился... далеко растянувшаяся свита начала подтягиваться»...

Къ ст. ...А. Керенскій въ армії ген. Деникина".
Къ оружю—Граждане!

(Le Rire)

Керенскій—душа русской революціи.

(По замыслу франц. худ. К. Ленарда—это не карикатура, но плакать. Тѣмъ не менѣе, жизнь сдѣлала изъ него злую карикатуру).

„Среди непосредственно слѣдующихъ за Керенскимъ, общее вниманіе привлекала сумрачная фигура генерала съ двумя Георгіевскими крестами“...

„Товарищи, взгляните на это красное знамя“!...

цѣляхъ и даже прикрыться ихъ авторитетомъ. Понятно само собою, насколько такое положеніе способствуетъ росту въ арміи дезорганизаторскихъ теченій и затрудняетъ борьбу съ ними. Необходимо принять самыя энергичныя мѣры къ наиболѣе широкому и полному распространенію идей и взглядаў С. Р. и С. Д., ихъ постановленій. Необходимо затопить армію «Ізвѣстіями», «Голосомъ Солдата» и вообще всей той литературой, которая отражаетъ взгляды Совѣтовъ по вопросамъ момента, по основнымъ вопросамъ революціи. Необходимо направить въ армію тучу агитаторовъ и особенное вниманіе обратить на запасные полки и батальоны, посылающіе въ армію пополненія. Въ этомъ вопросѣ ни передъ трудностями, ни передъ затратами останавливаться нельзя.

По нашему почину и по почину фронтового комитета дѣлаются попытки помочь этому горю, но они не дали пока, къ сожалѣнію, осознательныхъ результатовъ, такъ какъ нѣтъ возможности посвятить этому дѣлу достаточно силъ, времени и средствъ. Обязанность иногородняго отдѣла — поставить массовую доставку литературы на должную высоту. Цѣлесообразно было бы для этого воспользоваться въ районѣ армії Юго-Западнаго фронта средствами транспорта «Кievской Мысли», поставленного этой газетой превосходно: она всюду и вездѣ въ арміи. Соглашеніе здѣсь вполнѣ возможно.

Фронтовый и армейскій комитеты издають свои газеты. Онѣ небольшого формата, выходятъ въ небольшихъ количествахъ и не пользуются большимъ вліяніемъ. Замѣнить Петроградскія газеты онѣ, конечно, не могутъ.

Кромѣ периодическихъ изданій солдатская масса нуждается вообще въ литературѣ, не только политического содержанія, но и беллетристической.

Для солдатъ, побывавшихъ въ бою и ушедшихъ въ тыль на отдыихъ, предполагается устроить лекціи, спектакли, кинематографическіе сеансы и проч. разумныя развлеченія. Считаемъ, что такія мѣропріятія благотворно должны дѣйствовать на психику и настроеніе солдатъ. Но недостатокъ культурныхъ силъ мѣшаетъ широко поставить это дѣло. Безъ помощи Иногородняго отдѣла и здѣсь трудно расчитывать на успѣхъ. Вообще необходимо Иногороднему отдѣлу самымъ широкимъ образомъ прийти на помощь арміи, хотя бы въ тѣхъ областяхъ, которыя нами отмѣчены.

Насколько же мало въ этомъ отношеніи имъ дѣлается видно хотя бы изъ того, что мы оказались совершенно оторванными отъ Петрограда. Ни одинъ циркуляръ, ни одинъ приказъ, ни одно распоряженіе Временнаго Правительства, ни одно постановленіе Всероссійскаго Съезда С. Р. и С. Д.

намъ не сообщалось. Обо всемъ мы узнавали только изъ газетъ, причемъ недѣлями мы не имѣли возможности достать Извѣстія С. Р. и С. Д. А вѣдь мы являемся представителями Совѣта.

Въ заключеніе необходимо указать на крайне недостаточный количественный составъ комиссариата въ XI -й арміи: насъ всего двое. Третій помощникъ комиссара Л. И. ЮРОВСКІЙ почему то не прибылъ. Между тѣмъ XI-я армія очень велика по объему, занимаетъ по фронту около 150 верстъ и сильно заражена большевизмомъ самаго сквернаго качества. Работы здѣсь неизмѣримое количество и очень было бы нужно усилить комиссариатъ XI-й арміи еще хотя бы 2—3 помощниками. Здѣсь ихъ вербовать не удается.

Комиссаръ XI-й арміи И. КИРЕНКО.

Помощникъ комиссара XI-й арміи А. ЧЕКОТИЛО

А. КЕРЕНСКИЙ ВЪ АРМИИ ГЕНЕР. ДЕНИКИНА.

ХХ-й к-съ.

По широкой песчано-пыльной дорогѣ, пролегающей по невысокимъ холмамъ и небольшимъ перелѣскамъ, — тянется длинная сѣрая лента сѣрыхъ людей... за ней въ разстояніи около полуверсты видна вторая... еще далѣе — третья... — Это полки * * пѣх. дивизіи идутъ на смотръ и очередное «уговаривание», которое назначено сегодня для нихъ по расписанію изъ Петрограда.

Іюльское солнце, казалось, рѣшило сжечь все живое на землѣ... На фронтѣ тяжело бухаетъ артиллерія... Далеко, далеко на горизонтѣ виднѣется рядъ нашихъ и нѣмецкихъ «колбасъ» — послѣдніе, несмотря на дальность разстоянія, съумѣли высмотретьъ движущіяся сѣрыя массы и, повидимому, сообщить куда слѣдуетъ, о чёмъ своевременно извѣстили насъ хлесткіе выстрѣлы противо-аэропланныхъ батарей, встрѣчающихъ непрошенного нѣмецкаго гостя — движущіяся колонны прижались къ лѣсистой сторонѣ дороги.

Второй часъ... Солдаты, находившіеся въ пути уже болѣе двухъ часовъ, устали ишли неохотно; порою какой нибудь озорникъ кричалъ «стой» и уставшіе солдаты моментально бросались на землю — новое движеніе встрѣчалось враждебно и съ ругательствами; порой изъ колонны отдѣлялись группы въ пять, десять и болѣе человѣкъ, уходили въ лѣсъ и болѣе не возвращались; тамъ, въ тѣнистой прохладной глубинѣ, одни изъ нихъ зарывались въ мягкую бархатную зелень травы и, сразу избавившись отъ всякихъ походовъ и смотровъ, засыпали богатырскимъ сномъ; другіе, — въ комъ страсть къ бродяжеству брала верхъ надъ усталостью, отправлялись на поиски ягодъ, грибовъ, какихъ то вкусныхъ лѣсныхъ корешковъ, а то и просто слонялись безъ толку въ лѣсной гуще...

Далеко впереди, въ клубахъ пыли, навстрѣчу идущей колоннѣ показался штабной автомобиль... «Товарищи, не давать дороги!» — несутся изъ рядовъ крики и, сомкнувшись плечомъ къ плечу, колонна шла вызывающе

дерзкой сплошной массой. Тщетно шофферъ подавалъ тревожные гудки, тщетно оглядывался во всѣ стороны—ища куда бы свернуть: солдаты дороги не уступали, глубокіе канавы и вырубленный лѣсъ по обѣимъ сторонамъ пути грозили катастрофой. Тогда съ рѣшимостью отчаянья, увеличивъ скорость до крайняго предѣла, шофферъ направилъ автомобиль прямо въ середину колонны: расчетъ былъ вполнѣ правильный — масса дрогнула и, какъ бы разрѣзанная невидимой рукой, раскололась на двѣ части. Какъ стрѣла влетѣль автомобиль въ образовавшійся проходъ и мелькнувъ въ глазахъ испуганныхъ солдатъ, понесся дальше, сопровождаемый свистомъ, гиканьемъ, бѣшеннымъ улюлюканьемъ и дикими ругательствами; изъ хвоста колонны раздался одиночный выстрѣлъ, но автомобиль былъ уже далеко...

Вскрѣ снова раздались крики «стой» и колонна опять остановилась: въ центрѣ ея замѣтно было какое то движеніе, суeta, шумъ и крики; инстинктивно всѣ направились туда и образовали сплошную, любопытную и чего то ожидающую толпу... А изъ центра колонны, съ импровизированной трибуны: высокаго пня,—браваго вида унтеръ офицеръ держаль уже рѣчъ: «товарищи никакого Керенского не будетъ, онъ сейчасъ въ Петроградѣ на засѣданіи; это просто начальство нашло подходящаго подъ Керенскаго, чтобы заставить насъ наступать и чтобы нашу демократію нѣмцы побили какт можно больше; пусть намъ начальство покажеть телеграмму за собственной подписью Керенскаго, что онъ ёдетъ — тогда мы пойдемъ на него посмотретьъ и поговорить» и т. д....

Толпа заволновалась: «а вотъ мы посмотримъ. — ежели Керенскаго не будетъ, тогда...»

«Плохо будетъ тогда»,—подумалъ я, глядя на эти угрюмыя озлобленныя лица, — «если Керенскій отложитъ свой прѣздѣлъ или совсѣмъ не прїѣдетъ».

Бросились комитеты, бросились офицеры, кое какъ наладили порядокъ и колонна, во образѣ безпорядочной толпы, двинулась дальше...

На большой прогалинѣ густого лѣса стоять, сидѣть, ходить и лежать группы вооруженныхъ солдатъ; нѣкоторые изъ нихъ взобрались на высокія сосны, чтобы лучше наблюдать картину «парада».

Трудно, почти невозможно, водворить здѣсь какой нибудь порядокъ и напрасно «командующій парадомъ» генералъ Э-ль пытается это слѣдить, бѣгая по заколдованныму четыреугольнику: едва только выравнивалась одна сторона, какъ остальная три представляли собою уже хаосъ; генераль

бросался со всѣхъ ногъ туда — моментально расползлась во всѣ стороны первая... Бѣдный старикъ охрипъ и шатался отъ усталости, но старая военная привычка: «не ударить лицомъ въ грязь» заставляла его вновь бѣгать, и кричать, и приказывать, и просить, и даже, для большей убѣдительности, называть солдатъ: «товарищи»; послѣ этого, обыкновенно, онъ тихо бормоталь еще какихъ то два-три таинственныхъ слова...

А тутъ новое осложненіе: уже второй часъ — въ три часа пріѣдетъ Керенскій, а еще нѣть трехъ полковъ...

Между тѣмъ начали прибывать многочисленныя delegaciі — каждая изъ нихъ хотѣла привѣтствовать «военмина» въ первую очередь, и каждая претендовала въ этомъ смыслѣ на лучшее мѣсто, и всѣ они окружили генерала, и всѣ одновременно спрашивали, гдѣ и когда удобнѣе выступить съ привѣтствиемъ, и что имъ дѣлать въ томъ или иномъ положеніи парада, и какъ каждому изъ нихъ держать себя въ этомъ случаѣ — генералъ въ отчаянны махнулъ рукой: «размѣщайте Вы ихъ», обратился онъ къ начальнику штаба — «а съ меня довольно и товарищей солдатъ».

На общемъ фонѣ этого хаоса, отрадную картину представлялъ собою батальонъ смерти, подошедшій въполномъ порядкѣ и стройными рядами остановившійся среди сидящихъ и лежащихъ солдатъ.

Гдѣ то далеко послышался какой то неясный гулъ, вскорѣ раздались громкіе голоса, сильный трескъ сучьевъ и, наконецъ, показались головы запоздалыхъ полковъ...

Генералъ вновь принялъся за водвореніе порядка...

Два часа — «военнаго министра» еще нѣть... Еще полчаса проходить въ томительномъ ожиданіи и... наконецъ, послышался давно желанный шумъ мотора . Солдаты насторожились, раздалась команда — «стать въ порядокъ» и, къ моменту подхода автомобиля, порядокъ, повидимому, былъ восстановленъ.

Но въ автомобилѣ оказался... командиръ корпуса. Это былъ типичный «перекрасившійся» генералъ, блестящій кандидатъ въ «революціонные генералы», одинъ изъ тѣхъ — кои , потерявъ «твердый курсъ», начали вѣрить съ солдатами и лебезить передъ различными революціонными представителями; къ офицерамъ они относились попрежнему строго и свысока и любили читать имъ нравоученія, особенно въ присутствії солдатъ: «надо господа воспринять духовно смыслъ революціи... чѣмъ и безъ того ухудшили тяжелое положеніе офицерскаго состава.

Будучи при царскомъ правительствѣ за что то (а можетъ быть и ни за что — раньше вѣдь и это бывало) отчисленъ въ резервъ, генералъ этотъ болѣе года не получаль никакихъ назначеній; революція застала его не у дѣль, тогда приди къ убѣжденію, что прежняго бояться нечего, ибо къ прежнему, повидимому, возврата нѣть, онъ выступилъ съ нелѣпымъ проектомъ обогащенія страны путемъ пропорціонального вознагражденія за все время войны демобилизованныхъ солдатъ, что и было имъ изложено въ весьма и весьма почтительной формѣ въ письмѣ къ Керенскому («Высокопочтаемый, Всеславнѣйший и Достоуважаемый Александръ Федоровичъ»... — такъ начиналось это письмо).

Проектъ не быть принятъ и страна не обогатилась, но о генералѣ вспомнили, какъ о жертвѣ старого режима, и дали ему... корпусъ.

«Парадъ смиро!... равненіе... г. г. офицеры!...»

Молодцевато выскочивъ изъ автомобиля и дѣляй видъ, что все въполномъ порядкѣ и все обстоитъ благополучно, командиръ корпуса принялъ

А. Керенскій въ иностранной карикатурѣ.

Wahre Jacob

Народный Вождь.

Испушеніе.

Stuttgart

Диктаторъ.

рапортъ командующаго парадомъ, громко поздоровался съ солдатами, похвалилъ ихъ за «отличную» стойку и сдѣлалъ попытку обойти фронтъ; но отсутствіе видимости чего нибудь похожаго на фронтъ, недружный переливчатый отвѣтъ на его привѣтствіе и явный беспорядокъ въ тылу, сразу

охладили его пыль и крикнувъ «стоять вольно»—и безъ того довольно вольно стоявшимъ солдатамъ, онъ отошелъ въ сторону съ начальникомъ дивизіи.

Только около четырехъ часовъ вновь раздался шумъ и гудки нѣсколькихъ автомобилей — не было сомнѣній: єдетъ самъ Керенскій.

Картина рѣзко измѣнилась: все задвигалось, засуетилось и черезъдвѣ-три минуты, къ удивленію всѣхъ, какъ будто воцарился порядокъ; но опытный военный глазъ сразу замѣтилъ бы и ломанную линію фронта, и неправильные дистанціи и интервалы, и распущенные пояса съ болтающимися гдѣ то на боку поясными бляхами, и вспыхахъ незастегнутыя рубахи — словомъ все то, что напоминаетъ уже не военный строй, не организованную массу, а... ну хотя бы новобранцевъ, наскоро подученныхъ и наспѣхъ поставленныхъ...

Шумъ автомобилей вскорѣ прекратился; вновь раздалась команда: «смирно», и «слушай на крауль», — черезъ мгновеніе одна изъ ломанныхъ сторонъ прямоугольника зашевелилась, сломалась, затѣмъ раздвинулась и въ образовавшемся проходѣ показался Керенскій, сопровождаемый группой генераловъ и странной, довольно своеобразной, свитой; нѣсколько выше средняго роста, слегка наклонившись впередъ, въ коричневой походной рубахѣ, примятой фуражкѣ, неряшливо повязанныхъ обмоткахъ... Нервное, измученное, сѣровато-желтое, безъ признаковъ какой бы то ни было растительности лицо, мутные глаза и до невозможности торопливая походка — таково было первое впечатлѣніе произведенное «премьеромъ».

Гремятъ оркестры... неумѣло принимаетъ военный министръ рапортъ... глаза солдатъ впиваются въ эту быстро движущуюся группу военныхъ и штатскихъ людей, стараясь разглядѣть — кто же изъ нихъ министръ, но даже и для привычного глаза трудно сразу ориентироваться въ этомъ калейдоскопѣ.

Среди лицъ, непосредственно слѣдующихъ за Керенскимъ, общее вниманіе привлекала сумрачная фигура генерала съ двумя Георгіевскими крестами; сурово нахмуренные брови, черные съ легкой просѣдью усы, остроконечная сѣдая бородка, надѣтая лихо набекрень фуражка и до безукоризненности, правильное держаніе руки «подъ козырекъ» — таковъ былъ виѣшній обликъ генерала.

Въ то время, какъ «свита» сильно растянулась, не поспѣвая за бѣглымъ шагомъ премьера, генералъ ни на шагъ не отставалъ отъ него, хотя было замѣтно, что это не легко ему дается; но не потому что его возрастъ или

силы не позволяли ему это—нѣть: генераль былъ еще слишкомъ бодръ—а потому, что во всей его фигурѣ было то спокойствіе, та уравновѣшеннность и солидность человѣка съ большимъ жизненнымъ опытомъ, вполнѣ понимающаго смыслъ совершающихся событий и отдающаго себѣ въ нихъ отчетъ, которая дѣлали неестественнымъ для него всякия излишне нервныя и торопливыя движенія.

Строгіе глаза изъ-подъ суровыхъ бровей испытующе оглядывали стоявшихъ и сидѣвшихъ солдатъ и... одинъ Богъ знаетъ, что стоило ему пережить и всѣ эти революціонныя события, и этотъ единственный въ своемъ родѣ «парадъ», и многое другое, чему онъ былъ свидѣтелемъ; но ничѣмъ за все время не выдалъ онъ себя и только лишь иногда легкое дрожаніе усовъ, большее или меньшее нахмуриваніе бровей да временами бросаемый изъ подлобья убѣйственно-ироническій взглядъ въ сторону «свиты» — показывали смѣну его настроеній. Это былъ генераль Деникинъ — главнокомандующій западнымъ фронтомъ. «Деникинъ»—шототомъ передавали офицеры корпуса, почти всѣ состоявшіе въ Союзѣ Офицеровъ — «Деникинъ, тотъ который»... и тутъуже вина, въ нѣкоторомъ безпорядкѣ, легла на офицеровъ, старавшихся продвинуться впередъ... Да, это былъ Деникинъ... тотъ, который на съездѣ офицеровъ въ Ставкѣ всколыхнулъ все офицерство своей простой, безыскусственной рѣчью; — одинъ изъ тѣхъ, которые долгъ службы и честь Родины ставятъ выше революціонной карьеры и которые въ самыя тягчайшія минуты совершающихся событий не потеряли «твердаго курса»...

Межу тѣмъ обходъ или вѣрнѣе, бѣгъ по фронту продолжался: «здрасте товарищи, здрасте товарищи»—скороговоркой привѣтствовалъ солдатъ Керенскій и едва только они, послѣ обычной въ этомъ случаѣ паузы—собирались отвѣтить, какъ онъ уже оказывался шагахъ въ десяти впереди — весь ихъ порывъ пропадалъ и вдогонку ему неслись или отдельные выкрики, или же просто отвѣтъ сконфуженно замираль на сердинѣ фразы...

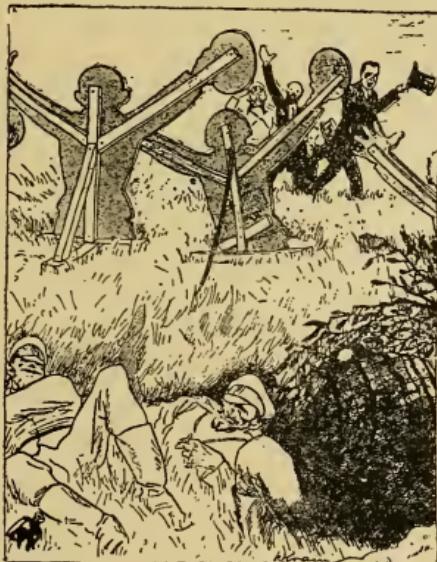
Тамъ гдѣ прошелъ Керенскій—строя уже не было: стояли толпой въ нѣсколько линій, тыль началъ расплазаться, нѣкоторые вновь полѣзли на сосны...

А революціонный министръ торопливо здороваясь и еще болѣе торопливо шагая, заканчивалъ обходъ войскъ: скверныя минуты, повидимому, переживалъ онъ, да и, въ самомъ дѣлѣ,—развѣ это не трагизмъ: быть представителемъ политической партіи, которая не признаетъ ни арміи какъ таковой,

ни разрѣшенія международныхъ вопросовъ силой оружія, т. е. войны и въ тоже время вопреки теоретическимъ ученіямъ этой партіи, вопреки собственнымъ убѣжденіямъ, суровая практика жизни ставитъ его чуть ли не во главѣ этой вооруженной силы, заставляеть его толкать эту силу въ бой и проповѣдывать идею войны, какъ единственное средство разрѣшенія вопроса...

Обходъ кончился... далеко растянувшаяся «свита» начала подтягиваться... Кстати нѣсколько словъ о «свите» — кого здѣсь только не было?... Вотъ подходятъ высокія фигуры генерала Б-го и прапорщика гр. Т-го, за ними

А. Керенскій въ иностранной карикатурѣ

Kladderadatsch

Berlin

Военный энтузиазмъ согласно Потемкину

Агентство Рейтера изъ Петербурга сообщаетъ: Посѣща фронтъ, Керенскій лично убѣждается, что военный энтузиазмъ революціонныхъ войскъ — на должной высотѣ.

торопливо шагаютъ представители иностранныхъ миссий, далѣе — живописная группа красавцевъ «земгусарь», еще далѣе матросы, представители рабочихъ и крестьянъ, студенты съ волнистой шевелюрой и горбатыми носами, нѣсколько учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ, державшихся особенно важно и очень интересовавшихся вопросомъ: будетъ ли послѣ парада церемоніальный маршъ и какъ: съ ружьями «на плечо» или «на руку», — и много много другихъ неопределеннаго вида и типа лицъ...

На поляну выѣзжаетъ автомобиль — это подвижная трибуна министра, изъ которой будутъ нестись слова увѣщаній и уговоровъ; автомобилю дальнѣйшій путь прегражденъ батареей фотографовъ, направившихъ свои аппараты на начальствующихъ лицъ — замѣтивъ ихъ генералъ Деникинъ вплотную прижался къ дереву... раздается характерный щелкъ... конечно, но аппараты вновь заряжены и снова готовы къ бою... Генералъ Деникинъ отходить далеко въ сторону.

Но и это, наконецъ, кончено. Огромный автомобиль съ царскими вензелями подѣзжаетъ вплотную къ Керенскому, который вскаиваетъ въ него, снимаетъ фуражку и медленнымъ взоромъ обводитъ «столпившійся парадъ»... Постепенно все вокругъ смолкаетъ.

Я никогда раньше не видѣлъ и не слыхалъ Керенского, но уже по первымъ увѣреннымъ пріемамъ, по его манерѣ держаться, видно было, что передъ этой своеобразной аудиторіей стоить далеко незаурядный, знающій себѣ цѣну ораторъ, умѣющій, казалось, не только создавать настроеніе толпы, но и овладѣвать этимъ настроеніемъ, но... здѣсь вышло нѣсколько иначе.

«Товарищи! — началъ министръ свою рѣчъ и медленнымъ взглядомъ обвелъ двадцати тысячную массу столпившихся на полянѣ солдатъ.

«Товарищи-солдаты! — повторилъ онъ спустя нѣсколько мгновеній и, когда шумъ окончательно смолкъ, продолжалъ: «изъ далекаго Петрограда, новой революціонной (подчеркнулъ онъ) столицы, прибылъ я къ Вамъ, чтобы передать Вамъ слова привѣтствія отъ Временного Правительства избраннаго Вами»...

«Покорнѣйше благодаримъ» — неувѣренно и нестройно понеслось изъ толпы солдатъ.

Сидя на пнѣ съ начальникомъ дивизіи, возлѣ автомобиля, я съ любопытствомъ наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ вокругъ: нѣкоторые изъ «сви-

ты» сидѣли устало понуривъ голову и курили, — видимо, къ подобнымъ картинамъ они уже достаточно приглядѣлись; другіе, не обращая вниманія на оратора, вполголоса бесѣдовали между собой; третьи... на лицахъ третьихъ, равнодушно прислонившихся къ деревьямъ и поминутно поглядывавшихъ на часы, можно было прочесть: да скоро ли это все окончится?..

Солдаты сидѣли вытянувъ шеи и жадно прислушиваясь словно ожидая услышать какое нибудь откровеніе; представитель Франціи — лейтенантъ Зиновій П-въ дѣлалъ отмѣтки въ своей записной книжкѣ; въ трехъ-пяти шагахъ отъ автомобиля, рѣзко бросалась въ глаза стоявшая неподвижно, словно изваяніе, вытянувшаяся во фронтъ фигура глаѳнокомандующаго западнымъ фронтомъ; словно по командѣ мы съ начальникомъ дивизіи взглянули на эту суровую фигуру, потомъ другъ на друга... сдѣлалось какъ то неловко... не по себѣ, и мы... тоже встали; поднялись и другіе офицеры сидѣвшіе вблизи.

А Керенскій между тѣмъ продолжалъ:

«Насъ мучили, бросали въ тюрьмы, ссылали въ холодные страны, надъ нами издѣвались, но мы твердо вѣрили, что рано или поздно настанетъ часъ возмездія; мы горѣли на медленномъ огнѣ, многіе изъ насъ жизнью заплатили за тотъ радостный часъ, который мы съ Вами теперь переживаемъ!..

Всю предыдущую тираду Керенскій произнесъ еле слышно, а слова «мы горѣли» и т. д. даже шепотомъ, и еще разъ я убѣдился, что это довольно крупный ораторъ: на открытомъ воздухѣ, передъ огромнымъ скопленіемъ людей, слова его, даже произнесенный шепотомъ, явственно и отчетливо разносились по всей огромной полянѣ, долетая въ отдаленные углы ея — а вѣдь и для опытнаго артиста дѣло это не легкое...

Но вотъ Керенскій оборвалъ свою рѣчь на полуфразѣ и, къ удивленію всѣхъ, буквально выбросился изъ автомобиля и ринулся въ толпу солдатъ; недоумѣвая что это значитъ — нѣкоторые изъ нихъ поспѣшили повставали и вытянулись, другіе торопливо повыхватывали «цыгарки» изо рта, трети испуганно попятались, но Керенскій не обращалъ на нихъ вниманія: торопливо протискиваясь сквозь толпу, онъ выхватилъ у одного изъ солдатъ, ошалѣвшаго не то отъ страха, не то отъ неожиданности, шесть съ краснымъ флагомъ и такимъ же порывистымъ торопливымъ движеніемъ очутился вновь въ автомобилѣ.

Генералъ Деникинъ нервно переступилъ съ ноги на ногу, усы его чуть-чуть дрогнули и... только.

И снова раздается въ неподвижномъ воздухѣ:

«Товарищи! Взгляните на это красное знамя — скоро оно взовьется надъ всѣмъ міромъ и тогда не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни знатныхъ, ни простолюдина, но для этого нужно съ Вашей стороны еще одно небольшое усилие — Родина и Временное Правительство ждутъ отъ Васъ этого; вспомните, если Вы могли при царскомъ правительстве, безъ патроновъ, холодные, голодные, босые совершать чудеса храбрости, если Вы могли тогда, подъ палками, одерживать побѣды (тутъ генераль Деникинъ, казалось, вздрогнулъ), то неужели теперь... когда осуществляются міровые идеалы... неужели Вы, теперь, не дадите увѣренности Временному Правительству, что разъ начатое дѣло побѣды будетъ доведено до конца»...

Ко мнѣ подошелъ генер. Б-й, бывшій сослуживецъ по * * корпусу: «такъ вотъ мы ъздили и говоримъ, говоримъ и ъздили безъ конца, а толку никакого, да и не можетъ быть» — тихо прошепталъ онъ.

«Итакъ, товарищи! — продолжалъ Керенскій — могу ли я передать Временному Правительству, что Вами безповоротно, до послѣдняго человѣка, рѣшено стать на защиту революціи, что Вы ляжете всѣ до одного, но не допустите возврата къ прошлому?...»

«Можете, передайте», раздался гуль голосовъ.

«Могу ли я завѣрить Вашего главнокомандующаго, могу ли я дать ему слово, что Вы всѣ, какъ одинъ, пойдете туда куда онъ Васъ поведеть? При этихъ словахъ генераль Деникинъ нѣсколько отдался отъ дерева и какъ бы насторожился...

«Можно, передавайте, пойдемъ»... — снова понеслось въ отвѣтъ, но уже какъ будто меньше увѣренности было въ этомъ отвѣтѣ и волна голосовъ какъ будто была болѣе жидкой.

«Генераль! — повернувшись лицомъ къ Деникину, продолжалъ Керенскій, — я Вамъ даю слово, что по первому Вашему приказу, всѣ Ваши солдаты пойдутъ за Вами куда бы Вы ихъ не повели для защиты Родины и революціи», — и съ этими словами Керенскій протянулъ генералу Деникину руку.

Уже при первыхъ словахъ обращенія къ нему, генераль Деникинъ еще болѣе выпрямился и увидя протянутую изъ автомобиля руку ministra, началъ медленно и спокойно подходить къ автомобилю, безукоризненно держа «подъ козырекъ», а Керенскій... продолжалъ стоять съ протянутой

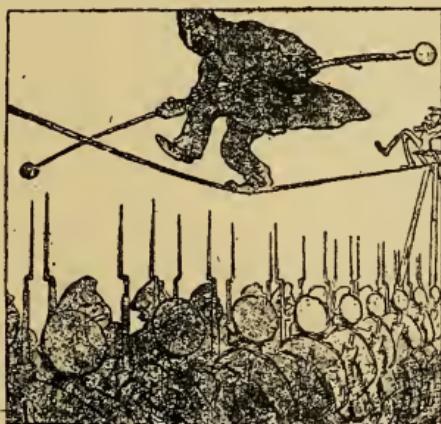
рукой; на мгновенье близъ стояшіе испытали нѣкоторое чувство неловкости; испыталъ это повидимому и самъ Керенскій и что бы скрыть его и сократить коварную паузу, онъ быстро повернулся къ солдатамъ: «такъ вѣдь я говорю товарищи»?

«Такъ, такъ», загудѣли передніе и только гдѣ то въ сторонѣ раздались протестующіе голоса и замѣтно было какое то движение скоро, впрочемъ, потонувшее въ общемъ гулѣ.

Медленно, словно насильно разгибаясь, отдѣлилась рука генерала Деникина отъ козырька и соединилась съ вновь протянутой рукой Керенскаго, послѣ чего генераль Деникинъ отошелъ на свое прежнее мѣсто — къ дереву и опять замеръ въ неподвижности.

Повидимому Керенскій хотѣлъ еще продолжить свою рѣчъ, но посмотрѣвъ на часы, онъ скороговоркой что то сказалъ подошедшему одному изъ

А. Керенскій въ иностранной карикатурѣ

Jugend

Великий Боже! Я не долженъ упасть!..

Munich

своихъ «свитскихъ» затѣмъ, опять выпрыгнуль изъ автомобиля, протиснулся сквозь толпу солдатъ и... скрылся изъ виду; за нимъ тяжело пыхтя и переваливаясь съ кочки на кочку, прослѣдоваль автомобиль, вдогонку бросилась «свита» и, черезъ минуту, оставшиеся узнали, что премьеръ уѣхалъ уговаривать сосѣдній корпусъ.

Медленно стали расходиться собравшіеся части, лишь въ протестующей сторонѣ видны были оставшиеся кружки, неслись рѣчи отдельныхъ ораторовъ слышны были угрожающіе взгласы и...

На ст. Залѣсье тишина... постепенно надвигаются лѣтніе сумерки... стрѣльба на фронтѣ стихаетъ...

По полотну желѣзной дороги прогуливаются рѣдкія группы солдатъ— это ихъ клубъ, а станція извѣстна какъ очагъ большевизма; солдатъ сейчасъ пока еще немного: боятся нѣмецкихъ аэроплановъ, боятся обстрѣла и, какъ преступники, боятся свѣта — поэтому ждутъ темноты.

Здѣсь именно былъ избитъ въбунтовавшимися солдатами Кавказск. гренад. див. секторъ Соколовъ, знаменитый творецъ знаменитаго приказа № 1 и здѣсь же вырвали и спасли его изъ рукъ разъяренной толпы... жертвы этого приказа— офицеры дивизіи, также избитые солдатами до полусмерти.

Сидя въ автомобилѣ, окровавленный, въ повязкахъ, неудачный преобразователь арміи, въ отвѣтъ на замѣчаніе командира корпуса—что это прямое слѣдствіе приказа № 1, имѣть все таки гражданское мужество отвѣтить: «если бы я зналъ, что приказъ дастъ такие результаты, я бы отрубилъ ту руку, которая писала его».

Болѣе двухъ недѣль бунтовала здѣсь эта дивизія: семь пѣхотныхъ и одинъ казачій полки съ пятью батареями не могли или не хотѣли ее разоружить. Здѣсь же не мало было убито офицеровъ и сознательныхъ солдатъ, здѣсь... впрочемъ не перечесть всѣхъ преступленій совершенныхъ на ст. Залѣсье.

Тихо на станціи... и только чуть слышное отдаленное шипѣніе паровоза поѣзда Керенскаго, да рѣдкіе одиночные ружейные выстрѣлы нарушаютъ тишину.

Неподалеку расположень штабъ дивизіи; чины штаба заняты обычной работой: нужно составить описание происходившаго парада, очередную

сводку морального состояния частей, приготовить свѣдѣніе о новыхъ дезертирахъ, о случаяхъ насильственной расправы надъ офицерами и т. п.

«Господинъ полковникъ! — докладываетъ дежурный офицеръ начальнику штаба — прaporщикъ Уральского полка М. желаетъ Васъ видѣть, но онъ очень взволнованъ, ничего не можетъ объяснить и, повидимому, еле сдерживаетъ рыданія».

Начальникъ штаба вышелъ въ коридоръ и увидѣлъ прислонившагося къ стѣнѣ и судорожно вздрагивающаго отъ рыданій юнаго офицера.

«Въ чёмъ дѣло? что съ Вами?»

«Г. Полковникъ... въ полкахъ митинги,... солдаты разъярены до крайности... вездѣ выносятся резолюціи не наступать... говорятъ... пусть Керенскій и офицеры сами наступаютъ... многихъ офицеровъ избили»...

«Да, тутъ заплачешь»....—сказалъ подошедшій въ это время начальникъ дивизіи и, пробормотавъ опять какія то таинственные слова, отдалъ распоряженіе о сборѣ комитетовъ.

Прибывшіе вскорѣ съ докладами командиры полковъ полностью подтвердили слова юноши, котораго общими усилиями удалось наконецъ успокоить.

Черезъ полчаса собрались и комитеты; быстрыми шагами, волнуясь и еле сдерживая себя, вышелъ къ нимъ начальникъ дивизіи — солдаты переминались съ ноги на ногу, очевидно, готовые уже ко всему...

Болѣе получаса терпѣливо велъ съ ними бесѣду генералъ, переходя постепенно всѣ стадіи собесѣданія отъ крайняго миролюбія до бѣзшенно отчаянной вспышки гнѣва, съ произнесеніемъ уже вслухъ таинственныхъ словъ — ничего не помогало, всѣ комитеты стояли на своемъ: «такъ что всѣ товарищи постановили не наступать».

«А если я сейчасъ доложу объ этомъ министру Керенскому?»!—пустиль въ ходъ послѣднюю угрозу начальникъ дивизіи.

«Такъ что намъ даже очень желательно, чтобы самъ товарищъ министръ объ этомъ знали», — получился ответъ.

Генералъ даже заскрежеталъ зубами...

— — —
Стемнѣло...

Вдоль поѣзда на перронѣ вытянулась линія солдатъ — это полковые

и проч. комитеты; тутъ же рядомъ группа офицеровъ во главѣ съ начальникомъ дивизіи, у котораго въ рукахъ «резолюція».

Далеко, въ ночной темнотѣ, показался длинный рядъ быстро движущихся парныхъ огней и вскорѣ автомобили, одинъ за другимъ, плавно подкатили къ станціи.

Навстрѣчу Керенскому вышелъ начальникъ дивизіи и подробно доложилъ о случившемся...

«Какіе полки? что такое? — очевидно не соображая переспросилъ Керенскій.

Генералъ Энвальдъ вновь доложилъ.

«Пойдемте-ка генералъ въ вагонъ...»

Вся группа молча прошла мимо молчаливо вытянувшихся солдатъ и скрылась въ вагонѣ.

Войдя въ вагонъ, Керенскій устало бросился на диванъ и усиленно началъ тереть лобъ, послѣ чего, закрывъ глаза и откинувшись на спинку дивана, тихо опять спросилъ — «такъ въ чёмъ же дѣло?»

Третій разъ начальникъ дивизіи передалъ все происшедшее.

Въ сторонѣ молча сидѣлъ генералъ Деникинъ — внимательный... серьезный.

«А я говорилъ съ ними? — спросилъ Керенскій.

Получивъ утвердительный отвѣтъ и подумавъ немного, онъ опять спросилъ:

«Но почему же они тогда этого мнѣ не сказали?»

«Не могу знать» — отвѣтилъ начальникъ дивизіи.

«Потому, господинъ министръ» — вмѣшался начальникъ штаба — «что никто изъ солдатъ да и изъ насы офицеровъ не предполагали, что Вы такъ внезапно уѣдете — вотъ причина, почему они не успѣли поднести Вамъ эту, очевидно, давно уже заготовленную резолюцію».

«Какъ фамилія? кто такой?» тихо спросилъ генералъ Деникинъ начальника дивизіи; получивъ отвѣтъ, главнокомандующій удовлетворенно кивнулъ головой.

Что же теперь дѣлать? — спросилъ Керенскій.

«Можетъ быть Вы выйдете еще разъ поговорить съ ними — Вамъ это вѣдь ничего не стоитъ и гораздо легче сдѣлать чѣмъ намъ» — добродушно предложилъ начальникъ дивизіи — старый армейскій генералъ.

«Мнѣ съ ними не о чёмъ больше разговаривать и никуда я не пойду,—

рѣзко произнесъ Керенскій, — я все имъ сказалъ, а не хотять наступать ничего не подѣлаешь, но повторяю: разговаривать съ ними (съ нескрываемымъ презрѣніемъ проговорилъ онъ), — я больше не желаю.

«Разрѣшите мнѣ, господинъ министръ, поговорить съ ними—обратился къ Керенскому какой то «свитскій» капитанъ.

«Идите, поговорите, скажите имъ все»... отрывисто произнесъ Керенскій. Капитанъ вышелъ на перронъ и обратился къ солдатамъ съ слѣдующими словами:

«Товарищи, не думайте, что я офицеръ — я комиссаръ западнаго фронта Калининъ, я шесть лѣтъ пробылъ въ каторжныхъ работахъ, я старый революціонный работникъ и вотъ временное правительство, что бы сравнять меня съ моими товаришами, произвело меня въ капитаны... я офицеръ только по виду, а душой и тѣломъ — я вашъ»...

Нервная, визгливая, порой безсвязная рѣчь, нетактичность въ отношеніи стоявшихъ тутъ же рядомъ офицеровъ, судорожныя взмахиванія руками, показывали, что говорить въ лучшемъ случаѣ... нервно-больной. А комиссаръ продолжалъ свою рѣчь въ томъ же духѣ до тѣхъ поръ, пока не раздались крики: «поѣздъ отправляется».

«Такъ что же, дорогие товарищи, что я долженъ передать нашему любимому министру — будете наступать?» — уже на ходу поѣзда прокричалъ Калининъ.

«Будемъ» — раздался въ темнотѣ нехотя чей то одиночный голосъ... «наступай» — кто то протянулъ насмѣшливо изъ толпы — раздался смѣхъ...

Поѣздъ ускорялъ ходъ — «смотрите же товарищи, сдержите свое слово»... еще разъ крикнулъ Калининъ, вскачивая на подножку вагона.

Скоро поѣздъ, тяжело громыхая, потонулъ въ темнотѣ.

«Вѣдь этакій шельмецъ, — ворчаль по адресу Калинина, начальникъ дивизіи, — будетъ потомъ говорить, что уговорилъ ихъ наступать, будетъ писать въ газетахъ, что настроение войскъ революціонно приподнятое и т. п. — эхъ, палка имъ нужна, а не уговоры» — и тяжело стулая, съ опущенной головой, онъ направился къ штабу.

Результаты уговоровъ въ дивизіи: изъ всей цивизіи наступалъ только батальонъ смерти, понеся 75% потерь. Первый полкъ отказался наступать — наступали лишь одни офицеры и около 200 наиболѣе сознательныхъ солдатъ — потери 50%. Второй полкъ лишь обозначилъ наступленіе. Третій — самовольно ушелъ съ позиціи. Четвертый — не только не наступалъ, но угрожалъ

перестрѣлять своихъ же саперъ, продѣлывавшихъ проходы въ проволочныхъ загражденіяхъ для атаки; командиръ полка, подъ впечатлѣніемъ всего пережитого, застрѣлился...

Начальникъ дивизіи былъ вскорѣ отрѣшенъ «революціоннымъ» командиромъ корпуса отъ командованія дивизіей; впрочемъ, и командиръ корпуса также вскорѣ былъ отрѣшенъ отъ должности еще болѣе «революціоннымъ» командующимъ арміей...

Я. М. Лисовой.

„Революціонная армія“
въ иностранной карикатурѣ

Kladderadatsch

Berlin

Утренний рапортъ Командующему Арміей:

1-я дивизія сражается сегодня за идеи экстремистовъ; 2-я—за Свободу, Равенство и Братство; 3-я — объявила солидарность съ максималистами, а 4-я отказалась идти въ бой—всѣ пьяны!!!

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГЕНЕРАЛЫ.

«Я полагаю, что политически честенъ всякий человѣкъ, который твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ. А разъ онъ не твердъ, къ какой бы онъ партіи не принадлежалъ, онъ — политической негодяй».

(Изъ рѣчи ген. Рузского на 2-мъ Моск. Совѣтѣ.
Общ. Дѣят. въ Окт. 1917 г.)

Съ юношескихъ лѣтъ я старался пріучить себя къстройной систематизаціі подмѣченаго ряда жизненныхъ явлений, распределенію и укладыванію ихъ по мозговымъ ячейкамъ въ такомъ порядке, — что бы потомъ въ случаѣ надобности, каждый разъ, легко и свободно можно было бы извлечь необходимое.

Система эта, втеченіи всей моей жизни, всегда давала прекрасные результаты и вполнѣ естественно, что я сдѣлалъ попытку примѣнить ее и на протяженіи хода революціи, когда передъ моими глазами начала проходить длинная вереница молодыхъ и старыхъ генераловъ, такъ сказать «революціонной формациії»; всѣ встрѣченные мною типы я хотѣлъ разложить по мозговымъ папкамъ, съ особой надписью каждая, напр., генераль-кандидатъ-бонапарты, генераль-дипломаты, генераль-агитаторы, генераль-экономисты, генераль-позитивисты и т. д., но не тутъ то было: сколько я не бился — задача оказывалась неразрѣшимой.

Только что уложишь какого нибудь бонапарта въ соотвѣтствующую папку — анъ смотришь: оттуда такой азѣфъ выглядянетъ, что... приходится перекладывать его снова въ другую; казалось бы и конецъ — мѣсто найдено, но въ это время вспомнишь — какимъ дипломатомъ явился онъ въ одномъ случаѣ, какой чудный митинговый ораторъ получился изъ него при другихъ обстоятельствахъ, какъ легко и просто разрѣшалъ онъ сложнѣйшие экономические вопросы въ письмахъ на имя или Керенскаго, или С. С. и Р. Д. и...

остановившись въ недоумѣніи — да гдѣ же найти ему соотвѣтствующее мѣсто?...

Такъ было и съ другимъ, третьимъ, десятымъ, сотымъ...

Въ концѣ концовъ, все было мною кое какъ свалено въ мозговой архивъ, изъ коего теперь, по мѣрѣ надобности, и приходится добывать тѣ или иные необходимыя страницы минувшихъ событій, и на фонѣ ихъ, нѣть — нѣть да и промелькнетъ фигура того или иного «превосходительства» во всей его ультра — революціонной красѣ.

1. Его Превосходительство — «товарищъ Бончъ Бруевичъ»

а) Дни безвозвратно минувшіе.

Въ одинъ изъ юльскихъ, нестерпимо жаркихъ дней 1912 года, по Царскосельскому шоссе медленно двигался небольшой конный офицерскій отрядъ.

Впереди, нѣсколько отдѣлившись отъ остальныхъ всадниковъ, виднѣлась крупная, слегка сутуловатая фигура немолодого уже полковника генерального штаба, тяжело сидѣвшаго всѣмъ своимъ грузнымъ корпусомъ на росломъ откормленномъ конѣ. Полковникъ ъхалъ низко опустивъ голову и на его загорѣломъ лицѣ нельзя было уловить никакой мысли, никакого движенія: крупныя и рѣзкія черты лица неподвижно застыли, глаза были скрыты за пыльными стеклами очковъ — не то усталость, не то апатія...

Лошади были въ пѣнѣ; по лицамъ всадниковъ ручьями струился потъ — всѣ были страшно утомлены и предвкушали сладость отдыха, который ожидалъ ихъ въ стѣнахъ домовъ невдалекъ виднѣвшагося города. Еслибы не грозная фигура полковника, сдерживающаго медленнымъ шагомъ движение отряда — всѣ бы «подтянули поводъ», пришпорили лошадей и, собравъ послѣдніе остатки силъ, крупной рысью покрыли бы трехверстное разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ города, но... по неволѣ приходилось итти шагомъ.

Впрочемъ не это озабочивало ъдущихъ — вопросъ заключался въ томъ: будетъ ли 14 дневная полевая поѣздка академиковъ закончена сегодня, или же она затянется, какъ обѣ этомъ носились слухи, еще на одинъ, а можетъ быть на два — три дня.

Обмѣнявшись мнѣніями и выяснивъ, что среди присутствующихъ

нѣть ни одного, который желалъ бы оттянуть «полевыя работы», рѣшили обратиться за разъясненіемъ вопроса къ полковнику, но... никто не бралъ на себя смѣлости почина.

«Въ чемъ дѣло, господа?» — раздался голосъ подъѣхавшаго штабсъ-капитана Л-ва, случайно задержавшагося въ одной изъ попутныхъ дѣревень въ обществѣ премиленькой лейзанки и только теперь нагнавшаго отрядъ — ему объяснили.

«Такъ въ чемъ же дѣло?» — переспросилъ онъ; ему отвѣтили, что никто не рѣшается обратиться къ полковнику.

«Ну это мы сейчасъ устроимъ!... проговорилъ Л-въ и, пришпоривъ коня, вынесся въ голову отряда.

«Господинъ полковникъ!» — раздался громкій баритонъ Л-ва, — «господинъ полковникъ!» — нѣсколько громче, еще разъ повторилъ онъ. Полковникъ, не оборачиваясь, придержалъ коня.

«Скажите, пожалуйста, господинъ полковникъ», продолжалъ Л-въ, «мы вотъ всѣ интересуемся — скоро ли будетъ конецъ всѣмъ этимъ безконечнымъ полевымъ путешествіямъ?»

Развязный тонъ Л-ва не мало удивилъ и испугалъ всѣхъ его товарищѣй — сдѣлалось какъ то сразу тихо: — всѣ начали внимательно разматривать лошадиные гривы, кое кто началъ перебирать ихъ, но, въ дѣйствительности, всѣ «краемъ уха» чутко прислушивались къ разговору впереди.

«Нельзя ли просить Васъ, господинъ полковникъ», — продолжалъ неугомонный Л-въ, — «закончить сегодня курсъ этой поѣздки и дать намъ отдохнуть — это вѣдь отъ Васъ зависитъ, а то ей-Богу треплешься, треплешься, изъ силъ вѣдь ужъ всѣ выбились!...

Полковникъ густо покраснѣлъ и тяжело началъ дышать: назрѣвала катастрофа...

«Полевая поѣздка закончится тогда» — сдержанно-угрожающе проговорилъ онъ — «когда прикажетъ начальникъ академіи».

Вопросъ, казалось, былъ исчерпанъ, но штабсъ-капитанъ Л-въ не унимался: «мы это знаемъ, г. полковникъ, но рѣшеніе начальника академіи зависить вѣдь отъ Вашего доклада; помилуйте, г. полковникъ, меньше 40 верстъ въ сутки мы не дѣлаемъ — словно паровозы какіе то... (или съума сошелъ или пьянъ — съ ужасомъ подумали его товарищи). Между тѣмъ Л-въ словно съ цѣли сорвался: «вчера напримѣръ, съ рѣшеніемъ задачи мы сдѣлали переходъ въ Гатчину болѣе 40 верстъ — тамъ, по расписанію, мы

должны были отдохнуть, но разве наша вина, что помщеній не оказалось и вместо отдыха мы сегодня обратно треплемся болѣе 40 верстъ, да еще опять съ «задачами» — иронически подчеркнулъ онъ (такъ и есть: пьянъ — рѣшили офицеры).

Полковникъ молчалъ и еще ниже опустилъ голову на грудь.

Ободренный молчаниемъ Л-въ продолжалъ: «фактически, собственно говоря, конецъ занятіямъ, именно сегодня, такъ какъ, несмотря на дневку, мы сегодня работаемъ, слѣдовательно завтра должны отдыхать!»

Слышенъ былъ стукъ копытъ о камни шоссе, да фырканье лошадей; всѣ дѣлали видъ, что внимательно изучаютъ мѣстность по сторонамъ шоссе... Никому не было извѣстно, какъ этотъ вопросъ разрѣшится академическимъ начальствомъ, но всѣ отлично знали, что въ разрѣшеніи его полковникъ, будетъ далеко не на сторонѣ обучающихся.

Между тѣмъ послѣдній рѣзко осадилъ коня и круто повернулъ его въ сторону говорившаго:

«Какъ Вы сказали? отдохнуть? еле сдерживая себя проговорилъ онъ, — «отдохнуть»? еще разъ грубо иронически переспросилъ онъ (весь отрядъ остановился). «Да... имѣете ли Вы... имѣемъ ли мы (поправился онъ, задыхаясь отъ гнѣва) право говорить объ отдыхѣ, неся на своихъ плечахъ всю тяжесть позора минувшей войны. Вы хотите отдыха, вы (подчеркнулъ онъ) м о л о д ы е о ф и ц е р ы , а мы, с т а р ы к и , до сихъ поръ болѣемъ душой и сердцемъ, несмотря на то, что уже семь лѣтъ прошло со времени этой катастрофы».

«Да развѣ Государь нашъ отдыхаетъ? Развѣ Онъ не проводить дни и ночи въ тяжелой, непрестанной работе? Да посмотрите, всмотритесь въ страдальческое лицо нашего Монарха — нашего Вождя и вмѣстѣ съ тѣмъ первого работника-мученика... забудьте объ отдыхѣ (угрожающе подчеркнулъ онъ). Или вы, можетъ быть, хотите уподобиться этой воть с—чи (онъ проговорилъ это безпощадно рѣзко и хлыстомъ указалъ на группу каменотесовъ, сидящихъ на шоссе, равнодушно медленно разбивающихъ камни и также равнодушно поглядывающихъ на «офицеровъ»)? Можетъ быть «овосьмичасовомъ рабочемъ днѣ» поговоримъ, а? — съ невыразимымъ сарказмомъ протянулу онъ и, съ послѣдними словами, грубо ударили лошадь и круто повернувшъ ее, полковникъ тяжелымъ галопомъ помчался впередъ; отъѣхавъ шаговъ полтораста, полковникъ снова перешель въ медленный колыхающейся шагъ, — еще глубже усѣвшись въ сѣдло, еще ниже опустивъ голову...

Несколько лошадей вырвались изъ окаменѣвшей группы офицеровъ, въ ушахъ которыхъ, словно ударъ хлыста, словно боль пощечины звенѣло обидное: «с—чъ»; вырвавшіеся лошади помчались было за полковникомъ, но вскорѣ были остановлены, группа соединилась, всѣ быстро заговорили... и низменное животное чувство страха овладѣло этой толпой: тутъ были и боязнь чтобы его не сочли участникомъ «заговора», и боязнь получить дурной баллъ или дурной отзывъ — все это вмѣстѣ взятое вооружило участниковъ поѣздки противъ Л-ва.

Впрочемъ послѣдній также чувствовалъ себя повидимому прескверно: «ну, братцы мои, кажется мнѣ крышка — что же теперь дѣлать? — снявъ фуражку и вытирая голову проговорилъ онъ.

Всѣ угрюмо молчали и со злостью поглядывали на Л-ва.

«Извиниться» — раздался чей то одинокій неувѣренный голосъ.

«Это то можно, — но вотъ въ чёмъ же извиняться? — нерѣшительно претанула Л-въ, ища сочувствующаго взгляда и ожидая подсказа...

Отвѣта не послѣдовало, ни одинъ взглядъ не выразилъ Л-ву сочувства, всѣ опять смотрѣли куда то въ сторону...

«Ну ладно, — тряхнувъ головой, проговорилъ Л-въ, — «помяни Господа царя Давида и всю кротость его! и, давъ шпоры коню, онъ рысью сталъ догонять Ѣдущаго впереди полковника.

Видно было, какъ Л-въ, нерѣшительно подѣхавъ къ нему и, взявъ подъ козырекъ, началъ что то говорить; какъ полковникъ, мелькомъ взглянувъ на него, снова опустилъ голову и продолжалъ двигаться тѣмъ же колыхающимся шагомъ; какъ потомъ, онъ же, что то уловивъ въ словахъ своего молодого спутника, медленно, всѣмъ корпусомъ повернулся къ нему и... о чудо! сумрачное лицо его озарилось улыбкой и, махнувъ рукой, какъ бы съ цѣлью остановить потокъ словъ Л-ва, подальше ему руку и, какъ послѣдний, послѣ этого съ радостной улыбкой помчался навстрѣчу своимъ товарищамъ.

«Фу, готово! радостно взволнованно проговорилъ онъ.

«О чёмъ ты бесѣдовалъ? — спросилъ кто то насмѣшило.

«Ну это, братецъ ты мой, наше дѣло! — отрѣзалъ Л-въ.

Въ то время никому изъ присутствующихъ не могла прийти въ голову дикая мысль, что шт. кап. Л-въ не кто иной, какъ будущій предсѣдатель Московскаго клуба офицеровъ соціалъ-революціонеровъ, точно также какъ дико нелѣпымъ и даже безум-

нымъ показалось бы чье либо предсказаніе, что будущій чуть ли не со вѣтскій главковерхъ Бончъ Бруевичъ и настоящій руководитель отряда — одно и тоже лицо.

Отрядъ офицеровъ медленно догонялъ ѿдущаго впереди полковника...

Не одна тысяча офицеровъ русской арміи прошла суровую школу тактики, полевыхъ задачъ и военныхъ игръ подъ непосредственнымъ руководствомъ полк. Бончъ-Бруевича, отличавшагося своими неумолимыми требованияніями знанія по его извѣстному всѣмъ «учебнику тактики»; тысячи офицеровъ до одури вызубривали эти именно два тома «на зубокъ» — наибольшѣй вѣрный способъ удовлетворить эти неумолимыя требованія и получить хороший балль, т. к. другихъ руководствъ и учебниковъ полк. Бончъ-Бруевичъ не признавалъ. Сотни офицеровъ генерального штаба, побывавшіе у него въ партіи, помнятъ ѿдкія и подчасъ грубыя замѣчанія его на тактическихъ задачахъ, всегда больно бьющія по самолюбію его учениковъ.

Ни война, ни революція не сдѣлали его военнымъ талантомъ — о ген. Бончъ Бруевичъ почти ничего не было слышно и впервые его имя выплываетъ на фонѣ выступленія генерала Корнилова, выплываетъ въ такомъ непріглядномъ видѣ, что даже самъ Керенскій, отшатнулся отъ него. Впрочемъ — какова была его роль въ этомъ дѣлѣ, въ виду ея чудовищности, предоставимъ разсказать самому Керенскому.

б) Разсказъ А. Керенского.*)
«Дѣло Корнилова» — стр. 178).

... Кстати, не могу не вспомнить, что въ Быховской тюрьмѣ, все время пока я былъ главковерхомъ, ген. Корнилова постоянно охраняли не только солдаты, но и его личный конвой изъ текинцевъ, тѣхъ самыхъ, вмѣстѣ съ которыми и пулеметами онъ прїезжалъ ко мнѣ въ Зимній Дворецъ.

Такая двойная охрана была создана предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи для того, чтобы сторожить Корнилова не только отъ побѣга, но и отъ солдатскаго самосуда.

Помню, какъ настойчиво травила меня за это лѣвая пресса, и какъ будущій попуститель дикой расправы съ Духонинымъ, генераль

---

*) Курсивъ вездѣ Керенского.

Бончъ Бруевичъ, являлся ко мнѣ во главѣ съ депутацией отъ мѣстнаго «совдепа» съ требованіемъ «убрать текинцевъ изъ Быхова», которымъ революціонный трибуналъ не довѣряетъ, и усилить охрану Корнилова.

Я былъ возмущенъ такой ролью генерала русской службы, въ прошломъ одного изъ вѣрнѣйшихъ слугъ царизма, хотѣлъ убрать его изъ Ставки, и помню, какъ чистый и честный Духонинъ заступался за него...

в) Смерть генерала Духонина.

Какъ же Бончъ Бруевичъ отблагодарилъ «чистаго и честнаго генерала Духонина» за его заступничество?

По тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются въ печати и которыя впослѣдствіи несомнѣнно будутъ дополнены историческими данными, составивъ траурныя страницы исторіи гибели русскихъ вождей — роль генерала Бончъ-Бруевича въ смерти генерала Духонина представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Будучи начальникомъ могилевскаго гарнизона и находясь въ тѣсной связи съ мѣстнымъ совдепомъ ярко большевистской окраски, онъ, въ дни предшествующіе смерти Духонина, велъ себя настолько недвусмысленно, что уже въ то время отрядъ ударныхъ войскъ, защищавшій Духонина, предложилъ послѣднему арестовать Бончъ Бруевича, — генераль Духонинъ на это не согласился.

Въ день смерти Духонина, Бончъ Бруевичъ нервно расхаживалъ изъ угла въ уголь въ своемъ номерѣ гостиницы «Франція» и когда одинъ изъ прибывшихъ офицеровъ сообщилъ ему ужасную вѣсть — спокойно выразилъ сожалѣніе и добавилъ: «самъ виноватъ, что не послушалъ меня» — въ чёмъ генераль не договорилъ...

Будучи вызванъ «главковерхомъ Крыленко», предложившимъ ему занять должность начальника штаба, — замѣтно просвѣтлѣвшій генераль Бончъ Бруевичъ обѣщалъ отдать всѣ свои силы и умѣнья дѣлу, конечно... большевистскому.

А затѣмъ... затѣмъ начальника штаба «товарища Абрама», генеральнаго штаба генерала Бончъ Бруевича зачастую видѣли окруженымъ толпой матросовъ въ роли наипреданнѣйшаго слуги и проводителя директивъ совѣтской власти.

Но недолго эта власть признавала авторитетъ своего начальника штаба и скоро уволила его «на покой», не считаясь даже съ его выдающимися

заслугами предательства той армии, о которой онъ такъ много писалъ и тѣхъ вождей, на авторитеты которыхъ онъ неоднократно въ своихъ трудахъ ссыпался.

2) *Его превосходительство — «невольникъ старого режима»*

Въ одной изъ барскихъ комнатъ помѣщичьяго дома тѣхъ богатыхъ «маионтковъ», которые оазисами разбросаны среди бѣдной и унылой природы Западнаго края, въ февраль 1917 г. происходила слѣдующая сцена.

За огромнымъ письменнымъ столомъ, освѣщеннымъ скрытой подъ глубокимъ колпакомъ электрической лампочкой, мигающей въ тактъ работающему невдалекъ прожекторному мотору, сидѣль развалившись въ креслѣ съ сигарой во рту, генералъ лѣтъ 42-45. Лицо его было полуосвѣщено и, благодаря этому полусвѣту, каждый разъ, при ярко вспыхивающемъ огонькѣ сигары, особенно рѣзко выдѣлялись и бородка a la Henri IV, и слѣды глубокой оспы на его лицѣ, и пенснѣ на крупномъ мясистомъ носу.

У дверей «на вытяжку» стоялъ высокій худой прапорщикъ и, казалось, внимательно слушалъ генерала; изрѣдка онъ съ беспокойствомъ поглядывалъ на полъ, где на блестящемъ паркѣтѣ, подъ его ногами, образовалась изряпна лужа растаявшаго снѣга.

Генералъ былъ чистъ, элегантенъ и отъ звѣи его плотной упитанной фигуры вѣяло завиднымъ здоровьемъ. Прапорщикъ вѣнчне выглядѣль здоровымъ и только лихорадочный румянецъ на щекахъ, да временами сухой отрывистый кашель, показывали, что его «грудный дѣла» далеко не въ блестящемъ состояніи.

Это были начальникъ штаба ** корпуса и командиръ охранной роты.

Огонекъ сигары вспыхнулъ ярче и густые клубы дыма на мгновеніе скрыли и части письменного стола, и фигуру генерала, и отдаленные углы комнаты.

«Тачь зоть вы и пгымите за пгыведеніе ихъ въ пгавославную вѣгу», — продолжалъ картавя генералъ и, поднявшись съ кресла, началъ ходить по комнатѣ, — «это не гота, а какая то агестанская команда: чести отдавать не умѣютъ, во фгонть становиться — тоже, обязанностей своихъ не знаютъ... не могу же я каждый день ставить подъ гужье по двадцать человѣкъ — и

такъ ужъ командиғ когпуса обгатилъ вниманіе на большое количество моихъ дисциплинарныхъ взысканий...

«Пгынимайте какія хотите мѣги, дегите съ нихъ десятую шкугу, но сдѣлайте мнѣ изъ нихъ солдатъ; не поможеть, пгынимайтесь за одиннадцатую, добегитесь до живого мяса, но вымуштгуйте мнѣ ихъ — поняли?»

«Такъ точно, ваше пр-во!»

«Кстати пошлите завтра опять человѣкъ 40 съ утга газсчистить катокъ (генераль любилъ побѣгать на конькахъ), да зачѣмъ вы ихъ показываете въ ежедневной гапогтичкѣ — это наше съ вами частное дѣло и командини когпуса знать объ этомъ не нужно».

«Слушаю-сь ваше пр-во!»

«Можете итти и чегезъ недѣлю я жду гезултатовъ нашей бесѣды».

«Слушаю-сь ваше пр-во!»

Генераль сдѣлалъ два шага въ сторону прапорщика и нѣсколько протянулъ руку или вѣрнѣ два-три пальца, но сухой кашель, котораго не могъ сдержать стоявшій уже болѣе получаса молодой офицеръ, остановилъ его на полдорогѣ, и онъ удовольствовался лишь кивкомъ головы.

«Счастливо оставаться ваше пр-во! и, повернувшись по всѣмъ правиламъ, прапорщикъ вышелъ изъ комнаты.

«Ну что, юноша, получили очередное надраніе? — спросилъ его встрѣтившійся комендантъ.

«Никакъ нѣть, г. ротмистръ, гораздо хуже», — прапорщикъ передалъ только что описанную сцену.

Ротмистръ былъ пожилой серьеznый офицеръ; занимая въ Московскомъ жандармскомъ управлениі довольно видную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спокойную должность, онъ еще въ декабрѣ, т. е. за два мѣсяца до описываемаго момента, внезапно, къ удивленію всѣхъ, возбудилъ ходатайство объ отправлениіи его на фронтъ.

На всѣ вопросы родныхъ и знакомыхъ онъ, отвѣчалъ кратко и многозначительно: «здѣсь тяжело дышется—мало кислороду». Получивъ разрѣшеніе, онъ въ тотъ же день уѣхалъ въ дѣйствующую армию, гдѣ благодаря связямъ былъ назначенъ на должность корпуcнаго коменданта. Своимъ спокойнымъ и справедливымъ ко всему и всѣмъ отношеніемъ, онъ быстро завоевалъ всеобщее уваженіе и любовь какъ офицеровъ, такъ и солдатъ; въ особенности любили его солдаты, называя «душевнай человѣкъ».

Ротмистръ внимательно и серьезно выслушалъ прaporщика и когда тотъ окончилъ, спросилъ его:

«Что же вы, юноша, предполагаете дѣлать?

«Откровенно сказать, г. ротмистръ, ничего больше, кроме того, что я дѣлалъ и что требуетъ служба».

«И отлично сдѣлаете — не тѣ времена; нынѣшній солдатъ вамъ не просить даже отнятой у него портнянки, а ужъ за свою шкуру онъ съ вась не только десять шкуръ сдереть, а голову сниметь — чуешь моя душа къ этому идетъ дѣло: кислороду и здѣсь не хватаетъ... Ну прощайте, юноша, и пострайтесь сдѣлать такъ, что бы, главнымъ образомъ, были «овцы цѣлы», — а волки»... — ротмистръ, повидимому, хотѣлъ еще что то сказать, но сдѣлавъ какой то неопределенный, не то рубящій, не то вращательный жестъ, повернулся и медленно направился къ выходу.

Прaporщикъ тоже вышелъ. На дворѣ дуль тотъ порывистый, подымавший кучами снѣжную пыль, вѣтеръ, который куда бы вы нешли, какъ бы не отворачивались и не прятали свое лицо, — всегда умѣлъ найти моментъ, что бы напасть на вась спереди, найти какое нибудь отверстіе въ одеждѣ и найдя, забраться въ него какъ можно глубже.

Прaporщикъ направился къ выходу на улицу; у воротъ, весь засыпанный снѣгомъ, стоялъ часовой — солдатъ охранной роты; онъ, конечно, узналъ своего ротнаго командира, да впрочемъ его еще раньше предупредили въ караульномъ помѣщеніи о приходѣ «ротнаго» въ штабъ, но желая показать насколько онъ блителенъ и знаетъ службу, часовой заоралъ благимъ матомъ: «стой! кто идетъ? что пропускъ?»

Прaporщикъ поморщился: — «И чего ты орешь, Никоновъ, на все мѣстечко; ты меня отлично вѣдь знаешь, — не спрашивай же ты о пропускѣ солдата, который только что прошелъ впереди меня».

«Виновать, вашбродъ!»

«Да не въ томъ дѣло, чтовиновать и винить тутъ нѣтъ особенной, а просто»... прaporщикъ не договорилъ, такъ какъ налетѣвшій внезапно снѣжный столбъ, засыпавъ ихъ снѣгомъ, заставилъ его мучительно и долго раскашляться.

«Въ лазаретъ вамъ слегти бы вашбродъ» — раздался участливый голосъ часового.

Что то колнуло внутри молодого офицера, и вмѣстѣ съ тѣмъ, внезапно

что то теплое наполнило и согрѣло все его существо — не говоря ни слова, онъ вышелъ на улицу.

Итти было недалеко — до ближайшей деревни гдѣ онъ жилъ, было всего около версты. Улицы мѣстечка были пустынны и темны и лишь кое гдѣ, сквозь запорошенный снѣгомъ и не знавшіе ставень окна, пробивался тусклый свѣтъ... По дворамъ, перекликаясь на всѣ голоса, раздавался собачий лай... Чей то банный голось послышался вдали...

У выхода изъ мѣстечка, прислонившись къ одной изъ стѣнъ, когда то обшитой березовой корой, а теперь начисто ободранной будки, спалъ, мирно похрапывая, часовой. Въ тепломъ полуշубкѣ и валенкахъ, наглухо закутанный въ башлыкъ — онъ былъ непроницаемъ для вѣтра и послѣдній, отчаявшись расшевелить эту грузную фигуру, бѣшено забросалъ его выше колѣнъ кучей снѣга и ринулся что было силь по открытому полю, гдѣ и закружился то сметая снѣгъ, то засыпая имъ дорогу и выдергивая изъ промерзлой земли вѣхи и телеграфные шесты.

Какъ можно спать въ такой обстановкѣ, обѣ этомъ можетъ разсказать только русскій солдатъ, но такъ-же только онъ можетъ разсказать, какъ можно одерживать громовыя побѣды, безъ снарядовъ, патроновъ, противъ вдесятеро сильнѣйшаго и техникой и числомъ противника...

«Будь я проклять, если нашъ солдатъ пойдетъ на чтонибудь подобное», проговорилъ какъ то англичанинъ, наблюдавшій въ бинокль, какъ «ярославецъ» подъ убийственнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ противника, тщетно пытался перерѣзать тупыми ржавыми ножницами толстую проволоку загражденій и, наконецъ, отчаявшись въ этомъ и перекинувшись двумя тремя словами съ сосѣдями, всталъ съ ними во весь ростъ и дружно схвативши руками проволоку, всѣ вмѣстѣ начали дергать до тѣхъ поръ, пока съ выдернутыми кольями не опрокинулись навзничь... убиты?!

На наблюдательномъ пункѣ раздалось англійское «будь я проклять», а тамъ впереди, подъ трескъ ружей и пулеметовъ, грохотъ минъ и бомбъ раздалось «русское трехэтажное», а затѣмъ вскорѣ и «ура» послышалось — это «ярославецъ» разсердился и... занялъ нѣмецкіе окопы...

Прапорщикъ нерѣшительно остановился передъ спящимъ часовымъ, соображая, что ему предпринять въ данномъ случаѣ; подумавъ немного и чему то улыбнувшись, онъ подошелъ къ солдату ближе.

«Телицынъ, а Телицынъ — нѣть ли, братецъ, у тебя спичекъ?»

Часовой весь встрепенулся, быстро приподнялъ башлыкъ и увидя знакомую фигуру ротнаго, оробѣлъ и мгновенно вытянулся.

«Виновать, вашбродъ! — какъ то умоляюще глухо пробормоталъ онъ.

«Я тебя спрашиваю, нѣть ли у тебя спичекъ», — какъ бы не слыша, цѣлланно строго переспросилъ прaporщикъ.

«Такъ точно, есть!»

«Давай, братецъ, что то курить хочется»

Прaporщикъ никогда не курилъ и теперь, получивъ отъ часового спички, онъ озабоченно рылся въ карманахъ ища папиросы.

«Э-хъ, братъ, забылъ папиросы дома, ну ничего не подѣлаешь, придется потерпѣть; на, получай, свои спички обратно».

И солдата, забывшаго и о своемъ снѣ, забывшаго и о томъ, что ротный навѣрно видѣлъ его спящимъ — вдругъ сразу охватило и стало понятнымъ знакомое «томленіе по цыгаркѣ» и, желая услужить, а можетъ быть, думая, что это загладить его вину, онъ, суетливо порывшись въ карманѣ, и доставъ оттуда грязный свертокъ, поднесъ офицеру со словами:

«Махорочки не желательно ли, вашбродъ?...»

Прошло около мѣсяца; фронтъ наполнился новыми, невиданными прежде лицами, картинами, событиями, — фронтъ загудѣлъ, оживился и «покраснѣлъ».

Въ одинъ изъ первыхъ мартовскихъ дней, дворъ штаба корпуса началъ наполняться неуспѣвшими еще утратить стройности и приличія командами штаба корпуса: у нѣкоторыхъ были шесты съ красными флагами и почти всѣ были съ красными бантами — Богъ вѣсть, гдѣ достали такое количество красной матеріи: кумача, ситца, атласа, ленты и т. п.

«Слышь, братъ, зачѣмъ собираются?» — обратился молодой казакъ къ проходящему мимо знакомому ординарцу.

«Не могимъ знать» — шутливо отвѣчалъ ему тотъ, дурашливо прикладывая руку къ папахѣ и неестественно вытягиваясь во фронтъ, а затѣмъ, принявъ обычновенную позу добавилъ: — «писаря сказываютъ нашъ «дор-мидонта» будеть штой та говорить».

Генералъ назывался Акакій Дормидонтовичъ и это оправляло все его существованіе.

Раздалась команда «смирно, г. г. офицеры», по рядамъ выстроившихся пробѣжала обычная при переходѣ изъ положенія «вольно» — дрожь, офи-

церы взяли подъ козырекъ; въ дверяхъ показался начальникъ штаба... съ огромнѣйшимъ краснымъ бантомъ на груди и красной кокардой; пожимая на ходу руки отдѣльнымъ офицерамъ и солдатамъ, генераль подошелъ къ выстроившимся командамъ штаба.

«Здрасте... — на мгновеніе генераль запнулся—товарищи»... — добавилъ онъ (къ великому удивленію многихъ — генераль уже не картавилъ).

«Здрасте г. генераль» — послышалось въ отвѣтъ новое революціонное привѣтствіе.

«Поздравляю васъ, товарищи, съ величими завоеваніями революціи, поздравляю васъ съ свѣтлой зарею новой свободной Россіи»...

«Покорнѣйше благодаримъ» — пронеслось по рядамъ.

«Товарищи, всѣ мы, невольники проклятаго старого, режима, наконецъ то дождались... началъ генераль свою рѣчь... Изъ группы чиновъ штаба, опустивъ голову, медленно отдѣлился и тихими шагами отошелъ, и скрылся въ дверяхъ помѣщенія ротмистръ...

Веселой гурьбой повалили со двора...

«За ручку здоровкались» — поѣхствовалъ въ одномъ углу знакомый уже намъ балагуръ ординарецъ.

«Сидѣлъ, значить, горемычный и онъ немало—може и въ каторгѣ побывалъ» — сокрушенno качая головой, нараспѣвъ, тянулъ въ другомъ углу знакомый намъ Телицынъ — ишь на радостяхъ краснымъ обмотался, почитай бабъ на юбку хватило бы»...

«... А корпусный, значить и говорить ему — такъ какъ я съ этими самими с—ми не желаю за ручку здоровкаться потому значить, что я человѣкъ благородный и полный генераль, такъ вотъ, я значить собственно всѣмъ этимъ сполномачиваю васъ на это, Акакій Дормидонтовичъ»... — такъ въ третьей группѣ объясняли отсутствіе командаира корпуса... Наростала провокація...

«А что телеграмма послана по частямъ? — обратился къ старшему адъютанту пришедшій съ митинга генераль.

«Никакъ нѣть Ваше Пр-во!»

«Ахъ, Боже мой, сколько разъ нужно Вамъ повторять, что этотъ пережитокъ старого режима, это титулованіе нужно забыть разъ на-всегда—оно

ни къ чему теперь»—преувеличенно громко проговорилъ генералъ, исcosa поглядывая на сидѣвшихъ и работавшихъ, но внимательно прислушивающихъся ко всему, писарей. «Почему же телеграмма до сихъ поръ не отправлена еще?»

«Литографъ не успѣлъ отпечатать!»

«Боже мой, нельзя же задерживать такія важныя распоряженія нашего высшаго демократического органа — что о насъ подумають? — Нужно какъ нибудь ускорить — пообѣщайте имъ денежную премію что ли?...»

«Но, г. генералъ, оперативныя распоряженія вѣдь гораздо важнѣе и то мы не платимъ за ускореніе ихъ; — вѣдь не хватить никакихъ суммъ, если мы будемъ оплачивать перепечатку и разсылку каждой телеграммы».

Генералъ съ неудовольствиемъ отмахнулся рукой, какъ отъ назойливой мухи, и прошелъ къ себѣ въ комнату...

Писаря съ нескрываемой злобой глядѣли въ сторону адъютанта...

Въ одномъ изъ первыхъ большевистскихъ кандидатскихъ списковъ, въ числѣ прочихъ, можно было встрѣтить кандидатуру и «бывшаго генерал-майора Акакія Дормидонтовича Зайцева».

3) Троцкій и «Сергій Сергеевичъ».

Зачастую прочитывая тѣ или иные газетныя сообщенія, принимая доклады лицъ, пріѣхавшихъ изъ Совдепіи, по выполненіи возложенныхъ на нихъ порученій или выслушивая бѣженцевъ, я, какъ человѣкъ военный, невольно удѣлялъ болѣе всего вниманія именно военной сторонѣ вопроса.

Для меня не было никакихъ сомнѣній, что если совѣтская власть, какъ и каждая власть вообще, не создастъ своей собственной вооруженной силы, на которую она могла бы опереться во всѣхъ случаяхъ жизни, то она исчезнетъ такъ же быстро — «яко таетъ воскъ отъ лица огня».

Я не сомнѣвался также, что въ этомъ отношеніи сов. власть используетъ нашихъ старыхъ русскихъ солдатъ съикъ до крайности упрощеннымъ міровоззрѣніемъ: «намъ то што, прикажутъ — пойдемъ»...

Я допускалъ даже колебанія младшаго офицерскаго состава и охотно прощаль тѣхъ несчастныхъ, кого безисходная нужда или «дамокловъ мечъ»

чрезвычайки брали за шиворотъ и внѣдряли на флангѣ краснаго взвода, полуроты или роты.

Зная большинство нашихъ революціонныхъ генераловъ, я, правда, съ чувствомъ гацливости, видѣль и ихъ сквозь неясную дымку будущаго, во главѣ бригадъ, дивизій, корпусовъ и даже армій.

Но на этомъ мои предположенія и оканчивались; въ дальнѣйшемъ я не могъ ни вообразить, ни представить себѣ — кто не потерявшій совѣсть, честь и чувство долга, кто не измѣнившій завѣтамъ учителей военного искусства, кто такъ легко поднявшій руку надъ лежащей и обезсиленной Россіей — кто добѣть ее, ставъ во главѣ сложной машины военного дѣла? Кто пустить эту машину въ ходъ? кто возглавитъ имѣющійся рабочій и подмастерской составъ, т. е. — кто будутъ эти мастера и инженеры? И, наконецъ, и это главный вопросъ — кто явится главнымъ инженеромъ?

И по мѣрѣ того, какъ формировалась совѣтская армія, моральные удары сыпались на меня одинъ за другимъ: въ числѣ главныхъ мастеровъ я встрѣчалъ своихъ учителей и товарищъ по генеральному штабу, въ числѣ инженеровъ — профессоровъ академій, командармовъ, «главкоармовъ», въ числѣ... да что скрывать — инструкторскій матеріалъ былъ на лицо, и, полностью, обеспечивалъ ходъ военной машины.

Не было лишь настоящаго главковерха и въ этомъ была вся моя надежда, ибо, безъ «главнаго инженера», я предугадывалъ если не полную остановку, то во всякомъ случаѣ частыя задержки этой деликатной и сложной машины. Всѣ эти суррогаты «бонапарта»: всѣхъ этихъ Антоновыхъ, Крыленокъ, Дзевалтовскихъ, Мураловыхъ, Муравьевыхъ, Дыбенокъ и т. п., я расцѣнивалъ вполнѣ правильно и точно, и всѣмъ имъ была одна цѣна: отъ нуля и ниже.

Но когда главковерхомъ былъ назначенъ еврей Левъ Троцкій, я невольно призадумался и инстинктивно почуялъ грядущую опасность и въ его необыкновенно преступной энергіи и въ его болѣзньно развитомъ честолюбіи и въ твердости ни передъ чѣмъ не останавливавшемся во имя достиженія намѣченныхъ цѣлей.

И у меня были серьезныя основанія для такихъ опасеній: я вспомнилъ, что евреи — эта умная и съ поразительнымъ чутьемъ предугадывающая довольно точно неизвѣстное будущее нація — сразу же правильно оцѣнила грандиозные масштабы дѣятельности, лишенные сдерживающаго начала, своего соплеменника. А предугадавъ и оцѣнивъ, и сдѣлавъ соотвѣтствующій выводъ, (грядущіе события — погромы — подтвердили ихъ правильную оцѣн-

ку)—отправили къ Троцкому делегацію съ просьбой и указаніемъ, что его дѣятельность, въ концѣ концовъ, отразится на еврейской націи и что, за его преступленія, въ конечномъ итогѣ, еврейское населеніе заплатитъ своей кровью.

«Мнѣ нѣть никакого дѣла до еврейской націи»—отрѣзалъ Троцкій,—«я дѣйствую въ интересахъ интернаціонала».

Иного отвѣта и быть не могло съ его стороны — Троцкій не былъ бы Троцкимъ, если бы даль другой отвѣтъ. Въ узкихъ рамкахъ еврейской націи онъ задыхался и готовился къ кровавому господству надъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ.

Вотъ что заставило меня призадуматься при полученіи вѣсти о назначеніи Троцкаго главковерхомъ; события показали, что я былъ правъ: машина энергичной рукой была пущена полнымъ ходомъ... и, при наличіи опытныхъ инструкторовъ, почти не давала отказа.

Троцкій теперь ушелъ, но не потому, что какъ пишетъ въ «Пріаз. Краѣ» Лоэнгринъ: «мавръ сдѣлалъ свое дѣло» или, какъ онъ же въ окончательномъ итогѣ своего очерка, рисуетъ его «властю, насытившейся кровью и обѣвщейся человѣческимъ мясомъ»—нѣть: объясненіе это слишкомъ простое, журнальное и да проститъ мнѣ мой землякъ и товарищъ по пору... слишкомъ штатское и грубое.

Нѣть—причина ухода Троцкаго заключается въ томъ, что — военная машина стала;*). Готовую, въ собранномъ видѣ, энергичнымъ движеніемъ рычага, и, «неослабнымъ» вооруженнымъ надзоромъ за инженерами и мастерами»,—онъ могъ пустить въ ходъ и поддерживать ее продуктивность. Но теперь машина стала и... конечно, ничего не помогаетъ: ни усиленное топливо, ни усиленная смазка — просто машина переработалась.

По докладу свѣдущихъ лицъ — нужна капитальная разборка, чистка частей, замѣна нѣкоторыхъ изъ нихъ другими, — т. е. все то, чего Троцкій не понимаетъ, въ чемъ ему какъ не специалисту и не имѣющему опыта и знаній — трудно разобраться, и для чего ему, необходимо пройти АЗЫ военного дѣла, а пока нужно пригласить лицо знающее детально машину — нуженъ инженеръ изъ Америки.

*). Статья относится къ событиямъ середины 1919 г., — когда, одно времѣя, Троцкій дѣйствительно «ушелъ» или его «ушли» и когда на его мѣсто былъ назначенъ генералъ полковникъ С. С. Каменевъ.

Вотъ причины и его ухода и одновременного появленія въ роли американского инженера «Сергѣя Сергѣевича».

Многіе фамилію настоящаго главковерха Каменева смѣшиваютъ съ фамиліей извѣстнаго большевика Каменева—это не правильно; не нужно забывать, что большевикъ Каменевъ—прежде всего Кацъ: это у него отъ Бога, а Каменевъ — это уже отъ себя и отъ людей; тогда какъ «Сергѣй Сергѣевичъ» Каменевъ—отъ Бога и отъ людей, т. е. настоящій.

Итакъ, новымъ главковерхомъ назначенъ, бывшій генеральнаго штаба полковникъ Сергѣй Сергѣевичъ Каменевъ, атеперь просто «товарищъ Каменевъ»

Какъ сейчасъ, я вижу себя молодымъ офицеромъ генеральнаго штаба, назначеннымъ въ штабъ Виленскаго Военнаго Округа, прѣхавшимъ туда и, съ какимъ то особеннымъ чувствомъ трепета, вступающимъ въ это «святая святыхъ» — еще такъ недавно недоступное для меня: простого армейскаго офицера...

Вспоминается и грязная, некрашенная, деревянная лѣстница, ведущая во второй этажъ, и такая же площадка второго этажа, и дверь нальво, съ надписью «мобилизационное отдѣленіе».

Въ этомъ «отдѣленіи», у стѣны нальво, стоялъ большой, простой столъ старшаго адъютанта полковника Смирнова, нашего общаго любимца, доблестно павшаго на полѣ битвы (помните — «Сергѣй Сергѣевичъ?»), а направо, у окна, за такимъ же большимъ столомъ, среди вороха мобилизационныхъ дѣлъ и огромныхъ картъ — видна была нѣсколько сутуловатая фигура капитана генеральнаго штаба, шатена, съ темно матовымъ усталымъ лицомъ, на которомъ рѣзко выдѣлялись и остроконечная немножко растрепанная бородка, и большие усы, и добрые близорукіе глаза, скрытые за стеклами металлическихъ очковъ — это были вы «Сергѣй Сергѣевичъ»! это были вы «товарищъ Каменевъ»!

Мобилизационный отдѣль одинъ изъ труднѣйшихъ и сложнѣйшихъ по качеству и количеству работы, онъ требуетъ особой усидчивости, вдумчивости, серьезности, строгаго расчета — онъ поглощаетъ цѣлый день и не мало даетъ работы домой — на ночь.

Вѣдь потому то вы и были назначены въ этотъ отдѣль «Сергѣй Сергѣевичъ», что въ глазахъ начальства всѣ эти качества были у васъ «на лицо»....

И вдвоемъ, съ такимъ знатокомъ мобилизационной машины, какъ покойный Смирновъ, вы такъ наладили и поставили это дѣло, что не было никакихъ задержекъ, никакихъ остановокъ въ общемъ ходѣ мобилизационныхъ работъ

передъ началомъ міровой войны; а вѣдь Виленскій округъ считался однимъ изъ важнѣйшихъ округовъ въ смыслѣ мобилизациі, мобилизовался онъ однимъ изъ первыхъ и нѣкоторыя его части выступили въ походъ черезъ три дня послѣ мобилизациі...

Незадолго до войны васъ поставили во главѣ этого отдѣла и вы, я это знаю, первымъ приходили и послѣднимъ уходили изъ штаба; часто по вечерамъ, при свѣтѣ низко спущенной электрической лампочки, можно было видѣть вашу высокую, немного сутуловатую фигуру,—Вы или стояли передъ картой или перелистывали толстыя «дѣла»...

Нерѣдко, позднимъ вечеромъ, проходя мимо штаба и изъ любопытства, спросивъ швейцара: есть ли кто нибудь въ штабѣ — мы получали неизмѣнныи отвѣтъ: «такъ точно, ихъ высокоблагородіе капитанъ Каменевъ» — я вѣдь это хорошо помню «Сергѣй Сергѣевичъ».

Точно также я помню — не слова, времени прошло болѣно много, гдѣ ужъ тутъ слова помнить, нѣть — я помню смыслъ вашихъ словъ о значеніи корпуса офицеровъ генерального штаба, обѣ интенсивной работѣ штабовъ во имя облегченія дѣятельности войскъ, о несправедливыхъ привилегіяхъ гвардіи, о некритикѣ начальства, а наоборотъ, о незамѣтномъ исправленіи его ошибокъ и еще много кое-чего, помню я, изъ того, что вы говорили намъ: «младшимъ товарищамъ», вы, — «старшій товарищъ». Во многомъ ваши мысли были правильны—что и говорить... и кромѣ того, у васъ былъ большой опытъ: вы вѣдь поздно пошли въ академію и немолодымъ офицеромъ окончили ее.

И еще я помню — какъ, однажды, прия ко мнѣ съ визитомъ и, забавляясь съ моимъ малюткой сыномъ, вы проговорили, такъ добро и мягко улыбаясь: «вотъ еще одинъ слуга Государя и Отечества подростаетъ». Сынъ мой подросъ «Сергѣй Сергѣевичъ»—ему уже 14 лѣтъ, но ни Государя, ни Отечества — ни у него, ни у меня, да и у Васъ тоже нѣть «Сергѣй Сергѣевичъ»: Царя звѣрски убили, а Отечество разрушили Ваши современные начальники и товарищи — «Сергѣй Сергѣевичъ»..!

А затѣмъ міровая война, и вы, вопреки ожиданію всѣхъ, несмотря на наличіе болѣе старыхъ и, можетъ быть, болѣе опытныхъ офицеровъ, — вы были поставлены во главѣ отвѣтственного оперативного отдѣленія 1-ой арміи — это было кровной обидой для старшихъ и чувствомъ гордаго, но, правда, незамѣтнаго для окружающихъ, удовлетворенія для васъ, всегда скромнаго и всего только капитана генерального штаба.

Далѣе побѣдоносные бои въ Восточной Пруссіи вплоть до фортовъ Кениг-

сберга... — неужели эти картины славного прошлого старой русской арміи не проносятся передъ вами — нынѣ краснымъ главковерхомъ?...

И тамъ, на фронтѣ, вы работали также неустанно—съ утра до ночи и съ ночи до утра, среди вороха бумагъ и огромныхъ картъ, густо усыпанныхъ, вашей заботливой рукой, флагжками. Васть не тянуло въ войсковые штабы — не потому что вы были трусы, нѣть — въ старой русской арміи трусовъ не было, а потому, что вы были офицеръ большого штаба, работникъ кабинетнаго а не полевого характера, гдѣ, какъ извѣстно, нельзя ни разложить картъ, ни обложиться дѣлами, гдѣ ъдѣять находу и спать въ сѣдлѣ.

Мелькомъ въ Инстербургѣ я вижу и ваше крайне растеряное лицо (впрочемъ тогда всѣ были растеряны) при вѣсти о начавшемся разгромѣ первой арміи и ваше неподдѣльное огорченіе при видѣ — какъ красивую большую карту, сплошь покрытую маленькими красивыми флагжками, грубо сорвали со стѣны и, свернувъ кое какъ, небрежно бросили въ ящикъ — время не ждало тогда: штабу арміи нужно было спѣшно уходить...

А затѣмъ — помните? въ Ковно, вы, и помощникъ вашъ, грозили отдать подъ судъ молодого офицера генерального штаба за то, что онъ будучи отправленъ для восстановленія связи между разгромленными и растерявшимися корпусами, по «неопытности своей и неумѣнію разбираться въ тонкостяхъ штабной дипломатіи», отправилъ со ст. Вержболово лично Командующему арміей генералу Ренненкампфу — подробную и правдивую телеграмму, съ изложениемъ истинной картины разгрома, хаоса и всего того ужаса, которые творились среди отступающихъ войскъ, въ то время какъ штабъ арміи, — извините, — «эвакуировался» въ Ковно, т.е. болѣе чѣмъ на 100 верстъ въ тылъ. Не было оставлено ни одного опытнаго и старого офицера разобраться въ этой кутерьмѣ, — были брошены лишь молодые, причисленные къ генеральному штабу; правдивыя донесенія ихъ докладывались вами какъ «преувеличенія молодыхъ офицеровъ неумѣющихъ разбираться въ военной обстановкѣ»; а вышеупомянутую телеграмму, полученную непосредственно командующимъ арміей — вы назвали «панической» и угрожали отдать подъ судъ отправителя ея, мотивируя, что этой телеграммой разрушены всѣ расчеты и планы штаба, такъ какъ командующій арміей принялъ какое то свое, самостоятельное рѣшеніе....

Въ Восточной Пруссіи мы съ вами работали до февраля 1915 года, когда, наконецъ, къ великой моей радости, мнѣ удалось уйти на фронтъ, въ штабъ дивизіи — дальше я потерялъ васъ изъ виду.

И все таки, мой милый красный главковерхъ, встрѣчая вашу фамилію въ совѣтскихъ газетахъ — я не хотѣлъ вѣрить, что это именно вы; читая совѣтскіе кандидатскіе списки я, вопреки голымъ фактамъ, имъ все таки не вѣрилъ—память, вопреки дѣйствительности, упорно отпечатывала вашъ прежній образъ...

Теперь сомнѣній нѣть — вы «главковерхъ красной рабоче-крестьянской арміи» вы — тотъ, главный инженеръ, который у сложной военной машины замѣнилъ Троцкаго.

Что же вы будете дѣлать теперь?

Пустите ли вы машину снова въ ходъ, призвавъ на помощь весь свой мобилизационный, оперативный и боевой опытъ и знаніе, или же мобилизовавъ остатки чести, совѣсти, стыда, чувства долга и все того, что я вѣрю еще есть у васъ и, что вы не успѣли растратить въ этомъ царствѣ всеобщей купли и продажи, Вы выдернете какой нибудь маленький, ноглавный винтикъ, сломаете какуюнибудь сложную, но незамѣтную пружину,—разведете въ недоумѣніи руками и заявите вашимъ совнаркомамъ: машина стала окончательно—починить ее уже никакъ нельзя?

Какъ хочется вѣрить этому — послѣднему!...

Я. Лисовой.

II.

РЕВОЛЮЦІЯ И БОЛЬШЕВИЗМЪ

ГАТЧИНО ВЪ БОРЬБѢ СЪ БОЛЬШЕВИКАМИ

(Октябрь 1917 г.)

25 октября 1917 года, около 10 часовъ утра, въ зданіе Петроградскаго Государственного банка явилась полурота запасного гвардейского полка съ представителемъ новой власти Совѣта Народныхъ Комиссаровъ — комиссаромъ Ланге.

Будучи въ это время, случайно, у одного изъ своихъ друзей — служащихъ банка, я узналъ отъ этого комиссара, почему то начавшаго вдругъ со мной откровенничать, что большевиками наканунѣ рѣшено — захватить въ свои руки власть въ ночь съ 24 на 25 октября и что они, при поддержкѣ Кронштадскихъ матросовъ, начали приводить это рѣшеніе въ исполненіе сегодня съ 6 часовъ утра, но онъ, мой собесѣдникъ, опасается, что это дѣло можетъ лопнуть за недостаткомъ надежныхъ комиссаровъ, ибо уже теперь выяснилось, что имѣвшихся для этой цѣли людей далеко не хватаетъ и уже приходиться назначать въ комиссары людей не только не идейныхъ, но всякихъ «пролазовъ».

Выслушавъ словоохотливаго комиссара, я вышелъ побродить по улицамъ Петрограда и, кстати, зайти—въ Собрание Арміи и Флота, где я остановился по пріѣздѣ въ Петроградъ. Невскій былъ наводненъ патрулями изъ матросовъ, а черезъ два-три часа, когда я возвращался обратно, вездѣ уже стояли заставы не пропускавшіе никого ни къ Главному Штабу, ни къ Зимнему Дворцу.

На слѣдующій день, 26 октября, проходя по улицамъ, я уже встрѣтилъ матросскіе отряды и броневые машины. У Зимняго Дворца стояла любопытная толпа разглядывающая многочисленныя слѣды отъ пуль, какъ на стѣнахъ Дворца, такъ и на окнахъ, и обмѣнивающаяся впечатлѣніями атакъ и контрѣ-атакъ между большевиками и контрѣ революціонерами.

Возвращаясь обратно по Невскому, я увидѣль кучки людей читающихъ какіе то небольшіе , красные, однотипные афиши на стѣнахъ домовъ;

афиши эти гласили, что къ Гатчино подошло — не 50 тысячъ — какъ «хвастливо заявляли корниловцы и контръ-революционеры», а всего лишь 5 тысячъ сторонниковъ Керенского, а потому, товарищи, немедленно на фронтъ!».

Часовъ въ 10 утра, на Забалканскомъ проспектѣ, мною были встрѣчены довольно стройные гвардейскіе части, идущіе за городъ съ оркестрами во главѣ; колонны эти вели молодые, революціонные, гвардейскіе прапорщики.

Прочитанныя мною на Невскомъ проспектѣ летучки сразу ориентировали меня въ происходящихъ событіяхъ и я рѣшилъ немедленноѣхать въ Гатчину, гдѣ еще представлялась возможность борьбы съ новыми захватчиками власти; но когда я пришелъ на вокзалъ, то оказалось, что черезъ Красное село въ Гатчину уже проѣхать невозможно и что нужноѣхать чрезъ Тосно.

Въ 3 часа дня я сидѣлъ уже въ поѣздѣ идущемъ на Тосно и, пересѣвъ тамъ на Гатчинскій поѣздъ, я, къ 8 часамъ веч., подѣзжалъ къ Гатчинѣ; не дѣзжая верстъ 15,—видны были разрывы шрапнелей, но никто изъѣдушихъ не представлялъ себѣ еще ясно — въ чёмъ дѣло.

Пріѣхавъ въ Гатчину и идя домой кратчайшимъ путемъ — по полотну желѣзной дороги — я, на одномъ изъ переѣздовъ, увидѣлъ въ автомобиль фигуру А. Ф. Керенскаго. Автомобиль Россійскаго Главковерха стоялъ во главѣ казачьей колонны — авангарда изъ 500-600 казаковъ донцовъ и одной сотни амурцевъ.

Увидѣвъ своего доброго знакомаго, графа Зубова, я просилъ ориентировать меня въ обстановкѣ. Оказалось, что это войска, ведомыя Керенскимъ и Савинковымъ на защиту Временнаго Правительства противъ большевиковъ и что во главѣ войскъ — генералъ П. Красновъ, а начальникомъ штаба полковникъ Поповъ.

Удовлетворенный, я отправился во дворецъ, гдѣ въ одномъ изъ помѣщений, отведенныхъ придворнымъ вѣдомствомъ, размѣщались офицеры Гатчинской авиационной школы.

Къ 10 часамъ утра, 28 октября, въ нижнемъ этажѣ дворца, размѣстился Штабъ генер. Краснова.

Въ первыхъ двухъ комнатахъ, занимаемыхъ Управлениемъ Начальника гарнизона гор. Гатчина, ротмистромъ дикой дивизіи С-мъ, я засталъ необыкновенно многочисленное собраніе офицеровъ, преимущественно Гат-

чинской Авиационной школы, въ третьей комнатѣ помѣщалось оперативное отдѣленіе, начальникомъ коего и возглавилъ себя вышеупомянутый ротмистръ С-въ. Генералъ Красновъ и его начальникъ штаба находились на боевомъ участкѣ, въ 12 верстахъ южнѣ Гатчина, гдѣ въ бой были введенны пять спѣшеннѣхъ казачьихъ сотенъ и одна горная батарея.

Со стороны противника въ боевой линіи было около четырехъ тысячъ отборныхъ петроградскихъ рабочихъ, бывшихъ солдатъ и, кромѣ того, матросы.

Боевыми дѣйствіями большевиковъ руководилъ новый большевистскій командующий Петроградскимъ военнымъ округомъ подполковникъ Муравьевъ, (бывшій командиръ 21 автомобильной роты); сотрудниками же его состояли: новый «морской министръ» — матросъ Дыбенко, писарь штаба Гельсинфорского флота — бывшій сельскій учитель, еврей Раашаль —студентъ 3-4 курса психо-неврологического института, матросъ Трушинъ и поручикъ запаса Антоновъ, — впослѣдствіи главковерхъ Антоновъ.

Какъ происходилъ бой—будетъ видно изъ дальнѣйшаго,—какъ характерную деталь нужно отмѣтить, что казаки, находясь въ бою безъ смѣны болѣе трехъ сутокъ, держались очень стойко не теряя ни на минуту надежды на смѣну ихъ пѣхотными частями; большевики же, не зная настоящаго количества силъ своего противника, проявляли крайнюю нерѣшительность и только неустойчивость амурцевъ на лѣвомъ флангѣ боевого расположения, куда не во время явился Керенскій для поднятія духа — рѣшила участь боя.

Казаки перестали вѣрить, что пѣхота подойдетъ имъ на смѣну и настаивали на отыхѣ; 29-го октября было рѣшено отвести казачьи части на отыхѣ въ Гатчино.

Но вернемся къ боевымъ событиямъ и деталямъ ихъ.....

Не унывающій А. Керенскій (онъ со своими адютантами расположился въ парадныхъ комнатахъ дворца), часто показывался въ оперативномъ отдѣленіи, гдѣ старался увѣрить всѣхъ въ общемъ благополу чіи положенія и охотно, всѣмъ и каждому, сообщалъ, что 50 ударныхъ батальоновъ сняты съ сѣверного фронта и двинуты на выручку Вр. Правительства, въ доказательство чего показывалъ телеграммы, полученные имъ съ сообщеніями о подходѣ этихъ частей къ ст. Луга.

Дѣйствительно, изъ Пскова, непрерывно, эшелономъ, подходили къ Лугѣ ударные батальоны, но не дремавшій Лужскій совдепъ дѣ-

лалъ свое дѣло и для агитаторовъ не требовалось особыхъ усилий чтобы убѣдить колеблющихся ударниковъ не участвовать въ братоубийственной войнѣ и не защищать Керенского. Ударники, занявъ выжидательное положеніе, такъ дальше Луги и не двинулись.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ.

28-го октября, Гатчинской авиационной школы капитанъ Н-въ, боевой и преданный дѣлу артиллерійскій офицеръ, съ большимъ трудомъ уговорилъ оперативное отдѣленіе дать ему возможность, вмѣстѣ съ нѣкоторыми офицерами, использовать стоящей безъ дѣла на Балтійскомъ вокзалѣ броневої поѣзда. Получивъ, въ концѣ концовъ, такъ желаніое разрѣшеніе, онъ перевѣль поѣздъ на Варшавскій вокзалъ, неожиданно налетѣлъ на ст. Александровскую и, обстрѣлявъ ее, вызвалъ огромный переполохъ въ штабѣ Муравьевъа, причинивъ большія потери и людьми, при чемъ была убита какая то знаменитая еврейка «Сура», о чемъ впослѣдствіи «Ізвѣстія» съ возмущеніемъ описывали этотъ контроль революціонный поступокъ офицеровъ Гатчинской школы.

На разсвѣтѣ того же дня, летчики С-нъ, и Л-въ, овладѣвъ тайкомъ исправнымъ броневымъ автомобилемъ, проѣхали незамѣтно въ туманѣ почти къ Петрограду, откуда повернувъ обратно, подѣхали къ большевистской цѣпи и открыли по ней пулеметный огонь; къ сожалѣнію, пулеметъ скоро даль отказалъ и пришлось спѣшино удирать въ Гатчину.

29 октября, днемъ, офицеры Гатчинской авиационной школы, собравшись въ столовой на аэродромѣ, обратились ко мнѣ, какъ предсѣдателю Суда Общества офицеровъ съ вопросами — что имъ дѣлать и куда итти??

Я отвѣтилъ, что въ настоящій моментъ, когда съ одной стороны все боятся расправы большевиковъ матросовъ въ случаѣ ихъ удачи, а съ другой никто не желаетъ вновь видѣть у власти Керенского, — каждый долженъ быть тамъ гдѣ ему подсказываютъ долгъ и честь офицера; лично я, и со мной многие боевые офицеры, сдѣлали уже выборъ и мы тамъ — гдѣ идетъ борьба противъ захвата власти большевиками.

Послѣ этого многие офицеры явились въ штабъ ко мнѣ и полковн. М. съ просьбой дать имъ — гдѣ угодно и какую угодно работу; и когда мнѣ понадобилось, однажды, 25 пулеметчиковъ на бронепоѣздъ, то было вполнѣ достаточно только сказать объ этомъ дежурному по школѣ офицеровъ, и необходимое количество офицеровъ моментально явилось.

29-го — штабъ генерала Краснова пересталъ существовать; переутомлен-

ные трехдневнымъ сидѣніемъ на боевомъ участкѣ, генер. Красновъ и полк. Поповъ, перѣѣхали въ Гатчину и расположились во дворцѣ. Часамъ къ 5-ти, ген. Красновъ собралъ въ комнатахъ №№ 5 и 6, всѣхъ бывшихъ на лицо во дворцѣ офицеровъ. Собралось около 200 человѣкъ — преобладали офицеры Гатчинской авіаціонной школы.

Генераль Красновъ выгляделъ разбитымъ и физически и морально; онъ обратился къ собравшимся офицерамъ приблизительно со слѣдующими словами: «Благодарю Васъ гг. офицеры авіаціонной школы за Вашу готовность и искреннее желаніе помочь нашему дѣлу — но все уже кончено. Сегодня были делегаты отъ большевиковъ и выработаны слѣдующіе 30 пунктовъ перемирія съ большевиками: 1) немедленное прекращеніе братоубійственной войны и полная амнистія принимавшимъ въ ней какое бы то ни было участіе, 2) немедленное учрежденіе нового правительства въ составѣ коего войдетъ по одному представителю отъ каждой изъ существующихъ политическихъ партій, 3) въ составѣ нового правительства не имѣтъ права входить — ни Ленинъ, ни Керенскій (о Троцкомъ не упоминалось), 4) свободный пропускъ всѣхъ казаковъ 3-го коннаго копуса на Донъ и т. д.

Прочитавъ всѣ 30 пунктовъ, ген. Красновъ заключилъ: «съ этого момента надо считать, что Россіи нѣть, Великая Россія будетъ разрушена борьбой политическихъ партій и, вѣроятно, не останется камня на камнѣ. Все будетъ разрушено — будутъ уничтожены цѣлые города и вотъ, послѣ этого, на развалинахъ разрушенной Старой Россіи будетъ построена Новая, еще болѣе Великая, Молодая Россія»...

Генераль умолкъ — всѣ уныло повѣсили головы и... постепенно разошлись..

Мы, офицеры Гатчинской авіаціонной школы, не особенно вѣрили «полной амнистії» участникамъ боевъ подъ Гатчиной, такъ какъ бывшіе въ составѣ большевистской delegaciіи матросы открыто заявляли, что «мы, дескать, покажемъ этому зелью летчикамъ, какъ воевать на бронепоѣздахъ и броневикахъ». Въ воздухѣ пахло кровавой расправой тѣмъ болѣе, что въ составѣ наступающихъ большевиковъ преобладали кронштадтскіе и гельсингфорскіе матросы съ «Петропавловска» и др. кораблей.

Собравшись въ канцелярію школы для обсужденія создавшагося положенія, мы застали въ ней начальника школы полковника Б-ко, который, какъ оказалось, уже разрѣшилъ вопросъ о дальнѣйшей нашей дѣятельности, раздавъ каждому изъ насъ подписанные бланки отпускныхъ билетовъ, литеры и

т п документы, — дѣлать больше было нечего и всѣ собравшіеся разошлись по домамъ.

Придя изъ канцеляріи во дворецъ, я засталъ тамъ летчика полк. М-на и шт. ротмистра Финляндскаго драгунскаго полка X; послѣ короткаго обмѣна мнѣніями, выяснилось, что на фронтѣ нѣтъ ни одного казака и что, каждую минуту, Гатчина можетъ быть захвачена большевиками и начнется дикая расправа съ офицерами школы; необходимо было что то предпринять, но прежде всего нужно было выяснить, что предполагаетъ дѣлать штабъ ген. Краснова.

Зайдя съ этой цѣлью къ начальнику штаба полковнику Попову, я, съ трудомъ, разбудилъ его и на свой вопросъ — получилъ безразличный отвѣтъ соннаго и безмѣрно уставшаго человѣка: «ничего... будемъ отдыхать.. вспяться надо...»

«Но вѣдь большевики могутъ ворваться каждую минуту и тогда начнутся дикие эксcesсы» — возразилъ я.

«Ничего Богъ не выдастъ»... съ трудомъ, безсвязно, пролепеталъ онъ и... опять уснулъ...

На этомъ пришлось и окончить нашъ разговоръ.

Передавъ собравшимся моимъ единомышленникамъ «соображенія» Начальника штаба, мы, по взаимному соглашенію, рѣшили создать свой импровизированный штабъ обороны и распределили роли слѣдующихъ образомъ.

Шт. ротмистръ Финляндскаго драгунскаго полка X., окончившій ускоренный курсъ Академіи генерального штаба, взялъ на себя обязанности начальника оперативнаго отдѣленія; капитанъ Ш-нъ — завѣдующаго развѣдкой и связью, полковникъ М-нъ — Инспектора Артиллеріи; я — общее руководство. Такъ какъ самымъ необходимымъ дѣломъ являлась настоятельная необходимость добыть со станціи Луги хотя бы одинъ вагонъ со снарядами что бы изъ него пополняться въ случаѣ удачнаго развитія дѣйствій, и, такъ какъ, для этого требовалось безсмѣнное бодрствованіе завѣдующаго снабженіемъ артиллеріи, то въ отсутствіе полк. М-на, я считался его замѣстителемъ.

Въ дальнѣйшемъ необходимо было срочно организовать оборону Гатчино, хотя бы для того, чтобы городъ не могъ быть неожиданно захваченъ озвѣрѣвшими матросами и, въ случаѣ быстраго ихъ подхода къ городу, дать возможность отдѣльнымъ лицамъ во время избѣжать дикой расправы со стороны матросовъ.

Импровизированный штабъ могъ располагать офицерами авиационной

школы — активнымъ элементомъ въ количествѣ до 30-40 человѣкъ, частью юнкеровъ школы прaporщиковъ, бронепоѣздомъ, двумя бронеавтомобилями, вагономъ снарядовъ, вагономъ патроновъ, однимъ боевымъ аэропланомъ съ бомбами (летчикъ Х-цъ) и, при желаніи, не менѣе 6-8 пулеметами авіаціонной школы съ 2-мя полевыми орудіями.

Въ то время, когда импровизированный штабъ ломалъ голову — какимъ способомъ вызвать изъ Луги хотябы одинъ батальонъ ударниковъ, неожиданно явился генерального штаба полковникъ Т. съ 130 партизанами. Онъ явился чтобы принять участіе въ бою и искалъ штабъ чтобы получать задачу: «люди у меня отборные и отчаянные» — заявилъ онъ.

Ориентировавъ полк. Т. въ обстановкѣ, и, познакомивъ его съ характеромъ нашей дѣятельности, мы предложили ему, во имя общагодѣла, работать вмѣстѣ съ нами — безъ дальнѣйшихъ разговоровъ полковникъ Т. согласился.

Партизанамъ его была дана задача выставить на трехъ дорогахъ входящихъ въ Гатчину заставы; каждой заставѣ было придано или орудіе или броневая машина; связь между заставами поддерживалась дозорами. Возможность обхода съ фланговъ исключалась, т.к. мѣстность было болотистая и проходила только по занятыхъ заставами дорогамъ. Линія же желѣзной дороги охранялась заставой юнкеровъ.

Установивъ связь по телефону съ Лугой, мы начали организовывать доставку оттуда снарядовъ. Вопросъ о доставкѣ снарядовъ и патроновъ изъ Луги, въ этой общей суматохѣ и неразберихѣ, въ то время, сбоялся очень просто: необходимо было набрать нѣсколько добровольцевъ, которые бы грузили снаряды, снабдить ихъ соответствующими документами съ «печатями», а все остальное дѣлалось само собой и безъ всякихъ препятствій.

Задачу доставить первый вагонъ снарядовъ взялъ на себя мичманъ Х. (Впослѣдствіи партизанъ въ составѣ корпуса ген. Шкуро). Какъ оказалось впослѣдствіи — погрузку снарядовъ онъ началъ безпрепятственно, но не успѣлъ выполнить своей задачи вслѣдствіе занятія гор. Гатчины большевиками и ареста его Лужскимъ совѣтомъ.

30 октября, придя съ полетовъ около 10 съ половиною часовъ утра въ собраніе школы, я узналъ отъ взволнованныхъ офицеровъ, что черезъ 2-3 часа въ Гатчину войдутъ большевики. Я послѣшилъ во дворецъ, гдѣ увидѣлъ, что нашъ штабъ уже скрылся, тщательно уничтоживъ на дверяхъ всѣ надписи съ указаніемъ должностныхъ лицъ и отдѣленій штаба.

Встрѣтившій меня прaporщикъ Д. сообщилъ, что онъ видѣлъ, какъ изъ

воротъ дворца выѣхалъ автомобиль «Рено» начальника гарнизона, на которомъ, въ качествѣ пассажира, сидѣлъ какой то странный субъектъ въ пальто, подобномъ тому, какое носятъ мастеровые, въ матросской фуражкѣ и автомобильныхъ очкахъ; когда автомобиль проѣзжалъ вблизи него, ему показавось, что черты лица оригинально одѣтаго господина очень похожи на Керенского.

Говорять, что Керенскій, узнавъ о требованіи большевиковъ выдать его— зашелъ къ генералу Краснову и, послѣ краткаго разговора, спросилъ — что ему слѣдуетъ дѣлать?

«Застрѣлиться» — якобы послѣдовалъ краткій, но выразительный отвѣтъ со стороны генерала Краснова.

«Хорошо, я подумаю» отвѣтилъ Керенскій и ушелъ къ себѣ въ комнату; оттуда черезъ смежную комнату, отдѣленную портьерой, онъ спустился въ нижній этажъ, и, не проходя по коридору 3-го этажа, гдѣ его могли легко узнать и арестовать даже не большевики (объ арестѣ Керенскаго усиленно поговаривали и казаки, и солдаты, и офицеры авиационной школы—вотъ почему солдатскій караулъ былъ замѣненъ юнкерскимъ), вышелъ во дворъ, гдѣ его ждалъ заранѣе приготовленный автомобиль начальника гарнизона.

Въ 12 часовъ дня я переѣхалъ на квартиру въ городъ къ одному изъ своихъ друзей, чтобы избѣжать первого рокового момента встрѣчи съ большевиками.

Къ полудню, въ городѣ, появились отдѣльныя группы матросовъ, не принадлежавшихъ къ боевому отряду, наступавшему со стороны Петрограда.

Многіе офицеры старались уйти хотя бы на нѣсколько верстъ отъ города, нѣкоторые укрылись въ близлежащихъ лѣсахъ, нѣкоторые ушли пѣшкомъ по полотну желѣзной дороги — на одну двѣ станціи отъ Гатчина...

Но много офицеровъ школы остались и въ городѣ, ибо солдаты школы вообще, комитеты и Гатчинскій совѣтъ въ частности, состояли изъ интеллигентныхъ и благоразумно настроенныхъ людей, и хотя, конечно, всѣ были уверены, что ихъ при новыхъ выборахъ въ большевистскіе комитеты забаллотируютъ, но пока это произойдетъ — пройдетъ и первый острый моментъ.

И, дѣйствительно, Зоктября, въ 6 часовъ утра, когда я пришелъ на аэродромъ подъ предлогомъ утренней тренировки и обошелъ всѣ специальнаяя команды школы — все еще было въ порядкѣ и всѣ были на мѣстахъ, — но когда я черезъ часъ зашелъ въ строевую роту, единственную некультурную и наполовину большевистски настроенную часть, то увидѣлъ довольно непріятную для себя картину: рядомъ съ дневальнымъ сидѣлъ и пилъ чай... ужаснаго вида

гельсингфорскій матросъ—весь растерзанный, немытый, съ огромной копной рыжихъ вьющихся волосъ, на которыхъ небрежно была надѣта грязная матросская фуражка, — отступленія не было:

«Садитесь, товарищъ»—обратился ко мнѣ дневальный—«чаю хотите?» и, не получивъ отвѣта, налилъ мнѣ кружку чаю (я былъ въ кожаной курткѣ, для полетовъ, безъ погонъ).

«Ну такъ какъ же товарищъ» обратился онъ къ матросу, очевидно продолжая прерванный моимъ приходомъ разговоръ

«Да, ничего, но если среди Вашихъ офицеровъ есть с-чъ, которая идетъ открыто противъ насъ, такъ мы ихъ быстро почистимъ—правильно товарищъ?»

«Правильно, гы-гы-гы»—дневальный глупо и безсмысленно засмѣялся.

Дѣлать мнѣ здѣсь больше было нечего и, воспользовавшись удобнымъ моментомъ я, незамѣтно, ушелъ изъ строевой и опасной для меня роты.

Зайдя въ школу я хотѣлъ переговорить по телефону съ коменданскимъ управлениемъ и узнать о событияхъ дня. Неожиданно мнѣ повезло: на мой вызовъ—станція мнѣ не отвѣтила, линія оказалось уединенной, и я услышалъ разговоръ нового коменданта—гвардіи поручика К-ъ съ Гатчинскимъ Совдепомъ.

Изъ подслушанного мною разговора я узналъ, что дворецъ занять гельсингфорскими матросами во главѣ съ комиссаромъ Дыбенко.

Итакъ на сѣверѣ борьба окончилась...

17 мая 1918 г.

Ростовъ н-Д.

Техническихъ войскъ
Полковникъ П. Нестеренко.

ТУРКЕСТАНЪ ВЪ ДНИ РЕВОЛЮЦІИ И БОЛЬШЕВИЗМА

(Краткое описание хода событий въ Ташкентѣ)

мартъ — декабрь 1917 г.

Акты объ отреченіи Государя Императора и отклоненіи принятія на себя власти вел. кн. Михаиломъ Александровичемъ до рѣшенія Учредительного Собранія, были опубликованы въ Ташкентѣ одновременно.

2-го марта, командующій войсками Туркестанского округа и генералъ-губернаторъ, генер. А. Н. Куропаткинъ, пригласилъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ войсковыхъ частей, расположенныхъ въ г. Ташкентѣ и послѣ рѣчи, въ которой изложилъ ходъ событий, — задалъ вопросъ: «кто изъ васъ можетъ сказать мнѣ, что вполнѣ ручается за своихъ солдатъ, и что, въ случаѣ надобности, его часть исполнить приказаніе власти?».

Послѣ непродолжительной, но весьма тяжелой паузы, выступило только два офицера: — первый, начальникъ конвоя (въ 90 человѣкъ казаковъ) и второй — командиръ 3-й отдѣльной Туркестанской роты (въ то время четыре саперныхъ и одинъ телеграфный взводъ: — всего численностью до 400 человѣкъ солдатъ при шести офицерахъ — исключительно прaporщикахъ). Остальные начальники частей молчали; въ Ташкентѣ же тогда были весьма крупные части, какъ напр. — 1-й и 2-ой запасные Стрѣлковые полки, 2 дружины, пулеметные команды, нѣсколько артиллѣрійскихъ батарей, крѣпостная артиллѣрійская рота, наконецъ — военное училище и школа прaporщиковъ.

Повидимому этимъ молчаніемъ генералъ Куропаткинъ былъ подавленъ; онъ обратился съ какимъ то вопросомъ къ одному изъ полковыхъ командировъ и тогда многие изъ начальниковъ, наперерывъ, стали объяснять, что не могутъ ручаться за свои части полностью, что нѣкоторыя роты или команды ненадежны и т. п. Но впечатлѣніе получилось иное: меньшинство изъ нихъ имѣли нѣкоторыя данныя не довѣрять своимъ людямъ, большин-

ство же были неувѣрены по той простой причинѣ, что совершенно не знали своихъ частей. Давъ нѣсколько общихъ руководящихъ указаний, генералъ отпустилъ начальниковъ.

На 5-ое марта было назначено торжественное богослуженіе и присяга на вѣрность Временному Правительству. Передъ началомъ парада произошелъ слѣдующій характерный инцидентъ: одинъ изъ мѣстныхъ соціалистовъ выѣхалъ верхомъ и, обогнавъ, генерала Куропаткина, крикнулъ: «да здравствуетъ демократическая республика, уура!»; немногіе голоса успѣли поддержать этотъ возгласъ, но генералъ Куропаткинъ, немедленно, жестомъ руки, остановилъ начавшійся беспорядокъ громко, такъ что слышать могли всѣ присутствующіе, сказалъ: «вотъ видите, уже торопятся предрѣшать волю народа», а затѣмъ кратко, но выразительно, разъяснилъ, что будущая форма Правленія будетъ опредѣлена Народнымъ Собраниемъ. Парадъ закончился безъ дальнѣйшихъ инцидентовъ, войска разошлись по казармамъ и можно было надѣяться, что обаяніе генерала Куропаткина удержитъ дисциплину и порядокъ,

Но вышло иначе: приказы № 1 и 2 — съ одной стороны, дѣятельность соціалистовъ всѣхъ оттѣнковъ — съ другой, и, главнымъ образомъ, неумѣніе разбираться въ текущихъ событияхъ и непониманіе громаднымъ большинствомъ офицеровъ обстановки — привели къ тому, что вскорѣ опереться генералу Куропаткину было не на кого и «республиканская» дисциплина удерживалась лишь въ немногихъ частяхъ, — въ остальныхъ же шель развалъ.

«Вождемъ» солдатской массы сдѣлался нѣкто Бройда, который, не будучи солдатомъ мѣстного гарнизона,*) все-таки былъ избранъ предсѣдателемъ Ташкентскаго Совета Солдатскихъ Депутатовъ. Этотъ демагогъ и «углубитель», чувствуя, что при генер. Куропаткинѣ особенно «разгуляться» нельзя, добился его ареста (правда почетнаго) и генерала Куропаткина увезли подъ офицерскимъ конвоемъ въ Петроградъ.

Вскорѣ послѣ сформированія С. С. Д., небольшая группа офицеровъ настояла на созывѣ всѣхъ офицеровъ гарнизона для обсужденія создавшагося положенія; собраніе офицеровъ состоялось и удалось ввести въ С. С. Д.—60 съ лишнимъ офицеровъ, при общемъ числѣ солдатъ-депутатовъ около 120. Но какъ уже было сказано, офицерство въ своей массѣ было далеко не на высотѣ (что вполнѣ

*.) Дезертиръ изъ казахинскаго гарнизона; раньше былъ адвокатомъ въ Чикментѣ или Ауліата.

нѣ понятно, ибо, за немногими исключеніями,—состояло изъ лицъ съ начала войны ни разу не бывшихъ на фронтѣ); работать въ Совѣтѣ пришлось немногимъ, а большинство даже для весьма важныхъ голосованій на засѣданія не являлись.

Этотъ «абсентеизмъ» далъ свои результаты, когда на Краевомъ Съездѣ Совѣтовъ разрабатывали Положеніе о Совѣтахъ. Въ Краевой Съездѣ было выбрано очень мало офицеровъ и с.-д. Бродиа съ с.-р. А. И. Дорреромъ (графъ, прис. повѣр. изъ Асхабада) большинствомъ голосовъ провели параграфъ, по которому *всѣ* депутаты: солдаты и офицеры избираются въ воинскихъ частяхъ *всѣмы* воинскими чинами — изъ расчета одинъ на сто. (Раньше же офицеры-депутаты избирались въ каждой части только офицерами, а отъ мелкихъ командъ попадали въ Совѣтъ безъ выборовъ, въ качествѣ представителей). Благодаря этому параграфу въ новый Совѣтъ попало очень мало офицеровъ и вліяніе ихъ въ Совѣтѣ почти утратилось, но зато у членовъ Краевого Совѣта руки были развязаны.

Прошло три съ половиной мѣсяца. Послѣ юльского выступленія большевиковъ въ Петроградѣ, къ чести Краевого Совѣта нужно признать, что они, поняли, что дѣло можетъ кончиться анархіей, и вслѣдъ за появившимся призывомъ генерала Корнилова и началомъ организаціи «ударниковъ» (въ Ташкентѣ сформировался и женскій баталіонъ), въ рядѣ совѣщаній начальниковъ частей гарнизона во главѣ съ новымъ командующимъ войсками генер.-майоромъ Л. Н. Черкесомъ, совмѣстно съ представителями отъ С. С. Д. (Краевого), были выработаны обязательныя и вполнѣ приемлемыя для всѣхъ военнослужащихъ «правила» — положенія Устава (вплоть до обязательнаго полученія отпускныхъ увольнительныхъ записокъ, обязательной вечерней переклички и т. п.).

Къ 25 августа казалось, что именемъ генерала Корнилова дисциплина среди солдатъ дѣйствительно возстановлена; въ Ташкентѣ, на улицахъ, *да же* честь отдавали по прежнему. Но, полученная вслѣдъ за выступленіемъ генер. Корнилова, радиограмма Керенскаго, въ которой онъ называлъ Корнилова «мятежникомъ и измѣнникомъ», сразу разрушила всю сдѣланную работу; подготовленная ранѣе разрушительная работа оказалась для массъ тунеядцевъ, откармливаемыхъ въ тылу и не желавшихъ итти на фронтъ, весьма заманчивой; среди самихъ офицеровъ также нашлись демагоги жаждавшіе захвата власти, и, — съ 1-го сентября, повиновенія уже не было даже въ такихъ крупныхъ частяхъ, какъ запасные полки. Въ саперной ротѣ,

изъ которой въ іюлѣ мѣс., по требованію изъ Гюргенского отряда ген. Мадритова, были отправлены на фронтъ отборные люди, замѣненные присланными изъ запасныхъ полковъ отбросами «специалистами», также не было надежныхъ солдатъ, но зато къ этому времени вполнѣ надежными оставались военное училище и школа прапорщиковъ.

Въ полкахъ вмѣсто занятій шли митинги съ замѣтнымъ участіемъ какихъ то вновь прибывшихъ лицъ; объ одномъ изъ нихъ — Шмидтѣ, въ штабѣ округа были свѣдѣнія, что, по даннымъ развѣдки, онъ германскій шпіонъ, прибылъ изъ Риги, а на вопросъ, почему же его не арестовали, отвѣтъ былъ въ такомъ родѣ, что «сейчасъ это трудно выполнить». (слова кап. Б—го изъ военной цензуры).

Продовольственный вопросъ къ этому времени сталъ также обостряться; большую часть земли туземцы засѣяли хлопкомъ, а обычное снабженіе Туркестана хлѣбомъ изъ другихъ областей тормозилось. Къ 9 сентября въ Ташкентъ приѣхало много туземцевъ изъ деревень (кишлаковъ) за покупкой къ наступавшему мусульманскому празднику, риса, хлѣба и проч. 11-го сентября, часть солдатъ 1-го полка, руководимая какими-то лицами, самочинно задержала отходившій изъ Ташкента поѣздъ, обыскала всѣхъ туземцевъ и отобрала у нихъ всѣ сѣстинные припасы; одновременно, по всему городу и во всѣхъ воинскихъ частяхъ, разные подозрительные ораторы призывали разогнать Краевой Совѣтъ С. и Р. Депутатовъ, а 12-го на митингѣ въ Александровскомъ скверѣ, разношерстная толпа солдатъ и мѣстныхъ подонковъ населенія, руководимая Шмидтомъ и Ко., выбрали особый «Революціонный Комитетъ» изъ 14 членовъ (Шмидтъ, пор. Перфильевъ, бывш. офицеръ Аму-Даргинской флотиліи Черневскій, чиновн. Контрольной палаты Тоболинъ, репортеръ Цвиллингъ, прапор. Гриневичъ и друг.).

Вечеромъ того же дня, на экстренномъ засѣданіи Краевого Совѣта, обсуждалось создавшееся положеніе, при чѣмъ члены Совѣта просили приглашенного въ засѣданіе генерала Черкеса вызвать для охраны Совѣта роту юнкеровъ. Когда рота отъ школы прапорщиковъ подходила, — толпа, руководимая Членами «Революціоннаго Комитета», уже ворвалась въ «Домъ Свободы», гдѣ засѣдалъ Совѣтъ, — но порядокъ былъ быстро восстановленъ: большая часть членовъ Комитета была арестована, отправлена въ тюрьму и засѣданіе продолжалось... юнкеровъ же отпустили обратно въ школу, а начальникъ школы полковникъ Савицкій и командръ роты кап. Ф—въ отправились... ночевать въ городъ.

Тѣмъ временемъ, оставшіеся на свободѣ члены «комитета» не пошли спать и, вскорѣ къ «Дому Свободы», сбѣжалась изъ разныхъ казармъ большая толпа солдатъ съ винтовками и разогнали Краевой Совѣтъ. Генералъ Черкесъ былъ раненъ, но, съ обнаженной шашкой, выскочилъ въ окно и, съ помощью нѣсколькихъ солдатъ и полковника Р—ва, былъ спасенъ. Власть перешла въ руки Революціоннаго Комитета, арестованные члены котораго были немедленно освобождены изъ тюрмы и привезены на автомобиляхъ въ «Домъ Свободы». Командующимъ войсками выбрали пор. Перфильева, его помощникомъ — члена Комитета Вайнштейна, комендантомъ — прап. Гриневича, помощникомъ — бывшаго адъютанта комендант. управлениія прап. Л—а (не большевика).*) Въ то время гражданское управлениѣ Туркестаномъ, по полномочію Временнаго Правительства находилось въ рукахъ комиссаровъ Наливкина, Елпатьевскаго и друг. Всѣ почти учрежденія сразу стали повиноваться новой власти, за исключеніемъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, благодаря чему Наливкинъ успѣлъ послать Временному Правительству телеграмму о происшедшемъ. Изъ воинскихъ частей не примкнули къ большевикамъ лишь мелкія команды; саперная рота при новомъ командирѣ кап. Т—въ держалась нейтрально, команда искровой станціи (пор. Д—въ) подчинилась и радио былъ въ распоряженіи большевиковъ, автомобильная команда съ кап. Малюгой**) работала также для нихъ.

15-го сентября, благодаря энергіи прaporщика Бутина, служившаго въ канцеляріи воинскаго начальника, писаря этой команды, а за ними и другихъ, настукали на машинкахъ протесты противъ захватчиковъ власти, а 16-го генералъ С—ій (окружный интенданть), переговоривъ съ нѣсколькими офицерами, заявилъ, что, если найдутъ еще сторонниковъ, то его команда (человѣкъ 60) цѣликомъ пойдетъ противъ большевиковъ. Въ 4 часа дня, того же числа, во дворѣ Окружного интенданства собралось до ста человѣкъ, главнымъ образомъ изъ нестроевыхъ и человѣкъ пятнадцать офицеровъ и чиновниковъ. Пригласили туда же и комиссара Наливкина, который явился

*) Ночью было окружено и помѣщеніе школы прaporщ., арестованы спящіе юнкеровъ, поставили возлѣ нихъ караулъ, а винтовки снесли въ цейхгаузъ. Полк. Савицкій и капит. Фроловъ были арестованы и заключены на гауптвахту.

**) Когда въ Ташкентѣ былъ организованъ подотдѣль Союза офицеровъ Армii и Флота, капитанъ Малюга въ противовѣтъ ему образовалъ «Союзъ офицеровъ Республиканцевъ».

съ оттискомъ, только что полученной изъ Петрограда телеграммы Врем. Правительства, въ которой сообщалось, что на помощь высыпается военная экспедиція, послѣ чего было приказано «арестовать мятежниковъ». При этомъ комиссаръ Наливкинъ заявилъ, что, не смотря на свою старость, онъ вспоминаетъ, что когда-то былъ сотникомъ и что онъ, въ случаѣ надобности, самъ пойдетъ противъ большевиковъ.

Было условлено: собраться къ 8-ми час. вечера во дворѣ воинскаго начальника, причемъ каждый изъ присутствовавшихъ долженъ быть къ вечеру привлечь возможно больше сочувствующихъ.

Прежде всего необходимо было освободить юнкеровъ школы прaporщиковъ изъ подъ ареста, что и было блестяще выполнено не бывшими случайно подъ арестомъ капит. Ф—мъ и адъютантомъ школы прaporщиковъ Т—мъ; съ помощью нѣсколькоихъ юнкеровъ; вооруженные взятыми изъ конвоя винтовками и бывшими въ ихъ распоряженіи двумя ручными гранатами, они обезоружили большой караулъ, освободили юнкеровъ, добыли изъ цейхгауза винтовки и вооружили ихъ. Къ этому времени кап. Г—нъ уговорилъ находившихся въ крѣпостныхъ казармахъ, въ ожиданіи отправки на фронтъ, триста ударниковъ примкнуть къ движенію; ихъ также вооружили винтовками изъ тѣхъ же цейхгаузовъ и, къ 9 часамъ вечера, былъ сформированъ отрядъ силою до 900 штыковъ (и 75 казаковъ изъ конвоя), включая разныхъ нестроевыхъ, офицеровъ и чиновниковъ. По разнымъ причинамъ офицеровъ примкнуло тогда очень мало; командованіе отрядомъ было предложено генералу Смирницкому, но онъ отказался, заявивъ, что командовать должны только бывшіе на войнѣ. Тогда командованіе принялъ старшій въ чинѣ полковникъ П—въ, назначивъ начальникомъ штаба кап. Г—на. Черезъ часъ выяснилось, что полк. П—въ, никогда не быть въ боевой обстановкѣ и не годится для командованія (между прочимъ онъ приказалъ отпустить на «честное слово» арестованного конвойцами большевистскаго коменданта прап. Гриневича). Пришлось спѣшно вызвать только что освободившагося изъ-подъ ареста полковника Р—ва (георг. кавалеръ—послѣ тяжелаго раненія съ вставной челюстью). Полковникъ Р—въ принялъ командованіе и приказалъ весь отрядъ перевести въ крѣпость, комендантомъ которой назначилъ капит. Г—на. Необходимо еще отмѣтить, что освобожденный изъ-подъ ареста начальникъ школы прaporщиковъ, полковникъ Савицкій, также уклонился отъ командованія и оставался съ нами въ крѣпости въ довольно странной роли присутствующаго, но не участвующаго въ дѣлѣ лица.

Все было сорганизовано настолько быстро, что большевики не успѣли помѣшать, и къ утру, всѣ государственные учрежденія, банки, казначейство, почта и т. п. охранялись уже караулами изъ крѣпости; большевики не выступали, но ихъ не трогали по приказанію комиссара Наливкина, ожидавшаго, что вотъ-вотъ придется военная помощь и тогда наступить «судь пра-вѣдный». Собственно говоря, — съ большевиками тогда уже можно было кончить однимъ ударомъ, пассивное же сидѣніе въ крѣпости, все время на чеку, было весьма изнурительно: приходилось жить въ крѣпости не раздѣваясь, караулы были тяжелы изъ-за относительной малочисленности. Кромѣ того, въ самой крѣпости, были хорошо вооруженные враги этого маленькаго отряда (крѣпостная артиллерійская рота), у которыхъ были и пулеметы и орудія на валахъ, и которыми, они въ любой моментъ, могли оперировать противъ зданія школы, гдѣ находился тогда штабъ отряда, всѣ офицеры и юнкера. Дѣлались попытки привлеченія къ несенію караульной службы людей изъ дружинъ, но это могло оказаться не безопаснымъ. Такое неопределеннѣе положеніе тянулось почти до октября мѣсяца.

Въ концѣ сентября прибыла неожиданная помощь изъ Самарканда: однажды, на разсвѣтѣ, въ крѣпости, появился полковникъ Б—въ съ двумя сотнями (150 чел.) казаковъ и обратился къ коменданту съ вопросомъ — гдѣ находится «гнѣздо», — т. е. «Домъ Свободы»? — Получивъ указанія, онъ заявилъ, что сейчас же его раззорить. И дѣйствительно, вскорѣ стали прибывать арестованные имъ: прапор. Гриневичъ, писарь школы прапорщиковъ Федосѣевъ (весьма опасн. большевикъ, членъ комитета), а также вскорѣ привезли цѣлый ящикъ захваченныхъ тамъ документовъ и запертый несгораемый шкафъ.

Но о дѣйствіяхъ полковника Б—ва узналъ полковникъ Савицкій; ужасно возмущившись, онъ отправился къ комиссару Наливкину и убѣдилъ его приказать полк. Б—ву — отъ имени Временного Правительства — прекратить военные дѣйствія; полк. Б—въ обидѣлся и, черезъ нѣсколько дней, уѣхалъ со своими казаками, но арестованные большевики и захваченное имущество остались у коменданта крѣпости. Было вполнѣ ясно, что на гарнизонъ рейдъ Б—ва произвелъ сильное впечатлѣніе и, если бы ему не помѣшили, а наоборотъ — разрѣшили присоединить двѣ роты юнкеровъ къ его казакамъ, то тогда легко можно было бы разоружить мятежные полки даже безъ жертвъ.

Итакъ сторонники Временного Правительства, присягавшіе ему пока-

зали примѣръ повиновенія законному начальству и подчинились приказу комиссара Временного Правительства: не раздѣваясь по недѣлямъ, продолжали въ бездѣятельности валяться на полу столовой и канцеляріи школы, готовые, въ любой моментъ, по тревогѣ, занять свои мѣста на валахъ крѣпости или въ рядахъ вылазочнаго отряда.

Въ послѣднихъ числахъ сентября стали прибывать части отряда генерала Коровиленко, (военная экспедиція по назначенню Временного Правительства), а 3-го октября прибылъ и самъ ген. Коровиленко. Отрядъ состоялъ изъ (17?) Оренбургскаго казачьаго полка, четырехъ маршевыхъ эскадроновъ драгунъ и гусаръ, пулеметной роты изъ Ораніенбаума и двухъ бронированныхъ автомобилей.

Уже съ первого дня пребыванія генерала Коровиленко въ Ташкентѣ выяснилось, что будучи присланъ Керенскимъ для подавленія мятежа, онъ недооцѣниваетъ событій. Всѣ участники борьбы полагали, что онъ немедленно прикажетъ мятежнымъ войскамъ сдать оружіе и, въ случаѣ не-повиновенія, заставить ихъ повиноваться силой, также понимали и сами прибывшіе съ нимъ офицеры и солдаты, также понимали и трепетавшіе большевики. Генералъ Коровиленко думалъ иначе; онъ считалъ возможнымъ «уговорить» ихъ и даже «безъ разоруженія». Начался рядъ «роковыхъ» ошибокъ.

Несмотря на всѣ протесты, штабъ ген. Коровиленко расквартировалъ прибывшія съ нимъ войска такъ, что драгуны и гусары должны были жить рядомъ съ 2-мъ зап. стр. полкомъ, а казаки — рядомъ съ казармами 1-го полка, т. е. съ «мѣста въ карьеръ» давалась возможность пропаганды среди вновь прибывшихъ. Уже на второй день всѣ опасенія полностью подтвердились, и офицеры отряда заявили о неудобствѣ такого сосѣдства а также и о томъ, что среди ихъ людей уже кое-что «начинается»; но ген. Коровиленко все же полагался на силу «уговариванія» и... отпустилъ «ударниковъ»*) за ненадобностью — это была вторая ошибка.

Самъ ген. Коровиленко отправился съ визитомъ въ С. С. и Р. Депутатовъ, куда съѣхались члены со всего Туркестана, чтобы «осудить» незаконное сверженіе Краевого Совѣта; засѣдая совместно съ захватчиками власти, наиболѣе умѣренные изъ нихъ, не найдя возможнымъ оставаться въ такомъ Совѣтѣ, постепенно разъѣхались. И вотъ, на этомъ Совѣтѣ, генералъ

*) Среди нихъ былъ хорунжій Грековъ (блѣлоголовый), участвовавшій въ партизанскихъ отрядахъ въ январѣ 1918 г. на Дону.

Корови́ченко произноси́лъ большія рѣчи и спокойно выслушивалъ отъ «захватчиковъ власти» самыя возмутительныя вещи—это была третья ошибка.

Четвертой ошибкой являлось освобождение отъ обязанностей комиссара Наливкина, что ген. Корови́ченко сдѣлалъ именемъ Временного Правительства. Единственный боевой старшій начальникъ полковникъ Р—въ, не соглашаясь съ методами Корови́ченко, самъ отстранился за болѣзнью (дѣйствительной); помощникъ генерала Корови́ченко по гражданскимъ дѣламъ (назначенный имъ) А. И. Доррерь, состоявшій ранѣе областнымъ комиссаромъ Закаспійской области, также полагалъ, что уговоры бесполезны и необходимо разоруженіе и арестъ членовъ Революціоннаго комитета, но не могъ переубѣдить генерала и самъ сталъ заниматься «уговариваніемъ».

Къ 14 октября положеніе защитниковъ власти въ крѣпости стало затруднительнымъ, — крѣпостная рота вела себя слишкомъ вызывающе, пулеметы и одно орудіе демонстративно были направлены противъ зданія школы; депутаты этой роты въ Совѣтѣ требовали суда надъ лицами, разоружившими ихъ караулъ 16 сентября и вскрывшими цейхгаузы съ оружіемъ... и т. д.

Послѣ долгихъ колебаній, генераль Корови́ченко отдалъ приказъ крѣпостной ротѣ сдать оружіе и, по неисполненіи приказа, распорядился роту обезоружить силой. Въ это время комендантъ крѣпости (съ 3 октября) состоялъ уже полковникъ В. М. Бекъ, ранѣе бывшій Инсп. Инжен. Турк. Округа, а прежній комендантъ, капит. Г-нъ—и. д. начальника штаба крѣпости. Въ виду неповиновенія крѣпостной роты, было приказано обстрѣлять ея казарму во второмъ этажѣ пулеметами изъ двухъ броневиковъ, причемъ было сдѣлано по «двѣ очереди» по верхнимъ карнизамъ оконъ. Крѣпостники сдались, — убитыхъ и раненыхъ не было, хотя часть пуль попала въ потолки и стѣны казармы. Послѣ отбора завѣдомо невиновныхъ, остальныхъ приказано было оставить въ казармѣ подъ карауломъ (всѣ представители власти и защитники Врем. Пр-ства настаивали на отсылкѣ ихъ въ тюрьму). На другой день генераль разрѣшилъ спеціальной депутациіи отъ Совѣта войти въ крѣпость и «убѣдиться», что никто не убитъ и не раненъ, но прибывшіе, увидѣвъ слѣды пуль, такъ «кликушествовали» по поводу того какіе «могли бы быть» несчастные случаи, что пришлось ихъ выпроводить изъ крѣпости. Въ мятежныхъ полкахъ, въ рабочей слободкѣ и въ городѣ генер. Корови́ченко называли «звѣремъ» за то, что онъ разоружилъ роту; на случайно выходившихъ изъ крѣпости защитниковъ ея устраивалась охота....

Тѣмъ временемъ началось броженіе въ Оренбургъ, казачьемъ полку, пулуметная команда этого полка отказалась выполнить приказаніе своего начальства, и хотя была оставлена на свободѣ, но предана военному суду. Засѣданіе суда генер. Коровиленко приказалъ назначить въ крѣпости; составъ суда — шесть человѣкъ, въ числѣ которыхъ были кадровые офицеры (одинъ полковникъ); такъ какъ на этомъ судѣ допущены были рѣчи, въ которыхъ неповиновеніе восхвалялось, то судъ... «оправдалъ» всѣхъ обвиняемыхъ...

Драгуны и гусары настолько явно были уже заражены пропагандой, что стали опаснымъ элементомъ и генер. Коровиленко отпустилъ ихъ обратно въ Петроградъ, причемъ имъ пришлось дать хорошія деньги «на чай», чтобы только избавиться отъ нихъ. Броневые офицеры успѣли вытребовать себѣ смѣну и тоже уѣхали, — вновь прибывшіе броневики и большая часть казаковъ были вполнѣ надежны.

Между тѣмъ дѣйствія Совѣта и поведеніе мятежныхъ полковъ, убѣдившихся въ пассивности генерала Коровиленко стали настолько вызывающими, что, наконецъ, удалось убѣдить генерала въ необходимости немедленно разоружить полки и отобрать отъ нихъ оружіе и огнестрѣльные припасы, хранившіеся въ полковыхъ цейхгаузахъ.

23-го октября, на разсвѣтѣ, было начато движеніе къ полкамъ; 2-ой полкъ въ городѣ былъ разоруженъ отрядомъ изъ крѣпости весьма быстро; разоруженіе же 1-го полка поручено было ротѣ Военнаго Училища и казакамъ.

Тамъ дѣла складывались весьма плохо: мятежники успѣли передать винтовки рабочимъ*) находившимся по сосѣдству жел.-дор. мастерскихъ, и командовавшій тремя сотнями казаковъ войсковой старшина, долго не рѣшался пустить въ ходъ оружіе (приказано было разоружить безъ крови); когда же мятежники уже сами стали обстрѣливать казаковъ, было поздно приказывать: казаки сдали свои винтовки мятежникамъ. Посланные туда броневики съ трудомъ выбрались обратно, а юнкера училища должны были отступить. Начались правильныя военные дѣйствія, — наши части въ городѣ, а противникъ въ заводской части (казармы 1-го полка, казачьи и мастерскія). Къ 27-му октября наступавшій отрядъ уже бралъ верхъ надъ противникомъ, но, по приказанію ген. Коровиленко, вынужденъ быть согла-

*) Рабочихъ и разнаго сброва присоединилось къ 1-му полку свыше 3.000.

ситься на перемиріе, просимое противникомъ и генераль приступилъ къ переговорамъ. Главная просьба противника заключалась въ томъ, чтобы отвести отрядъ отъ ключа позиції (Куйлюкскій мостъ); не смотря на всѣ убѣжденія въ опасности такого шага, просьба эта была генераломъ исполнена, — онъ приказалъ отойти, а черезъ полчаса переговоры пришлось прервать, ибо большевики немедленно продвинулись черезъ мостъ и заняли часть города....

Начались бои въ самомъ городѣ. Вечеромъ 31-го октября защитники Врем. П-ва снова улучшили свое положеніе и съ утра (наконецъ то получили разрѣшеніе генерала) предполагалось начать артиллерійскій обстрѣлъ рабочей слободки и этимъ покончить съ большевиками, такъ какъ по имѣвшимся даннымъ развѣдки, послѣ этого обстрѣла, рабочіе сейчасъ же разсыпятся. Но къ вечеру прибыла на автомобіяхъ съ бѣлыми флагами, а на передовомъ — съ большимъ крестомъ изъ вокзальной церкви, депутація отъ рабочихъ во главѣ съ настоятелемъ вокзальной церкви. Депутація заявила, что «народъ» не хочетъ больше крови, надо найти пути къ примиренію и проч. Не смотря ни на какие доводы, генераль рѣшилъ заключить съ большевиками миръ. Обостренность отношений въ отрядѣ, являющаяся результатомъ дѣйствій генер. Коровченко, дошла до того, что офицеры заявили, что не подчинятся ему и выберутъ изъ своей среды командующаго. Тогда генер. Коровченко сказалъ рѣчь, въ которой указалъ, что неповиновеніе ему, представителю временнаго правительства, равно измѣнѣ присягѣ и проч. Подчинились... раскрыли ворота крѣпости, и черезъ нѣсколько минутъ, всѣ офицеры за немногими исключеніями (успѣли скрыться) были арестованы. Коровченко былъ первымъ отправленъ на крѣпостную гауптвахту, остальныхъ «погнали» подъ конвоемъ въ казармы 2-го полка.

О томъ, что было пережито тогда, говорить не приходится; сколько было защитниковъ власти Врем. Пр-ва тогда убито — неизвѣстно. Въ городѣ началась ловля офицеровъ и добровольцевъ; въ крѣпости было много лицъ разныхъ профессій, присоединившихся къ отряду въ концѣ октября, было много учащейся молодежи, воспитанниковъ кадетскаго корпуса. Между прочимъ въ эту ночь былъ убитъ (или застрѣлился) генераль, георг. кавалеръ Мухинъ, къ которому пришли на квартиру (по болѣзни онъ не выходилъ изъ дома) съ требованіемъ отдать оружіе, генераль отвѣтилъ пулями изъ револьвера.

Съ 1-го ноября большевики закрѣпили свою власть въ Ташкентѣ; въ

другихъ городахъ края имъ также не было оказано почти никакого сопротивленія, — наоборотъ, присылали даже помошь,—такъ напр., 2-го ноября, изъ крѣпости Кушки прибылъ отрядъ съ шестью орудіями подъ командой инженера полковника фонъ-Шульца (бывшаго и ранѣе комендантомъ Кушки) съ офицерами прaporщикомъ Пушкинымъ и другими. Этотъ отрядъ много содѣйствовалъ послѣдовавшимъ жестокостямъ.

При тюрьмѣ, куда перевели послѣ издѣвательствъ и побоевъ всѣхъ офицеровъ (кромѣ генер. Коровченко, оставленнаго въ крѣпостной гауптвахтѣ на потѣху толпы—приходившихъ ежедневно специально для того, чтобы плюнуть сквозь рѣшетку въ «звѣря»; на шестой день его ранили штыкомъ и хотя, по требованію коменданта крѣпости унт. офиц. Якименко, была слѣпана перевязка, но черезъ непѣлю его убили самымъ звѣрскимъ образомъ), учредили слѣдственную комиссию для разбора степени виновности арестованныхъ; комиссія состояла изъ большого числа солдатъ, — представителей отъ всѣхъ частей; въ составѣ комиссіи удалось, на первыхъ порахъ, включить мѣстныхъ адвокатовъ Ф. Н. А—ва и Ш—на, которые содѣйствовали освобожденію многихъ офицеровъ. Благодаря отзывчивости мѣстныхъ жителей и энергіи нѣсколькихъ лицъ (г—жа М. И—ва и друг.), удалось многихъ освобожденныхъ и скрывшихся добровольцевъ переодѣть въ штатское платье, снабдить на дорогу деньгами и отправить по разнымъ дорогамъ изъ Ташкента.*)

Скрывшіеся офицеры и часть интеллигенціи пытались организовать сопротивленіе путемъ созданія въ Кокандѣ Автономнаго Туркестанскаго Правительства съ помощью туземцевъ-сартовъ и имъ удалось, по всѣмъ городамъ края организовать массовыя демонстраціи противъ захватчиковъ (мирная манифестація).

Въ городѣ Ташкентѣ такая манифестація состоялась 13 декабря, участвовало свыше 150 тысячъ сартовъ, прошедшихъ черезъ весь русский Ташкентъ; большевики сначала объявили, что не допустятъ манифестантовъ въ русскій городъ, но, убѣдившись въ мощности движенія, — разрѣшили; примкнувшіе къ манифестантамъ русскіе потребовали выпуска изъ тюрьмы арестованныхъ офицеровъ, при чмъ большевики вынуждены были согласиться и на это. Освобожденныхъ съ троумфомъ повезли на взятыхъ безъ сопротивленія у большевиковъ автомбиляхъ; генерала Смир-

*.) Два юнкера и одинъ кадетъ были въ янвѣрѣ 1918 г. въ рядахъ добровольцевъ въ Ростовѣ.

ницкаго посадили верхомъ на лошадь и... вмѣсто немедленнаго движенія въ туземный городъ, гдѣ можно было укрыть освобожденныхъ, отправились «говорить рѣчи» къ городской Думѣ и т. п., — это было около четырехъ часовъ дня. Туземцы, съ утра ничего не ъвшіе, въ прежнемъ порядкѣ направились въ старый городъ; кругомъ освобожденныхъ и примкнувшихъ къ манифестаціи русскихъ, оставалось не болѣе пятисотъ туземцевъ, когда послышались тревожные гудки въ мастерскихъ; пришлось наскоро закончить рѣчи и съ поспѣшностью двигаться къ туземному городу. Но у выхода, — въ зданіи управлѣнія запасной бригады, уже засѣли большевики съ пулеметами, изъ которыхъ и открыли огонь по колоннѣ манифестантовъ. Генералъ Смирницкій и еще нѣсколько русскихъ и, до ста пятидесяти сартовъ, были убиты или утонули въ рѣкѣ на границѣ русского города, большая же часть офицеровъ успѣла скрыться, а восемь человѣкъ, въ томъ числѣ полковникъ Бекъ, генералъ Кіашко, прис. повѣр. Дружкинъ, графъ Доррерь были захвачены, отвезены въ крѣпость и тамъ зарублены шашками. По всему городу начались аресты лицъ, заподозрѣнныхъ въ организаціи манифестаціи.

Черезъ сутки, 15 декабря, капит. Г—ну удалось переодѣтымъ скрыться изъ Ташкента и выѣхать по грунтовымъ дорогамъ черезъ Пскентъ и Хоцжентъ въ Кокандъ, гдѣ предполагалось найти членовъ Туркестанскаго Правительства, но въ тотъ же день, по полученіи извѣстія, что въ Кокандѣ ъдетъ карательная экспедиція съ пор. Перфильевымъ во главѣ, члены Правительства стали сами скрываться. Пришлось покинуть Кокандъ и капит. Г—нъ, вмѣстѣ съ бѣжавшимъ ранѣе изъ Ташкента прис. пов. Ш—мъ, были провезены скрытно проводникомъ вагона до Самарканда, а затѣмъ до Асхабада, гдѣ нашли прис. повѣр. А—ва.

Въ Асхабадѣ предполагалось организовать что либо съ туркменами, но это не удалось, и тогда капит. Г—нъ, по порученію члена Кокандскаго Правительства А—ва, поѣхалъ искать помощи на Кавказѣ.

Въ Терской и Кубанской областяхъ ни о какой помощи не могло быть и рѣчи, т. к. тамъ сами еще не знали, что дѣлать, — пришлось искать помощи дальше на Дону, гдѣ, какъ говорили на Кубани, уже имѣется организація, возглавляемая генераломъ Алексѣевымъ.

9-го января 1918 г. капит. Г—нъ прибыль въ Новочеркасскъ и, въ тотъ же день, былъ принятъ генераломъ, который, выслушавъ подробный док-

ладъ о вышеизложенномъ, сказаль, что будетъ сдѣлано все возможное для спасенія Туркестана.

Подробный варіантъ доклада кап. Г-на генералу М. В. Алексѣеву.

9 января капитанъ Г—нь явился къ генералу Алексѣеву, который принялъ его въ маленькомъ кабинетѣ дома *** въ Новочеркассѣ. Генералъ съ живѣйшимъ интересомъ выслушалъ подробный докладъ о событияхъ, произошедшихъ въ Туркестанѣ, задалъ докладчику много вопросовъ о противо-большевистской организаціи въ Ташкентѣ, о количествѣ снаряженія и боевыхъ припасахъ, оставшихся въ Туркестанскомъ округѣ (Ташкентъ и кр. Кушка), о численности и качествахъ людей, пригодныхъ для борьбы съ большевиками, разспрашивалъ объ отношеніи къ большевизму туземцевъ (сартовъ, киргизъ и туркменъ), о составѣ большевистскихъ частей, обѣ офицерахъ, оставшихся на службѣ у большевиковъ. Узнавъ отъ докладчика, что среди большевиковъ въ Туркестанѣ имѣются германскіе руководители, генералъ промолвилъ: «иначе и быть не могло, все отъ нихъ».

Поблагодаривъ докладчика, генералъ Алексѣевъ сказаль, что будетъ сдѣлано все возможное для помощи Туркестану и назначилъ докладчика въ распоряженіе начальника военно-полит. отдѣла полковника ген. штаба Лисового. Послѣ обсужденія вопроса, докладчику было поручено съ помощью двухъ младшихъ офицеровъ (тоже туркестанцевъ), разработать планъ организаціи освобожденія Туркестана съ тѣмъ, чтобы по утвержденіи его, выѣхать въ Туркестанъ.

Однако дальнѣйша события на Дону, какъ было выше изложено, не дали возможности привести въ исполненіе желанія генерала Алексѣева и Туркестану тогда помочь не пришло.

Ф. Гнѣсинъ.

Ростовъ н/Д.

18 мая 1918 года.

III.

БѢЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

ЗАСЪДАНІЕ

Политического Совѣщанія Добровольческой Арміи 15 января 1918 г.*)

...События между тѣмъ шли своимъ чередомъ: большевистское кольцо сужалось все болѣе и болѣе, притокъ добровольцевъ сократился до минимума (15 — 20 челов. въ день) и, конечно, не въ состояніи быть покрыть естественной убыли въ рядахъ добровольцевъ; въ таблицѣ морального состоянія казачихъ частей**) отдѣлы «ненадежныхъ» и «малонадежныхъ» пополнялись новыми войсковыми частями и абсолютная цифра ихъ росла не по днямъ, а по часамъ, — графа «надежныхъ» этой же таблицы соотвѣтственно и также быстро сокращалась.

Къ 15 января окончательно выяснилось, что почти вся тяжесть обороны легла на плечи Добровольческой Арміи; къ этому времени большевики, отѣснивъ партизанъ, заняли ст. Лихую-Звѣрево; Таганрогъ, горящій изнутри большевистскимъ пламенемъ, былъ также подъ непосредственной угрозой захвата его большевиками, еле сдерживаемыхъ небольшимъ отрядомъ добровольцевъ; въ Ростовѣ и Новочеркассѣ почти открыто засѣдали Совѣты Рабочихъ Депутатовъ и выносили большевистскія резолюціи; на югѣ вновь зашевелились расprüfандированные части 39 пѣх. дивизіи, и, наконецъ, въ довершеніе, всего окончательно выяснилось, что на помощь чехо-словаковъ нѣть никакой надежды: всѣ отправляемыя профессору Массарiku письма, оставлялись безъ отвѣта; послѣднее же письмо, генер. Алексѣева, отправленное въ Киевъ на имя французского представителя съ просьбой оказать вліяніе на профессора Массарика въ смыслѣ подачи скорѣйшей помощи Добровольческой Арміи — не дошло до назначенія: женщина-прапорщикъ, которой было поручено отвезти письмо, въ пути была арестована большеви-

*) Отрывокъ изъ готовящейся къ печати книги Я. М. Лисового «Матеріалы по исторіи Добровольческой Арміи первыхъ дней».

**) Полевой Штабъ Донской Арміи разработалъ особую таблицу «морального состоянія казачихъ войскъ», въ которой всѣ казачьи части были разбиты на слѣдующіе отдѣлы: 1) надежныхъ, 2) малонадежныхъ и 3) ненадежныхъ.

ками и... разстрѣляна, — письмо же было опубликовано въ совѣтской печати и конечно съ соотвѣтствующими большевистскими варіантами.

Какъ ни было тяжело и горько, но приходилось сознаваться въ своемъ безсиліи...

Утромъ, 15 января, я былъ вызванъ въ Атаманскій дворецъ, гдѣ Атаманъ просилъ меня передать генералу Алексѣеву его просьбу о назначеніи экстремного засѣданія Политического Совѣщанія, прибавивъ, что онъ предполагаетъ слѣдать докладъ о положеніи дѣлъ въ Донской Области.

Генералъ Алексѣевъ съ величайшей готовностью откликнулся на просьбу Атамана и немедленно сдѣлалъ рядъ распоряженій о назначеніи засѣданія на вечеръ того же дня.

Къ 8 час. вечера въ залѣ Политического Совѣщанія, въ такъ называемомъ «домѣ съ буквой И», собрались всѣ члены Совѣщанія, за исключеніемъ Савинкова и Вендзягольского, которые незадолго передъ этимъ получили командировки: Савинковъ — въ Москву, а Вендзягольский въ Киевъ.

Вскорѣ пришелъ и Донской Атаманъ.

Всѣ члены Совѣщанія заняли мѣста и генералъ Алексѣевъ открылъ засѣданіе, предоставивъ слово Атаману.

Тихимъ, по обыкновенію, голосомъ, смотря куда-то въ сторону, генералъ Калединъ началъ свой докладъ, детально обрисовывая ту тяжелую политическую и военную обстановку, въ которой находилась Донская Область: «такимъ образомъ, настъ постепенно, но вѣрно окружаютъ со всѣхъ сторонъ и... выхода нѣть никакого, надѣяться не на кого, абсолютно не на кого, кромѣ, какъ на самихъ себя» — закончилъ Атаманъ свою пятнадцатиминутную рѣчь.

Послѣ Атамана говорилъ М. П. Богаевскій: — «я буду кратокъ, — скажу онъ, — мы отлично знаемъ Вашу готовность помочь намъ, но мы также знаемъ, что Вы сами бѣдны и не обѣ этой помоши мы собираемся просить; но, быть можетъ Вамъ, людямъ государственного ума и практического опыта, со стороны виднѣ какои нибудь выходъ изъ этого положенія, выходъ — который, мы или упустили или не замѣчаемъ и который можетъ еще, если и не спасти, то поправить общее положеніе».

Заговорилъ П. М. Агеевъ; анализируя всѣ происходящія въ Россіи событія съ точки зрѣнія «какого то особенного, можетъ быть непонятнаго

для современниковъ» психологического процесса, онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «кто его знаетъ — почему такъ выходитъ? или мы не умѣемъ, или мы не понимаемъ, или же мы дѣйствительно не правы, но только нась не слушаютъ и мы... безсильны», — закончилъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ, и ударивъ по столу рукой, всталъ и началъ нервно ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину и низко опустивъ голову.

Генералъ Алексѣевъ склонившись надъ столомъ, по обыкновенію, что то отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ, П. Б. Струве и кн. Г. Н. Трубецкой тихо перешептывались; Атаманъ застыль въ свой унылой позѣ; Агеевъ безъ конца ходилъ изъ угла въ уголъ; Н. Е. Парамоновъ мрачно насупившись и глубоко втянувъ голову въ плечи , казалось, ничего не видѣлъ и не слышалъ, — остальные члены Совѣщанія также молчали...

За стѣной раздавался вой вѣтра и мокрый обледѣнѣлый снѣгъ, какъ песокъ , хлесталъ въ стекла оконъ; изрѣдка глухо доносились одиночные ружейные выстрѣлы и надоѣдливо монотонно такала въ сосѣдней комнатѣ пишущая машинка...

Чувствовалась общая недоговоренность,... всѣ чего то ждали о чёмъ то думали...

И, вдругъ, среди общаго тяжелаго молчанія, внезапно раздался спокойный и твердый голосъ: «я прошу слова Михаиль Васильевичъ! — всѣ повернули головы въ сторону говорившаго — это былъ П. Н. Милюковъ.

Смотря черезъ столъ въ сторону сидѣвшихъ рядомъ Атамана и М. П. Богаевскаго, — П. Н. Милюковъ спокойно началъ излагать свое мнѣніе; на лицѣ его скользила, такъ знакомая всѣмъ, еле уловимая улыбка; онъ вполнѣ соглашался съ тяжестью фактovъ, но останавливался не на нихъ, а на причинахъ ихъ породившихъ; логически развивая далѣе свою мысль, онъ безпощадно, шагъ за шагомъ, разобралъ всѣ дѣйствія Войскового Правительства, рѣзко подчеркнулъ всѣ ихъ ошибки и, какъ выводъ изъ всего этого, указалъ, что нынѣшнее тяжелое положеніе является результатомъ именно этого ряда ошибокъ и, что Правительству не на кого плакаться и не на кого жаловаться, а нужно винить прежде всего самихъ себя.

Уже нѣсколько минутъ Атаманъ тяжелымъ взглядомъ мѣрялъ говорившаго П. Н. Милюкова и, когда послѣдній окончилъ, отвѣтилъ ему тихо и медленно, какъ бы съ трудомъ подбирая слова: «мы не за критикой сюда пришли, Павель Николаевичъ, и ни въ чьей критикѣ не нуждаемся; критиковать свободнымъ и безответственнымъ людямъ легче всего. Необходимо

искать выхода, если еще есть какой нибудь выходъ , а критика... Богъ съ ней.. теперь не время и не мѣсто», — закончилъ Атаманъ вставая и направляясь къ выходу.

Создалось крайне неловкое положеніе, но на помощь поспѣшилъ генераль Алексѣевъ.

Держа въ лѣвой рукѣ книжку, а въ правой карандашъ, онъ остановилъ выходящаго Атамана и началь мягкимъ голосомъ излагать свое мнѣніе; признавая въ общемъ тяжелое положеніе, генераль Алексѣевъ указалъ, что не все еще потеряно, что пока не испробованы всѣ средства нужно бороться до конца, а если станетъ очевиднымъ, что борьба не по силамъ — «ну что жъ и это не такъ ужъ плохо: мы тогда уйдемъ къ Саратову или куда нибудь за Волгу и тамъ соберемся съ силами для новой борьбы — Добровольческая Армія готова и къ этому»...

По мѣрѣ рѣчи генерала Алексѣева на лицѣ Атамана все болѣе и болѣе отражались признаки крайняго изумленія — «извините, Михаилъ Васильевичъ — перебилъ онъ генерала Алексѣева, — но для меня эта большая новость, что Добровольческая Армія собирается куда то уходить изъ Донской Области и что она даже уже готова къ этому, — до сихъ поръ я думалъ, что судьбы наши тѣсно переплетены: оказывается это не такъ»...

Генераль Алексѣевъ беспокойно задвигался на стулѣ: «Вы меня не поняли, Алексѣй Максимовичъ, — уходъ нашъ является крайнимъ средствомъ и только послѣ безъисходной борьбы»...

На эту тему продолжался общий разговоръ еще нѣкоторое время, послѣ чего Атаманъ, пожавъ руку генералу Алексѣеву и сдѣлавъ общий поклонъ присутствующимъ, вышелъ изъ зала... забывъ захватить папаху.

Я нагналъ Атамана почти въ передней и вручилъ ему забытую папаху; поблагодаривъ меня, онъ грустно сказалъ: «вотъ Вы собираетесь уходить куда то, а я, Донской Атаманъ, я ничего не знаю объ этомъ».

Мы стояли у открытой на улицу двери: ворвавшійся рѣзкій вѣтеръ засыпалъ насъ снѣжной порошкой.

«Ваше Высокопревосходительство»... началъ было я, но Атаманъ не терпѣливо махнулъ рукой и пожавъ мнѣ руку, вышелъ... Въ полумракѣ снѣжной пустынной площади постепенно исчезъ сгорбленный силуетъ Донского Атамана...

Чтобы понять происшедшій между Атаманомъ и генераломъ Алексѣевымъ инцидентъ, необходимо вернуться къ событиямъ первыхъ дней января.

Однажды въ началѣ января, придя къ Атаману съ обычнымъ военно-политическимъ докладомъ, я получилъ отъ него для передачи генераламъ Алексѣеву и Корнилову вышеупомянутую таблицу «морального состоянія округовъ и казачьихъ частей»; при этомъ Атаманъ сказалъ слѣдующее: «пожалуйста, передайте Михаилу Васильевичу, чтобы Штабъ ориентировалъ меня самымъ подробнымъ образомъ; съ тѣхъ поръ какъ Вы ушли отъ меня, я не знаю, что дѣлается у Васъ въ организаціи, а вѣдь мнѣ нужно знать все до мелочей. Я отъ Васъ никакихъ секретовъ, никакихъ тайнъ не имѣю — зачѣмъ же отъ меня скрываются!»—неожиданно рѣзко закончилъ Атаманъ.

Я доложилъ, что мнѣ опредѣленно извѣстно, что никакихъ секретовъ у генерала Алексѣева отъ Донского Атамана нѣть, и что...

«Но у меня, до сихъ поръ, нѣть ни схемы Вашего управлениія, ни численности войскъ, ни Вашего плана дѣйствій — перебилъ меня Атаманъ — пожалуйста передайте, что я прошу прислать все это мнѣ немедленно, повторяю: у насъ тайнъ не должно быть другъ отъ друга», закончилъ Атаманъ, отпуская меня.

Конечно, никто не думалъ скрывать что либо отъ Атамана — просто на просто это былъ хотя и досадный, но совершенно случайный промахъ Штаба Добровольческой Арміи, который находился въ періодѣ лихорадочной организаціи и, по просту, упустилъ изъ виду это обстоятельство. Это станеть еще болѣе понятнымъ, если добавить, что и генералъ Алексѣевъ также не располагалъ этими данными и мнѣ пришлось за ними отправиться въ Штабъ генерала Корнилова.

Присмая схема собственноручно была начерчена генераломъ Романовскимъ и въ копіяхъ передана какъ генералу Алексѣеву, такъ и Донскому Атаману.

Вотъ почему слова генерала Алексѣева на засѣданіи политического совѣщанія 15 января, что Добровольческая Армія готова къ уходу куда нибудь къ Саратову или за Волгу — ошибочно создали у Атамана представление о какомъ то вполнѣ разработанномъ планѣ самостоятельного и при томъ скрытнаго ухода Добровольческой Арміи изъ предѣловъ Донской Области — чего въ дѣйствительности не было.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что ни этотъ инцидентъ, ни тяжелая обстановка, ни вообще различная недоразумѣнія естественно вытекавшія изъ общаго хода тяжелыхъ событий того времени, нисколько не нарушили теплыхъ и дружественныхъ отношеній между двумя Вождями...

ДОКЛАДЪ

Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России
о положении дѣлъ
на Западномъ фронтѣ вообще
и обь арміи полк. Бермонта Авалова въ частности
къ 15 октября 1919 года.

Помѣщая, нашумѣвшій въ свое время докладъ, необходимо въ цѣляхъ выясненія и условій его появленія на Дону и освѣщенія личности Бермонта Авалова сдѣлать небольшую предпосылку изъ другихъ источниковъ.

1.

ПРИБЫТИЕ ДЕЛЕГАЦИИ ИЗЪ АРМІИ БЕРМОНТА АВАЛОВА.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Кіевѣ на аэропланѣ прилетѣли изъ арміи Бермонта Авалова полковникъ Ф. и прапорщикъ М.

Явившись къ генералу А. Драгомирову и изложивъ ему суть доклада, а также словесную просьбу Бермонта Авалова о признаніи его генераломъ Деникинымъ съ сохраненіемъ за нимъ самостоятельности въ управлѣніи, — делегаты просили предоставить имъ возможность проѣзда въ Донскую Область.

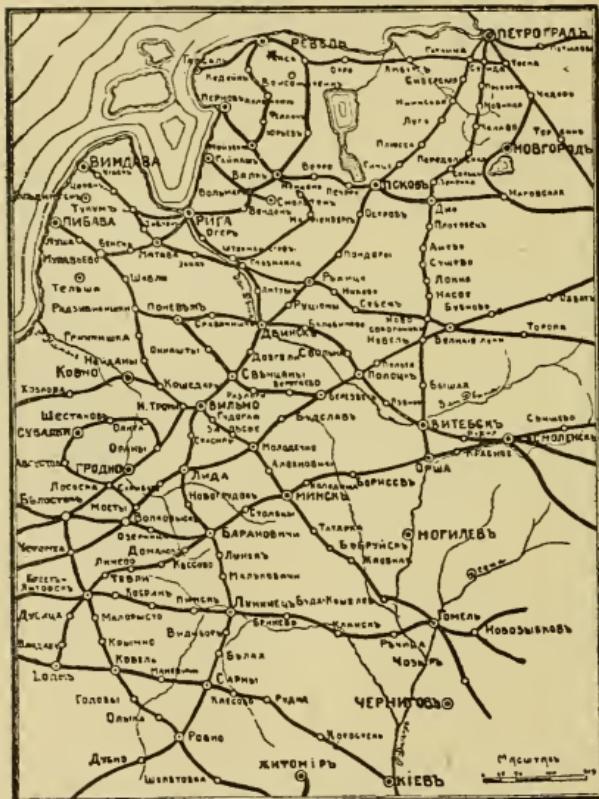
Пріѣхавъ на Донъ, делегаты явились въ Ставку и просили о приемѣ ихъ Главнокомандующимъ, но послѣ того, какъ они изложили цѣль своего прибытия, имъ въ приемѣ было отказано.

Послѣ долгихъ и настойчивыхъ просьбъ, ихъ принялъ генераль Романовскій и предложилъ имъ подать письменный докладъ.

Между тѣмъ прибытие делегатовъ стало извѣстнымъ въ городѣ и вызвало разнорѣчивые толки и всеобщій интересъ, главнымъ образомъ среди общественныхъ и политическихъ дѣятелей. (Объ успѣхахъ Добр. Арміи начали уже носиться зловѣщіе толки).

КЪ ДОКЛАДУ

о положеніи дѣль на Западномъ фронтѣ и въ арміи
Бермента Авалова

Среди послѣднихъ были Н. В. Фенинъ и В. А. Степановъ (оба нынѣ умершие), обратившіеся ко мнѣ съ просьбой — сообщить имъ, — что извѣстно мнѣ по этому вопросу. Какъ разъ, наканунѣ, одинъ изъ делегатовъ былъ у меня и передалъ мнѣ копію этого доклада и всѣ фотографіи для напечатанія въ газетѣ.

Нечего и говорить, что по условіямъ момента, это было совершенно невозможно и единственно что я могъ сдѣлать — это передать означенный докладъ, въ копіяхъ, упомянутымъ выше обществ. политическимъ дѣятелямъ, со своей объяснительной запиской по этому вопросу.

Этотъ докладъ, вмѣстѣ съ моей объяснительной запиской, какъ я узналъ впослѣдствіи, подверглись частному обсужденію Особаго Совѣщанія на квартирѣ у одного изъ членовъ, кажется Н. И. Астрова.

Спустя два-три дня, изъ политического отдѣла генерала Врангеля, ко мнѣ явился нѣкій развязнаго вида капитанъ и отъ имени — сперва Начальника Штаба генер. Шатилова, а потомъ и генер. Врангеля «потребовалъ» передадъ ему извѣстнаго доклада, который по свѣдѣніямъ контрѣ-развѣдки арміи генер. Врангеля находится у меня.

Такъ какъ никакихъ документовъ оправдывающихъ цѣль его посѣщенія не было, то я отказался вести съ нимъ разговоръ на эту тему.

Въ толь же день я былъ приглашенъ въ Политич. Отд. генер. Врангеля (Ростовъ, Почтовый пер. № ?), где уже лично Н-мъ полит. отд. было мнѣ предъявлено аналогичное требованіе и на мое заявленіе — что этого доклада у меня нѣтъ — мнѣ было предложено подписать соответствующую «бумажку».

Впослѣдствіи неоднократно ко мнѣ обращались многія лица, интересовавшіеся означеннымъ докладомъ.

Я. Л.

II.

ЛИЧНОСТЬ БЕРМОНТА АВАЛОВА ПО ПИСЬМУ ОФИЦЕРА ЕГО АРМИИ

... Я волею судебъ быть участникомъ Киевскихъ событій при гетманѣ Скоропадскомъ и послѣ печального исхода быть вывезенъ изъ Киева въ Германію съ эшелономъ № 4.

Когда нашъ поѣздъ шелъ по территорії занятой петлюровцами, никто изъ насъ никого не зналъ, а если кто и зналъ, то старался не называть чиновъ

и фамилій, что бы не подвергнуть никого опасности, ибо петлюровцы страшно придириались къ намъ на каждой станції, нерѣдко угрожая.

Но какъ только мы попали въ раіонъ окупированный нѣмецкими войсками (онъ начинался со ст. «Голобы»), то начали показываться среди насъ и власти. Первымъ появился нѣкто Бермонтъ; не знаю какимъ образомъ, но онъ немедленно сдѣлался комендантомъ нашего эшелона; ходилъ онъ въ формѣ полковника съ трехцвѣтнымъ угломъ на рукавѣ и громко заявлялъ, что онъ представитель генерала Деникина.

Помню на одной изъ станцій произошелъ какой то инцидентъ между нимъ и какимъ то прaporщикомъ; Бермонтъ разговаривалъ очень повышеннымъ тономъ и заявилъ, что по приѣздѣ въ Добровольческую Армію, онъ доложить о происшедшемъ въ Штабѣ генерала Деникина.

Всѣ мы, мелкія сошки, конечно ничего не знали, и только, видя представителя генерала Деникина, радовались возможности попасть въ Добровольческую Армію.

Черезъ нѣсколько дней мы прибыли въ Германію и насъ помѣстили въ лагерѣ военно-плѣнныхъ Salzwedel; это было въ первой половинѣ февраля 1919 года. Начальникомъ лагеря былъ генераль-лейтенантъ (фамилію его не помню, но знаю, что онъ живѣть въ Парижѣ), а комендантомъ былъ полковникъ Бермонтъ; онъ былъ очень энергиченъ, все время бѣгалъ и наводилъ порядки.

Такъ какъ въ лагерѣ была самая разношерстная публика и, безусловно, было много самозванцевъ, то по постановленію штабъ-офицеровъ рѣшено было произвести регистрацію всѣхъ лицъ, находившихся въ лагерѣ. Былъ назначенъ день и часъ, когда всѣ офицеры должны были представить имѣющіеся у нихъ документы или же указать лицъ, по возможности изъ штабъ офицеровъ, которые бы могли засвидѣтельствовать ихъ личность; гражданскія лица должны были представить документы.

И представьте, какая драма — у коменданта лагеря, т.е. у полк. Бермонта не оказалось никакихъ документовъ и никто его не зналъ. Этотъ фактъ старались замолчать, но Бермонтъ въ 24 минуты исчезъ изъ лагеря.

Летѣли дни за днями, а мы не получали никакихъ назначеній и насъ никуда не отправляли.

Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, приблизительно въ серединѣ марта

мѣсяца по лагерю пронесся слухъ, что полкъ Бермонтъ формируетъ пулеметный отрядъ имени графа Келлера и приглашаетъ всѣхъ желающихъ записываться; указывалась комната где можно было записаться, назначены были завѣдующіе офицеры и объявлено, что райономъ дѣйствій этого отряда будетъ Прибалтика (Латвія).

Вскорѣ прежній начальникъ лагеря генераль-лейтенантъ? уѣхалъ, а его мѣсто занялъ полковникъ М-въ, служившій впослѣдствіи также въ арміи Бермонта Авалова.

Между тѣмъ Бермонтовская вербовка расширялась; я называю это вербовкой потому, что тамъ все было основано лишь на деньгахъ и обѣщаніяхъ.

Черезъ двѣ три недѣли образовалась уже порядочная группа, появилась официальная канцелярія съ громкой надписью на дверяхъ и записавшіеся начали носить погоны съ буквой «К» и нашили на гимнастеркахъ крестъ.

Самъ Бермонтъ часто привѣтствовалъ ихъ телеграммами и обѣщалъ снабдить крупной суммой денегъ. Иногда онъ прїѣзжалъ и лично, бесѣдовалъ съ записавшимися и устраивалъ для нихъ вечеринки.

Такимъ образомъ въ лагерь образовались двѣ группы: Бермонтовцевъ и совершенно пока свободныхъ людей.

Въ это время въ газетѣ, «Общее Дѣло», появилось воззваніе генерала Миллера къ офицерамъ Великой Нашей Арміи.

Однажды, вскорѣ послѣ этого воззванія, въ лагерь прїѣзжаетъ Бермонтъ Аваловъ и приглашаетъ всѣхъ офицеровъ собраться въ столовой. Здесь онъ выступилъ съ рѣчью, въ которой онъ говорилъ о долгѣ каждого русскаго офицера передъ Родиной и, что онъ хотя и не отговариваетъ никогоѣ хать въ Англіи, но всѣ должныѣ хать съ нимъ, въ Прибалтику, и что онъ не представляетъ себѣ возможности похода на Петроградъ, ничего не сдѣлавъ въ Прибалтике и т. д.

Вербовка все продолжалась; кроме офицеровъ начали вербовать и нижнихъ чиновъ изъ военно-плѣнныхъ, жившихъ по сосѣдству съ нами и страшно распространенныхъ большевиками.

Наступилъ моментъ отправки этого отряда въ Прибалтику; почему то нижніе чины отправлялись изъ лагеря тайно и по ночамъ.

Вскорѣ затѣмъ и я уѣхалъ въ Англію, а оттуда на Мурманъ къ генералу Миллеру...

Поручикъ С. Дмитриевъ.

III.

ДОКЛАДЪ

1-го февраля 1919 года я получилъ предписаніе отъ Начальника части Генерального Штаба Венно-Морского Отдѣла за № 10816, о прикомандировaniи меня къ миссіи А. И. Г-ва, отправлявшейся въ Западную Европу съ цѣлью выясненія положенія въ Германіи нашихъ военно-плѣнныхъ и возможной эвакуації ихъ.

Положеніе въ то время обрисовывалось слѣдующимъ образомъ: Западный Край былъ очищенъ оккупировавшими его германскими частями. На всемъ западѣ существовали лишь двѣ противобольшевистскія русскія организаціи: одна, базировавшаяся на Ревель (отряды Балаховича и Родзянко) и другая — на Либаву (отрядъ свѣтл. кн. Ливена). Такъ какъ, конечно, о массовой эвакуації нашихъ военно-плѣнныхъ, значительно зараженныхъ большевизмомъ, разговора быть не могло, то дѣло шло объ извлечении изъ ихъ среди благонадежной части и укомплектованія ими частей западнаго фронта. Свѣдѣнія, имѣвшіяся въ то время, указывали на возможность полученія большого числа добровольцевъ изъ военно-плѣнныхъ и потому предполагалось сформированіе сильной арміи на западѣ Россіи. А посему миссія А. И. Г-ва (къ ней было прикомандировано всего 6 офицеровъ, во главѣ съ полковникомъ В.) должна была направиться въ Парижъ и Лондонъ съ цѣлью исходатайствовать передъ нашими Союзниками помошь въ формированиі, какъ финансовую, такъ и вооруженіемъ и просить ихъ оказать давленіе на Германію, дабы она не препятствовала эвакуаціи и формированию. Имѣлось въ виду предположеніе, что Союзники будутъ содѣйствовать полученію снаряженія отъ Германіи изъ числа того, которое она обязана была выдать по условіямъ перемирія.

По прибытиіи въ Одессу, миссія, несмотря на всю спѣшность дѣла, была задержана на двѣ недѣли, такъ какъ французы не давали ей разрѣшеніе на вѣзданіе во Францію. Въ виду этого А. И. Г-въ нашелъ нужнымъ командривать непосредственно въ Берлинъ 3 офицеровъ: капитана Н., поручика К. и меня, для немедленного выясненія положенія въ Германіи, доставленія ему въ Парижъ доклада, а также для ряда предварительныхъ работъ. Послѣ

24-дневного путешествия, благодаря безконечным промежуточным визамъ и разстроенному транспорту, мы прибыли въ Берлинъ.

А. И. Г-въ прибылъ въ Берлинъ только въ концѣ юля. Оказалось, что миссія въ Парижъ столкнулась съ безконечнымъ количествомъ препятствій, а послѣ почти такой же неудачи въ Лондонѣ, — пришлось оставить мысль о созданіи сильнаго западнаго фронта.

Но благодаря въ значительной степени вліянію А. И. Г-ва на правительственные круги Англіи (Черчиль), была оказана нѣкоторая поддержка Арміи генерала Юденича. Вся работа, такимъ образомъ, свелась къ поддержкѣ уже существующихъ частей.

Миссія А. И. Г-ва распалась и разъѣхалась еще въ Парижѣ и у него остался только мичманъ А.

Положеніе военно-плѣнныхъ въ Германіи, ко времени пріѣзда нашего въ Берлинъ, было слѣдующее. Въ Германіи находилось еще около 350.000 военно-плѣнныхъ — частью, содержавшихся въ удовлетворительномъ состояніи въ лагеряхъ, частью, находившихся на частныхъ работахъ. Офицеровъ было сравнительно немного — около 4.000, настроенныхъ довольно пассивно. Кромѣ этого, въ нѣсколькихъ лагеряхъ, находились около 3.000, офицеровъ и солдатъ, преимущественно, вывезенныхъ нѣмцами изъ Украины, послѣ занятія ея Петлюрой и большевиками. При эвакуаціі ихъ изъ Украины нѣмцы имъ обѣщали, что они будутъ доставлены во Францію, откуда смогутъ прѣѣхать въ Добровольческую Армію. Но по прибытіі ихъ въ Германію выяснилось, что Франція отказалась пропустить ихъ черезъ свою территорію. Офицеры эти, пережившіе всю трагедію большевизма и самостійности, особенно нервничали и рвались на фронтъ, возмущаясь, почему ихъ не отправляютъ.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Германію, Союзниками была сдѣлана попытка эвакуировать изъ Германіи въ Россію всѣхъ военно-плѣнныхъ, что привело бы къ отправкѣ подавляющаго большинства ихъ въ Совдепію, но эта попытка была, къ счастію, своевременно оставлена.

Между тѣмъ солдаты, военно-плѣнныне, были дѣйствительно частью настроены большевистски, но большевизмъ былъ не глубокъ и объяснялся съ одной стороны — агитацией, которая велась спартаковцами и русскими большевиками, а съ другой — четырьмя годами плѣна. Противоположной агитацией можно было достигнуть многаго и факты доказываютъ, что одно удаленіе комитета лагеря измѣняло сразу настроение. Но планъ привлече-

ния военно-плѣнныхъ солдатъ къ борьбѣ съ большевиками, былъ встрѣченъ русской военной миссіей въ Берлинѣ отрицательно, такъ какъ военно-плѣнныхъ считали элементомъ абсолютно непригоднымъ. Ошибочность такого взгляда доказали послѣдніе бои подъ Ригой, гдѣ по отзывамъ всего команднаго состава военно-плѣнныхъ, солдаты выявили себя съ самой блестящей стороны, явивъ примѣры, какъ боевой доблести, такъ и образцовой дисциплины.

А посему едва-ли представляется правильнымъ явно враждебное отношеніе русской военной миссіи къ созданію западнаго фронта, а особенно, прямое запрещеніе отдѣльнымъ офицерамъ поѣздки на фронтъ въ русскій отрядъ свѣтл. кн. Ливена.

Среди вывезенныхъ изъ Украины офицеровъ, томившихся уже три мѣсяца въ бездѣліи въ лагеряхъ, безъ всякихъ средствъ, нѣкоторыми лицами была проявлена энергія: они объединили вокругъ себя группы офицеровъ и солдатъ и формировали изъ нихъ отряды, готовые немедленно выступить на фронтъ, совершенно не предрѣшая на какой именно фронтъ они должны будутъ выступить. Наиболѣе крупныя части собрались вокругъ полковника Бермента — князя Авалова, полковника Вырголича (нынѣ командиръ 2-го Корпуса Западной Арміи) и полковника Соболевскаго (командиръ полка Корпуса свѣтл. кн. Ливена, нынѣ Сѣверо-Западной Арміи). Такъ былъ сформированъ составъ нѣсколькихъ ротъ, батарей и эскадроновъ, въ данное время существующихъ въ дѣйствительности.

Считаю долгомъ доложить, что узнавъ о прибытіи нашемъ изъ Добровольческой Арміи, очень многіе офицеры являлись къ намъ за справками относительно ихъ отправки, спрашивая, не забыла ли ихъ Добровольческая Армія. Мы сообщали имъ о миссіи А. И. Г-ва и о томъ, что ожидаются лишь благопріятныя инструкціи изъ Парижа.

Когда же изъ Парижа пришло извѣстіе о томъ, что миссія потерпѣла неудачу, то въ виду полнаго отсутствія связи съ Парижемъ и невозможности ее установить, капитанъ Н. рѣшилъ до прибытія А. И. Г-ва дѣйствовать самостоятельно.

Положеніе на западѣ Россіи къ этому времени представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Русская Сѣверная Армія, послѣ пораженія подъ Псковомъ, отступила частью на Ревель, частью на Ригу. Рига была неожиданно оставлена нѣмцами. Союзный флотъ обѣщаѣ поддержку оставшимся русско-латышскимъ частямъ, но при приближеніи къ Ригѣ большевиковъ, ушелъ

въ море. Была отдана и Рига. Подъ Ревелемъ и Либавой отступленіе задержалось.

Тамъ начались организовываться и постепенно опять рести противобольшевистскія части. Въ Ревель — части Балаховича, Родзянко, эстонская и латышская. Въ Либавѣ — части св. кн. Ливена, балтійской ландсверъ (прибалтійские нѣмцы) и латыши. Германія же, опасаясь проникновенія большевиковъ въ Восточную Пруссію, отпустила большія средства и организовала свою защиту границы (впослѣдствіи части Гольца).

При уходѣ изъ Риги, нѣмцами для передачи власти, было создано латышское правительство съ Ульманисомъ во главѣ; оно находилось въ Либавѣ и скоро стало просить Германію помочь въ освобожденіи Латвіи, обѣщая въ вознагражденіе германскимъ солдатамъ льготы по поселенію ихъ тамъ. Нѣмцы, подъ командой майора Флетчера, начали оказывать помошь и къ маю мѣсяцу противобольшевистскій фронтъ шелъ уже по рѣкѣ Аа Курлянд., включая въ себя русскій отрядъ князя Ливена, германскія части, балтійской ландсверъ и латышей полковника Баллода. Всѣ они снабжались тогда нѣмцами,—правда кн. Ливенъ латыши довольно слабо. Незадолго до этого, приблизительно въ концѣ апрѣля, произошло въ Либавѣ конфликтъ съ нѣмцами у латышей, вызванный агитацией противъ нѣмцевъ и повлекшій за собой созданіе нового латышскаго правительства во главѣ съ пасторомъ Нѣдра, — правительства болѣе праваго направленія, нежели правительство Ульманиса и настроенного руссофильски. Правительство Ульманиса перебѣжало на пароходъ «Саратовъ» подъ защиту англичанъ и оттуда начало вести дѣятельную агитацию, рѣзко самостійнаго характера, противъ правительства Нѣдра. Эта агитация имѣла послѣдствіемъ то, что войска, двинутыя противъ большевиковъ были остановлены войсками «Ульманиса» и эстонцами около Вендана и отброшены ими назадъ.

Свѣтлѣйший князь Ливенъ, стремившійся усилить свой отрядъ и русское влияніе въ Курляндіи, но не получая поддержки, главнымъ образомъ людьми, въ началѣ мая прибылъ въ Берлинъ и сдѣлавъ попытку объединить русскіе круги, разбившіеся къ тому времени на массу мелкихъ группъ, убѣдить въ необходимости поддержать русское дѣло и добиться отправки къ нему добровольцевъ изъ военно-плѣнныхъ. Онъ встрѣтилъ полную поддержку со стороны капитана Н. Русская миссія, особенно въ лицѣ генерала Потоцкаго, относившаяся до этого къ дѣлу кн. Ливена отрицательно, сдѣлавъ крутой поворотъ въ его пользу, обѣщала ему свою поддержку. На

засѣданіи, собранномъ по этому поводу, полковникъ Бермонтъ, полк. Вырголичъ и полк. Соболевскій, доложивъ о большомъ числѣ желающихъѣхать на фронтъ, обѣщали принять всѣ мѣры къ полученію средствъ для перевозки войскъ въ Митаву. Всѣ эти три отряда заявили себя подчиненными кн. Ливену.

Черезъ нѣсколько недѣль полк. Бермонтъ, при посредствѣ капит. Н., и сенатора Бельгарда, съ большими трудностями получилъ отъ частнаго общества « * * » черезъ г-на С. — 600.000 марокъ. На эти деньги были перевезены въ Митаву первые 800 человѣкъ и выданы авансы офицерамъ и солдатамъ, дабы дать возможность расплатиться со сдѣланными въ Германіи долгами.

Получивъ отъ капит. Н. разрѣшеніе, я 7 мая отправился ма фронтъ и былъ прикомандированъ къ экадрону отряда св. кн. Ливена и отправился подъ Митаву. Численность отряда кн. Ливена была тогда около 1.000 человѣкъ русскихъ офицеровъ и солдатъ (были и латыши). Вскорѣ началось наступленіе отъ Калицема на Ригу, которая была занята почти безъ потерь послѣ одиннадцати-часового боя. Большевики панически бѣжали, оказавъ первое серьезное сопротивленіе только за Ригой—у станціи Роденвейсъ. Здѣсь кн. Ливенъ былъ очень тяжело раненъ.

Съ сѣвера наступали на югъ эстонцы и латыши подъ командой полк. Земитана. Армія должна была соединиться для совмѣстнаго удара по бѣгущимъ большевикамъ. Однако при встрѣчѣ этихъ армій выяснилось, что находившееся на «Саратовѣ» правительство Ульманиса дѣятельно агитировало въ Эстоніи, черезъ Ревель, среди эстонскихъ и латышскихъ войскъ и прививало имъ сепарастическая идея. Это совершенно неожидано привело къ тому, что при встрѣчѣ фронтовъ подъ Венденомъ, войска Эстоніи и латыши, во главѣ съ полк. Земитаномъ, потребовали отступленія войскъ правительства Нѣдра за рѣку Аа Лифлянд. (Всѣ, войска включая и германскія части, были тогда подчинены военному министру правительства Нѣдра-Банкину). Переговоры между обѣими сторонами ни къ чему не привели и начались бои. Войска правительства Нѣдра потерпѣли неудачу. Здѣсь уже обнаружилось сильное руссофобское настроеніе въ войскахъ Ульманиса, а также особенная озлобленность противъ прибалтійскихъ нѣмцевъ-помѣщиковъ.

Латыши полк. Баллода (поддерживавшіе правительство Нѣдра) объявили нейтралитетъ Отрядъ св. кн. Ливена, переформировавшійся подъ Ригой и имѣвшій въ своихъ рядахъ, благодаря приливу добровольцевъ,

какъ мѣстныхъ, такъ изъ военно-плѣнныхъ (отрядъ полк. Соболевскаго), уже около 5.000 человѣкъ, также объявилъ нейтралитетъ и пытался лишь занять фронтъ противъ большевиковъ, расчитывавшихъ воспользоваться моментомъ междуособной борьбы и стягивавшихъ силы къ Рѣжицѣ. Высланный впередъ батальонъ, однако, не былъ пропущенъ эстонцами и принужденъ былъ вернуться къ Ригѣ. Вскорѣ батальонъ этотъ былъ отправленъ въ Либаву для смѣны, находившихся тамъ германскихъ частей, получившихъ къ тому времени предложеніе отъ англичанъ покинуть городъ.

Къ этому времени относится прибытіе въ Митаву первыхъ частей полк. Бермента и полк. Вырголича. Долженъ отмѣтить, что полк. Бермонтъ, приступая къ формированию, выговорилъ себѣ право—приведенная съ собою части не вливатъ въ уже существующія, а основать изъ нихъ отдѣльный корпусъ имени генерала графа Келлера, самостоятельно пополняя его военно-плѣнными и русскими, прибывавшими къ нему въ большомъ количествѣ изъ Польши (нѣсколько тысячъ). Передъ началомъ формирования, онъ далъ обѣщаніе своимъ войскамъ не вводить ихъ въ бой до тѣхъ поръ, пока они не будутъ снабжены всѣмъ необходимымъ и не получать видъ серьезной боевой единицы. Это было особенно важно и потому, что въ корпусъ поступало много военно-плѣнныхъ солдатъ еще мало провѣренныхъ.

Бои войскъ правительства Нѣдра съ войсками правительства Ульманиса кончились, какъ уже сказано, пораженіемъ первыхъ, въ виду ихъ малочисленности, а главнымъ образомъ, въ виду нѣкотораго броженія среди германскихъ солдатъ, согласныхъ бороться съ большевиками, но нежелавшихъ участвовать въ борьбѣ двухъ правительствъ. Къ этому времени относится и начало снабженія Англіей эстонскихъ войскъ и латышскихъ войскъ правительства Ульманиса, такъ какъ въ бояхъ участвовала англійская тяжелая артиллерія и были англійскіе инструкторы. Войска «Нѣдра» отступили, сдали Ригу и закрѣпились между Ригой и Митавой, где и находилась дамаркаціонная линія до недавнихъ боевъ. Правительство Нѣдра бѣжало изъ Риги, а русскому дѣлу былъ нанесенъ серьезный ударъ, такъ какъ многие члены правительства Нѣдра открыто высказывали мысль о будущемъ Латвіи не иначе, какъ въ союзѣ съ Россіей, а о самостоятельности Латвіи только какъ о временной, въ виду отсутствія въ то время на западѣ русской силы, на которую можно было бы опереться въ борьбѣ съ большевизмомъ.

Послѣ сдачи Риги, отрядъ кн. Ливена, продолжая держать нейтрали-

теть, отошелъ къ Митавѣ. Латышскія войска полк. Баллода перешли къ побѣдителямъ. Балтійскій ландсверъ, сначала обезоруженный латышами, черезъ нѣкоторое время вошелъ въ соглашеніе съ правительствомъ Ульманиса о пропускѣ его на большевистскій фронтъ и занялъ позицію лѣвѣе Даинска, гдѣ находится до сихъ поръ, подчиняясь въ командномъ отношеніи латышамъ.

Правительство Ульманиса торжественно высадилось съ «Саратова» въ Либавѣ, причемъ, по предложенію англичанъ, при торжественномъ вступленіи правительства на берегъ, присутствовала рота Ливенцевъ для почетной встречи. Кроме того, отрядъ Ливенцевъ, по предложенію тѣхъ же англичанъ, былъ наряженъ и на парадъ по поводу снятія памятника, поставленного въ свое время германцами въ Либавѣ. Эти два случая вызвали большое возмущеніе среди отряда и была слѣдана попытка на снятіи памятника присоединить къ флагамъ Союзныхъ Державъ отсутствующее русское знамя, какъ демонстрацію противъ игнорированія русскихъ интересовъ.

Вскорѣ послѣ этого Либавскій отрядъ Ливенцевъ получилъ срочный приказъ о посадкѣ на пароходы и отправкѣ въ Нарву. Приказъ былъ подписанъ генераломъ Юденическимъ, переданъ черезъ англичанъ и былъ исполненъ.

Я, вмѣстѣ съ конной частью, къ которой былъ прикомандированъ, прибылъ въ Нарву и пробылъ въ арміи генерала Юденича полтора мѣсяца. На переговорахъ въ Либавѣ съ англичанами имѣ было дано обѣщаніе немедленной полной поддержки отряда (обмундированіе, снаряженіе, а также увеличеніе окладовъ содержанія). Но въ теченіе полутора мѣсяцевъ, которыхъ я пробылъ въ арміи ген. Юденича, отрядъ кн. Ливена никакой поддержки отъ англичанъ не получилъ. Черезъ нѣкоторое время прибыла въ армію ген. Юденича и остальная часть Ливенцевъ, посаженная на корабли въ Усть-Двинскѣ (кстати замѣтить, что она была, предварительно, слегка ограблена латышами—такъ были конфискованы два изъ четырехъ, принадлежащихъ отряду аэроплана.

Отряды же полк. Бермонта и полк. Вырголича были оставлены въ Митавѣ для продолженія формированія. Часть снаряженія получалась черезъ ген. Гольца, часть покупалась въ Германіи на свои средства.

Сѣверо-западная Армія ген. Юденича представляла по составнымъ своимъ частямъ соединеніе двухъ стрѣлковыхъ корпусовъ. Общая числен-

ность Армії, державшій фронтъ оть гор. Ямбурга на Псковъ, не превышала 10-12 тысячъ штыковъ. Положеніе съв.-зап. армії, какъ единицы крупной формациі, нельзя было признать, хотя бы даже, удовлетворительнымъ. Дѣло снабженія, обмунированія и продовольствія поставлено было плохо. Почти вся Армія была вооружена своими собственными средствами и большая часть вооруженія была трофеями въ бояхъ съ совѣтскими войсками. Совсѣмъ плохо обстояло съ продовольствіемъ. Вся помощь Союзниковъ заключалась въ дачѣ бѣлаго хлѣба ($1\frac{1}{2}$ — 2 фунта въ день), небольшого количества сала, бобовъ и консервовъ. Продовольственное же положеніе области, занятой Арміей, было еще болѣе тяжелое. Эстонская граница была закрыта для продовольствія и предметы первой необходимости, имѣвшіеся въ изобиліи въ Эстоніи, получавшей уже къ тому времени многое изъ за-границы, почти совсѣмъ отсутствовали въ районѣ занятомъ С.-з. Арміей. Армія не доѣдала и приходилось трогать и такъ скучные запасы населенія Петроградской губ.

Результатомъ этого было весьма грустное явленіе, — изъ частей, переходившихъ на сторону бѣлой арміи, появились перебѣжчики обратно къ краснымъ. Немного позже былъ періодъ, когда подобные случаи стали частымъ явленіемъ и приняли угрожающей характеръ. Вліяло, конечно, изобиліе въ Арміи бывшихъ красныхъ солдатъ, хотя и мобилизованныхъ красными, но все же развращенныхъ большевизмомъ, которыхъ растворить было не въ чёмъ; часто красные части, взятые въ плѣнъ, посыпали опять на фронтъ цѣликомъ, даже со своими офицерами. Въ связи съ таковымъ состояніемъ дѣла, появилась въ Арміи, особенно, послѣ неудачи подъ Ямбургомъ, апатія и разочарованность. Отсутствіе тыла, зависимость оть эстонцевъ, ведшихъ себя все болѣе и болѣе независимо и подбадриваемыхъ помощью англичанъ, ставили Армію въ тяжелое положеніе. Эстонцы были къ тому времени уже великолѣпно вооружены, одѣты и снабжены, но не принимали почти никакого участія въ защитѣ фронта, проходившаго къ тому же такъ близко отъ ихъ границы, и выслали нѣкоторыя части на фронтъ только послѣ взятія большевиками Ямбурга. Состѣдство же великолѣпно одѣтыхъ и не менѣе хорошо вооруженныхъ эстонцевъ съ ободранной и полуоголодной русской арміей производило гнетущее впечатлѣніе.

Однимъ изъ самыхъ большихъ и трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, былъ и остался вопросъ — денежный. Части получали содержаніе черезъ два и

больше мѣсяцевъ спустя и въ самой разнообразной валюте, теряя иногда на размѣнѣ 20-30% и такъ небольшаго содержанія.

Отношеніе эстонскаго войска и населенія были враждебныя, но тогда еще терпимы.

Вполнѣ понятно, что прибытие корпуса св. кн. Ливена, въ то время еще хорошо одѣтаго и вооруженнаго, произвело очень большое впечатлѣніе, но, къ сожалѣнію, поставленный въ тяжелыя условія с.-з. фронта и не получая отъ англичанъ объщанной поддержки, корпусъ вмѣсто того, чтобы усиливаться и расширяться, потерялъ свое первоклассное боевое значеніе, ободрался и часто не могъ дѣйствовать полностью. Такъ, напримѣръ, артиллерія, растрѣлявъ въ бояхъ подъ Ямбургомъ весь имѣвшійся у нея запасъ снарядовъ, долгое время бездѣйствовала, ибо снарядовъ къ германскимъ орудіямъ не было, а перевооружиться было нечѣмъ.

Впослѣдствіи, въ бояхъ подъ Псковомъ, почти весь Ливенскій отрядъ погибъ.

Получивъ изъ Берлина оть капит. Н. извѣстіе, вызывавшее меня обратно, узнавъ о пріѣздѣ въ Ригу А. И. Г-ва и къ тому же, чувствуя себя совсѣмъ больнымъ, я получилъ отъ князя Ливена откомандированіе и 1 авгу-ста направился черезъ Ревель въ Ригу. Полученный мною впослѣдствіи свѣдѣнія, черезъ прибывашихъ изъ с.-з. Арміи офицеровъ, частью же — изъ официальныхъ докладовъ сводятся къ слѣдующему. Армія находится подъ командованіемъ генераль-лейтенанта Родзянко, корпусами командуютъ: 1-мъ — ген.-маіоръ гр. Паленъ, а 2-мъ — ген. лейт. Арсеньевъ. За послѣднее время получено нѣкоторое количество снаряженія и обмундированія отъ англичанъ, какъ-то: 6 танковъ, 4 аэроплана (небоеспособныхъ по техническимъ причинамъ), небольшое количество артиллериіи, винтовокъ и боевыхъ припасовъ. Въ серединѣ сентября прибыло обмундированіе въ количествѣ 20.000 комплектовъ, 4.000 паръ сапогъ. Есть свѣдѣнія, что это обмундированіе еще въ февраль мѣсяцѣ с. г. куплено за наличный расчетъ въ Англіи офицеромъ, командированнымъ за этимъ генераломъ Юденичемъ изъ Финляндіи.

Ко времени моего отѣзда было сформировано с.-з. правительство. Характеренъ фактъ составленія правительства. Утромъ, не предупреждая генерала Юденича, какъ Главноначальствующаго и представителя русской власти въ Эстоніи, англійское командованіе предложило нѣкоему Иванову представить списки кандидатовъ на посты министровъ. Назначивъ мини-

Къ „Докладу о положеніи дѣлъ на Зап. фр. и въ арміи Бермонта-Авалова“.

Генералъ Гольцъ и Полковникъ Бермонтъ-Аваловъ.

Къ „Докладу о положеніи дѣль на Зап. фр. и въ арміи Бермонтъ-Авалова“.

Штабъ западн. Добровольческой арм. (въ центрѣ — полк. Бермонтъ-Аваловъ).

Смотръ русско нѣмецкихъ частей Зап. Добр. Армии (смотрѣ производятъ Ген. Гольцъ и полк. Бермонтъ-Аваловъ.)

стромъ предсѣдателемъ Ліанозова, англичане поручили въ тотъ же день, къ 6 часамъ вечера, составить с.-з. правительство. Когда къ назначенному времени Ліанозовъ составилъ кабинетъ, со стороны англійскихъ властей поступило новое приглашеніе: къ 7 часамъ признать независимость Эстоніи, что и было къ сроку исполнено. Министры были назначены уже заранѣе самими же англичанами и приказаніе ихъ Иванову составить списки была лишь — маска. Въ кабинетъ вошелъ министръ торговли и промышленности небезизвѣстный Маргуліесъ. Ивановъ, вошедший въ кабинетъ, какъ министръ безъ портфеля, удаленъ, послѣ разоблаченія его дѣятельности (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ — большевикъ).

Не такъ давно правительство заключило договоръ съ Эстоніей о разрѣшении ему находиться на эстонской территории, подписавъ всѣ условія эстонцевъ, но черезъ сутки было выслано на правый берегъ Наровы, будто бы изъ за недостатка помѣщеній для него.

Правительство Эстоніи и такъ лѣвое, переживало недавно кризисъ изъ за ухода изъ его состава правыхъ министровъ. Недавніе переговоры съ большевиками показали, что Эстонія хочетъ заключить миръ лишь съ согласіемъ всѣхъ прибалтійскихъ республикъ, но весьма возможно и сепаратное заключеніе мира, что поставитъ с.-з. Армію въ безвыходное положеніе. Эстонское правительство въ своемъ скрыто-враждебномъ отношеніи ко всему русскому, находитъ поддержку со стороны массъ, войска и печати. Имѣлись случаи избиенія офицеровъ и срыванія погонъ въ Нарвѣ большевистски настроенными эстонскими солдатами. Представителями умѣренного толка является классъ зажиточныхъ крестьянъ землевладѣльцевъ, но ихъ влияніе ничтожно при наличіи блока соціалистическихъ партій. Не такъ давно въ Ревель состоялся съездъ эстонскихъ коммунистовъ, который правительство хотя и арестовало, но въ результатѣ всего-на-всего выслало 120 коммунистовъ въ СССР.

Въ общемъ настроеніе въ Эстоніи тревожное и выжидательное и единственное, что пока сдерживаетъ — это страхъ передъ англичанами.

Въ Ригѣ я явился къ А. И. Г-ву и, доложивъ ему о своихъ наблюденіяхъ, остался ожидать его возвращенія изъ Ревеля на совѣщаніе 26 Августа. Положеніе въ Латвіи сводилось за это время къ слѣдующему. Латышское правительство Ульманиса, получивъ поддержку Англіи и окрѣпнувъ, подъ давленіемъ лѣвыхъ круговъ и печати, стало вести усиленно пропаганду противъ русскихъ частей Бермонта и нѣмецкихъ Гольца, какъ контр-революціон-

ныхъ и угрожающихъ самостоятельности Латвіи. На сиѣну уѣхавшему въ Лондонъ, на докладъ, ген. Гоуфа, ведшаго особенно рѣзкую политику поддержки самостоятельности Латвіи и Эстоніи, прибылъ ген. Марчъ, по-вѣдшій болѣе умѣренную политику соглашенія. На созванномъ въ Ригѣ совѣщаніи 26 Августа, главной цѣлью котораго было созданіе общаго антибольшевистск. фронта, на которомъ присутствовали представители Юденича, полк. Бермонтъ, А. И. Г-въ, представители Англіи, Латвіи, Эстоніи и Литвы, было достигнуто соглашеніе объ общемъ наступленіи на большевиковъ. Большое впечатлѣніе произвело и то, что какъ частямъ Бермента, такъ и частямъ ген. Гольца былъ данъ участокъ фронта въ районѣ Двинска и было дано англичанами согласіе на то, что Бермонтъ будетъ получать пополненіе военно-плѣнными изъ Германіи, притокъ которыхъ къ тому времени былъ опять затрудненъ недопускомъ офицеровъ - вербовщиковъ въ лагеря. Постѣ 26 августа нѣкоторые офицеры даже получили отъ англійскаго командованія бумаги на право вербовки, подписанныя Марчемъ. Тогда же былъ полученъ приказъ ген. Юденича о назначеніи полк. Бермента командующимъ западной арміей. Черезъ нѣкоторое время вернулся изъ Англіи ген. Гоуфъ, смѣнилъ ген. Марча и прежняя политика вошла въ силу. Разрѣшеніе, данное 26 августа, было отмѣнено, что касается общаго наступленія, то изъ всего, какъ и слѣдовало ожидать, ничего не вышло.

А. И. Г-въ, возвращаясь изъ Риги въ Ревель на совѣщаніе съ ген. Юденчѣмъ и, собираясь оттуда проѣхать въ Берлинъ, направилъ меня туда и предложилъ ждать его прїѣзда. Обстановка въ Германіи за полгода сильно измѣнилась. Правительство Носке, сильное до того времени и довольно популярное, потеряло свое вліяніе и симпатію. Опасность положенія въ Германіи заключается, по мнѣнію многихъ, въ слѣдующемъ. Подъ давлѣніемъ тяжести мирнаго договора и въ стремлѣніи спасти свою родину, проявляется глубокій интересъ къ Россіи и ея судьбѣ. Всѣ нѣмцы безъ разли-
чія положенія, включая самыя крайнія партіи, трактуютъ мысль о союзѣ побѣжденныхъ и объ ошибкѣ предыдущей войны. Интересъ проявляется къ Россіи огромный и всеобщій. Несомнѣнно, лѣвая партіи и круги Правительства склонны къ союзу съ большевиками, но т. к. государственный аппаратъ находится пока не всецѣло въ рукахъ правительства, а особенно лѣвой его части, то это явленіе пока не является угрожающимъ. Осталь-
ные партіи ищутъ контакта съ русскимъ обществомъ и стремятся къ борьбѣ съ русскими большевиками, опредѣленно держась точки зрењія — единой

и недѣлимой Россіи и отрицая всякія намѣренія анексического характера. Опасность положенія заключается въ томъ, что нѣмцы, видя единственное спасеніе свое въ союзѣ съ Россіей и не находя контакта съ русскими общественными силами, могутъ ринуться на союзъ съ большевиками, тѣмъ болѣе, что вызвать большевистское восстание въ Германіи легко, благодаря серьезной организованности спартаковцевъ. Органически же нѣмецкій народъ является однимъ изъ менѣе всѣхъ расположенныхъ къ большевизму и есть данная предполагать, что спартаковское движение пока находится въ рукахъ противобольшевистскихъ круговъ.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ случаевъ, происшедшыхъ въ то время въ Германіи, надо отмѣтить, надѣлавшую столько шума попытку генерала Бискупского организовать въ Берлинѣ, при сотрудничествѣ цѣлаго ряда лицъ, русское правительство. Ген. Бискупскій и его сотрудники повели совершенно самостоятельно переговоры съ нѣкоторыми германскими кругами, а также, какъ они передавали, съ Союзниками, объ образованіи Всероссийского Правительства. Лица эти, распредѣливъ между собой портфели, и желая получить средства, начали переговоры съ какимъ-то лицомъ, назвавшимъ себя представителемъ американской фирмы Морганъ, о полученіи денегъ (называли цифру 300 мил.), надѣясь, по полученіи такой крупной субсидіи, захватить власть и командование войсками полк. Бермонта и получить, такимъ образомъ, въ распоряженіе готовую военную силу.

Оказалось, что «представитель» фирмы Морганъ являлся агентомъ спартаковцевъ и когда ген. Бискупскій и его сотрудники заключили съ нимъ цѣлый рядъ договоровъ, расписавшись вездѣ министрами, то онъ передалъ эти бумаги партіи независимыхъ, а самъ скрылся. Независимыя сдѣлали запросъ въ германскомъ Национальномъ Собрани, вызвавшій страшный скандалъ. Послѣ этого «правительство» ликвидировало свои дѣла.

Нужно отмѣтить, что оно не имѣло никакого отношенія къ созданному при западной армії центральному совѣту управлени, о чемъ въ свое время было официально объявлено предсѣдателемъ совѣта гр. Паленомъ, и даже вели агитацию, какъ противъ совѣта управлени, такъ и лично противъ полк. Бермонта.

Узнавъ о предстоящемъ полетѣ аэроплана для доставки полк. Ф. донесенія Главнокомандующему Вооруженными Силами на Югъ Россіи, и не дождавшись прибытія А. И. Г-ва въ Берлинѣ, проѣхавшаго прямо въ Англію, я, считая весьма необходимымъ, по возможности скорѣе доложить о

видѣнномъ и слышанномъ въ Германіи и западной Россіи, съ цѣлью освѣтить положеніе, предпринялъ попытку получить согласіе на мой перелетъ въ Добровольческую Армію для представленія доклада, каковое согласіе и получилъ по прибытии въ Митаву.

На мѣстѣ я установилъ слѣдующее.

Положеніе въ Латвіи еще болѣе обострилось. Лѣвые соціалъ-демократические круги, и такъ представлявшіе большинство въ Национальномъ Собраниі Латвіи, управляли дѣйствіями правительства. Несмотря на продолжавшееся вооруженіе латышской арміи англичанами, траля всего русскаго достигла апогея. Этоне помышляло латышамъ и эстонцамъ вступить въ переговоры съ русскими большевиками.

Въ послѣднихъ числахъ августа Чичеринымъ, было послано радио Латвіи, Эстоніи и Литвѣ съ предложеніемъ мира. Предложеніе это оживленно обсуждалось въ періодической печати, какъ латышской, такъ и эстонской, причемъ на созванныхъ по этому случаю національныхъ собрaniяхъ было рѣшено вступить въ переговоры съ большевиками. Правительства окраинныхъ республикъ руководились принципомъ самоопредѣленія, т. е. подчеркивали, что не должны преслѣдовать завоевательныя цѣли и жить въ мирѣ съ сосѣдями, послѣ того, какъ достигнута ихъ главная цѣль, т. е. независимость. Въ Юрьевѣ, въ началѣ сентября состоялось конференція представителей вышеупомянутыхъ республикъ и въ городѣ Печоры, Псковской губ. состоялось общее засѣданіе представителей большевиковъ (съ инженеромъ Красинымъ во главѣ), которое, къ счастію, тогда къ положительному результатамъ не привело. Къ заключенію мира съ большевиками Эстонію, Латвію и Литву побуждало и то обстоятельство, что названные государства были обеспокоены нахожденiemъ въ Курляндіи русскихъ и нѣмецкихъ отрядовъ, а въ Эстоніи с.-з. арміи, лозунгъ которыхъ — единая, недѣлимая Россія, — шель вразрѣзъ съ стремленими этихъ государствъ. На засѣданіи, въ Печорѣ и Юрьевѣ, поднимался даже вопросъ о совмѣстныхъ дѣйствiяхъ противъ русскихъ и нѣмецкихъ частей.

Къ этому же времени относится и окончательное обостреніе положенія на западѣ, въ связи съ пребываніемъ въ Курляндіи частей Гольца. Англія предъявила категорическое требованіе ухода войскъ Гольца въ Германію, угрожая въ противномъ случаѣ блокадой Германіи. Германское правительство потребовало отъ войскъ возвращенія, тѣмъ болѣе, что оно само было обеспокоено постепеннымъ уходомъ лучшихъ правительственныхъ войскъ,

единственной ихъ опоры, въ части Гольца. Войска отказались, Гольцъ былъ отозванъ и на смѣну его прибылъ для эвакуаціи ген. Эбергардъ, но изъ всѣхъ находившихся въ Курляндіи войскъ, согласилось уйти лишь около 5.000, эвакуація которыхъ навѣрное уже окончена. Дабы воспрепятствовать, какъ дальнѣйшему проникновенію войскъ, такъ и подвозу снаряженія, Германское Правительство закрыло свою границу. Оставшіеся въ Курляндіи войска, несмотря на угрозы своего правительства, напримѣръ: лишеніе всѣхъ правъ, отказъ поддерживать ихъ семьи и т. д., перешли добровольцами на русскую службу въ западную армію, подчинившись русскимъ законамъ, не ставя никакихъ требованій и имѣя передъ собой лишь задачу — борьбу съ большевизмомъ. Общее количество перешедшихъ на русскую службу войскъ около 35-40 тысячъ. Большая часть этихъ войскъ представляетъ изъ себя людей сознательно покинувшихъ свою родину изъ за политическихъ взгля-
довъ, видящихъ единственное спасеніе Германіи въ kontaktѣ съ Россіей, опасающихся большевизма въ Германіи, а потому сознательно желающихъ бороться съ большевизмомъ. Очень небольшая часть — наемники, для которыхъ войны слѣдалась профессіей. Войска перешли со всѣмъ имѣвшимся у нихъ большимъ запасомъ снаряженія.

Параллельно съ этими событиями велись переговоры между ген. Юденичъ и полк. Бермонтомъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ и о переходѣ войскъ полк. Бермонта на с.-з. фронтъ. Въ первыхъ числахъ октября, ген. Юденичъ былъ въ Ригѣ и долженъ прибыть въ Митаву на парадъ и окончательные переговоры. Взамѣнъ этого было предложено полк. Бермонту прибыть въ Ригу. Полк. Бермонтъ, опасаясь ареста его латышами, не поѣхалъ и просилъ прибытие Юденича въ Митаву. Передаютъ, что генераль Юденичъ былъ согласенъ, но ему было предложено неѣхать. Вместо него прїѣхалъ полк. фонъ-Прюссингъ и на парадѣ самъ прочелъ приказъ ген. Юденича о переходѣ всѣхъ русскихъ войскъ на с.-з. фронтъ, встрѣченный войсками молчаниемъ. Черезъ нѣсколько дней, помимо командующаго западной арміей полк. Бермонта, получено было обращеніе къ войскамъ отъ с.-з. правительства съ предложеніемъ офицерамъ и солдатамъ самостоятельно оставить Курляндію и черезъ англійскую миссію направиться на Нарву: Командую-
щимъ въ отвѣтъ была послана слѣдующая телеграмма.

«Сѣверо-западному правительству.

Ваше предательское возвзваніе къ моимъ войскамъ доложено, конечно,

прежде всего мнѣ. Иначе и не могло быть тамъ, гдѣ существуетъ воинская дисциплина. Попытка Ваша расшатывать ее подобными пріемами въ стилѣ Керенского наивна. Въ Вашихъ же интересахъ не даю этому произведенію болѣе широкаго распространенія, а то мои молодцы — солдаты могли дать Вамъ отвѣтъ крѣпкимъ русскимъ языкомъ. Съ своей стороны прошу передать солдатамъ на Нарвскомъ фронтѣ, столь много натерпѣвшимся отъ Вашей политики заискиванія передъ зазнавшимися эстонцами, что мой имъ завѣтъ — строгое соблюдать дисциплину и быть увѣренными, что, обезпечивъ свой тылъ, я въ недалекомъ будущемъ стану рядомъ съ ними для совѣстнаго удара по большевику.

Полковникъ Бермонтъ.»

Къ этому времени относится, кажется, и приказъ полк. Бермонта объ именованіи его княземъ Аваловымъ, объясненный тѣмъ, что фамилія Бермонтъ была псевдонимомъ, отмѣненнымъ въ виду полученія свѣдѣній о разстрѣлѣ въ Петроградѣ его жены.

Обезпокоенный переговорами латышей и эстонцевъ съ большевиками, постоянными нападеніями изъ за демаркаціонной линіи окончательно къ тому времени вооруженныхъ латышей, переброской эстонскихъ войскъ большими массами съ большевистскаго фронта подъ Зегевельдъ и, въ виду неудачныхъ переговоровъ съ латышскимъ правительствомъ о пропускѣ западной арміи на большевистскій фронтъ, полк. Бермонтъ-Аваловъ приказалъ начать наступленіе въ направленіи на Ригу, для обезпеченія тыла своего и фланга.

Переговоры съ латышами доказываются слѣдующей телеграммой:

«Радіо. Рига, Министру-Президенту Временнаго Правительства.

Признавъ нынѣ своеевременнымъ выступить на большевистскій фронтъ, прошу Ваше Превосходительство озабочиться созданіемъ такихъ условій, которыя дали бы мнѣ возможность безъ задержки направить свои войска на борьбу противъ красной арміи совѣтской Россіи, находящейся въ предѣлахъ латышскаго края и угрожающей разореніемъ и гибелю всѣмъ сосѣднимъ цивилизованнымъ народамъ. О мѣрахъ, которыя благоволитъ принять возглавляемое Вами Правительство для обезпеченія безпрепятственного продвиженія состоящихъ подъ моимъ командованіемъ войскъ, прошу извѣстить меня безотлагательно.

Подпись Командующій Зап. Арміей полк. кн. Аваловъ.»

6-10-19

Латышское правительство давало неудовлетворительные отвѣты вро-
дѣ согласія пропустить лишь частями по 200-300 человѣкъ и только рус-
скія части. Наступленіе окончилось взятиемъ линіи западной Двины, Усть-
Двинска и Торнсберга.

Латыши отступили съ большими потерями. Характерно то, что нѣкото-
рыя латышскія части держали нейтралитетъ (дивизія полк. Баллода, не-
большая же часть перешла въ бояхъ къ западной арміи). Въ Туккумѣ рус-
скія войска были встрѣчены ликованіемъ и русскими флагами. Нѣкоторые
эстонскія части принимали участіе въ бояхъ, причемъ дрались особенно
ожесточенно. У убитыхъ въ бояхъ латышей, во многихъ случаяхъ, найдены
красныя карточки совѣтскихъ коммунистическихъ войскъ, доказывающія
ихъ недавнее оттуда прибытие. Большевики стараются использовать положеніе
въ свою пользу, въ чёмъ имъ способствуетъ то, что руководящую въ
политикѣ Латвіи роль играютъ лѣвые соціалъ-демократические круги и
печать. Къ сожалѣнію многіе латышскіе дѣятели преступно не желаютъ
понять всю трагичность и опасность положенія, опьяненные поддерживав-
шемъ въ нихъ вѣрой въ самостоятельность.

О наступленіи была дана ген. Юденичу слѣдующая телеграмма:

«Радіо. Генералу Юденичу.

Сегодня латышские и эстонские части, угрожая мнѣ начали переходи-
ть демаркаціонную линію и вынудили меня дать имъ отпоръ. Я, для обез-
печения своей базы, занимаю линію Двины и иду на фронтъ на соединеніе
съ сѣверной арміей.

Подпись: Ком. Зап. Арміей полк. кн. Аваловъ.»

На это была получена телеграмма отъ ген. Юденича, извѣстная всѣмъ,
съ объявленіемъ полк. Бермонта-Авалова измѣнникомъ и врагомъ родины.
Аналогичная телеграмма получилась и отъ с.-з. правительства. Отвѣтъ
обрисовывается слѣдующимъ приказомъ:

Приказъ

По Западной Добровольческой Арміи. 15 Октября 1919 г.

№ 43.

г. Митава.

Генералъ Юденичъ, находящійся въ зависимости и принужденный
дѣйствовать согласно приказаніямъ, получаемымъ изъ за-границы и чуж-

дымъ интересамъ Великой и Единой Россіи, даль мнѣ по радио телеграмму, въ которой онъ, выдвигая противъ меня чудовищныя обвиненія, требуетъ немедленно переброски моей Арміи на сѣверный фронтъ при посредствѣ англійской миссіи.

Я отвѣтилъ ген. Юденичу слѣдующее:

Телеграмма: ген. Юденичу, Ревель.

«Контръ-наступленіе на латышскія и эстонскія войска предпринято, дабы не поставить мою Армію въ положеніе, въ которое Вы поставили сѣверную армію, не обезпечивъ ея тыла. За предыдущими приказами Вашими слѣдовали отъ Васъ разъясненія透过 офицеровъ о необязательности этихъ приказовъ для меня, такъ какъ Вы не являетесь полнымъ хозяиномъ Вашихъ дѣйствій. Въ такомъ смыслѣ я понимаю и послѣдующіе. Дальнѣйшими операциями надѣюсь принести пользу не только родинѣ, но и сѣверной арміи. Въ достовѣрность выдвигаемыхъ Вами чудовищныхъ обвиненій я не могу вѣрить, такъ какъ въ то время, когда Ваша армія находится въ условіяхъ невыносимо тяжелыхъ для русской гордости, моя армія въ Курляндіи занимаетъ должное мѣсто и въ прежнемъ величіи поднимаетъ русскій флагъ.»

Кромѣ этого совѣтъ управления западной Россіи послалъ телеграмму ген. Юденичу слѣдующаго содержанія:

«Совѣтъ управления западной Россіи принялъ къ свѣдѣнію телеграмму, которую Вы послали Командующему западной Добровольческой Арміей и отвергаетъ съ рѣшительностью всѣ возводимыя противъ него обвиненія. Центральный совѣтъ сознаетъ, что Ваше выступленіе противъ русской Арміи, сражающейся за послѣднюю пядь земли русского побережья, послѣдовало со стороны враговъ Россіи и подъ давленіемъ темныхъ силъ.

Западная Армія можетъ съ чистой совѣстью надѣяться на свѣтлое будущее Россіи и ждетъ съ нетерпѣніемъ того дня, когда она, завоевавъ свободный путь къ Вамъ, вновь станетъ плечомъ къ плечу въ борьбѣ съ разрушающими наше отечество угнетателями.»

Объявляя объ этомъ вѣренными мнѣ войсками, я благодарю Васъ, мои дорогие, за службу и увѣренъ, что съ такими доблестными офицерами и солдатами мы скоро придемъ туда, гдѣ ждутъ насы наши бѣдныя семьи и родные.

Подлинный подпись: Командующій Арміей полк. князь Аваловъ.

Кромъ того была получена полк. Бермонтомъ-Аваловымъ телеграмма отъ англійского командованія, адресованная ему, какъ Командующему германскими войсками, съ требованіемъ очистить Усть-Двинскъ и Торнсбергъ. Послѣдовавшія события обрисовываются слѣдующими телеграммами:

Радіо. Старшему Морскому Офицеру Союзного Флота въ Либавѣ.

«Письмо, адресованное командующему германскими войсками, принять не могу, являясь командующимъ русской Добровольческой Арміей. Усть-Двинскъ занять моими казаками-пластунами и я, какъ мною было уже сообщено, принимаю на себя обеспеченіе свободнаго прохода судовъ при условіи не провоза ими военной контрабанды для выступившей противъ русской власти стороны. Благоволите подтвердить полученіе.»

Подпись: Ком. Русск. Добр. Арміей полк. кн. Аваловъ.
15-го-19 Г. Гор. Митава.

Радіо. Представителямъ Державъ Согласія.

«Союзные корабли, находящіеся въ Рижскомъ заливѣ, въ предыдущихъ бояхъ съ большевиками быстро уходили въ море, не оказавъ поддержки борющимся съ большевиками. Въ борьбѣ войскъ западной Добровольческой Арміи съ большевистскими бандами Земитана, второй день союзный флотъ засыпаетъ снарядами мой первый казачий-пластунский полкъ и мирное населеніе въ Торнсбергѣ, проливая русскую кровь, какъ видно въ благодарность за героическую помощь русскихъ своимъ союзникамъ во время войны. Я долженъ усмотрѣть въ этомъ полную поддержку враговъ России-большевиковъ. Позиціи своей не уступлю и мои войска во главѣ со мною будуть бороться до послѣдней капли крови за благо Россіи.»

Подпись: Командующій Западной Добров. Арміей
полк. кн. Аваловъ.

16-го-19. гор. Митава.

Радіо. Отъ Британскаго Адмирала № 190.

Полковнику Бермонту, Командующему войсками на западной Двинѣ. Вашу радио-телеграмму отъ 14 Октября получилъ. Прежде чѣмъ дать рас-

поряженіе Союзнымъ военнымъ судамъ, жду Вашего донесенія о прекращеніи военныхъ дѣйствій между Вашими войсками и латышскими и оставленія всѣхъ рижскихъ позицій. Въ третьихъ я ожидаю Вашего объясненія по поводу обстрѣла позицій, вблизи которыхъ расположены военные суда союзного флота. Прошу удостовѣрить получение сего » 1427. 15 Октября. Подписи нѣтъ.

Радіо. Либава. Ревель. Командующему Англійской Эскадрой.

«Получилъ Вашу 190 отъ 15-10. Обезпечивъ нынѣ мою военную базу для похода противъ большевиковъ, уже 10 Октября предложилъ латышамъ прекращеніе военныхъ дѣйствій. Прошу Вась помочь мнѣ въ достижениіи этой цѣли. Войска мои стрѣляли только по позиціямъ, угрожавшихъ мнѣ латышей. Считалъ корабли Союзниковъ друзьями Россіи, а не частью латышского войска, борющагося противъ нея. Такъ какъ переговоры по радио слишкомъ медленны, прошу выслать въ Митаву уполномоченныхъ для скрѣшаго прекращенія кровопролитія. Требую прекращенія огня Союзныхъ кораблей по моимъ войскамъ и по мирному населенію Торнсберга.»

Подпись: Командующій западной Добров. Арміей
полк. кн. Аваловъ.

16-10-19. Гор. Митава.

При обстрѣлѣ Усть-Двинска нѣкоторые союзные корабли, по словамъ офицеровъ, прибывшихъ съ фронта, подняли у себя латышскій флагъ. Батальонъ пластунского полка потерялъ отъ обстрѣла болѣе 50%. Полкъ состоялъ исключительно изъ русскихъ, бывшихъ военно-плѣнныхъ. О непосредственномъ участіи англичанъ въ бояхъ доказываетъ найденный приказъ латышского командованія своимъ войскамъ о рытіи окоповъ, въ виду предстоящаго прїезда англійской комиссіи на осмотръ ихъ.

Состояніе западной арміи въ смыслѣ дисциплины, вооруженія и снабженія въ настоящее время отличное. (Авиационная часть насчитываетъ болѣе 100 аэроплановъ).

Единственнымъ крупнымъ недостаткомъ является отсутствіе нужнаго количества лошадей.

Лозунгъ арміи: борьба съ большевизмомъ. Единая и Недѣлимая Россія и Учредительное Собрание.

Наблюдается усиленное стремление наладить хорошие отношения съ союзными державами. Английская миссия находится въ Митавѣ. Ведутся переговоры съ американцами, которые уже снабжаютъ армію санитарнымъ имуществомъ.

Полковникъ Бермонтъ Аваловъ ходатайствовалъ о присылкѣ къ нему союзной миссии, какъ показываетъ слѣдующая телеграмма:

Телеграмма. Берлинъ.Французская Миссия.

«Буду Вамъ очень признателенъ, если Вы представите на усмотрѣніе маршала Фоша мою просьбу прекратить дальнѣйшее напрасное пролитіе русской крови. Настоятельно прошу прислать въ мою армію комиссию. Обращаюсь съ горячимъ призывомъ къ Франції-вѣрной союзницѣ и другу Россіи помочь мнѣ окончательно побороть большевизмъ и спасти мое отечество отъ ужасовъ анархіи и разоренія.

Подпись: Командующій западной русской Добров. Арміей
полк. кн. Аваловъ-Бермонтъ.

Скрѣпилъ: Предсѣдатель Совѣта Управлениія Сенаторъ
гр. Паленъ.

18-го-19.

Передаютъ, что настроение французовъ къ западной арміи уступчивое.

Помощникъ Предсѣдателя совѣта управленія бар. Нолькенъ передавалъ мнѣ въ бесѣдѣ съ нимъ, что прибытие въ Митаву французской комиссіи ожидается въ ближайшемъ будущемъ. Онъ же сообщилъ мнѣ о томъ, что не можетъ быть никакихъ разговоровъ объ обязательствахъ западной арміи по отношенію къ Германіи. Въ настоящее время западная армія выпускаетъ свои деньги, печатающіяся въ размѣрѣ около 500.000 рублей въ день. Курсъ русскаго царскаго рубля приравненъ одной маркѣ; одна ость-марка — одна марка западной арміи. Продовольственное положеніе вполнѣ устойчивое. Транспортъ наложенъ и принимаются мѣры въ возстановленію промышленности.

При западной арміи для управлениія занятой мѣстности учрежденъ совѣтъ управления. Составъ его слѣдующій: выразилъ согласіе занять постъ Предсѣдателя совѣта князь Волконскій. Временно замѣщаетъ его графъ

Паленъ. Помощники его: баронъ Нолькенъ и князь Крапоткинъ. Управляющій дѣлами Финансовъ, Торговли и Промышленности — баронъ Энгельгардъ, Управляющій военными дѣлами — генераль-майоръ Чернелевскій-Соколь. Путями сообщенія, почтой и телеграфомъ — Ильинъ. Государственными имуществами и сельскимъ хозяйствомъ — Альбертъ (латышъ), помощникъ его — Сысковъ (латышъ). Управляющій судебной частью — сенаторъ Римскій-Корсаковъ. По иностраннымъ дѣламъ — князь Васильчиковъ. Членъ Совѣта и управляющій его дѣлами — Зиминъ.

При совѣтѣ управления учрежденія латышскій комитетъ самоуправления въ него входятъ: Нѣдра, Ванкинъ, Кампе.

Положеніе арміи усложняется и угрозой со стороны самостійной Литвы.

20-10 послана слѣдующая телеграмма:

Берлинъ, Улландъ-Штрассе, 156, I.

Русская миссія, Полковнику Брандтъ.

«Вчера отдалъ приказъ и направилъ часть войскъ на большевистской фронтъ.»

Подпись: Полковникъ князь Аваловъ.

20—10—19. № 193.

Войска, а именно русскія части, снятые съ рижскихъ позицій и замѣненные нѣмцами добровольцами, двинулись по направленію къ Фридрихштадту, желая занять фронтъ противъ большевиковъ, но по послѣднимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною передъ отлетомъ, нѣкоторыя изъ нихъ потеряли до 50% въ бояхъ съ латышами и литовцами, не пропускавшими ихъ на большевистской фронтъ

Общая численность войскъ западной арміи достигаетъ 55.000 штыковъ.

Сов. секретно.

ГЕНЕР. ШТАБА

Полковникъ

Я. М. ЛИСОВОЙ

10 Ноября 1919 г.

Ростовъ н/Д.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

къ

докладу о положеніи дѣла на Западномъ фронтѣ
и въ арміи полковн. Бермента Авалова.

Вопреки заявленіямъ многихъ высокоавторитетныхъ лицъ, большевизмъ за послѣднее время не только не идетъ на убыль, но, какъ будто, еще болѣе развивается и крѣпнетъ и, въ доказательство приведенныхъ словъ, необходимо подчеркнуть тотъ прогрессъ въ развитіи совѣтскихъ военныхъ силъ, который, въ конечномъ результаціи, даль въ настоящее время 15 совѣтскихъ армій. Въ то же время на занятой совѣтскими войсками территории идетъ сплошная мобилизациія населенія, часть коего идетъ на пополненіе убыли въ рядахъ сражающихся войскъ, — изъ другой же части организуются новыя войсковыя единицы.

Но несравненно болѣе страшнымъ и опаснымъ для дѣла борьбы — является совѣтскій отдѣлъ пропаганды, организованный и поставленный ими въ міровомъ масштабѣ: почти нѣть государства, где бы не были захвачены агенты совѣтской власти съ огромными суммами денегъ, предназначеными для агитации. Наиболѣе яркими образцами постановки дѣла пропаганды внутри страны, являются широко поставленная народная литература, принудительныя лекціи, политическій экзаменъ для полученія какой либо должности, интернаціональные курсы пропаганды, иностранная агитационная литература и т. п.

Въ сравненіи съ совѣтской пропагандой, нашъ отдѣлъ пропаганды является жалкой дѣтской игрушкой кустарного производства.

Въ настоящее время, съ большей чѣмъ когда либо увѣренностью, можно сказать, что большевизмъ пріобрѣтаетъ міровое значеніе и что изъ его центра, находящагося въ Россіи, чуть ли не во всѣ углы міра протягиваются красные нити; дѣйствительно Уэльскій горный округъ въ Англіи, Марсельскій портъ и прилегающій къ нему районъ во Франціи, далеко незаглохшее

спартаковское движение въ Германии, большевистские вспышки въ Польше и Австрии — все это, въ связи съ суровыми антибольшевистскими законами Румынии, Чехии, Польши, Америки и Южно-Африканскихъ республикъ, нагляднымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что на ближнемъ и дальнемъ западѣ не все обстоитъ благополучно и что, тамъ, всѣ держатся насторожѣ. Если же къ этому вспомнить о многочисленныхъ китайскихъ отрядахъ, сражающихся въ рядахъ совѣтскихъ войскъ, китайскихъ профессорахъ, работающихъ въ отдѣлѣ совѣтской пропаганды и многочисленныхъ агитаторахъ, частью пойманыхъ съ большими суммами денегъ на границѣ Маньчжурии, частью успѣвшихъ скрыться вглубь Китая, — выводъ о положеніи большевизма и на Востокѣ напрашивается самъ собой.

Въ то время, когда Российской большевизму достигъ полнаго расцвѣта, — западный, развиваясь, можетъ быть, въ болѣе культурныхъ формахъ, находится еще въ стадіи развитія и расцвѣта его зависитъ отъ того оборота, который приметъ борьба на Российской территории.

Между тѣмъ на Российскомъ театрѣ гражданской войны всѣ антибольшевистскія организаціи потерпѣли рядъ болѣе или менѣе значительныхъ неудачъ, такъ напримѣръ:

Сибирская армія адмирала Колчака, испытавъ рядъ пораженій, вынуждена была отойти значительно восточнѣе Омска; причинами неудачи являются: 1) отлично поставленная совѣтская пропаганда и отсутствіе таковой въ рядахъ Сибирскихъ войскъ и населенія; 2) незнакомство населенія на собственномъ опытѣ со всѣми прелестями большевизма; 3) паденіе дисциплины въ рядахъ Сибирскихъ войскъ; 4) малочисленность кадра офицерскаго состава; 5) долгая кампанія въ связи съ отсутствіемъ теплой одежды, снаряженія и недостаточностью вооруженія и 6) отсутствіе энергичной поддержки союзниковъ и 7) партійная рознь въ антибольшевистскихъ рядахъ.

Неблагополучны дѣла также и въ арміи генерала Юденича, что объясняется: 1) малочисленностью ея; 2) недостаточно энергичной помощью со стороны союзниковъ; 3) двойственной политикой союзниковъ въ отношеніи окраинныхъ образованій и Сѣверо-западной арміи и 4) двойственной политикой этихъ образованій въ отношеніи Сѣверо-западной арміи и большевиковъ.

Добровольческая армія, не такъ давно стоявшая на подступахъ къ Москвѣ, за послѣднее время потерпѣла рядъ такихъ неудачъ, которыя заставили главное командование обратить серьезное вниманіе на перегру-

женность тыла и принять необходимыя мѣры къ его разгрузкѣ, при чмъ, въ зависимости оть кажущихся успѣховъ на фронтѣ, распоряженіе о подготовкѣ къ эвакуаціи то отдаются, то отмѣняются.

Причинами неудачъ, по заявлению одного высокоавторитетнаго лица, являются слѣдующія: 1) просмотръ Ставкой движенія Махно, легкомысленное отношение и несвоевременная оцѣнка всей серьезности его; 2) снятіе съ фронта оперирующей арміи ряда частей для ликвидации Махновскаго движенія; 3) демобилизациія учителей, чмъ, въ сильной степени, былъ ослабленъ офицерскій составъ; 4) демобилизациія учащихся, что ослабило ряды арміи и отрицательно повлияло на психологію оставшихся солдатъ («panicей домой отпускаютъ»); послѣдующая отмѣна демобилизациіи дѣла не поправила, такъ какъ отпущены были тысячи, а возвратились сотни; 5) неудовлетворительная постановка дѣла пропаганды въ городахъ и полное отсутствіе таковой въ деревняхъ; 6) значительное превосходство силъ красныхъ; 7) наличіе нѣмецкихъ частей и, во всякомъ случаѣ, значительное количество нѣмецкихъ инструкторовъ въ рядахъ совѣтскихъ войскъ; 8) полное неустройство обывательского тыла; 9) ранніе морозы и отсутствіе теплой одежды. Къ этому нужно еще добавить: а) неопределенность политическаго курса; б) политическая события на Кубани; в) паденіе дисциплины въ войскахъ, что выражается въ утратѣ многими изъ нихъ чувства уваженія къ казенной и частной собственности, а также въ отсутствіи воздержанія отъ разнаго рода излишествъ (можно съ увѣренностью сказать, что эти данные въ значительной степени ослабили чувства симпатіи населенія къ Добровольческой Арміи); г) полуразрушенный транспортъ и чрезмѣрное наличіе подвижного состава при войскахъ — въ видѣ подвижныхъ базъ, вагоновъ и даже поѣздовъ, а также рядъ другихъ причинъ, имѣвшихъ къ общему дѣлу борьбы хотя бы косвенное отношеніе.

На Закаспійскомъ фронтѣ дѣла также обстоять далеко не блестяще.

Изъ этого краткаго очерка видно, что борьба съ большевизмомъ затягивается, а заявленіе Начальника штаба Главнокомандующаго, недавно напечатанное въ газетахъ, смыслъ коего заключается въ томъ, что положеніе на фронтахъ продолжается оставаться серьезнымъ, но, что, учитывая моральное разложеніе красной арміи, нужно надѣяться на благопріятный исходъ и т. п. — заставляетъ подумать и о возможныхъ варіантахъ этого исхода.

Исходя изъ этого, казалось бы, что каждый новый факторъ, являющійся нашимъ естественнымъ или даже искусственно созданнымъ союзникомъ

въ общемъ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ, нужно только привѣтствовать съ точки зрѣнія, единственно возможной, въ данномъ случаѣ «русской ориентациі». Между тѣмъ, за послѣднее время, вновь выплылъ вопросъ о такъ называемой «нѣмецкой ориентациі» и вообще о перемѣнѣ политического курса.

Что же это за яко-бы «нѣмецкая ориентациі» въ дѣйствительности и какіе факторы послужили основаніемъ для возникновенія ея?

Рядъ неудачъ, испытанныхъ Добровольческой Арміей, чисто психоло-
гически создали перемѣну въ настроеніяхъ и чувствахъ массъ по отношенію
къ союзникамъ, недостаточно энергично и недостаточно полно оказывавшихъ
намъ свою поддержку — аналогично тому, какъ это было въ свое время
на фронтѣ, когда армія, извѣрившись въ помошь союзниковъ, создала
презрительную кличку «союзнички» и стала ожидать помощи откуда то
извѣнѣ; точно также и нынѣ — эта извѣренность въ помоши союзниковъ среди
населенія и, съ большой долей вѣроятія, можно сказать и среди значитель-
наго количества арміи, породила слухи о возможностяхъ такъ называемой
перемѣны ориентациі — сторонниковъ нашлось немало.

Съ этимъ совпало прибытие изъ западной арміи полковника Бермента
длелегатовъ къ генералу Деникину, которые имъ приняты не были и сама
армія официально признана не была.

Причинами этого яко-бы являются: 1) нахожденіе среди западной арміи
значительного числа германскихъ частей; 2) давленіе союзниковъ, не могу-
щихъ допустить даже косвенного германского участія въ русскихъ внутрен-
нихъ дѣлахъ; 3) непопулярность личности полковника Бермента въ высшихъ
командныхъ сферахъ и 4) обостренность отношений его съ генераломъ Юде-
ничемъ и англичанами.

Отсюда полное отверженіе арміи Бермента и заявленіе о невозможности
перемѣны политического курса, такъ какъ Германія-де помогаетъ боль-
шевикамъ.

Вотъ тутъ то и заключается коренная ошибка, такъ какъ, во-первыхъ,
армія Бермента состоитъ на одну треть изъ русскихъ, а остальная двѣ
трети хотя и состоять изъ нѣмцевъ, но нѣмцевъ, порвавшихъ связь съ Гер-
маніей и подъ командой русскихъ офицеровъ сражавшихся за Единую Не-
дѣлимую и Великую Россію; 2) Германіи, какъ таковой, точно также, какъ
и Россіи — нѣть. Есть побѣжденные внутреннимъ или внѣшнимъ врагомъ
страны, находящіяся нынѣ каждая въ періодѣ вооруженного строительства,

съ тою только разницей, что въ Германіи большевизмъ придавленъ (но не раздавленъ), въ Россіи же продолжаетъ развиваться.

Германскіе большевики въ поискахъ за путями спасенія перекинулись въ Россію, гдѣ и оказываютъ ту или иную помощь совѣтскому правительству (что доказывается данными развѣдки), отлично помнятъ, что побѣдивъ на главномъ фронтѣ и, получивъ основы для своего существованія въ видѣ огромной Россійской территоїи, большевизму уже легче будетъ вести борьбу на всѣхъ остальныхъ западныхъ фронтахъ, ибо, конечно, каждому ясно, что одной Россіей большевизмъ, по своей природѣ, удовлетвориться не можетъ. Отсюда выводъ — утвержденіе, что будто бы Германія помогаетъ большевикамъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; помогаютъ спартаковцы, но «спартаковцы не Германія, — точно также какъ большевики не Россія».

Въ свою очередь германскіе правые и умѣренные круги, даже часть правительстvenныхъ сферъ, прекрасно понимаютъ грозящую культурному миру опасность въ случаѣ господства большевизма въ Россіи и предлагаютъ свою посильную помощь въ общемъ дѣлѣ борьбы — отсюда армія генер. Гольца, отсюда могутъ явиться и другія военные образованія, главнымъ образомъ, изъ русскихъ военно-пѣшыхъ, подобно тому, какъ была организована армія полковника Бермента. Является вопросъ — можно ли такую частную помощь въ дѣлѣ общей борьбы, можно ли возникшіе такимъ путемъ отряды и, наконецъ, можно ли все то, что существуетъ и помогаетъ дѣлу образованія новыхъ факторовъ борьбы съ разрушителями міровой культуры и цивилизациі — называть «германской ориентацией»?

Междуд тѣмъ, подъ давленіемъ союзниковъ часть арміи генер. Гольца (полковника Бермента) эвакуирована; изъ стѣнъ союзныхъ миссій выходить радио, съ цѣлью скомпромитировать дѣло русской борьбы съ большевизмомъ на западѣ, такъ напримѣръ: 1) благодарность полковнику Бермонту и генер. Гольцу, выраженная Ленинымъ за ихъ помощь большевикамъ; 2) объявление полковникомъ Бермонтомъ нѣмецкаго языка государственнымъ; 3) телеграмма о разоруженіи арміи Бермonta «Сербскими» войсками — кстати сказать написанная плохимъ русскимъ языкомъ и т. п.

Само собой разумѣется, что Добровольческая Армія, находясь въ большой зависимости отъ союзниковъ, не можетъ официально признавать подобныхъ военныхъ образованій, зародившихся на германской почвѣ, но дѣло общей борьбы требуетъ хотя бы неофициального признания за ними

права на существование и въ дальнѣйшей борьбѣ — нужна хотя бы моральная поддержка для готовыхъ и готовящихся формирований; и если есть люди, которые за свой страхъ и рискъ могутъ приступить къ этимъ формированиямъ, то нужно закрыть глаза на средства, памятуя одну лишь *великую цель*...

Является еще одинъ весьма важный вопросъ: нужны-ли вообще формирования на западной границѣ?

Разрѣшеніе этого вопроса зависить нынѣ отъ хода боевыхъ дѣйствій исключительно на фронтѣ Добровольческой Арміи (Сѣверо-западная армія слишкомъ мала, а Сибирская слишкомъ удалена для того, чтобы имѣть рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ), — здѣсь могутъ быть три варианта:

а) если успѣхъ въ дѣлѣ борьбы явнымъ образомъ склонится на сторону Добровольческой Арміи и военное счастье вновь ей улыбнется, то все-таки нужно слишкомъ много времени и средствъ, чтобы наверстать потерянное и закрѣпить захваченное; отсюда каждый новый факторъ, ускоряющій это время, нужно только привѣтствовать;

б) если борьба приметъ затяжной характеръ, съ перемѣнными успѣхомъ, то, въ этомъ случаѣ, новая военная образованія несомнѣнно отвлекутъ на себя часть большевистскихъ силъ, чѣмъ могутъ облегчить дѣйствія Добровольческой Арміи;

в) если армія будетъ продолжать испытывать неудачи, то говорить о необходимости такихъ формирований не приходится.

Изъ всего изложенного сами собой напрашиваются слѣдующіе выводы:

1) нужно сохранить армію полковника Бермента, создавъ для нея благопріятную моральную поддержку;

2) нужно широчайшимъ образомъ развить пропаганду среди русскихъ военно-плѣнныхъ въ германскихъ лагеряхъ и, немедленно, приступить къ цѣлому ряду новыхъ формирований;

3) работа, хотя бы первоначальная, должна начаться на русскія деньги;

4) во главѣ всего должно стоять лицо съ популярнымъ именемъ.

Въ случаѣ проведенія всего этого въ жизнь, за основаніе нужно принять: «*Bis dat qui cito dat*» — дающей скоро, даетъ вдвое.

Приложение.

НѢКОТОРЫЯ ЦИФРОВЫЯ ДАННЫЯ ПО ЗАТРОНУТОМУ ВОПРОСУ.

Содержаніе людей исчисляется посуготочно по слѣдующему расчету:

I.	Младшій офицеръ	24 м.
	Ротный командиръ	30 м.
	Батальонный командиръ	36 м.
	Рядовой офицеръ	18 м.*)
	Доброволецъ	11 м.*) (также и специалисты)
	Взводный	17 м.

*) Плюсъ 4 марки въ сутки на продовольствіе.

II. Винтовка—интенданцкая цѣна по повышенной немнога оцѣнкѣ мирного времени около — 25 марокъ.

Револьверъ—около 15-17 марокъ (въ частной продажѣ 95-100 м.).

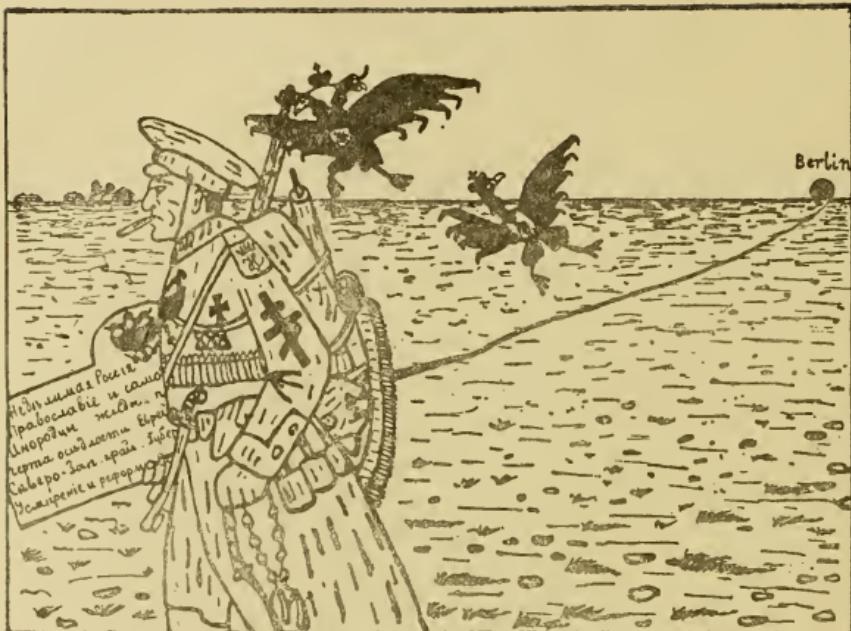
III. Офицерское обмундированіе по казенней расцѣнкѣ:

Пальто	99 м.
Мундиръ	60 м.
Галифе	45 м.
Комплектъ офицерск. бѣлья	35 м.

IV. Полный комплектъ обмундированія вооруженія и снаряженія солдата 700-800 мар.

V. Примѣръ:

Формированіе одного авіаціоннаго отряда, числомъ въ 12 аэроплановъ и 150 солдатъ (24 офицера), съ покупкой снарядовъ, вооруженія, снаряженія полнаго обмундированія его, включительно до техническаго аванса, обойдется 1 миллионъ 300 тысячъ мар.; съ денежнымъ и продовольственнымъ содержаніемъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ, примѣрно — 2 миллиона марокъ.

Литовская карикатура-примитивъ на Берл.-Авалова
„The German Occupation in Lithuania 1915-1919“.)

IV.

ПИСЬМА БѢЛЫХЪ ВОЖДЕЙ

ПИСЬМО

Верховного Правителя
Адмирала А. В. Колчака.

Донскому Атаману
Генералу А. П. Богаевскому.

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ
и
ВЕРХОВНЫЙ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

28 Июня 1919 г.

№ 95
Омскъ.

Глубокоуважаемый
Африканъ Петровичъ.

Я получилъ письмо Ваше, переданное мнѣ генераль-маиоромъ Сычовымъ, который отправляется мною обратно на югъ Россіи для личнаго доклада Вамъ и Главнокомандующему А. И. Деникину о положеніи вещей въ Сибири и на нашемъ фронтѣ. Онъ снабженъ всѣми документами и я полагаю крайне полезнымъ его возвращеніе и пребываніе на Войсковомъ Кругѣ, гдѣ онъ можетъ сдѣлать обстоятельный докладъ.

Я не буду въ письмѣ разбирать какіе либо вопросы, т.к. къ тому врѣмени, когда Вы получите это письмо, текущія положенія потеряютъ значеніе; о постоянныхъ или болѣе устойчивыхъ вопросахъ доложить Вамъ генераль-маиоръ Сычевъ, располагающей соотвѣтственнымъ письменнымъ матеріаломъ.

Я хочу упомянуть объ одномъ актѣ, которому я придаю большое государственное значеніе.

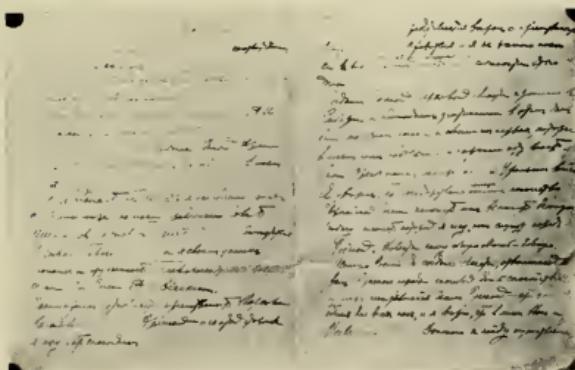
Недѣлю тому назадъ я получилъ телеграмму отъ А. И. Деникина съ его приказомъ за № 95.

Докладу Атаману А. Д. Богаскому
Адмирал Колчаг 25-11-41
Колчаг

(Последний портрет Адмирала А. В. Колчага).

Письмо Адмирала А. В. Колчака
Донскому Атаману А. П. Богаевскому.

Приказъ о наказаніи
за побѣгъ изъ армии Россіи и
спасеніе русскими солдатами
кварталя изъ окрестнаго рода
и изъ земли въ землю и привезъ
въ губернію Тамбовскую и въ
архивъ губернскаго суда въ съединеніи
съ прочими документами

Приказъ о наказаніи
за побѣгъ изъ армии Россіи и
спасеніе русскими солдатами
кварталя изъ окрестнаго рода
и изъ земли въ землю и привезъ
въ губернію Тамбовскую и въ
архивъ губернскаго суда въ съединеніи
съ прочими документами

Задание этого приказа
было для Донской миссии
запечатано въ Тамбовѣ

Наказаніе засекречено
въ Губернскомъ землемѣрномъ
исследовательскомъ комитетѣ
и по портфелю разослано
въ губернскій судъ въ землемѣрномъ
исследовательскомъ

Приказъ о наказаніи
за побѣгъ изъ армии Россіи и
спасеніе русскими солдатами
кварталя изъ окрестнаго рода
и изъ земли въ землю и привезъ
въ губернію Тамбовскую и въ
архивъ губернскаго суда въ съединеніи
съ прочими документами

Приказъ о наказаніи
за побѣгъ изъ армии Россіи и
спасеніе русскими солдатами
кварталя изъ окрестнаго рода
и изъ земли въ землю и привезъ
въ губернію Тамбовскую и въ

Этотъ приказъ опредѣляетъ созданіе Единой Арміи Русской и Единое Верховное Командованіе въ моемъ лицѣ.

Желая обезпечить это единство, я немедленно принялъ слѣдующія мѣры: по моему предложенію Совѣтъ Министровъ постановилъ учредить должность Замѣстителя Верховнаго Главнокомандующаго, и я своимъ указомъ назначилъ на эту должность Главнокомандующаго вооруженными силами Юга Россіи А. И. Деникина.

Такимъ образомъ устанавливается преемственность Верховнаго Командованія Русской Арміей и съ этой стороны я могу быть спокойнымъ.

Больѣ сложнымъ представляется вопросъ о преемственности власти Верховнаго Правителя, и я не рѣшаю пока его, въ виду огромной политической сложности этого дѣла.

Созданіе Единой Верховной Власти произошло въ Сибири и ближайшими участниками въ этомъ дѣлѣ были Сибирскіе казаки и одними изъ первыхъ, которые въ моемъ лицѣ поддержали и укрѣпили эту власть — были Оренбургскія, Семирѣченскія и Уральскія войска.

Я увѣренъ, что государственно мыслящее казачество Европейской Россіи поможетъ мнѣ выполнить великую задачу, тяжесть которой я несу, какъ службу передъ Родиной. Довести нашу общую Мать-Единую, Великую Россію до созданія Власти, отвѣчающей волѣ Русского народа, способной дать спокойствіе и миръ изстрадавшейся Землѣ Русской — это цѣль общая для всѣхъ насъ, и я вѣрю, что въ лицѣ Вась и Всевеликаго Войска Донскаго я найду осуществленіе работъ по достижению этой цѣли.

Примите мой сердечный привѣтъ и передать не откажите Правительству Всевеликаго Войска Донскаго и самому Войску мой поклонъ и пожеланія.

Господь Богъ да сохранить Вась, Атаманъ, и Войско и благословить тяжкіе труды Ваши для спасенія и блага Родины нашей.

Глубокоуважающій и преданный
А. Колчакъ.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Генерала М. В. Алексеева

Генералу А. И. Деникину.
(июнь 1918 г.)

Глубокоуважаемый
Антонъ Ивановичъ,

Я получилъ Вашу телеграмму и, согласно просьбы, пока остаюсь, но считаю необходимымъ сообщить Вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя меня крайне озабочиваютъ.

I. Здѣсь получено распоряженіе высшаго германскаго командованія о заключеніи перемирія съ большевиками на всѣхъ фронтахъ, въ томъ числѣ на Таганрогскомъ и Батайскомъ; въ Донской Области перемиріе заключено лишь по ликвидациіи Таганрогскаго десанта, но въ районѣ Койсуга до сихъ поръ слышна артиллерійская перестрѣлка. Это объясняется повидимому отчасти несочувствіемъ къ вышеозначенному распоряженію К-ра Германскаго Корпуса (Ростовскаго), представившаго будто бы даже по этому вопросу генералу Эйхгорну особый докладъ. Его (К-ра К-са) точка зренія такова, что перемиріе въ данный моментъ является неудобнымъ актомъ по отношенію къ казачеству, съ которымъ германцы находятся въ союзѣ, и которые еще не овладѣли Царицыномъ. Тѣмъ не менѣе, если подтвержденіе этого приказа послѣдуетъ, то перемиріе будетъ заключено, ибо «такова воля ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА», какъ сказалъ кому то изъ членовъ Донского Правительства К-ръ К-са и, затѣмъ прибавилъ, что «конечно, за нами останется свобода дѣйствій». Изъ его словъ можно было понять, что въ случаѣ пропуска большевиковъ на сѣверъ — они предварительно будутъ разоружены. Кромѣ изложеннаго имѣются и другія данныя, мѣняющія совершенно нашу обстановку.

II. 4 іюня вечеромъ, прїехавшій изъ Киева генер. Свѣчинъ, дѣлалъ

Правительству докладъ, сущность коего, въ краткихъ чертахъ, заключается въ слѣдующемъ:

сначала и Украинцы и нѣмцы были дружелюбно настроены и очень любезны и предупредительны по отношенію къ Дону, но затѣмъ, послѣ декларациіи Донского Правительства о признаніи себя частью Единой, Недѣлимой Россіи — отношенія круто измѣнились въ отрицательную сторону въ такої степени, что по частнымъ слухамъ Донскому Правительству будто бы грозитъ смѣна, а въ Новочеркасскѣ даже будто бы имѣть быть назначень германскій комендантъ. Этотъ переломъ въ отношеніяхъ къ Дону по моему понимається просто: съ объявленіемъ означенной декларациіи, Донъ становится на прямо противоположную политическую платформу по отношенію къ Украинѣ и, кромѣ того, такимъ мужественнымъ признаніемъ привлекаетъ къ себѣ не мало симпатій среди разныхъ круговъ — это съ одной стороны. Съ другой — хотя въ основныхъ чертахъ означенная декларација и совпадаетъ съ нѣмецкимъ взглядомъ на этотъ вопросъ, но Дономъ предвосхищена идея — объявление во всеуслышаніе того, о чёмъ нѣмцы только думаютъ — и опять не мало симпатій, благодаря этому, будетъ отторгнуто отъ нѣмцевъ и привлечено на сторону Донцовъ.

Въ связи съ изложеннымъ въ I и II п. п. повидимому происходитъ концентрація войскъ на ст. Лихой и можетъ быть даже ударъ на Царицынъ, что поставить насъ въ крайне затруднительное положеніе. Кромѣ того, сегодня (5 іюня) утромъ у Атамана были два нѣмецкихъ маіора, командированныхъ Эйхгорномъ изъ Киева и зондировавшихъ весьма основательно почву относительно Юго-Восточного Союза, который, по ихъ мнѣнію, представляеть фикцію; съ ихъ стороны дѣлались весьма прозрачные намеки о «сліяніи Дона и Украины въ одно цѣлое» — т. е. о kontaktѣ въ томъ или иномъ видѣ.

По моему, вопросъ поднятый нѣмцами, находится въ тѣсной связи съ предстоящимъ совѣщаніемъ Кубанского Правительства и Рады.

Всѣ изложенные вопросы требуютъ тщательного изученія, ибо они могутъ оказать серьезное вліяніе не только на общее положеніе Добровольческой Арміи, но и на ея ближайшую оперативную дѣятельность.

Финансовая операција, въ размѣрѣ 4-хъ миллионовъ руб., противъ моего ожиданія, прошла благополучно и я имѣю обязательство Донского

Правительства на выплату во второй половинѣ юня 2-хъ миллионовъ и во второй половинѣ юля остальныхъ 2-хъ миллионовъ рублей; о деталяхъ выплаты я войду въ соглашеніе съ Управляющимъ Финансовымъ Отдѣломъ.

Атаманъ въ этомъ вопросѣ пошелъ мнѣ навстрѣчу, но это не означаетъ, что вообще отношеніе его къ Добровольческой Арміи измѣнилось въ благопріятную для нась сторону, напротивъ имѣются прямые данныя предполагать, что отношеніе его къ намъ ухудшается на почвѣ нѣкоторыхъ отказовъ, такъ напримѣръ Атаманъ сильно недоволенъ отказомъ въ предоставлениі въ его распоряженіе полковника Андреева — я съ своей стороны считаю, что за полученнуу финансовую поддержку, мы должны бы въ этомъ, второстепенномъ для нась вопросѣ, пойти на встрѣчу пожеланіямъ генерала Краснова.

Вторымъ поводомъ къ недовольству его является, повидимому, несходство въ оперативныхъ взглядахъ (ударъ на Кущовку) — съ своей стороны нахожу, что въ этомъ отношеніи мы должны сохранить за собой полную свободу дѣйствій, не смущаясь ничьимъ неудовольствиемъ, тѣмъ болѣе, что по моему мнѣнію ОБСТАНОВКА ВЪ БЛИЖАЙШЕМЪ ВРЕМЕНИ ЗАСТАВИТЬ НАСЪ ОБРАТИТЬ СВОИ ВЗОРЫ И ДѢЙСТВІЯ ВЪ СЪ-ВЕРНОМЪ НАПРАВЛЕНИИ.

Я прошу Васъ обратить особенное вниманіе на совокупность матеріала помѣщенного въ «Приазовскомъ Краѣ» отъ 5-8 юня № 63 *).

Третьей причиной недовольства является инцидентъ въ Безсергеніевкѣ, гдѣ нѣкоторые офицеры Офицерскаго полка учинили дебошъ, врывааясь съ винтовками въ дома и гоняясь за станичнымъ атаманомъ. По этому поводу у генер. Краснова была делегація, съ станичнымъ атаманомъ во главѣ, съ жалобой на дѣйствія офицеровъ Добровольч. Арміи.

Назрѣваетъ новый конфликтъ между казаками и отрядомъ полковника Глазенапа въ ст. Грушевской гдѣ, по слухамъ, его офицеры будто бы выпороли какую то бабу — несомнѣнно и это дойдетъ, если только не дошло уже, до Атамана**).

Вообще отношеніе казачества къ Добровольческой Арміи, — въ связи съ увлеченіемъ нѣкоторыхъ офицеровъ политикой, переходящей зачастую

*) Первая телеграммы объ активномъ выступленіи противъ сов. власти чехо- словацкой арміи. (Ред.)

**) Этотъ слухъ оказался провокационнымъ. (Ред.)

въ грубое политикачество, назойливой бравадой монархическихъ идей среди неподготовленного еще къ этому населенія — можетъ имѣть нежелательныя и крайне опасныя для насть послѣдствія.

Нѣсколько словъ о полковникѣ Тимановскомъ: 4-го іюня я вынужденъ былъ пригласить его къ себѣ, т. к. получилъ слишкомъ много и изъ разныхъ источниковъ свѣдѣній, что втечениі первыхъ двухъ дней, Офицерскій полкъ пытался только консервами по той яко бы причинѣ, что штабъ Всевеликаго Войска Донского и генераль Денисовъ не пошли въ этомъ направленіи навстрѣчу требованіямъ генерала Маркова и полковника Тимановскаго.

Офицеры въ институтѣ размѣщены прямо на камennомъ полу коридоровъ, тогда какъ Вы быть можетъ помните, что въ декабрѣ и январѣ свыше 1000 человѣкъ имѣли кровати и тюфяки*) — опять полученъ докладъ, что генераль Денисовъ не пошелъ на встрѣчу.

Околодокъ полка въ отрицательномъ состояніи — только теперь отъ генер. Эльснера получены простыни, а я вѣдь разрѣшилъ за счетъ суммъ арміи произвести расходы, между прочимъ и на покупку термометровъ.

На мой вопросъ — почему не обратились ко мнѣ за содѣйствіемъ? — полковникъ Тимановскій отвѣтилъ, что онъ только что узналъ о моемъ прїѣздѣ, хотя въ теченіи 1, 2 и 3 іюня у меня перебывало значительное количество военныхъ, общественныхъ и политическихъ дѣятелей г. Ново-черкасска.

Еще нѣсколько словъ о нѣмцахъ: имѣются свѣдѣнія, о присылкѣ нѣмцами офицера изъ Ростова для связи съ Донскимъ Правительствомъ — разумѣется, понятно, въ какихъ цѣляхъ — необходимо будетъ Политическому Отдѣлу организовать самую тщательную контроль-развѣдку.

Генераль *M. Алексѣевъ*.

---

*) Въ періодъ Донск. Атам. А. М. Каледина. (Ред.)

НАКАЗЪ

данный генераломъ М. В. Алексѣевымъ,

ЧЛЕНАМЪ МИССИИ КОМАНДИРУЕМОЙ
ОТЪ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ОРГАНИЗА-
ЦИИ НА ДОНЪ.*)

Начальникомъ миссії для рѣшенія военныхъ вопросовъ назначенъ генералъ Кисляковъ. Естественно, что на него же падаетъ руководство переговорами по военно-политическимъ вопросамъ.

Главнѣйшая работа сводится къ тому, чтобы на Дону скорѣе съорганизовалась законно избранная и полномочная власть, какъ для быстрѣхъ соглашеній съ Добровольческой Арміей, такъ и для веденія болѣе соотвѣтственныхъ переговоровъ, если въ томъ по обстановкѣ, встрѣтится надобность.

До формированія такой власти опредѣлить въ чьихъ рукахъ находится фактическое руководство дѣлами, и вступить съ этой властью въ скорѣйшее соглашеніе.

Перенеся временно театръ своей боевой дѣятельности на территорію войска Донского, Добр. армія вправѣ увѣренno разсчитывать, что не только военные операции, но и военно-политическая работа Дона будетъ вполнѣ согласована съ работой Добр. арміи.

Добр. армія, не связанныя частными интересами съ тою или другою областью, преслѣдуje общегосударственные интересы и поэтому является лучшимъ связующимъ звеномъ для всѣхъ элементовъ, ведущихъ борьбу съ большевизмомъ. Руководство Добр. арміи представляется естественнымъ, полезнымъ и необходимымъ.

Соглашеніе между Дономъ и Кубанью, тѣсно связывая интересы обла-

---

*.) Миссія эта была командирована на Донъ тотчасъ же по возвращеніи Добр. Арміи изъ Ледянаго похода. (Ред.).

стей въ единое, облегчаетъ, какъ выполненіе общегосударственной задачи, такъ и постановку частныхъ стратегическихъ задачъ.

Установленіе прочной, постоянной связи между Добр. Организацией и Донскимъ правительствомъ возлагается на особую заботу миссіи. Взаимная ориентировка должна быть обеспечена.

Миссія должна спѣшно подготовить вопросъ о полученіи мною по переводнымъ билетамъ 6 мил. рублей и о предоставлении остающихся для Добр. арміи неиспользованными около 9 мил. рублей, безъ коихъ армія не можетъ развивать своихъ силь.

Желательно, чтобы Донское правительство организовало при Добр. арміи свое представительство съ реквиз. комиссией, дабы облегчить Добр. арміи получение всего необходимаго и расчеты за взятое.

Генераль Алексѣевъ.

22 апрѣля 1918
Ст. Егорлыкская.

ПИСЬМО

Основателя и Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи
Генерала М. В. Алексєева

Атаману Всевеликаго Войска Донского
Генералу П. Н. Краснову.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ
Добр. Армія.

Милостивый Государь
Петръ Николаевичъ,

4 Іюля сего года Вы издали приказъ о введеніи осаднаго положенія на территорії Всевеликаго Войска Донского.

Я увѣренъ, что этотъ приказъ ни въ какой мѣрѣ не направленъ противъ Добровольческой Арміи, но все же при нѣкоторыхъ его толкованіяхъ могутъ быть созданы весьма значительныя препятствія добровольческому дѣлу и, кроме того, въ широкихъ кругахъ общества можетъ создаться впечатлѣніе, что различныя ограниченія, которыя этимъ приказомъ созданы, имѣютъ въ виду именно Добровольческую Армію.

Приказъ не упоминаетъ о солдатахъ и вообще добровольцахъ не офицерскаго званія, направляющихся въ Армію; такимъ образомъ, значительная часть прибывающихъ къ намъ людей не имѣеть возможности останавливаться въ Ростовѣ, а также, какъ по смыслу приказа нужно, и въ Новочеркассѣ, и поэтому крайне желательно было бы именно въ этомъ вопросѣ избѣгнуть неясности.

Ограничія времени пребыванія офицеровъ въ г. Ростовѣ, а при распространительномъ толкованіи и въ Новочеркассѣ лишь тремя днями, является очень стѣснительнымъ, такъ какъ за этотъ срокъ добровольцы не успѣваютъ пройти черезъ всѣ наши учрежденія и отбыть въ Армію: бюро записи, Военно-Политический Отдѣлъ, лазаретъ и пр.

Значительныя препятствія въ дѣлѣ набора добровольцевъ создаетъ

устанавливаемый на границахъ Области, повидимому, строгий контроль, цѣль котораго мнѣ не совсѣмъ ясна.

Начальникъ моего Военно-Политического Отдѣла, Генерального Штаба Полковникъ Лисовой доложилъ мнѣ о бесѣдѣ, которую онъ имѣлъ съ Вами по поводу вышеозначенаго приказа. *)

Я совершенно удовлетворенъ результатами этой бесѣды и ея содержаніе лишь подтверждаетъ мою мысль, что Ваши дѣйствія ни въ какой мѣрѣ и не могли быть направлены противъ Добровольческой Арміи. Но все же я просилъ бы, если бы Вы нашли это возможнымъ, въ соотвѣтствующемъ дополненіи болѣе ясно указать въ какой мѣрѣ приказъ обѣ осадномъ положеніи касается Добровольческой Арміи. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и значительно способствовало бы прекращенію тѣхъ преувеличенныхъ слуховъ, которые ходятъ о треніяхъ между Добровольческой Арміей и Войскомъ Донскимъ.

Если эти слухи и имѣютъ нѣкоторое основаніе, то я вполнѣ увѣренъ, что всякиаго рода недоразумѣнія, всегда будутъ улажены при добромъ желаніи обѣихъ сторонъ.

Я со своей стороны всегда готовъ оказать Вамъ въ этомъ содѣйствіе.

Я прошу Васъ вѣрить, что изъ всѣхъ, находящихся сейчасъ на террито-рии Области элементовъ, не принадлежащихъ къ ея составу, Доброволь-ческая Армія является наиболѣе расположеннымъ къ Всевеликому Войску

*) Приказъ, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ письмѣ, явился для Добровольческой Арміи «ударомъ грома — среди тихаго неба»; генераль Алексѣевъ склоненъ былъ видѣть въ этомъ «тяжелую нѣмецкую руку, придавшую генер. Краснова».

Получивъ приказаніе генер. Алексѣева отправиться къ Атаману и выяснить истинныи причины, послужившии для отдачи столь грознаго для Добровольческой Арміи, приказа, я, бесѣдуя съ генер. Красновымъ, видѣль, что онъ искренне огорченъ столь обиднымъ для него, толкованиемъ его распоряженій и получилъ категорическая завѣренія, что приказъ этотъ ни въ какой степени не относится къ «братьской Добровольч. Арміи». Когда же я задалъ генер. Краснову вопросъ — будетъ ли этотъ приказъ отмѣненъ въ смыслѣ распространенія дѣйствій его на Добровольческую Армію, то получиль тотъ же отвѣтъ съ добавленіемъ, что «приказы отдаются не для того того чтобы ихъ отмѣнять».

Мои старанія получить отъ Атамана письменный гарантіи его завѣреній — также не увѣнчались успѣхомъ, но генераль Красновъ изъявилъ готовность лично завѣрить генер. Алексѣева въ неприкосновенности Добровольческой Арміи.

Послѣ донлада моего генералу Алексѣеву, — генераль уклонилъся отъ личныхъ гарантій и въ тотъ же день написалъ Атаману вышепомянутое письмо.

Насколько я помню, отъ генер. Краснова отвѣтъ былъ полученъ вполнѣ удовлетворительный и никакихъ дальнѣйшихъ осложнений по этому вопросу не было.

Я. Л.

Донскому; причиной этому служать не только чувства симпатии и столь недавняя общая боевая работа, но также и несомненное во многом совпадение задачи Добровольческой Армии и Войска Донского. Содействие Добровольческой Армии Всевеликому Войску въ его задачахъ будетъ безкорыстнымъ, болѣе чѣмъ чье бы то ни было и, следовательно, какъ болѣе отвѣ чающее его дѣйствительнымъ интересамъ.

Прошу принятьувѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи и преданности

Мих. Алексѣевъ.

6 Іюля 1918 года.

г. Новочеркасскъ

№ 92.

ПИСЬМО

Генерала М. В. Алексеева

Управляющему Отдѣл. Иностр. Дѣлъ Всевел. Войска Донского
Генералу А. П. Богаевскому.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ

Добровольческая

Армія

Милостивый Государь,
Африканъ Петровичъ,

для Вашего свѣдѣнія сообщаю Вамъ, что къ вечеру 12 іюля положеніе
дѣль на фронтѣ Добровольческой Арміи представляется въ слѣдующемъ
видѣ:

1) судя по перехваченной телеграммѣ большевиковъ Ейскъ очищенъ.
и совѣтской властью и совѣтскими войсками и, можно разсчитывать, безъ
сопротивленія будетъ занять нашей конницей.

2) часть нашихъ силъ направляется на Тимашевскій ж. д. узелъ, для
дѣйствія оттуда противъ Екатеринодара съ сѣверной стороны.

3) главная масса войскъ на Екатеринодарскомъ направленіи своими
передовыми частями заняла ст. Пластуновскую, примѣрно въ 30 верстахъ
отъ Екатеринодара.

Постоянный гарнизонъ Екатеринодара не превышаетъ полуторы тысячи
человѣкъ, но въ настоящее время черезъ городъ проходятъ многочисленныя
отступающія части и произвести болѣе или менѣе приблизительный подсчетъ
тѣмъ силамъ, которыхъ могутъ быть стянуты большевиками для защиты Екате-
ринодара, не представляется возможнымъ.

Во всякомъ случаѣ Командующій Арміей приказалъ приступить немедлен-
но къ подготовкѣ окончательной операциіи противъ Екатеринодара.

Подготовка эта начнется 13 -го іюля и, надо полагать, въ ближайшіе
дни г. Екатеринодаръ — этотъ одинъ изъ оплотовъ власти большевиковъ на
Кубани, будетъ сокрушенъ.

4) Колонна, обеспечивающая главную операцию с юга и юго.-запада, переправившись через р. Кубань у ст. Телишбенской, быть может будет развивать наступление на Армавиръ, если обстановка этому будет благоприятствовать.

5) Импровизированный отрядъ полк. Шкуро, при содѣйствіи войскъ Добровольческой Армії, занялъ и, надо полагать, окончательно Ставрополь, положивъ тѣмъ начало очищенню отъ большевиковъ Ставропольской губерніи.

Какъ Вы видите, операция на Кубани и въ Ставропольской губерніи находится въ полномъ развитіи и прервать ее безъ вреда для общаго дѣла не представляется возможнымъ, тѣмъ болѣе, что на ея окончательное завершеніе не потребуется и слишкомъ много времени.

Быть можетъ въ интересахъ полнаго обеспеченія тыла, часть войскъ придется употребить на возстановленіе порядка въ Терской области, прежде чѣмъ окончательно передать мѣстнымъ ополченіямъ продолженіе борьбы съ большевиками и уничтоженіе признаковъ ихъ власти.

Но все это задачи частнаго характера, лишь обеспечивающіе выполненіе главной задачи. Необходимо опредѣленно установить тотъ взглядъ, что Добровольческая Армія не отказывается и не имѣетъ оснований уклоняться отъ взятія Царицина.*)

Весь вопросъ во времени приступа къ этой операции въ зависимости отъ прочного обеспеченія тыла и путей сообщенія.

*.) Вопросъ о времени приступа къ царицынской операции — быть однимъ изъ пунктовъ расхожденія во взглядахъ между Донскимъ и Главнымъ Команд. Добр. Арм.

Въ то время, какъ генераль Красновъ настаивалъ на немедленномъ началѣ военныхъ дѣйствій по овладѣнію этимъ пунктомъ («...дамъ для этой цѣли и деньги, и орудія, и снаряды, и живую силу — если у меня не хватитъ — я выпрошу у нѣмцевъ») не разъ говорилъ генераль Красновъ) — Главное Командование Добр. Арм. не находило возможнымъ приступить къ этому прежде чѣмъ не будетъ очищено отъ большевиковъ тылъ Д. А. — т. е. Кубанская обл. Генераль М. В. Алексѣевъ сперва повидимому раздѣлялъ взгляды Донского Атамана и въ своихъ писмахъ къ генераламъ Деникину и Романовскому неоднократно подчеркивалъ важность этой задачи, предостерегая отъ «углубления на Кубань, которое можетъ повести къ гибели» (письмо генер. Алексѣева отъ 30 іюня 1918 г.)

Послѣ поѣздки въ Штабъ Добр. Арм. и изученія обстановки на мѣстѣ, генераль Алексѣевъ, хотя и измѣнилъ нѣсколько свой первоначальный взглядъ относительно времени начала Царицынской операции, — тѣмъ не менѣе, однако, считаетъ этотъ вопросъ настолько важнымъ, что:

1) дѣйствія на царицынскомъ направлении опредѣляютъ какъ главную задачу Добр. Арм.

2) назначаетъ чуть-ли не предѣльный срокъ начала этой операции и

3) настоятельно просить не подпускать къ Царицыну нѣмецкія войска.

Независимо отъ этого, — подписаніе договора и фактическое образованіе Юго-Восточнаго Союза могло поставить не окрѣпшую еще Добр. Арм. въ такое по-

Разматривая размѣръ предстоящей впереди работы, прикидывая время на переброску и сосредоточеніе войскъ, мы можемъ предполагать, что операциѣ противъ Царицына начнется войсками Добровольческой Арміи черезъ $2\frac{1}{2}$ — 3 недѣли.

Срокъ, можетъ быть, продолжительный, но необходимый и съ этимъ приходится считаться и согласовать соображенія Донского Командованія, дабы операцию эту сдѣлать нашимъ общимъ дѣломъ, не допуская въ ней никоимъ образомъ участія нѣмцевъ.

Изложивъ Вамъ съ полной откровенностью и положеніе дѣлъ въ арміи и наши общія предположенія не только для Вашего свѣдѣнія, но и для того, чтобы Вы взяли на себя трудъ изложить это Атаману, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю своимъ долгомъ от лица Добровольческой Арміи просить содѣйствія по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Всякое ускореніе подписанія договора объ образованіи Юго-Восточнаго Союза (Доно-Кавказской Республики) можетъ поставить Добровольческую Армію въ безъисходное положеніе. Между тѣмъ, какъ отсрочка этого акта будетъ отвѣтчать интересамъ не только Арміи, но и территоріальныхъ

ложеніе, что въ любое время, подъ давленіемъ нѣмецкаго командованія (которое, истати сказать, относилось съ большимъ вниманіемъ къ ходу означенныхъ переговоровъ), мозгъ возникнуть вопросъ о ея разоруженіи, какъ находящейся на чужой территоїї.

Вотъ почему генераль Алексѣевъ, являясь въ принципѣ сторонникомъ означенного соглашенія, просить о временному задержаніи подписанія этого акта.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что генераль Красновъ охотно согласился пріостановить подписаніе означенного акта, что же касается отсрочки боевыхъ дѣйствій подъ Царициномъ, то Донской Атаманъ хотя согласился и на это, но по его словамъ «съ болью въ сердцѣ».

Изъ послѣдующаго письма генерала Романовскаго къ генералу А. Богаевскому видно, что еще въ концѣ сентября не только не было приступлено къ операции, но что операция эта отлагается на нѣкоторое время... Кань извѣстно, Царицинъ былъ взятъ лишь 17 іюня 1919 г.

Еще одна характерная черта — какъ предыдущее письмо генерала Алексѣева такъ и послѣдующее письмо генерала Романовскаго, такъ вообще и большинство писемъ нацрываются на имя генерала А. П. Богаевскаго не только какъ Управляющаго Отдѣл. Иностранныхъ дѣлъ, но, по выражению генерала Алексѣева, какъ «единственного друга Добровольческой Арміи, отъ которого у меня нѣть никакихъ секретовъ» — почва непосредственныхъ сношений между Главными Командованіями Доноской и Добровольческой Арміями къ этому времени накалилась въ такой степени, что генералу А. Богаевскому зачастую приходилось разрѣшать рядъ вопросовъ не всегда находившихся въ сфере его непосредственныхъ обязанностей, какъ напр., въ данныхъ случаяхъ вопросъ о снабженіи Добр. Арм. огнестрѣльными припасами, о разстройствѣ нѣмецкихъ стратегическихъ плановъ и т. п. (Ред.)

единицъ, входящихъ въ составъ Союза, особенно на Кубани. Вопросъ этотъ зависить, главнымъ образомъ, насколько мнѣ это извѣстно, отъ Атамана Войска Донского, а потому я обращаюсь черезъ Васъ къ нему съ просьбой задержать подписаніе акта.

2) Вѣрны или нѣтъ мои свѣдѣнія — но знаю, что уже дней 10, какъ ведется сосредоточеніе трехъ германскихъ дивизій къ ст. Лихой. Цѣль этого сосредоточенія, говорять, совмѣстная дѣйствія нѣмцевъ и казаковъ, по приглашенію генерала Краснова, противъ Царицина. Болѣе всего и убѣдительно прошу отказаться отъ этого проекта. Я выяснилъ уже неизбѣжность для Добровольческой Арміи этой операции — нужна только выдержка, и было бы болѣе чѣмъ грѣшно, если бы мы своими собственными руками или хотя бы косвенно содѣйствовали нѣмцамъ въ появлѣніи ихъ въ районѣ Царицына на Волгѣ. Дѣло въ томъ, что по свѣдѣніямъ изъ Кієва, нѣмцы спѣшно уводятъ изъ сѣверной части Украины свои войска и направляютъ свѣжія части изъ Украины на Москву и далѣе на Волгу въ предвидѣніи сбора тамъ союзныхъ войскъ.

Допуская ихъ къ Царицыну, мы сами создаемъ для нихъ въ высшей степени благопріятную обстановку. Нужно не приглашать, а принять всѣ возможныя мѣры къ тому, что бы разстроить стратегическія предположенія нѣмцевъ.

За содѣйствіемъ по этимъ двумъ вопросамъ капитальнѣйшей важности я и обращаюсь къ Вамъ въ глубокой надеждѣ, что Вы поможете избѣжать тѣхъ крайнихъ затрудненій, съ которыми придется имѣть дѣло и Юго-Восточному Союзу и Добровольческой Арміи. Прежде всего необходимо точно выяснить, дѣйствительно ли совершается сосредоточеніе крупныхъ нѣмецкихъ войскъ въ районѣ ст. Лихой.

Прошу принять увѣренія въ совершиеннѣйшемъ моемъ почтеніи и преданности.

Мих. Алексѣевъ.

12 Іюля 1918 г.

№ 96

Ст. Тихорѣцкая.

ПИСЬМО

Начальника Штаба Добровольч. Армії
Генерала И. П. Романовскаго

Управляющему Отдѣл. Иностр. Дѣлъ Всевел. Войска Донского
Генералу А. П. Богаевскому

Начальникъ Штаба
Добровольческой Арміи

№ 678
26 сентября 1918 года
Екатеринодарь.

Милостивый Государь
Африканъ Петровичъ,

Добровольческая Армія достигла въ сентябрѣ мѣсяцѣ крупныхъ успѣховъ. Оперирующіе на Кубани Совѣтскіе войска оказались окружеными и, казалось, могли бы быть уничтожены, послѣ чего большая часть Добровольческой Арміи, согласно и ранѣе бывшіхъ предположеній, начала бы немедленно содѣйствовать Донцамъ работою въ непосредственной связи съ ними, въ Царицынскомъ и Приволжскомъ районахъ.

Однако окруженные скопища большевиковъ оказались столь многочисленными, а состояніе огнестрѣльныхъ запасовъ Добровольческой Арміи столь незначительными, что развивать операциіи въ прежнемъ масштабѣ стало для насъ невозможнымъ.

Сжимавшее большевиковъ наше кольцо прорвано у Невинномысской, и нынѣ является опасеніе, что большая часть большевистскихъ массъ уйдетъ, и уйдетъ, судя по уже двинувшимся отрядамъ, на сѣверъ, въ Астраханскія степи и далѣе, вѣроятно, на Царицынъ.*)

Такимъ образомъ наша вынужденная въ данное время бездѣятельность во 1) даетъ возможность значительно усилиться Царицынской группѣ противника, дѣйствующаго противъ арміи Всевеликаго Войска Донского, и во

*) А частью угрожаетъ движениемъ на Торговую и Царицынъ — тылу Донской Арміи. Романовскій.

2) отлагаетъ время выступленія Добровольческой Арміи на Царицынскомъ направлениі.

Единственная мѣра, которая могла бы помочь въ этомъ случаѣ — это немедленное снабженіе Добровольческой Арміи патронами и снарядами въ количествѣ болѣе соответствующемъ его задачамъ.

Единственнымъ же источникомъ возможного пополненія является Все- великое Войско Донское. Общиность нашей боевой работы, общность оперативныхъ задачъ и совмѣстный общий фронтъ, общія задачи и въ прошломъ и въ будущемъ — все это позволяетъ мнѣ просить Васъ отнестиась въ дѣлѣ снабженія артиллерийского Добровольческой Арміи, какъ къ своимъ частямъ и разрѣшить этотъ вопросъ возможно благожелательнѣе.

Обезпеченіе Добровольческой Арміи снарядами и патронами ускорить побѣду Дона надъ общимъ врагомъ.

Прошу Васъ не отказать въ увѣдомленіи меня по содержанію этого письма.

Прошу Васъ принять увѣренія въ моемъ глубокомъуваженіи и искренней преданности

И. Романовскій.

Примѣчаніе: На этомъ письмѣ имѣется слѣдующая резолюція Генерала А. П. Богаевскаго:

„Оставить въ Ставрополь 1.000.000
румс. патроновъ и 50.000 снарядовъ“

Генералъ А. П. Богаевскій

ДИРЕКТИВЫ

генерала Алексеева заместителю Начальника
Политического Отдела

Генералъ
АЛЕКСЕЕВЪ.

Хорунжему Кравченко.

7-9-18.

Въ докладъ полк. Лисовому
по его возвращеніи.
Хор. Кравченко

Намъ нужно скрѣпѣ переселиться изъ центральной гостиницы. Состояніе кассы арміи допускаетъ нѣкоторый расходъ на наемъ квартиры. Полагаю, что все это нужно продѣлать немедленно и не подвергать себя непріятнымъ послѣдствіямъ наблюденія за нами и выкрадыванія документовъ.*)
По соглашенію съ ген. Романовскимъ будетъ создана особая команда довѣренныхъ курьеровъ и назначенъ полит. отдѣлу автомобиль.

Поручаю Вамъ отъ моего имени посѣтить г-жу Корнилову и доложить, что обеспеченіе въ материальномъ отношеніи семьи покойного Лавра Георгіевича береть на себя, въ силу гражданского долга и въ мѣрѣ дѣйствительной возможности, Добр. армія. Ген. Эльснеру поручено представить г-жѣ Корниловой 14.000 рублей единовременно. Какъ и въ отношеніи семьи С. Л. Маркова, я обратился къ частной благотворительности и вполнѣ разсчитываю на благопріятные результаты. Писаль Кубанскому Правительству о назначеніи пенсіи или единовременнаго пособія. Изыщу способы выдѣлить нѣкоторый процентъ изъ контрибуціи. Офицеры Полит. Отдела должны предоставить себя въ распоряженіе г-жи Корниловой; лично я, по возвращеніи въ

*.) Рѣчь идетъ о представителяхъ политич. отд. германского командованія, которымъ было отведено помѣщеніе въ «Центральной гостин.» рядомъ съ Полит. Отд. Добровольч. Арміи. Всѣ представления генер. Алексеева, сдѣланныя имъ Атаману Всев. Войска Донск. относительно «значительныхъ неудобствъ» этого сосѣдства — оказались безреaultатными — удалось только выяснить, что это помѣщеніе отведено по просьбѣ самихъ нѣмцевъ.

Къ сожалѣнію Полит. Отд. Добр. Арм. до 15 июля не располагалъ никакими средствами на наемъ отдѣльного помѣщенія. Я. Л.

Новочеркасскъ, буду у нея и выражу полную готовность помочи. Словомъ, сдѣлаемъ все, что можно, чтобы семья не могла остаться при убѣжденіи, что она «покинута всѣми». Пріѣздъ семьи въ Новочеркасскъ былъ дѣйствительно неожиданнымъ для всѣхъ.

Думаю, что въ Новочеркасскѣ склонны придавать преувеличенное значеніе даже мелкимъ проявленіемъ, безъ которыхъ въ крупномъ дѣлѣ обойтись невозможно. Объ инцидентѣ на ст. Кущовка я ничего не зналъ: штабъ арміи не придавалъ ему значенія и не былъ склоненъ рассматривать его, какъ источникъ недоразумѣній. Не откажите выяснить эту точку зрѣнія. За неумѣстную передовую статью редактору сдѣлано внушеніе. Лично я остаюсь при мнѣніи, что лучше было бы пресловутаго «Вѣстника»*) не имѣть: онъ часто и садиться и сажаетъ въ лужу. Но штабъ имѣеть свои желанія съ которыми нельзя не считаться.

Капитана Тихомирова (онъ полковникъ-самозванный) нужно арестовать и доставить въ армію. Кажется, онъ самовольно покинулъ армію (дезертиръ).

Аресты вредящихъ намъ, особенно черезъ нѣмцевъ, нужно производить и при томъ собственными средствами, если это можно продѣлать достаточно ловко. При неудачѣ всегда возможно передъ Войскомъ извиниться отъ моего имени, указавъ, что въ виду экстренности и важности дѣла и лица была примѣнена, по моему приказанію, эстраординарная мѣра. Словомъ, придется такъ или иначе «ликвидировать» частный случай. Но самооборона требуетъ дерзанія.

Въ отношеніи подданныхъ державъ союзныхъ Ваши рѣшенія, какъ частныя, одобряются. Но придать имъ широкое толкованіе нельзя, ибо подъ видомъ друзей проникнуть къ намъ люди враждебно настроенные. Не встрѣчалось бы препятствій къ образованію изъ самихъ подданныхъ союзныхъ державъ комитета, который вошелъ бы въ непосредственное соглашеніе съ Полит. Отдѣломъ и со Ставропольскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ. По выбору и ручательству комитета, Полит. Отд. можетъ направлять со своими пропусками или отдѣльныхъ лицъ или группы до своей территории, т. е. до Ставропольской губ., гдѣ полк. Глазенапъ окажетъ законное гостепріимство и облегчить положеніе союзниковъ, придавленныхъ тяжелою нѣмецкою рукою.

*) «Вѣстникъ Добровольческой Арміи» — редакт. А. Кузовенко.

Я не имѣю опредѣленнаго и рѣшительнаго указанія о пяти миллионахъ. Если они ассигнованы, то полк. Новосильцевъ долженъ довести это дѣло до конца, т. е. 1) выяснить — кѣмъ, когда ассигнованы, 2) съ кѣмъ мнѣ придется вести дѣло для фактическаго полученія, 3) порядокъ перевода денегъ (какие банки, гдѣ, какими частями...), 4) какими деньгами можно получить ассигнованіе. Словомъ, нужно разработать всю техническую сторону вопроса, ибо пока у меня нѣтъ опытнаго финансового органа, да и самъ я пока не могу оставить армію и немедленно вернуться въ Новочеркасскъ.

При современномъ положеніи дѣль, при наличности «центровъ», «группъ», другъ съ другомъ несогласныхъ, нежелающихъ ничѣмъ поступиться изъ своихъ вѣрованій; при созданіи «національнаго совѣта» путемъ «персональнаго» приглашенія отдельныхъ лицъ, — Москва, конечно, явится гнѣздомъ интриги и ареной борьбы двухъ оріентаций. Преобладаніе будетъ переходить то къ одной, то къ другой группѣ; будетъ выдвигаться то та, то другая кандидатура (Алексѣевъ, Гурко, Болдыревъ и т. д.). Выразивъ разъ свое согласіе, поставивъ свои условія, я не втянусь однако въ ходъ интриги. Сохраняя и свое согласіе и перечень своихъ минимальныхъ условій, я ничего не предприму для достиженія цѣли, ибо я ничего не искалъ и не ишу лично для себя. Найденъ другой — достойнѣйший — ему и книги въ руки, а я или ухожу въ частную жизнь (пора), или остаюсь при Добр. арміи, ставя цѣлью развитіе ея до предѣловъ, отвѣчающихъ общегосударственнымъ задачамъ. Словомъ, готовый дѣлать дѣло, я уклоняюсь отъ излюбленной интриги, борьбы «центровъ» и «группъ». Этимъ правиломъ я буду руководствоваться и впредь.

По неяснымъ свѣдѣніямъ, ген. Дмитрій Гурко, будто бы, состоить на службѣ у совсѣмъ властей и руководителемъ въ Москвѣ. Желательно повѣрить этотъ слухъ, которому я не склоненъ придавать вѣры.

Генералъ Алексѣевъ.

17 юля 1918

№ 107

Ст. Тихорѣцкая.

ИЗЪ БЛОКНОТА *)

Генерала М. В. Алексѣева.

-
- 1) *Мой привѣтъ*— вторичный, какъ знакъ уваженія къ 1 кон. полку.
  - 2) *Мою благодарность* за великую боевую службу доблестнаго полка.
  - 3) *Мое глубокое убѣжденіе*, что доблестные офицеры полка, умѣя безъ счета бить врага, сдержать порывы молодости.
  - 4) *Мое желаніе*, чтобы въ наше добровольческое дѣло не вмѣшиваться мѣстныя власти, что неизбѣжно, если мы не съумѣемъ оставаться на границахъ допустимаго.
  - 5) *Мое требованіе*, чтобы не подать повода ни къ одному аресту мѣстными властями офицера нашей арміи.
  - 6) *Мою вѣру*, что даже въ минуты праздника здравый смыслъ, русское сердце, любовь къ арміи возьмутъ верхъ надъ слабостями человѣческой воли.

---

*) Тезисы рѣчи, которую долженъ былъ произнести на полковомъ празднике 1-го кон. п-ка въ 1918 г. представитель генерала Алексѣева.

Y.

СЛАВЯНЕ - БОЛЬШЕВИЗМЪ - БѢЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

Въ статьяхъ и документахъ этого отдѣла согласно просьбѣ авторовъ сохранены всѣ особенности языка Чехо-словаковъ и Карпаторосовъ

ЧЕРЕЗЪ СИБИРЬ КЪ СВОБОДЪ.

(Переводъ съ чешскаго) *)

Только что получено изъ Вашингтона военное сообщеніе достойное удивленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень трогательное: это официальное сообщеніе о томъ, какъ армія въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, послѣ заключенія Россіей мира, направляясь съ русскаго фронта къ новой боевой линіи — во Францію, спасла Сибирь и сберегла для союзниковъ 3.000 миль сибирской желѣзной дороги отъ нѣмцевъ, австрійцевъ и русской красной гвардіи.

Это извѣстіе — обѣ одномъ изъ тѣхъ чудесныхъ переходовъ, которые считаются сверхъ человѣческихъ силъ и которые, въ результатѣ, даютъ не-вѣроятныя побѣды; это одновременно есть сообщеніе и о крушениі всѣхъ германскихъ плановъ въ Восточной Россіи, а, можетъ быть, и о спасеніи для союзниковъ всей русской ситуаціи.

Извѣстіе это принесли въ Вашингтонъ представители этой революціонной арміи чехословаковъ.

Вождь этой арміи, профессоръ Массарикъ, имѣть свою Ставку въ этомъ городѣ и они прошли половину міра, чтобы передать ему эти докесенія.

Чехословаки — это одинъ изъ тѣхъ подъяремныхъ народовъ, которые въ теченіи цѣлыхъ столѣтій боролись противъ нѣмцевъ, австрійцевъ и мадьяръ.

Когда вспыхнула міровая война — они цѣлыми тысячами бѣжали черезъ русскія границы, въ Россію, для того, чтобы въ рядахъ ея воевать противъ Австріи; другія тысячи, призванныя въ австрійскія арміи, также перешли на сторону Русской Арміи; всего въ Россіи было около ста тысячъ чехословаковъ въ тотъ моментъ, когда русская армія развалилась.

*) Статья эта была написана пѣвѣстнымъ американскимъ писателемъ Гарвью О'Гиггисомъ, и напечатана во всѣхъ крупныхъ американскихъ газетахъ. Чехословакій художественный клубъ въ Нью-Йоркѣ выпустилъ ее отдѣльнымъ изданіемъ съ многочисленными иллюстрациями работы И. Т. Каплана и картой Р. Ружички въ сентябрѣ 1918 года. Пѣдана вновь въ Прагѣ по образцу американского подлинника, въ январѣ 1919 г. Статья эта, какъ и послѣдующія, являются великоглѣдными образчиками той агитационной работы, которая, въ свое время, умѣло велась всюду чехословаками и привлекла къ нимъ всеобщія симпатіи.

И только ихъ армія, численностью до 50.000 человѣкъ, подъ руководствомъ собственныхъ вождей, удержала свою боевую линію на Украинѣ, въ то время, когда Украина уже заключила миръ съ Германіей.

Когда большевистское правительство въ Москве заключило Брестско-Литовский миръ, армія была оставлена на произволъ судьбы — нѣмцамъ.

Австрійскій Императоръ предлагалъ имъ амністію, если только они возвратятся въ Австрію, и обѣщалъ автономію для ихъ націи, какъ награду за ихъ возвращеніе.

Они отказались вести переговоры съ правительствомъ, которое уже нѣсколько разъ ихъ обмануло, и рѣшили отступить по Сибирской желѣзной дорогѣ, съ намѣреніемъ договориться съ большевиками, о свободномъ проѣздѣ черезъ Сибирь до Владивостока, гдѣ надѣялись получить пароходы для отправки ихъ во Францію.

Только что успѣли они прийти къ этому рѣшенію, какъ узнали, что въ то самое время, когда австрійцы пытались ихъ задержать, предлагая имъ амністію — нѣмецкая армія уже была выслана въ тылъ, съ цѣлью отрѣзать ихъ отъ желѣзной дороги.

Армія чехословаковъ была обильно снабжена военными припасами и накопила въ своихъ лагеряхъ снаряженіе Русскихъ Армій, которое послѣ революціи бросилъ фронтъ.

Но одинаково, какъ и у Русскихъ, у нихъ не было продовольствія, корма для лошадей, не было сносной одежды, не было полевыхъ кухонъ, — они были похожи на армію оборванцевъ: въ лоскутяхъ, съ ногами обернутыми въ тряпки.

Въ дѣйствительности же это была армія интеллигентовъ-энтузіастовъ, — восемьдесятъ процентовъ которыхъ, были люди съ университетскимъ образованіемъ.

Каждая рота везла съ собой библіотеку по нѣскольку сотъ томовъ и они издавали ежедневно, даже въ Сибирскомъ походѣ, газету въ восемь страницъ.

И только ихъ интеллигентность и культурность преодолѣла нѣмцевъ, австрійцевъ и большевиковъ.

Лошади ихъ были слишкомъ слабы для того, чтобы везти ихъ повозки и они на себѣ тащили обозы и Ѳли лошадиное мясо; поѣдали также собакъ, кошекъ и лягушекъ.

«Всегда, какъ только мы приближались къ озеру» — рассказываютъ

они — «лягушки нась привѣтствовали хоромъ, но когда мы уходили — не слышно было ни одной...»

Поджаривая ячмень, они мололи его бутылками и варили изъ него кофе, а когда послѣдній быль выпить, съѣдали то, что оставалось на днѣ.

Не грабили крестьянъ — ихъ интеллигентность оберегала ихъ отъ подобного нравственнаго паденія.

Они понимали, что нельзѧ было двигаться по мѣстности, въ которой населеніе было бы враждебно къ нимъ настроено и, когда они вступали въ какое нибудь селеніе, жители котораго не хотѣли дать имъ продуктовъ, они собирались на площади и ждали тихо и смирно, иногда съ утра и до ночи, пока сами крестьяне не смируются и не пойдутъ имъ на встрѣчу; потомъ они платили за все, что имъ было принесено и шли дальше, зная навѣрное, что ихъ друзья, которые идутъ вслѣдъ за ними, найдутъ лучшій пріемъ.

Когда же имъ удавалось раздобыть зерна, — несли его съ собой, пока не встрѣчали по дорогѣ вѣтряную мельницу, гдѣ они эти зерна и перемалывали.

«Мы не нуждались въ зубномъ порошкѣ» — говорили они, — «жернова были настолько мягкие, что много песку оставалось въ мукѣ, — поэтому наши зубы были всегда остро отточены».

Такимъ образомъ они приблизились къ желѣзнодорожному узлу, гдѣ уже находилась нѣмецкая армія, намѣревавшаяся воспрепятствовать дальнѣйшему ихъ продвиженію.

Когда всѣ собрались — началась атака; битва продолжалась четыре дня; послѣ четырехъ дней нѣмцы просили о перемиріи для того чтобы похоронить своихъ убитыхъ.

Когда истекъ срокъ перемирія, оказалось, что нѣмецкая армія отступила, оставивъ только аррѣгарды, которые также начали отступать передъ ними.

Подошли къ желѣзной дорогѣ.

Пробивались вдоль нея къ Москвѣ, гдѣ и вступили въ переговоры съ большевиками, о свободномъ проѣздѣ по сибирской желѣзной дорогѣ до Владивостока.

Проѣздѣ былъ гарантированъ имъ съ условіемъ — сдачи оружія и амуниції, такъ какъ послѣднее принадлежѣть Русскому правительству.

Въ каждомъ полку имѣлось по четыреста пулеметовъ, исправныя

орудія, аэропланы, большое количество ручныхъ гранатъ и изобиліе разной аммуниции.

Пришлось сдать все, оставивъ ручные гранаты и по одной винтовкѣ на каждые 10 человѣкъ и, такимъ образомъ, почти безоружные, они двинулись въ путь, по желѣзной дорогѣ, черезъ всю Азію.

Такъ какъ трудно было доставать паровозы и вагоны — пришлось прибѣгнуть къ реквизиціи; въ случаяхъ затрудненія съ машинистами — пришлось поставить надъ ними караулы съ гранатами въ рукахъ.

Когда положеніе становилось уже невыносимымъ, находили машинистовъ въ рядахъ своихъ людей и управляли сами паровозами; если не хватало топлива — останавливали поѣздъ, рубили деревья и наполняли тендеръ дровами.

Когда вошли вглубь Сибири, — оказалось, что военно-плѣнныe нѣмцы и австрійцы, расквартированные по селамъ и хуторамъ, воспользовались современнымъ переворотомъ и, выдавая себя за интернаціоналистовъ-революціонеровъ, вошли въ довѣріе русскаго народа, благодаря чему пріобрѣли видныя мѣста въ мѣстныхъ совѣтахъ.

Нѣмецкіе и австрійскіе офицеры, выдавая себя за противниковъ милитаризма и друзей трудового народа, также пользовались большимъ вліяніемъ у довѣрчивыхъ людей.

Чехословаки вездѣ встрѣчали громадныя препятствія, но къ открытому бою дѣло дошло лишь въ Иркутскѣ.

Когда въ этотъ пунктъ прибыли ихъ первые эшелоны, они были встрѣчены, на станції, двумя тысячами красной гвардіи, подъ командой нѣмецкихъ и австрійскихъ офицеровъ, переодѣтыхъ въ русскую форму.

Чехословакамъ приказано было сдать оставшіяся у нихъ винтовки и ручные гранаты — они отказались.

Тогда нѣмецкіе офицеры скомандовали «или», но въ возбужденіі — команду подали по-нѣмецки; русскіе не поняли — но чехословаки хорошо поняли...

Они бросились на красногвардейцевъ, буквально съ голыми руками, если не считать карманнныхъ ножей и, оказавшихся въ этотъ моментъ подъ ногами у нихъ камней, и, послѣ короткой, но ожесточенной борьбы, обезоружили красногвардейцевъ и перебили нѣмецкихъ офицеровъ.

Когда же они добыли винтовки и пулеметы, то заняли городъ, обезору-

жили войска центрального сибирского правительства и перебили до 800 нѣмцевъ и австрійцевъ.

Послѣ этого, по почину французского и американского консуловъ, они отправили трехъ представителей въ Москву для переговоровъ; Троцкій отъ переговоровъ отказался — посланные представители были задержаны и арестованы...

Послѣ этого армія объявила большевикамъ войну и начала занимать сибирскую желѣзную дорогу для союзниковъ.

Прокладывая себѣ путь черезъ материкъ съ оружиемъ въ рукахъ, они оставляли небольшія части въ тылу для охраненія пути и принимали въ свои ряды новыхъ бойцовъ изъ числа военно-плѣнныхъ въ сибирскихъ лагеряхъ и мастерскихъ, вездѣ обезоруживая красногвардейцевъ и уничтожая нѣмцевъ и австрійцевъ.

Теперь въ ихъ рукахъ находится вся линія желѣзной дороги отъ Владивостока до самой Волги и этимъ они закрыли Сибирь не только для нѣмцевъ, но и для войскъ Троцкаго и прекратили подвозъ продовольствія изъ Сибири.

На тѣхъ, которые принесли эти сообщенія въ Вашингтонъ, не замѣтно никакихъ слѣдовъ перенесенныхъ ими страданій.

Ихъ душевное состояніе характеризуется словами, которые чехословаки несли на знамени, по случаю торжества въ Чикаго 4 июля 1918 года:

„Америка! не теряй надежды, — мы уже бьемся тысячу лѣть!”

К. Цигелька.

Ростовъ-Д.
31 марта 1919 г.

ДОКЛАДЪ

Члена Р. Н. С. Прикарпатской Руси Г. С. МАЛЕЦЪ.

Членъ

РУССКАГО НАРОДНАГО СОВѢТА

Прикарпатской Руси.

Организаторъ

КАРПАТО — РУССКАГО

Добровол. Военного Отряда
поручикъ

Г. С. Малецъ.

г. Екатеринодаръ

Мая 30-го дня 1919 г.

Подъяремная Прикарпатская или Червонная Русь (Галичина, Буковина и Угорская Русь), стремившаяся всегда къ возсоединению съ державной Русью и ждавшая отъ нея помоши въ этомъ отношеніи, сейчасъ же въ 1914 году, какъ только началась великая всемірная война, долженствовавшая принести всѣмъ славянамъ освобожденіе отъ чужеземнаго ига и, какъ только русская армія побѣдоносно вошла въ Галичину, не желая быть только пассивнымъ зрителемъ своего освобожденія стремилась принять активное участіе въ борьбѣ за свое освобожденіе. Немобилизованныя еще австрійцами молодежь, деревенская и учащаяся, многочисленно поступала прямо въ русскія части пѣшія и конныя, особенно въ казачьи.

Но, чтобы вызвать всеобщій подъемъ и въ этомъ отношеніи, а также въ видахъ чисто политическихъ, желательно было организовать особый добровольческій отрядъ изъ уроженцевъ Прикарпатской Руси. Главнымъ образомъ можно было здѣсь разсчитывать на военно-плѣнныхъ-карпато-россовъ, (австрійскихъ армій), которые, не желая сражаться противъ своихъ кровныхъ братьевъ и противъ своихъ национальныхъ интересовъ, цѣлыми частями переходили на сторону русской арміи.

Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси, какъ верховная, народная, политическая и культурная организація, обращался дважды (въ 1914 и началѣ 1915 г.) съ ходатайствомъ передъ Главнокомандующимъ юго-запад. фронтомъ, а засимъ на Высочайшее имя о разрѣшеніи формировать такой добровольческій отрядъ, но не нашелъ въ этомъ отношеніи ни должнаго сочувствія, ни надлежащей поддержки.

Ген. Ивановъ отнесся тогда (1914 г.) вполнѣ отрицательно къ формированию такого отряда изъ военнооплѣнныхъ, заявивъ хлопотавшему лично у него по этому дѣлу предсѣдателю Русскаго Народнаго Совѣта В. О. Дудыкевичу (онъ же первый подалъ мысль объ образованіи добровольческаго отряда), что солдатъ сдавшійся въ плѣнъ не можетъ уже быть хорошимъ солдатомъ. Въ ожиданіи благопріятнаго отвѣта на ходатайство Русскаго Народнаго Совѣта, въ апрѣлѣ мѣс. на имя б. императора Николая II, собралось было во Львовѣ въ маѣ мѣс. свыше 200 человѣкъ, изъявившихъ желаніе поступить добровольцами въ отрядъ, но ожидаемый отвѣтъ, правда съ разрѣшеніемъ формированія отряда, былъ полученъ только въ іюнѣ мѣс. послѣ эвакуаціи Львова Совѣтомъ и переѣзда его въ гор. Киевъ. Но и тогда ген. Ивановъ положилъ на этомъ отвѣтѣ свою замѣтку: «Едва ли теперь найдутся желающіе поступить»... Кромѣ того не было указано ни мѣсто формированія и не были отпущены необходимыя на это средства. Русскій Народный Совѣтъ таковыми не располагалъ, т. к. былъ отрѣзанъ отъ родной земли, находясь на положеніи бѣженскому въ Киевѣ, да кромѣ того предстояли ему громадныя заботы и попеченіе о сотняхъ тысячи бѣженцевъ.

Въ маѣ мѣс. 1917 года такое ходатайство было оять возобновлено передъ Верховнымъ Главнокомандующимъ Генераломъ Брусиловымъ. По разнымъ соображеніямъ, а главное по политическому, ввиду сильнаго, казалось тогда, мазепинскаго (украинскаго) движенія, генералъ Брусиловъ отнесся уклончиво къ организаціи Карпато-руссскаго Отряда, выдвинувъ однако, какъ причину, то обстоятельство, что война уже скоро кончится и, что въ арміи чувствуется всеобщій недостатокъ снаряженія и проч. Тогданий уже начальникъ Киевскаго военнаго Округа полк. Оберучевъ откровенно заявилъ уполномоченному Русскаго Народнаго Совѣта Ю. Я. Яворскому, что онъ никакимъ образомъ не допустить формированія Карпаторусскаго отряда, т. к. это вызвало бы новую борьбу съ «украинцами».

За симъ посыпались новыя тяжелыя испытанія на русское Государство

и русскій народъ. Армія оставила фронтъ и ея нестало, а грозныя большевистскія волны разливаясь по всей Россіи, уничтожали все на своемъ пути и подъ конецъ 1917 года государство, оказалось на краю гибели. И когда въ то время, для спасенія родины, по почину ген. Алексѣева начала организоваться Добровольческая Армія, Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси, больше чѣмъ когда либо, счель своимъ долгомъ предложить ему свою помошь посредствомъ организаціи особаго отряда изъ уроженцевъ Прикарпатской Руси, бѣженцевъ и военно-плѣнныхъ.

Ген. Алексѣевъ, учитывая не только боевое значеніе, какое могъ имѣть для него тогда карпато-русскій отрядъ, но быть можетъ, еще болѣе важное политическое значеніе участія карпатороссовъ въ возрожденіи русской арміи и возсозданіи русскаго государства, узнавъ только о намѣреніи Русскаго Народнаго Совѣта организовать отрядъ и, не дожидаясь предложенія, пригласилъ къ себѣ и. д. предсѣдателя Р. Н. Совѣта Л. Ю. Алексѣевича, чтобы потолковать съ нимъ объ этомъ дѣлѣ.

Въ дальнѣйшихъ переговорахъ по дѣлу формированія карпаторусского добровольческаго отряда съ ген. Алексѣевымъ и въ Штабѣ Добровольческой Арміи участвовалъ также и я.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда были начаты переговоры по этому дѣлу, Р. Н. Совѣтъ считалъ возможнымъ въ первыя днѣ недѣли собрать на мѣстѣ въ Ростовѣ и окрестности около 200 человѣкъ добровольцевъ, а въ дальнѣйшія пять недѣль еще около 500 человѣкъ. Для этого предполагалось выслать вербовщиковъ въ разныя губерніи, въ мѣста болѣе значительного скопленія бѣженцевъ и военно-плѣнныхъ карпатороссовъ, а также дѣйствовать посредствомъ писемъ и печатныхъ возваній.

На письменное предложеніе Р. Н. Совѣта отъ 2-го января 1918 г. съ опредѣленіемъ нѣкоторыхъ условій, окончательный отвѣтъ съ разрѣшеніемъ формированія карпато-русскаго отряда данъ былъ Штабомъ Добровольческой Арміи только 20-го января 1918 года.

Къ этому времени, виды на предполагавшія успѣхъ набора сильно измѣнились къ худшему. Большевистскія волны со всѣхъ сторонъ надвигались на Донъ, желѣзодорожное и почтовое сообщеніе Ростова и Новочеркасска были окончательно прерваны съ остальной Россіей; погибъ Чернцовъ, былъ занятъ большевиками Таганрогъ. Вслѣдъ за тѣмъ пошли слухи, что при занятіи Таганрога, большевики вырѣзали тамъ около 2.000 человѣкъ военно-плѣнныхъ чеховъ, работающихъ на мѣстномъ заводѣ, за то, что часть

ихъ будто принимала участіе въ борьбѣ на сторонѣ Добровольческой Армії. Слухъ этотъ произвелъ въ Ростовѣ сильное впечатлѣніе среди галичанъ-бѣженцевъ, въ общемъ около 6000 человѣкъ, преимущественно женшинъ съ дѣтьми, стариковъ и учащейся молодежи. Ихъ обуяль страхъ, что въ случаѣ предвидѣвшагося уже занятія Ростова большевиками, послѣдніе будутъ вымѣщать на нихъ свою злобу за поступленіе галичанъ въ Добровольческую Армію.

Несмотря на все вышеизложенное, Р. Н. Совѣтъ рѣшилъ довести начатое дѣло формирования карпато-русского отряда до конца и сейчасъ 21-1 было составлено соотвѣтствующее возвзваніе къ землякамъ. Но по вышеизложеннымъ соображеніямъ, чтобы не наводить чрезмѣрной паники на бѣженцевъ и, въ случаѣ занятія Ростова большевиками, не дать имъ предлога винить въ организаціи карпато-русского отряда верховную народную организацію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ галичанъ, возвзваніе къ землякамъ было выпущено не отъ имени Русскаго Народнаго Совѣта, а отъ особаго Комитета, причемъ я согласился, чтобы въ этомъ возвзваніи была указана моя фамилія, какъ лица, къ которому нужно обращаться по дѣламъ записи добровольцевъ и проч. До этого времени я состоялъ нѣсколько лѣтъ членомъ Русскаго Народнаго Совѣта, а подъ конецъ также и товарищемъ его предсѣдателя. Это и должно было указать землякамъ, на то, что организація Карпато-русского отряда идетъ съ одобреніемъ и по призыву Русскаго Народнаго Совѣта.

Фактически я и былъ уполномоченъ Р. Н. Совѣтомъ вести дальнѣшее дѣло организаціи Карпато-русского отряда самостоятельно и быть представителемъ Совѣта и по политическимъ дѣламъ передъ Штабомъ Добровольческой Арміи. Мнѣ были переданы также Совѣтомъ всѣ суммы, полученные имъ на это дѣло отъ Штаба Добровольческой Арміи.

Отпечатанное вышеуказанное возвзваніе не могло уже быть разослано по почтѣ и было только отчасти распространено среди бѣженцевъ въ Ростовѣ.

Первые добровольцы поступили во вновь формируемый отрядъ 25-го января, но дальнѣйшая запись шла туго. Родные изъ страха передъ мщеніемъ большевиковъ удерживали молодежь отъ поступленія въ Добровольческую Армію, да и у многихъ не было тогда уже вѣры въ успѣхъ борьбы съ большевизмомъ. Въ послѣдніхъ дняхъ января я успѣлъ выслать вербовщиковъ къ рабочимъ военно-плѣннымъ на рудникъ Парамонова возлѣ Новочеркасска. Тамъ заявило было около 50-ти человѣкъ о своемъ желаніи поступить въ

добровольческую армію, но мѣстные рабочіе, сильно недовольные этимъ, пригрозили вербовщикамъ расправой, вслѣдствіе чего вербовщики, предупрежденные тоже и мѣстными приставомъ о грозящей имъ опасности, должны были бѣжать, не захвативъ никого съ собой въ добровольцы.

Къ 9-му февраля поступило въ Карпато-русскій отрядъ 42 добровольца вмѣстѣ со мною, преимущественно учащейся молодежи. Изъ нихъ одинъ былъ еще въ Ростовѣ раненъ, по неосторожности, такъ что 9-го февраля, при уходѣ Добровольческой Арміи изъ Ростова, я увелъ съ собой изъ станціи Зарѣчной въ станицу Ольгинскую всего 40 человѣкъ добровольцевъ Карпато-русского отряда.

Чтобы, въ случаѣ занятія Ростова большевиками, предотвратить отъ бѣженцевъ карпатороссовъ опасность мишенія имъ со стороны большевиковъ, рѣшено было, чтобы карпато-русскій отрядъ формировался пока не самостоятельно, а при чехо- словацкомъ инженерномъ полку. Въ его составѣ отрядъ этотъ совершилъ первый Кубанскій походъ съ Добровольческой Арміей и дальше все время, до начала марта 1919 года, составлялъ часть чехо- словацкаго отдѣльного пѣхотнаго батальона, реорганизованнаго изъ бывшаго чехо- словацкаго инженернаго полка.

19-го февраля, изъ станицы Мечетинской выслалъ я 3-ое людей изъ состава отряда въ центральныя губерніи—для организаціи тамъ набора добровольцевъ и присылки ихъ тѣмъ или другимъ путемъ и подъ разными видами въ Добровольческую Армію. Предполагалось именно тогда, что Добровольческая Армія направляется въ Ставропольскую губернію или Екатеринодаръ для отдыха и пополненія. Думалось, что это будетъ вскорѣ достигнуто и что удастся наладить связь между Добровольческой Арміей и центромъ Россіи. — Но судилось иначе.

Добровольческая Армія, ведя неустанную борьбу свыше 2-хъ мѣсяціевъ, была совершенно отрѣзана отъ окружающаго ее міра, а отправленные мною вербовщики только черезъ мѣсяцъ, съ большими трудностями и опасностью, смогли пробраться въ центральныя губерніи. Но тогда на успѣхъ ихъ работы западнѣе Волги уже нельзя было расчитывать. Ими были высланы только 6 вербовщиковъ въ заволжскія губерніи и въ Сибирь, сами же они остались пока въ центральныхъ губерніяхъ для организаціи временнаго размѣщенія и отправки въ Добровольческую Армію ожидавшихся добровольцевъ изъ-за Волги. Но вслѣдствіе послѣдовавшаго вскорѣ выступленія чехо- словаковъ въ Сибири, сообщеніе съ ней и съ заволжскими губерніями было прекращено

и отъ высланныхъ туда вербовщиковъ до сихъ поръ не получилось никакихъ извѣстій. Весьма вѣроятно, что набираемые ими тамъ добровольцы направлялись въ чехо- словацкій корпусъ.

Изъ высланныхъ мною въ февраль мѣс. трехъ людей, двое уже возвратились въ отрядъ лѣтомъ 1918 года, третій же застрялъ въ Царицынѣ, собралъ туда свыше сотни людей, желавшихъ поступить въ добровольцы.

Но, не имѣя возможности пробиться дальше въ отрядъ, они принуждены были разойтись на работы, а вербовщикъ успѣлъ только въ маѣ мѣс. 1919 года пробраться черезъ фронтъ и возвратиться въ отрядъ.

Когда къ концу марта Добровольческая Армія приближалась къ Дону, думалось, что съ приходомъ въ Ростовъ и Новочеркаскъ можно будетъ расчитывать на большой приплывъ добровольцевъ карпатороссовъ, такъ какъ было несомнѣннымъ, что при продвиженіи германцевъ и австрійцевъ на востокъ, военно-обязанная молодежь и военно-плѣнныя карпатороссы будутъ уходить передъ ними и скопляться именно въ Ростовѣ, или въ сосѣднихъ городахъ. Оно такъ и было въ дѣйствительности. Но къ сожалѣнію германцы заняли Ростовъ раньше, чѣмъ приблизилась туда Добровольческая Армія и уходившія передъ врагомъ бѣженцы должны были бѣжать дальше на востокъ, за Волгу и въ Сибирь.

До октября мѣс. 1918 г. обѣ существованіи карпato-руssкаго отряда не упоминалось нигдѣ въ печати и только въ концѣ октября было напечатано въ газ. «Россія» объявленіе о томъ и призываѣ (подъ заглавіемъ «Карпato-руssкій Добровольческій Отрядъ») къ поступленію въ добровольцы.

Къ сожалѣнію Екатеринодарская газета далекаго и широкаго распространенія тогда имѣть не могла и только незначительный кругъ уроженцевъ Прикарпатской Руси, могъ быть освѣдомленъ о содержаніи возванія. Высылать же новыхъ вербовщиковъ, хотя бы въ районъ дѣйствій Добровольческой Арміи и въ Малороссию, куда впослѣдствіи (при Скоропадскомъ) кое-какъ можно было туда и обратно пробираться, не было возможности, т. к. Штабъ Добровольческой Арміи отказалъ въ выдачѣ новыхъ авансовъ на эту цѣль. Впрочемъ и едва-ли можно было ожидать отъ работы вербовщиковъ особыхъ успѣховъ, т. к. теперь, трудно было знать — гдѣ именно проживаютъ карпатороссы и гдѣ ихъ искать. Та связь, которая существовала между нами и Русскимъ Народнымъ Совѣтомъ до начала 1918 года, была вслѣдствіе большевистскихъ волнъ утеряна, послѣдовалъ именно свигъ

какъ военно-плѣнныхъ, такъ и бѣженцевъ съ ихъ прежняго мѣстожительства.

Все это сложилось на то, что притокъ новыхъ добровольцевъ въ ряды отряда шелъ очень тugo. Во время второго похода на Кубань отрядъ увеличился только до сотни человѣкъ.

Все новые и новыя события, надвигавшіяся на военномъ и политическомъ горизонтахъ, указывали властно, что теперь, болѣе чѣмъ когда либо за времія міровой войны, Прикарпатской Руси необходимо выступить всенародно съ оружиемъ въ рукахъ на защиту своихъ природныхъ правъ и для достиженія своей завѣтной мечты: возсоединенія съ остальной Русью.

Но осуществить это не такъ легко, особенно безъ могучей материальной поддержки со стороны.

Вѣдь русская національная организація въ Прикарпаты была совершенно разгромлена австрійскими властями еще въ началѣ этой міровой войны; десятки тысячъ общественныхъ дѣятелей и патріотовъ были арестованы и вывезены въ нѣмецкія тюрьмы, сотни тысячъ бѣжали засимъ въ Россію при отступленіи русской арміи изъ Галичини и сотни тысячъ молодыхъ людей, какъ солдатъ австрійской арміи, находились въ плѣну въ Италіи и Россіи, главнымъ образомъ въ Сибири.

Съ началомъ гражданской войны въ Россіи, связь между этими группами была совершенно утеряна и здѣсь намъ было совершенно неизвѣстно, что происходитъ на родинѣ, проявляется ли тамъ какая либо дѣятельность или нѣтъ. Высланные мною въ концѣ 1918 г. двое людей въ Галичину для освѣдомленія и связи не возвратились и не знаю попали ли они туда.

По дошедшемъ до меня свѣдѣніямъ уже въ августѣ мѣс. 1918 г. въ чешскихъ и сербскихъ войскахъ, сражавшихся въ Сибири, находилось свыше 4.000 добровольцевъ червонороссовъ, но безъ особой самостоятельной организаціи. Мои усилія, чтобы выслать туда въ тек. году своихъ людей для организаціи тамъ при Арміи адм. Колчака Добровольческаго Отряда изъ военно-плѣнныхъ карпатороссовъ, не увенчались успѣхомъ.

Сознавая необходимость созданія военной силы изъ карпатороссовъ, — вѣря въ успѣхъ Добровольческой Арміи и, что въ концѣ концовъ ей удастся соединиться съ Сибирской Арміей, я докладывалъ всѣ усилия, чтобы немногочисленный карпато-русскій отрядъ при чехо- словацкомъ отд. пѣх. батальонѣ удержать въ цѣлости и слѣдить его самостоятельной единицей, которая послѣ соединенія съ Сибирью явилась бы ячейкой для созданія

болѣе внушительной силы карпато-русского отряда, или можетъ быть, и цѣлой арміи.

Но по вышеприведеннымъ причинамъ, не видя возможности получить скорое и достаточное пополненіе отряда новыми добровольцами, чтобы дать ему возможность быть самостоятельной частью, я и вообще всѣ добровольцы Отряда пришли къ убѣждѣнію о необходимости принудительной мобилизації уроженцевъ Прикарпатской Руси, проживающихъ въ районѣ дѣйствій Добровольческой Арміи, какъ военно-плѣнныхъ, такъ и бѣженцевъ, имѣющихъ возможность и способныхъ нести военную службу.

Съ этой цѣлью комитетъ по организаціи Карпато-русского Добровольческаго Отряда вошелъ съ письменнымъ представленіемъ отъ 19-1 1919 года въ Русскій Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси (въ Ростовѣ), чтобы онъ ходатайствовалъ передъ Главнокомандующимъ Добровольческой Арміей о разрѣшеніи произвести такую мобилизацію.

Р. Н. Совѣтъ, въ своемъ засѣданіи, при участіи другихъ общественныхъ дѣятелей, согласился съ мнѣніемъ комитета и сейчасъ же 25-1 была составлена соотвѣтствующая записка на имя Главнокомандующаго ген. Деникина, которая, однако, вслѣдствіе причинъ случайного характера, могла быть вручена ему только 28-го февраля.

Къ сожалѣнію, ген. Деникинъ нашелъ предполагаемую мобилизацію, по различнымъ соображеніямъ, пока несвоевременной.

Одновременно была передана высшему командованію Добровольческой Арміи докладная записка Уполномоченного «Русскаго Исполнительного Комитета» во Львовѣ и «Карпатской Русской Народной Рады» въ Пряшевѣ Емельяна Михайловича Вальницкаго, прибывшаго изъ Галичины въ Екатеринодаръ 20-го февраля, между прочимъ, со слѣдующими пожеланіями: 1) чтобы объединеннымъ Угорской Радѣ и Начальному Совѣту Лемковщины было оказано содѣйствіе въ созданіи вооруженной силы путемъ присылки офицеровъ и вооруженія и 2) чтобы были приняты мѣры: а) для организаціи войсковыхъ частей изъ австро-венгерскихъ солдатъ русской національности, находящихся въ итальянскомъ плѣну, — б) для организаціи добровольческихъ отрядовъ изъ червонорусскихъ эмигрантовъ, находящихся въ Америкѣ, и чтобы съ той цѣлью были посланы въ Италию, въ Соединенные Штаты и въ Канаду офицеры русской службы, совмѣстно съ представителями зарубежной Руси.

Когда чехо- словацкій пѣхот. батальонъ приказомъ Главнокомандующа-

го вооруженными силами Юга Россіи отъ 24-го февраля 1919 г. за №354 былъ отпущенъ изъ состава Добровольческой Арміи и 4-го марта перешелъ въ гор. Мариуполь подъ французское командование, — тогда карпато-русскій отрядъ, согласно приказа по чехо- словацкому батальону отъ 4-го марта за № 64 и предписанія начальника Гарнизона и Коменданта г. Мариуполя кап. Ускова отъ 4-го марта за № 1756, выдѣлился въ самостоятельную часть, оставаясь дальнѣе въ рядахъ Добровольческой Арміи и были предприняты мѣры, о разрѣшеніи формированія «Карпато-русскаго Отдѣльного Стрѣлковаго батальона», на что послѣдовало разрѣшеніе Главнокомандующаго.

Совершенно неожиданно 17-го апрѣля 1919 года была получена мною въ Штабъ Доброарміи телеграмма отъ предсѣдателя Центральнаго Карпато-русскаго Совѣта Копыстянскаго въ Омскъ съ извѣщеніемъ, что формировавшіяся въ Сибири при чехо- словацкой арміи Карпато-русскія войска подчинились Верховному Правленію и продолжаютъ формироваться, причемъ Копыстянскій отъ имени возглавляемой имъ организаціи взываетъ ко всѣмъ уроженцамъ Прикарпатской Руси, живущимъ на Югѣ Россіи, немедленно поступать въ Армію ген. Деникина. Зналъ ли Копыстянскій что либо о существованіи Карпато-русскаго Добровольческаго отряда при Добровольческой арміи, неизвѣстно. Я, между прочимъ, сообщилъ ему объ этомъ въ отвѣтной телеграммѣ. Объявляя объ этомъ отрадномъ фактѣ въ газетахъ, я обратился опять съ призывомъ къ червонороссамъ, поступать добровольцами въ новоформирующійся карпато-русскій отдѣльный стрѣлковый батальонъ.

Хотя вслѣдствіе сложившихся обстоятельствъ и не удалось съ самаго начала дать Добровольческой Арміи, карпато-русскій отрядъ такой численности, какъ первоначально предполагалось, то все же, съ чистой совѣстью и съ гордостью могу сказать, что эта горсточка идеиныхъ людей, которые пошли за мною, исполнила передъ родиной свой долгъ совсѣмъ и съ полнымъ самопожертвованіемъ; принесла значительную помощь Добровольческой Арміи, особенно въ первый ея Кубанскій походъ и сослужила посильную службу для возрожденія русской арміи и для предстоящаго возстановленія Русскаго Государства.

Какъ на болѣе яркіе и выдающіеся моменты изъ боевой дѣятельности карпатороссовъ (они составляли отдѣльную роту въ чехо- словац. инжен. полку) слѣдуетъ указать на бои подъ Филипповской и Тихорѣцкой. Въ

первомъ бою, гдѣ Корниловскому ударному полку и Чехо- словацкому было поручено защищать съ фланга отходъ обоза, карпатороссы, сознавая въ высшей степени критическое положеніе тамъ, все время дрались само- отверженно, и они именно удержали на позиціи отступающія части корниловцевъ и дрогнувшее было уже лѣвое крыло чехо- словацкаго полка. За это то и поплатились карпатороссы тяжелыми жертвами, потерявъ въ этомъ бою пять человѣкъ убитыми и пять ранеными. Подъ Тихорѣцкой же карпатороссы первые ворвались на вокзалъ и захватили готовые къ отходу поѣзда съ грузомъ разнаго рода и людьми.

Въ февралѣ мѣс., при выходѣ съ Добровольческой Арміей изъ станицы Ольгинской, чехо- словацкій инж. полкъ насчитывалъ всего 181 чел., т. е. 140 чел. рядовыхъ строевыхъ, въ томъ числѣ 39 карпатороссовъ, 27 чел. мастеровыхъ (нестроевая пота), 11 офицеровъ — въ томъ числѣ 2 карпаторосса и три чиновника изъ мѣстныхъ русскихъ. Значить карпатороссы по своей численности (41 чел.) составляли 22,6% изъ всѣхъ людей полка и 28% изъ строевыхъ, т. е. почти третью часть.

Кромѣ того нѣсколько добровольцевъ карпатороссовъ служили тоже въ Корниловскомъ и партизанскихъ полкахъ.

Къ концу апрѣля, т. е. въ продолженіи первого похода на Кубань и обратно, карпаторусскій отрядъ насчитывалъ шесть убитыхъ (15%) и четырнадцать раненныхъ (34%), что составляло 50% убитыхъ и 54% раненныхъ изъ общаго числа убитыхъ и раненныхъ въ чехо- словацкомъ батальонѣ за это время.

Несмотря на всѣ неимовѣрныя тягости Корниловского похода, перенесенные добровольцами, почти всѣ они остались дальше въ рядахъ Добровольческой Арміи, принявъ участіе въ ея второмъ походѣ на Кубань. Только четыре человѣка вслѣдствіе неудовлетворительного здоровья или по семейнымъ обстоятельствамъ, выбыли изъ отряда. Но за то въ него начали постепенно прибывать новые добровольцы. Кромѣ того карпатороссы служили тоже въ отрядѣ полковника Дроздовскаго и въ нѣкоторыхъ Кубанскихъ полкахъ, куда они поступали, не зная еще о существованіи Карпаторусского отряда.

Во второмъ походѣ на Кубань добровольцы карпаторусского отряда сражались съ неменьшимъ усердіемъ и самопожертвованіемъ, чѣмъ это было въ первомъ походѣ, но съ большимъ опытомъ и умѣньемъ.

Начиная съ Торговой, почти во всѣхъ бояхъ, въ которыхъ чехо- слов.

батальонъ принималъ участіе, были ранены или убиты карпатороссы. И такъ во второмъ походѣ, по 4-ое марта 1919 г., т. е. до ухода чеховъ подъ французское командование, карпаторусскій отрядъ насчитываетъ 24 убитыхъ и 34 раненыхъ.

Карпато-руssкій Добровольческій отрядъ участвовалъ непосредственно въ слѣдующихъ бояхъ: 1) подъ Батайскомъ-Зарѣчной съ 27-1 по 9-11 1918 г., 2) с. Лежанка, Ставроп. губ. 21-11, 3) ст. Березянская, Куб. обл.—1-III., 4) ст. Кореновская, Куб. обл. 4-III., 5) ст. Усть-Лабинская, Куб. обл. 6-III., 6) ст. Некрасовская, Куб. обл. 7-III., 7) 9-го марта — Филипповскій хут., Куб. обл., 8) 10 марта ст. Филипповская, Куб. обл., 9) 24-го марта ст. Георго-Афинская, Куб. обл., 10) 2-го апрѣля кол. Гночбау, Куб. обл. 11) съ 18-го по 21-ое апрѣля село Лежанка, Ставроп. губ., 12) 23-го апрѣля Воинскіе хут. (Донск. обл.), 13) 28-го апрѣля ст. Кагальницкая Д. О. 14) 30-го апрѣля сел. Гуляй-Борисовка, Дон. обл., 15) сел. Песчанокопское, Ставроп. губ., 19-20-VI., 16) с. Бѣлая Глина, Ставр. губ. 23-VI., 17) ст. Тихорѣцкая, Куб. о., 18) хут. Романовскій, Куб. обл., 19) ст. Кавказская, Куб. обл., 20) 14-го апрѣля гор. Армавиръ, Куб. обл., 21) пос. Гулькевичи, Куб. обл., 22) пос. Нижній Егорлыкъ, Куб обл., 23) 17-го августа — гора Недреманная у с. Тетерское, Ставроп. губ., 24) 6-го октября с. Терновское, Ставр. губ. 25) 8-го октября Новоандреевка, 26) 10-го октября Старый Бурукшунъ, 27) 12-го октября Большая Джала, 28) 13-го октября Малая Джала, 29) съ 18-го по 20-ое октября Пелагіада, 30) 22-го октября Михайловское, 31) съ 23-го по 31-ое октября гор. Ставрополь, 32) 1-го ноября сел. Пелагіада, 33) сел. Благодатное, Екатеринославской губ. Въ 1919 г. 36) сел. Валеріановка, 37) сел. Кальчикъ, 38) 26-го февраля сел. Мангушъ, 39) 12, 14, 15-го марта 1919 г. Мариуполь.

Къ 4-ому марта 1919 г., когда чехо- словацкій батальонъ ушелъ подъ французское командование, 110 добровольцевъ, въ томъ числѣ 45 офиц. (въ томъ числѣ 1 класн. чин.), остались въ Карпато-руssкомъ добровольческомъ отрядѣ.

Съ объявленіемъ о формированиі карпато-руssкаго отдельного стрѣлковаго батальона начали поступать новыя пополненія. И сейчасъ батальонъ насчитываетъ свыше 800 человѣкъ.

Труденъ былъ пройденный уже путь, но еще придется положить много трудовъ и усилий и побороть много препятствій пока удастся собрать и объ-

единить разбросанныя по разнымъ странамъ всѣ силы Прикарпатской Руси для защиты ея отъ иноземныхъ посягательствъ.

Однако достичь этого можно будетъ только при сознательномъ содѣйствіи и энергичной поддержкѣ всего русского народа.

Освобожденіе и возсоединеніе Прикарпатской Руси, колыбели русского народа, со всѣмъ русскимъ міромъ, — долгъ чести русского народа, лежитъ это въ интересѣ, какъ единства русского народа, такъ и въ интересѣ единаго могучаго русского государства.

Это, наконецъ, должны бы уразумѣть и понять широкіе русскіе круги въ Россіи и въ первой линіи руководящіе круги политической и военной мысли.

г. Екатеринодаръ, 30-го мая 1919 года.

Г. Малецъ.

УСЛОВІЯ *).

на которыхъ «Русский Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси», въ своей запискѣ отъ 2-го января 1918 года (Ростовъ-Донъ) на имя генерала Алексѣева, заявилъ желаніе организовать при Добровольческой Арміи «Карпато-русскій Добровольческій Отрязъ» изъ уроженцевъ Прикарпатской Руси. Условія эти были приняты (одобрены), какъ ген. Алексѣевымъ такъ и ген. Корниловымъ, о чёмъ Штабъ Добровольческой Арміи извѣстилъ Русский Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси 20-го января 1918 г.

1) Русский Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси выказываетъ надежду и вѣритъ, что Добровольческая Армія, возсоздавъ русскую армію и возстановивъ единое русское государство, поможетъ также Прикарпатской Руси (Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси), освободиться отъ иноземнаго ига и возсоединиться со всѣмъ русскимъ міромъ въ единое цѣлое.

2) Въ теченіе двухъ недѣль (послѣ разрѣшенія формированія отряда) Русский Народный Совѣтъ Прикарпатской Руси составить Отрядъ въ 200 ч. добровольцевъ, собранныхъ на мѣстѣ въ Ростовѣ; въ продолженіе же дальнѣйшихъ 5 недѣль предполагаетъ собрать еще около 500 добровольцевъ, собранныхъ въ предѣлахъ Донской Области.

*.) Редакція восстановлена приблизительно по памяти Членомъ Р. Н. С. Г. Малецъ, секретаремъ Р. Н. С. Г. Ваврикомъ и бывш. нач-мъ Пол. Отд. Д. А. Полк. Я. М. Лисовымъ — въ маѣ 1918 г.

3) Для дальнѣйшаго набора добровольцевъ требуется отправка вербовщиковъ въ разныя стороны Россіи, гдѣ проживаютъ уроженцы Прикарпатской Руси какъ военно-плѣнныя, такъ и бѣженцы.

4) Предполагается также высылка вербовщиковъ въ Америку для привлечения оттуда добровольцевъ изъ среды эмигрантовъ уроженцевъ Прикарпатской Руси.

5) Пріемъ добровольцевъ въ Отрядъ производится по предложенію уполномоченнаго Русскаго Народнаго Совѣта Прик. Руси;

6) Добровольцы, бывшие офицеры и унтер-офицеры австрійской арміи, принимаются въ отрядъ въ соотвѣтствующемъ чинѣ русской арміи.

7) Всѣ добровольцы карпатороссы, поступивши въ пругія части Добровольческой Арміи должны быть переведены въ Карпато-русскій Добровольческій Отрядъ.

8) Карпато-русскій Добровольческій Отрядъ подчиняется вполнѣ командованію Добровольческой Арміи на основаніяхъ строгой военной дисциплины.

9) Карпато-русскій добровольческій отрядъ формируется пока при чехо- словацкомъ инженерномъ полку, но какъ только набереть въ свой составъ 500 чел. выдѣлится въ самостоятельную часть.

10) Русскому Н. Совѣту Прикарпатской Руси или его уполномоченному предоставляется право предлагать командованію Добровольческой Арміи кандидатовъ для назначенія въ командиры Карпато-русскаго Добровольческаго Отряда.

11) Средства на расходы по организаціи Карпато-русскаго Добровольческаго Отряда, какъ и его содержаніе и на военное оборудование, доставляются въ первой линіи Добровольческой Арміей.

Подписали: Генер. М. Алексѣевъ

Генер. Л. Корниловъ

И. д. Предсѣд. Р. Нар. Сов. Л. Алексѣевичъ

Членъ Р. Нар. Сов. Г. Малецъ

П И С Ъ М А

Карлато-русскихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей въ связи съ
Добровольческимъ движениемъ.

1. Письмо Александра Львовича Павенецкаго

Пользуюсь опять случаемъ и передаю нѣсколько словъ. Въ Галичинѣ хаось — Станиславовскій секретаріатъ, возлагающій толь столько надеждъ на русскую Украину, принужденъ, въ виду не сбывшихся предположеній, вести совсѣмъ самостоятельную дѣятельность, стремящуюся къ созданію Галицкой Украины. Поляки какъ будто идутъ тому на выручку, ибо украинцы, спасая свой «загуменокъ», отказываются даже отъ Львова. Съ другой стороны сообщаетъ польская пресса все чаще «ze w sprawie granic na wschodzie, przydzie sie mowic nie z ukraincami lecz z Rosjanami». Тѣмъ не менѣе дѣлаютъ украинцы опять наступленіе и за границей растутъ не по днямъ, а по часамъ. У нихъ миллионныя средства — покулка душъ идетъ на всѣхъ паraphахъ. Пріѣхавшая изъ Берна русская миссія Краснаго Креста рассказывала мнѣ, что украинская миссія въ Бернѣ и Цюрихѣ привезла съ собой три миллиона коронъ и уже имъ не хватаетъ денегъ. Я писалъ Вамъ уже, что въ Прагѣ здѣсь кромѣ Грушевскаго, шефа артиллерійскаго отряда Шлагайла (?), Смаль-Стоцкаго, Славинскаго и прочихъ, 70 съ лишнимъ людей украинского хора, получающихъ въ день по 100 кронъ, кромѣ издережекъ. Въ хорѣ этомъ много русскихъ — исполненіе пражскихъ концертовъ прямо захватывающе, программа изъ народныхъ пѣсенъ, да старо-церковно-апокрифического содержанія. Успѣхъ громаднѣйший — (средство какъ будто бы очень невинное, но его послѣдствія для людей, которые не въ курсѣ дѣла по отношенію въ Руси, болѣе чѣмъ диструктивное). Хоръ этотъ ёдетъ изъ Чехіи во Францію, затѣмъ въ Англію, Италію и Америку. Въ Германіи тоже разъѣжаетъ такой же хоръ по Intelligenzlaaken, швыряется деньгами вльво

и вправо. Между прочимъ германцы да австрійцы предпочтитель но въжливы по отношенію ко всѣмъ русскимъ. Поляки не закрыли правда по сегодняшній день «Прикарпатской Руси», но нашихъ арестовують. Українцы считаютъ насъ погибшими, особенно заграницей, на самомъ дѣлѣ, — положимъ въ Прагѣ Гасай безсиленъ. Много въ нашу пользу работаетъ здѣшній лекторъ Марковичъ. Пражскій комитетъ офицеровъ, благодаря нѣсколько нашимъ студентамъ, поступившимъ въ Тerezинскую роту, начинаетъ хорошенько разбираться во всемъ. Марковъ съ американцами—солью въ глазахъ украинцамъ. Д—й сказалъ мнѣ въ Вѣнѣ, что Марковъ имъ не менѣе опасенъ, чѣмъ поляки. Это, пожалуй болѣе чѣмъ вѣрно, ибо съ поляками они уже мирятся, между тѣмъ съ нами они не могутъ, такъ какъ мы являемся отрицаніемъ ихъ и viceversa. Здѣсь—будущее покажетъ кто правъ — пока пусть они доводятъ галицкое крестьянство къ отчаянію — (оно несетъ непосильные жертвы) — пусть дискредитируютъ себя своей денежной политикой не считавшихся завтрашнѣмъ днемъ; это только облагородитъ тѣхъ, которые не въ курсѣ дѣла. Ихъ акціи на счетъ итальянскихъ плѣнныхъ парализуютъ «Русскій Комитетъ русскихъ ирридентистовъ» (С—ъ, Л—ъ, П—ъ, С—й, М—ъ), затѣмъ акція Д—ва а главное профессора К—го изъ Падуи, послы Гирса да Гучкова. Вы изъ своей стороны обязаны немедленно выслать отъ Деникина людей*) въ Италию; итальянские плѣнны е пойдутъ черту въ зубы, ибо жизнь въ Италии не выносима. Тамъ около 90.000 галичанъ; кто ихъ возьметъ тотъ будетъ имѣть. Деникинъ можетъ потребовать взамѣнъ итальянскихъ плѣнныхъ, которыхъ во время Керенского выдала Россія. Завтра приѣзжаютъ въ Прагу делегаты изъ Карпато-Россіи выказать благодарность Чехамъ — бѣдные люди. Ёдьте въ Италию — не прозѣвайте, а то бы было преступно. Захватить украинцы и опять будуть брезгать въ глаза, что мы оторвались отъ народа и ищемъ спасенія во всякихъ ретроградныхъ добровольческихъ спекуляціяхъ. Пусть большевики объединяютъ Русь — они перешли уже Днѣстръ — пусть украинцы облагородятъ русскихъ, въ тылу Колчакъ съ Деникинымъ, они создадутъ нѣчто положительное подъ названіемъ Русь — въ этихъ послѣднихъ годахъ созиданія мы не смѣемъ унывать. Не можетъ быть, что бы сырой русской элементъ былъ уже наканунѣ раскола. Вся настоящая хаотическая дифференціація необходима для водворенія цѣлесообразной консолидациіи. Шлю привѣтъ Саша.

Прага 19 мая 1919 г.

*) Т. е. агентовъ и агитаторовъ — такъ и не были отправлены. (Ред.)

«ТРИБУНА»

Украинцы ищутъ перемирія съ поляко-румынами.

Лондонъ 22-го мая.

«Варшавскій корреспондентъ газеты «Морнингъ Постъ» подтверждаетъ, что польскія войска съ чрезвычайною быстротой продвигаются къ нефтяному бассейну восточной Галичины и вѣроятно прибыли уже въ Черновцы; откуда установили связь съ румынскими силами.

Застигнутые врасплохъ такимъ неожиданнымъ наступленіемъ украинцы попросили перемирія и уже ведутся переговоры, на основаніи условій поставленныхъ поляками, по которымъ армія Пилсудского будетъ оккупировать немедленно также это малое пространство на территорії восточной Галичины, которое до сихъ поръ было уже занято украинцами.»

11. Письмо Емельяна Михайловича Вальницкаго.

Константинополь 3 іюня 1919г.

Дорогой Григорій Семеновичъ.

Я приложилъ Вамъ вырѣзку изъ «Трибуна», согласно которой поляки какъ будто бы заняли послѣ всю восточную Галичину. Я постараюсь провѣрить это свѣдѣніе въ здѣшнемъ посольствѣ и другимъ образомъ. На всякий случай такой фактъ долженъ бы достаточно заставить нашихъ поступить въ нашъ баталіонъ. Это оказывается единственный надежный способъ борьбы за наши права. Или Колчакъ (и Россія) т. е. и мы съ ними заставимъ поляковъ отказаться отъ нашей земли, или... едва ли найдутъ наши молодые

люди въ Галичинѣ на мѣстахъ возможность трудится лучше и успѣшнее для освобожденія нашей земли отъ польскихъ посѣгательствъ.

Вы не повѣрите, я сейчасъ съ удовольствіемъ вернулся бы къ Вамъ въ батальонъ и сдѣлалъ бы это охотнѣе, чѣмъ Ѹхать сейчасъ въ Галичину.

На всякий случай будемъ стараться на мѣстѣ организовать какъ и что слѣдуетъ. Сегодня узналъ отъ здѣшняго агента Добрарміи ген. Б—а, что Французы распоряжаются всѣми русскими плѣнными, въ томъ числѣ и нашими въ Италіи, значить безъ ихъ разрѣшенія нельзѧ будетъ перевести ихъ ни въ Галичину, ни въ Россію. Больше напишу.

Остаюсь..... Вашъ Емильянъ.

YI.

МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКОВЪ РЕВОЛЮЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННАГО СОВѢТА

Въ засѣданіи 10 марта Военный Совѣтъ вынесъ слѣдующее постановленіе:

«Военный Совѣтъ, обслуживая въ теченіе 85 лѣтъ непрерывно, начиная съ 1832 года, нужды арміи въ законодательномъ, хозяйственномъ и бытовомъ отношеніяхъ, полагаетъ, что и при новомъ укладѣ управлениія Россійскимъ Государствомъ, его работа была бы полезна въ томъ же направленіи.

Поэтому, собравшись въ полномъ составѣ въ первое засѣданіе по установлѣніи нового государственного строя, военный совѣтъ предоставляетъ себя въ полное распоряженіе Временнаго Правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ военный совѣтъ не можетъ не высказать своего восхищенія передъ достигнутымъ времененнымъ правительствомъ быстрымъ возстановленіемъ порядка и законности въ нашемъ дорогомъ отечествѣ, что особенно важно въ виду длящейся тяжелой войны съ упорнымъ и злымъ врагомъ. Одновременно съ симъ военный совѣтъ считаетъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать полную свою солидарность съ тѣми энергичными мѣрами, которыя Временное Правительство принимаетъ въ отношеніи реформированія нашихъ вооруженныхъ силъ соотвѣтственно новому укладу и жизни государства и арміи, въ убѣждѣніи, что эти реформы наилучшимъ образомъ будутъ способствовать скорѣйшей победѣ нашего оружія для освобожденія отъ гнета прусскаго милитаризма».

Отрывки изъ рѣчи

П. Н. МИЛЮКОВА

на Кадетскомъ Съездѣ въ мартѣ 1917 г.

а) Къмъ совершенъ переворотъ.

Я хотѣлъ бы еще указать, что переворотъ совершенъ не одними кадетами. Прежде всего мы должны принести благодарность тѣмъ героямъ солдатамъ, которые создали возможность переворота...

в) *O Сов. Солд. и Раб. Депутатовъ.*

... Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, котораго обстоятельства выдвинули на такую высоту, тоже проявилъ удивительную способность организовать людей въ критическую минуту. И это умѣніе распоряжаться большими массами народа даетъ мнѣ самыя лучшія надежды насчетъ будущаго...

б) *Объ А. Керенскомъ*

...Революція, вѣроятно, закончилась бы анархіей, если бы въ другихъ партіяхъ, внѣ рамокъ прогрессивнаго блока, не оказались люди съ государственными умами. Я рѣшительно поздравилъ себя съ успѣхомъ только въ тотъ моментъ, когда Керенскій по телефону далъ намъ согласіе войти въ кабинетъ, далъ намъ согласіе вопреки собственной партійной организаціи...

г) *O «заграничныхъ людяхъ».*

... Скоро ряды людей, работающихъ въ этомъ Совѣтѣ, пополняются людьми заграничного опыта; эти люди, какъ Керенскій, помогутъ намъ въ тяжелой борьбѣ...

Отрывки изъ рѣчи

А. И. ГУЧКОВА

на Съездѣ делегатовъ фронта въ маѣ 1917 г.

...Есть какая то точка, какая то линія, до которой можно дойти въ смыслѣ реформъ, но за которой при всѣхъ благихъ помыслахъ и желаніяхъ начинается разрушеніе того живого могучаго организма, какимъ является армія... мы эту линію перешагнули.

... Не дайте разрушиться русской арміи, за ея разрушеніемъ явится гибель самой Россіи...

... Когда врагъ у воротъ и когда внутри страны происходит коренней переворотъ во всѣхъ областяхъ нашей жизни, нужна единая власть, твердая и сильная...

Изъ секретнаго отчета

Комиссаровъ XI арміи И. КИРІЕНКО и А. ЧЕКОТИЛО

Совѣту Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ.

... Назначеніе комиссаровъ — помочь арміи стать въ такія условія, при которыхъ комиссары будутъ излишни...

... Воевать съ помощью однихъ только уговоровъ и увѣщеваній немыслимо...

... Стало несомнѣннымъ, что поддерживать дисциплину и порядокъ въ арміи одними лишь мѣрами нравственнаго воздействиія невозможно.

Выдержка изъ
телеграммы

Особоуполномоченнаго Западнаго фронта

Н. Н. ЩЕПКИНА

Союзу Городовъ (16 марта 1917 г.).

Въ 8 дней, кромѣ бесѣдъ, произнесъ населенію и воинскимъ частямъ 43 рѣчи... настроеніе приподнятое... выношу высокое наслажденіе отъ дѣла.

Изъ редакц. статьи «ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА» т. 147,

Мартъ 1917 г.

... Великій народъ, сознавшій свои силы, сбросилъ съ себя оковы единоличной самодержавной власти, мертвенные формы которой мѣшали росту могучаго народнаго организма и на каждомъ шагу, во всѣхъ отрасляхъ народной и государственной жизни давали о себѣ знать лишь притѣсненіями и репрессіями...

.... Вѣра эта — вѣра въ Россію, въ ея міровое призваніе, въ ея братство со всѣми народами міра...

Изъ рѣчи ген. ЛЕЧИЦКАГО солдатамъ и офицерамъ арміи 13 марта 1917 г.

... Вамъ даны теперь права, но права эти возлагаютъ на васъ во много разъ больше обязанностей и обязанностей очень тяжелыхъ...

... Вы слышали, что во многихъ мѣстахъ Россіи идутъ манифестаціи, а я долженъ сказать, что радоваться еще рано...

Изъ рѣчи ген. ЛЕША солдат., офицер., организ., и жителямъ 15 марта 1917 г.

... Старое отжило, ему возврата нѣть, нужно бороться съ одной опасностью — попытками возврата къ прошлому, державшему Родину въ оковахъ постыднаго рабства...

Изъ статьи М. КАМЕНСКАГО — «Русскій Ивалидъ» 16 марта 1917 г.

.... Если въ единичныхъ случаяхъ офицеры не сразу присоединились къ революціонерамъ, то не потому, что ихъ сдерживало сочувствіе къ старому правительству, не боязнь за себя, за свою жизнь, нѣть, ихъ сдерживало отсутствіе увѣренности, что это дѣйствительно революція всего народа, а не беспорядокъ созданный небольшой группой. Ихъ сдерживала осторожность, боязнь привлечь своимъ участіемъ еще большія массы, соблазнить толпу, поощрить толпу и тѣмъ повредить родинѣ въ минуту, когда она въполномъ спокойствії, должна напрягать всѣ силы для борьбы съ величайшимъ зломъ — врагомъ Россіи — Германіей.

Но когда обнаружилось, что это не «безпорядокъ толпы», а народная воля, офицеры тотчасъ же искренно заявили — «Мы съ вами»...

Изъ рѣчи генер. М. В. АЛЕКСѢЕВА въ С.О.А. и Ф. 7 мая 1917.

...Побѣду одержить тотъ, кто умѣеть дерзать наступать,想要 атаковать и жаждетъ побѣды, ставить эту побѣду выше покоя и мира. Вотъ кому достанется побѣда.

.... Начертали на нашемъ знамени великое слово «братьство», — но не начертали его въ сердцахъ и умахъ...

Изъ рѣчи генер. А. ДРАГОМИРОВА въ Сов. Солд. Деп. 14 мая 1917

.... Имперіализмъ центральныхъ армій — это язва, отъ которой необходимо избавиться. Демократія Франціи, Англіи и Америки на нашей сторонѣ. Мы должны совмѣстными усилиями создать истинную свободу демократіи, а не свободу Бетманъ-Гольвега и Вильгельма 2-го.

Изъ рѣчи полк. ВАСИЛЬЕВА на Казач. Съездѣ 17 іюня 1917 г.

... Тамъ где большевики — казачеству тамъ не мѣсто..

Изъ рѣчи И. ЦЕРЕТЕЛІ на Съездѣ С.С. и Р.Д. 19 іюня 1917 г.

... Сейчасъ все поставлено на карту. Если мы докажемъ, что новые идеалы поняты арміей и что теперь армія является несокрушимымъ оплотомъ свободы, то можно быть спокойнымъ за судьбы русской революціи. Если бы наши войска дрогнули на фронтѣ, этимъ быль бы нанесенъ ударъ въ сердце русской революціи, который убилъ бы ее. Окажемся ли мы достойными довѣрія арміи? Мы отвѣчаемъ за будущее революціи...

Изъ рѣчи Дж. БЬЮКЕНЕНА представ. печати 19 іюня 1917 г.

... Я всегда быль увѣренъ въ благопріятномъ результатѣ русской революціи для общаго союзного дѣла. Я ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что окрыленный гражданской свободой русскій солдатъ сумѣеть постоять за высокіе демократическіе идеалы всего міра... Я счастливъ, что мое знаніе русскаго народа меня не обмануло..

YII.

ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ

1. Лекція Е. Д. КУСКОВОЙ.

Одною изъ самыхъ «шумныхъ» лекцій первой половины текущаго года несомнѣнно является лекція Е. Д. Кусковой, состоявшаяся 21 марта с.г. въ Парижѣ.

Имя г. Кусковой и ея статьи, въ достаточной степени извѣстны широкимъ слоямъ русской эмиграціи, какъ сочувствующей, такъ и враждебной ея взглядамъ и вполнѣ понятенъ толькъ интересъ, съ которымъ русская колонія ждала доклада на тему: «Сдвиги въ Россіи и эмиграціи» (психологія и дѣйствительность).

Въ дѣйствительности, докладчица далеко не оправдала ожиданій русской колоніи и въ своей лекціи преподнесла аудиторіи жиденскую дѣйствительность сдвига въ Россіи, въ части касающейся только совсѣмъ власти и отчасти религіи; такие же важные вопросы какъ политика, школа, наука и искусство и рядъ другихъ — г. Кусковой совершило не были затронуты — или въ этой области не произошло никакихъ сдвиговъ, — или же, можетъ быть, эти факторы настолько мелки, что съ точки зренія г. Кусковой не заслуживаютъ даже нѣсколькихъ словъ?!

Психологія вопроса, т.е. область изслѣдований хотя бы перечисленныхъ фактъ, (причины, слѣдствія, выводы) осталась въ сфере доклада — аудиторіи запрошо было поднесенъ рядъ голенихъ фактовъ... Да и въ этой части, — никто изъ присутствующихъ не согласился съ дифирамбами г. Кусковой по адресу «честнѣйшаго Сольца, Кутлера и Брусилова» — въ чемъ докладчица не замедлила убѣдиться во время преній.

Развивая свой докладъ г. Кускова допустила въ немъ рядъ грубѣйшихъ ошибокъ, напр., «Роль Коминтерна вовсе не въ разжиганіи міровой революціи, а въ самозащитѣ противъ европейскихъ державъ...» — заявила она ... Даже «Дни» устыдились этой игривости мыслей и, напечатавъ докладъ, поставили въ этомъ мѣстѣ? —

Касаясь сдвиговъ въ эмиграціи, докладчица начала съ упрековъ по ея адресу «въ гордымъ» — это уже явилось прямымъ непониманіемъ психологіи эмигрантскихъ массъ, и въ рѣчахъ оппонентовъ зазвучала единодушный отпоръ этому утвержденію: «нѣтъ, это не гордина, а гордость своими идеалами»...

И въ концѣ концовъ «измененный ровъ между ними и нами» — который докладчица тщетно пытается засыпать во имя облегченія перехода туда желающихъ... — въ этомъ, собственно говоря, и таялась скрытая мысль доклада, являющаяся продолженіемъ соответствующихъ статей, въ связи съ Пѣщехоновской исторіей перехода...

Но когда одинъ изъ оппонентовъ преподнесъ докладчице рядъ «документиковъ» о той участіи, которая ожидаетъ «тамъ» возвращающихся даже съ «высоко поднятой головой», и когда докладчица заявила, что она знать объ этомъ — въ аудиторіи поднялось вполнѣ понятное волненіе, ибо никто не могъ допустить, чтобы русская женщина, знала о подобныхъ «документахъ», могла вполнѣ сознательно призывать ити въ царство «беззаконія и смерти».

И невольно, напрашивается сравненіе съ ежедневно повторяющейся сценой на Чикаговскихъ стокъ-ярдахъ, гдѣ довѣрчивыя животныя покорно идутъ за «выдресированнымъ» вожакомъ, не подозрѣвая, что онъ ведеть ихъ къ «колесу смерти» и самъ скроется въ рѣшительный моментъ.

Въ концѣ доклада ярко опредѣлилось отношеніе аудиторіи къ г. Кусковой и интересно отмѣтить, что аудиторія была на это вызвана г. Кусковой. Говоря о бывшемъ генералѣ Брусиловѣ и о его заслугахъ передъ Россіей и не принимая

во вниманіе протестующихъ возгласъ, г. Кускова заявила: «хорошо, пусть тотъ кто сочувствуетъ моимъ взглядамъ о дѣяніяхъ этого великаго человѣка—пусть тотъ почтитъ его память вставаніемъ» — тщетно всѣ оглядывались: ни одинъ человѣкъ не всталъ...

«Скажите — спросилъ я сидѣвшаго рядомъ со мной извѣстнаго общественнаго дѣятеля — скажите, какъ можно было выступить съ такимъ непродуманнымъ докладомъ? Какъ можно было не принять во вниманіе психологіи той части эмигрантскихъ массъ передъ которыми дѣлается доклад?

«А вы слыхали сказку о «голомъ королѣ»?

?!

«Ниль былъ, очень хороший, довѣрчивый добрый король, имѣвшій одинъ недостатокъ: король любилъ наряжаться въ яркія одежды. Однажды пришли къ нему три мошенника съ предложеніемъ сшить необыкновенную одежду, которую могутъ видѣть только умныя люди»...

И онъ рассказалъ мнѣ извѣстную сказку Андерсена, столь часто слышанную нами въ дѣтствѣ.

«Вотъ Вамъ и отвѣтъ на ваши вопросы: Кускова повѣрила совѣтскимъ мошенникамъ о происшедшемъ яко бы сдвигахъ, о возможностяхъ возвращенія и т. п. и нарядилась въ воображаемыя одежды, а на повѣрку — оказалась... въ роли упомянутаго короля»...

Кстати нѣсколько словъ «о возвращеніствѣ».

Вопросъ о возвращеніи въ Россію — вопросъ далеко не новый и возникъ онъ чутъ ли не въ первые дни послѣ Крымской катастрофы (ген. Слащевъ, Гильбахъ Тунненбергъ и др.). Но тогда для проповѣдниковъ возвращеніства было нѣсколько серьезныхъ если не оправданій, то смягчающихъ вину обстоятельствъ: они не знали — какая судьба ожидаетъ соблазненныхъ ими и, въ большинствѣ случаевъ, г.г. проповѣдники сами возвращались въ Россію.

Не то мы видимъ теперь: современные г.г. проповѣдники прежде всего сами не думаютъ о возвращеніи въ Россію. Современные г.г. проповѣдники докumentально знаютъ какая судьба ожидаетъ соблазненныхъ ими «малыхъ сихъ». И все таки зная это — они зовутъ, и убѣжддаютъ, и успокаиваютъ, и увлекаютъ къ «колесу смерти».

Комментарій излишни...

2. З А Р У Б Е Ж Н Ы Й СЪѢЗДЪ.

Национальный Съездъ, Рейхенгальскій Съездъ, Приморскій Земскій Соборъ, и, наконецъ, Зарубежный Съездъ — таковы этапы пройденные русской эмиграціей на путяхъ къ объединенію.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ попытокъ объединенія, Зарубежный Съездъ несомнѣнно является наиболѣе яркимъ и наиболѣе крупнымъ, т.к. независимо отъ достигнутыхъ результатовъ — по увѣреніямъ однихъ или «безрезультатности» по мнѣнію другихъ — онъ, сдѣлавъ попытку объединить всѣ слои русской эмиграціи, тѣмъ самымъ глубоко всколыхнулъ широкіе слои Зарубежной Руси и показалъ хоть какое то маленькое «дѣйствіе», — практическое приложеніе активной мысли въ наше время всеобщей апатіи и бездѣятельности.

«Страна безъ арміи — не имѣть права на историческое существование, ибо она не можетъ отстоять этого права мечемъ» — говорить историческая формула.

«Организація безъ дѣйствія (или бездѣйствія — все равно) обречена на погибель» — скажемъ мы — «ибо какой смыслъ и кому какая польза въ ея существованії!..

Вотъ поэтому то нужно прежде всего привѣтствовать — не только организаторовъ Съѣзда, перешедшихъ къ активнымъ дѣйствіямъ, но и составъ Съѣзда въ его цѣломъ, который несмотря на всѣ недочеты и обнаружившіеся отрицательныя явленія, является воплощеніемъ идеи активности.

«Никто Съѣздъ не устраивалъ
«Онъ самъ устроился,
«Очень многіе Съѣздъ разстраивали,
«Но онъ все таки не разстроился.

(Возржд. № 327).

Ни съ первымъ, ни со вторымъ положеніями почтенаго автора вышеприведенныхъ строкъ согласиться нельзя и вотъ почему: ту или иную идею мало еще создать — нужно умѣть воплотить ее въ жизнь, а это далеко не каждому дано, ибо какъ бы не было геніальнаго плана, но безъ единой активной воли, — многочисленныя единицы создавшіи его или участвующіи въ немъ — не въ состояніи претворить его въ жизнь, именно въ силу своей многочисленности (а въ данномъ случаѣ и разбросанности) — вотъ почему, вполнѣ оцѣнивая скромность организаторовъ, нельзя согласиться, что «Съѣздъ самъ собой устроился».

Нельзя также согласиться и съ тѣмъ, что Съѣздъ «не разстроился»... Да! Съѣздъ не разстроился въ буквальномъ смыслѣ этого слова: засѣданія начались въ точно опредѣленные дни и часы, въ точно опредѣленномъ мѣстѣ, при точно опредѣленномъ количествѣ delegatovъ и продолжались точно опредѣленное время, но духовная сторона его, какъ ни больно въ этомъ сознаться, умерла еще во время организаціи — когда одна изъ партійныхъ и общественныхъ элементовъ отказалась участвовать въ Съѣздѣ, другіе продиктовали рядъ условій своего входженія, треты въ силу создавшихся предвыборныхъ обстоятельствъ вынуждены были выйти изъ организаціонной группы, четвертые вели противъ Съѣзда злостную агитацию, пятые уже на самомъ Съѣздѣ собирались задавить «меньшинство», шестые противопоставили этой угрозѣ, какъ средство обороны — уходъ со Съѣзда» и т. д...

А между тѣмъ какая высокая и прекрасная идея заложена была въ основу Съѣзда!!!

«Зарубежный Съѣздъ является экзаменомъ Зарубежной Россіи на путяхъ къ патріотическому, дѣйственному и дисциплинированному объединенію для возсоединенія съ Россіей внутренней во имя воскресенія Национальной Россіи», — при чёмъ непремѣннымъ условіемъ успешнаго хода работъ прежде всего ставилось отрицаніе партій и партійного засилья, избѣганіе ссоръ, интригъ, каверзъ, и самое главное, — ни у одного изъ участниковъ Съѣзда даже и задней мысли не должно было быть обѣ «имущественной реставраціи». (Возржд. № 301).

Но уже въ первый день открытия Зарубежнаго Съѣзда устроителями его овладѣваютъ сомнѣнія: «оказутся ли зарубежные силы на надлежащей высотѣ? найдутъ ли онѣ согласно-мудрыя и мудро-согласованыя рѣшенія? или же возобладаетъ духъ розни и властолюбія? Да не будетъ этого!... съ искреннимъ испугомъ восклицаетъ авторъ передовой статьи (Возржд. № 306).

«Да не будетъ этого!... искренно воскликнуль всікъ прочитавшій эту статью, любящій Россію, ненавидящій большевизмъ и видящій въ Зарубежномъ Съѣздѣ осуществленіе тѣхъ или иныхъ надеждъ.

И правду сказать, — устроителямъ Съѣзда было чего бояться: трудно описать весь тогъ морально-тернистый путь, который былъ пройденъ ими въ пред-

организационныхъ работахъ; тѣ надежды и разочарованія съ которыми они поми-
нущуно сталичивались; ту стойкость съ которой они выдержали безсовѣстную и
беззастѣнчивую травлю со стороны извѣстной части эмиграціи — хотѣлось думать
что постѣ всѣхъ этихъ организационныхъ передрягъ: уходовъ, возвращеній,
ультиматумовъ и т.п. въ оставшейся отборной и морально спаянной части Съѣзда
дастъ картипу полнаго единенія — уже первые дни Съѣзда показали что это не
такъ...

«Въ чёмъ самая большая трудность Зарубежнаго Съѣзда? — спрашиваетъ
авторъ передовой статьи (Возрѣжд. № 307) и даетъ къ этому вопросу слѣдующій
отвѣтъ: «въ томъ, что съѣздъ одновременно и политической и безвластный» и
приглашаетъ членовъ Съѣзда — «не соблазняться видимостью парламента»,
помнія, что у нихъ нѣтъ никакой по отношенію къ эмиграціи принудительной
 власти и что нужно лишь провозгласить ИДЕЮ и призвать объединиться вокругъ
одного лица воплощающаго эту идею.

Идея эта — та же непримиримая борьба съ большевизмомъ въ полномъ еди-
неніи съ внутренней Россіей во имя возстановленія Национальной Россіи безъ
какихъ бы то ни было корыстныхъ вожделѣй.

Лицо — ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Итакъ — великая ИСТОРИЧЕСКАЯ задача: единеніе вокругъ ВОЖДЯ и
отогнаніе признаковъ «реставраторства» (Возрѣжд. № 307).

Какъ извѣстно, идея НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЖДЯ нашла въ Зарубежномъ
Съѣзда такосже единодушіе, какъ и въ сердцахъ той части русской эмиграціи «для
которой Россія не пустызнула, а Русскій народъ не поле для партійныхъ опытовъ»
— эта часть и не мыслила себѣ иного ВОЖДЯ и Имя ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА было у всѣхъ на устахъ.

Итакъ великая ИСТОРИЧЕСКАЯ задача въ этомъ смыслѣ была блестяще
разрѣшена.

Но уже на пятый день засѣданій Зарубежнаго Съѣзда выдвинулся во всей
остротѣ вопросъ «объ органѣ» — быть или не быть постѣднему; рассматривая
этотъ вопросъ съ трехъ точекъ зренія (исполн. орг. какъ учрежденіе обществен-
ное, исполн. орг. для выполненій преднаучертаній Великаго Князя — правитель-
ство и, наконецъ, массовая организация Зарубежной Руси въ цѣломъ), авторъ
передовой статьи (Возрѣжд. № 311) указываетъ, что задачей настоящаго момента
является задача скромная и дѣловая; «созданіе Съѣзdomъ своего органа для выпол-
ненія поручений въ духѣ сдѣланныхъ имъ постановлений».

Въ конечномъ итогѣ Съѣзда, какъ извѣстно, отказался отъ созданія широко-
вѣщательного и громоздкаго органа и на вопросъ представителей — что мы ска-
жемъ своимъ избирателямъ — авторъ передовой статьи (Возрѣжд. № 414) разъ-
ясняетъ, что вопросъ объ органѣ еще не созрѣлъ и только поставленъ на очередь
и что разрѣшеніе его оставлено въ настѣдство второму Съѣзду, совѣтуетъ: ука-
зывъ избирателямъ всѣ трудности вопроса, «нести на себѣ бремя несбыточныхъ
надеждъ и не перекладывать его на Нашего Вождя».

Таковы въ общемъ задачи и ходъ выполненія ихъ Зарубежнымъ Съѣздомъ.

Я не буду касаться характера самихъ засѣданій — партійной розы между
членами, страстныхъ и горячихъ споровъ, угрозъ и нетактичныхъ выпадовъ въ
рѣчахъ со стороны наименѣе сдержаныхъ членовъ, докладовъ, среди которыхъ
были и плохіе и хорошие — словомъ всего того, что сгущаѣтъ или разрѣяжаетъ

атмосферу подобныхъ засѣданій и остановлюсь лишь на конечныхъ итогахъ Зарубежнаго Съѣзда.

Лѣвая часть русской эмиграціи торжествуетъ, указывая на полный провалъ Съѣзда, но являемся, въ свою очередь противниками большевизма (въ большей или меньшей степени), они не могутъ не понимать, что и въ этомъ случаѣ, если бы даже Съѣзда и провалился, то тѣмъ самымъ значительно уменьшены и ихъ шансы на побѣду надъ большевиками. Та рознь, которая обнаружилась при организаціи Зарубежнаго Съѣзда, уже дала торжество большевикамъ — слѣдовательно если провалилась «правая» затѣя, то тѣмъ легче большевикамъ справиться съ «лѣвой».

Къ счастью можно говорить «о несбывшихся или неоправдавшихся надеждахъ», но отнюдь не о провалѣ. По словамъ кн. Г.Н. Трубецкого «не принимавшаго участія въ работахъ Съѣзда и сомнѣвавшагося въ практическихъ результатахъ», Съѣзда далъ положительныя достижения, являющіяся результатомъ побѣды трехъ идей:

1) Непримиримость къ большевикамъ и полное примиреніе со всѣмы личными и классовыми потерями; это «не ровь», а мостъ для возвращенія въ Россію,

2) Отказъ отъ предвзятыхъ рѣшеній за-рубежомъ безъ участія внутренней Россіи и

3) идея Национального движенія и Национального Вождя (Возрожд. № 320).

В. Л. Бурцевъ въ своемъ письмѣ въ редакцію газеты Возрожденіе, подробно перечисляя всѣ ошибки и недостатки Съѣзда (которыхъ между прочимъ не скрываютъ и сами устроители), говоритъ: «Зарубежный Съѣзда и приготовленія къ нему глубоко вскынули засинувшую эмиграцію. Агитация по поводу Съѣзда и онъ самъ всюду, где только существуетъ русская эмиграція, передъ всѣми, къ какимъ бы кто направленіямъ ни принадлежать, поставили вопросъ ребромъ о дальнѣйшей борьбѣ съ большевиками и о борьбѣ за возрожденіе Россіи; въ настоящее время даже невозможно, какъ слѣдуетъ оцѣнить значеніе этой агитации».

Вспахана (и хорошо вспахана) эмигрантская почва. Посѣяны хорошия сѣмена. Слѣдовательно въ будущемъ есть надежда на хорошую жатву». Статья заканчивается словами, что безспорно Зарубежный Съѣзда одно изъ самыхъ крупныхъ событий русской эмиграціонной жизни за послѣдніе годы. (Возрожд. № 320).

Итакъ Зарубежный Съѣзда окончился и ближайшимъ слѣдствіемъ или вѣриѣмъ отзовкъ его явилось... образованіе двухъ новыхъ политическихъ группировокъ (Рос. Центр. Объед. и Заруб. Патр. Объед.); но это еще не все... къ переорганизаціи мы уже привыкли: двумя партіями больше, двумя партіями меньше, не все ли равно — мы русскіе эмигранты можемъ позволить себѣ такую «роскошь»... и это разъединеніе само по себѣ не таѣтъ ужъ страшно...

Но внезапно всплыло на поверхности эмигрантского моря новое и болѣе срѣзное обстоятельство — это выступленіе «дѣтей» противъ «отцовъ» — молодежи противъ стариковъ.

Часть неудовлетворенной молодежи рѣзко выступила противъ бездѣятельности и беспилія въ практическомъ осуществленіи тѣхъ или иныхъ идей, — стариковъ, съ обвиненіями ихъ въ болтливости, партійности, сорахъ, личномъ мелкому честолюбію и т. п.

Старики устами «Странника» (Возрожд. № 339) соглашаются съ этимъ, но въ свою очередь, указываютъ, что этими же пороками заражена и молодежь и возбужденіе охватившее ее называется «бунтарствомъ».

И.Д.Гrimmъ въ своей, довольно рѣзкой, статьѣ «Шапки долой»-подчеркиваетъ практическую неспособность «воjakовъ изъ молодежи» и невозможность въ воп-

росахъ практическаго строительства обойтись безъ помощи стариковъ; отстаивал старческий авторитетъ и указывая, что поруганіе старости всюду нарекалось хамствомъ, И. Д. Гrimmъ опредѣляетъ, что бунтъ противъ старшихъ какъ таковыхъ, есть по духу и сущности дѣло комсомольское и заканчиваетъ статью словами: и е по шапкѣ стариковъ, — а шапки долой передъ ихъ сѣдиною!

Молодежь была весьма обижена этой, дѣйствительно рѣзкой, статьей и, по слухамъ, организуетъ: «Союзъ Активной Молодежи» — какъ противовѣсь бездѣятельной старости.

Сейчасъ борьба между «отцами и дѣтьми» въ полномъ разгарѣ — чѣмъ она окончится — покажетъ недалекое будущее.

3. КАТОЛИЧЕСТВО И ПРАВОСЛАВІЕ НА ФОНДЪ ПАРИЙСКИХЪ ДНЕЙ.

28 марта с. г. читатели «Посл. Нов.» были крайне взволнованы появившейся въ этой газетѣ статьей — «Злое Дѣло».

Авторъ статьи сообщаѣтъ, что вслѣдствіе заявленія аббата Кэнэ, являющагося представителемъ монастыря Шантала, стоящаго во главѣ Организаціи Французской помощи русскимъ бѣженцамъ, эти католическіе организаціи прекращаютъ свою помощь, а вслѣдъ за ними тоже отрицательное отношеніе можетъ быть принято и въ другихъ странахъ.

«Естественно, пишетъ «Посл. Нов.», что всѣ—кто пользовался этой помощью (дѣти, старики, инвалиды) и теперь, неожиданно, среди учебнаго года оставлены безъ поддержки на которую расчитываешь, должны особенно остро испытывать то чувство огорченія, которое испытываемъ и мы, но это чувство огорченія должно превратиться въ чувство негодованія, когда общественное мнѣніе узнаетъ кому русскіе эмигранты обязаны столь суровой мѣрой»... (Посл. Нов. № 1381).

Далѣе, ссылаясь на объясненіе аббата Кэнэ, — «Посл. Нов.» указываютъ, что причиной отказа католическихъ организацій отъ дальнѣйшей помощи является раздраженіе, какъ результатъ травли, которой не заслужено, но систематически яко бы подвергалось мѣстное католическое духовенство за то, что будто бы подъ покровомъ благотворительности улавливали православныхъ душъ въ католицизмъ.

Письмо аббата Кэнэ указываетъ и авторовъ этой травли: газ. «Возрожденіе» и священникъ Сахаровъ, авторъ извѣстной брошюры «Православіе и Католицизмъ».

Далѣе въ означенной газетѣ идетъ разборъ и брошюры о. Сахарова и его личности, попутно рѣзко достается газ. «Возрожденіе», дѣлающей по словамъ «Посл. Нов.» — «Злое Дѣло». Конечно не оставленъ по этому случаю безъ вниманія и Зарубежный Сѣдѣль (?).

Въ этой же газетѣ приведено письмо аббата Кэнэ къ Митрополиту Евлогію.

При чтеніи этого письма невольно поражаешься вызывающему и рѣзкому тону аббата Кэнэ: забыта не только іерархическая разница, столь строго соблюдалася въ католическомъ мірѣ, но забыто и элементарное чувство вѣжливости хозяина по отношению къ «невольному» гостю...

Но затѣмъ поражаетъ и другое обстоятельство — какъ можно на основаніи вѣковой догматической розни лишать помощи ни въ чѣмъ неподвижныхъ дѣтей, стариковъ, инвалидовъ — какъ можно быть слабаго и беззащитнаго?...

Естественно, что въ цѣляхъ всесторонняго освѣщенія этого вопроса, взоры всѣхъ были устремлены въ сторону газ. «Возрожденіе», но послѣдняя хранила упорное молчаніе.

Наконецъ 31 марта, газ. «Возрожденіе» дала исчерпывающій отвѣтъ въ передовой статьѣ «Прискорбный фактъ и Постыдное поведеніе». Освѣщая всесторонне вопросъ, объясняя и причину молчанія и свой взглядъ, газета подходитъ къ нему не съ узкой точки сведенія партійныхъ счетовъ, а съ точки зреянія оскорбленнаго національного достоинства.

Суть этой прекрасной статьи, въ краткихъ словахъ, сводится къ слѣдующему.

«Мы молчали сознательно и намѣренно. Мы считаемъ наше изданіе не только литературнымъ, но и національно-политическимъ дѣломъ. А въ такомъ дѣлѣ мы считаемъ необходимымъ и обязательнымъ строгую національную дисциплину?»

Разсматривая далѣе письмо аббата Кэна и дѣйствіе монсіньора Шаптала противъ высокочтимаго русскаго іерарха, стоящаго во главѣ управления Западно-русскими церквами, — какъ выглядѣть противъ русскихъ бѣженцевъ, газета говоритъ, что, въ цѣляхъ объективности, ею решено было выкидывать отвѣты Высокоопреосвященнаго Митрополита Евлогія и тогда только помѣстить всю переписку.

«Наша собственная позиція въ этомъ вопросѣ проста и ясна — мы считаемъ вражду между разными христіанскими вѣроисповѣданіями — передъ лицомъ единаго и сильнаго врага христіанской вѣры — большой ошибкой и великимъ грѣхомъ».

Далѣе указывая на доходившіе одиночные жалобы обѣ использованіи материальной нужды бѣженцевъ для совращенія ихъ въ католичество, газета говоритъ, что не только не обобщала этихъ жалобъ, но, вопреки этимъ обвиненіямъ, подчеркивала безкорыстный и деликатный характеръ этой помощи.

«Но мы не могли и не можемъ допустить мысли, что бы чья либо помощь могла лишить насть и нашихъ братьевъ по вѣрѣ, духовной свободы и наложить печать молчанія на православныя уста».

И, въ прекраснѣй этой помощи, газета видитъ элементы страшнаго давленія на духовную свободу русскихъ.

Съ глубокимъ искреннимъ негодованіемъ газета обрушиается на своихъ политическихъ противниковъ «глубоко равнодушныхъ къ религіи вообще и къ православной вѣрѣ въ частности», воспользовавшихся случаемъ для «безздѣлья, безпринципнаго и лживаго сведенія партійныхъ счетовъ» и, съ глубокимъ презрѣніемъ, клеймить нерашибающагося въ средствахъ противника.

Въ письмѣ Высокоопреосвященнаго Митрополита Евлогія къ монсіньору Шаптalu звучатъ нотки достойнаго Древнихъ Русскихъ Пастырей, блудущихъ крѣпость православной вѣры, порученную имъ паству и не идущихъ ни на какие компромиссы.

Твердо, заявляя, что указанные «факты перевода въ католичество православныхъ русскихъ, къ сожалѣнію, имѣли мѣсто», Владыка энергично отстаиваетъ права духовныхъ лицъ «въ обереженіи юныхъ душъ нашихъ дѣтей, у которыхъ часто нѣть заступничества ихъ родителей».

Соглашаясь, «что Католичество и Православіе издавна спорятъ другъ съ другомъ», Владыка мужественно ставить монсіньору Шаптalu убийственный вопросъ: «какимъ образомъ дѣло христіанскаго милосердія можно ставить въ зависимость отъ того или иного разногласія во взглядахъ на церковные вопросы, отъ нашихъ споровъ и даже раздоровъ? Гдѣ же тутъ правда? Гдѣ, Христосъ, которому Вы служите? Гдѣ Его Святая любовь, о которой Вы говорите?»

Такъ пишетъ Высокоопреосвященный Евлогій монсіньору Шаптalu.

Кн. Г. Н. Трубецкой, въ своей статьѣ по этому вопросу *Tertius gaudens* (Возр. №302) подводить итоги удручающему по формѣ и содержанию письму аббата Кэнз: оно доставить удовольствіе большевикамъ и лжепримѣрной православной церкви, ибо для этихъ враговъ Христа, розы между тѣми, кто долженъ быть бы сплотиться во имя Христа, всякая рознь доставляетъ величайшее удовлетвореніе.

«Но при чёмъ же тутъ находящіеся въ нуждѣ бѣженцы, малолѣтнія дѣти и учащаяся молодежь... въ недоумѣніи воскликнала авторъ...»

Весь этотъ конфликтъ, происшедшій на глазахъ русской колоніи, нашелъ горячій откликъ въ эмигрантской средѣ, сразу оцѣнившей благородную и мужественную позицію занятую въ этомъ вопросѣ Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Евлогіемъ: нѣсколько адресовъ покрытыхъ подписями тысячъ сочувствующихъ и представителями 21 русской организацій, должны были послужить глубокимъ моральнымъ удовлетвореніемъ для Владыки.

Но русскіе организаціи не остановились на этомъ и, въ особомъ письмѣ, на имя монсіньора Шаптала, съвертностью заявили, что питая чувства глубокой благодарности за оказываемую французскими организаціями помощь русскимъ бѣженцамъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаютъ нужнымъ заявить, что оскорблѣніе высокочтимаго всѣмъ Владыки является вмѣстѣ съ тѣмъ и оскорблѣніемъ Национального достоинства русскихъ.

Въ отвѣтномъ письмѣ монсіньора Шаптала на имя предсѣдателя Национальнаго Комитета, по существу вопроса, ничего нового добавлено не было, но внимательный глазъ могъ уловить въ немъ новыя нотки, болѣе мягкаго характера и, дѣйствительно, спустя нѣсколько времени, въ печати появилось сообщеніе, что Организація Союза помощи во Франціи будетъ продолжать дѣло помощи русскимъ бѣженцамъ.

Такимъ образомъ, съ чувствомъ глубокаго морального удовлетворенія можно констатировать, что христіанско мілосердіе, справедливость и благоразуміе одержали вверхъ въ этомъ щекотливомъ для обѣихъ сторонъ дѣлѣ.

4. КРАСНОВЪ—КОЙСУГОВЪ—СУВОРИНЪ.

Интересная полемика, являющаяся слѣдствіемъ прочитанаго въ свое время генераломъ Красновымъ доклада о Донскомъ Атаманѣ А. М. Калединѣ — возникла между этими тремя лицами.

Какъ извѣстно, генералъ Красновъ, въ своемъ докладѣ, сдѣлалъ рядъ досадныхъ промаховъ — какъ въ отношеніи личности покойнаго Атамана, такъ и въ отношеніи характера минувшихъ событий этой эпохи.

Съ цѣлью восстановленія исторически-точно событий того времснii и указанія этихъ промаховъ, въ «Посл. Новост.» выступилъ нѣкто г. Койсуговъ (очевидно псевдонимъ); опровергая и исправляя певѣрнныя положенія доклада ген. Краснова, г. Койсуговъ въ свою очередь допустилъ ошибку, а именно — говоря о конспиративномъ возглавлении Добровольческой Арміи генераломъ Корниловымъ, г. Койсуговъ пишетъ: «что этотъ фактъ неожиданно былъ опубликованъ въ газетѣ Б. Суворина» и что Донской Атаманъ передалъ Объединенному Прави-

тельству просьбу генераловъ Алексѣева и Корнилова принять мѣры къ недопущенію подобныхъ провокационныхъ выходокъ.

Далѣе — г. Койсуговъ добавляетъ, что когда быть вызванъ для объясненія по этому вопросу редакторъ, то вмѣсто него явился нѣкто Іоль де Монклартъ, которому и было сдѣлано надлежащее внушеніе съ предупрежденіемъ о высыпнѣ.

Съ опроверженіемъ, въ свою очередь, въ «Посл. Нов.» выступилъ Бор. Суворинъ, который хронологически доказать неправильность вышеупомянутаго сообщенія, ибо газета «Веч. Время» первый разъ появилась на Дону... спустя 4½ мѣсяца послѣ смерти генер. Каледина...

Дѣйствительно, газета Б. Суворина, въ моментъ затронутый г. Койсуговымъ еще не существовала, а слѣдовательно Б. Суворинъ и ничего не могъ писать, по этому поводу, но описываемый фактъ появленія въ печати имени генер. Корнилова — какъ Главнокомандующаго Добровольческой Арміей, все таки имѣть мѣсто и вотъ какъ освѣщаѣтъ этотъ вопросъ, самъ виновникъ этого, бывшій капитанъ Іоль де Монклартъ, — письмо котораго случайно сохранилось среди матеріаловъ Музея «Современныхъ Событій въ Россіи».

...«на Вашъ запросъ о матеріалахъ, въ силу коихъ въ телеграммахъ «Юго-Восточного Издательства», возглавляемаго мною появилось въ Январѣ 1918 года о назначеніи генер. Л. Г. Корнилова Главнокомандующимъ силами Добровольческой Арміи, находящимися въ Ростовѣ, сообщаю:

Оперативнымъ отдѣленіемъ Штаба Походного была передана телеграмма Донскаго Атамана А. М. Каледина Ростовскому Генераль-Губернатору, кажется ген. А. П. Богаевскому, о томъ, что ген. Л. Г. Корниловъ состоить Главнокомандующимъ Добровольческой Арміи. Копія этой телеграммы была доставлена мнѣ въ редакцію. Помѣщенна она была послѣ переданаго мнѣ генеральномъ штаба подполковникомъ В. Е. Роженко мнѣнія Л. Г. Корнилова, что опубликованіе не встрѣчаетъ возраженій съ его стороны».

Александръ Іоль
(Капитанъ Іоль де Монклартъ).

5. ВОСЬМАЯ ГОДОВЩИНА СМЕРТИ ГЕНЕРАЛА Л. Г. КОРНИЛОВА.

Скромное помѣщеніе Союза Галиполійцевъ... 58 человѣкъ, окутанныхъ голубыми волнистыми ладанами стояли низко склонивъ голову съ зажженными свѣчами въ рукахъ?... «Вѣчная память»... и скромное засѣданіе посвященное памяти покойнаго.

Говорили... но не въ этомъ дѣло кто и что говорилъ...

Я вспомнилъ прежнія торжественные собранія, посвященные памяти «истиннаго сына отечества погибшаго на своемъ посту»... переполненные театры и залы въ Ростовѣ, Таганрогѣ, Харьковѣ, Екатеринодарѣ...

Я не видѣлъ здѣсь многихъ высокихъ сподвижниковъ покойнаго... не видѣлъ и официальныхъ представителей... и никого изъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей, кроме... всегда свято чуящеаго память покойнаго, кн. Н. Н. Львова...

Я слушать рѣчи... а въ головѣ назойливо звенѣли слова К. Бальмонта:

«Я подъ камнемъ могильнымъ лежу
«Слишкомъ рано меня схоронили»...

Сколько соберется въ будущемъ году почтить священную память народнаго героя?...

YIII.

ВНУТРЕННЯЯ РОССИЯ

Красная Армія и «Военизация».

Тъ времена когда на совѣтскія войска смотрѣли какъ на «красную с----чъ» и «красноармейскія банды», повидимому прошли безвозвратно.

Нынѣ это одна изъ сильныхъ европейскихъ армій (вторая послѣ французской), официально насчитывающая въ своихъ рядахъ до 600.000 человѣкъ, можетъ быть плохо снаряженная и вооруженная, но неустанно и энергично идущая по пути всевозможныхъ улучшений и усовершенствований, а главное-не боящаяся никакихъ широкихъ опыта и имѣющая гражданское мужество сознаваться въ неудачѣ или ошибкахъ этихъ опытовъ.

Держа въ постоянномъ страхѣ врага, Польшу и Румынію, являясь, можетъ быть, и непрѣтнѣмъ, но относительно сильнымъ союзомъ лимитрофныхъ образованій, красная, армія если будетъ ити и дальше по пути самоусовершенствованія такими же гигантскими шагами, можетъ достигнуть такого положенія когда съ неї будутъ считаться первоклассныя европейскія арміи. Не понимать этого—значить сознательно закрывать глаза на будущее или уподобляться страусу застигнутому врасплохъ опасностью... Если только въ сердцахъ нашихъ Вождей не предрѣшиенъ отказъ отъ вооруженной борьбы въ будущемъ за счетъ могущаго произойти переворота внутри страны — необходимо теперь же приступить къ самой широкой ОРГАНИЗАЦІИ учета дѣйствительныхъ бѣльыхъ силъ, намѣтывъ принципы и способы ихъ концентраціи — продолжающаяся бездѣятельность въ этомъ отношении — непростительна!

Интересно прослѣдить, хотя бы въ общихъ чертахъ развитіе красныхъ вооруженныхъ силъ:

Въ октябрь-ноябрь 1917 г. Кронштадтъ, крейсеръ Аврора и отдѣльный латышско-матросскія банды; въ январѣ 1918 г. отряды матросовъ, латышъ, китайцевъ и военно-плѣнныхъ иѣмцевъ, австрійцевъ и мадьяръ сведенныхъ въ организационные единицы, а также рядъ разрозненныхъ воинскихъ частей, покинувшихъ фронтъ. Въ юни-юль 1918 г. послѣ угрозы чехословаковъ, начинается лихорадочная организація красной арміи и къ осени того же года численность ихъ, правда въ сырой формѣ, достигаетъ — *двѣнадцати*, распределенныхъ между Сибирскимъ и Южнымъ фронтами. Добровольческая и Донская Арміи, въ бояхъ на Сѣверномъ Кавказѣ и Азовско-Донскомъ фронтахъ, въ теченіе осени и зимы 1918—1919 гг. весной и лѣта 1919 г., выводятся изъ строя иѣсколько совсѣмъ армій, но на смѣну имъ являются другія, въ большинствѣ наново съорганизованныя и, къ осени 1919 г., число ихъ достигло — *пятнадцати*.

Крымъ уже съ первыхъ дней предрѣшилъ исходъ борьбы; по заявлению генерала Брангеля у него на фронтѣ было сорока тысячъ, а въ тылу триста тысячъ; если бы было наоборотъ, еще могла быть какая нибудь надежда — въ данномъ же случаѣ исходъ борьбы если и затянулся, то лишь исключительно благодаря мужеству и стойкости этихъ сорока тысячъ и неудачамъ большевиковъ на польскомъ фронтѣ.

По окончаніи гражданской войны, организація приняла болѣе планомѣрный характеръ: было обращено вниманіе на воспитаніе и образованіе войскъ — конечно, въ совсѣмъ духѣ, призывающая система иѣсколько разъ видоизмѣнялась и въ настоящее время, построена на двухъ основахъ — кадровой и территоріальной; заново разработаны мобилизационные планы, безпрестанно идутъ закупки оружія и снаряженія и, вънастоящее время, красная армія имѣть кадровый составъ около 600.000 чел.

Какія мѣры воздѣйствія принимала и принимаетъ совѣтская власть для организаціи арміи въ цѣломъ — это мы хорошо знаемъ и по рассказамъ цѣлѣнныхъ, и по письмамъ, и по распоряженіямъ самой совѣтской власти — мѣры крутые, — что и говорить!..

Но вотъ какія принимаются мѣры въ частности, хотя бы для воспитанія этой арміи, или вѣриѣ, какія принципы заложены въ основу ея воспитанія — это гораздо интереснѣе и нужно остановиться хотя бы на двухъ, трехъ наиболѣе характерныхъ примѣрахъ.

Въ памяткѣ «красному инструктору», между рядомъ наставлений, читаемъ (приводится по памяти) — если ты обѣщаешь наградить юго нибудь, то не забудь награди, но если ты обѣщаешь наказать (или чуть ли не убить), то исполніи это не задумываясь...

Еще интереснѣе опредѣленіе солдата и сравненіе его съ прежнимъ опредѣленіемъ —

Прежде:

Солдатъ есть слуга Государя и Отечества и защитникъ ихъ отъ враговъ внутреннихъ и вѣнчихъ.

Какъ видно, — прежнее «обидное» опредѣленіе «слуга» выброшено и оставленъ лишь терминъ «защитникъ», при чмъ для усиленія значенія этого, термина прежнее слово «Отечество» разложено на свои составные части: рабочихъ и бѣднѣйшихъ (именію бѣднѣйшихъ т.к. солдатъ происходит въ большинствѣ случаевъ изъ этой среды) крестьянъ — чмъ и подчеркивается *его связь* съ этой средой.

Но еще интереснѣе слѣдующіе вопросы и отвѣты изъ «памятки красноармейца»;

- В. За что ты бѣшься?
- О. За правду...
- В. Какъ же ты бѣшься съ врагомъ?
- О. Безъ пощады, пока не сокрушу!
- В. Много ли вѣра, защитниковъ труда и бѣдности?
- О. Въ резервѣ у меня вся бѣднота и пролетариатъ спѣшащіи ко мнѣ на помощь.

Въ 1919 г., на съездѣ красныхъ инструкторовъ военно-учебныхъ заведеній, Инспекторъ в. уч. зав. Дзевалтовскій заявилъ: что къ дѣлу обученія краснаго офицерства нужно привлечь весь прежній составъ военно-учебныхъ заведеній, использовать ихъ опытъ и знаніе, и, не боясь контроль-революціонности, заставить ихъ работать въ «красномъ духѣ».

И привлекли... и использовали... и заставили...

Въ 1920 г., во время лекціи по военной исторіи въ бывшей Императорской Николаевской военной Академіи, лекторъ (одинъ изъ бывшихъ профессоровъ), дѣлая выводы изъ какого то сраженія добавилъ, что выводы эти вполнѣ подтверждаютъ тѣ принципы, которые были заложены нашими величайшими военными геніями и т.д.

Послѣ лекціи одинъ изъ «высокихъ красныхъ слушателей» спросилъ въ профессорской лекторѣ: «на какихъ это Вы, военныхъ геніевъ намекали?»

«На Императора Петра Великаго и Суворова» — послѣдовательствѣ.

«Почему же Вы не назвали эти имена?»

«Помилуйте, съ одной стороны — красные слушатели будущие скажать борцы не только противъ имперіализма, но и противъ мірового буржуазного строя и съ другой — императоръ и императорскіе полководцы, какъ проводники основъ будущей борьбы... — и въ голосъ лектора послышалась еле замѣтная пронія...

«Намъ мертвыхъ императоровъ и императорскихъ полкодцевъ бояться нечего — послѣдователь отвѣтъ,—инача молодая красная военная исторія должна признать ихъ авторитеты также — какъ они были признаны въ царскіе времена. Однимъ словомъ, — все то, что можетъ усилить нашу красную армію, нами безоговорочно принимается и Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь, ссылаясь на тѣ или иные авторитеты — разъ они могутъ послужить къ усиленію моціи нашей арміи».

Если прослѣдить совѣтскія военные изданія то, можно въ нихъ замѣтить такія же частыя ссылки на Петра Вел., Фридриха Вел., Карла XII, Наполеона, Суворова и др., какъ и въ доброе старое времена...

Не удивительно, что «военизациія» является однимъ изъ колосальнѣйшихъ опытовъ, продѣлываемыхъ большевиками съ присущей имъ смѣлостью и настойчивостью.

Что такое «военизациія» въ совѣтскомъ смыслѣ слова — это принудительная система привлечения молодой части населенія для теоретического и практическаго изученія основъ военного дѣла.

«Передъ нами стоитъ задача — все населеніе приспособить къ тому, чтобы въ самомъ дѣлѣ служить интересамъ обороны страны. Если мы въ пионерскихъ отрядахъ, въ спортивныхъ организаціяхъ, въ школахъ 1-й и 2-й ступени и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ будемъ учить какъ защищать нашъ Союзъ, будемъ обучать спорту, военному искусству, то при минимальной затратѣ времени и средствъ будемъ имѣть на три четверти подготовленныхъ бойцовъ, способныхъ вести борбѣ, способныхъ защищать Союзъ. Если, начиная съ дѣтскаго возраста мы будемъ физически закалять будущихъ бойцовъ, а затѣмъ обучать ихъ военному дѣлу, то это дастъ намъ возможность сократить средства на содержаніе и обученіе кадровыхъ частей, на подготовку краснаго состава». (Докладъ помощ. комисс. по воен. и морс. дѣламъ Упплихта — Красн. Зв. № 52).

Такимъ образомъ, большевики вступаютъ въ новую сферу усиленія своей военной моціи — и само собою разумѣется, что арміони не только не сократятъ, но за спиной 600.000 кадровыхъ бойцовъ, они будутъ имѣть обученный и вооруженный резервъ всей страны.

Таковы послѣдствія первой части ихъ знаменитаго лозунга: «миръ хижинамъ»...

Что идея «военизациіи» «не нова», съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться («Военизациія» ст. А. Эфеса Возрожд. № 358), точно также какъ не вызываетъ сомнѣній утвержденіе автора, что почти во всѣхъ государствахъ удѣлено большое вниманіе виѣ войсковой подготовки молодежи; но есть и существенная разница, — въ то время, какъ во всѣхъ государствахъ этотъ вопросъ поставленъ на добровольческихъ началахъ (въ Америкѣ напр., въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ согласія родителей), въ Сов. Россіи говорятъ о самыхъ «рѣшительныхъ» дѣйствіяхъ по проведению этой мѣры въ жизнь, т.е. расшифровывая эти слова — получимъ «принудительный, образъ дѣйствій» — типичнѣйший совѣтскій методъ.

«Военизациія» отнюдь не является мертворожденной идеей и, если она не выльется — во чтонибудь похожее на «совѣтскую аракчеевщину», то, въ конечномъ итогѣ, она, при надлежащемъ проведеніи этого дѣла въ жизнь, при упорствѣ и настойчивости, можетъ дать «вооруженный народъ» съ миллионной арміей въ

Къ статьѣ „Красной Арміи и „иселенцій“.

А. Призыва въ Красную Армію.

Провожаютъ!..

На призывномъ пункѣ. Запись.

Къ статьѣ „Красной Арміи и „воензаписці“.

А. Призывъ въ Красную Армію.

Очередь запись...

«Заборы!..

Въ статьѣ „Красная Армія и „специзациі“.
Б. Красные курсанты.

Въ бывшемъ Кіевскомъ Военномъ Училищѣ.

«Пассивная гимнастика».

Къ статьѣ „Браслетъ Арміи и „шоссажиція“⁴.
Б. Красные курсанты.

На пристыкѣ.

«Кобыла».

Французская борьба.

авангардѣ — а это уже не шуточная угроза миру міра... и окончательное разрѣ-
шеніе второй части ихъ лозунга: «война дворцамъ» — конечно, не заставить себя
долго ожидать...

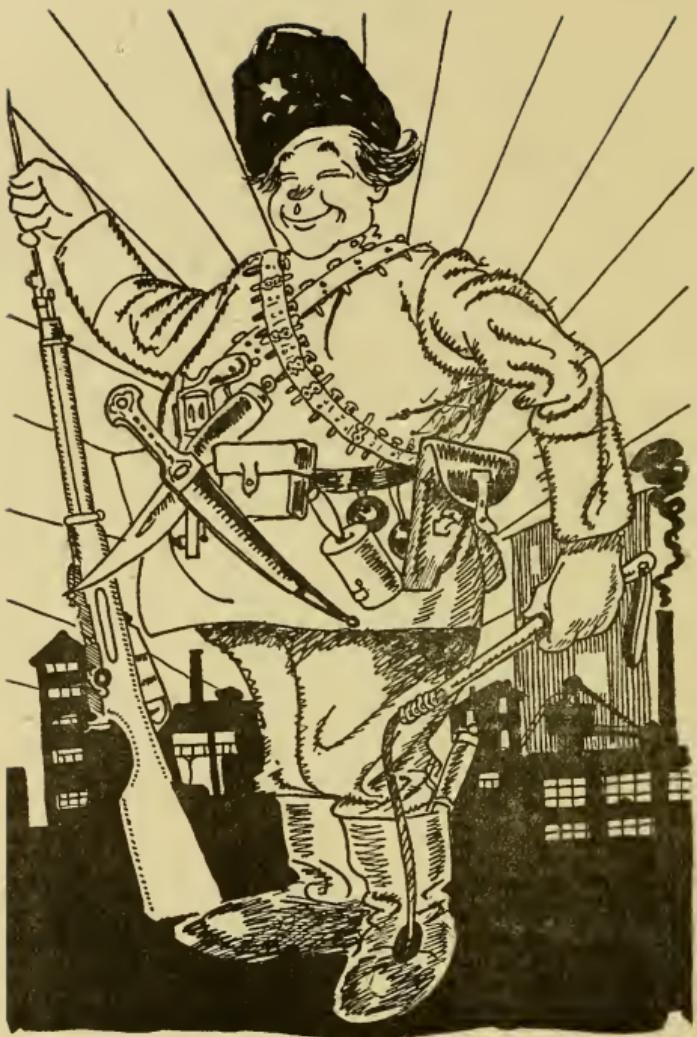
Какіе же выводы можемъ сдѣлать для себя — мы «бѣлогвардейцы». Нужно
прежде всего внимательно изучать нашего настоящаго и будущаго противника,
отбросивъ предубѣжденіе и о его неспособности и о его неумѣніи, ибо, повторю
это уже не «красная с-ч» — это армія на пути къ «первоklassной».

«Бѣлогвардейцевъ» не такъ уже много за-границей, — что бы пренебрегать
изученіемъ психологіи противника, его пріемовъ и методовъ, технической сторо-
ны и т. д. и нужно противопоставить имъ свое, если такъ можно выразиться, —
«творчество», закаленное въ горнитѣ «умѣнія», — ибо все таки «быть не числомъ,
а умѣніемъ» — что и большевики уже, къ несчастью поняли.

И еще нужно помнить слѣдующее: будемъ ли мы въ будущемъ дратся съ
Красной Арміей или Всевышнимъ? Предопределѣніемъ, намъ суждено будетъ слить-
сь съ нею и образовать могучую Русскую Армію, являющуюся дѣйствительнымъ
стражемъ Страны и Народа — намъ нельзѧ явиться «младенцами, несмышлены-
шами»; въ этомъ, постѣднемъ случаѣ, многое съ собою принесемъ, конечно и мы,
но много мы должны будемъ впитать въ себя и отъ нихъ и поэтому, къ каждому
новому опыту въ Россїи внутренней, — мы должны относиться не съ легкой
верхоглядной критикой, а съ глубочайшимъ вниманіемъ и серьезностью.

Здѣсь мы приводимъ нѣсколько снимковъ изъ жизни Красной Арміи и крас-
ныхъ курсантовъ.

Владимиръ Игоревъ.

Большевистскій „войнъ“ первыхъ дней

(Карикатура *Sid'a*.)

IX.

КРИТИКА и БИБЛIOГРАФИЯ

Генер. Н. Н. ГОЛОВИНЬ: 1) Мысли об устройствѣ будущей россійской вооруженной силы.
2) Тактика въ задачахъ. Атака укрепленной позиціи.

Читая эти труды нашего уважаемаго профессора невольно представляешь себѣ его низко склонившимся надъ картой, расположенной на большомъ столѣ, въ стѣнахъ нашей Академіи. Кругомъ слушатели... Спокойное и любовное изложеніе «основныхъ методовъ», неумолимая логика выводовъ, «натаскиваніе и наталкиваніе» на цѣлесообразныя решенія, вдумчивое отношеніе къ возраженіямъ молодежи и уваженіе къ чужому мнѣнію — вотъ чѣмъ дорогъ для насъ ген. Н. Н. Головинъ и то, что онъ читать—нельзя было не знать и нельзѧ было не помнить.

И еще — его одиночество и въ вопросѣ о нашумѣвшей въ свое время «доктринаѣ» и въ рядѣ другихъ вопросовъ,— привлекало къ нему наши симпатіи.

Что сказать о книгахъ? Это настольные книги для каждого любящаго военное дѣло и интересующагося имъ. Съ одной стороны «рядъ мыслей» о будущей Русской Армии, съ другой — практическое приложеніе этихъ мыслей, какъ всегда ясное, логическое и жизненное.

И, конечно, такія мысли не могутъ остаться незамѣченными, какъ въ Россіи Зарубежной, такъ и въ Россіи внутренней, точно такъ же какъ предложенные авторомъ методы — бесплодными.

И мы искренно желаемъ ученному автору видѣть не только результаты практическаго приложения этихъ мыслей и учений, но и стоять во главѣ руководящаго центра по проведению ихъ въ жизнь, въ «Будущихъ Россійскихъ вооруженныхъ Силахъ».

В. ДАВАТИЦЪ. Годы. 1926. Бѣлградъ.

При чтеніи этой книги, точно такъ же какъ и причтеніи другихъ произведеній того же автора («На Москву» и разн. статьи), въ головѣ невольно мелькаетъ мысль: какую коренную ломку своего внутренняго «Я», долженъ быть произвести надъ собой авторъ, чтобы написать то, что онъ написалъ. Словно, жить, жить человѣкъ, дожилъ до сѣдыхъ волосъ, оглянулся, увидѣлъ что заблудился на жизненномъ пути, махнулъ рукой и свернувъ на новую дорогу, — началъ новую жизнь со всѣмъ оставшимся пыломъ и страстью уходящихъ «годовъ».

Съ этой именно точки зрѣлія гражданскаго мужества и необыкновенной силы воли и нужно рассматривать «Годы» В. Даватца.

Можно ли писать такія книги «по-заказу»? какъ обѣ этомъ иронически называютъ «Посл. Ноv.», называя г. Даватца: официальный исторіографъ Врангелевской Арміи. И—да, и — иѣть.

Да — въ смыслѣ поднесенія однихъ голыхъ спучныхъ и беспочвенныхъ фактovъ и восхваленія «заказчика». Иѣть — въ смыслѣ искренности, горячей любви и юношескаго энтузиазма.

Вотъ на фонѣ то этихъ всѣхъ страницъ и блестить ярко этотъ юношескій энтузиазмъ сѣдого человѣка, порвавшаго со всѣмъ прошлымъ и нашедшаго новый идеалъ и этотъ энтузиазмъ если и не подкупаетъ, то заставляетъ читателя временно забыть недостатки книги и сомнительные афоризмы вродѣ: «пока армія живя — Россія не умерла», — неудачно передѣланый изъ исторической формулы: только

тогда народъ и страна имѣютъ право на историческое существование, если они могутъ это право отстоять мечемъ, т. е. если они будутъ имѣть армию.

Въ книгѣ автора много фактовъ, но нѣть объективныхъ «поученій», нѣть указаний на недочеты и ошибки, — словомъ, если и можно принять первую половину его формулы «безъ ненависти къ политическимъ врагамъ», то вторая половина этой же формулы «безъ пристрастія къ политическимъ друзьямъ», постѣ прочтенія этой, все таки, интересной книги опровергается сама собой.

А въ конечномъ итогѣ — книга является еще одной страницей въ истории Добровольческой Арміи.

Е. И. В. Великій Князь БОРИСЪ ВЛАДИМИРОВИЧЪ. «My Royal adventures in Society and Bohemia».

Въ концѣ прошлаго года, среди сенсаціонныхъ «исторій» Чикаговской вечерней газеты: «The Evening American», — еженедѣльно, по субботамъ, начали печататься воспоминанія Е. И. В. Великаго Князя Бориса Владимировича, подъ заглавиемъ: «My Royal adventures in Society and Bohemia».

Это тѣмъ болѣе удивительно и неопытно, что газета эта принадлежитъ association извѣстнаго Герста, далеко, выражаясь мягко, не отличающагося своими симпатіями къ Россіи царскихъ временъ и являющагося политическимъ противникомъ Генри Форда; повидимому всѣ эти рассказы были одновременно помѣщены во всѣхъ газетахъ (болѣе 20) принадлежащихъ этому Association.

Рассказы Великаго Князя богато иллюстрированы довольно рѣдкими фотографіями, автографами и зарисовками (съ натуры?). Постѣднія представляютъ собою рѣдко довольно откровенныхъ сценъ ночного разгула въ различныхъ «мѣстахъ злачныхъ», Распутини гипнотизирующаго какую то, лежащую въ изнеможеніи даму, и т. п. Тутъ же рядомъ помѣщены портреты Августѣйшихъ Особъ-Мучениковъ: Государя Императора, Государыни Императрицы, и Ихъ Дѣтей...

Воздерживаясь отъ какихъ либо комментарій, — мы предоставимъ читателямъ, начиная со второго номера «Бѣлага Архива», возможность ознакомиться непосредственно, какъ съ полнымъ текстомъ перевода этихъ воспоминаній съ англійскаго языка, такъ и съ главнѣйшими иллюстраціями.

К. ТРОЯНОВСКІЙ «Востокъ при свѣтѣ революції» Изд. В.Ц.П.К. Сов. Солд. и Раб. Деп.

Послѣднія события въ Китаѣ заставляютъ каждого интересующагося соѣтской политикой на Дальнемъ Востокѣ съ вниманіемъ остановится на одной очень интересной книгѣ — «Востокъ при свѣтѣ революції» К. Троиновскаго изд. 1919 г.

Книга эта выгодно отличается отъ большинства ей подобныхъ своимъ спокойно-дѣловымъ отношеніемъ къ затрагиваемому вопросу, на страницахъ ея развертывается огромный по замыслу планъ проведенія будущей политики соѣтской власти на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ органически переплетены жизненные интересы большинства европейскихъ и азиатскихъ государствъ,

Съ точки зренія автора — ударъ по Дальнему Востоку — это ударъ по капиталистической Европѣ и империалистической Японіи, — короче говоря: въ этой весьма рѣдкой нынѣ книгѣ, съ полной откровенностью изложены основные принципы стремленій большевиковъ къ мировому владычеству.

Политика, по мнѣнію автора, на Д. Востокѣ должна быть только активной, ибо: «ограничиться собственной территоріей означало бы для русской революціи рано или поздно задохнуться». (стр. 1)

Далѣе мы сталкиваемся съ еще болѣе откровенной предпосылкой:...« расширить тѣсный кругъ какъ интернационала такъ и угнетенныхъ народностей, населяющихъ другія страны свѣта является прямой нашей обязанностью передъ міромъ и исторіей»... (стр. 2).

Куда же должны направляться стратегическо-политические удары во имя и «спасенія революцій», и «расширенія интернационала» и «освобожденія угнетенныхъ народностей»?

Противопоставляя Россіи, являющейся нынѣ очагомъ революціи на Западѣ — Индію, авторъ опредѣленно заявляетъ, что «Индія — цитадель революціи на Востокѣ» (стр. 29) а Персія, Турція, Египетъ — ворота открывавшіе доступъ въ эту цитадель» (стр. 49) — поэтому то первый ударъ и долженъ быть направленъ на эти государства.

Что касается Китая, — то эта страна является, по мнѣнію автора, наиболѣе подготовленной въ смыслѣ проведения большевистскихъ программъ и поэтому: «роль революціонной Россіи по отношенію къ Китаю сводится къ тому же къ чему мы сводили по отношенію ко всему остальному Востоку — не только примера и застѣльщицы, но и самаго дѣятельного агента, помощницы»... (стр. 69).

Какъ дополненіе къ книгѣ приложена «Программа Союза Освобожденія Востока» — излагающая организаціонные принципы проведенія въ жизнь всѣхъ путей намѣченныхъ авторомъ.

Книга эта въ свое время была переведена на индусскій и китайскій языки и пользовалась большой популярностью среди населенія этихъ странъ. Во времія функционирования музея*) въ Константинополѣ на эту книгу обратили вниманіе представители политического отдѣла Англійского командованія и тогда же она была переведена на англійскій языкъ.

Какова іѣнность изложенныхъ въ книгѣ теорій мы не такъ давно уже видѣли, да вѣроятно въ недалекомъ будущемъ опять увидимъ, ибо борьбу въ Китаѣ должно считать далеко еще не законченной...

O. M-я.

---

*) Книга находилась въ числѣ экспонатовъ музея «Современныхъ событій въ Россіи».

X.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПАМЯТКА

Музея «Современных Событий въ Россіи»

Приступая къ изданію материа́ловъ музея «Современныхъ Событий въ Россіи», я считаю необходимымъ ознакомить читателей съ краткой исторіей зарожденія и развитія его, отношеніемъ къ этому культурному дѣлу русской организованной и неорганизованной эмиграціи, общественныхъ и политическихъ дѣятелей, военно-начальствующихъ лицъ, населенія тѣхъ странъ где музей функционировалъ въ видѣ передвижной выставки, а также, конечно, и большевиковъ, съ которыми невольно приходилось всегда въ большей или меньшей мѣрѣ сталкиваться.

I. 1914-1917 Г.Г.

Идея частнаго сбора «лѣпестковъ исторіи» зародилась у меня еще въ началѣ Великой войны и вылилась въ тщательное коллекціонированіе всѣхъ тѣхъ материа́ловъ, которые относились къ эпохѣ боевыхъ дѣйствій въ Вост. Пруссіи. Естественно, что кругъ моей дѣятельности былъ строго ограниченъ рамками моей скромной должности; тѣмъ не менѣе, къ началу 2-го отступленій изъ Вост. Пруссіи, личные мои материа́лы составляли ящики весьма внушительного вида и вѣса.

Къ глубокому сожалѣнію, не только весь этотъ материа́ль, но и значительная часть историческаго материала 3-го арм. к-са погибли во время второго отступленія изъ Вост. Пруссіи — послѣ Ласдененскихъ боевъ; случайно лишь сохранились бывшіе на рукахъ реляціи первыхъ боевъ корпуса въ В. Пруссіи, часть фотографій, кой какіе документы, замѣтки, зарисовки съ натуры и т.п., находящіеся нынѣ въ музѣ.

Несмотря на это, въ дальнѣйшемъ, все свободное отъ служебныхъ обязанностей времени, я посвящаю продолженію сбора всевозможныхъ материа́ловъ и такъ какъ рамки моей служебной дѣятельности, въ продолженіи войны, постепенно расширялись — то естественно, что увеличилась и продуктивность работы въ этомъ направлениі: материа́ловъ стало поступать больше и материа́лы были разнообразнѣе.

Къ началу революціи общее количество материа́ловъ достигло внушительной цифры до 2500 разнообразныхъ экземпляровъ, состоявшихъ изъ русскихъ и иностранныхъ книгъ (главнымъ образомъ французскихъ) по исторіи войны, въ количествѣ до 600 экземпляровъ, большой коленціи германскаго, австрійскаго, англійскаго и русскаго вооруженія и снаряженія, многочисленныхъ фотографій, газетъ журналовъ, открытокъ и т. п.

Весь собранный материа́ль отправлялся въ г. Полтаву, где жила моя семья, при чёмъ печатная часть материа́ловъ (книги, газеты, журналы, академическая работы и т.п.), были сданы на храненіе въ находившееся въ этомъ же городѣ Виленское военное училище, где я состоялъ до войны преподавателемъ военной исторіи.

ІІ. РЕВОЛЮЦІЯ.

Революція выбила меня изъ намѣченной колпен такъ гладкю шедшаго сбора матеріаловъ; событія шли съ такой молибеносной быстротой и развивались въ такомъ масштабѣ, что далеко опередили всѣ мои скромныя предположенія; къ тому же давало себя знать полное отсутствіе средствъ, — пришлось, буквально, хватать все, что попадалось подъ руку. Спѣшио отправленные мною въ разныя политическія и общественные организаціи многочисленныя письма, съ просьбою о присылкѣ матеріаловъ, или оставались безъ отвѣта или же, какъ потомъ выяснилось, далеко не всѣ высланные ими матеріалы дошли до меня въ виду моей одіозности въ глазахъ комитетовъ и комиссаровъ.

Тѣмъ не менѣе все таки удалось многое достать и изъ этой эпохи, какъ напр., брошюры разныхъ политическихъ партій, революціонные бюллетени, кое какія газеты и т. п.

ІІІ. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА — ДО КУБАНСКАГО ПОХОДА.

Условія гражданской войны конца 1917 и начала 1918 г.г. для сбора матеріаловъ были таковы, что, несмотря, на высокія посты занимаемыя мною въ Донской и Добровольческой Арміяхъ, *) исключали какую бы то ни было возможность планомѣрной работы въ этомъ направлении. Отсутствіе средствъ даже для жизни, многочисленныя сопряженныя съ рискомъ командировкы — часто въ условіяхъ конспиративности, неизвѣстность завтрашняго дня въ связи съ тяжелымъ положеніемъ на фронтахъ, тяжелая оперативная работа, оторванность отъ семьи и, наконецъ, отсутствіе какого бы то ни было хранилища—все это вмѣстѣ взятое въ достаточной степени опредѣляло ту обстановку при которой, конечно, невозможно было и думать о какомъ бы то ни было сборѣ матеріаловъ.

Съ грустью вспоминаю я о той невознаградимой потерѣ, которую понесла Исторія Добровольческой Арміи передъ Ледяннымъ походомъ.

По приказанию генерала Алексѣева я, съ болью въ сердцѣ, руководилъ сниганіемъ всѣхъ дѣлъ и документовъ Политического Отдѣла Добровольческой Арміи, а въ послѣдній день — день ухода арміи изъ Ростова, за отсутствіемъ свободныхъ лицъ (всѣ уходили въ походъ — я же по приказанію ген. Алексѣева остался въ Ростовѣ), я снигаль оперативныхъ и др. дѣла Штаба Добров. Арміи.

Въ огнь погибли: Протоколы засѣданій Политического Совѣщанія Д. А., переписка съ общественными и политическими дѣятелями Москвы, Петрограда Кіева, Полтавы и др. городовъ, проектъ организаціи Союза хлѣборобовъ г. Полтавы, предусматривающей въ деталяхъ раззвѣтвленіе этой организаціи и на всю Україну, переписка генерала Алексѣева съ Карпатороссами и Чехословаками, переписка Вождей Доб. Арміи. съ Донскимъ Атаманомъ, необычайно интересная и поучительная переписка между генералами Алексѣевымъ и Корниловымъ, оперативный дѣла, проекты разворачиванія, снабженія и вооруженія арміи, первоначальныя проекты организаціи центровъ, прокламаціи и листовки, коллекція печатей и различныхъ штамповъ (около 2000) для изготавленія различныхъ документовъ и паспортовъ и много разныхъ другихъ матеріаловъ—лишь, совершиенно случайно, удалось найти впослѣдствіи незначительные обгорѣвшіе остатки этихъ дней.

*) И. д. Начальника В. Политическ. Отд. Добр. Арміи и И. д. Н-ка Полев. Шт. Донск. Арміи.

IV. 1918 Г.

Послѣ возвращенія арміи изъ Кубанского похода и укрепленія политического положенія на Дону, дѣло собиранія матеріаловъ было поставлено на болѣе прочныя основанія, но въ это время я опять понесъ невознаградимую потерю значительной части моихъ матеріаловъ.

Дѣло въ томъ, что въ юлѣ 1918 г. я былъ отправленъ генераломъ Алексѣевымъ въ секретную командировку въ города Харьковъ, Кіевъ и Полтаву. По прибытии въ Полтаву я узналъ, что все сданные мною на храненіе въ Віленское военное училище матеріалы, безвозвратно исчезли съ самимъ училищемъ, — но это еще не все...

Послѣ одной изъ моихъ многочисленныхъ лекцій («Причины разложения Русской Арміи» и др., а также призывовъ поступать въ ряды Добр. Арміи), я былъ внезапно арестованъ нѣмцами и заключенъ въ Полтавскую тюрьму*) где пробыль около мѣсяца, при чёмъ, при обыскахъ были конфискованы всѣ находившіеся въ домѣ матеріалы и, конечно, въ первую очередь документы, оружіе и литература. Хотя ничего компрометирующего для меня въ этихъ матеріалахъ найдено не было и, послѣ мѣсячного заключенія, я былъ выпущенъ на свободу, тѣмъ не менѣе... обратно ничего получить не удалось...

Кромѣ того, въ силу создавшихся для меня опасныхъ условій дальнѣйшаго пребыванія въ Полтавѣ, мнѣ пришлось спѣшно выѣхать, разсортіровавъ часть матеріаловъ по своимъ знакомымъ — конечно, далеко не все впослѣдствіи мнѣ удалось собрать.

V. ВІСТОРІЧЕСКАЯ КОМІССІЯ.

Въ концѣ 1918 года, бывшій Управл. Дѣлами Отд. Иностр. Дѣль Всеv. В. Донского, нынѣ Донской Атаманъ, генералъ А. П. Богаевскій обратился къ Начальнику Штаба Добровольческой Арміи генералу И. П. Романовскому съ предложеніемъ — организовать В. Историческую Комиссію по сбору и храненію памятниковъ борьбы съ большевиками. Генераль И. П. Романовскій къ проекту отнесся вполнѣ сочувственно, средства были отпущены и комиссія съорганизована. Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ полковникъ Колобовъ.

Къ моему удивленію, однажды, ко мнѣ является полковникъ Колобовъ и просятъ на нѣкоторое время моего неофиціального руководства въ этомъ сложномъ и мало знакомомъ ему дѣлѣ, обѣща, въ свою очередь, передавать мнѣ дубликаты всѣхъ поступающихъ къ нему матеріаловъ — конечно, я согласился.

Нѣсколько ранѣе, въ рядѣ газетъ («Россія» и др.) было напечатано мой призывъ о передачѣ мнѣ матеріаловъ по истории Добр. Арміи, а также выпущено и распространено, главнымъ образомъ, среди фронта, нѣсколько тысячъ листовокъ аналогичного содержанія — все это вмѣстѣ взятое имѣло положительные результаты.

VI. ОСВАГЪ.

Съ момента возникновенія «ОСВАГА», въ первые дни организаціи которой и я принималъ нѣкоторое участіе (редакторъ газ. «Военный Листокъ», Военно-политич. обозрѣватель газетъ «Родина», «Донской Вѣстникъ», «Народная Газета» и ряда друг.), дѣло дальнѣйшаго собиранія не представляло уже никакихъ затруднений, благодаря сочувствію и широкой моральной поддержкѣ со

*) По обвиненію въ агитациіи въ пользу Добровольч. и Союзныхъ Армій.

стороны лицъ, стоящихъ во главѣ этого учреждения (Н. Е. Парамоновъ, С. Г. Сватиновъ и Ф. Г. Крюковъ).

Въ періодъ реорганизаціи «ОСВАГА» и назначенія во главѣ Управлениія новыхъ лицъ, въ дѣлѣ произошла пѣкоторая временная замѣнка, но когда Управл. Освагомъ Проф. К. И. Соколовъ и его помощникъ генер. шт. полк. Б. А. Энгельгардтъ ознакомились съ характеромъ моихъ работъ въ этомъ направлениі, то оказали также широкое содѣйствіе моему дѣлу и съ этого времени въ музей стали автоматически поступать дубликаты матеріаловъ «ОСВАГА».

Независимо содѣйствія оказываемаго центральнымъ учрежденіемъ «Освага», я, во время своихъ поѣздокъ въ качествѣ журналиста, всегда видѣть полную готовность оказать миѣ помощь и со стороны филіаловъ названнаго учрежденія — этимъ и объясняется находеніе у меня почти всѣхъ фотографическихъ снимковъ изъ жизни Добр. Арміи, а также большинства плакатовъ и эскизовъ, какъ въ оригиналахъ, такъ и въ копіяхъ.

Въ то же время сыграли огромную роль разосланнныя мною письма и листовки съ просьбой о присыпкѣ матеріаловъ: различные матеріалы съ фронта — отъ офицеровъ, а также изъ разныхъ городовъ — отъ разныхъ незнакомыхъ, но заявившихъ меня по печати лицъ, стали поступать періодически.

VII. НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА ПРОПАГАНДЫ ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

Лѣтомъ 1919 года, послѣ переговоровъ съ предсѣдателемъ В. Исторической выставки, я обратился къ находившемуся въ то время въ Ростовѣ Предсѣдателю Особаго Совѣтѣанія генер. Лукомскому съ слѣдующими предложеніемъ: такъ какъ къ этому времени разнообразныхъ матеріаловъ по истории Добровольческой Арміи скопилось огромное количество, то, въ цѣляхъ практическаго использованія ихъ, я предложилъ организацію и отправку за-границу трехъ выставокъ (Римъ, Берлинъ и Парижъ), съ цѣлью нагляднаго ознакомленія всѣхъ странъ съ истиннымъ положеніемъ вещей, популяризаціи идей Добровольческой Арміи, борьбы съ соѣтской пропагандой и т. д.

Принявъ мой планъ въ цѣломъ, и удивившись незначительной смѣтѣ расходовъ, генер. Лукомскій предложилъ мнѣ явиться черезъ три дня за полученіемъ инструкций и необходимыхъ суммъ.

Казалось, что истинная цѣль сбора матеріаловъ находится на порогѣ къ ея осуществленію,—но это только казалось, ибо когда я, согласно приказанію, явился черезъ три дня, то оказалось, что генер. Лукомскій абсолютно ничего, ни единаго слова не помнить изъ моего доклада и...даже сомнѣвается быть ли такой докладъ вообще...

Съ мыслюю о цѣлесообразномъ использованіи матеріаловъ пришлое временно разстаться и вновь заняться пополненіемъ ихъ.

VIII. ХАРЬКОВЪ-РОСТОВЪ-НОВОРОССІЙСКЪ.

Если бы въ дни предшествующіе эвакуаціи Харькова, Ростова, Екатеринослава, Новороссійска, и др. городовъ, кто нибудь вздумалъ заняться собраніемъ всего того матеріала, который уничтожался, или запросто, какъ ненужный хламъ, выбрасывался на улицы изъ различныхъ учрежденій Добр. Арм., то, вѣроятно были бы собраны огромные архивы — къ сожалѣнію до подобной организаціи въ то время никто не додумался, и не до этого впрочемъ было — каждый спасаль болѣе цѣнное: свою жизнь; одиночными же начинаніямъ массовый сборъ, конечно быть не подъ силу — тѣмъ не менѣе большое количество матеріаловъ было собрано мною именемъ но тогда, въ дни эвакуаціи: и въ стѣнахъ опустѣвшихъ домовъ, и на улицахъ, и на вокзалахъ и, даже, вдоль пути слѣдованія поѣздовъ (Батайскъ, Екатеринославъ, Новороссійскъ).

XI. НА БЕРЕГАХЪ БОСФОРА.

Къ началу эвакуаціи, разлічныхъ матеріаловъ было мною собрано около 30 пудовъ; оставалось только разрѣшить вопросъ о возможности перевозки за границу; съ помощью англичанъ это не представило никакихъ затрудненій и къ 1 марта матеріалы были погружены на парохъ. «Брюгънъ» а 5-го выгруженъ на берегахъ о-ва Антигони; при выгрузкѣ произошелъ непріятный инцидентъ, благодаря которому я чуть не лишился весьма цѣнной части моего груза: тюкъ съ плакатами сорвался съ подъемнаго крана, упалъ въ море и едва незатонулъ; только благодаря энергичнымъ мѣрамъ администраціи парохода и матросамъ онъ былъ своевременно извлечень изъ воды... правда въ сильно подмокнувшемъ видѣ.

Х. ВЫСТАВКА ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

А) Характерная воспоминанія.

20 мая, послѣ упорныхъ и тяжелыхъ хлопотъ была наконецъ мною открыта въ залахъ «NEW SPORTING CLUB» первая выставка подъ названиемъ: «La lutte contre le Bolchevisme en Russie».

Такъ какъ борьба съ большевиками еще продолжалась, то и выставка носила ярко-антибольшевистскій характеръ. Цѣль ея была привлечение симпатій въ дѣлъ продолжающейся борьбы на сторону Добровольческой Арміи и создание такого могучаго органа пропаганды, который будучи сосредоточенъ въ частныхъ рукахъ, и отвѣчая условіямъ современности, могъ явится болѣе гибкимъ и болѣе подвижнымъ чѣмъ «быдленная казенница» съ ея многочисленнымъ штатомъ, съ ея колоссальными тратами и минимальной продуктивностью.

Дѣйствительно, открытая въ трехъ залахъ клуба выставка сразу привлекла общее вниманіе не только друзей и враговъ Добровольческой Арміи, но и широкихъ слоевъ тѣхъ элементовъ, которые населяли Константинополь—это было тѣмъ болѣе легко, что объясняется на выставкѣ давались на двѣнадцати языкахъ.

Интересно, въ области характерныхъ воспоминаній, отмѣтить рядъ инцидентовъ.

Въ первые дни открытія выставки ко мнѣ явились нѣсколько евреевъ и, заявивъ о своей солидарности въ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ — просили лишь о снятіи «антисемитскихъ» плакатовъ работы «Освага»; такъ какъ въ дѣйствительности ничего антисемитскаго въ этихъ плакатахъ не было, а были лишь шаржи и каррикатуры на отдѣльныхъ совѣтскихъ дѣятелей, то я отказался отъ снятія этихъ плакатовъ, мотивируя еще и тѣмъ — что удовлетворивъ ихъ просьбу, я, въ силу справедливости, долженъ буду удовлетворить и другія.

И дѣйствительно,—чуть ли не на другой день, группа посѣтителей праваго толка обратилась ко мнѣ съ просьбой—изять изъ числа экспонатовъ выставки политическую программу генер. Корнилова, являющуюся по ихъ мнѣнію слишкомъ одностороннимъ показателемъ политическихъ взглядовъ генер. Корнилова — «программа республиканская и является несомнѣнной уступкой со стороны ген. Корнилова духу времени, такъ какъ вѣдь известно, что генераль Корниловъ былъ монархистъ». Само собой разумѣется, что программа не была снята.

Не обошлось, конечно, безъ скандаловъ; я уже не говорю о дикихъ непристойныхъ выходкахъ со стороны распропагандированныхъ нашихъ военно-плѣнныхъ, обращавшихся каждый разъ въ паническое бѣгство только лишь при одной попыткѣ пригласить полисмена, — вспоминается скандалъ устроенный небезызвѣстной гр. В. Б.—по поводу фотографическихъ снимковъ съ жертвъ чрезвычайки.

Почтеннная графиня возбужденно-повышеннымъ голосомъ начала доказывать, что наоборотъ это все жертвы Добр. Арміи и что она вообще протестуетъ

противъ общаго характера выставки... — протестъ графини бытъ принять къ свѣдѣнію...

Другой инцидентъ носилъ по-истинѣ курьезный характеръ: супруга одного извѣстнаго генерала партизана заявила рѣшительный протестъ, противъ того, что на выставкѣ портретъ ея мужа имѣется не только въ очень уменьшеномъ видѣ, но и повышенъ значительно ниже Деникина и Брангеля, тогда какъ, по справедливости, «онъ долженъ висѣть значительно выше ихъ»; — и этотъ протестъ также былъ принятъ къ свѣдѣнію...

Были случаи упрековъ въ «большевизмѣ» — чому основаниемъ послужили снимки изъ совѣтской жизни, портреты совѣтскихъ вождей и совѣтскія изданія...

Но были случаи и другого отношенія къ моему дѣлу со стороны той или иной части русской эмиграціи, а также и иностранцевъ: многочисленны случаи безкорыстныхъ услугъ, отдѣльные предложенія материальной помощи дѣлу (неизмѣнно мною отклоняемы) и, наконецъ, предложения помощи деньгами или вещами для нуждъ и распределенія, черезъ посредство моего музея, среди бѣднѣшей части русской эмиграціи — всегда съ благодарностью мною принимаемы.

Б) Посѣщаемость выставки.

Посѣщаемость выставки въ Константинополѣ легла главнымъ образомъ за счетъ иностранцевъ; уже въ день вернисажа выставку посѣтили высшіе турецкіе сановники, а также многие изъ иностранныхъ военныхъ и дипломатическихъ представителей съ болѣшимъ интересомъ изучавшіе материалы музея.

Въ дальнѣйшемъ, въ залахъ клуба неизмѣнно можно было видѣть толпящихся французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, греческихъ офицеровъ, солдатъ и матросовъ, туристовъ, учащихся и т. п.

В) Противодѣйствіе большевиковъ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ выставки явился отвѣтъ большевиковъ, организовавшихъ рядомъ съ помѣщеніемъ выставки въ кинематографѣ «руссіе сеансы», на которыхъ демонстрировались фильмы съ участіемъ Распутина, Мясѣцова и которые бросали тѣнь, какъ на Царскую Семью такъ и на русское общество. Хотя цензурой союзного командования фильма была значителью урѣзана, но къ обращенію все таки допущена и — сдѣлала свое дѣло: жаждая ко всему сенсаціонному публика толпами ждала очереди попасть на этотъ сеансъ.

Необходимо было принять соответствующія мѣры для парализованія этого выпада — и средства для этого нашлись: фильмъ у меня было достаточно, разрѣшеніе на демонстрированіе ихъ отъ союзной цензуры было мною, хотя и съ трудомъ, но получено — остановка была лишь за аппаратомъ стоявшимъ, какъ извѣстно, большія деньги и не могущимъ быть приобрѣтенымъ мною за недостаткомъ средствъ.

Какъ разъ, въ это время, въ Крымъ отправлялось имущество Освага, среди которого было десять кинематографическихъ аппаратовъ. Несмотря на просьбы о передачѣ мнѣ во временное пользованіе одного изъ аппаратовъ въ цѣляхъ борьбы съ большевистскимъ кинематографомъ — военнымъ представителемъ генераломъ Бранделя было мнѣ въ этомъ отказано: аппараты были отправлены въ Крымъ, гдѣ и, какъ полагается, пропали; — большевики же продолжали безнаказанно «крутить» свою фильмъ, — русское дѣло, конечно отъ этого не выиграло...

Г. Ближайшіе результаты выставки.

Однимъ изъ осязательныхъ результатовъ открытия въ Константинополѣ выставки, явились приглашенія послѣдовавшія сразу съ трехъ сторонъ: 1) Франціи, 2) Польши и 3) Сербіи.

Для дѣла больше всего, конечно, улыбалась поѣздка во Францію — центръ симпатій Добровольч. Армії. Нужно было эти симпатіи подогрѣть, наглядно освѣтить французскому народу и истинный смыслъ борьбы и природу обѣихъ борющіхся сторонъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что къ этому времени никакого нагляднаго органа пропаганды за границей, собственно говоря, не было; «то», — что было создано при Главнокомандующемъ, тѣснилось на Крымскомъ пятачкѣ точно такъ же, какъ въ свое время пресловутый «Освагъ» тѣснился въ Ростовѣ. Кроме моего музея не было другого подобного учрежденія обладающаго къ тому же гибкостью, подвижностью и разнообразіемъ матеріаловъ, допускавшемъ въ полной мѣрѣ освѣщеніе происходившихъ событій.

Съ этой точки зреінія, казалось, я долженъ былъ получить всемѣрную поддержку, но, опять такъ — это только казалось. Когда я, въ цѣляхъ выполненія формальностей французского представительства, обратился съ ходатайствомъ къ Военному представителю въ Константинополь о выдачѣ мнѣ: удостовѣренія о моей личности, о моей прежней службѣ въ рядахъ Добр. Арміи, о характерѣ моего музея, о политической благонадежности и т.п. — генер. Лукомскій на каждому прослѣбѣ изложенію въ моею рапортѣ, по каждому пункту отвѣтилъ однімъ словомъ: «нѣтъ».

Съ такимъ непониманіемъ обстановки я, конечно, примириться не могъ и обратился съ аналогичнымъ рапортомъ по имя Главнокомандующаго; къ моему удивленію, а также удивленію значительной части эмигрантовъ отъ И-ча Шт. Главн-го былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ: «... по имѣющимъся въ Ставкѣ свѣдѣніямъ Вы отбыли за-границу, какъ частное лицо, почему поданный Вами рапортъ, а равно и ваша дѣятельность могутъ разматриваться только какъ дѣятельность частнаго лица, не имѣющаго никакихъ заданій официального характера»... и это все.

Я понимаю изумленіе генерала Фулона и Верх. Комис. Г. Вольте — разведеніемъ руками въ недоумѣніи — когда я показать имъ эту «бумажку»...

Такъ какъ вѣдь во Францію безъ соблюденія этихъ формальностей и при наличии подобнаго опаснаго груза — какъ матеріал пропаганды, былъ въ то время крайне затруднителенъ, а въ Ставкѣ очевидно не вполнѣ себѣ уяснили сущность и преимущества пропаганды за-границей — пришлося отъ поѣздки Францію отказаться.

Что касается поѣздки въ Польшу, то послѣдняя въ виду сложной политической обстановки того времени могла и вообще не улыбалась и я, принявъ братское предложеніе сербовъ, въ концѣ 1920 г. перебросился съ музеемъ въ Югославію.

XI. ВЫСТАВКИ ВЪ ЮГОСЛАВІІ.

А. Реорганизація музея.

Въ періодъ 1921 года, музей объѣхалъ почти всѣ крупные города нынѣшняго Королевства С.Х.С. всюду вызвавъ всеобщій интересъ къ событіямъ происходившимъ въ братской Россіи.

Къ этому времени, учитывая опыты Константинополя и острововъ, музей былъ реорганизованъ на ново: былъ добавленъ большевистскій отдѣлъ, жизнь эмигрантовъ, финансовый, анархізмъ и др. — такимъ образомъ, отбросивъ пропагандистскій характеръ, музей выился въ чисто историческій и принялъ название «Современныхъ Событій въ Россіи».

Б. Посещаемость музея.

Посетителями музея, главнымъ образомъ, явились учащіе и военные, живо интересовавшіеся событиями въ родной имъ Россіи. Вообще же отношение всего общества, прессы и населения было на рѣдкость внимательное и предупредительное.

Характерный и тяжелый случай произошелъ въ Бѣлградѣ 15 апрѣля 1921 г. когда въ присутствіи корреспондента сербской газеты «Трибуна» одна изъ русскихъ посѣтительницъ, среди жертвъ чрезвычайки, узнала своего мужа о которомъ долгое время не имѣла никакихъ извѣстий...

Другой интересный случай произошелъ въ Бѣлградѣ, послѣ закрытия выставки: въ 10 ч. в., когда притускльмъ свѣтъ свѣчей, материалы снимались и укладывались, явилась только что прибывшая изъ Россіи группа бывшихъ пленныхъ сербскихъ офицеровъ и убѣдительно просили позволить имъ осмотрѣть музей, хотя бы въ его разобраннымъ видѣ — всю ночь просидѣли мы на ящикахъ, за стаканами холоднаго чаю, ведя бесѣду и разматривая материалы...

В. Дѣятельность коммунистической партии.

Конечно и въ Сербіи коммунисты не оставили безъ вниманія мой музей — сейчасъ вспоминаются слѣдующіе эпизоды.

Въ Бѣлградѣ при постановкѣ фильма «Голгофа русской женщины» и «Кievская чрезвычайка», на второй день демонстраціи фильма была устроена химическая обструкція двумя коммунистами.

Нѣсколько позднѣе, открывшуюся выставку посѣтили извѣстные сербскіе коммунисты Филиппъ Филиповичъ и Триша Кацлеровичъ, — послѣдний съ нѣсколькими спутниками внимательно, около двухъ часовъ, изучалъ экспонаты выставки, интересуясь вопросомъ — кто субсидируетъ это предпріятіе и не вѣря, что такое количество материаловъ является частной собственностью и ведется на скромныя средства получаемыя отъ эксплоатации выставки.

Въ Новомъ Саду коммунисты ограничились разбрасываніемъ прокламацій о появленіи русской «контрь-революції»...

Нѣсколько иное и болѣе интересное положеніе дѣль было въ Загребѣ; уже въ первый день открытія выставки явились коммунисты въ числѣ 15 человѣкъ и, затѣмъ, въ продолженіе всего периода функционированія выставки явились одни и тѣ же лица, зачастую два и три раза въ день, — приводя съ собою все новые и новые посѣтителей; всѣ они, какъ потомъ оказалось, приходили по назначению комитета; никогднто былъ и самъ предсѣдатель Центр. Юго-Слав. комитета.

Цѣль посѣщенія — срывать даваемыя персоналомъ выставки объясненія путемъ вмѣщательства и диспутированія и, пропаганда у входа — въ цѣляхъ отговариванія посѣтителей отъ посѣщенія выставки.

Нѣ было никакихъ сомнѣй въ самой тѣсной связи Загребскаго комитета съ вѣнѣніемъ коммунистическимъ міромъ, такъ напр., выставку посѣтилъ прослѣдовавший въ Новый Садъ изъ Царичанска, одинъ видный русскій коммунистъ «коммерсанты» — какъ сначала отъ себя отрекомендовалъ.

Другой разъ на выставку явились нарядно одѣтая пара, въ сопровожденіи свиты изъ молодыхъ людей; «парочка» внимательно осмотрѣла всѣ экспонаты музея, а затѣмъ дама покорола переговорить наединѣ съ моей женой. Убѣдившись, что онѣ однѣ, дама начала горячо доказывать всю бесплодность моего предпріятія бѣдность его организаціи и бесполезность борьбы съ большевиками — противупоставляя ему въ этой плоскости огромные масштабы большевиковъ и неисчерпаемость ихъ средствъ: «я отъ Васъ не скрою» — говорила дама — «и это доказываетъ только, что мы настолько сплочены, что можемъ иногда позволить себѣ сътирковеніи».

чать: я ўду съ мужемъ въ Америку для организаціонныхъ цѣлей и знаете ли— сколько намъ отпущенено для этого? Дама остановилась, какъ бы предвкушая сладость отъ изумленія собесѣдницы: «м и л л і о н ь» — нараспѣль проговорила она и затѣмъ добавила «ну можете ли Вы бороться съ нами?»

Въ общемъ—поведение Загребскихъ коммунистовъ, если не считать одногодвухъ случаевъ, было вполнѣ корректное — это объясняется отчасти ихъ интеллигентностью, отчасти тѣмъ, что среди нихъ было нѣсколько бывшихъ участниковъ бѣлыхъ армий.

Интересное мнѣніе коммунистической партіи высказать одинъ изъ ея представителей (бывшій добровольческій офицеръ) въ день закрытія выставки: «по существу противъ всего, что у Васъ здѣсь показано, мы можемъ возражать и спорить безъ конца, но противъ трехъ изъ Вашихъ отдѣловъ нельзѧ возразить ни слова: экономического, финансового и эмигрантскаго; я былъ недавно въ Москвѣ и, по справедливости, могу сказать, что наши до этого еще не додумались».

Характерно, что всѣ приходившіе на выставку коммунисты держали себя вполнѣ свободно, и открыто высказывали свои мнѣнія, не стыдясь нападками на своихъ же сторонниковъ и снабжая нѣкоторыхъ изъ нихъ довольно нелестными эпитетами вродѣ: бандитъ! разбойникъ! и т. п. Одна и та же сцена повторялась ежедневно: приходя на выставку большинство вѣжливо, по военному представлялись мнѣ, а нѣкоторые добавляли: «на дежурство отъ Ц. К. присланъ».

По просьбѣ делегатовъ населенія Загреба, Банъ Хорватскій разрѣшилъ продолжить выставку въ виду вызываемаго ею общаго культурнаго интереса.

XII. 1921-1922 г.р.

Выставка въ Загребѣ являлась постѣдней въ маршрутѣ по Югославіи. Конецъ 1921 и 1922 г.г. были посвящены отдѣльнымъ киносеансамъ въ воинскихъ частяхъ, а также веденію переговоровъ по переброскѣ музея въ Италию, Венгрію и Америку. До окончанія переговоровъ, мнѣ пришлось временно занять скромную должность референта русской печати, сначала въ кабинетѣ Предсѣдателя Совѣта министровъ г. Пашича, а затѣмъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

Между тѣмъ, политическая событий въ Италии и ея отношенія къ Югославіи приняли настолько острый характеръ, что въ концѣ концовъ выяснилось абсолютная невозможность поѣздки съ музеемъ въ эту страну: правильность этого рѣшенія вскорѣ подтвердилаась: при демонстрированіи въ Римѣ одной изъ отправленныхъ мною фильмъ, произошла кровавая схватка между фашистами и соціалистами съ жертвами съ обѣихъ сторонъ.

Не въ лучшемъ состояніи находились переговоры и о поѣздкѣ въ Венгрію, и, когда вопросъ о поѣздкѣ былъ уже почти рѣшенъ, выяснилось, что предсѣдатель венгерской организаціи, устраивавшей эту поѣздку... растратилъ порученныя ему суммы.

XIII. ПОѢЗДКА ВЪ АМЕРИКУ.

Въ концѣ 1922 года были заключены переговоры съ представителями одной изъ Американскихъ организацій и въ февралѣ 1923 г. я съ музеемъ выѣхалъ въ Америку.

Характерно отмѣтить одно обстоятельство — многочисленныя письма отправленные мною русскимъ общественнымъ и политическимъ дѣятелямъ обѣ оказаний мнѣ посильнаго содѣйствія въ смыслѣ ориентировочныхъ указаний, совѣтовъ, рекомендательныхъ писемъ и т. п. ... или остались безъ отвѣта, или же полученные отвѣты носили весьма уклончивый характеръ.

Впослѣдствіи, уже будучи въ Америкѣ, я не разъ вспоминалъ обѣ этомъ стран-

номъ и непонятномъ явленіи,—когда при переѣздѣ изъ города въ городъ мылье американцы снабжали меня массою рекомендательныхъ писемъ, указаніями, советами и т. п.

За то мой призывъ къ эмигрантскимъ массамъ въ Европѣ о пожертвованіи въ музей историческихъ матеріаловъ—встрѣтилъ среди нихъ самый живѣйшій откликъ и, въ короткое время, мой музей пополнился многими цѣнными историческими предметами.

Какъ и слѣдовало ожидать, предстоящая поѣзда не была упущена большевиками безъ вниманія: появился рядъ статей въ «Наканунѣ», «Ізвѣстіяхъ» и др. газетахъ.

XIV. ВЪ АМЕРИКѢ.

А. Русские въ Америкѣ.

Въ Америкѣ ожидало меня тяжелое разочарованіе: организація выписавшая меня внезапно обанкротилась и спѣшно ликвидировала свои дѣла — при этихъ обстоятельствахъ нечего было думать объ организаціи какихъ-бы то ни было выставокъ: я былъ предоставленъ самому себѣ. Въ чужой странѣ, безъ языка, безъ денегъ съ огромнымъ матеріаломъ на рукахъ, я очутился въ критическомъ положеніи; но такъ какъ «нѣтъ такого положенія изъ котораго нельзѧ было бы выйти съ честью», то я рѣшилъ: если нельзѧ было использовать музей въ его цѣломъ видѣ — использовать его по частямъ, сдѣлавъ попытку обратиться за моральными содѣствіемъ ко многимъ вліятельнымъ русскимъ людямъ живущимъ въ Америкѣ. Результаты получились слѣдующіе: въ одномъ случаѣ просили за помощь «процентики», въ другомъ—сіятельный и пользующійся, благодаря своей женѣ, большими вліяніемъ, князь, отвѣтилъ: «на счетъ политики или противодѣйствія активнаго противъ большевиковъ она никогда этимъ дѣлому не занималась и въ будущемъ не предполагаетъ это дѣлать», въ третьемъ, извѣстный русский академикъ отказался отъ содѣствія подъ предлогомъ «большого количества радикаловъ и травли всего, что хоть сколько нибудь напоминаетъ пропаганду, хотя бы и здоровую»... и т. д.—такимъ образомъ на помошь русскихъ людей въ русскомъ дѣлѣ, по обыкновенію, расчитывать было нечего, пришлось изворачиваться самому.

Б. Въ Колорадо и Калифорніи.

Крупную помошь дѣлу оказала личный другъ бывшаго президента Рузельята, — русскій выходецъ д-ръ С. С. Юнгъ, прожившій въ Америкѣ болѣе 20 лѣтъ, любящій Россію, написавшій по русскимъ вопросамъ нѣсколько книгъ и 22 раза переплывшій океантъ, что онъ всегда съ гордостью подчеркивалъ. Съ нимъ я объѣхалъ всѣ крупные города штата Колорадо, и нѣкоторые изъ городовъ штата Калифорніи, читая лекціи, организуя кино-сеансы и маленькие выставки.

Онъ же всегда съ неизмѣнной готовностью приходилъ на помошь вся кому добромъ русскому дѣлу и русскимъ людямъ; благодаря его связямъ и вліянію удалось отстоять русскую православную церковь въ Денверѣ отъ притязаній Недровскаго, благодаря ему голодавшій въ Мексикѣ оркестръ изъ двадцати шести русскихъ офицеровъ получилъ разрѣщеніе на вѣзду въ Америку и т. д.

Въ ноябрѣ мѣсяца я, распрошавшись съ мылью д-мъ Юнгомъ, выѣхъ въ Чикаго.

В. Въ Чикаго и др. гор.

Почти весь 1924 годъ, пришлось работать въ условіяхъ подготовки къ будущему открытию музея въ цѣломъ. Съ этой цѣлью пришлось организовать рядъ лекцій, кино-сеансовъ, небольшихъ выставокъ, собѣдованій и т. п. не только въ штатѣ Иллинойсъ, но и въ близѣ лежащихъ штатахъ Висконсинъ и Индіана.

Отношение населения было различное: американцы выслушивали съ величайшимъ интересомъ, ибо многое раньше было для нихъ непонятно или же представлено въ умышленно извращенномъ видѣ — здѣсь же они знакомились по первоисточникамъ. Какъ дѣловъя народъ, они обращали вниманіе на дѣловую сторону и внимательно изучали экономическая диаграммы и финансовый отдѣль. Любители кинематографа — они не пропускали ни одного сеанса. Но были и курьезы, такъ напр., въ одномъ изъ крупныхъ городовъ предсѣдательница «Дома Искусствъ» очень просила меня, при открытии выставки, выступить въ полной парадной формѣ, пропеть несколько русскихъ пѣсень и протанцевать «камаринской» и серьезно была огорчена когда я отказался...

Колонисты — сербы, чехословаки и, особенно, русскіе пѣмцы всегда показывали такой интерес и такую любовь, что постѣ каждой бѣсѣды съ ними, я испытывалъ огромное моральное удовлетвореніе. Какъ примѣръ приведу: въ одномъ городѣ прихожане одной изъ немецкихъ церквей выразили желаніе что бы на слѣдующий день, въ воскресеніе, во время литургіи, — «Отче Нашъ» — было исполнено по русски. Пришлося цѣлый вечеръ посыпать на обученіе пѣнію жены пастора, ея двухъ дочерей, незнавшихъ по-руссски ни слова и, на слѣдующій день стѣны, церкви впервые, услышали русскій церковный мотивъ «Отче Нашъ», подъ аккомпанементомъ... рояля и одной американской гармони.

Что касается русскихъ то какъ и вездѣ, они раздѣлены на три рѣзкихъ лагеря: большевиковъ, антибольшевиковъ и нейтральныхъ и, въ зависимости отъ этихъ группировокъ, и отношение было различное: рѣзко-оппозиціонное, сочувственное или индифферентное. Тѣмъ не менѣе о музѣѣ писали въ мѣстныхъ прогрессивныхъ газетахъ что «Это не музей — училище».

Въ этомъ же году мною былъ полученъ рядъ приглашеній въ большиѣ американскіе клубы, какъ напр., Press Club, Union League Club и др. Тотъ интересъ къ лекціямъ, фильмамъ и продемонстрированнымъ мною экспонатамъ, какой наблюдалъ среди присутствующихъ, надолго останется у меня въ памяти. «Засорокъ лѣтъ существования Press Club-а мы слышали самую интересную лекцію» пишетъ президентъ этого клуба въ письмѣ на мое имя.

Повидимому, въ Вашингтонѣ съ вниманіемъ сѣдили за моей дѣятельностью, ибо мною были получены двѣ телеграммы отъ Стейтъ-Секретаря Хьюза, съ просьбой описать сущность имѣющихся у меня материаловъ, что и было мною исполнено.

Въ 1925 году мною была организована въ залахъ Чикаговскаго Arts Club-а выставка национальныхъ, антибольшевистскихъ, большевистскихъ, сербскихъ и др. плакатовъ, прошедшая съ большимъ успѣхомъ въ результате чего мною былъ полученъ рядъ приглашеній, — между прочимъ и въ далекій Тексасъ.

Въ томъ же году литовская соц.-дем. газета «Naujienos», ознакомившись съ материалами музея, организовала въ Чикаго открытие въ его цѣломъ видѣ въ течение двухъ недѣль, при чёмъ, кромѣ обычныхъ посетителей, выставка обильно посещалась и туристами.

Конецъ года мною былъ посвященъ организациіи ряда небольшихъ выставокъ: картинъ, русскихъ революціонныхъ денегъ, плакатовъ и т. п. а также устройству кинематографическихъ сеансовъ, послѣ чего я временно выѣхалъ для отдыха въ Европу.

Интересно привести нѣкоторыи цифровыя и др. данные о дѣятельности музея.

Музей насчитываетъ 10.000 экспонатовъ и 18.000 футъ фильма и состоить изъ 21 отдѣловъ: 1.)Старая Россія, 2)Россія и Мировая война. 3)Революція въ тылу, 4)Революція на фронѣ, 5)Большевизмъ, 6)Антибольшевизмъ, 7)Казачество, 9)Бѣлые Арміи, 9)Голодъ въ Россіи, 10)Жизнь русскихъ эмигрантовъ, 11)Большевизмъ въ другихъ странахъ, 12)Карикатуры, 13)Диаграммы, 14)Карты и схемы, 15)Финансовый, 16)Документально-литературный, 17)Анархизмъ въ Россіи, 18)Кинематографический, 19)Современная Россія, 20)Секретный и 21)Архивъ.

Библиотека музея насчитывает до 2.000 названий преимущественно периода гражданской войны.

За время существования музея было организовано 385 лекций, 85 кинематографических сеансов и 45 выставок.

Музеем выпущены следующая издания:

въ 1918 г. 5.000 листовокъ съ призывомъ передать материалы въ музей,

въ 1920 г. а) Краткий каталогъ музея «Борьба съ большевизмомъ въ России».

в) Programme de l'Exposition «La lutte contre le bolchevisme en Russie». (На правахъ рукописи).

въ 1921 г. Причины за разложение арміи (переведено на немецкий яз.).

въ 1922. 5.000 либретто фильмы «Голгофа Русской Женщины».

въ 1925. Каталогъ «The Museum Contemporany Events in Russia».

въ 1926. «Бѣлый Архивъ» кн. 1-я

Готовится къ печати:

въ 1926 «Бѣлый Архивъ» книги 2-я, и 3-я и т.д.

Музей среди немногочисленныхъ подобного рода организаций является старейшимъ и обладает многими первоисточниками, которыхъ нетъ ни въ одномъ изъ учрежденій подобного рода.

И, наконецъ, музей существует исключительно на собственные средства и не получает никакихъ субсидий и вслѣдствіе этого совершенно независимъ.

Въ периодъ 1920-1923 г.г., для печатанія материаловъ музея были предложены страницы: Общаго Дѣла, Архива Русской Революціи и Лѣтописи революціи.

Я. М. ЛІССОВОЙ.

О Т З Ы В Ы

газетъ и журналовъ о «Музеѣ Современныхъ Событій въ Россіи»

...Музей въ частныхъ рукахъ — роскошь, которая не всегда и не для всѣхъ осуществляется даже въ нормальныхъ условіяхъ. Тѣль большой интересъ въ этомъ отношении представляютъ труды полк. Я. М. Лисового, создавшаго въ тяжелые дни эмигрантскихъ скитаний первый музей «Современныхъ Событій въ Россіи»...

(Новое Время 1-21-23 № 522)

...Выставка Россіи, ея могущественныхъ страданій, ея исторіи за послѣдніе три года — такая выставка собрана трудами полк. Лисового... и еще хороша коллекція денежныхъ знаковъ... много брошюръ, снимковъ, рисунковъ, все что уцѣлѣло, что донесли до Бѣлграда. Безъ сомнѣнія, со временемъ выставка еще пополнится, но и теперь она весьма поучительна для насъ, русскихъ, и для невѣроюющихъ иностранцевъ.

(Новое Время 4-23-21 № 2)

...Въ числѣ оригинальныхъ русскихъ предпріятій заграницей, нужно отмѣтить коллекцію разнообразныхъ материаловъ, принадлежащихъ воен. публиц. генеральны. штаба полковнику Я. М. Лисовому; материалы составляютъ частный музей по исторіи революціи въ Россіи вообще и гражданской войны въ частности и демонстрируются имъ въ видѣ передвижной выставки...

Извлѣясь результатомъ частной ініциативы и не имѣя никакихъ пропагандистскихъ заданій, выставка-музей ставитъ себѣ задачей въ предѣлахъ возможнаго ознакомить зрителя съ происшедшими въ Россіи событиями съ начала революціи и по настоящее время.

(Новая Русская Книга, Іюль 1922 г. № 7)

Исключительная Русская Выставка.

Въ Америку недавно прибыла исключительная по своему интересу русская выставка, иллюстрирующая ходъ русской революціи, большевизма и гражданской войны. Инициаторомъ и владельцемъ этой выставки является полк. Я. М. Лисовой, посвятившій этому дѣлу всѣ свои послѣдніе годы жизни, начиная съ германской войны...

Выставка составлена вполнѣ беспристрастно и можетъ быть названа не большевистской и не антибольшевистской, а лишь чисто исторической.

(Новое Русское Слово, Нью-Йоркъ, 4-25-23, № 3742)

...Въ среду 13 мая въ Гулл-Гаузѣ открылась выставка материаловъ полк. Лисового — впечатлѣніе колоссальное. Характерно отмѣтить, что еще во время работы по организаціи, масса публики являлась для осмотра этой замѣчательной коллекціи...

...Всѣ американскіе газеты дали прекрасные отзывы о ней, а нѣкоторые даже рекомендуютъ студентамъ изучать по материаламъ выставки эпоху гражданской войны въ Россіи...

(Русский Вѣстникъ 4-30-25 № № 102, 117)

...Одна изъ крупнѣйшихъ коллекціальныхъ газетъ — литовская, предложила специальнно избранному комитету, въ составѣ 3 членовъ, изученіе материаловъ музея полк. Я. М. Лисового, съ цѣлью организаціи выставки.

Въ протоколъ комитета читаемъ:

1. Самая крупная коллекция изъ всѣхъ существующихъ по исторіи русскаго движения послѣднихъ лѣтъ.
  2. Материалы настолько велики и разнообразны, что представляютъ необыкновенный интересъ не только для русскихъ, но и для всякаго иностранца.
  3. Материалы носятъ строго научный и вполнѣ беспристрастный характеръ.
  4. Всѣ материалы отвѣчаютъ вопросамъ современности.
- На основаніи изложенного газета «Naujienos» рѣшила:
- A. Немедленно приступить къ организаціи выставки «Современныхъ Событий въ Россіи», которую открыть въ кратчайший срокъ.
  - B. Немедленно приступить къ печатанію каталога.

(Русскій Вѣстникъ 5-5-25 № 106)

...Въ свое время печать отмѣтила значеніе этого первого по организаціи заграницей и единственнаго въ своемъ родѣ музея «Современныхъ Событий въ Россіи». Замѣтимъ еще, что несмотря на тяжелыя условія существованія, музей продолжалъ развиваться и къ существующимъ добавлены еще новые отдѣлы...

(Русское Дѣло, 12-28-25, № 256)

За онога који не зна и не појма: шта је то большевизам, неопходно је потребно да посети изложбу савремене Русије...

Организатор изложбе је цуковник Лисовoj. Он је ван сваке сумње уложио много труда да изведе овај интересантан и којрисан посао...

(Епоха, 4-21-21, № 695)

...Изложба је по својој занимљивости заслужује од првог момента велико интересованье и обилну посету нашег гражданства...

(Политика, Балкан 4-15-21)

Данас је отворена прва покретна историјско-књижевна уметничка изложба савремених догаджака у Русији, којој припада иницијатива да у широким размерима упозна Европу са догаджацијама који се пуне три године одигравају на једном делу Велике Русије на југоистоку...

...Не би требало ни један наш грађанин да пропусти ову прилику а да не посети изложбу на којој се на бОльше у слици и слову могу све грозоте большевизма видети...

...Оставимо за дан за два све забаве, па похита мо сви да видимо сву грозоту која је нашу одвајка да мајку заштитницу задесила.

(Застава, 5-15-21, № 108)

...Среди общей апатии, бездѣятельности или бюрократизма есть однако исключение.

Таковымъ является выставка, устроенная въ Константинополь полк. генер. штаба Я. М. Лисовыми. Хотя на выставкѣ фигурировали только бумажные документы (афиши, фотографіи, описания и т. п.), но тѣмъ не менѣе она являлась серьезнымъ освѣдомительнымъ средствомъ, такт необходимымъ для Западной Европы, до сихъ поръ не усвоившой всей сущности и опасности большевизма...

Выставка создана цѣнными трудами Я. М. Лисового, безъ всякой помощи со стороны официальной Россіи и даже Всероссийского Земского Союза.

Пожелаемъ, чтобы этотъ примеръ полезной самодѣятельности не былъ бы единственнымъ. — Генер. П. И. Залѣсский.

(Военный Голосъ, 5-8-20, № 89)

Im Kunstpavillon wurde am 12 Juni eine Ausstellung ueber das bolshevistische Russland und die Ereignisse im «roten» Reiche eroeffnet. Der Russische Kriegsberichterstatter Lissovoy hatte auf grund reichen Materials eine reichhaltige Sammlung von geschichtlichen Documenten angelegt, welche er der Oeffentlichkeit vorlegte.

Es ist fuer jedermann vom Interess, die bildliche Darstellung der Verhaeltnisse in Russland waerend des Kommunistischen Regimes und waerend der verschiedenen Perioden der Konterrevolution anzusehen.

Agramer Tagblatt, 17-6-21, Agram. № 154.

...Cette exposition des plus interessantes et instructives, nous montre ce que le bolchevisme est en realite.

Une foule des plus choisies s'y pressait, qui recevait toutes les explications demandees par des interpretes en toutes langues...

(«Le Bosphore», 5-11-20, № 164)

L'EXPOSITION DE LA RUE DE PERA. UNE INTERESSANTE DOCUMENTATION SUR LE BOLCHEVISME

...M. le colonel Lissovoy, ancien chef du service politique du general Alexeieff, est un grand collectionneur. Inlassablement depuis 3 ans il a recueilli tous les documents qu'il pouvait trouver concernant le bolchevisme et la lutte contre le bolchevizme. C'est le resultat de ce patient labeur qu'il offre aujourd'hui aux habitants de Constantinople dans son exposition. Resultat incomplet encore, car le colonel travaille toujours a augmenter, a enrichir sa collection...

(«Press du Soir», 5-20-20, № 13)

NOUS EN AVONS VU QUELQUES PIECES DIGNES DU «MUSEE DES HORREURS».

...M. Lissovoy emporte avec lui un bagage precieux et important, qui peut etre considere comme la plus impressionnante collection de documents et d'illustrations se rapportant aux derniers evenements de Russie. Cette collection comprend trois series: 1) Guerre mondiale, 2) Revolution bolchevique, 3) Contre revolution...

(«Cherbourg Eclair» 3-1-23)

...The stark terror which stalked thru Russia in the wake of the revolution, hand in hand with famine, pestilence and death, is portrayed in the collection of paintings, photographs, currency, medals and curios brought to Denver from darkest Russia by Col. Jacques M. Lissovoy.

Lissovoy's collections to be the greatest exposé of the iron terror of Bolshevism ever brought to the United States, as well as being the largest collection of its kind to be brought out of Russia. It is history of Russia from the time of the czarist regime, thru the revolution, and up to present.

It is not, however, devoted wholly to propaganda or to the horror of the soviet atrocities. It portrays much of the artistic life of Russia before and after the revolution, of clerical history and of peasant life...

(By Forbes Parkhill. «The Denver Post», 3-6-23)

The strangest and most unique exhibit which has been placed on the walls of the Perkins Fine Arts Hall galleries in a number of years is that which has been brought here.

The exhibits is as interesting as it is unique and strange, and those who have seen it have gone back for a second view, meanwhile telling their friends about it.

They were collected by Col. Jacques Lissovoy.

(«Gazette and Telegraph», 2-9-23)

The various exhibits are said to be the most interesting of any that have been brought here in a number of years.

The exhibit is a part of the collection of Col. J. Lissovoy.

(«The Colorado Springs Evening Telegraph», 29/30-8-23).

The message from Washington indicated that whatever Mr. Lissovoy had to say regarding the bolsheviki and the soviet government would be of interest to the state department.

(«Chicago Sunday Tribune», 6-6-24).

RUSSIA AFLAME IN POSTERS

There are two sides to bolshevism — as Emma Goldman herself illustrates — and two sides are shown graphically and with startling insistence and sledgehammer force in the display of Russian posters in the galleries of the Arts Club.

The posters are a part of the collection of Col. J. Lissovoy. Col. J. Lissovoy made it his hobby, along with his military duties, to collect both bolshevik and anti-bolshevik material during the Russian civil war.

(C. T. B. «The Chicago Evening Post. Magazine of the Art World» 31-3-25)

ARTS CLUB EXHIBITION

Unfortunately the Russian paintings and posters belonging to Col. J. Lissovoy are being removed before they have been as widely seen as their interest merits.

We wish that this exhibition might turn up again somewhere else in Chicago.

If only the young students who were flocking in such throngs to a certain exhibition of American advertising art, recently held could have passed their time here instead!

(By Marguerite B. Williams. «The Daily News». 2-4-25)

ПЕЧАТАЕТСЯ
Бѣлый Архивъ.
КНИГА 2-ая.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Письма и переписка Бѣлыхъ Вождей.
2. Генер. П. И. Залѣскій — Причины неудачъ Бѣлаго движенія на Югѣ Россіи.
3. Я. Арефінъ. Развалъ Арміи.
4. Полковн. Я. М. Лисовой. Итоги сдного изъ уговоровъ.
5. „ Революціонные генералы.
6. Александръ Котомкинъ. Чехословакіе легіоны въ Сибири.
7. Разные документы и т. п.
8. Мысли современниковъ Революціи.
9. Работа политич. центр. Добр. Арміи.
(и др.)

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Е.И.В. Вел. Кн. Борисъ Владимировичъ.

«My Royal adventures in Society and Bohemia» (переводъ съ англійскаго).

ОТДѢЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ:

Генераль Врангель и Крымская эвакуація (въ иллюстраціяхъ).

Въ текстъ карикатуры, карты, схемы, фотодокументы.

ПЕЧАТАЕТСЯ
НОВАЯ КНИГА
Генерала П. И. ЗАЛѢССКАГО
«ВОЗМЕЗДІЕ».

ПЕЧАТАЕТСЯ

Бѣлый Архивъ.

КНИГА 2-ая.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Письма и переписка Бѣлыхъ Вождей.
2. Генер. П. И. Залѣсскій — Причины неудачъ Бѣлого движенія на Югѣ Россіи.
3. Я. Арефинъ. Развалъ Арміи.
4. Полковн. Я. М. Лисовой. Итоги сдного изъ уговоровъ.
5. „ Революціонные генералы.
6. Александръ Котомкинъ. Чехословацкіе легіоны въ Сибири.
7. Разные документы и т. п.
8. Мысли современниковъ Революціи.
9. Работа политич. центр. Добр. Арміи.

ПОПРАВКИ:

Страница	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать:
49	10 сверху	«Калининъ»	«Калининъ» (или Козьминъ — авт.)
67	5 сверху	«Кацъ»	«Розенфельдъ»
68	10 снизу	«Сергѣй»	«Сергѣй»
101	6 сверху	«къ 15 октября 1919 года»	«къ 20 октября 1919 года»
127	4 слѣва	«къ 10 ноября 1919 года»	«къ 20 ноября 1919 года»
158	5 снизу	«И. Т. Каплана»	«Ф. Т. Каплана»

Складъ изданий
Librairie Mme De Salsky
2, rue Pierre-le-Grand, Paris.

Ів^тлий Архивъ

II – III

1928

Второй и третій томы «Бѣлаго Архива» выходять съ значительнымъ запозданіемъ, что объясняется внезапнымъ отъѣздомъ редактора полк. Я. М. Лисового — въ Соедин. Штаты Сѣв. Америки и трудностью — за дальностью разстоянія — техническаго руководства изданиемъ.

Хотя нѣкоторыя события отдали «Зарубежная Россія» сравнительно устарѣли, тѣмъ не менѣе они помѣщаются полностью именно въ архивныхъ цѣляхъ.

РЕДАКЦІЯ.

МАТЕРИАЛЫ
„Музея Современныхъ Событий въ Россіи“
Я. М. ЛИСОВОГО.

Ільїй Архивъ

Сборники материалявъ по исторіи и литературѣ
войны, революціи, большевизма, бѣлаю движенію и т. п.
подъ редакціей Я. М. Лисового.

||·|||.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Илья Савченко: « Въ красномъ станѣ »

ОТДЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Крымская эвакуация 1920-1921 г.г.

(Рисунки съ натуры худ. А. Вербицкаго)

ПАРИЖЪ
1928

Перепечатка статей и документовъ и копировка полномочій разрѣшается съ уплатой въ пользу «Музея Современныхъ Событий» 10% съ каждого тиражного экземпляра.

Директоръ «Музея Современныхъ Событий въ Россіи» и редакторъ «Бѣлаго Архива» обращается съ горячимъ призывомъ ко всѣмъ русскимъ людямъ зарубежной и внутренней Россіи, сочувствующимъ идеѣ сохраненія и опубликованія историческихъ матеріаловъ, принять активное участіе въ этомъ общерусскомъ дѣлѣ.

«Музей» и «Архивъ» охватываютъ всѣ события послѣднихъ лѣтъ: оть Великой войны и до настоящихъ дней невольного скитанія и всѣ присланные матеріалы по разнымъ вопросамъ этого періода (документы, дневники, воспоминанія, фотографіи, книги, брошюры, листовки, карты, диаграммы, плакаты, рисунки, эскизы и т. п.) — будутъ по желанію собственника — или сохраняться въ цѣлости и неприкосновенности въ Музѣи и демонстрироваться въ рядѣ передвижныхъ выставокъ въ числѣ прочихъ матеріаловъ Музея, — или же опубликовываться въ «Бѣломъ Архивѣ».

Важнѣйшіе изъ нихъ будутъ переведены на англійскій языкъ и напечатаны въ крупныхъ американскихъ журналахъ и газетахъ.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ — всѣ матеріалы будутъ оплачены въ предѣлахъ ихъ исторической важности и реальной цѣнности.

Десятилѣтнее существованіе Музея и его активная дѣятельность служить порукой тому, что всѣ матеріалы будутъ использованы въ русскихъ національныхъ цѣляхъ.

Техническая сторона присыпаемыхъ рукописей безразлична.

Матеріалы предлагается направлять по слѣдующему адресу:

J. M. LISSOVOY — 5406, SO Park Ave. Chicago, U. S. A. (tel).

ДИРЕКТОРЪ
«Музея Современныхъ Событий въ Россіи»
Я. М. ЛИСОВОЙ

приносить искреннюю благодарность за
пожертвованные въ собственность Музея
материалы:

1. Е. К. Л. – коллекцію совѣтскихъ серебрянныхъ,
мѣдныхъ и бронзовыхъ монетъ
2. В. П. Сіяльському – коллекцію эмигрантскихъ
плакатовъ
3. Союзу Галлиполійцевъ – нѣсколько плакатовъ
4. В. А. Горянинову – приславшему изъ Швейцаріи
русскіе плакаты изд. Лиги Націй.
5. В. К. Леонтовичу – газетн. вырѣзки, иллюстраціи,
листовки и т. п.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
I. — ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.	
1. Я. М. Писовой. Итоги одного изъ уговоровъ (по воспоминаніямъ и документ. шт. 28-й пѣх. дивиз.)	11
2. » » Революционные генералы	41
3. С. Арефінъ. Развалъ арміи	55
4. Изъ жизни революціоннаго фронта: А) Первый смертный приговоръ на Западномъ фронтѣ Б) Второй смертный приговоръ на Юго-Западн. фронтѣ	72 76
II. — БОЛЬШЕВИЗМЪ.	
1. Д. Д - - - ва. Москва-Петроградъ 1917-1925 г.г....	81
2. Изъ материаловъ Киевской чрезвычайки: а) Че-ка	113
б) Два приговора Киевской чрезвычайки	114
III. — БѢЛОЕ ДВИЖЕНИЕ.	
1. Докладъ Н-ка Киевскаго Центра Главнокомандующ. В. С. Ю. Р.	119
2. Деятельность Таганрогскаго Центра Д. А. въ 1918-1919 г. г.	133
3. Рапортъ генштаба подполковн. Н. Представит. Д. А. въ Киевѣ	138
4. Рапортъ состоящаго въ штабѣ Представит. Верховн. Команд. Добр. Арм. генштаба подполк. Н. Представит. Д. А. въ Киевѣ	145
5. Генераль П. И. Залъцкій. Главныя причины неудачъ Бѣлого Движенія на Югѣ Россіи	151
IV. — ПЕРЕПИСКА БѢЛЫХЪ ВОЖДЕЙ и разн. ДОКУМЕНТЫ.	
1. М. Лембичъ. Политическая программа генерала Л. Г. Корнилова январскихъ дней 1918 г.	173
2. Письмо генерала М. В. Алексѣева представителю Таганрогскаго Центра	183
3. Письмо генерала М. В. Алексѣева г-же Х.	184
4. Письмо генерала М. В. Алексѣева генералу А. П. Богаевскому	185
5. Радіограмма генер. М. В. Алексѣева генер. А. И. Деникину А. — Переписка о представительствѣ на Версальской конференції.	186
6. Письмо генер. А. П. Богаевскаго генер. А. И. Деникину.....	187
7. Отвѣтъ генер. А. И. Деникина генер. А. П. Богаевскому	188
8. Выписка изъ журнала № 5 Особаго Совѣщанія (приложение къ письму генерала А. И. Деникина)	190
9. Телеграмма Предст. Особ. Совѣщ. Министру Иностр. Дѣль Украины	191

	стр.
Б. — Переписка по Грузинскому вопросу.	192
10. Письмо генер. А. П. Богаевского генер. А. И. Деникину	192
11. Выписка изъ доклада-письма Представит. В. В. Д. при Кубанскомъ Правительствѣ 13 сент. 1919 г.	193
12. То же — 14 сент. 1919 г.	196
 V. — КАЗАЧЕСТВО.	
1. Полк. В. Модрахъ. Охрана Западн. гран. Донск. Обл. въ 1917 г.	199
2. Двѣ недѣли событий на Дону (изъ дневн. неизв. офиц.)	204
 VI. — СЛАВЯНЕ — БОЛЬШЕВИЗМЪ — БѢЛОЕ ДВИЖЕНИЕ.	
1. Александръ Котомкинъ. Съ Чехословакими легионами отъ Волги до Тихаго Океана	211
 VII. — МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКОВЪ РЕВОЛЮЦІИ.	
Изъ возванія къ артист. и художн. Моск. С. С. и Р. Д. Выдержки изъ газетныхъ статей. Мысли: А. И. Шпиглера, Бѣлорусова, Н. Д. Соколова, Н. В. Чайковскаго, П. Н. Милюкова, Кн. Г. Е. Львова, В. Л. Бурцева, П. Н. Переображеня, Л. Г. Дейча, Н. Д. Авксентьевы, Н. В. Некрасова, А. Ф. Керенскаго, А. М. Масленникова, В. М. Пуришкевича, Ф. И. Родичева, В. В. Санникова, И. Г. Церетели, Н. И. Астрова, П. А. Крапоткина, П. П. Рябушинскаго, А. И. Гучкова, В. А. Маклакова, П. В. Струве, В. В. Шульгина, С. И. Третьякова, И. А. Ильина, генераловъ М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова.....	239
 VIII. — ЗАРУБЕЖНАЯ РОССІЯ.	
Владимиръ Игоревъ. Новая сила	253
Несогласія въ Зарубежной Православной Церкви. — Трехъ- лѣтняя годовщина Союза Галиполійцевъ. — Годовщина Вѣ- ликой войны	257
 IX. — ВНУТРЕННЯЯ РОССІЯ.	
Я. Л. — Бесѣды съ интеллигенціей Россіи Внутренней	261
 X. — КРИТИКА И БІБЛІОГРАФІЯ.	
Я. Лисовой. Гдѣ материаалы гражданской войны?	271
Д-ръ Д. С. Пасманикъ. Революционные годы въ Крыму. Кн. Д. Н. Свя- тополкъ - Мирскій. Чѣмъ объяснить наше прошлое и чего ожидать отъ нашего будущаго. А. С. Александроффъ. Большевики, взявши мечтъ, отъ меча и погибнуть. «Вѣстникъ Союза Казачьихъ Войскъ» № 6	278
 XI. — ПРИЛОЖЕНИЕ.	
Илья Савченко. — Въ красномъ станѣ	281
 XII. — ОТДѢЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ.	
Крымская эвакуація 1920-1921 г. г. (рисунки съ натуры художн. А. А. Вербицкаго.)	

ИЛЛЮСТРАЦІИ:

Карикатуры, портреты, фотосхемы, карты и т. п.

I.

ВОЙНА и РЕВОЛЮЦІЯ

ИТОГИ ОДНОГО ИЗЪ УГОВОРОВЪ.

(По воспоминаніямъ и документамъ
штаба 28 пѣх. дивизіи).

Ближайшимъ результатомъ посѣщенія А. Керенскимъ частей 28-й и другихъсосѣднихъ дивизій явилось то обстоятельство, что солдатъ показалъ свое «истинное лицо».

До сихъ поръ дивизія считалась одной изъ самыхъ дисциплинированныхъ, боеспособныхъ, а слѣдовательно и надежныхъ. Правда, и она не избѣгла общей заразы разложенія: наблюдалось и дезертирство, были случаи и «итальянской забастовки», раздавалось иногда и ворчанье со стороны солдатской массы на тягость службы и утомленіе, были даже два-три случая столкновенія съ офицерскимъ составомъ, но все это происходило въ близкихъ къ «законнымъ», — по понятію того времени, — рамкамъ и серьезныхъ послѣдствій не имѣло.

Въ общемъ — плохо ли, хорошо ли, но дивизія какъ будто оставалась дивизіей: несла удовлетворительно боевую службу, правда, не опасную — на одномъ изъ пассивнѣйшихъ участковъ, политикой не увлекалась, отношенія съ офицерскимъ составомъ были сносныя — тамъ, гдѣ не помогалъ офицерскій авторитетъ — на помощь являлся комитетскій «окрикъ» и солдатъ смирялся. И хотя масса, утомленная войной, кряхтѣла, стонала, ворчала и рвала домой, но ворчала не злобно, а скорѣе съ опаской «кабы не влетѣло» и открыто выступать боялась, ибо не изгладились еще изъ ея памяти картины разоруженія непокорныхъ сосѣднихъ воинскихъ частей, въ которыхъ и сама дивизія «грѣшнымъ дѣломъ» принимала участіе и, въ своихъ резолюціяхъ, выносила требованія смертного приговора надъ виновниками.

Естественно, что для большевиковъ дивизія являлась «бѣльмомъ на глазу» и они удѣляли «просвѣщенію» ея особенное вниманіе.

Однимъ словомъ, дивизія покорно и терпѣливо ждала конца войны, но конца легкаго и безболѣзеннаго...

И, вдругъ, — призывъ къ новымъ боямъ, требованіе новыхъ жертвъ во имя сохраненія завоеваній революціи и добытыхъ свободъ... и призывъ не со стороны начальства — къ этимъ призыва姆ъ уже привыкли, имъ никто не вѣрилъ и относились къ нимъ иронически, а втайну думали свою ду-

мушку и твердо вѣрили, что пріѣдетъ Керенскій и скажетъ ей всю правду, настоящую правду, которую начальство отъ нея скрываетъ...

Но вотъ пріѣхалъ и Керенскій и, къ великому недоумѣнію солдатской массы, заговорилъ «по буржуйному» и, во имя спасенія Родины и Революціи, категорически потребовалъ «безмѣрныхъ подвиговъ и тяжелыхъ жертвъ» и это теперь то — когда наступила полная свобода, когда отовсюду неслись толки о концѣ войны, когда изъ деревень приходили нейсумысленные письма о скоромъ «настоящемъ дѣлѣ» земли, когда въ этихъ же письмахъ они читали, — что «и еще вѣсъ извѣщаемъ дражайшій супругъ нашъ (имя рекъ), что таперя къ намъ пришодши Егорка Кузьминъ, и Панкратъ Нестеревъ, и Игнашка Пахомовъ, и Сидорка Пантелеевъ — тетки Маринѣ племяшъ, и всѣ они, значитъ, получили полную свободу отъ самого главнаго начальства, шта послѣ Царя наступило и что они снямыши таперя царски мундеръ и хоть бы имъ што... а потому дражайшій нашъ супругъ и тятенька, денежно и ношно ждемъ и вѣсъ къ себѣ, неравно безъ вѣсъ землю подѣлять...»

Какимъ образомъ произошелъ внезапный психологический сдвигъ не только въ рядахъ солдатской массы, но и среди наиболѣе здоровой ея части — среди комитетовъ, толкнувшій ихъ на путь преступнаго отказа — трудно сказать, но только солдатская масса забродила, забурлила и, въ отвѣтъ на страстные, горячіе и подкупающіе своею искренностью призывы Военнаго Министра, отвѣтила тупо и злобно однимъ словомъ:

«Будя»...

И такъ какъ на это безсмысленное «будя», Военный Министръ никакъ не реагировалъ, то масса и пришла къ первому и легкому заключенію, что сила, а слѣдовательно, и побѣда на ея сторонѣ... А придя къ этому заключенію — масса измѣнила свое отношеніе и къ большевикамъ...

Утромъ слѣдующаго дня въ дивизіи былъ полученъ рядъ предварительныхъ распоряженій къ предстоящемъ «іюльскимъ» боямъ. Въ видѣ экстрен-ной мѣры приказано было временно занять позицію самой надежной части (дивизія была въ резервѣ) и смѣнить находившіяся тамъ части, которыя получали другое назначеніе.

Вечеромъ изъ штаба корпуса была получена телефонограмма, гласившая, что утромъ, на слѣдующій день, въ штабъ дивизіи прибудутъ представители союзныхъ армій: французской службы — лейтенантъ Зиновій Пѣшковъ, полковникъ Рампонъ и итальянской — полковникъ(?) (въ штабѣ дивизіи его почему то впослѣдствіи окрестили «маркизъ Карлотти»), которые же-лаютъ осмотрѣть участки позицій, предназначенные для атаки и познакомиться съ войсками, а потому имъ надлежитъ оказать полное содѣйствіе. Одновременно, изъ сосѣдней дивизіи Начальникъ штаба извѣстилъ по

телефону, что онъ выѣзжаетъ къ намъ для совмѣстнаго обсужденія деталей приема и сдачи позиціи, а черезъ полъ часа прибылъ и онъ самъ.

Послѣ совѣщанія дѣлового характера, въ которомъ приняли участіе и старшіе начальники, разговоръ перешелъ на злободневныя темы — естественно разговоръ вертѣлся вокругъ объѣзда А. Керенскимъ воинскихъ частей.

**,Революціонная Армія“ въ иностранной карикатурѣ
(передъ польскими боями)**

Кайзеръ, Россія и Америка.

Кайзеръ. — Зачѣмъ же тебѣ воевать, когда ты уже получилъ свободу???

Дядя Самъ. — Не слушай его — я пользуюсь свободой съ 1765 года и все таки рѣшилъ воевать.

— А какъ у васъ прошелъ смотръ? — спросилъ я прибывшаго Начальника Штаба.

Къ нашему удивленію полковникъ П. воспроизвелъ картину смотра въ точности — до мельчайшихъ деталей — сходную съ тѣмъ, что происходило у насъ: та же стремительность премьеры, тотъ же бѣгъ по фронту со скоропалительнымъ «здрасте, товарищи», та же рѣчь — горячая, искренняя, съ нотками душевнаго надрыва, то же «товарищи, взгляните на это красное знамя», та же «свита», та же тупая, покорно-слушающая солдатская масса и тотъ же внезапный отказъ воинскихъ частей отъ наступленія, послѣ отъѣзда Керенского...

Въ головѣ бродили и развивались невеселыя мысли...

Полковникъ П. всталъ: — «такъ какъ же, ваше пр-во, что я долженъ доложить — пойдутъ ваши части въ бой?».

?... Трудно сказать... надо надѣяться, — мрачно отвѣтилъ начальникъ дивизіи.

— Ну, а ваши пойдутъ? поддержать насы? — спросилъ я въ свою очередь.

?... Трудно сказать... надо надѣяться, — уныло отвѣтилъ полковникъ. Всѣ даже разсмѣялись — до того горько было на душѣ...

Утромъ слѣдующаго дня прїехали представители союзныхъ армій; начальникъ дивизіи экстренно былъ вызванъ въ штабъ корпуса и встрѣтить пришлось ихъ мнѣ.

Первымъ изъ вагона вышелъ лейтенантъ Зиновій Пѣшковъ — приемный сынъ Максима Горькаго, за нимъ показалась грузная фигура полковъ Рампона, съ которымъ я уже былъ знакомъ и, наконецъ, послѣднимъ вышелъ престарѣлый итальянецъ, саженного роста, съ кодакомъ черезъ плечо.

Зиновій Пѣшковъ... съ удовольствиемъ вспоминаю я этого русскаго человѣка, одѣтаго въ мундиръ французскаго лейтенанта; нѣсколько дней мы прожили съ нимъ въ одной комнатѣ, обмѣниваясь впечатлѣніями настоящаго и живя надеждами на лучшее будущее, — это былъ умный и интересный собесѣдникъ.

— Я по убѣжденіямъ с.-р., — сказалъ онъ мнѣ какъ-то, но съ того дня, какъ я надѣль военный мундиръ, — я только солдатъ, защищающій русское дѣло, къ сожалѣнію, на французскомъ фронѣ и... только...

— Наша демократія, къ несчастью, до этого еще не доросла и не понимаетъ такихъ простыхъ вещей, — съ горечью замѣтилъ я.

— Пойметъ, — добродушно замѣтилъ Пѣшковъ, — жизнь заставитъ понять...

3. Пѣшковъ часто уѣзжалъ на позиціи, знакомился съ противникомъ, нашими войсками, попадалъ подъ обстрѣлъ, возвращался усталый, но ни на одну минуту веселое настроеніе не покидало его.

Впослѣдствіи, въ дни Корниловскаго выступленія, судьба еще разъ стокнула меня съ нимъ; какъ-то я отправилъ ему въ Ставку всѣ фотографическіе снимки въ память посѣщенія имъ дивизіи.

Однажды, утромъ, мнѣ было подано частное письмо и толстый объемистый пакетъ — я тотчасъ же узналъ его характерный бисерный почеркъ лѣвши:

— «Мой дорогой другъ! Не писалъ вамъ сразу вслѣдствіе разыгравшихся здѣсь событий, о которыхъ вы знаете: генералъ Корниловъ выступилъ противъ Временного Правительства — исторія покажетъ насколько онъ правъ... Одно могу сказать: сильныхъ людей опутываетъ со всѣхъ сторонъ злоба, зависть и интрига, мѣшая и стѣсняя ихъ дѣйствія, зачастую направленные во имя благихъ цѣлей. Ихъ право, ихъ долгъ, ихъ святая обязанность ра-

ворвать эту сѣть и смѣло и отважно итти во имя идеи. Я ни на одну минуту не сомнѣваюсь, что генераломъ Корниловымъ руководить искренняя любовь къ Родинѣ, которая нась всѣхъ заставляетъ относиться къ нему съ глубокимъ уваженiemъ...

Ну, будьте здоровы, мой другъ, посылаю вамъ съ нарочнымъ всю Корниловскую литературу. Уважающій васъ З. Пѣшковъ».

Я былъ очень тронутъ и этимъ письмомъ и тѣмъ, что онъ вспомнилъ мою страсть къ собиранию историческихъ материаловъ...

Полковникъ Рампонъ, типичнѣйшій французъ-солдатъ въ прямомъ значеніи этого слова и полная противоположность лейтенанту Пѣшкову. Прямой въ своихъ сужденіяхъ, рѣзкій, подчасъ даже грубоватый, онъ не внушалъ къ себѣ симпатій со стороны лицъ мало знатныхъ его. Но ему все прощалось, вслѣдствіе его безконечной ненависти къ «протекавшему русскому революціонному строю», ненависти, впрочемъ, вполнѣ понятной — исходившей изъ чисто эгоистическихъ побужденій: отсутствіи помощи его милой Франціи.

Объ его обращеніи съ русскими революціонными солдатами ходили цѣлые легенды. Русскаго офицера, если бы онъ себѣ позволилъ хоть сотую часть того, что дѣлалъ полковникъ Рампонъ — растерзали бы на куски, — ему же все сходило съ рукъ.

Сейчасъ вспоминается слѣдующій характерный эпизодъ, свидѣтелемъ котораго мнѣ пришлось впослѣдствіи быть.

Въ маленькомъ городкѣ Будславѣ, въ послѣдніхъ числахъ сентября, по инициативѣ комиссара, происходилъ первый съездъ офицеровъ III-й арміи. Сначала съездъ носилъ чисто дѣловой, офицерскій характеръ, но затѣмъ, въ помошь комиссару начали выступать солдаты, какія то постороннія лица, были даже одинъ юродивый — все это болтало о палочной дисциплинѣ, разгахъ, пулеметахъ и плетяхъ, которыми солдатъ гнали въ бой — однимъ словомъ, происходило повторное обливаніе офицеровъ и всего команднаго состава грязью лжи, клеветы и провокациі.

Ни комиссаръ, бывшій офицеръ — артиллерійскій полковникъ, ни старый заслуженный командующій арміей, ни молодой, но искусно лавирующей въ лабиринтѣ сложныхъ отношеній между комитетами и команднымъ составомъ — начальникъ штаба арміи, не протестовали противъ этихъ нелѣостей.

Въ ложѣ командующаго войсками сидѣлъ представитель Франціи, тогда уже генералъ Рампонъ, въ лицѣ котораго комиссаръ предложилъ привѣтствовать нашу союзницу Францію и просилъ его сказать нѣсколько словъ.

Заль огласился громомъ офицерскихъ рукоплесканій, а гдѣ то на галерѣ, среди комитетовъ, раздались и сейчасъ же стыдливо смолкли первые звуки марсельезы.

Генераль Рампонъ вышелъ, поблагодарилъ и произнесъ на ломанномъ русскомъ языке рѣчъ, съ той чисто французской горячностью, которая воочию показывала, что не легко ему было видѣть гибель русской арміи — могучей союзницы его дорогой Родины и чувствовать, что на помощь этого союзника расчитывать уже нельзя...

Вспоминаю его рѣчъ и сглаживаю, по возможности, шероховатости его акцента:

— Извините, — такъ началъ генераль, смотря въ глубину зала, где сидѣла и стояла солдатская масса комитетовъ, — вамъ, я знаю, не понравится то, что я скажу...

— Что у васъ за порядки? — вдругъ не выдержалъ и вскрикнулъ внезапно генераль. — Я васъ спрашиваю, что у васъ теперь за порядки? Зачѣмъ русскій солдатъ «ломаетъ» желѣзныя дороги, поѣзда, вагоны — зачѣмъ всѣ солдаты лѣзутъ въ первый классъ, — развѣ это революція? У насъ во Франціи — пожалуйте — солдаты въ 3-й классъ, офицеры во 2-й классъ, генералы и высшіе начальники въ 1-й классъ; если солдатъ заплатилъ первый классъ — пожалуйте, если не заплатилъ — вонъ изъ первого класса, — при этомъ генераль топнула ногой и сдѣлалъ соотвѣтствующій выталкивающей жестъ.

— Ваши офицеры, — продолжалъ генераль, — самые лучшіе офицеры въ мірѣ, а вы этого не понимаете. Зачѣмъ лишаютъ ихъ дисциплинарной власти — она необходима, она вездѣ есть... За нарушеніе воинскаго долга, за отказъ отъ наступленія, необходимо не отступать ни передъ какой мѣрой — вплоть до разстрѣловъ; когда ваши полки отказались у насъ во Франціи наступать, они заразили нашихъ 20 полковъ и они тоже не хотѣли наступать и хотѣли погубить Францію, — голосъ у генерала дрогнулъ. — Но... мы разстрѣляли по 10 человѣкъ въ полку и... спасли Францію...

Комиссаръ тревожно завертѣлся на стулѣ, а генераль Рампонъ продолжалъ, тяжело дыша и видимо взъявленный:

— А что вы сдѣлали съ нашей прекрасной, чистой марсельезой? На улицахъ марсельеза, въ лавочкахъ марсельеза, въ кабакахъ марсельеза... Зачѣмъ вы ее пачкаете? Нашъ трехцвѣтный флагъ, наша марсельеза обошли весь міръ, неся съ собой свободу, равенство и братство и нигдѣ ихъ не пачкали — зачѣмъ же вы это дѣлаете?...

— Я еще «немножки словъ долженъ говорить», — продолжалъ онъ — и я не могу молчать: зачѣмъ вы «кричите неправду», что русскій офицеръ былъ солдатъ, что васъ палками заставляютъ воевать?.. Я 20 лѣтъ знаю Россію, знаю офицера, знаю хорошо русскаго солдата и говорю вамъ прямо: вы все лжете — это ложь! Зачѣмъ же вы все лжете на своего офицера?...

Генераль угрожающе поднялъ руку, постоялъ въ раздумьѣ нѣсколько

мгновеній, какъ бы намѣреваясь еще что то сказать, но затѣмъ быстрыми шагами направился въ ложу...

Казалось, тонкія фанерныя стѣны зданія барака не выдержать грохота офицерскихъ апплодисментовъ... Солдатская масса угрюмо, понуривъ головы, стояла хмурая, молчаливая... Комиссаръ попрежнему тревожно ерзalъ...

Рассказываютъ слѣдующій характерный случай, въ которомъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ опять таки генераль Рампонъ.

Однажды въ вагонъ трамвая, гдѣ онъ сидѣлъ, вошли два развязныхъ «товарища-солдата» и усѣлись рядомъ съ нимъ; генераль молча подвинулся. Одинъ изъ товарищей съ ухарскимъ жестомъ вынимаетъ портсигаръ, достаетъ папиросу, и закуриваетъ внутри вагона — генераль молчитъ... Тогда «товарищъ», увѣренный въ полной безнаказанности, пускаетъ струю дыма въ лицо генералу — генераль молчитъ... Когда же это было продѣлано еще разъ — генераль повернулся къ «товарищу», спокойно вынулъ у него изо рта папиросу и со словами: «рюски сольдатъ получаль свобода, но рюски сольдатъ не долженъ бить свинья — кошонъ», выбросилъ папиросу на глазахъ изумленной публики и оторопѣвшаго солдата...

Таковъ былъ полковникъ Рампонъ...

Семидесятилѣтній итальянецъ представлялъ собою типъ полнаго рабомлика, мало интересующагося дѣлами на фронты и безпрестанно надоѣдающаго просьбами — показать ему что нибудь пикантное, что бы онъ могъ запечатлѣть въ кодакѣ.

...Послѣ первыхъ словъ привѣтствія, мы всѣ направились къ штабу дивизіи. Въ послѣобѣденныхъ разговорахъ, ознакомленіи по картѣ съ предстоящимъ расположениемъ воинскихъ частей и т. п., незамѣтно пролетѣло время до 4-хъ часовъ, когда мнѣ доложили, что штурмовой батальонъ выстроился и готовъ отправиться на позицію. Такъ какъ начальникъ дивизіи еще не прибылъ, то послѣдній осмотръ долженъ былъ произвести я — мои гости, узнавъ въ чемъ дѣло, просили разрѣшенія присутствовать при этомъ. Пригласивъ командира батальона, мы съ нимъ наскоро разработали церемонію встрѣчи иностранныхъ гостей...

— Батальонъ смирно; слушай на крауль! — раздалась команда и командиръ батальона съ шашкой «подвѣсъ» подошелъ къ итальянцу (старьему) и отрапортовалъ ему.

Итальянецъ вытянулся во весь свой огромный ростъ (онъ ходилъ слегка склонившись), выслушавъ рапортъ и громко крикнулъ: «карраше!».

Дружное «рады стараться, господинъ... генераль» — раздалось въ от-

вѣтъ, послѣ чего мы всѣ начали медленно обходить фронтъ батальона. Это была часть изъ 40 офицеровъ и 800 отборнѣйшихъ молодцовъ, готовыхъ по приказу броситься въ огонь и въ воду и разнести, въ случаѣ надобности, цѣлый корпусъ бунтующихъ товарищъ — немного ихъ осталось въ живыхъ послѣ юльского боя...

Послѣ обхода фронта, Зиновій Пѣшковъ обратился ко мнѣ съ просьбой, разрѣшить сказать ему нѣсколько словъ.

Желѣзная стѣна штурмовиковъ, со всѣхъ сторонъ, на почтительномъ разстояніи, была окружена курящей и щелкающей подсолнухи, но въ общемъ довольно сдержанно настроенной, солдатской массой.

— «Родные братья, — такъ началъ лейтенантъ Зиновій Пѣшковъ свою рѣчь, — мы, иностранные представители Франціи и Италіи, считаемъ для себя величайшей честью привѣтствовать васъ, храбрецовъ, отправляющихся на позицію. Кромѣ того, я, русскій душою, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ съ гордостью посмотрѣть на васъ, моихъ братьевъ по крови и по оружію, не разъ выручавшихъ насъ тамъ во Франціи, когда намъ приходилось очень тяжело.

Вы здѣсь, а мы тамъ — мы сражаемся за одно общее дѣло: за свободу, равенство и братство всѣхъ народовъ, за ихъ процвѣтаніе, за право жить и свободно дышать...

И помните, братья, что отъ успѣха этой борьбы зависить и ваша и наша свобода и теперь побѣдить уже очень легко, ибо врагъ обезсиленъ — нужно только одно еще малѣйшее усиленіе...» и т. д.

Громкое «ура» покрыло конецъ рѣчи лейтенанта.

Не скажу, чтобы эта рѣчь вполнѣ была понятна солдатамъ, но она была произнесена съ большимъ подъемомъ, а главное, что ихъ повергло въ величайшее изумленіе: «французы и такъ здорово жарить по нашему». Впрочемъ, эта то именно сторона вопроса получила въ нѣкоторыхъ рядахъ и другое освѣщеніе.

Послѣ З. Пѣшкова говорилъ полковникъ Рампонъ: «рюски солдатъ всегда бились нѣмци, рюски солдатъ и теперь должны бить нѣмци. Если рюски солдатъ не хотить бить нѣмци, то нѣмци будутъ бить рюски солдатъ и сдѣлаетъ его свой слуга и заберутъ у рюски солдатъ все. Франція всегда будетъ помогать Россія, но нужно чтобы рюски солдатъ драли, а революцію дѣлалъ потомъ — послѣ войны»...

Штурмовикамъ все это было, конечно, лишне говорить — повторяю, это были люди отборные, сознательные и готовые на все, но кругомъ стояла многотысячная разнужданная масса, для которой было весьма полезно лишний разъ прослушать соответствующее назиданіе.

Лейтенантъ Пѣшковъ о чёмъ то совѣщался со своими друзьями; получивъ

отъ нихъ утвердительный отвѣтъ, онъ, взявъ подъ козырекъ, обратился ко мнѣ со слѣдующими громкими словами:

— Господинъ полковникъ, — мы просимъ васъ оказать намъ честь разрѣшить стать рядовыми въ строй и проводить этихъ героеvъ на позицію!..

Это было и неожиданно, и красиво, и ново...

Солдаты еще не понимали въ чемъ дѣло, но когда военные представители, держа руку подъ козырекъ, направились въ строй и заняли свои мѣста — маленький лейтенантъ въ первой ротѣ, грузный Рампонъ во второй и долговязый итальянецъ въ третьей, и когда, послѣ соответствующихъ команdъ, батальонъ, подъ звуки марша, вызывающе-бодро двинулъся черезъ гущу солдатъ и стройно прошелъ между двумя почтительно раздвинувшимися стѣнами ихъ, — обалдѣлая солдатская масса долго глядѣла въ слѣдъ уходящему батальону, надъ сверкающими штыками которого возвышалась и далеко была видна журавлинная голова семи футового итальянца...

На солдатъ сцена эта произвела сильное впечатлѣніе и только въ заднихъ рядахъ, какъ мнѣ передавали потомъ, раздался чей-то неувѣренный одиночный голосъ: «Ды-къ што-жъ, товарищи, вы и взаправду повѣрили что энто и есть настоящіе хранцузы. Ды-къ рази-жъ вы не видите, что енто опять буржуйные штуки: достали жида, переодѣли его въ хранцузску форму и научили говорить што надо — да нешто хранцузъ будетъ такъ здорово по нашему жарить; да его хоть всю жисть учи — не научишъ, потому значить, что голова у него жидкая, нашей расейской рѣчи не упомнить. Вотъ тотъ, который погрузнѣ — тотъ, може, и хранцузъ, а може и ломается...»

Но его никто не слушалъ, масса расходилась молча и только одинъ унтер-офицеръ остановился и, въ упоръ глядя на смутьяна, проговорилъ: «кто купилъ француза, мы не знаемъ, но видимъ, что онъ може и буржуй, а пошелъ въ бой вмѣстѣ съ нашими. А вотъ ты — и съ ногами, и съ руками, и съ Ленинскими деньгами, много языку воли даешь — гляди, кабы табѣ его не отрѣзали...»

Къ вечеру мои гости возвратились и, вскоро поужинавъ, уѣхали, кроме маленькаго лейтенанта, который остался у меня въ штабѣ еще на нѣсколько дней.

Между тѣмъ, начиная со слѣдующаго дня, стали поступать свѣдѣнія о перемѣнѣ настроенія въ дивизіи.

Богъ его знаетъ — помогли ли представители демократіи, затопившіе фронтъ и оглушившіе солдатъ безконечными рѣчами, или солдаты испугались проявленной наканунѣ дерзости передъ лицомъ военнаго министра и, опасаясь расправы, рѣшили предупредить грозныя для нихъ послѣдствія — или, можетъ быть, видя окружающую лихорадочно-поспѣшную подготовку,

видя, что дѣло «всеръезъ», и что выхода нѣть, махнули рукой и поддались общему течению, или, наконецъ, быть можетъ, добрая начала, заложенные въ свое время, взяли верхъ — трудно сказать, но только протестовъ никакихъ болѣе не поступало: и комитеты, и дивизія въ цѣломъ были «обработаны»...

Наиболѣе сознательные солдаты степенно и молчаливо готовились къ предстоящему бою: писали усиленно письма, въ которыхъ просили «малость повременить съ дѣлежомъ — покель кончица здѣся», по вечерамъ собирались въ кружки, пили сообща чай, говорить — говорили мало, но за то часто и тяжело вздыхали и набожно крестились...

Другая часть, преимущественно молодежь изъ послѣднихъ пополнений, озорная, хулиганствующая, тоже собиралась въ толпы и носилась съ мѣста на мѣсто, безъ толку — безъ цѣли, свистя, крича и митингуя — но съ опаской и оглядкой...

Мимо расположения дивизіи проходили одна за другой боевые части, тянулись команды рабочихъ, днемъ и ночью скрипѣли телѣги со снарядами, появилось много начальства — начальства прежняго: серьезного и хмураго; совершенно исчезъ штатскій элементъ, началась строгая провѣрка солдатскаго боевого имущества и замѣна негоднаго — офицеръ былъ суровъ и требователенъ и солдатъ смирился — дѣло шло о жизни и смерти, а жить вѣдь обоимъ хотѣлось...

Съ полной увѣренностью, черезъ нѣсколько дней, можно было уже сказать, что дивизія въ бой пойдетъ — первый кризисъ, повидимому, миновалъ благополучно.

Черезъ два дня штурмовой батальонъ былъ смѣненъ III-мъ Донскимъ полкомъ, дѣлались послѣднія приготовленія — вопросъ о наступлениіи являлся вопросомъ самаго ближайшаго будущаго.

Каковы были въ дѣйствительности результаты этого наступленія — видно изъ послѣдующаго официального документа.

И. Д.
НАЧАЛЬНИКА ШТАБА
28-й пѣх.
дивизіи
15 іюля 1917 года.
№ 486
Ст. Залѣсье.

Секретно.
Начальнику Штаба XX-го корпуса.

РАПОРТЪ.

Прилагаю «Описаніе событій въ 28-й дивизіи съ 7-12 сего іюля».

Арестованные комиссаромъ Бачинскимъ 1700 солдатъ различныхъ частей дивизіи освобождены и въ

настоящее время распределены по своимъ частямъ. Настроение въ частяхъ войскъ безразличное, съ преобладаниемъ увѣренности въ полнѣйшей безнаказанности.

Пять офицеровъ-трусовъ 109 п. Волжского полка, исключенные изъ полка «судомъ чести» и возвращенные обратно въ полкъ по распоряженію Комиссаровъ армии и фронта, подвергаются тяжкому бойкоту со стороны всего офицерскаго состава дивизіи — положеніе ихъ тяжелое. Но, такъ какъ на ихъ сторонѣ вся солдатская масса, то не исключена возможность всевозможныхъ недоразумѣній и даже эксцессовъ, если только эти офицеры не будутъ изъяты изъ полка.

Начальникъ дивизіи считаетъ бой настолько по зорнымъ, что не предполагаетъ никого представлять къ наградамъ.

Генерального Штаба,

Подполковникъ Лисовой.

Старшій Адъютантъ

Капитанъ Б-въ.

Секретно.

О П И С А Н И Е С О Б Ы Т І Й

въ 28 - й пѣхотной дивизіи

въ хронологическомъ порядке, съ 7 по 12 июля, въ связи съ атакой позиціи противника на фронтѣ Шалудьки-Кунава.

7 июля.

События, предшествовавшія занятію исходнаго положенія.

Согласно отданнымъ командиромъ XX корпуса распоряженіямъ, 28 пѣхотная дивизія (безъ 28 артиллерійской бригады) должна была къ 3 часамъ 8 июля занять исходное положеніе съ тѣмъ, чтобы быть готовой, въ указанное дополнительно командиромъ корпуса время, атаковать противника на фронтѣ Шалудьки-Кунава.

Съ 1-го по 7-е июля, позицію Шалудьки-Кунава занималъ 111 пѣх. Донской полкъ, который въ ночь 7/8 июля, согласно приказа по дивизіи № 107, долженъ

быть съединиться остальными тремя полками дивизии и отойти въ резервъ — щели сѣв.-восточнѣе д. Кунава, сдавъ позицію:

1) На участкѣ Шалудыки — окопъ № 62 включит. — 112 пѣх. Уральскому полку.

2) На участкѣ окопъ № 63 — Безымянныи ручей включительно — 110 пѣх. Камскому полку.

3) На участкѣ Безымянныи ручей — окопъ № 72 включ. — Штурмовому батальону; въ затылокъ этому постѣднему, въ исходномъ для атаки положеніи, долженъ быть стать 109 пѣх. Волжскому полку.

Атака была назначена въ тотъ же день въ 7 часовъ.

Правѣе находились части 114 пѣх. див.; лѣвѣе — 51 пѣх. дивизіи.

Съ наступлениемъ темноты, между 21-22 часами, выступили всѣ полки, а около 22 часовъ выѣхали и начальникъ дивизіи съ оперативнымъ отдѣленіемъ штаба дивизіи въ свой командный блиндажъ — рощу южнѣе д. Шутовичи.

По дорогѣ въ блиндажъ было получено распоряженіе изъ штаба корпуса о томъ, что исполненіе приказовъ по корпусу № № 169 и 172, т. е. занятіе исходнаго положенія и атака, переносятся на 3 часа 9 июля; въ теченіе же 8 июля продолжать артиллерійскую подготовку; такимъ образомъ приказъ объ отмѣнѣ атаки засталъ всѣ полки на походѣ.

Немедленно по прибытіи въ блиндажъ, начальникомъ дивизіи въ 22 часа 20 мин. были отданы слѣдующія приказанія:

1) Остановить полки.

2) Съ цѣлью — съ одной стороны, дать полкамъ возможность, хотя отчасти ознакомиться, какъ съ нашей, такъ и позиціей противника, которую предстояло атаковать, съ другой — съѣнить, стоявшій уже недѣлю на позиціи, 111 пѣх. Донской полкъ:

а) Правый участокъ (окопы № № 57-62 вкл.) занять баталіономъ 112 пѣх. Уральского полка; остальные два баталіона въ резервъ на прежнемъ бивуакѣ (районъ южнѣе д. Рудня).

б) Средній участокъ (окопъ № 63 — Безымянныи ручей вкл.) — занять баталіономъ 110 пѣх. Камскаго полка, остальные два баталіона въ резервѣ на старомъ мѣстѣ (районъ южнѣе д. Рудня).

в) Лѣвый участокъ (Безымянныи ручей — окопъ № 72) — занять Штурмовымъ баталіономъ.

г) 111 пѣх. Донскому полку по съѣнѣ отойти въ районъ ст. Залѣсье на прежній бивуакъ.

д) 109 пѣх. Волжскому полку отойти на мѣсто стараго бивуака (районъ южнѣе д. Рудня).

8 июля.

Отмѣна приказа о занятіи исходнаго положенія вызвала рядъ недоразумѣній и кривотолковъ среди солдатъ, спѣдствіемъ чего былъ, напримѣръ, отказъ 1-го баталіона 110 пѣх. Камскаго полка заступить на позицію.

Къ 4 час. 30 мин. 8-го июля позиція, послѣ съѣніи 111 пѣх. Донского полка, была занята слѣдующимъ образомъ:

1) Правый участокъ — баталіономъ 112 пѣх. Уральскаго полка.

2) Средний участокъ — лишь однимъ взводомъ съ 4-мя пулеметами 110 пѣх. Камского полка (вмѣсто баталіона).

3) Лѣвый участокъ — Штурмовымъ баталіономъ.

Утромъ былъ полученъ приказъ корпусу съ частными боевыми задачами на 8 июля (артиллерийский огонь, рядъ развѣдокъ) въ развитіе коего и былъ отданъ приказъ дивизіи, а также приказанія, въ коихъ указывалось на важность предстоящихъ развѣдокъ, согласно указаній командира корпуса.

Ночь на фронтѣ дивизіи прошла въ рѣдкой ружейной перестрѣлкѣ и артиллерийской стрѣльбѣ съ обѣихъ сторонъ; нѣмцы систематически обстрѣливали весь участокъ дивизіи, особенно двѣ батареи 1 Кавказской Гренадерской артиллерийской бригады, стоящія на позиціяхъ между д. д. Шутовичи-Перебрановичи.

Высланная ночью 7/8 июля развѣдка отъ 111 полка обнаружила два чистыхъ и три не совсѣмъ чистыхъ прохода; степень разрушенія оборонительныхъ сооружений противника изъ за сильнаго огня выяснить не удалось.

Съ утра 8 июля продолжалась артиллерийская подготовка, достигшая особенно сильнаго напряженія около 13 часовъ — нѣмцы до 10 час. 15 мин. хранили молчаніе; въ теченіе дня надъ окопами и щелями летали нѣмецкіе аэропланы на высотѣ 300-500 метровъ и разстрѣливали изъ пулеметовъ нашихъ солдатъ.

Съ 10 час. 15 мин. противникъ началъ обстрѣливать тяжелой артиллерией наши окопы первой и второй линій, а также тыль до д. д. Перебрановичи-Шутовичи включит., но вскорѣ огонь прекратился. Вследствіе сильнаго артиллерийскаго огня съ обѣихъ сторонъ чрезвычайно затруднена была телефонная связь: провода ежеминутно рвались и связь поддерживалась почти исключительно постами солдатъ-сюроходовъ.

Въ 22 час. 30 мин. нѣмцы, пустивъ предварительно нѣсколько красныхъ ракетъ, безъ всякой видимой причины, вновь открыли сильнѣйшій артиллерийскій огонь по всему участку дивизіи, продолжавшейся около 25 минутъ.

Около 12 час. командирамъ частей было сообщено, что временно отмѣненный приказъ дивизіи № 107 надлежитъ выполнить полностью 8 июля съ наступленіемъ темноты.

Въ теченіе 8 июля дважды была произведена усиленная развѣдка, данныхя которой сводились къ слѣдующему: 1) первая линія окоповъ занята противникомъ, который тотчасъ же по выходѣ нашихъ развѣдчиковъ за проволочнымъ загражденіемъ обстрѣльялъ ихъ ружейнымъ, пулеметнымъ и артиллерийскимъ огнемъ; 2) между цѣлями 1-2, 7-7 и 9-10 обнаружено пять нераразрушенныхъ блиндажей, въ которыхъ скрывались нѣмцы; проходы 1-й и 2-й нечисты: рогатки разбросаны и проволока мѣстами лишь опустилась. Въ общемъ, въ теченіе дня шла, главнымъ образомъ, артиллерийская стрѣльба съ обѣихъ сторонъ.

Еще днемъ, около 13 часовъ, начальнику дивизіи была прислана резолюція полкового комитета 110 пѣх. Камского полка, въ которой говорилось, что, «обсудивъ вопросъ о незаступленіи (наканунѣ) на позицію 1-го баталіона, полковой комитетъ призналъ необходимымъ запросить начальника дивизіи о нижеслѣдующемъ съ точнымъ разъясненіемъ: прежде всего нужно знать комитету, такъ и солдатамъ полка, на какомъ основаніи вернули, два баталіона обратно, а долженъ быть бы заступить только одинъ баталіонъ и почему не могъ заступить цѣли-

комъ весь полкъ и по какой причинѣ полкъ не могъ исполнить заданной ему задачи» (Дословно).

Въ отвѣтъ на эту резолюцію начальникомъ дивизіи, на имя предсѣдателя полкового комитета, была отправлена записка, въ которой указывалось, что полковой комитетъ, вышелъ изъ рамокъ своихъ полномочий, а Камскій полкъ призывался къ выполнению возлагаемыхъ на него боевыхъ задачъ.

Кромѣ того, для успокоенія умовъ, туда были командированы командиръ бригады полковникъ Кузнецова и членъ Освѣдомительной комиссіи унтеръ-офицеръ Миняшинъ. Результатомъ увѣщеваній явилось, что 110 пѣх. Камскій полкъ, за исключеніемъ 8 роты и частей 2, 3 и 4 ротъ, постановилъ наступать и занять позицію; какъ потомъ выяснилось, это было почти такъ и исполнено и Камцы, въ ночь на 9 юля, выступили для занятія исходнаго положенія въ составѣ: 3-й баталіонъ, всѣ команды и части ротъ остальныхъ баталіоновъ, всего 724 человѣка.

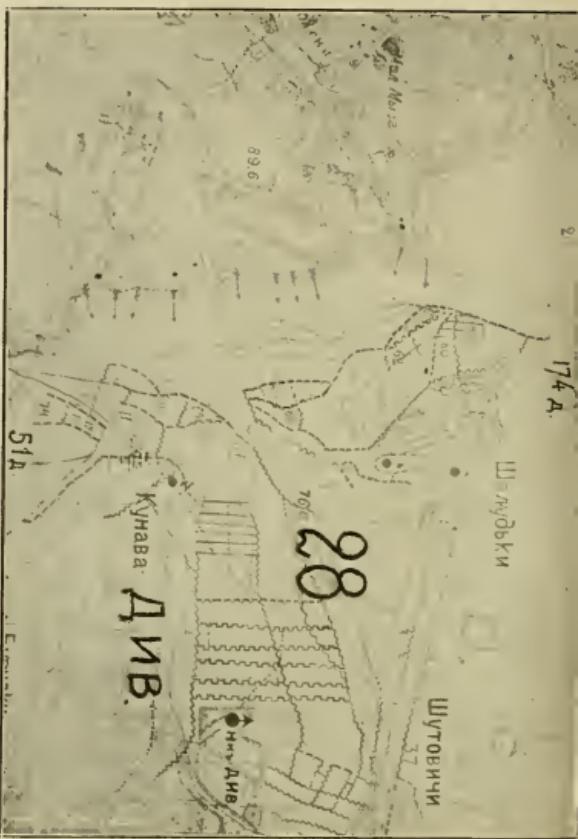
Въ 109 пѣх. Волжскомъ полку, въ течепіе цѣлаго дня происходили митинги по вопросу о причинахъ отмѣны приказа о занятіи исходнаго положенія: увѣщеванія, какъ со стороны офицеровъ, такъ и со стороны комитетовъ и наиболѣе сознательныхъ лицъ не имѣли никакого успѣха и въ результатѣ, несмотря на участіе въ увѣщеваніяхъ членовъ дивизіоннаго и армейскаго комитетовъ, Волжскій полкъ категорически отказался выступить для занятія позиції: выступили лишь всѣ команды, 46 офицеровъ съ подполковникомъ Янчнимъ во главѣ и около 200 человѣкъ наиболѣе честныхъ сознательныхъ солдатъ; осталось же около 1.500 солдатъ съ 5 офицерами*) и командиромъ полка — послѣдній съ разрѣшеніемъ начальника дивизіи, чтобы устроить и привести полкъ въ порядокъ.

Вѣроятно въ связи съ отказомъ 109 пѣх. Волжского полка и 110 пѣх. Камскаго пол., изъ штаба корпуса, около 19 часовъ, получены были двѣ телеграммы командира корпуса: 1) о началѣ артиллерійской подготовки на фронтѣ 5-й арміи и 2) о необходимости разъяснить полкамъ, что исходное положеніе было отложено съ цѣлью продолжить артиллерійскую подготовку и согласовать свои дѣйствія съ 5 арміей, но вслѣдствіе перерыва связи блиндажа со штабомъ дивизіи на ст. Залѣсье они своевременно переданы не были; въ частности же содержаніе ихъ было сообщено командиру 109 полка, но послѣдній отвѣтилъ, что «ничего уже не поможетъ».

Оставшіеся два баталіона 112 пѣх. Уральскаго полка выступили полностью только послѣ долгихъ уговоровъ, но вторичное приказаніе Начальника дивизіи о высылкѣ 50 человѣкъ рабочихъ для вырытія санитарныхъ котловановъ, какъ и наканунѣ, исполнено не было: назначенные рабочіе идти на работу отказались.

*) Офицеры эти были исключены изъ полка судомъ чести «за трусость», но Комиссаръ III-й арміи отмѣнилъ это рѣшеніе и предложилъ оставить офицеровъ этихъ въ полку.

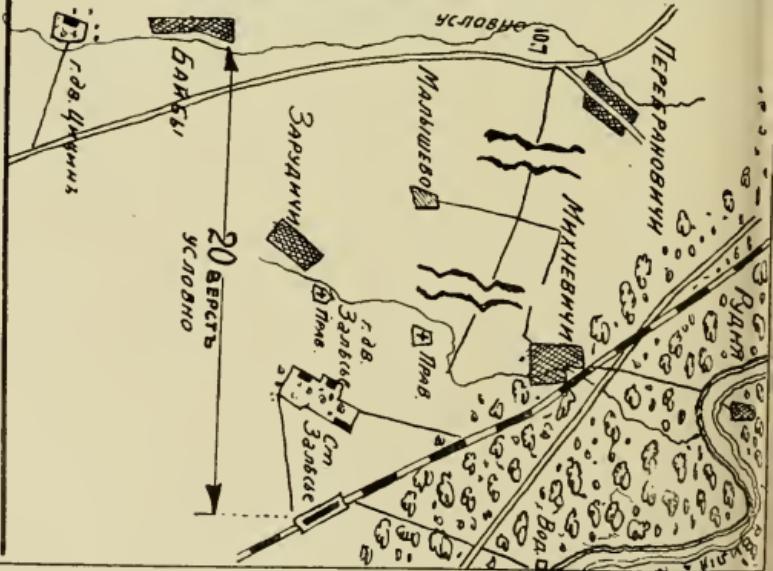

УСЛОВНЫЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Горизонт окопы	Готовыя
Горизонт ходы сообщения	Готовыя
Горизонт щели	Готовыя
Горизонт окопы	Готовыя
Горизонт ходы сообщения	Несколько
Горизонт щели	Несколько
Большой блуждаж к-ра полка	ВЪ ПРОЕКТЪ
Небольшой блуждаж к-ра	ВЪ НОЧЕЧКИ
ПРОХОДЫ ВЪ НОЧЕЧКИ ПРОВОДА ЗАГРОЖД.	ПРОДЛЕН. НАШЕЙ АРТИЛЛЕР.

ФОТОСХЕМА

расположение и боя [Сморгонь]
частей 28-й пех дивизии
7-12 июля 1917 г.

Что касается 111 пѣх. Донского полка, то по слухамъ, дошедшімъ до блиндажа, полкъ послѣ сutoчнаго отдыха, вышелъ на позицію съ пѣснями въ отличномъ настроеніи.

Въ 20 час. 35 мин. артиллерійскимъ огнемъ противника разбиты перевязочные пункты 109 п. Волжскаго и 110 п. Камскаго полковъ.

Около 23 часовъ была получена изъ Штакора телеграмма съ сообщеніемъ, что для развитія успѣха возможно движенье за 28 дивизіей бригады 174 дивизіи.

Заключеніе.

Такимъ образомъ боевыя дѣйствія за минувшія сутки сводились:

- 1) къ продолженію артиллерійской подготовки съ нашей стороны и
- 2) ряду усиленныхъ развѣдокъ.

Со стороны нѣмцевъ артиллерійскій огонь носилъ періодическій и кратковременный характеръ; въ общемъ же былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ предыдущіе два дни.

Что касается войскъ, въ смыслѣ выполненія ими боевыхъ приказовъ, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ операциіи, то:

1) 109 пѣх. Волжскій полкъ приказа не исполнилъ и на позицію не выступилъ.

2) 110 пѣх. Камскій полкъ въ цѣломъ также приказа не исполнилъ и на позицію выступилъ въ составѣ около 2/3.

3) 111 пѣх. Донской и 112 пѣх. Уральскій полки приказъ выполнили и на позицію выступили, но въ частности 50 человѣкъ изъ послѣдняго полка не исполнили приказанія и поставили, какъ медицинскій персональ, такъ и своихъ же товарищѣ раненыхъ въ трудныя условія по оказанію санитарной помощи.

Такимъ образомъ изъ 13-ти баталіоновъ, на которые расчитывалъ Начальникъ дивизіи, въ его распоряженіи, къ утру 9 іюля, оказалось, *всего* около 9 баталіоновъ; (3 баталіона 112 п. Уральскаго полка, 2 баталіона 110 п. Камскаго полка (неполные), 3 баталіона 111 п. Донскаго полка, Штурмовой баталіонъ и части ротъ 109 п. Волжскаго полка).

9 іюля.

Занятіе исходнаго положенія.

Ночь прошла въ ружейной и артиллерійской перестрѣлкѣ.

Къ разсвѣту 9 іюля части дивизіи заняли исходное положеніе слѣдующимъ образомъ:

1) Шалудьки — окопъ № 62 вкл. — 112 п. Уральскій полкъ къ 3 часамъ 10 минут.

2) Окопъ № 63 — Безымянныи ручей — части 110 п. Камскаго полка въ составѣ 724 человѣкъ — къ 3 часамъ 25 мин.

3) Безымянныи ручей — окопъ № 72, по прежнему занимали «Баталіонъ смерти» и части ротъ 109 пѣх. Волжскаго полка съ 4 пулеметами и 46 офицерами подъ общимъ начальствомъ подполковника Яничина.

Около 0 час. 10 мин. была получена телеграмма Комкора съ подтвержденіемъ Командармомъ приказа по корпусу № 175 объ атакѣ въ 7 часовъ, 9 іюля, а вскорѣ

затѣмъ былъ полученъ и самый приказъ, въ развитіе коего и отданъ приказъ дивизіи.

Въ 1 часъ 35 мин., командиръ 112 полка доложилъ по телефону, что передовыя роты полка не позволяютъ саперамъ продѣлывать проходы; какъ выяснилось впослѣдствіи изъ доклада командира взвода инженерной роты, прaporщика Фракійскаго, солдаты передовыхъ ротъ не только не допускали саперъ продѣлывать проходы въ нашихъ проволочныхъ загражденіяхъ, но даже грозили открыть по нимъ стрѣльбу и только къ 3½ часамъ, когда Наштадивъ пригрозилъ открыть по нимъ артиллерійскій огонь, вопросъ этотъ разрѣшился благополучно.

Около 1 часа 30 мин. было получено приказаніе Командира корпуса, коимъ, ввиду отказа 109 п. Волжскаго и части 110 п. Камскаго полковъ занять исходное положеніе, приказано было занять ихъ позицію и произвести атаку вмѣсто 109 полка, 111 полкомъ, а вмѣсто этого послѣдняго, въ дивизіонномъ резервѣ поставить подошедшій полкъ 134 дивизіи.

Такъ какъ было извѣстно, что около 2/3 110 пѣх. Камскаго полка на позицію уже выступили, то вышеизложенное приказаніе Командира корпуса — 111 пѣх. Донскому полку предстояло исполнить лишь въ отношеніи задачи, возложенной на 109 пѣх. Волжскій полкъ; между 2-3 час. командиру 111 пѣх. Донского полка, прибывшему въ это время уже въ д. Шутовичи (штабъ полка), по телефону и была сообщена начальникомъ штаба дивизіи новая задача:^{*)} ввиду отказа 109 пѣх. Волжскаго полка занять исходное положеніе, поддержка штурмовиковъ возлагается на 111 пѣх. Донской полкъ.

Къ этому времени 111 п. Донской полкъ занялъ двумя баталіонами щели сѣв.-восточнѣе Кунава, 3-й баталіонъ только подходилъ.

Въ 3 часа 35 мин. полковой адъютантъ 111 пѣх. Донского полка по телефону доложилъ, что 2-й баталіонъ отказывается отъ выполненія новой задачи; объ этомъ было донесено начальнику штаба корпуса, на что около 5 час. 30 мин. былъ полученъ отвѣтъ командира корпуса, что приказъ Командарма остался въ силѣ.

Въ 4 часа 15 мин. въ блиндажъ прибылъ командиръ 533 полка, приданного на усиленіе участка дивизіи; полку приказано было стать восточнѣе д. Шутовичи вдоль дороги Перебрановичи и Цицинъ.

Въ то же приблизительно время адъютантъ 111 п. Донского полка, на вопросъ начальника штаба о положеніи дѣлъ, вновь доложилъ, что уже весь полкъ цѣликомъ отказывается наступать.

Въ 4 ч. 30-40 мин. командиръ 112 пѣх. Уральскаго полка донесъ, что изъ ротъ 1-го баталіона замѣчается бѣгство солдатъ въ тылъ, при чёмъ бѣглецы къ этому времени насчитывались десятками. Виду создавшагося положенія — въ 112 пѣх. Уральскій полкъ, тотчасъ же послѣ доклада командира полка о бѣгствѣ солдатъ, отправились члены армейскаго комитета. Такъ какъ начальнику штаба не разрѣшено было начальникомъ дивизіи отправиться въ 111 пѣх. Донской полкъ и ознакомо-

^{*)} Всѣ приказанія командиру 111 пѣх. Донского полка, вслѣдствіе его глухоты, передавались черезъ полкового адъютанта капитана Рымарева; точно также этимъ офицеромъ дѣлались доклады въ штабъ дивизіи.

миться съ положенiemъ дѣль, то туда отправились члены Освѣдомительной комиссii съ цѣлью уговорить солдатъ выполнить возложенную на полкъ задачу.

Въ 5 час. 15 мин. Кавказская артиллерийская бригада открыла огонь по окопамъ противника, сначала обычновенными снарядами, затѣмъ химическими и вскорѣ затѣмъ перешла опять на обычновенные снаряды; артиллериа сосѣднихъ участковъ также вела интенсивный огой. Черезъ 5 мин. начальникъ штаба былъ вызванъ по телефону командиромъ 110 пѣх. Камского полка, который просилъ доложить начальнику дивизи, что Камскій полкъ проситъ прекратить нашъ артиллериjskij огонь, который будто бы такъ силенъ, что вредно дѣйствуетъ на нихъ; командиры баталіоновъ не ручаются за участокъ, если огонь не будетъ прекращенъ. Тоже самое подтвердилъ начальнику штаба по телефону и одинъ изъ командировъ баталіоновъ. «Настроение солдатъ скверное и въ атаку Камцы идти не хотятъ». Начальникъ штаба опять предупредилъ, что въ случаѣ отхода Камцевъ съ позиціи, по нимъ будетъ открытъ артиллериjskij огонь.

Почти въ это же время командиръ 112 пѣх. Уральского полка доложилъ по телефону, а затѣмъ прислалъ и донесеніе о томъ, что солдаты трехъ ротъ (2, 3 и 4) единогласно постановили не наступать, ввиду недостаточной артиллериjskой подготовки, самовольно бросая окопы, уходить въ тылъ.

Объ изложенному около 5 час. 30 мин. было донесено въ штабъ корпуса съ мнѣнiemъ начальника дивизи: «состояніе духа войскъ таково, что надежды на успѣхъ нѣтъ — думаю, что никто не выйдетъ изъ окоповъ».

Въ отвѣтъ на это донесеніе, было получено около 6 часовъ приказаніе Комкора постараться занять частями полка 134 пѣхотной дивизи, прибывшаго въ распоряженіе начальника дивизи, хотя бы важнѣйшиe участки.

Въ 5 час. 44 мин. изъ 111 пѣх. Донского полка возвратились члены Освѣдомительной комиссii и доложили, что первый баталіонъ 111 пѣх. Донского полка готовъ исполнить приказа начальства и удивленъ тѣмъ, что до бѣлага дnia имъ не отдаются приказанія о поддержкѣ частей 109 пѣх. Волжского полка, а также удивленъ слабой артиллериjskой стрѣльбой. Начальникъ штаба, вызвавъ къ телефону адьютанта 111 пѣх. Донского полка, сообщилъ для доклада командиру полка о вышеизложенномъ, а такъ какъ въ это же время выяснилось, что штабъ полка находится еще въ д. Шутовичи, т. е. въ разстояніи почти 1 версты отъ своего полка, то начальникъ дивизи потребовалъ:

- 1) Немедленного перехода командира полка поближе къ своему полку.
- 2) Немедленно выступить 111 пѣх. Донскому полку на поддержку Волжцевъ.

Въ 6 час. 05 мин. начальникъ штаба была остановлена одна изъ перебѣгающихъ въ тылъ отдѣльныхъ группъ солдатъ (въ 3-5 человѣкъ), оказавшихся развѣдчиками 111 пѣх. Донского полка, которые сказали, что имъ приказано собраться къ штабу полка — съ какой цѣлью — имъ неизвѣстно; начальникъ ихъ, поручикъ Приморскій (молодой), находится въ лѣсу; спрошенный по телефону начальникъ службы связи 111 пѣх. Донского полка подтвердилъ слова развѣдчиковъ, послѣ чего они были отпущены. Ни командира полка, ни полкового адьютанта въ это время въ штабѣ полка уже не было; по словамъ начальника

службы связи, они отправились въ щели, куда за ними и протягивался телефонный проводъ.

Черезъ 20-30 мин. начальнику службы связи было передано приказаніе разыскать командира полка, установить съ нимъ связь и передать, чтобы полкъ поскорѣе продвигался впередъ и очищалъ щели для 533 полка.

Около 6 час. 50 мин. начальникъ штаба предупредилъ всѣхъ командировъ полковъ, что наша артиллериа ровно въ 7 часовъ перенесетъ огонь въ тыль, послѣ чего полкамъ необходимо перейти въ атаку.

Въ 6 час. 58 мин. артиллериа перенесла огонь, о чмъ немедленно было передано въ полки и 51 пѣх. дивизію, и полки, какъ сперва неточно донесено командирами полковъ, двинулись въ атаку. Однако наблюденіемъ съ вышки въ трубу скоро было установлено, что пошли въ атаку противъ лѣваго прохода волнами лишь Штурмовики о чмъ и было передано въ 51 дивизію и артиллерию; ни на правомъ, ни на среднемъ участкахъ никакого движенія замѣчено не было.

Въ 7 час. съ минутами показались выходящіе изъ окоповъ отдѣльныя небольшія кучки смѣльчаковъ 112 пѣх. Уральского полка; тогда же командиру 110 пѣх. Камскаго полка было указано, что на его участкѣ до сихъ поръ никто не вышелъ изъ окоповъ.

Послѣ этого начальникъ штаба, лично наблюдая въ трубу, замѣтилъ: 1) на лѣвомъ участкѣ — первая цѣнь Штурмовиковъ лежала впереди проволочныхъ загражденій, вторая сзади; 2) на правомъ участкѣ — попрежнему были видны въ беспорядкѣ разбросанныя одиночныя небольшія группы солдатъ; 3) на среднемъ — попрежнему никого. О замѣченномъ вновь было сообщено командирамъ полковъ.

Впереди Штурмовиковъ видны были убѣгающіе нѣмцы, человѣкъ 20.*)

Около 7 час. 13 мин., по донладу командира 110 полка, Камцы (въ дѣйствительности, вѣроятно, отдѣльные смѣльчаки) прошли проволочный загражденія — болѣе сильная части выступили лишь въ 8 час. 10 мин. Нѣмцы, какъ было видно изъ трубы, встрѣчали одиночныхъ атакующихъ «кучками» (группами).

Въ связи съ успѣхами частей 51 пѣх. дивизіи, захватившихъ къ 7 час. 15 мин. Рыжий Бугоръ и въ 7 час. 20 мин. первую линію непріятельскихъ окоповъ, а также виду того, что Штурмовики форсировали проволочный загражденія противника — к-ру 111-го п. Донскаго полка въ 7 час. 20 мин. отправлено было съ нарочнымъ письменное приказаніе**): немедленно двигаться за Штурмовыми баталіономъ и 109 п. Волжскимъ полкомъ и развивать ихъ успѣхъ, при чмъ указывалось, что это было передано поручику Малишевскому (начальнику службы связи) еще часть тому назадъ. Это приказаніе подполковникомъ Смирновымъ было получено около 8 час. 45 мин., при чмъ, согласно его донесенію, 3-й баталіонъ выступилъ на д. Кунава, а за 3-мъ баталіономъ передвигаются остальные.

Въ теченіе всего дня боя, съ цѣлью ободрить полки, непрерывно сообщалось по телефону объ успѣшномъ продвиженіи нашихъ соцѣдей, а такъ какъ теле-

*) Отдѣльный эпизодъ.

**) До 7 час. 20 мин. телефонной связи съ командиромъ 111 п. Донскаго полка на новомъ мѣстѣ установлено не было; отправляемая въ щели «живая связь» командира полка не находила.

грамммы приходили съ опозданіемъ, то передавались свѣдѣнія, получаемыя по телефону, какъ изъ штаба корпуса, такъ и изъ 51 пѣх. дивизіи.

Ввиду доклада командира 112 пѣх. Уральского полка о томъ, что первый баталіонъ вышелъ не въ полнотѣ, начальникъ дивизіи приказалъ наступать слѣдующему за нимъ—второму баталіону, но и этотъ баталіонъ, несмотря на двукратное приказаніе, отказался.

Къ 8 час. нѣмцы, замѣтивъ наши неудачные попытки наступленія, открыли огонь тяжелой артиллерией по правому и лѣвому участкамъ. Дальнѣйшее продвиженіе Штурмовиковъ и Волжцевъ впередъ сдѣгалось затруднительнымъ: съ одной стороны на правомъ участкѣ наступали отдѣльныя кучки солдатъ, съ другой — эти смѣльчаки нарывались на неразрушенные блокгаузы, изъ коихъ нѣмцы обстрѣливали ихъ ружейнымъ, пулеметнымъ и минометнымъ огнемъ; съ третьей — главная масса солдатъ, въ томъ числѣ 110 п. Камскаго и 112 п. Уральскаго полковъ, сидѣли въ окопахъ и не только не оказывали никакой рѣшительной поддержки, но испуганные артиллерией канонадой въ одиночку и группами удирали въ тылъ. На глазахъ начальника штаба прошло въ тылъ не менѣе 200 человѣкъ, при чмъ ближайшіе, опрошенные солдаты, оказались 111 п. Донскаго полка.

Въ это время отъ командировъ полковъ, несмотря на то, что при нихъ были артиллеристы-офицеры для связи, стала поступать непрерывный рядъ требованій объ открытии огня легкой и тяжелой артиллерией, по той или иной опасной для нихъ цѣли. Всѣ эти требованія немедленно удовлетворялись или непосредственно, или же, если просили открыть огонь по артиллерию противника, просьбы эти передавались въ штабъ корпуса. Насколько интенсивна была стрѣльба артиллериі, показываетъ число выбывшихъ изъ строя орудій: легкихъ 10 — изъ 26 дѣйствовавшихъ по проходамъ, тяжелыхъ — 6 (изъ 8). На пристрѣлку каждой батареи израсходовано въ среднемъ 120 гранатъ, на пробивку проходовъ каждой батареи израсходована до 2000 гранатъ.

Къ 8 час. 15 мин., къ д. Шутовичи, сталъ подходить 533 полкъ; такъ какъ къ этому времени стали поступать свѣдѣнія, что у Штурмовиковъ дѣла плохи и что 111 пѣх. Донскаго полка все еще будто-бы не освободилъ щелей, то начальникъ дивизіи отдалъ приказаніе командиру полка: головному баталіону сейчасъ же прибыть въ д. Кунава, а командиру баталіона лично явиться къ 109 п. Волжскаго полка подполковнику Яничину. Объ исполненіи означеннаго приказанія отъ командира 111 пѣх. Донскаго полка была получена телефонограмма (чмъ не указанъ, но приблизительно около 11 часовъ).

Въ это время произошелъ слѣдующій характерный случай — какъ только 533 пѣх. полкъ подходилъ къ д. Шутовичи, кѣмъ то въ районѣ Шутовичи-Перебрановичи были брошены въ свѣтлыхъ ракеты, послѣ чего 533 полкъ подвергся обстрѣлу 42 сантиметровыхъ орудій.

Въ 8 час. 26 мин. командиру 111 пѣх. Донскаго полка отдано приказаніе двинуться со всѣмъ полкомъ за штурмовыми баталіономъ.

До 9 час. не видно было ни со стороны 112 пѣх. Уральскаго, ни со стороны 110 пѣх. Камскаго полка никакого развитія успѣха, такъ какъ отдѣльные люди залегли передъ нашими проволочными загражденіями и впередъ не продвигались.

Въ 9 час. 8 мин. 111 пѣх. Донской полкъ въ связь со Штурмовиками еще не вошелъ. Около 9 час. 15 мин. получено словесное донесеніе по телефону, что

части 5 и 7 роты 110 пех. Камского полка отходить, неся большія потери — въ отвѣтъ на что начальникъ дивизіи приказалъ передать 110 полку двигаться впередъ, тогда и потери будуть меньше.

Около 10 часовъ положение на фронтѣ по телефоннымъ докладамъ командировъ полковъ было слѣдующее:

а) *На правомъ участкѣ*: части роты 1-го баталіона 112 пех. Уральского полка прошли проволочную загражденія, но не будучи поддержаны остальными, подъ минометнымъ и пулеметнымъ огнемъ начали отходить; 2-й же баталіонъ отказался выходить пока не выйдутъ другія роты — остальные же роты не выходили.

б) *На среднемъ участкѣ*: части роты 110 пех. Камского полка подъ обстрѣломъ изъ неразрушенныхъ блокгаузовъ, залегли впереди нашихъ проволочныхъ загражденій.

в) *На левомъ участкѣ*: Штурмовики и части роты 109 пех. Волжского полка сперва залегли передъ проволочными загражденіями противника и затѣмъ, несмотря на обстрѣлъ тяжелыхъ орудій, прошли ихъ и, взявъ первую линію нѣмецкихъ окоповъ, наступаютъ дальше.

г) 111 пех. Донской полкъ вышелъ изъ щелей и головой подходитъ къ д. Кунава.

д) 533 полкъ подходитъ къ щелямъ, при чёмъ ему, ввиду обстрѣла, приказано было скрыто расположиться въ районѣ д. Шутовичи.

Въ это время противникъ замѣтилъ передвигавшійся по щелямъ 111 пех. Донской полкъ и открылъ жестокій огонь тяжелыми орудіями — отдѣльные люди не выдерживали и кучками начали уходить въ тылъ.

Около 11 часовъ была получена телеграмма изъ штаба корпуса съ приказаниемъ командира корпуса о бережномъ расходованіи резервовъ, имѣя ввиду, что остающіеся на мѣстѣ несутъ большія потери.

Такое положеніе было безъ всякихъ перемѣнъ до 11 час. 40 мин. и лишь «Баталіонъ Смерти» и части роты 109 пех. Волжского полка заняли часть первой линіи окоповъ противника западиѣ Кунава; часть-же ихъ, не будучи ни кѣмъ поддержаны, окопалась передъ нѣмецкими окопами, неся большія потери отъ пулеметного огня изъ неразрушенныхъ блокгаузовъ между цѣлями 7-8-9-10.

111 пех. Донской полкъ, двинутый по докладу полкового адютанта за «Баталіономъ Смерти» и ротами Волжцевъ, къ этому же времени будто-бы про-двигался лѣвымъ плечомъ въ нѣмецкіе окопы — чего въ дѣйствительности не было.

Вспѣдствіе перерыва телефонной связи снарядами, до 14 час. донесеній отъ Штурмового баталіона не поступало; посылаемые бѣгуны были или ранены, или пропадали.

Нѣмцы продолжали усиленно обстрѣливать наши окопы праваго и лѣваго участковъ тяжелыми снарядами, а съ 14 час. открыли огонь по окопамъ первой и второй линіи химическими снарядами.

Потери по донесеніямъ командировъ полковъ были огромны, въ нѣкоторыхъ ротахъ оставалось до 30-40 человѣкъ — особенно большія потери понесъ «Баталіонъ Смерти»; точная потеря сразу выяснить не удалось.

Въ 16 час. 12 мин. 111 пех. Донскому полку приказано смѣнить Штурмовиковъ и Волжцевъ, ввиду понесенныхъ послѣдними большихъ потерь.

Въ 16 час. 30 мин. всѣ части отошли въ исходное положеніе, занявъ первую и вторую линіи, за исключеніемъ отдѣльныхъ солдатъ двухъ ротъ Камского

и Уральского полковъ, залегшихъ передъ нѣмецкими проволочными заграждѣніями и немогущихъ оттуда выбраться до наступленія темноты.

Вслѣдствіе создавшагося тяжелаго положенія и съ цѣлью дать отдыхъ пострадавшимъ въ бою частямъ и оправиться отъ понесенныхъ ими огромныхъ потерь, — начальникъ дивизіи отдалъ слѣдующія распоряженія:

1) Съ наступленіемъ темноты, остатки Штурмовиковъ и Волжцевъ смѣнить баталіономъ 111 пѣх. Донского полка, держа два остальныхъ баталіона того же полка въ резервѣ; смѣненные части отвести въ Залѣсье.

2) Уральцевъ и Камцевъ также съ наступленіемъ темноты смѣнить 533 полкомъ, поставивъ ихъ послѣ смѣни въ районъ Шутовичи.

Въ это же время по телефону получено было донесеніе, что полковникъ Коргановъ*) двигается съ оставшейся частью 109 пѣх. Волжскаго полка въ количествѣ 1.100 человѣкъ при 6 офицерахъ. Начальникъ дивизіи рѣшилъ полку этотъ держать временно въ резервѣ за 111 пѣх. Донскимъ полкомъ.

Въ 16 час. 35 мин. вновь появился нѣмецкій самолетъ, обстрѣливающей изъ пулемета окопы и щели.

Въ 18 час. 30 мин. начальникъ штаба былъ вызванъ къ телефону командиромъ второго баталіона 111 п. Донского полка, который доложилъ, что баталіонъ отказывается становиться на позицію, ссылаясь на усталость и что солдаты частью расходятся.

Начальникъ дивизіи приказалъ командиру полка, баталіона, офицерамъ и комитетамъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы убѣдить баталіонъ исполнить приказъ.

Около 20 час. изъ штаба корпуса была получена первая, а вскорѣ и вторая телеграмма, съ приказаніемъ 533 полку отойти въ районъ 29 дивизіи въ расположение начальника 1-й Кавказской Гренадерской дивизіи. Смѣненные части отвести оттуда не восточнѣе линии Сунгеничи-Малышево. Для того же, чтобы предотвратить самовольный уходъ людей, — приди в и у ть ближе кухни.

Кромѣ того наштакоромъ эти приказанія были подтверждены лично по телефону.

Въ 19 час. 30 мин. приказаніе обѣ уходѣ передано командиру 533 полка; въ это же время въ блиндахъ прибылъ командиръ 109 п. полка полковникъ Коргановъ, доложившій, что б ротъ его полка въ общемъ (1.100 солдатъ при 6 офицерахъ) находятся въ районѣ д. Малышево, а онъ самъ прибылъ за получениемъ приказаний.

Ввиду создающейся обстановки, въ связи съ предстоящимъ уходомъ 533 полка, начальникомъ дивизіи отданы были слѣдующія распоряженія:

1) Командиръ 109 пѣх. Волжскаго полка съ наступленіемъ темноты смѣнить части 112 пѣх. Уральского и 110 пѣх. Камскаго полковъ.

2) Обѣ этомъ же были поставлены въ извѣстность и командиры вышеназванныхъ полковъ, которымъ по смѣнѣ указывалось отойти въ районъ Шутовичи.

3) Подтянуть поближе кухни.

4) Подполковнику Ячину, въ рукахъ которого было объединено начальствование лѣтыми участкомъ, по смѣнѣ его частей Доцами, приказано было отойти — въ районъ восточнѣе д. Шутовичи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ начальнику штаба корпуса было доложено, о создающемся серьезномъ положеніи на фронтѣ дивизіи, въ связи съ уходомъ 533 полка, вслѣд-

*) Командиръ 109 пѣх. Волжскаго полка.

ствіе чего на нѣкоторыхъ участкахъ могло оказаться недостаточное число бойцовъ.

Въ 20 час. 30 мин. нѣмцы открыли огонь тяжелой артиллерию по первой и второй линіи нашихъ окоповъ, доведя его до степени ураганного. Огонь продолжался до 21 часа.

Въ это же приблизительно время (разница въ 10-15 мін.) начальникомъ штаба дивизіи былъ запрошено полковой адъютантъ 111 пѣх. Донского полка — въ какомъ состояніи вопросъ о заступленіи полка на позицію. Послѣднимъ было отвѣчено, что командиры баталіоновъ тянутъ жребій.

Въ 21 часъ 10 мин. подполковникъ Янчинъ передалъ, что второй баталіонъ 111 пѣх. Донского полка занялъ вторую линію окоповъ, а въ первую переходить солдаты не желаютъ; въ первой линіи есть только человѣкъ 40-60 Донцовъ третьаго баталіона. О смѣни не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ участка не принимаютъ. Офицеры на мѣстахъ. Командиръ баталіона въ первой линіи окоповъ. Со стороны офицеровъ не видно принудительныхъ мѣръ, да они впрочемъ и ничего не смогутъ сдѣлать, такъ какъ «солдаты держать равненіе на тылъ».

Передача этого сообщенія командири 111 пѣх. Донского полка задержалась порчей линіи и лишь въ 21 час. 21 мин. к-ръ 111 пѣх. Донского полка былъ поставленъ обѣ этомъ въ извѣстность, въ отвѣтъ на что было сообщено полковымъ адъютантомъ, что командиръ полка предполагаетъ лично прибыть въ блиндажъ и доложить обо всемъ начальнику дивизіи.

Вскорѣ послѣ этого было получено донесеніе подполковника Янчина о крайне тяжеломъ положеніи частей, занимающихъ лѣвофланговый участокъ (части Штурмового баталіона и 109 п. Волжскаго полка), обѣ ихъ моральномъ и физическомъ утомленіи, вслѣдствіе чего являлась необходимость немедленной ихъ смѣны.

Въ 21 часъ 44 мин. въ блиндажъ прибыло 5 солдатъ членовъ полкового (4) и ротнаго (1) комитетовъ 111 пѣх. Донского полка и обратились къ начальнику дивизіи съ заявлениемъ, что полкъ возмущенъ заступленіемъ на позицію и проситъ смѣны; изъ 10 человѣкъ имѣется 1, на которого можно положиться. Начальникъ дивизіи отвѣтилъ, что смѣнить некѣмъ, что мы должны стоять на позиціи, какъ часовой на посту; и если никто не смѣнить насть, то и умереть, защищая свой постъ, но делегаты заявили, что полкъ несетъ большія потери, что артиллерию не оказывала должной поддержки въ нужный моментъ. Кромѣ того начальнику дивизіи былъ предложенъ рядъ вопросовъ: есть ли въ тылу резервы, почему ихъ ведутъ въ бой безъ резервовъ и т. п.

Несмотря на то, что начальникъ дивизіи обѣщаѣтъ смѣнить ихъ на слѣдующій день другими частями — делегаты высказали предположеніе, что все равно полкъ сегодня разойдется — останутся только комитеты и наиболѣе сознательные люди, которымъ остается только умереть.

Далѣе делегаты ссыпались на то, что они явились не сами, а ихъ послалъ полкъ и что солдаты выражаютъ недовѣріе и требуютъ отчета, а одинъ изъ членовъ (рот-

наго комитета) категорически заявилъ, что въ момент атаки заградительного огня не было.

Послѣ этихъ разговоровъ делегаты отправились въ артиллерийскій блиндажъ, гдѣ командиромъ Кавказской Гренадерской артиллерийской бригады, по ихъ требованію, были даны цифровыя данныя о числѣ выпущенныхъ снарядовъ.

Въ 22 часа 109 пѣх. Волжскаго полка, по донесенію командира 112 пѣх. Уральскаго полка, къ д. Шутовичи еще не подошелъ; нѣсколькоими минутами позже подполковникъ Янчинъ доложилъ, что смѣна еще не начиналась.

Еще позже полковой адъютантъ 111 пѣх. Донскаго полка донесъ, что остатки третьяго баталіона и второго баталіона уходятъ въ тылъ; остаются офицеры. Командиръ полка пришлетъ донесеніе.

Сейчасъ же послѣ этого, въ 22 часа 10 мин., начальникъ дивизіи отправился въ артиллерийскій блиндажъ и обратился къ делегатамъ: «господа, да вѣдь вы же дѣлаете преступленіе — сидите здѣсь, считаете снаряды, а полкъ уходитъ съ позиціи, идите сейчасъ же и остановите ихъ — ваше мѣсто тамъ».

Вмѣстѣ съ делегатами отправился и членъ Освѣдомительной комиссіи, прaporщикъ Бабенковъ.

Объ этомъ было сообщено по телефону командиру 111 пѣх. Донскаго полка.

Въ 23 часа 10 мин. въ блиндажъ прибыль командиръ 111 пѣх. Донскаго полка (вмѣстѣ съ полковымъ адъютантомъ), который доложилъ начальнику дивизіи, что части полка, пользуясь темнотой, самовольно уходятъ въ тылъ и ни чѣмъ ихъ нельзя остановить; выставленные 7 карауловъ не помогаютъ. Офицеры остаются на позиціи. Послѣ этого доклада командиръ полка предложилъ начальнику дивизіи, что онъ отправится къ д. Михневичи, гдѣ перехватить полкъ на двухъ дорогахъ, сбереть его, устроить, а завтра вновь приведеть на позицію. Начальникъ дивизіи разрѣшилъ; послѣ обсужденія еще нѣкоторыхъ вопросовъ, командиръ 111 пѣх. Донскаго полка около 1 часа 10 июля покинулъ блиндажъ.

Объ изложенію начальникъ штаба дивизіи въ 23 часа 50 мин. доложилъ по телефону начальнику штаба корпуса и вслѣдъ за этимъ было отправлено и письменное донесеніе.

Въ то же время командиру 112 пѣх. Уральскаго полка приказано — въ случаѣ подхода 109 пѣх. Волжскаго полка, смѣну не производить и Волжцевъ задержать для отдачи новаго распоряженія.

10 июля.

Такъ какъ уходъ 111 пѣх. Донскаго полка создавалъ совершенно иную обстановку, начальникъ дивизіи рѣшилъ Уральцевъ и Камцевъ, какъ менѣе пострадавшихъ, не смѣнять съ позиціи, а 109 пѣх. Волжскаго полку направить для занятія лѣваго участка, смѣнивъ какъ остатки Штурмовиковъ, такъ и остатки ротъ 109 пѣх. Волжскаго полка.

Въ 24 часа 10 мин. командиру 109 пѣх. Волжскаго полка, черезъ штабъ 112 полка, было отдано слѣдующее приказаніе: — во измѣненіе ранѣе отданныхъ распоряженій, 109 пѣх. Волжскому полку занять позицію лѣвофлангового счастка, занять передовую линію не менѣе какъ двумя ротами съ 4 пулеметами; убѣженнымъ Штурмовикамъ отойти въ районъ восточнѣе д. Шутовичи.

Такъ какъ предвидѣлось, что среди солдатъ возникнутъ нежелательные толки о причинахъ огня новой перемѣны распоряженій, то начальникоомъ дивизіи приказано было объяснять солдатамъ, что эта перемѣна вызвана самовольнымъ уходомъ съ позиціи въ тылъ 111 пѣх. Донского полка. Объ этомъ приказаніи были поставлены въ извѣстность командиры 110 пѣх. Камскаго полка, Штурмового баталіона и подполковникъ Янчинъ, при чёмъ по докладу послѣднаго на правомъ участкѣ лѣвофланговой позиціи находится человѣкъ 40-60 Донцовъ.

Къ этому же времени выяснилось изъ разговора по телефону, кажется, съ кѣмъ Штурмового б-на, что въ началѣ атаки ушла и часть 3-й штурмовой роты (111 пѣх. Донского полка) съ ротнымъ командиромъ во главѣ.

Около 1 часа 15 мин. получена была телеграмма изъ штакора съ указаніемъ, что вслѣдствіе того, что участокъ малъ, его можно вполнѣ прочно занять тремя полками и всѣми пулеметными командами, а 111 пѣх. Донскому полку можно дать отдыхъ, считая его въ резервъ дивизіи; кроме того указывалось, что надо прочесть послѣдній приказъ Керенскаго.*)

Распоряженіе объ этомъ было сдѣлано, какъ видно изъ вышеизложеннаго, еще до получения этой телеграммы, а именно въ 24 часа 10 мин.; что касается Донского полка, то ни командира полка, ни 111 пѣх. Донского полка въ цѣломъ, уже не было.

Только къ 4 час. части 109 пѣх. Волжскаго полка смѣнили, находящихся на правомъ участкѣ лѣвофланговой позиціи, 40-60 человѣкъ Донцовъ, часть Волжцевъ, дравшихся 9 июля; и нѣкоторую часть Штурмовиковъ; что касается лѣваго участка этой позиціи, то ввиду начавшагося разсвѣта остальныхъ Штурмовиковъ смѣнить не удалось.

Ночь на фронтѣ дивизіи прошла въ рѣдкой ружейной и артиллерійской перестрѣлкѣ и попыткахъ противника производить работы; въ 4 часа 45 мин. нѣмцы открыли сильнѣйший артиллерійский огонь тяжелыми орудіями, продолжавшійся до 6 часовъ, главнымъ образомъ, по участку Безымянного ручея—Кунава.

Насколько войска были нервно настроены понимаютъ то обстоятельство, что, несмотря на огонь нашей артиллеріи, къ телефону поминутно вызывали или начальника штаба или старшаго адютанта, съ просьбой объ открытии и усиленіи огня въ особенности тяжелой артиллеріи. Всѣ эти просьбы передавались командиру Кавказской Гренадерской артиллерійской бригады, а также въ штабъ корпуса.

Къ утру 10 июля расположение войскъ было слѣдующее:

- 1) Отъ д. Шалудыки до окопа № 62 — части 112 пѣх. Уральскаго полка.
- 2) Отъ окопа № 63 до Безымянного ручья — части 110 пѣх. Камскаго полка.
- 3) Отъ Безымянного ручья до д. Кунава на правомъ флангѣ Волжцы (вновь пришедшіе), на лѣвомъ — часть Штурмовиковъ, неуспѣвшихъ уйти съ позиціи изъ за поздней смѣни.

*) Въ приказѣ этомъ говорилось о принятіи всѣхъ мѣръ противъ неповинуующихся частей вплоть до употребленія оружія.

4) 111 пѣх. Донской полкъ собирался командиромъ полка въ районѣ д. Ихневичи.

5) Баталіонъ Смерти — въ районѣ восточнѣе д. Шутовичи.

Высланная ночью развѣдка отъ 110 пѣх. Камскаго полка имѣла цѣлью вынести убитыхъ и раненыхъ на участкѣ этого района, что и было ими сдѣлано, при чёмъ былъ раненъ начальникъ команды развѣдчиковъ.

Въ 9 час. командиръ бригады, полковникъ Кузнеццовъ, изъ штаба дивизіи по телефону сообщилъ, что на ст. Залѣссе имъ собрано около 000 человѣкъ бѣглецовъ Камскаго полка, которыхъ и хотѣлъ отправить на позицію, но они просятъ го до вечера дать имъ отдохнуть. Ввиду того, что днемъ атаки линіи Сукневичи-Перебрановичи нельзя было изъ за обстрѣла показаться, даже небольшимъ группамъ, начальникъ дивизіи разрѣшилъ солдатъ пихъ до вечера не отправлять.

Въ 10 час. 20 мин. начальникъ штаба 174 пѣх. дивизіи сообщилъ, что вертахъ въ 7 отъ позиціи стоять одинъ изъ полковъ 174 дивизіи и въ случаѣ необходимости можно на него расчитывать.

Къ 10-11 часамъ во всѣ части была передана телеграмма военнаго министра Керенскаго о примѣненіи къ неповиную-имся вооруженной силы.

Около 11 час. въ Блиндачъ прѣѣхалъ командиръ 109 пѣх. полка, полковникъ Коргановъ, и просилъ либо отрѣшить его отъ командованія полкомъ, либо арестовать, либо при временномъ настроеніи солдатъ и положеніи офицеровъ, въ особенности командира полка, нельзя быть увѣреннымъ въ выполненіи какого нибудь боевого приказанія.

Ввиду тяжелаго моральнаго состоянія полковника Корганова, начальникъ дивизіи былъ данъ ему временный отдыхъ, въ командованіе же полкомъ, прибытія подполковника Яничина, приказано вступить капитану Вылегжанину.

Въ 12 часовъ, согласно полученному ранѣе уведомленію изъ штаба корпуса, въ дер. Малышево прибылъ Учебный баталіонъ, начальнику которого было приказано занять непрерывной цѣпью съ пулеметами окопы восточнѣе дороги Перебрановичи-Кевлы, съ задачей задерживать всѣхъ бѣглецовъ съ поля сраженія и отправлять ихъ обратно на позицію. Въ случаѣ же неповиненія или сопротивленія — не оставлять ся въ рѣдѣ употребленіемъ оружія.

Указанное положеніе Учебныхъ баталіономъ было занято съ паупленіемъ земноты.

Въ теченіе дня на фронтѣ дивизіи царило относительное затишье, прерываемое незначительной артиллерійской стрѣльбой съ обѣихъ сторонъ, при чёмъ главнымъ образомъ обстрѣливался нѣмецкой тяжелой артиллерией со стороны Василевичи, — участокъ 112 п. Уральского полка.

Вновь былъ замѣченъ нѣмецкій самолѣтъ, низко летающій и обстрѣливающей съ пулемета окопы и щели.

Около 14 час. 30 мин. командующій 110 пѣх. Камскимъ полкомъ, полковникъ Никульцевъ, подалъ рапортъ о болѣзни, на что начальникъ дивизіи приказалъ вѣтить: «Смѣны до смерти не будетъ» и задержать рапортъ, о чёмъ и было сообщено полковнику Никульцеву.

Въ 14 час. 20 мин. капитанъ Вылегжанинъ (112-го п-ка) доложилъ, что онъ съ солдатами не совладаетъ — солдаты уходять, баталіонъ у д. Шутовичи при обстрѣлѣ большей частью разбѣжался. Моральное состояніе солдатъ таково, что при первомъ появлѣніи нѣмцевъ всѣ разбѣгутся.

Въ 16 час. 40 мин. командирамъ 1, 2 и 4 полковъ отдано приказаніе выслать въ распоряженіе офицеровъ инженерныхъ ротъ рабочихъ для исправленія окоповъ.

Въ 16 час. 45 мин. капитанъ Вылегжанинъ вновь доложилъ, что резервный баталіонъ уѣдетъ, резервныя роты, стоящія на позиціи, также уйдутъ, роты, занимающія окопы, при первомъ появлѣніи нѣмцевъ разбѣгутся.

Въ 17 час. 5 мин. начальнику учебныхъ командъ подполковнику Раппъ послано приказаніе о принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ противъ уходящихъ ночью въ тылъ съ позицій роты 109 пѣх. Волжского полка и отдѣльныхъ солдатъ остальныхъ полковъ.

Въ 17 час. 15 мин. полновой адъютантъ 109 пѣх. Волжского полка на вопросъ, кѣмъ занята позиція, доложилъ, что правый флангъ занятъ сборной ротой 109 пѣх. Волжского полка, а лѣвый флангъ занятъ сборной ротой Штурмовиковъ и Донцовъ (?).

Въ 17 час. 30 мин. старшій адъютантъ 174 пѣх. дивизіи доложилъ, что наканунѣ въ районѣ ст. Залѣсье много солдатъ 112 пѣх. Уральскаго полка арестовано и сдано казакамъ.

Въ 18 час. начальникъ штаба дивизіи отправился въ штабъ корпуса, гдѣ доложилъ начальнику штаба корпуса и командиру корпуса о создавшейся обстановкѣ, въ связи съ низкимъ моральнымъ состояніемъ войскъ. Командиръ корпуса обѣщалъ просить Командарма о смѣнѣ частей 28 пѣх. дивизіи и посовѣтовалъ, въ случаѣ массового ухода солдатъ съ позиціи и оголенія я — выставить на первой линіи всѣ пулеметы, что и было исполнено по прибытіи начальника штаба дивизіи.

Командиръ 111 пѣх. Донского полка прислалъ изъ района водокачки спачала телефонограмму, а потомъ и полевую записку — въ которыхъ, ссылаясь на огромные потери (50% солдатъ и 37% офицеровъ; въ частности въ третьемъ баталіонѣ потери офицерскаго состава будто бы достигали 83% — какъ выяснилось впослѣдствіи, свѣдѣнія эти были сильно преувеличены) и на угнетенное настроеніе, просилъ дать сутки оправиться; причины угнетенности по его словамъ: 1) недостаточность артиллерийской подготовки, 2) малочисленность артиллеріи, въ 3) отчасти разрывающее поведеніе 109 пѣх. Волжского полка. Изъ разговора по телефону можно было заключить, что полкъ въ районѣ водокачки отведенъ по желанію солдатъ.

Около 20 час. отъ командующаго 110 пѣх. Камскимъ полкомъ получено донесеніе, что позиція занята всего 334 человѣками изъ его полка.

Нѣсколько раньше отъ него же получено донесеніе о крайне скверномъ настроеніи солдатъ, въ связи съ самовольнымъ уходомъ частей 5, 6 и 7 ротъ, отмѣнной смѣнѣ, неподготовленностью позиціи и т. п.

Въ 21 часъ передано въ полки приказаніе, чтобы всѣ отпускаемые почему либо въ тылъ солдаты имѣли при себѣ записки, такъ какъ въ противномъ случаѣ люди будутъ задерживаться, а идущіе толпой разстрѣливаться изъ пулеметовъ.

Въ 22 часа 15 мин. прибыть въ блиндажъ командиръ 2 батареи 8 тяжелаго осаднаго артиллериjsкаго дивизиона и, возмущенный поведенiemъ пѣхоты, доложить начдиву: «Пѣхотныя части, занимающія передовыя окопы, по одиночкѣ и небольшими группами оставляютъ позицію и, собираясь на опушкѣ лѣса близъ блиндажа начдива, уходятъ въ тылъ. Офицеры и солдаты 2 батареи негодуютъ и рѣшили, если пѣхота самовольно оставитъ позицію, стать въ окопы. При обходѣ передовыхъ окоповъ капитаномъ Н. замѣчено нѣсколько тяжело раненыхъ, которыхъ солдаты не хотѣли переносить, вслѣдствіе обстрѣла нѣмецкой артиллерией».

Командиръ батареи просилъ принять энергичныя мѣры противъ пѣхоты, оставляющей окопы, на что начдивъ напомнилъ приказаніе военнаго министра,— обь открытии огня по солдатамъ, самовольно оставляющимъ свои окопы.

Около 23 часовъ командиръ 112 пѣх. Уральскаго полка донесъ о крайне неустойчивомъ настроеніи солдатъ и о бѣгствѣ съ позиціи въ тылъ цѣлыми вереницами; нѣсколько ранѣе тотъ же командиръ полка доносилъ, что участокъ его позиціи занятъ всего 1.104 солдатами.

Въ 23 часа прибыль начальникъ штаба дивизіи изъ штаба корпуса.

11 июля.

00 час. 57 мин. начальникъ штаба корпуса по телефону сообщилъ, что 11 июля части 28 пѣх. дивизіи могутъ расчитывать па смѣну, что и было передано въ полки.

Въ 2 часа 15 мин. дежурный офицеръ штаба дивизіи запросилъ, что дѣлать съ командами Волжскаго полка, бѣгущими съ позиціи. Начальникъ дивизіи приказалъ всѣми мѣбрами возвращать ихъ обратно въ окопы.

Ночь на фронтѣ дивизіи прошла въ рѣдной ружейной и артиллериjsкой перестрѣлкѣ, при чёмъ нѣмцы пытались исправлять свои проволочные загражденія, но каждый разъ разгонялись нашимъ пулеметнымъ и артиллериjsкимъ огнемъ.

Въ 2 часа 30 мин. противъ средняго участка занятаго частями 110 пѣх. Камскаго полка, партія нѣмецкихъ развѣдчиковъ пыталась подойти къ нашей проволокѣ, но была отбита пулеметнымъ огнемъ.

Развѣдка съ нашей стороны существенаго ничего не дала и лишь подтвердила крайнюю бдительность нѣмцевъ.

11-го утромъ изъ штаба корпуса было сообщено, что на ст. Залѣсье прибылъ военный комиссаръ, подпоручикъ Бачинскій, и что командиръ корпуса приказалъ что бы начальникъ штаба прибыль туда же.

Такъ какъ наступательная операција закончилась, то начальникъ дивизіи также покинулъ блиндажъ.

По прибытіи въ штабъ дивизіи начальникъ дивизіи засталъ военного комиссара съ нѣкоторыми изъ членовъ армейскаго комитета и полковника Кузнецова, при чёмъ выяснилось, что подполковникъ Смирновъ, — к-ръ 111-го пѣх. Дон-

скога полка, сообщиль военному комиссару, будто бы разрѣшеніе уйти съ позиціи онъ получиль отъ начальника дивизіи. Это же сначала подполковникъ Смирновъ сказаль и въ присутствіи начальника дивизіи.

Послѣ изложенія начальникомъ дивизіи и начальникомъ штаба въ хронологическомъ порядке истинныхъ событий, подтвержденныхъ однимъ изъ членовъ Освѣдомительной комиссіи, военный комиссарь обратился къ подполковнику Смирнову со слѣдующими словами: « Въ какое положеніе вы ставите меня, представителя Временного Правительства, извращая дѣйствительность и дѣлая неточный докладъ — вѣдь вы вводите меня въ заблужденіе и т. п.

Подполковникъ Смирновъ на это ничего не возразилъ.

Изъ донесеній командировъ полковъ можно было вывести, что настроение войскъ въ общемъ крайне угнетенное, за исключеніемъ 111 пѣх. Донского полка, гдѣ произошло пѣкоторое улучшеніе, « въ особенности подъ вліяніемъ телеграммы, дающей право начальствующимъ лицамъ примѣнить къ неповинующимся вооруженную силу » — какъ доносилъ командиръ этого полка, — что и было донесено въ штабъ корпуса.

День прошелъ въ общемъ спокойно. Около 17 час. былъ полученъ приказъ изъ штаба корпуса о смынѣ, каковая и произошла въ ночь на 12-е июля.

Ввиду поздняго прибытія 676 полка, нѣмцы, замѣтивъ смыну, открыли по окопамъ ураганный артиллерійскій огонь, при чемъ удалось смыниться полностью лишь 110 пѣх. Камскому полку, 112 пѣх. Уральскому полку и частямъ двухъ баталіоновъ 109 пѣх. Волжскаго полка; двѣ роты того же полка, изъ за сильнаго огня, дающаго д. Шутовичи отойти не могли; кроме того двѣ роты 109 пѣх. полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Дворникова-Дворцова, остались несмыненными въ окопахъ и смынились только слѣдующей ночью.

Начиная съ вечера 8 іюля командный блиндаж начальника дивизіи находился подъ періодическимъ артиллерійскимъ, а изрѣдка и ружейнымъ обстрѣломъ противника. 10-го же іюля роща была обстрѣлана 42 сантиметровыми снарядами, при чемъ снаряды ложились въ 100-300 шагахъ отъ команднаго блиндажа начальника дивизіи.

По распоряженію комиссара арестовано 1700 человѣкъ разныхъ полковъ, за бѣгство съ позиціи и уклоненіе отъ боя.

Заключеніе.

Обращаясь къ причинамъ неудачъ, можно свести ихъ, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ:

1) Низкое моральное настроение солдатъ и полнѣйшее разложение солдатской массы.

Въ рѣшительный моментъ одинъ полкъ отказывается отъ заступленія на позицію; другой выходитъ въ составѣ 2/3; дѣйствія третьего полка далеко не на высотѣ положенія; четвертый — черезъ два часа послѣ заступленія на позицію, даетъ сотни бѣглецовъ.

О наступлениі говорилось лишь подъ вліяніемъ момента; попавъ же въ дѣйствительную обстановку, десятками, ротами и даже въ однѹмъ случаѣ, какъ видно изъ цѣлаго ряда донесеній и личнаго доклада командира полка, цѣлый полкъ, самовольно бросали позицію и уходили въ тылъ, — никакіе уговоры не дѣйствовали.

Въ атаку пошли цѣлой частью только Штурмовой баталіонъ (впрочемъ и здѣсь часть 3-й роты 111 п. Донского полка съ командиромъ роты ушла съ позиціи); на участкахъ же остальныхъ полковъ наступательная дѣйствія свелись къ дѣйствіямъ отдѣльныхъ кучекъ смѣльчаковъ, что, конечно, дало нулевые результаты.

2) Второй причиной является незнакомство войскъ съ позиціей, какъ своей, такъ и противника, вслѣдствіе нежеланія и отказа частей отъ своеевременного изученія этихъ позицій.

3) Слабость въ количественномъ отношеніи артиллеріи участка дивизіи; кроме того 6-дюймовыхъ 200 пудовъ. пушки были безсилны противъ нѣмецкихъ блокгаузовъ.

4) Полное отсутствіе какой бы то ни было инженерной подготовки, не говоря уже о томъ, что не было почти никакихъ укрывтій отъ тяжелой артиллеріи, не было также и легкихъ блиндажей, не было ни одного сплошного хода сообщенія, ни вынесенныхыхъ впередъ плацдармовъ; внутреннихъ плацдармовъ для размѣщенія войскъ было также недостаточно — часть людей лежала на открытой мѣстности. Ходы и щели были мелкие, частью въ полуразрушенномъ состояніи, частью наполнены водой.

Нельзя не отмѣтить беззазѣтныхъ дѣйствій Кавказской Гренадерской артиллерійской бригады, ни на одну секунду не забывавшей своей обязанности по оказанию помощи пѣхотѣ и моментально отзывающейся на всѣ требованія о помощи; ничего, кроме хорошоаго, нельзя сказать и о тяжелой артиллеріи, сдѣлавшей все, что было въ ея силахъ, вплоть до рѣшимости занять вмѣсто разбѣгающейся пѣхоты окопы, при чемъ къ концу дня 9 іюля остались дѣйствующими только два тяжелыхъ орудія.

Единственными свѣтлыми пятнами на всемъ темномъ фонѣ являются:

1) Дѣйствія 46 офицеровъ 109 пѣх. Волжского полка, съ подполковникомъ Ящининымъ во главѣ, и 200 смѣльчаковъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ того же полка и

2) Дѣйствія Штурмового баталіона, честно и свято выполнившаго свой долгъ и потерявшаго въ неравномъ бою болѣе 51% своего состава.

Примѣчаніе: Всѣ телефонные разговоры — записаны.

Командующій 28-й пѣхотной дивизіей, генералъ-майоръ N.

И. д. Начальника штаба,

Генерального штаба подполковникъ Лисовой.

ТАБЛИЦА

движения личного состава полковъ (штыковъ) за время 8-12 юля.
(въ среднихъ цифрахъ).

Наименование частей Число	109 п. Волжс. полкъ	110 п. Камск. полкъ	111 п. Донск. полкъ	112 п. Уральс. полкъ	Штур- мовой батал.	Отметка.
Къ 8 юля	1859	1915	1900	1630	736	*) остаточная часть полка на позицію не вы- ступила.
Къ вечеру 9-го юля.	около 200*)	менѣе 724*)	около 1000- 1200	1268**)	268***)	**) часть уш- ли съ позицій. ***) остаточные погиб, въ бою.
Къ вечеру 10-го юля.	около 1000*)	334**)	около 950**)	940**)	260***)	*) Несмотря на то, что 1100- 1500 чел. при- шли на позиц.
Къ 12-му юля (послѣ боя)	1795	1529	1418	1250	397*)	**) Не считая команды. ***) 3-я рота 111 Донск. пол. ушла съ позиц. *) Частью по- полнился, ча- стью пѣкотор. возвратились.

И. д. Начальника Штаба
28-й пѣхотной дивизіи, Генер. Штаба Подполковникъ Лисовой.

Таковъ былъ исходъ юльского боя на участкѣ 28-й пѣх. дивизіи — таковы же были результаты въ районахъ сосѣднихъ 51-й и 174-й п. дивизій; таковы же были результаты и на сосѣднихъ съ ними участкахъ: вправо — къ сѣверу и влѣво — къ югу...

И тогда то, именно, на участкѣ 1-го сиб. корпуса былъ выдвинутъ женскій батальонъ съ задачей выбить нѣмцевъ изъ занятыхъ ими нашихъ передовыхъ окоповъ у Новоспасскаго лѣса — окоповъ, въ которые непріятельскія войска ворвались на плечахъ убѣгавшихъ солдатъ, когда то славныхъ сибирскихъ стрѣлковъ.

Женскій батальонъ блестяще справился съ задачей, потерявъ около 50 доброволицъ изъ 192-хъ.

Какъ же русскій солдатъ отблагодарилъ русскую женщину за оказанную ему помощь?...

По матеріаламъ С. О. А. и Ф., сообщеннымъ на 2-мъ Совѣщаніи Московскихъ Общественныхъ Дѣятелей, въ октябрѣ 1917 г. — многія изъ раненыхъ женщинъ, оставшіяся на полѣ сраженія, въ ту же ночь были изнасилованы... нѣкоторыхъ изъ нихъ постигла еще болѣе худшая участъ...

Я. Лисовой.

А. Керенский въ иностранной карикатурѣ.

А. Керенский — кумиръ толпы.

Свѣть въ темнотѣ...

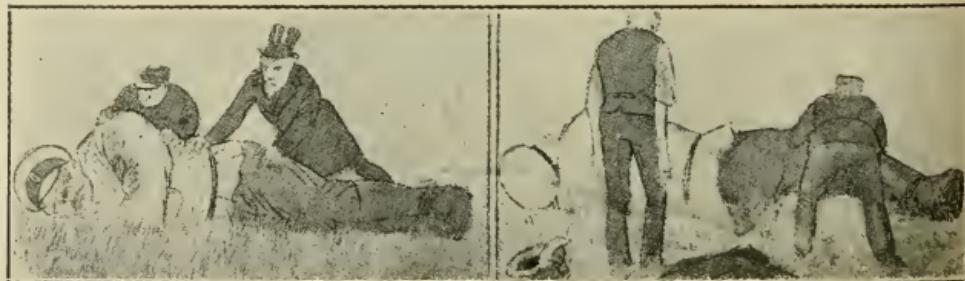
«Революционная Армия» въ иностранной карикатурѣ.

«Довольно!»

— А теперь, милый, довольно!.. Маршъ на фронтъ и какъ можно скорѣ...

«Революціи русскаго гиганта».

— Мы можемъ повернуть его на эту сторону...

— Или на эту... Все равно онъ уже не въ состояніи бояться сражаться за Альтанту...

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГЕНЕРАЛЫ*)

Его Превосходительство — «приспособляющійся»... и «профессоръ Толлини».

Въ обширной землянкѣ бывшаго «офицерскаго собранія» засѣдаеть дивизіонный комитетъ N дивизіи...

Собраніе это, до августа мѣсяца, являлось единственнымъ убѣжищемъ для офицеровъ дивизіи, единственнымъ безопаснымъ мѣстомъ, гдѣ, собравшись въ тѣсную дружескую семью, спаянную общимъ несчастьемъ и горемъ — офицерство, чувствуя себя дома, не боясь быть подслушаннымъ, могло наговориться всласть, излить въ своихъ бесѣдахъ горечь накопившагося, подѣлиться другъ съ другомъ своими невзгодами и, въ этой общей бесѣдѣ, хоть на одно мгновеніе, отвлечься отъ всѣхъ тѣхъ ужасовъ кошмарной жизни, которые, словно налетѣвшій вихрь, охватили всю русскую армію...

Въ психологіи, этихъ періодически собирающихся людей, было что то общее съ больными, страдающими долгой, упорной и не поддающейся лѣченю болѣзнью: — вѣдь извѣстно, что для больныхъ нѣть большаго удовольствія, какъ поговорить о своей болѣзни, о ея симптомахъ, лѣченіи, не упустить при случаѣ раскритикововать врача, жадно прислушаться къ подаваемымъ советамъ, разспросить о новыхъ «лучшихъ» докторахъ, непремѣнно услышать слова сочувствія отъ собесѣдника и увѣренность его въ выздоровленіи, и, въ свою очередь, въ полной мѣрѣ отвѣтить ему тѣмъ же — послѣ чего у обоихъ наступаетъ нравственное удовлетвореніе, успокоеніе, увѣренность, что не все такъ плохо, какъ кажется, что еще есть надежда... Офицерство представляло собою тѣхъ же физически и морально больныхъ людей.

Но съ нѣкотораго времени чья то невидимая «услужливая рука» начала свою обычную разрушительную работу: постепенно куда то исчезли скамейки, табуретки и лампы, затѣмъ кто то по ночамъ сталъ вынимать или разбивать оконныя стекла, на стѣнахъ появились «перлы заборной литературы съ иллюстраціями», внутрь помѣщенія набрасывались газетные свертки съ завернутыми въ нихъ конскими и человѣческими нечистотами... Офицерство угрюмо-молча переносило всѣ эти оскорблѣнія и старалось, насколько было возмож-

*) См. «Бѣлый Архивъ», ин. I.

но, сгладить слѣды злой разрушительной работы: изъ землянокъ приносились складные стулья, окна заклеивались бумагой, нечистоты выносились и полъ вытирался, а помѣщеніе тщательно дезинфицировалось... тройнымъ одеколономъ — однимъ словомъ, въ одномъ изъ уголковъ русскаго фронта, шла обычная, упорная, глухая борьба между разрушеніемъ и созиданіемъ, между хамствомъ и порядочностью, между свободой въ ея дикомъ-животномъ проявленіи и свободой въ культурномъ смыслѣ этого слова...

Однажды, послѣ ученія, въ землянкѣ собралось десятка три-четыре офицеровъ: нужно было сообща ознакомиться съ новыми методами и приемами борьбы съ противникомъ, примѣненными въ послѣднее время весьма успѣшно на Западномъ фронтѣ, прочитать кое какіе приказы, обмѣняться впечатлѣніями и, кстати, — это былъ весьма удобный предлогъ для маленькой «конспиративной» работы — выбрать нѣсколько офицеровъ въ президіумъ подотдѣла Союза офицеровъ... Едва только началось чтеніе иностранной брошюры о новыхъ видахъ ураганного огня, — какъ рама одного изъ оконъ съ трескомъ и звономъ внезапно сорвалась съ своего мѣста и, тяжело грохнувшись о землю, разсыпалась на тысячи жалобно звенящихъ осколковъ; вслѣдъ за нею съ зловѣщимъ рокотомъ скатился и глухо шлепнулся о земляной полъ увесистый булыжникъ, затѣмъ началось что то кошмарное: фыркая и переворачиваясь, пролетѣть надъ головами присутствующихъ шрапнельный стаканъ, за нимъ другой, третій... посыпался градъ мелкихъ камней... кого то задѣло по плечу, кого то оцарапало... кому то засыпало глаза... кто то вскрикнулъ...

«Ну, господа, надо уходить, счѣ бомбардировку устроила», — раздался голосъ старшаго офицера...

Одинъ за другимъ вышли офицеры изъ землянки, оглядѣлись вокругъ, но вблизи уже никого не было — лишь въ нѣкоторомъ отдаленіи замѣтны были торопливо убѣгавшіе и быстро исчезавшіе среди лабирината солдатскихъ землянокъ, рѣдкихъ деревьевъ и чахлыхъ кустовъ, отдѣльныя фигуры въ сѣрыхъ шинеляхъ...

При слѣдующей попыткѣ офицерства отстоять свой родной уголь-послѣдовало новое зловѣщее предупрежденіе, — въ самый разгаръ оживленной бесѣды, гдѣ то, снаружи, раздался ружейный выстрѣлъ, а затѣмъ моментально звонъ пробитаго стекла, короткій свистъ пули, глубоко вгнѣздившейся въ стѣну и характерное при этомъ глухое «чавканье» — все это слилось въ одинъ весьма непріятный аккордъ; молча присутствующіе взглянули другъ на друга... и молча разошлись.

На поданномъ по этому случаю рапортѣ, начальникъ дивизіи положилъ краткую революцію: «собраніе закрыть» и... больше туда никто изъ офицеровъ не заглядывалъ.

Черезъ нѣкоторое время всѣ выбитыя стекла были вставлены, поломки и разрушенія исправлены и надъ дверьми появилась фанерная дощечка, на

которой расплывшимся химическими чернилами были выведены каракули: «Дивизионный комитет № дивизии».

Въ этомъ то помѣщеніи и происходило очередное засѣданіе членовъ № Дивизионнаго комитета.

Среди собравшихся однообразныхъ солдатскихъ лицъ, то нагло развязныхъ, то тупо сосредоточенныхыхъ, съ неизмѣнно торчащей «цигаркой» во рту, въ растегнутыхъ шинеляхъ и лихо сдвинутыхъ на затылокъ фуражкахъ, — среди всего этого ухарства и разгильдяйства, достигшаго завѣтныхъ предѣловъ не сившейся ему ранѣе власти, — рѣзко выдѣлялись три лица: предсѣдатель комитета фельдфебель Середа — здоровый широкоплечій хохоль съ низкимъ, заросшимъ волосами лбомъ, длинными усами и огромными бычачьими, налитыми кровью глазами, — вся его фигура выражала упрямство, злобу, силу и глупое самодовольство; голосъ у него былъ зычный, грубый, фельдфебельскій.

Рядомъ съ нимъ невозмутимо сидѣлъ товарищъ предсѣдателя, блесковатый Аункайтисъ — латышъ съ холодно-злыми рыбьими маленькими глазками, который казалось съ глубокимъ презрѣніемъ относился ко всему происходящему вокругъ него.

Лицо третьяго поражало своими тонкими чертами, осмысленностью, интеллигентностью (впрочемъ, какого-то специфического свойства) и тѣмъ насыщено-бѣгающимъ задорнымъ огонькомъ, который нѣть-нѣть да и проскользнетъ въ его черныхъ, влажныхъ, поразительно глубокихъ и красивыхъ глазахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его манерѣ обращенія съ присутствующими и излишней юркости движений, въ его часто повторяющемся и своеобразномъ: «и ч тооже», въ его необычайно старательномъ, я сказалъ бы — даже утрированно-правильномъ произношеніи русскихъ словъ, какъ напримѣръ: «вада», «гара-да», «гаспадинъ» и т. п. — было что то такое, что никакъ не позволяло угадать его профессію до военной службы, но одно было несомнѣнно — онъ могъ быть человѣкомъ, только, такъ называемой, «легкой» профессіи: быть можетъ крупье одного изъ многочисленныхъ третьеразрядныхъ (отнюдь не выше) клубовъ, или даже обыкновенный шулерь, альфонсъ изъ начинающихъ, или же кафе-шантанній кекъ-уокистъ, биржевой «зайчишка» (отнюдь не заяцъ), или «чудо скетинга XX вѣка», продѣлывающей невообразимые фокусы на роликахъ...

И все таки — ни къ одной изъ этихъ профессій, къ части его, онъ не принадлежалъ; это былъ человѣкъ со своей особенной, ярко выраженной специальностью, — это былъ... профессоръ бѣлой и черной магіи, магнетизеръ, гипнотизеръ, — человѣкъ, изучившій всѣ тайны природы, проникшій въ тайники ученія египетскихъ жрецовъ и индійскихъ факировъ, послѣдователь Каліостро и главный ученикъ его.

Въ провинціальныхъ театрахъ и циркахъ его знали подъ именемъ «несравненаго, знаменитаго и единственнаго въ своемъ родѣ итальянскаго профессора Толлини», — здѣсь же онъ былъ ефрейторъ 10-ой роты, Моисей Фишензонъ-секретарь дивизіоннаго комитета. Никто изъ присутствующихъ не зналъ его прежней профессіи, — никто, кромѣ него самаго и... еще одного человѣка.

Остальная тупая и равнодушная масса, среди которой виднѣлись нѣсколько робкихъ и залуганныхъ прaporщиковъ, — ничего особенного изъ себя не представляла и эти трое являлись, повидимому, вожаками ея настроеній.

На повѣсткѣ дня разбору подлежали два вопроса: о выраженіи недовѣрія и порицанія командиру бригады — старому, боевому и заслуженному генералу, — упорно нежелавшему обернуть кокарду краснымъ сукномъ, и о распределеніи между солдатами N полка хозяйственныхъ суммъ, являющихся, согласно внесенной мотивировкѣ полкового комитета, «деньгами ихними — трудового народа».

Первый изъ этихъ вопросовъ, какъ ни возставалъ противъ этого секретарь комитета, какъ ни доказывалъ онъ всю незаконность разсмотрѣнія его вообще — былъ все таки разрѣшенъ согласно особаго неписаннаго кодекса, выработаннаго дикой солдатской вольницей и утвержденнаго преступнымъ попустительствомъ революціонныхъ вождей.

«Пышить, товарищъ Фишензонъ, въ протоколь: — проговорилъ предсѣдатель — такъ якъ винъ есть нисомніваний контрь-революцинеръ, то постановлено ему, значица, выразить недовѣріе... съ порицаніемъ» (немного подумавъ добавилъ онъ) и продолжалъ — «и просить товарищей корпуслѣтъ забрать видъ нацо оцю гыдру контрь-революціи» — «вотъ!», торжествующе закончилъ онъ и побѣдоносно окинувъ взглядомъ собраніе — всѣ сочувственно кивнули.

Голова секретаря, съ изумительно искусственнымъ проборомъ, низко склонилась надъ столомъ, карандашъ его бойко забѣгалъ по бумагѣ, а черные удивительные глаза съ огонькомъ, зорко, изъ-подлобья, временами, поочередно оглядывали всѣхъ.

Постепенно, одинъ за другимъ, солдаты вставали изъ за стола и выходили кто «до вѣтру», кто поболтать на злобу дня и своими разговорами не мѣшать составленію доклада, кто — просто потому, что надоѣло сидѣть; черезъ пять минутъ за столомъ оставались лишь предсѣдатель, латышъ и секретарь.

«Готово, товарищъ предсѣдатель, падписывайтесь», — изысканно вѣжливо проговорилъ секретарь, подавая предсѣдателю исписанный листъ бумаги.

Тотъ медленно пододвинулъ протоколь къ себѣ и протянулъ руку къ лежащему на столѣ карандашу, но послѣдній, какъ бы ускользая отъ руки, быстро покатился по столу и, докатившись до края, шлепнулся на полъ.

«Слемальси», — проговорил латышъ, разглядывая поднятый имъ карандашъ.

Предсѣдатель тупо уставился вслѣдъ «укатившемуся» карандашу, какъ бы желая что то сообразить, постигнуть, но, запутавшись въ вереницѣ пробѣгавшихъ волнами неясныхъ мыслей, глубоко вздохнулъ и пробормотавъ про себя «тыфу ты біосва сыла», вынулъ изъ кармана огрызокъ и вновь наклонился надъ бумагой...

Но тутъ произошло, дѣйствительно, нѣчто невѣроятное... листъ бумаги, повидимому, соблазненный примѣромъ карандаша, быстро поплылъ по столу, сокользнулъ съ него и, сдѣлавъ въ воздухѣ два-три пируэта, плавно опустился на грязный и заплеванный полъ у противоположной стѣны.

«Пропала моя работа», съ легкой дрожью въ голосѣ, сокрущенно проговорилъ секретарь, подавая предсѣдателю выпачканный въ грязи и плевкахъ протоколь.

Предсѣдатель молча сидѣлъ, выпуча свои и безъ того огромные глаза и только крупныя капли пота да усиленное сопѣніе показывали, что мозгъ его обремененъ какой то непосильной для него работой... руки его беспомощно вертѣли и огрызокъ карандаша и заплеванный протоколъ.

Латышу, видимо, тоже было не по себѣ; одинъ лишь секретарь сидѣлъ какъ ни въ чемъ небывало: слегка отвернувшись въ сторону, онъ барабанилъ пальцами по столу — нужно было быть очень внимательнымъ, чтобы уловить гдѣ то тамъ, въ глубинѣ его черныхъ глазъ, какую то задорно шаловливую искорку, еле замѣтную подъ полуопущенными рѣшицами.

«Ну и что же, товарищъ Середа, подпишете вы протоколъ или нѣть» — нѣсколько нетерпѣливо проговорилъ онъ, обращаясь къ предсѣдателю.

Постѣдній, будучи выбитъ изъ душевнаго равновѣсія, только что совершившейся на его глазахъ «чертовщиной», продолжалъ осторожно двумя пальцами вертѣть и поданный ему листъ бумаги и огрызокъ карандаша, безсмысленно разглядывая ихъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, онъ, повидимому, твердо рѣшилъ подписать, но брошенный имъ взглядъ на руки показалъ, что это невозможно, такъ какъ и бумагу и карандашъ онъ судорожно и крѣпко держалъ обѣими слегка дрожащими руками; попытка разъединить руки и переложить эти предметы по соотвѣтствующимъ мѣстамъ окончилась неудачей — все снова посыпалось на полъ...

Секретарь, какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ смотрѣть въ сторону и лишь сквозь зубы пробормоталъ: «я же говорилъ, что это незаконно — ну вотъ видите, что получается».

И вдругъ въ землянкѣ раздался глухой дрожащей голосъ предсѣдателя: «товариши, прошу пожаловать сюды!»

Когда всѣ собрались и разсѣлись по мѣстамъ, онъ продолжалъ: «товариши, по дополнительному заявлению товарища секретаря выясняется, что то

не наша компетенция, такъ я предлагаю вопросъ о недовѣріи пересмотрѣть и оставить его безъ разсмотрѣнія, — вси согласны?»

«Согласны», — послышался недоумѣвающій гулъ голосовъ.

«А ну поднимить вси правыя руки».

Правыя руки были подняты.

«Такъ запишить, товарышъ секретарь, новую рѣзолюцію».. но въ это время поднялась злобная фигура латыша Анцкайтиса, который выступилъ, повидимому, съ протестомъ противъ нового разсмотрѣнія: волнуясь, брызжа слюной, стучал кулакомъ по столу, медленно подбирая слова и еще болѣе, вслѣдствіе этого, волнуясь, онъ, неимовѣрно коверкая русскій языкъ, какъ можно было догадаться, настаивалъ на прежнемъ рѣшеніи комитета.

Уже послѣ первыхъ словъ латыша Фишензонъ окинулъ его внимательно испытующимъ взглядомъ, а затѣмъ по мѣрѣ продолженія его рѣчи, онъ буквально впился въ его лицо; тоненькия свѣтящіяся стрѣлы, выходившія откуда то изъ глубины его бездонныхъ глазъ, пронизывали насквозь бѣлесоватые рыбы глазки оратора и беспощадно мучительно сверлили этотъ маленький мозгъ въ маленькой куриной головкѣ — куда бы онъ не отворачивалъ свое лицо, — стрѣлы его настигали и раскаленные впивались въ уши, щеки, шею и мучительно, мучительно сверлили... все чаще и чаще бѣдный латышъ началъ сбиваться, все чаще и чаще беспомощно останавливался онъ, съ трудомъ ворочая одеревенѣлымъ языкомъ и съ трудомъ подбирая слова, отъ усиленного напряженія краска совершенно залила его измученное лицо... и, наконецъ, пробормотавъ что то совсѣмъ невнятное, онъ грузно, въ изнеможеніе, опустился на свое мѣсто. Изъ всей его рѣчи можно было лишь съ трудомъ догадаться — что онъ остается при особомъ мнѣніи.

«Хорошо-съ, товарищъ Анцкайтисъ, такъ мы таки таки и залишемъ, что вы разошлись съ мнѣніемъ революціонно-демократического дивизіоннаго комитета», — медленно отчеканивая и дѣлая угрожающее удареніе на послѣднихъ словахъ, проговорилъ секретарь и опять бросиль еле уловимый взглядъ въ сторону предсѣдателя.

Латышъ въ отвѣтъ пробурчалъ что то уже совершенно несуразное —казалось, что онъ внезапно утратилъ и смыслъ пониманія, и даръ рѣчи.

Секретарь опять взглянуль на предсѣдателя..

«Не хорошо, товарышъ Анцкайтисъ, итти противъ всего дивизіоннаго комитета», — укоризненно проговорилъ предсѣдатель, — «во-первыхъ, потому что всѣ согласны — разъ, во вторыхъ, не соглашаться со всима даже опасно, а въ третьихъ... пытить, товарищъ секретарь: принято единогласно!»

Карандашъ секретаря вновь бойко забѣгалъ по бумагѣ и черезъ 2-3 минуты новый протоколь былъ готовъ для подписи. Нерѣшительно поглядывая предсѣдатель то на бумагу, то на лежащей передъ нимъ карандашъ и, вдругъ, внезапно, прикрывъ бумагу лѣвой рукой, онъ быстро, словно боясь, что ка-

оандашъ опять ускользнетъ, схватилъ его всей правой пятерней, растерянно и удивленно посмотрѣлъ, словно не вѣря своимъ глазамъ и, наконецъ, убѣдившись, что на этотъ разъ никакой чертовщины нѣть — онъ съ тяжелымъ звѣзодкомъ облегченія вывелъ дрожащей рукой — «С е р е д а»; въ глазахъ секретаря шаловливо прыгалъ все тотъ же огонекъ — остальные члены думали, что предсѣдатель какъ будто того... хватилъ малость.

Нѣсколько мгновеній прошло въ молчаніи.

«А теперь, товариши, нужно вынести постановленіе на щотъ распределенія между товарищами N полка хозяйственныхъ суммъ, — бо якъ ты суммы народные, а воны, товариши, тоже значица изъ народа, то нахожу ихъ требование вполнѣ законное, справедливое и подлежащее единогласному нашему вдовле-творенію. Ихній командиръ полка заявилъ, той якъ его — протестъ: понятно дило, во-первыхъ, буржуй — разъ, во вторыхъ, царскій слуга-два, а въ третьихъ, можетъ винъ и самъ думаеци гроши... того.. Такъ наше дило, во имя революціонной справедливости, заштитить нашихъ товарищъ отъ подобного вооружен-наго посягательства на ихъ революціонныя права и на ихъ кровну копійку.

«А ну товарищъ Фишензонъ прочитайте постановленіе полкового ко...ко...» предсѣдатель словно поперхнулся и дальше не въ состояніи былъ произнести ни слова — да и было чего: передъ его дико вытаращенными отъ ужаса глазами, фигура вставшаго съ листомъ бумаги секретаря начала медленно, но безостановочно удлиняться и, въ десять секундъ, Фишензонъ достигъ двухсаженной высоты...

Перепуганный на смерть хохоль лѣвой рукой усиленно теръ лобъ, по которому струились ручейки пота, а правой, тихонько, подъ столомъ быстро-быстро крестиль жизнь...

Когда онъ наконецъ рѣшился еще разъ поднять глаза, Фишензонъ стояль передъ нимъ уже въ прежнемъ своемъ видѣ и участливо спрашивалъ: «и что же съ вами, товарищъ предсѣдатель?...»

И тотчасъ же вслѣдъ, за вопросомъ, одновременно съ тѣмъ, какъ головы всѣхъ присутствующихъ медленно повернулись въ сторону предсѣдателя — фигура Фишензона начала растягиваться въ ширину и черезъ два-три мгно-венья плечи его уже упирались въ противоположныя стѣны землянки...

Этого послѣдняго потрясенія предсѣдатель уже не могъ выдержать и вскочивъ, весь дрожа и заикаясь отъ страха — пролепеталь:

«Шось мини товариши... не здорово»... — безнадежное отчаяніе и мука чувствовалась въ его голосѣ.

И дѣйствительно — видъ у него былъ крайне усталый и измученный, въ глазахъ свѣтилось одно лишь животное желаніе: поскорѣе куда нибудь уйти, удрать, скрыться отъ этой непонятной и страшной чертовщины.

«Такъ вѣсъ таки можетъ замѣнить товарищъ Анцкайтишъ» — предложилъ секретарь.

«У мене тозе голова болейть» — угрюмо и злобно пробурчаль латышъ — «я тозе не могить сидеть».

Засѣданіе было отложено до особаго распоряженія и секретарь, по просьбѣ заболѣвшаго предсѣдателя, отправился къ начальнику дивизіи съ докладомъ.

«Здравствуйте Фишензонъ, что скажете хорошаго?» привѣтливо встрѣтилъ секретаря, подавая ему руку и указывая жестомъ на стуль, — молодой расплюшившійся генераль съ академическимъ значкомъ на груди.

Это и былъ тотъ единственный человѣкъ, который зналъ профессію Фишензона до военной службы.

И «профессоръ» быстро, съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи, доложилъ о засѣданіи и въ заключеніе добавилъ: «и что же было дѣлать мнѣ, когда люди съ ума сошли: не понимаютъ, что такое законъ и что можно и чего нельзя — надо было немножко попугать ихъ».

Начальникъ дивизіи молча, серьезно и внимательно выслушалъ докладъ, искоса поглядывая на собесѣдника испытующимъ, какъ бы говорившимъ, взглядомъ: «ачортъ тебя знаеть, ужъ не собираешься ли ты, голубчикъ, и меня того?»...

Странный былъ человѣкъ этотъ начальникъ дивизіи; онъ былъ бы искренне огорченъ и возмущенъ — если бы кто нибудь вздумалъ упрекнуть его въ излишнемъ заигрываніи съ солдатскими массами или черезчуръ пристрастномъ отношеніи къ офицерскому составу, а между тѣмъ, можетъ быть, и помимо его воли, но это было именно такъ.

Человѣкъ несомнѣнно умный и знающій свое дѣло, онъ обладалъ рѣдкой способностью — сразу схватывать суть того или иного события, правильно оцѣнить истинное положеніе вещей: благодаря этому онъ, почти всегда, умѣль, такъ или иначе, вывернуться изъ создавшагося положенія — какъ бы оно тяжело ни было никогда, ничѣмъ, никакимъ вопросомъ нельзя было поставить его втупикъ, заставить призадуматься — отвѣтъ всегда слѣдовалъ быстрый и рѣшительный. Офицеры генерального штаба Виленского округа до сихъ поръ, вѣроятно, помнятъ характерный эпизодъ, когда генераль-квартирмайстеръ штаба — добрый и симпатичный генераль Баіовъ, вздумалъ сдѣлать ему замѣчаніе за постоянное опаздываніе на службу. Какъ то, при разговорѣ съ нимъ, онъ, добродушно улыбаясь, въ мягкой формѣ сказалъ, что чувствуетъ себя сегодня очень скверно...

«Почему, Вашество?»

«Да вотъ, знаете ли, случайно опоздалъ на службу на десять минутъ — первый разъ со мной такая непріятность, чуть было не опоздалъ съ докладомъ

къ Начальнику штаба» — и генералъ внимательно посмотрѣлъ на своего собесѣдника своими добрыми голубыми глазами.

«Ваше Превосходительство! — взмолился тотъ — «да стоитъ ли огорчаться такими пустяками, — я вотъ каждый день опаздываю на часъ и больше и, ничего, — чувствуя себя прекрасно».

Генералъ опять посмотрѣлъ на него, на этотъ разъ уже растерянно, что то невнятно пробормоталъ, потребовалъ какую то бумагу и... ушелъ; больше съ его стороны не было никакихъ попытокъ въ этомъ направленіи.

Какова была цѣнность получаемыхъ отъ него отвѣтовъ — это, конечно, другой вопросъ, точно также и способы его «изворачиванія» иногда оставляли желать много лучшаго, но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ не изъ тѣхъ начальниковъ, которые теряются.

Но всѣ эти богатыя качества парализовались непроходимой природной лѣнью, мѣшавшей ему и сосредоточиться, и какъ слѣдуетъ обдумать смыслъ происходящаго, — когда же назрѣвалъ моментъ рѣшенія — послѣднее приводилось въ исполненіе съ той лихорадочной быстротой, съ той поспѣшностью движений, которыхъ никакъ невозможно было ожидать отъ этого большого, полнаго и, казалось, такого неподвижнаго человѣка.

Революція застала его въ должностіи начальника дивизіи — должностіи чрезвычайно трудной и требующей, въ то тяжелое время, большого ума и изворотливости.

Однажды ему доложили, что солдаты его дивизіи толпами собираются къ штабу на митингъ, а спустя нѣсколько времени къ нему явилась и делегація съ требованіемъ (тогда солдаты ничего не просили, но требовали и часто съ оружиемъ въ рукахъ) выйти къ нимъ.

Въ полуверстѣ отъ штаба гудѣла собравшаяся многотысячная сѣрая солдатская масса, гудѣла по солдатски: безтолково, злобно...

Генералъ подошелъ къ нимъ, поздоровался съ близь стоящими и молча началъ выслушивать обычные въ такихъ случаяхъ и причитанія на тягость и непрерывность боевой службы, закончившіеся довольно недвусмысленной угрозой — «лучше насъ скорѣе отпустите домой!». По бѣгающимъ, въ разныхъ направленіяхъ, его глазамъ да терпѣливому выслушиванію всѣхъ и каждого, словно желая дать имъ всласть наговориться, по его умѣло поставленнымъ сочувственнымъ вопросамъ, изъ которыхъ каждый вызывалъ длинныя и краснорѣчивыя объясненія со стороны солдатской массы — можно было догадаться, что онъ, съ одной стороны, изучаетъ настроеніе и отношеніе толпы, съ другой — выигрываетъ время. Наконецъ, онъ, повидимому, пришелъ къ какому-то рѣшенію и поднялъ руку. — Внезапно наступило молчаніе...

Высокимъ и звонкимъ голосомъ заговорилъ генералъ: «товарищи, я хорошо понимаю всѣ ваши нужды и заботы; почти во всемъ я съ вами въполнѣ (подчеркнуль онъ) согласенъ: вамъ нуженъ отдыхъ, вамъ нужно

повидать своихъ близкихъ, подлѣчить ваши раны, почиститься, помыться, избавиться отъ вшей (крикнуль онъ), которые васъ несчастныхъ заѣли здѣсь...»

Солдатская масса удовлетворено загудѣла — все это отвѣчало ея настроеніямъ и желаніямъ.

Генераль продолжалъ: «только вотъ какъ же мы съ вами фронтъ оставимъ — вѣдь другихъ то войскъ нѣть и потомъ... товарищи, знаете ли — это такой важный вопросъ, который нужно разрѣшить намъ всѣмъ вмѣстѣ, а между тѣмъ здѣсь далеко не всѣ собрались (солдаты, какъ бы повѣряя, начали оглядываться вокругъ) — да! многихъ, многихъ я здѣсь не вижу! — продолжалъ генераль, — что имъ свобода, что имъ завоеванія революціи — разошлись съ-чи по землянкамъ и вѣроятно дуютъ себѣ чай, а на свободу имъ наплевать!

И развѣ тѣ пе́рь вы, товарищи, не видите предательства : они себѣ спять, а васъ пустили впередъ — дескать, пускай дураки дѣло дѣлаютъ — сдѣлаютъ и мы пойдемъ съ ними, пойдутъ подъ судъ — наша хата съ краю... мы тамъ не были.

Нѣть, товарищи, — мы не дураки, какъ думаютъ тѣ предатели, которые остались въ землянкахъ, намъ нужно это дѣло рѣшить всѣмъ едино и что бы не откладывать въ долгій ящикъ: сегодня же! сейчасъ же! Я прошу комитеты, за ихъ отвѣтственностью, отправиться по частямъ вмѣстѣ съ остальными товарищами и привести сюда всѣхъ — до одного человѣка, чтобы никто не уклонился отъ отвѣтственности при рѣшеніи такого важнаго вопроса!»

Толпа молча выслушала эту, довольно горячую, съ искреннимъ революціоннымъ задоромъ, рѣчь, солдаты молча переглянулись, въ рядахъ послышались голоса: «а вѣда вѣрно, товарищи, что жъ они матъ ихъ такъ... отвѣтить такъ ужъ всѣмъ, что они за буржуи разэтакие... отдельныя группы начали отдѣляться и уходить къ своимъ стоянкамъ...»

Дивизія была разбросана по полкамъ, радиусомъ въ 5-6 вер., отъ мѣста митинга, день былъ жаркій, дорога пыльная, итти было далеко да еще опять возвращаться... къ тому же встрѣчающіеся по пути перелѣски такъ заманчиво тянули къ себѣ въ прохладную тѣнь...

На мѣсто полковъ дошли лишь отдельныя разрозненные кучки людей, вскорѣ разсѣявшихся по землянкамъ: одни изъ нихъ залегли спать, другие принялись за чаепитіе, третій...

Не легко было ихъ вновь поднять и собрать во-едино и совершенно невозможнно было въ тотъ же день двинуть ихъ куда бы то ни было — комитеты потолкались по землянкамъ и... махнули рукой...

Такъ былъ сорванъ митингъ, но какою цѣною...

«Фу, ну и сраженіе же я выигралъ» — проговорилъ, пыхтя и отдуваясь, генераль, входя въ штабъ и рассказалъ присутствующимъ о только что происшедшемъ; на чей то сомнительный вопросъ, онъ возразилъ: «что жъ, знаете, нужно приспособляться» и затѣмъ, помолчавъ немножко, добавилъ: «къ обстановкѣ, конечно».

Какимъ чутъемъ, какимъ путемъ разгадалъ онъ профессію Фишензона — это остается до сихъ поръ тайной и самъ «профессоръ» былъ не мало пораженъ, когда, будучи, однажды, приглашеннъ къ начальнику дивизіи, услышалъ тъ него слѣдующее:

«Послушайте Фишензонъ, я знаю кто вы, знаю вашу настоящую профессію, знаю почему вы скрываете ее. Въ то же время я понимаю — какое вы можете при случаѣ вліяніе оказать на солдатъ и, какъ человѣкъ умный, я захотите и не допустите съ ихъ стороны ничего противозаконнаго; поэтому, давайте столкуемся съ вами и рѣшимъ — не могли бы ли вы помочь мнѣ въ эти трудныя времена — держать въ законныхъ рамкахъ всю эту разошедшуюся массу».

Фишензонъ былъ крайне польщенъ; но не желая сразу сдаться, онъ съ гордостью заявилъ:

«Господинъ генераль — я вѣдь представитель революціонной демократии»...

«Потому то я и пригласилъ васъ», — перебилъ его генераль, — «знаю вашу политическую честность (Фишензонъ съ гордостью милостиво наклонилъ голову) и будучи твердо увѣренъ, что вы сумѣете заставить уважать революціонный порядокъ...»

«И еще посмотрите, господинъ генераль, какъ это будетъ»...

«Такъ вотъ давайте проговоримъ о деталяхъ — кстати, не желаете ли аю, да вотъ и сигары передъ вами»...

Фишензонъ былъ окончательно побѣженъ: такимъ образомъ и былъ заключенъ своеобразный договоръ между начальникомъ дивизіи — съ одной стороны, и «профессоромъ» — съ другой.

«Что жъ, знаете, нужно приспособляться» — всегда добавлялъ генераль, рассказывая впослѣдствіе объ этомъ своеобразномъ договорѣ.

Одного лишь очень боялся генераль — какъ бы этотъ «магъ и волшебникъ» не вздумалъ производить надъ нимъ своихъ опытовъ; но два-три засѣданія оказали, что Фишензонъ далекъ отъ этой мысли и, какъ бы чувствуя тайныя пасенія генерала, при докладѣ о результатахъ всегда смотрѣлъ куда то въ сторону; впрочемъ и генераль избѣгалъ смотрѣть на своего собесѣдника; осялся ли онъ его волшебныхъ чаръ или въ силу другихъ какихъ либо причинъ — неизвѣстно...

Отношенія генерала къ офицерамъ вылились въ чрезвычайно своеобразныя формы, и на этомъ вопросѣ, для полноты очерка, нельзя не остановиться

нѣсколько подробнѣе: всегда считаясь съ тяжелымъ положеніемъ офицерства вообще, онъ, въ частности, по отношенію къ тому или иному офицеру, попавшему въ неблагопріятныя условія — вслѣдствіе ли неосторожно сказанного слова, или черезчур рѣшительного образа дѣйствій, или другихъ какихъ либо промаховъ, — предпринималъ зачастую рядъ такихъ мѣръ, которыхъ независимо отъ того — правъ или не правъ былъ офицеръ — не могли вызвать къ нему особенного съ ихъ стороны расположенія.

Вспоминается слѣдующій довольно характерный случай.

Одинъ боевой подполковникъ, критикуя военные распоряженія правительства, неосторожно выразился по адресу Керенского.

Дѣло обь оскорблениіи премьера было назначено къ слушанію въ дивизіонномъ комитетѣ, но еще задолго до разсмотрѣнія его въ этомъ миломъ учрежденіи, начальникъ дивизіи подалъ рапортъ обь этомъ случаѣ командиру корпуса, съ приложеніемъ подробнаго дознанія.

Въ скоромъ времени послѣдовалъ и приказъ по корпусу: «офицеры, критикующіе и сомнѣвающіеся въ правильности дѣйствій Временнаго Правительства, намъ не нужны, а поэтому подполковникъ X. отрѣщается отъ командованія батальономъ и зачисляется въ резервъ». Дѣло же о немъ, можетъ быть и не безъ участія Фишензона, въ дивизіонномъ комитетѣ было снято съ очереди.

Таковы были пріемы для изолированія напроказившаго, по понятіямъ того времени, офицерства: фактически нельзя не сознаться, что офицеръ былъ спасень, можетъ быть, отъ болѣе тяжелыхъ послѣдствій, но для рядового офицерства было несомнѣнно очевидно, — что рапортъ то на него подалъ никто иной — какъ его же начальникъ дивизіи.

Въ другихъ случаяхъ дѣло оканчивалось или переводомъ офицера въ другую часть, или прикомандированіемъ къ одному изъ безчисленныхъ тыловыхъ учрежденій, или же увольненіемъ въ отпускъ, — но всегда это являлось какъ бы наказаніемъ за тотъ или иной проступокъ и офицеръ уходилъ съ сознаніемъ, что начальникъ дивизіи обвинилъ его и сталъ на сторону его обвинителей...

Въ общемъ офицерство не любило начальника дивизіи и не вѣрило въ искренность его отношеній къ нимъ... Солдаты также не любили и не вѣрили ему: «чудно какъ то — на словахъ онъ съ нами, а на дѣлахъ у него все выходитъ какъ то по буржуйному»...

Какъ и всѣ прочие, онъ вскорѣ былъ вынужденъ покинуть фронтъ.

Прошло около года; на фонѣ кіевскихъ событий гетманской эпохи еще разъ, какъ метеоръ, промелькнуло и также, какъ метеоръ, скрылось и погасло имя этого несомнѣнно яркаго генерала; видную карьеру его и здѣсь

погубила быстрота, рѣшительность и... непродуманность дѣйствій — здесь я его и встрѣтилъ послѣдній разъ.

Добровольческая армія его въ своихъ рядахъ не видала — впрочемъ, этимъ не могли похвастаться ни украинская, ни грузинская, ни тѣмъ болѣе большевистская арміи...

И всетаки — вся его изворотливость, самоувѣренность и находчивость не спасли его отъ руки большевистского палача — вмѣстѣ съ нимъ погибъ и его пятнадцатилѣтній сынъ. Какъ ни уговаривали его близкіе и друзья скрыться изъ Одессы, ожидавшей съ минуты на минуту большевиковъ, генераль, попыхивая сигарой, добродушно посмѣивался: «что вы, что вы, зачѣмъ мнѣ бѣжать — да я самаго черта заговорю, не то что этихъ дуралѣевъ».

Не заговориль!...

«Профессоръ» Толлини черезъ нѣкоторое время оказался... комиссаромъ финансова г. Харькова и, по свидѣтельству многихъ лицъ, среди остальныхъ представителей совсѣтской власти, онъ былъ единственный порядочный человѣкъ, съ которымъ еще можно было разговаривать...

Я. Лисовой

А. Керенскій въ иностранной карикатурѣ.

Керенскій въ колесницѣ.

Керенскій: Нужно имѣть сильную руку чтобы управлять парой, запряженной въ государственную колесницу, и выбраться изъ этой трясины — каждая тянетъ въ свою сторону...

РАЗВАЛЪ АРМІИ*)

Невиданий, почти непостижимый, какой то прямо «сверхъестественный» развалъ, въ которомъ пребываетъ сейчас бывшее «Государство Россійское», начался, собственно, съ развала россійской арміи.

Произошла въ ней какая то существенная перемѣна, какой то глубокій психологической сдвигъ, кореннымъ образомъ измѣнившій настроенія, цѣли или намѣренія миллионовъ стоявшихъ подъ ружьемъ людей, и массы «воткнули штыки въ землю», побросали — въ буквальномъ смыслѣ слова побросали — оружіе, открыли крѣпкій и устойчивый до того — и никогда за все время не бывшій столь крѣпкимъ въ смыслѣ матеріального обрудованія — фронтъ и разбрелись «по своимъ мѣстамъ», махнувъ рукою на все:

«Будь, что будеть!»

«На посту» до конца оставались единицы (много ли добровольцевъ пошло за Корниловымъ, много ли набралось ихъ во всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ противосовѣтскихъ отрядахъ Деникина, Дутова, Семенова, по сравненію съ бывшей колоссальной арміей?!), армія же перестала существовать, какъ армія. А вмѣстѣ съ исчезновеніемъ этого связующаго цемента, стала разваливаться на отдѣльныя части и вся—нѣкогда грандіозная—постройка Государства Россійскаго. Основной фактъ исчезновенія арміи повлекъ за собою, какъ производныя, всѣ остальныя послѣдующія событія.

Вначалѣ, при самомъ процессѣ разложенія и таянія арміи, а въ нѣкоторыхъ кругахъ до сихъ поръ еще, приходилось и приходится слышать объясненія этого основного факта «злостной агитацией» большевиковъ и вообще «лѣвыми», «происками» германскихъ агентовъ, чутъ ли не планомѣрной

*) Помѣщая настоящую статью, редакція оговаривается, что она не вполигѣ раздѣлить нѣкоторые изъ взглядовъ автора и хотя мысли, изложенные имъ въ этой статьѣ, въ подавляющемъ большинствѣ, правильны, тѣмъ не менѣе нужно признать, что причины указанные авторомъ являются только лишь одной главой въ этой ужасной трагедіи — развала русской арміи.

Статья эта, въ первоначальномъ ея видѣ, была напечатана въ 1918 г. въ журнале «Объединеніе», но затѣмъ въ авторской рукописи передана авторомъ въ Музейъ правомъ исправленія и использованія ея.

Обращается вниманіе читателей на «психологію солдатскихъ массъ», — описание которой проведено настолько мастерски и съ такимъ знаніемъ солдатской среды, что страницы эти можно отмѣтить какъ единственный во всей литературѣ этого вопроса. (Ред.).

работой германского генерального штаба. Но подобные объяснения, задавая поверхность, не освещают всей глубины явления, не отвечают на вопрос, такой естественный въ данномъ случаѣ:

«Да какими же причинами обусловленъ неожиданный успѣхъ «агитации», «братанія», «поцѣлуйныхъ командъ»?»

Усталостью отъ войны, желаніемъ поскорѣе вернуться домой? Но вѣдь усталость и желаніе точно такого же рода существуютъ и въ другихъ арміяхъ обѣихъ враждующихъ коалицій. Однако...

Незначительностью, малокультурностью массъ, отсутствіемъ развитаго чувства долга, самого представленія объ отечествѣ, объ общности интересовъ? Да, но все это было и раньше и все таки не производило того поразительного эффекта, который получился въ 1917 году...

Причина лежитъ, видимо, гдѣ то въ другомъ мѣстѣ.

Мнѣ думается, чтобы разобраться во всемъ происшедшемъ, необходимо оглянуться назадъ на пройденный путь, посмотретьъ, не было ли тамъ признаковъ, предѣшавшихъ собою ту катастрофу, которая разразилась и послѣствія которой такъ тяжко сказываются и, пожалуй, еще болѣе тяжко скажутся на нась. Въ предлагаемомъ очеркѣ, я постараюсь поискать эти признаки въ явленіяхъ, свидѣтельствомъ которыхъ мнѣ пришлось быть лично, или правильность которыхъ мнѣ удалось проверить у людей, не довѣрять которымъ я не имѣлъ и до сихъ поръ не имѣю основаній...

***

Вы помните, вѣроятно, тотъ общій подъемъ въ началѣ войны — не интеллигентскій только, а массовый народный подъемъ, — то строгое чувство серьезности и важности наступающихъ событий, которые помогли намъ тогда, такъ блестящe, собственно, провести и закончить, несмотря на всѣ «маленькие недостатки механизма», мобилизацию, небывалую и невиданную дотолѣ у нась по сложности и количеству захваченныхъ ею народныхъ массъ. Не смотря на всѣ «патріотическія» преувеличенія тогдашней прессы — къ слову сказать, безтолково пропустившей многое серьезное и бившее въ листавы, по преимуществу, по пустякамъ, — мы всѣ знаемъ, что въ общемъ, данная ею описанія сценъ выступленія и прощанія мобилизованныхъ съ родными, были недалеки отъ истины. Народные массы шли на войну охотно, съ чувствомъ серьезнымъ и глубокимъ, безъ бахвалства, безъ ухарски — разгильдяйского «шапками закидаемъ!», съ предчувствіемъ опасности положенія и съ готовностью на жертвы.

Я, кажется, никогда не забуду одного разговора, слышанного мною ночью въ окопѣ передъ атакой. Старый, опытный, «обстрѣлянный» уже, вторично вернувшійся на фронтъ послѣ раненія солдатъ, собралъ вокругъ

себя кучку неопытныхъ, молодыхъ, только что передъ тѣмъ прибывшихъ «на пополненіе» новобранцевъ, нервничавшихъ передъ предстоящей на утро атакой, и, подбадривая ихъ, рассказывалъ имъ о своихъ переживаніяхъ передъ уходомъ на войну:

«Я также вотъ по первоначалу скучаль... и — и — и!.. Страсть не хотѣлось итить!» — размѣренно 'спокойнымъ голосомъ говорилъ онъ, будто сказку рассказывалъ, — «переселенцы мы, въ Акмолинской области живемъ... Только было хозяйствомъ, какъ слѣдуетъ, обзавелись, жить зачали, — трахъ война!.. Позабрали помоложе какихъ, ждемъ мы своей очереди. Жутко итить, не хочется...»

«Кому охота?! — вставлять чей то голость.

«Да — а. Загорѣвался я было... Ну, объявили и намъ мобилизацио... Вышелъ я, какъ сейчасъ помню, послѣднею ночью на дворъ. Тихо такъ; скотина лежитъ, покряхтываетъ; лошади жуютъ... Звѣздочки, — гляжу, — не хуже, какъ вотъ теперь бы, высыпали... Обошелъ я дворъ кругомъ, — кочеты закричали. И вспомнилъ я тутъ: — да вѣдь не одному же мнѣ итить, — вся Расея поднялась... Что жъ я то лучше всѣхъ, что мнѣ бы освобожденіе вышло? — Эхъ, думаю себѣ, не нами зачалось — не нами и кончится... Двумъ смертямъ не бывать, а одной, какъ ни крутись, не минуешь!.. Поклонился я тутъ свѣту бѣлому на всѣ на четыре стороны, звѣздамъ яснымъ, степи широкой: — прощай, бѣлый свѣтъ, прощай родимая сторонушка! Коли суждено живу быть — вернусь; не суждено, — сложу свою голову: дешево не отдамъ! И, какъ рукой, братъ ты мой, сняло всю тоску мою... какъ не бывало! Съ легкимъ сердцемъ пошелъ, играючи, ажъ пѣсню запѣль!. Да — а... А распусти себя, — долго ли до грѣха?... Вотъ у насъ въ Переяславскомъ полку случай такой былъ...»

Тоску разставанья съ «родимой сторонушкой» переживалъ не одинъ этотъ солдатъ, переживали ее и массы и, какъ и онъ, переломили ее и, если и не «играючи», то ужъ спокойно и дѣловито пошли на смерть.

Также спокойно и дѣловито, подавивъ тоску разлуки съ близкими, занялась и страна «своимъ дѣломъ».

Въ моей записной книжкѣ я нахожу слѣдующія строки, написанныя въ то время на фронтѣ, въ результатѣ многочисленныхъ разговоровъ съ солдатами:

«Чѣмъ насъ тутъ радуетъ деревня? а) накапливаетъ, придерживаетъ запасы (пусть городъ немногого испытаетъ лишенія, это не вредно для него) б) работаетъ, не пьетъ; в) лучше питается; г) появился кое-какой достатокъ: сарафаны, ботинки — частушка: «позакрыли кабаки, зафорсили мужики, сарафаны бабамъ шьютъ, съ самоваровъ кофей пьютъ»; д) меныше эпидемій, уменьшилась дѣтская смертность...»

Помню шуточный разсказъ вернувшагося изъ отпуска солдата про молитву бабы, у которой забрали на службу пьяницу — мужа:

«Матушка, Пресвятая Владычница Богородица! грѣшница я, но сдѣлай такъ, чтобы онъ подоль не вернулся... Сѣть я бѣлыи только и увидѣла, какъ не стало его!...»

Помню не одно умиленно-растроганное воспоминаніе солдатъ — живыхъ и достовѣрныхъ свидѣтелей — о проводахъ въ деревнѣ:

«Бабенки — то! Прямо подмѣнили ихъ: не ноютъ ужъ, не плачутъ... Вспомнить только японскую войну — никакого сравненія!...»

Вотъ фельдфебель нашей пулеметной команды рассказалъ при этомъ: «Мой дѣль, какъ провожали меня, такъ то ли расходился! Стучать по столу кулакомъ: — не можете такъ окончить эту войну! Ни за что!!! И не ворочайтесь лучше!»

И т. д., и т. д., и т. д.,

Нѣтъ, я не могу не засвидѣтельствовать, что народъ нашъ и армія — ея солдатская масса — бодро и съ сознаніемъ важности и серьезности предстоящихъ задачъ приступали къ войнѣ. И не могу сказать того же про руководящіе круги, про первенствующія сословія, про интеллигенцію въ широкомъ смыслѣ слова.

Что бы не множить примѣровъ и не ворошить такихъ фактовъ, напоминаніе о которыхъ можетъ вызвать кое у кого краску стыда, я укажу лишь на тѣ въ высшей степени серьезныи и достаточно, казалось бы, компетентныи разсужденія, которая — вы помните, вѣроятно, — опредѣляли на основаніи точныхъ цифровыхъ данныхъ продолжительность войны въ 3-4 мѣсяца, много-много въ полгода («иначе не выдержитъ современный финансовый и хозяйственный государственный аппаратъ») и на основаніи, не менѣе точныхъ данныхъ, предсказывали моментъ, когда начнется въ центральныхъ имперіяхъ голодъ, и чуть ли не моментъ, когда онъ запросятъ мира у союзной коалиціи. Помните, вѣроятно, и авторитетныи опредѣленія будущихъ условій мира и новыхъ границъ «возстановленной Польши», «Великой Сербіи», разодраной «лоскутной монархіи» и «ликвидированной Турціи».... Довольно, думаю! Ни широкіе общественные, ни руководящіе круги ничего, собственно, не знали ни о характерѣ начавшейся войны, ни о размахѣ и продолжительности, ни о рессурсахъ противной стороны, ея подготовкѣ, упругости и силѣ...

Въ общемъ, легкомысленно и ужарски — за немногими, можетъ быть, исключеніями, вступали въ войну верхніе слои страны, а не народъ; и это ужарство, сдобренное въ значительной степени новоявленнымъ «патріотизмомъ», продержжалось въ нихъ довольно долго... — дольше, чѣмъ слѣдовало бы, во всякомъ случаѣ.

Руководители государства и руководители арміи... но что же говорить

о нихъ, недоброй памяти злыkhъ геніяхъ Россіи: всѣмъ извѣстно ужъ съ ка-
кою подготовкой, какъ «налегкѣ» вступили они въ эту войну и распространя-
няться много обѣ этомъ, думаю, не приходится. Не то удивительно, что мы
не выиграли войны, а то удивительно, по моему, что мы давнымъ давно,
въ первомъ же году, не проиграли еe съ нашей подготовкой, съ нашей «тех-
никой», съ нашими «голыми руками» и съ нашимъ верховнымъ — да и не
столь верховнымъ — руководствомъ!...*)

* * *

Легкомысленно ввязавшись въ страшную по тяжести и продолжитель-
ности своей войну, мы техникѣ, подготовкѣ, долголѣтнему обдумыванію
и учету всѣхъ возможныхъ обстоятельствъ, замѣчательнай организованно-
сти и умѣнью приспособляться къ измѣнившимся условіямъ, противопо-
ставили вдохновеніе, наскокъ, чисто русское «авось», «ничего», «какъ нибудь»
да преданную, покорную и серъезно относящуюся къ своему долгу массу
человѣческихъ жизней.

Отъ артиллерійского и пулеметного огня мы заграживались тѣлами,
массою ихъ, въ надеждѣ, что огонь погаснетъ когда нибудь, запасы снаря-
довъ у противника придутъ къ концу, пушки износятся... Мы имѣли да-
же преступную дерзость и отвагу бросать эту массу тѣлъ въ наступленіе
въ расчетѣ проломить ими желѣзную стѣну, завалить проволоку и окопы
и по нимъ, какъ по мосту, пройти къ побѣдѣ... И растратили, почти безъ
остатка, прекрасную по духу, стойкую и спаянную перволинейную армію...

Спохватились мы и стали пытаться обзаводиться собственнымъ снаря-
женіемъ, «милитаризовавъ промышленность», лишь черезъ годъ войны,
послѣ разгрома 1915 года, когда наша прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ
перволинейная армія на половину, если не больше, растаяла безвозвратно.

Но система затыканія прорѣхъ снабженія и руководства солдатскимъ
«пушечнымъ мясомъ» не была оставлена нами до самаго конца войны, и мо-

*) Мысль абсолютно не вѣрная. Мировая война предвидѣлась всѣми дер-
жавами и готовились къ ней всѣ, въ томъ числѣ и Россія. Но, такъ какъ подго-
товку въ такихъ грандиозныхъ размѣрахъ въ одинъ-два года провести и закон-
чить было нельзя — по финансовымъ, техническимъ, экономическимъ и проч.
условіямъ, то она и была разосредоточена на цѣлый рядъ лѣтъ до 1917 г. вклю-
чительно — нѣмцы учили грядущую опасность и... сорвали нашу программу.

Такъ же какъ и мы были неготовы и Франція, и Англія — но эти страны
быстро наверстали недостающее, благодаря высокимъ условіямъ культуры въ
этихъ государствахъ.

Что касается руководителей арміи, то обвиненіе ихъ въ общей неподготовкѣ
также, по менышей мѣрѣ, слишкомъ легкомысленно: были у насъ вожди и хо-
рошіе, и плохіе — и «таланты» и «безталанные», были, конечно, и преступники...
но нужно опредѣленно сказать, что подобная огульная фраза, какъ: «недоброй
памяти злыe геніи Россіи» — возлагаетъ на автора слишкомъ большую отвѣт-
ственность и обнаруживаетъ его малое знакомство съ этой стороной вопроса.(Ред.)

билизація все новыхъ и новыхъ возрастныхъ призывовъ различныхъ разрядовъ продолжались вплоть до революції 1917 года. Остановились мы не потому, что сознали ненужность и гибельность этой системы, а потому, собственно, что исчерпали до конца свой людской запасъ, призвавъ всѣ годные возрасты всѣхъ разрядовъ вплоть до 17-лѣтнихъ мальчиковъ, когда послѣднимъ рессурсомъ нашимъ оставались лишь «старики», боевые качества которыхъ даже нашему командованію казались не совсѣмъ удовлетворительными.

Кромѣ необходимости пополненія фронта и уравновѣшенія недостатка снаряженія и снабженія массою резервовъ, въ этихъ щедрыхъ призывахъ значительную роль сыграла, достойная лучшаго примѣненія, настойчивость нашихъ бывшихъ союзниковъ. И сами значительно отставъ отъ подготовки къ этой войнѣ германцевъ, напрягая всѣ усилия, чтобы догнать, а если возможно, то и опередить ихъ въ отношеніи материальной силы фронта у себя «дома», на западно-европейскомъ фронтѣ, употребивъ на это колоссальные ресурсы свои и Америки, союзники, какъ утопающій за соломинку, ухватились за нашу доморощенную систему уравненія силъ при помощи массы, и пока не насытили въ достаточной мѣрѣ своего фронта материальной частью, все толкали и толкали нась на новыя и новыя мобилизациі.

Больше того и легкомысленнѣе того (чтобы не сказать рѣзче). Прихваливая нась на всѣ лады, льстя нашему великодержавному самолюбію, они заставляли нась вести наступательныя операциі для оттяжки германскихъ резервовъ съ западно-европейскаго фронта и сохраненія тамъ стратегического равновѣсія.

При отсутствіі у союзной коалиції координації дѣйствій, основанной на единственно цѣлесообразномъ въ данномъ случаѣ, какъ показалъ опытъ центральной коалиції, единствѣ командованія, — «концентрації воли», если можно такъ выразиться, — наши наступленія въ концѣ концовъ свелись лишь къ безрасудной тратѣ нашей живой силы. И только. Мы наступали, а союзники, строго говоря, не шевелили — сколько нибудь серьезно — и пальцемъ, чтобы помочь нашему наступленію, и допускали свободную переброску Германіей войскъ съ запада на востокъ, для ликвидации нашего наступленія и его успѣховъ. Пользуясь нѣсколько вульгарнымъ, но мѣткимъ опредѣленіемъ дѣйствій союзниковъ, выработаннымъ нашей дѣйствующей арміей въ 1916 году, союзники, «втравливали» нась въ колоссальной важности, но и колоссальной же трудности, боевые задачи, а сами ограничивались въ это же время тѣмъ, что любовались нашимъ геройствомъ и нашимъ самопожертвованіемъ, при всякомъ такомъ случаѣ общая «не забыть» нашихъ усилий, — всего того, что мы сдѣлали для спасенія ихъ, начиная съ гибели самсоновскихъ войскъ и кончая іюньскимъ наступлениемъ 1917 года.

Не умѣя или не желая подчинить своему руководству наши дѣйствія, не довѣряя нашему командованію своихъ силъ, союзники, будто нарочито, цѣлали такъ, что бы наши наступательные порывы поскорѣе выдохлись, чтобы мы, обезсиленные, поскорѣе и все рѣшительнѣе вычерпывали изъ страны живую силу ради «поддержанія равновѣсія». Ни разу, собственно, не согласовали они своихъ ударовъ съ нашими наступленіями, били не вмѣстѣ, а вразбрдь...

Армія — ея солдатская и офицерская масса — замѣчала эту несогласованность дѣйствій, понимала это несоотвѣтствіе нашихъ усилий и усиливъ союзниковъ и зависимость нашихъ мобилизацій, истощавшихъ рабочую силу страны, разорявшихъ и дезорганизовавшихъ тылъ, отъ неготовности и неумѣнія союзниковъ, и популярность союзниковъ падала и падала въ ней во все время продолженія войны, опускаясь иногда скачками до очень низкихъ степеней.

Если къ осени 1916 года въ офицерской средѣ и существовалъ еще по отношенію къ нашимъ общимъ военнымъ дѣламъ, не только официальный «наигранный» оптимизмъ, но и оптимизмъ искренній, поконившійся на стажомъ престижѣ Англіи иуваженіи къ английскому «бульдожьюму» характеру, къ англійской цѣлкости и «мертвой хваткѣ», то среди солдатской массы, послѣ такъ блестяще начатаго и такъ позорно выдохшагося галиційскаго «брюсиловскаго» наступленія 1916 года, такого не осталось и слѣда. Вѣдь армія — ея солдатская масса и вышедшая изъ ея среды низшій командный составъ («прaporщики») — училась во все продолженіе войны на собственномъ горькомъ, тяжеломъ и страдальческомъ боевомъ опыте. И собственные раны, труды, лишенія, и обиды, и жизни погибшихъ товарищей помогли имъ «раскусить», что въ отношеніяхъ союзниковъ къ «намъ» — къ этой воть именно живой, чувствующей, думающей человѣческой массѣ — «что то, какъ будто, не то», — какъ выражались солдаты, — есть «какая то червоточинка».

Но прежде чѣмъ сдѣлать окончательный выводъ изъ этого положенія, солдатскія массы долго, очень долго и терпѣливо ждали подтвержденія или опроверженія этого положенія, — ждали помоши отъ союзниковъ.

Помню — еще во времена нашего тяжелого и славнаго отхода въ 1915 году, когда, казалось, висѣла на волоскѣ судьба арміи, но вѣра въ союзниковъ была еще сильна, всякий разъ, какъ въ наши руки попадала случайно газета, первымъ вопросомъ со стороны окружающихъ былъ вопросъ о западно-европейскомъ фронтѣ:

«Ну, чего о союзникахъ слышно? Не перешли еще въ наступленіе?!»

Тогда вся армія — кромѣ, можетъ быть, нѣкоторыхъ наиболѣе освѣдомленныхъ представителей штаба верховнаго главнокомандующаго —

была увѣрена, что союзники не бросят нась въ бѣдѣ, помогутъ, перейдутъ въ наступленіе сами.

«Какъ хорошо было бы! — мечтательно вздыхали солдаты, строя фантастичeskія, но въ основѣ здравыя стратегическія соображенія и планы насчетъ «взаимной выручки». — Все бы намъ полегче было... А то вплотную навалились на нась однихъ два государства... Не передохнуть!..»

Объясненія, дававшіяся офицерскимъ составомъ, который и самъ искренно вѣрилъ въ то, что говорилъ, и сводившіяся въ общемъ къ тому, что союзникамъ тоже надо сейчасъ оправиться, накопить силы, подготовиться къ удару, принимались со вздохомъ разочарованія: «Эхъ, скорѣе бы ужъ!..» но все же съ сознаніемъ необходимости такого накопленія.

И, отходя, въ невѣроятныхъ по тяжести, «нечеловѣческихъ» условіяхъ — безъ снарядовъ, безъ патроновъ, отбиваясь отъ атакъ чуть ли не камнями — солдаты наши все же находили въ своей душѣ жалость по отношенію къ союзникамъ!

«Да — а, имъ милягамъ, тоже въ прошломъ годѣ туда пришлось... Кабы не мы тогда, почитай, отъ французовъ мокре бы мѣсто только осталось!»

И мечтательно вѣрили:

«Вмѣстяхъ — они оттуда, мы отсюда — навалимся, — затрешить германецъ! Не выдержать ему!»

«Гдѣ же выдержать ежели и спереди и сзади?! Не разорваться!»

«Кишкѣ лопнетъ сънатуги!...»

И послѣ жестокаго опыта 1915 года вѣра массъ въ помощь союзниковъ не потерпѣла значительного ущерба. Было непріятно, досадно, что такъ плохо складываются обстоятельства для нась и для нихъ, но когда выяснилось, что союзники окажутъ намъ щедрую помощь материальными снаряженіемъ, — армія была довольна:

«Лиши бы побольше снарядовъ да патроновъ прислали, а людей у нась самихъ хоть отбавляй...»

Когда на фронтѣ стало извѣстно, что мы посылаемъ своимъ солдатъ во Францію, солдаты были даже рады:

«Давно бы такъ то! — удовлетворенно толковали они: что жъ у нась зря въ тылу народъ треплется безъ винтовокъ? А тамъ людей нѣту, зато всѣго другого вдоволь!.. Давно пора!!..»

Но эта вѣра всю слѣдующую зиму и весну подтачивались мелочами, незамѣтными и такими незначительными для посторонняго наблюдателя мелочами.

Надписи на ящикахъ: «берегите снаряды», устарѣлаго типа моторы на аэропланахъ, про которые союзные же инструктора — механики говорили, что они удивляются нашимъ летчикамъ, рискующимъ дѣлать боевые разведки на аэропланахъ съ этими моторами, которые никѣмъ уже не

употребляются на западно-европейскомъ фронте, «французскія берданки», какъ окрестили наши солдаты присланныя намъ на вооруженіе старыя винтовки; японскія винтовки Арисака разныхъ типовъ безъ достаточнаго количества патроновъ къ нимъ, устарѣлая орудія, бомбометы «изъ водопроводныхъ трубъ» и т. д. и т. д. — все это солдатская масса видѣла, замѣчала и отмѣчала въ сердцѣ своеемъ, копя тихую, но грозную обиду и разочарование.

«На тебѣ, небоже, что намъ негоже!..» — вотъ какъ стала опредѣлять солдатская масса отношеніе союзниковъ къ намъ къ веснѣ 1916 года.

Даже нашу собственную дезорганизацію и неразбериху, она стала время отъ времени относить на счетъ союзниковъ, какъ бы упрекая ихъ за то, что они не принимаютъ мѣръ къ устраненію основныхъ причинъ этой неразберихи.

Весною 1916 года, когда мы стояли на Рижскомъ фронте, въ нашъ полкъ пришло предписаніе получить въ Петроградскомъ артиллерійскомъ складѣ 10 пулеметовъ до полнаго комплекта (до того мы орудовали съ 4-мя, по томъ съ 6-ю пулеметами противъ германскихъ 16-ти и потомъ 20-ти). Потѣхалъ офицеръ съ командой въ Петроградѣ. Тамъ его продержали двѣ съ половиной недѣли и, въ концѣ концовъ, за недостаткомъ пулеметовъ, рекомендовали «обратиться въ Тапсъ». Пришлось всѣмъ людямъ вернуться на фронтъ, переписать въ полку и дивизіи соответствующія требованія и удостовѣренія иѣхать въ Тапсъ. Въ Тапсъ быстро, не затягивая дѣла, показали пустые сараи:

«Видите сами? Откуда же взять? Обратитесь въ Витебскъ».

Опять возвращеніе на фронтъ, переписка бумагъ и путешествіе съ командой въ Витебскъ.

Въ Витебскѣ заявляютъ: «Вы не нашего фронта!.. У насъ отъ своихъ отбою нѣтъ...»

«Но вѣдь намъ нельзя ждать, у насъ бои!».

«А у насъ танцы?»

И только «ради Христа» удалось вымолить пулеметы безъ двухколокъ и нѣкоторыхъ запасныхъ частей и привести ихъ на фронтъ.

Солдаты видѣть все это, обсуждаютъ, дѣлаютъ свои умозаключенія... Разбираемъ на фронтѣ, чистимъ, слаживаемъ пулеметы. Слышу голосъ пулеметнаго унтеръ-офицера I-го взвода, Кокина:

«И чего «они» тамъ («они» относится къ союзникамъ) ноздрями мухъ ловятъ?! Писали, что генераль Рокъ къ намъ прѣхаль... а толку что то не замѣтно».

Реплику подхватываетъ другой унтеръ-офицеръ, Тяпинъ:

«Да у насъ какъ бы по старому не вышло: какъ будемъ готовы по настоящему, такъ и миръ!»

Но все же еще въѣра солдатскихъ массъ въ искреннее отношеніе къ намъ союзниковъ не была окончательно подорвана. Солдаты ворчали недовольно, но все же считали, что «братство по оружію» является настоящимъ братствомъ, что мы равноправны передъ лицомъ смерти въ глазахъ союзниковъ, что они нась выручать въ трудную минуту. Въѣра эта держалась — «теплилась» я бы сказалъ, — почти до середины лѣта 1916 года, когда стала замѣтиться уже «заминка» въ Брусиловскомъ наступленіи, когда появились — сначала подъ Ковелемъ, а потомъ и въ Галиції на станиславскомъ и другихъ направленияхъ — германскіе полки изъ подъ Вердена.

«Что жъ они — такъ ихъ и этакъ! — не наступаютъ?» — стала рѣзко «по армейски» выражаться по адресу союзниковъ армія — подъ Верденомъ выдохлись? Велика штука Верденъ ихній, подумаешь, когда тутъ можно бы....»

Неподдержанное во время союзниками наступленіе 1916 года добило окончательно въѣру солдатскихъ массъ въ союзниковъ, въ исходъ войны.

«Били, били, однихъ снарядовъ извели сколько, какъ въ ж... все! Толку не выйдетъ этакъ, я вамъ вѣрно говорю», — такія рѣчи стали раздаваться все чаще и чаще.

Въ это время, вслѣдъ за выступленіемъ Румыніи и, обнаружившейся немедленно какой то почти утрированной неготовностью ея, упавшей всей тяжестью на плечи нашей же арміи, сложился въ арміи разсказъ-анекдотъ, имѣвшій въ виду румынскій фронтъ, но мѣтившій своимъ сарказмомъ дальше и глубже. Анекдотъ передавалъ, что будто бы, послѣ одного изъ боевъ въ Румыніи, когда нашимъ частямъ едва удалось выбиться изъ тисковъ, образовавшихся изъ за стѣшнаго отхода съ фланговъ румынъ, ушедшихъ безъ всякаго предупрежденія сосѣдей, на германской линіи появился пла-катъ съ надписью:

«И везеть же намъ съ вами на союзниковъ!...»

Анекдоту смыялись, но анекдоту и вѣрили и, что самое убийственное, соглашались съ внутренней правдой его.

И слово «союзники», полное такого глубокаго смысла и значенія раньше, стали употреблять въ уменьшительной формѣ, придавая ему уменьшительный и обидно ироническій оттѣнокъ:

«Со — юз — нич — ки!...»

Съ этого именно періода войны армія, окончательно извѣрившись и въ союзникахъ, какъ раньше извѣрилась въ своемъ командномъ составѣ и верховномъ руководствѣ, сдѣлала окончательный выводъ изъ всѣхъ своихъ предыдущихъ переживаній, «махнула рукой» на все и поддалась чувству глубокаго равнодушія и безразличія къ возможному исходу войны и всѣмъ послѣдствіямъ его:

«А-а-а, все равно! хуже не будетъ!... И подъ нѣмцемъ можно жить...» вотъ формула, которую приняла она, а черезъ нее и весь народъ, по отношенію къ судьбѣ, ожидавшой его въ результатѣ этого равнодушія и разочарованія...

***

Понимали солдатскія массы на фронтѣ и народныя массы въ странѣ и по своему, — но вѣрно — оцѣнивали и ту нелѣпую дезорганизацію тыла, которая происходила у насъ при помощи безконечныхъ и сверхъ всякихъ расчетовъ и даже вѣ сколько нибудь правильнаго учета — мобилизацій людскаго состава.

Нелѣпая цѣль тушить огонь кровью скоро же привела и къ нелѣпымъ и гибельнымъ для страны результатамъ. Накопляя запасъ, мы при помо-щи мобилизацій добились того, что тыль нашъ оказался забитымъ людьми до пересыщенія. Вместо того, чтобы держать, хотя бы и большія, но основанныя все же на какомъ нибудь расчѣтѣ и пріуроченные къ потребностямъ крупныхъ соединеній (не менѣе корпуса, по крайней мѣрѣ) депо пополненія вблизи фронта на главныхъ стратегически опредѣлимыхъ направленияхъ — рижскомъ, двинскомъ, западномъ, юго-западномъ и т. д. — мы раскидали эти депо, въ видѣ запасныхъ батальоновъ для отдѣльныхъ полковъ, по всѣмъ крупнымъ и большинству мелкихъ городовъ и даже мѣстечекъ и забили ими страну вплоть до Иркутска, если не дальше. Вычерпывая изъ страны людской запасъ по единственному, кажется, принципу — «душа мѣру знаетъ» — мы, въ концѣ концовъ, сами утеряли представленіе о количествѣ его и опредѣляли число его просто «на глазъ».

Лицо, близко стоявшее къ центральному отдѣлу снаряженія Всероссійскаго Земскаго Союза, передавало мнѣ характерный отвѣтъ, полученный имъ отъ офиціальныхъ представителей интенданцтва на одномъ изъ совѣщаній на просьбу опредѣлить точнѣе, сколько же требуется обмундированія.

«Да кто же это знаетъ? Развѣ «ихъ» считали. Такъ миллионы на 15-17 прикидывайте...»

Несчастная система противопоставленія огню массы, соединенная съ системой отдѣльныхъ запасныхъ батальоновъ, предполагавшей расположение батальоновъ въ мѣстѣ квартирированія полка въ мирное время, привела къ слѣдующимъ печальнымъ результатамъ.

Во-первыхъ, мы набили свои запасные батальоны людьми сверхъ мѣры — были батальоны, насчитывавшіе свыше 20 тысячъ человѣкъ; одновременно люди, въ расширенныхъ и увеличенныхъ казармахъ, располагались въ три-четыре яруса, жили въ запасныхъ батальонахъ по-долгу, занимались лишь «для отвода глазъ» гимнастикой, выправкой и т. п. пустяками, изъ

за отсутствія винтовокъ и шанцеваго инструмента не проходили ни курса, хотя бы сокращеннаго , стрѣльбы, ни самоокапыванія, пили, Ѳли, трепали обувь и платье, а на фронтъ приходили мало обученными и мало подготовленными, такъ что на фронтѣ ихъ приходилось доучивать или даже переучивать вновь...

Во-вторыхъ, придерживаясь все еще остроумной системы тассованія населенія, такъ сказать, экстерриториальности арміи, практиковавшійся въ мирное время и обусловленной вѣчной боязнью мѣстныхъ «сепаратизмовъ», мы и во время войны принуждены были вывозить призванныхъ въ Полтавской губерніи солдатъ въ запасные батальоны Томска, сибиряковъ — въ Западную Россію, поляковъ — въ Восточную Сибирь, архангельцевъ въ Туркестанъ, туркестанцевъ — на Мурманъ и т. д., чѣмъ безъ нужды «зря» забивали и перегружали подвижной составъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ и безъ того изношенный и, по малочисленности, перегруженный работой. Въ третьихъ, мы еще болѣе перегружали свои желѣзныя дороги новой перевозкой маршевыхъ ротъ изъ запасныхъ батальоновъ въ полки дѣйствующей арміи на фронтъ, заставляя нѣкоторую часть людей излишне кататься по одному и тому же направлению взадъ и впередъ, напримѣръ, изъ Черниговской губерніи въ Иркутскъ и изъ Иркутска на Юго-Западный фронтъ.

Въ четвертыхъ, мы далеко не способствовали разгрузкѣ нашихъ «жизненныхъ артерій» тѣмъ, что катали по нимъ всякаго рода довольствіе для всѣхъ этихъ скученныхъ въ запасныхъ батальонахъ людей.

Въ пятыхъ, мы хозяйственно обезсиливали страну, вычерпывая изъ нея продукты и фабрикаты всякаго рода — хлѣбъ, скотъ, кожу, табакъ, чай, сахаръ, шерсть, сукно, полотно и т. д. — на содержаніе, въ теченіе нѣкотораго излишняго промежутка времени, каждого изъ попадавшихъ въ запасные батальоны и катавшихся безъ нужды по желѣзнымъ дорогамъ мобилизованныхъ.

Въ шестыхъ, мы тоже безъ толку обезсиливали страну, уводя изъ нея рабочее населеніе, отрывая его отъ производительного труда и обрекая на праздность въ четырехъ стѣнахъ казармъ...

Не трудно было сообразить и понять, какъ гибельно отзывались на странѣ эти порядки, какъ стремительно падала производительность ея и какъ быстро истощались ея запасы. Армія , сама въ громадномъ большинствѣ прошедшая черезъ тыловые этапы, прежде чѣмъ попасть на фронтъ, видѣла, конечно, все это и учитывала нелѣпость и разорительность нашей системы комплектованія. И къ 1916 году стала логоворивать объ этомъ довольно откровенно и вслухъ.

Страна — крестьянская, деревенская и городская рабочая Русь — зарвчала недовольно много раньше. Солдатская же, одѣтая въ сѣрые шине-

Русь, заворчала лишь тогда, когда оскудѣніе страны вплотную наглядно подошло къ ней и отразилось на многочисленныхъ мелочахъ ея быта.

Зорко замѣчали и вѣрно оцѣнивали солдаты эти «мелочи». Стали припинать изъ интенданства въ полки, положимъ, котелки не изъ мѣди, а изъ жести, пояса не изъ ремней, а изъ парусины, ранцы не изъ брезентового полотна, а изъ мѣшечного холста, тѣлогрѣйки не на ватѣ, а на паклѣ, вместо сапогъ — ботинки и т. д. и т. д. Солдаты умозаключали:

«Не хватаетъ уже!...»

Стали сокращать весною 1916 года мясныя порціи, вводя «рыбные дни», мѣня мясо овощами, кашей, чечевицей. Солдаты отмѣтили и это:

«Скотинку то прѣли, видно, а она не такъ скоро растетъ!...»

Но тогда они оговаривались еще:

«Была бы кашка, а воевать еще можно!»

Хотя болѣе скептически настроенные изъ нихъ добавляли:

«Да только къ кашкѣ то еще бы чего нибудь!...»

Рѣзкій переломъ въ отношеніи къ порядкамъ произошелъ въ арміи послѣ посыпавшихся, одинъ за другимъ, какъ всегда у насъ, неумѣреныхъ призывовъ ратниковъ ополченія 2-го разряда — этихъ «маменькиныхъ сыновъ», береженныхыхъ, поеныхъ, кормленыхъ, холеныхъ, какъ насыщенно предѣляла ихъ дѣйствующая армія.

По настойчивымъ требованіямъ союзниковъ, мы, исчерпавъ изъ страны, не истративъ его и на третью, нашъ сколько нибудь обученный ранѣе людской запасъ, принялись выкачивать изъ нея послѣднія, оставшиеся въ ней сколько нибудь поддерживавшія ея хозяйственное равновѣсіе, рабочія силы. Въ деревняхъ послѣ этого оставались лишь старь да младь, тяжесть работы легла на женскія, менѣе опытныя и сильныя, руки...

Заваливъ въ хозяйственномъ отношеніи страну, забравъ послѣднихъ «милльцевъ-кормильцевъ», мобилизациія ополченія не улучшила положенія мії, а, наоборотъ, качественно сильно ухудшила ея составъ. Со 2-мъ раздѣломъ въ армію влилось громадное количество людей, которые издавна, дами и десятилѣтіями, сжились съ мыслью, что они застрахованы отъ военной службы самимъ фактъмъ зачисленія во 2-й разрядъ, что война съ ея масами, тяготью, рискомъ минеть ихъ, какъ миновала въ свое время женская служба.

«Намъ череду не будетъ, — народу и безъ насъ много!» — говорили они въ время этой войны и шутливо прибавляли: — «нашъ чередь вмѣстѣ съ вами воевать, когда нѣмецъ сюды къ намъ дойдетъ!»

А такъ какъ предполагалось само собою, что «нѣмецъ» никогда до ихъ землѣтельства не дойдетъ, то само собою вытекало также, что и «череду никогда не будетъ».

Само государство, выдѣляя ихъ при ежегодныхъ призывахъ по признаку рожденія, по жребіямъ или физическимъ недостаткамъ, укрѣпляло въ нихъ эту мысль и всѣ связанныя съ нею, какъ производныя изъ основной аксиомы, настроенія. Старшія поколѣнія — «отцы и матери» — также смотрѣли на ихъ отношенія къ военной службѣ и къ войнѣ, считая ихъ именно, свободныхъ отъ солдатчины и связанныхъ съ нею случайностей, настоящими — «прирожденными», «Богомъ данными, царемъ пожалованными», — «поильцами — кормильцами», опорой въ старости и такомъ общемъ несчастьи, какъ война.

И вотъ, эта то «психологическая привычка» была затронута послѣдними призывами и притомъ затронута рѣзко — сразу и безъ подготовки — и глубоко. Оставшееся безъ «кормильцевъ-поильцевъ», населеніе не могло не ахнуть и не взроптать, сами «кормильцы-поильцы» далеко не съ благословеніями пошли на военную службу. Этимъ создалась глубокая психологическая подготовка сначала равнодушія къ войнѣ, къ ея успѣхамъ и продолженіямъ, а потомъ и «непріятія» и отрицанія ея, на которой позже развернулись всѣ послѣдующія события, начиная съ февральской революціи 1917 года.

Вливая въ армію столь значительныя массы психологически неподготвленныхъ къ пребыванію въ ней, внутренне не приемлющихъ ее людей, наше командованіе не учло того обстоятельства, что это вливаніе можетъ отразиться разлагающимъ образомъ на самой арміи. Это и случилось. Второй разрядъ внесъ въ армію и на фронтъ начало равнодушія къ судьбамъ войны и страны, и, какъ противоположность этого, сильно развитое «шкурничество», боязнь за свою личную безопасность, судьбу, жизнь. И это сказалось сразу же въ сильно развитомъ къ осени 1916 года дезертирствѣ.

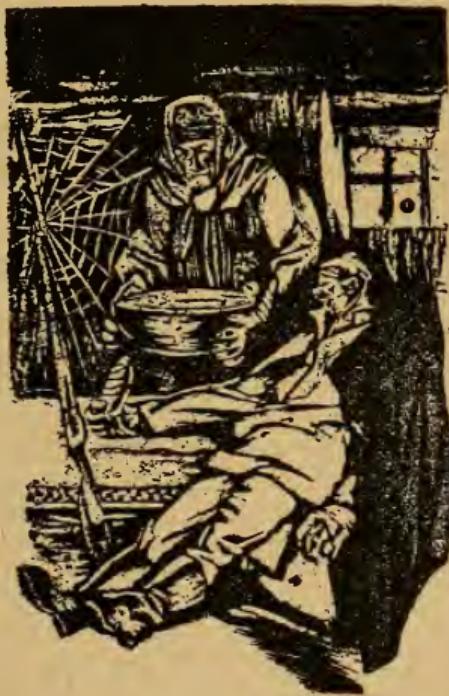
Дезертирство наблюдалось, конечно, и раньше, но въ близкихъ къ «нормальнымъ», если можно такъ выразиться, размѣрахъ.

При призываѣ и при безпрерывныхъ передвиженіяхъ такихъ многомиліонныхъ войсковыхъ массъ, какія были мобилизованы у насъ, даже небольшой процентъ дезертировъ, неизбѣжный во всякой — хотя бы наилучшѣй арміи, дасть колоссальная цифры въ десятки и даже сотни тысячъ бѣглыхъ, злостно отсталыхъ, симмулирующихъ болѣзни, раненія и т. д. Но въ нашей арміи, до Брусиловскаго наступленія и призововъ 2-го разряда, сплошь и рядомъ, къ дезертирству относились и такие случаи, которые ничего общаго съ нимъ не имѣли.

Помню, весной 1916 года, нашу дивизію внезапно, давъ всего 3-4 часа на сборъ, перебросили съ Рижского фронта — изъ подъ Икскуоля въ Галицию. Мѣста назначенія, до момента выгрузки изъ вагоновъ, никто, даже въ штабѣ дивизіи, не зналъ, различные полки то останавливались и выгружались, то снова садились въ вагоны въ разныхъ участкахъ то Западнаго,

о Юго-Западнаго фронта и слѣдовали, опять по новому, тоже неизвѣстному
ля насть направлению. Полкъ нашъ, послѣ высадки на границѣ Галиціи,
прошелъ болѣе ста верстъ, участвовалъ въ бояхъ и потонулъ въ той гущѣ
войскъ, которая тогда была сосредоточена въ Галиціи для наступленія,
А при внезапномъ выступлениі изъ Исккуля и спѣшной и запутанной пе-

«Революціонная Армія» въ русской карикатурѣ.

Дезертиръ и Россия.

Дезертиръ. — На фронтъ я больше, мамаша, не пойду, Я остаюсь
дома и буду защищать революцію.

Россія. — ...Твоя защита приведетъ ее къ развалинамъ.

реброскѣ, мы, естественно, не могли не оставить позади себя довольно зна-
чительное количество солдатъ: бывшихъ въ отпускахъ и командировкахъ,
выпissанныхъ изъ лазаретовъ и возвращавшихся въ полкъ, просто запутав-
шихся въ толчѣ и неразберихѣ большихъ узловыхъ станцій и не успѣвшихъ
поластъ въ отходившій эшелонъ.

И вотъ громадное большинство этихъ отсталыхъ догнали полкъ, кто по дорогѣ, кто на стоянкахъ, кто разыскалъ уже на фронтѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, принужденные обстоятельствами толочься по тылу, по надѣю фронтомъ, были арестованы тыловыми властями и препровождены къ этапнымъ комендантомъ, какъ дезертиры.

Одного такого арестованного и бѣжавшаго затѣмъ въ свой полкъ на фронтъ «лезертира по неволѣ» мнѣ довелось распрашивать подробно.

«Какъ же ты ушелъ?!

«Фу-у ! буду я дожидаться ихней отправки! Это до самой зимы до полка не доешь: пока соберутъ партію, отправятъ къ другому коменданту, а тамъ опять жди партіи... А я выглядѣль, какіе у нихъ порядки, да ночушкой и даль тягу. Эшелонъ какъ разъ проходилъ мимо , къ нему прицѣпился, а потомъ на пассажирскій пересѣль... Ищи вотъ теперя меня!...

«А какъ же ты полкъ нашелъ?

«А языкъ на што?! Какъ разъ раненыхъ изъ Галиціі везли, — ну разспросиль: не видали ли, моль, нашихъ? Быдто, говорятъ, есть такая дивизія. Я — Господи благослови — и двинулъ! Ежели ужъ не найду , думаю, къ другому какому полку пристану... авось примутъ!..»

И такихъ случаевъ при постоянной переброскѣ войскъ съ мѣста на мѣсто, особенно при установкѣ фронта при незамершихъ еще бояхъ осенью 1915 года и при перегруппировкахъ осенью передъ наступленіемъ 1916 года, было не мало. Процентъ же дезертировъ въ собственному смыслѣ, — лишь, злостно уклонившихся отъ службы — былъ сравнительно не великъ и близокъ къ нормальному.

Таковъ же онъ былъ и въ «маршевыхъ ротахъ» пополненія, приходившихъ на фронтъ (иногда послѣ нѣсколькихъ недѣль путешествія и перебросокъ по желѣзнымъ дорогамъ) въ порядкѣ.

Не то стало наблюдалось въ армії съ осени 1916 года, когда въ нее стали вливаться значительной струей призванные второразрядники, и особенно послѣ революції, когда начала выявляться въ армії все явственнѣе и явственнѣе «воля къ миру», какъ тогда называли это явленіе. Дезертиры заполняли собою тылъ. «Маршевые роты» стали доходить на фронтъ все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ, тая по дорогѣ. Дошло до того, что въ полки, ждавшія пополненія, молившіе о немъ, приходили зачастую лишь списки пополненія.

Ни мольбы, ни угрозы, сыпавшіяся изъ разныхъ инстанцій — вплоть до верховнаго командованія и высшей государственной власти — ни мало не помогало дѣлу. Армія стала разстраиваться, разсѣдаться въ самыхъ существенныхъ основахъ своихъ. Единый когда то, спаянныій общностью цѣли, чувства любви къ родинѣ и сознанія необходимости ея защиты, монолитъ

сталь «вывѣтриваться», распыляться — и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе — на отдельныя людскія песчинки, начавшія — каждая въ отдельности — руководиться своимъ личнымъ благополучиемъ, своими личными взглядами.

«Лиши би мнѣ уцѣлѣть!»

Армія съ такимъ преобладающимъ настроениемъ солдатскихъ массъ перестаетъ быть арміей, и, если она держится еще внѣшней дисциплиной, силой инерціи, привычки, въ боевомъ отношеніи она никуда негодна, ибо больна внутренне смертельной болѣзнью равнодушія, волевой простраціей. Когда и наша армія была поражена потерей вѣры, потерей смысла сопротивленія, она тоже перестала, въ сущности, быть арміей, и на всѣ призывы Временного Правительства, верховнаго командованія, общества и сохранившихъ еще вѣру товарищѣй, большинство составлявшихъ ее особей, какъ вы знаете, внутренне, — а иногда и вслухъ — отвѣчало упрямо:

«Ищите себѣ другихъ дураковъ!.. А мы подождемъ, съ насъ довольно!».

Психологически забастовка арміи началась гораздо раньше позорно провалившагося наступленія 1917 года, и не замѣтить этого значило ничего не понимать въ происходившемъ и дѣйствовать «очертя голову», на-авось. Ни Временное Правительство, ни верховное командованіе, ни союзники, вдохновлявшіе это наступленіе, этого не замѣтили. Провалъ не замедлилъ послѣдовать.

Винить ли только массы въ этомъ провалѣ?... Я не рѣшаюсь...

«Покушеніе съ негодными средствами» и материаломъ не могло не привести къ негоднымъ результатамъ, и нельзя оправдать мастеровъ, которые должны были знать качество материала, съ какимъ имъ приходилось оперировать...

С. Арефинъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ РЕВОЛЮЦИОННАГО ФРОНТА.

ДВА СМЕРТНЫХЪ ПРИГОВОРА.

А.

Первый смертный приговоръ на Западномъ фронтѣ.

События въ районѣ ст. Залѣсье, въ связи съ бунтами частей 2-й гренадерской и 174-й пѣх. дивизій и попытками ихъ открыть фронтъ, приняли настолько угрожающей характеръ, что по распоряженію бывшаго Военнаго Министра А. Керенскаго для усмиренія ихъ и разоруженія была примѣнена вооруженная сила.

Собственно говоря—всю эту операцию по разоруженію можно было за-кончить въ одинъ день—при условіи, конечно, рѣшительности дѣйствій и предоставленія полной инициативы въ этомъ случаѣ начальствующимъ лицамъ.

Къ сожалѣнію, руководившіе усмиреніемъ члены Исп. Ком. С.Р. и С.Д., Берманъ и милѣйший Пруссакъ, въ своихъ дѣйствіяхъ примѣнили принципы «уговариванія и безкровія», въ результатѣ чего создали у бунтовщиковъ увѣренность въ полной безнаказанности; ближайшимъ слѣдствіемъ этого явилось то, что операция по разоруженію затянулась почти на недѣлю и оказалась болѣе кровопролитной, чѣмъ это предполагалось.

Вся картина вполнѣ исчерпывается двумя нижеприводимыми документами.

I. ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ ОБЪЕДИНЕННЫХЪ КОМИТЕТОВЪ 174-Й ПѢХ. ДИВИЗІИ.

Изъ копіи протокола засѣданія Съезда полковыхъ комитетовъ 174 пѣх. дивизіи, 22 сего іюля, на которомъ присутствовали члены дивизіоннаго и полковыхъ комитетовъ 694, 695 и 696 пѣх. полковъ, штаба дивизіи, инженерной роты и батальона смерти выяснилось слѣдующее о событияхъ въ 693 пѣх. полку:

Изъ заявленія сдѣланнаго Начальникомъ 174 пѣх. дивизіи и докладовъ

сь мѣсть выяснилась полная характеристика и дѣятельность предсѣдателя полкового комитета 693 пѣх. полка Швайкина и его ближайшихъ сотрудниковъ Галкина и Севастьянова.

Съ первыхъ дней работы полкового комитета, во главѣ которого стоялъ Швайкинъ, пошла по неправильному пути. Отрицая всякую организованную и планомѣрную работу, дѣйствуя исключительно митинговымъ порядкомъ, съя рознь между офицерами и солдатами, призывая послѣднихъ къ неповиновенію начальствующимъ и хватанію ихъза глотку, онъ избѣгалъ участія въ высшихъ комитетахъ, хотя и состоялъ въ нихъ членомъ, опасаясь и не выдерживая разумной критики своихъ поступковъ.

Вся его компанія, будучи президіумомъ полкового комитета, проводила все то, что имъ было на руку, не считаясь съ мнѣніями и постановленіями всего полкового комитета. Протоколы составлялись послѣ засѣданія полкового комитета и постановленія, нежелательныя ему, въ протоколы не заносились.

Ко всѣмъ приказамъ и постановленіямъ начальствующихъ лицъ и военныхъ организацій относился отрицательно, указывая на то, что до отданія этихъ приказовъ не спрашивали широкія массы, нужны ли имъ такие приказы. Послѣдніе приказы, въ связи съ событиями на фронтѣ, истолковывались имъ какъ поворотъ къ старому режиму, — призываю къ неисполненію этихъ приказовъ.

Въ политическомъ отношеніи личность Швайкина темна и неясна. Наряду съ его, якобы, крайней преданностью и защитою революціи и свободы—откровенно высказывался за еврейскіе погромы, говоря, что они поголовно капиталисты.

Прежде чѣмъ появиться на какомъ либо митингѣ, онъ предварительно посыпалъ туда своихъ приверженцевъ, по его выражению: «насадить шпионажу»; только послѣ этого «насажденія шпионажу» являлся самъ и нерѣдко въ пьяномъ видѣ. Тутъ присутствовали и его единомышленники, которые поддерживали всѣ выкрики и призывы Швайкина, выкрикивая «правильно» и нерѣдко предлагая крикнуть этому уважаемому представителю и организатору «ура».

Во время поѣзденія Швайкина членомъ армейского комитета штабсъ капитаномъ Араповымъ и членомъ Исп. Ком. С.Р. и С.Д. тов. Пруссакомъ, прѣхавшихъ познакомиться съ настроениемъ полка, онъ поднялъ тревогу въ своеемъ и сосѣднихъ 23 и 24 grenадерскихъ и 109 пѣх. полкахъ, призываю ихъ спасти его отъ этихъ депутатовъ, прѣхавшихъ, якобы, его арестовать.

Издавая журналъ «Въ окопѣ» полковыми средствами, разсыпалъ только тѣмъ, кто платилъ 2 рубля въ мѣсяцъ. Всю подписную плату присваивалъ

себѣ, деньги жертвованные офицерами на просвѣтительныя нужды полка, а также доходъ отъ полковой фотографіи большей частью присваивалъ себѣ.

Междудо прочимъ, Ш в а й к и нъ обратился съ категорическимъ требованіемъ къ полковымъ врачамъ подписать требование на 50 ведеръ спирту для полковой лавочки и когда врачи отказали ему въ томъ, не желая и не имѣя права устраивать въ полку кабака, онъ донесъ въ штабъ дивизіи объ антисанитарномъ состояніи полка, указывая на то, что врачи не принимаютъ никакихъ мѣръ.

Создавая всячески себѣ популярность, прибѣгалъ къ слѣдующимъ приемамъ: переданную телефонограмму изъ штаба дивизіи командиру полка относительно высылки солдатъ въ запасный полкъ взамѣнъ прибывающаго кадра, перехватилъ и, собравши митингъ, объяснилъ, что якобы самъ отъ себя предложилъ послать солдатъ въ запасный полкъ, указывая, что начальство посыпать солдатъ не желаетъ и что это все исходить отъ него.

Выслушавъ всѣ эти доклады, съѣздъ единогласно принялъ слѣдующую резолюцію: выразить свое презрѣніе подлымъ провокаторамъ Ш в а й к и ну и его сотрудникамъ, которые пользуются темнотой солдатской массы и, прикрывая разными подлыми приемами свое дѣйствительно провокаторское лицо отъ довѣрчивыхъ простаковъ солдатъ, привели къ такому печальному событию — вооруженному столкновенію въ 693 полку.

Слѣдствіе выяснить — были ли эти лица провокаторы или нѣмецкіе шпіоны, но для насъ ясно, что они своими дѣйствіями нанесли ударъ революціи и свободѣ, прибѣгая даже къ попыткѣ открыть фронтъ.

2. ПРИГОВОРЪ

военно-революціонного суда по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи солдатъ
693 пѣх. Слуцкаго полка.

1917 года 30 іюля, военно-революціонный судъ при 174 пѣх. дивизіи, въ составѣ предсѣдателя подпоручика М. и членовъ: прaporщ. Т. и прaporщ. М. и солдатъ: мл. унт.-оф. П., мл. унт.-оф. Р. и коннаго развѣдчика Б., при прокурорѣ поручикѣ П., и пѣлопроизводителѣ подпоручикѣ Т., разсмотрѣвъ въ ОТКРЫТОМЪ засѣданіи дѣло о солдатахъ 693 пѣх. Слуцкаго полка: Швайкинѣ, Галкинѣ, Габовѣ, Рѣшетко, Гордѣевѣ, Смолянскому, Рѣдниковѣ, Коченовѣ, Богдановѣ, Коковинѣ, Шубинѣ, Бѣлкинѣ, Головѣ, Худояровѣ, Семеновѣ, Румянцевѣ, Сусловѣ, Климовѣ, Пыхтяевѣ, Бабинскомъ, и Шедовѣ, обвиняемыхъ по 13 ст. Ул. о Нак. Уг. и Испр. и лит. Б. 110 ст. кн. XXII Св. В. П. 1869 г. изд. IV., постановленія Временного Правительства,

изложеннаго въ приказаніи Западнаго Фронта отъ 18 юля с.г. за № 380 и ст. 14 ХХII кн. Св. В. П. 1869 г. изд. IV, опредѣлилъ: подсудимыхъ ротнаго фельдшера Василія Иванова Швайкина, 23 лѣтъ, ефрейтора Федора Иванова Галкина 32 лѣтъ и ст. унт. оф. Андрея Пименова Коковина 28 лѣтъ, исключить изъ военной службы, лишить воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЧЕРЕЗЪ РАЗСТРѢЛЯНІЕ.

Мл. унт.-оф. Василія Иванова Бѣлкина, 25 лѣтъ, исключить изъ военной службы, лишить воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія и сослать ВЪ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ БЕЗЪ СРОКА.

Мл. унт.-оф. Степана Андреева Румянцева, 25 лѣтъ, ряд. Боруха Пейсахова Смолянского, 24 лѣтъ, мл. унт.-оф. Алесандра Семенова Шубина, 29 лѣтъ, исключить изъ военной службы, лишить воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія и сослать въ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ СРОКОМЪ НА ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

Мл. унт.-оф. Сергѣя Антонова Рѣщетько, 21 г., ефр., Тихона Николаева Гордѣева, 24 лѣтъ, исключить изъ военной службы, лишить воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія и сослать въ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ СРОКОМЪ НА ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

Ряд. Афанасія Габова, 30 лѣтъ, мл. унт.-оф. Матвѣя Ермолаева Коченова, 35 лѣтъ, мл. унт.-оф. Никифора Федорова Суслова, 23 лѣтъ, и ряд. Иннокентія Трофимова Климова, 22 лѣтъ, исключить изъ военной службы лишить воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія и сослать ВЪ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ СРОКОМЪ НА ВОСЕМЬ ЛѢТЪ.

Ряд. Степана Алексѣева Горлова, 22 лѣтъ, ряд. Глѣба Васильева Худярова, 39 лѣтъ, ряд. Афанасія Семенова Семенова, 37 лѣтъ, ряд. Петра Павлова Рѣдникова, 37 лѣтъ, и ряд. Григорія Сергѣева Богданова, 34 лѣтъ, и ряд. Митрофана Семеновича Пыхляева, 24 лѣтъ, исключить изъ военной службы, лишить воинскаго званія и сослать ВЪ КАТОРЖНЫЯ РАБОТЫ СРОКОМЪ НА ШЕСТЬ ЛѢТЪ.

Ряд. Ромуальда Антонова Бадинского и Афанасія Архипова Шедова считать по суду ОПРАВДАННЫМИ.

Подлинный за надлежащими подписями.

ПРИГОВОРЪ НАДЪ ШВАЙКИНЫМЪ, ГАЛКИНЫМЪ И КОКОВИНЫМЪ БЫЛЪ ПРИВЕДЕНЪ ВЪ ИСПОЛНЕНИЕ въ 5 час. 25 мин. утра 1-го августа с. г.

Примѣчаніе: Комиссаръ III арміи подполковникъ Постниковъ отказался утвердить приговоръ, мотивируя спѣшной поѣздкой въ штабъ фронта.

Предсѣдатель армейскаго комитета III-й арміи

отказался утвердить приговоръ подъ предлогомъ болѣзни.

Приговоръ, въ концѣ концовъ, былъ утвержденъ однимъ изъ рядовыхъ членовъ армейского комитета — солдатомъ, временно замѣщающимъ предсѣдателя.

Я. Л.

Б.

Второй смертный приговоръ на Юго-Западномъ фронте.

I.

ТЕЛЕГРАММА

Верховнаго Главнокомандующаго Генерала Корнилова Военному Министру
1-го августа 1917 г. Ставка.

«22 іюля мною была послана главнокомандующимъ телеграмма, въ которой я указалъ, что приговоры военно-революціонныхъ судовъ входять въ силу лишь по утверждениі таковыхъ комиссарами соотвѣтствующихъ армій. Какъ одинъ изъ тѣхъ, которые несутъ особую нравственного порядка отвѣтственность за возстановленіе смертной казни въ арміи, я считаю совершенно необходимымъ обставить примѣненіе ея возможно дѣйствительными гарантіями, почему ходатайствуя передъ Временнымъ Правительствомъ о дополненії пункта 14 декрета Правительства отъ 12 іюля установленіемъ обязанности конфирмациіи приговоровъ комиссарами и соотвѣтственнымъ измѣненіемъ редакціи пункта 15 въ томъ смыслѣ, что вопросъ о смягченіи наказанія предоставляемъ главнокомандующему черезъ комиссара соотвѣтствующей арміи, который даетъ свое заключеніе. Я потому взялъ на себя отдать распоряженіе, приведенное въ текстѣ вышеупомянутой моей телеграммы, что въ этомъ вопросѣ, гдѣ рѣчь идетъ о людскихъ жизняхъ, необходимо по долгу совѣсти дѣйствовать безъ промедленія. Я надѣюсь, что Временное Правительство найдетъ возможнымъ подтвердить мое распоряженіе, ибо я руководствовался соображеніями гуманности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ верховный главнокомандующій, понимая точно предѣль строгости карательныхъ мѣръ, необходимыхъ для востановленія дисциплины въ арміи, рѣшился на вышеуказанный шагъ, немедленно по вступленіи на нынѣ занимаемую должность».

Генералъ Корниловъ.

II.

ТЕЛЕГРАММА

Верховнаго Комиссара М. Филоненко Военному Министру

1-го августа 1917 г. Ставка.

«Всецѣло поддерживаю телеграмму генерала Корнилова, полагая, что смертная казнь, не обставленная гарантіей конфirmaціи приговора комиссарами, можетъ явиться не только орудіемъ случайной расправы, но служить средствомъ борьбы съ политическими и даже личными врагами. Докладываю, что телеграмма отъ 22 іюля также послана верховнымъ главно-командующимъ съ моего вѣдома, и, со своей стороны, нахожу глубоко правильными и также отвѣчающими общимъ началамъ правосудія предполагаемыя измѣненія пунктовъ 14 и 15 декрета отъ 12 іюля».

М. Филоненко.

III.

ТЕЛЕГРАММА

Помощника Комиссара II-й арміи А. Чекотило Верховному Комиссару
М.Филоненко.

«Не считая себя уполномоченнымъ конфирмировать приговоры военно-революціонныхъ судовъ, представляю на ваше усмотрѣніе ходатайство защитниковъ осужденныхъ къ смерти солдатъ: Кука, Канунникова и Емельянова, заявляющихъ, что осужденные были жертвами безотвѣтственной агитациіи большевизма, сами умственно не развиты и во время совершенія преступленія фактически не знали, что могутъ быть за это преданы военно-революціонному суду. Солдата Кука освидѣтельствовала экспертиза и нашла страдающимъ «люэсомъ» и, можно предполагать, у него начинающейся прогрессивный параличъ мозга. Емельяновъ имѣть георгіевскія награды, онъ и Канунниковъ были уже три года на фронѣ. Предсѣдателю суда мною предложено приговоръ суда не приводить въ исполненіе до вашего рѣшенія. Для поддержанія авторитета суда полагаю, что его приговоръ долженъ быть утвержденъ».

А. Чекотило.

IV.

ТЕЛЕГРАММА

Верховнаго Комиссара М. Филоненко Помощнику Комиссара II-й армії
А. Чекотило.

«Не нахожу возможнымъ принять на себя конфirmaцію приговора по дѣлу осужденныхъ Кука, Канунникова и Емельянова. Вы, также будучи послѣдовательны, не могли пріостанавливать приведеніе приговора въ исполненіе и представлять дѣло на мое рѣшеніе. Но разъ это сдѣлано и разъ въ ожиданіи отложенной развязки люди въ тоскѣ и печали ждутъ часа смерти и отъ просыпающейся надежды переходить въ отчаянью, я не признаю возможнымъ, чтобы исходомъ этой пытки, худшей чѣмъ смерть, была казнь. Согласіе на приведеніе приговора въ исполненіе не даю. Осужденныхъ прошу доставить въ Ставку, гдѣ я буду ходатайствовать передъ верховнымъ главнокомандующимъ о смягченіи ихъ участія».

Максиміліанъ Філоненко.

II.

БОЛЬШЕВИЗМЪ

МОСКВА — ПЕТРОГРАДЪ 1917 — 1925 Г. Г.

ГЛАВА I.

Большевистскій переворотъ въ октябрѣ 1917 года засталъ меня въ Москвѣ. Я жила тогда на Рождественскомъ бульварѣ. Стрѣльба длилась съ недѣлю почти по всему городу, и въ особенности въ центрѣ и по главнымъ улицамъ. Пулеметы были разставлены всюду и по крышамъ, и на чердакахъ, и въ окнахъ; выходить на улицу было болѣе чѣмъ рисковано: убивали людей безъ всякой системы; убивали чтобы убить и, во всякомъ случаѣ, на вести ужасъ.

На второй день стрѣльбы я все таки рѣшила немного пройтись. Гулять пришлось все время подъ выстрѣлами, и когда я возвратилась домой съ чернаго хода, то въ дверь, надъ моей головой, вонзилась пуля.

Черезъ нѣсколько дней выяснилось пораженіе соціаль-революціонеровъ, при чѣмъ погибла масса молодыхъ жизней. Юнкера и офицеры, послѣдніе защитники Кремля, обагрили его стѣны своей крѣвью и Кремль былъ захваченъ новой силой, болѣе грубой, чуждой Россіи, но съ опредѣленной, заранѣе выработанной программой и съ опредѣленнымъ безпощаднымъ деспотизмомъ.

Захватчики власти, лучше чѣмъ кто либо, знали, что они не есть выразители воли народа, что они только горсть и горсть къ тому же болѣе чѣмъ на половину не русская — главари большевизма въ ту минуту были исключительно латыши и евреи — они прикрывались, правда, русскимъ именемъ Ленина...

Съ мѣста начались строгости и, раньше всего, засучивъ рукава, принялись за печать. Единственная маленькая газета, «Фонарь», появившаяся въ это время, и писавшая довольно храбро, вскорѣ была закрыта. Черезъ нѣкоторое время газеты, правда, опять появились, но появились уже въ придушенному состояніи.

Стрѣльба продолжалась около недѣли; но и послѣ наступившаго сравнительного затишья довольно долго было небезопасно выходить по вечерамъ, такъ какъ и въ темнотѣ, нѣть-нѣть да и слышались выстрѣлы и сплошь и рядомъ ранили и убивали прохожихъ — должно быть во имя равенства и братства; убитые къ тому же были всегда тщательно ограблены.

Передвиженіе обычайя было крайне и безсмысленно стѣснено, напр.,

въ Кремль нельзя было проникнуть безъ пропуска — пропуск же выдавался далеко не всѣмъ. Помню, что мнѣ захотѣлось узнать о судьбѣ Одоевскихъ. Семидесятилѣтній стариkъ, князь Одоевскій, былъ завѣплюющимъ Кремлемъ при Царѣ и оставленъ въ этой должности и Временнымъ Правительствомъ. Онъ и его старушка жена выдержали всю осаду Кремля большевиками. Судьба ихъ намъ была неизвѣстна. Я рѣшила ихъ навѣстить, и для этого написала сама себѣ слѣдующій балаганный пропускъ: «Въ виду свободы, объявленныхъ революціей, дарую себѣ право свободно ходить по Москвѣ и проходить куда и когда мнѣ хочется».

Я собралась въ Кремль. Въ эту минуту я получила большевистскій пропускъ, который былъ присланъ для меня Одоевскимъ, — на всякий случай, я и его захватила. Когда я подошла къ воротамъ Кремля, солдатъ меня окликнулъ: «Пропускъ!»

«Вотъ, — сказала я, протягивая написанную мной бумагу, — сама писала».

«Какъ сами? — испуганно воскликнулъ онъ — ужъ вы лучше сами не пишите».

Я улыбнулась, и протянула ему большевистскій пропускъ. Онъ прочиталъ и сказалъ: «Этотъ пропускъ ужъ больше не годится».

«Ну вотъ видишь, — сказала я ему, — я такъ и думала, что вашъ никакуа не годится, а мой вѣдь отличный», — и съ этими словами я прошла въ Кремль.

Навѣстивъ Одоевскихъ, я также совершенно свободно оттуда вышла.

Слѣдующій разъ я прошла въ Кремль съ рецептомъ какихъ то капель. При входѣ въ Кремль выдавали оранжевые билеты, при чемъ шла проверка паспортовъ и хвости были безконечные. Мой рецептъ случайно былъ также оранжевый. Я помахала имъ въ воздухѣ, проходя мимо группы солдатъ, грѣвшихся вокругъ костра въ воротахъ Кремля, и прошла въ Кремль.

Одоевские оставались въ Кремлѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ.

ГЛАВА 2.

Первый годъ послѣ большевистского переворота ознаменовался выборами Патріарха. Этотъ фактъ былъ залогомъ спасенія для православной церкви и огромной духовной поддержкой для русскаго народа, который послѣ ужасной нѣмецкой войны получилъ терновый вѣнецъ большевизма...

Церемонія выборовъ Патріарха и послѣдовавшее затѣмъ, нѣсколько позже, — посвященіе въ Патріархи избраннаго митрополита Тихона были очень торжественны. Я не буду останавливаться на извѣстныхъ всѣмъ де-

алахъ, — упомяну лишь, что когда на Патріарха возложили историческую Патріаршую митру и куколь и дали ему въ руки жезль Митрополита Петра — передъ глазами молящихся воскресла вся Русская исторія: вставали Ѣни Грознаго и Митрополита Филиппа съ его смѣлой отповѣдью Грозному Царю, вставалъ строгій обликъ Патріарха Гермогена, отдавшаго жизнь за Россію и кроткій образъ юнаго Царя Михаила Феодоровича, призванаго на царство, чтобы спасти нашу смутами истерзанную родину. Несмотря на тяжелое время въ эту минуту въ Успенскомъ Соборѣ было свѣтло и радостно, — всѣ почувствовали, что хоть у Церкви Православной есть Сормчій, который, среди наступившихъ бурь и волненій, смѣло поедетъ новую ладью.

Тѣмъ временемъ Ленинъ и его сподвижники начали понемногу «расясываться» и разворачивать свою программу. — Церковь вначалѣ ихъ стала интересовала. Незамысловатость и примитивность этой программы поражала и поражаетъ мыслящихъ людей; изъ всѣхъ государствъ, конечно, только Россія, послѣ четырехлѣтней войны, могла выдержать тѣтъ олѣть. Основные принципы этой первоначальной программы: Все — всѣмъ доступно, и все всѣмъ*) даромъ — незамедлили вскорѣ дать соответствующие результаты: желѣзнодорожное и уличное сообщеніе привело въ хаотическое состояніе, на трамваяхъ люди висѣли со всѣхъ сторонъ, агоны желѣзныхъ дорогъ были набиты пассажирами, которые отъ страшной тѣсноты задыхались; крыши вагоновъ были сплошь покрыты публикой, — сидѣли даже на буфферахъ. Все это грызло подсолнухи, плевалось, скапливалось и скверно ругалось... Была масса несчастныхъ случаевъ и путешествовать въ это время, безъ крайней къ тому необходимости, было емыслимо.

Начались затрудненія и въ подвозѣ продуктовъ; какъ извѣстно — постоянный и острый недостатокъ хлѣба довелъ страну до ужасовъ неслыханаго голода и даже до людоѣдства въ Приволжскихъ губерніяхъ.

Одновременно съ проведениемъ новой «правительственной программы», начался терроръ — безсмысленный по своей жестокости — видно было по приемамъ, что дѣйствовали просто каторжники, выпущенные Керенскимъ въ дни его сентиментального правленія.

На ряду съ министрами, буржуями, офицерами и т. п. арестовывали разстрѣливали массы простого народа: рабочихъ, солдатъ и крестьянъ; тюрьмы всегда были переполнены именно этими простымъ народомъ.

Я въ это время состояла членомъ «Общества православныхъ женщинъ», которая заботились о заключенныхъ, не имѣвшихъ родственниковъ въ Москвѣ, и носили имъ пищу по тюрьмамъ. Въ тюрьмахъ въ эту минуту кор-

*) «Всѣ» — это, конечно, пролетаріатъ.

мили ужасно, и арестованные были заживо съедаемы настѣкомыми, которые заражали ихъ сыпнымъ тифомъ. Въ послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ, какъ иностранцы начали интересоваться тюрьмами, этотъ вопросъ значительно улучшился.

Въ этотъ же періодъ произошло ужасное убийство двухъ общественныхъ дѣятелей — Кокошкина и Шингарева; они оба лежали въ больницахъ, къ нимъ ворвались вечеромъ банды матросовъ и тутъ же, въ постеляхъ, убили ихъ. Конечно, надъ ними не было никакого суда, несмотря на то, что звѣрская расправа вызвала въ Москвѣ взрывъ возмущенія и на панихидахъ поубиеннымъ Храмъ Христа былъ переполненъ молящимися.

Немного позже въ Бутырской тюрьмѣ, въ больницахъ, умеръ отъ истощенія извѣстный общественный дѣятель Дмитрій Николаевичъ Шиповъ, заподозренный въ контрѣ-революціи, на этотъ разъ не совсѣмъ напрасно... Его трупъ, вмѣстѣ съ другими многочисленными жертвами тюремнаго режима, былъ брошенъ въ подвалъ, и дочери его разрѣшили, въ видѣ особой милости, спуститься въ этотъ подвалъ и самой отыскать тѣло отца среди сваленныхъ голыхъ труповъ.

Весной 1918-го года стало извѣстно, что Государя съ семьей увезли изъ Тобольска, а въ іюнѣ того же года пришло извѣстіе, ошеломившее Москву — о звѣрскомъ убийствѣ Государя и его семьи въ Екатеринбургѣ. Убийство это произошло для всѣхъ неожиданно, безъ суда народнаго и именно потому, что «властители» боялись этого суда. Народу русскому поднесли уже готовое злодѣяніе, содѣянное горстью каторжанъ, но народъ былъ безоруженъ. Онъ стоялъ ошеломленный, голодный, пришибленный ужасами террора и опутанный сѣтями шпиона, въ которыхъ и сейчасъ находится. Это, собственно, единственная система, и въ ней реальная сила большевиковъ. Ложь, запугивание, шпionage и терроръ... И увы, — какъ это имъ удается!

Тѣмъ не менѣе возмущеніе было всеобщее; ни одна революція не запятнала себя такимъ позорнымъ фактамъ. Людовикъ XVI былъ казненъ по приговору народнаго суда, въ Англіи король Карлъ былъ казненъ также съ извѣстнымъ этикетомъ, а Русскаго Императора убили изъ за угла, и сообщеніе о томъ, что его убили было сдѣлано со свойственнымъ советской власти цинизмомъ. Простой народъ не хотѣлъ вѣрить этому, не потому, что, такъ называемое, «правительство» было на это неспособно, но потому, что все таки въ сердцахъ многихъ теплилась надежда, что въ послѣднюю минуту кто нибудь спасеть Государя...

Эта надежда основывалась на слѣдующемъ факѣ: въ первый періодъ революціи русскіе солдаты спасли многихъ приговоренныхъ къ разстрѣ-

лу. Когда начальствомъ это было замѣчено, то русскихъ солдатъ замѣнили латышами и китайцами...

Въ 1917 году, спустя три мѣсяца послѣ начала революціи, я работала на Румынскомъ фронтѣ и по дорогамъ, и на мѣстахъ я видѣла много русскихъ солдатъ; составъ ихъ все время мѣнялся, но ни одного дурного слова о Государѣ я отъ нихъ не слышала.

Какъ то пришлось ъхать въ теплушкѣ ночью; набралось болѣе пятидесяти человѣкъ, всѣ сидѣли тѣсно прижавшись другъ къ другу — спать было совершенно немыслимо. Всю ночь разговоръ шелъ на политическія темы. Помню, что нѣкоторые солдаты рѣзко критиковали Керенскаго, хотя это была минута, когда онъ считался популярнымъ. и критиковали его именно за то, что онъ слишкомъ слабъ. Я имъ на это рекомендовала Петра Великаго и его программу изъ стихотворенія Ал. Толстого: «Но у меня есть палка и я вамъ всѣмъ отецъ». Мои слова были встрѣчены самыми добродушными смѣхомъ и одобрѣніемъ; и когда мы, утромъ, вышли изъ вагона, и мнѣ пришлось ити нѣкоторое разстояніе пѣшкомъ, то солдаты «революціонеры» подхватили мои чемоданы и помогли мнѣ добраться до гостиницы.

Въ моихъ бесѣдахъ съ солдатами я не разъ слыхала ихъ мнѣніе о Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ; видно было, что онъ для нихъ любимый Вождь и герой войны; они передавали различные легенды — между прочимъ, что онъ будто бы ъздитъ на возахъ съ сѣномъ, одѣтый простымъ солдатомъ, и неожиданно появляется на фронтѣ: провѣрять, нѣть ли измѣны...

Какъ то разъ, сидя на дежурствѣ въ лазаретѣ, я, читая солдатамъ газету, натолкнулась на сообщеніе, что кого то изъ Великихъ Князей, жившихъ въ Ялтѣ, ограбили и что Керенскій послѣ этого поставилъ стражу для охраны Великаго Князя Николая Николаевича. Прочитавъ это сообщеніе, я громко высказала свое мнѣніе: «Ужъ не хочетъ ли Керенскій просить Великаго Князя быть Главнокомандующимъ?». Нѣсколько солдатъ отвѣтили въ одинъ голосъ: «И отлично бы сдѣлалъ». То были русскіе солдаты, которые откровенно высказывали свое личное мнѣніе и которыхъ большевистская зараза еще не коснулась, несмотря на то, что уже всюду разѣзжали большевистскіе агенты съ проповѣдью злобы и съ призывомъ къ кровавой расправѣ.....

ГЛАВА 3.

До 1919-го года я жила въ Москвѣ на разныхъ квартирахъ; одно время — въ небольшой меблированной квартирѣ, которую въ дни революціи занимала знакомая мнѣ семья, вскорѣ уѣхавшая изъ Россіи. Черезъ нѣкото-

рое время центральное отопление испортилось и зимой въ моей комнатѣ было всего 2° тепла. Въ этой температурѣ я все время болѣла и мои друзья, жившіе въ лучшихъ условіяхъ, предложили мнѣ переѣхать къ нимъ. Меня побуждало къ этому еще и то обстоятельство, что, по слухамъ, большевики-почтальоны хотѣли занять эту квартиру. — Я рѣшилась переѣхать.

Большевики, дѣйствительно, нагрянули передъ моимъ отѣздомъ, и съ мѣста начали шарить въ сундукахъ отсутствующихъ жильцовъ. Одинъ изъ бывшихъ жильцовъ принадлежалъ къ старому дворянскому роду и, какъ оказалось, въ сундукахъ у него была коллекція стариннаго оружія и, кроме того, нѣсколько современныхъ охотничихъ ружей,—онъ былъ охотникъ. Не имѣя большевистской наклонности — рыться въ чужихъ сундукахъ, я, конечно, содержимаго ихъ знать не могла.

Но вотъ большевики приходятъ ко мнѣ и, показавъ найденное оружіе, спрашиваютъ — съ какой цѣлью я хранила оружіе, и знаю ли я что за это бываетъ?

Я хладнокровно отвѣтила, что знаю, — за это разстрѣливаютъ, но что сундуки не мои, и я не знала что въ нихъ находится. «Во всякомъ случаѣ, — добавила я,— я, кажется, этимъ оружіемъ не злоупотребляла, по улицѣ съ ружьями не бѣгала и ни въ кого, насколько помню, не стрѣляла, но если вы очень настаиваете, то я разрѣщаю вамъ разстрѣлять меня вонъ изъ этого револьвера», — при этомъ я показала имъ на старый кремневый пистолетъ временъ Екатерины, очевидно негодный къ употребленію.

Они поняли шутку и больше ко мнѣ не приставали.

Въ этой же квартирѣ была старинная библіотека, и въ ней помѣщался писатель Вячеславъ Ивановъ. Несмотря на холода, онъ ни за что не хотѣлъ разставаться съ ней, да кажется и не имѣлъ въ виду другой квартиры. Онъ досталъ себѣ бумагу отъ г-жи Троцкой, которая была во главѣ охраны русской старины. Въ этой бумагѣ Троцкая просила оставить В. Иванова въ библіотекѣ; но большевики-почтальоны объявили ему, что никакія бумаги, не только отъ госпожи Троцкой, но и отъ самого Троцкаго не подѣйствуютъ, и велѣли немедленно очистить библіотеку; книги, къ счастью, удалось спасти.

Это было въ тотъ годъ, когда Троцкій и Ленинъ казались такими всесильными, но мнѣ нѣсколько разъ приходилось наблюдать огромное неуваженіе рядовыхъ большевиковъ къ собственной власти.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя я переѣхала въ Петроградъ, гдѣ я жила до революціи, и гдѣ у меня должны были быть кое какія вещи. Моя дача въ Царскомъ Селѣ была занята и кажется «национализирована». Для собирашенія чужой собственности у большевиковъ масса наименованій, — я всегда

въ нихъ путаюсь; словомъ, въ ней помѣстили дѣтскій клубъ,— учрежденіе для государства, конечно, очень необходимое...

Домъ въ моемъ имѣніи въ Саратовской губерніи я во время войны, еще до революціи, отдала для сиротъ воиновъ, и двадцать человѣкъ дѣтей у меня благополучно жили и наслаждались деревенскимъ воздухомъ и садомъ.

Наша «народная власть» выгнала изъ моего дома «дѣтей народа» и также устроила клубъ, на этотъ разъ для взрослыхъ, причемъ предварительно увезли изъ дома мебель; сжечь мой домъ имъ не позволили крестьяне.

Черезъ нѣкоторое время , видя, что въ клубъ никто не ходить, власть вздумала сдѣлать изъ него больницу для сыпного тифа, хотя тутъ же, въ двухъ шагахъ, находилась большая земская больница, — но и на это крестьяне не согласились и тогда было рѣшено сдѣлать изъ него библіотеку. Эта мысль была бы даже удачной, если бы имъ давали читать что нибудь еще кромѣ Карла Маркса и совѣтскихъ газетъ.

Все это я знаю отъ моихъ крестьянъ, которыхъ я видѣла въ Саратовѣ въ 1920 году и которые, въ своихъ отношеніяхъ ко мнѣ, никакъ не перемѣнились.

Пріѣхавъ въ Петроградъ, я поселилась у своего бывшаго управляющаго.

Въ смыслѣ жизни и добыванія продуктовъ — это былъ очень тяжелый годъ. Хлѣбъ выдавали по карточкамъ и очень неаккуратно; самая высшая порція была $\frac{3}{4}$ фунта — это считалось первой категоріей, а большинство получало $\frac{1}{2}$ фунта и меньше. Муку, масло, молоко доставали и продоволъвали подъ полой, въ особенности преслѣдовалась продажа молока и яицъ; ловили бабъ, везущихъ молоко изъ деревни, и молоко выливали на землю...

Это была пора общаго безденежья,— чтобы жить, всѣ продавали свою обстановку и носильныя вещи, при чемъ это строго преслѣдовалось, — въ особенности, когда продавали цѣнныя вещи изъ обстановки.

Помню такой случай: у меня были бронзовые часы Шопена, доставшіеся мнѣ по наслѣдству отъ дочери партизана Дениса Давыдова, тетки моего мужа. Они были очень массивные, изъ золоченой бронзы; верхъ ихъ былъ увѣнчанъ сидящей фигурой бронзовой женщины. Я ихъ привезла изъ Царскаго и ташила съ Милліоной на Фонтанку къ моей знакомой, у которой часто бывали антиквары, скупавшіе цѣнныя старинныя вещи. Завернувъ часы въ рогожу, я съ трудомъ ташила эти $1\frac{1}{2}$ пуда; было очень холодно и руки ежеминутно коченѣли.

Когда я проходила мимо Марсового поля , навстрѣчу мнѣ попался патруль изъ трехъ вооруженныхъ солдатъ; голова золотой женщины въ эту минуту на бѣду выпѣзла изъ рогожи. Они сначала прошли мимо, но потомъ вернулись назадъ и окружили меня. Одинъ изъ нихъ приказалъ развязать рогожку и показать, что я несу.

Я имъ предложила сдѣлать это самимъ, такъ какъ у меня руки озябли.

«Вы знаете, что запрещено продавать произведенія искусства?» — спросилъ меня одинъ изъ нихъ, повидимому, старшій.

Я ихъ успокоила, что просто несъ часы къ моей знакомой.

Въ это время по улицѣ проходилъ солдатъ, видимо, не большевикъ. Онъ остановился и сталъ прислушиваться къ разговору, при чемъ въ глазахъ у него была иронія, — симпатіи его, видимо, были на моей сторонѣ. Одинъ изъ вооруженныхъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Что ты тутъ стоишь?» — «А почему мнѣ не поглядѣть» — отвѣтилъ добродушно солдатъ.

Большевики другъ съ другомъ вполголоса посовѣтовались и рѣшили оставить мнѣ мои часы. Уходя, одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: «Не сердитесь на насъ, гражданинъ, но это входить въ кругъ нашихъ обязанностей». Я имъ отвѣтила, что не сержусь, но отъ души желаю имъ найти другой кругъ обязанностей и другой родъ занятій.

Вскорѣ послѣ моего прїезда въ Петроградъ было издано распоряженіе, чтобы жильцы каждого дома, по очереди, дежурили у воротъ; дворниковъ въ это время уже не было, а если кое гдѣ и были то, во всякомъ случаѣ они ничего не дѣлали.

Грозили арестомъ, если это постановленіе не будетъ выполнено, но тѣмъ не менѣе это распоряженіе, какъ и многія другія, выполнялось далеко не всѣми...

ГЛАВА 4.

Мой управляющій происходилъ изъ крестьянъ; онъ былъ очень способный человѣкъ и при Царскомъ Правительствѣ служилъ въ Земельномъ банкѣ. Въ это время, осеню 1919г., въ Петроградѣ жилось очень голодно и насы выручалъ его сосѣдъ и другъ, бывшій солдатъ, который доставалъ намъ вдоволь овощи по очень дешевой цѣнѣ. Хлѣба почти не было, масло, молоко и яйца были недоступны. Рабочіе, которымъ сравнительно жилось лучше другихъ, все таки чувствовали недостатокъ во всемъ, и какъ результатъ на Путиловскомъ заводѣ произошли безпорядки. Рабочіе кричали: «хотимъ Царя Николая и свинину!». Увы, свинина, всегда считавшаяся лакомствомъ и праздничнымъ блюдомъ, теперь была для нихъ недоступна. Въ это же время, на одномъ изъ митинговъ на Путиловскомъ заводѣ, Зиновьевъ, послѣ своей рѣчи, получилъ пощечину отъ одного рабочаго, тѣмъ не менѣе этотъ достойный правитель долго послѣ этого оставался на своемъ посту.

Вскорѣ послѣ этого началось наступленіе генер. Юденича, — въ Петроградѣ ждали его какъ избавителя; цѣнныя бумаги и царскія деньги поднялись въ цѣнѣ и покупались на-расхватъ, но генер. Юденичъ дошелъ до Гатчины; далѣе произошло что-то для насъ необъяснимое. Говорили, что онъ

побоялся попасть въ петлю, что у него было недостаточно войскъ и т.п.
Какъ бы то ни было, Юденичъ повернуль обратно...

Если бы онъ дошелъ до Петрограда, я думаю, что онъ бы встрѣченъ населеніемъ съ радостью. Уже тогда всѣ были измучены и много было недовольныхъ. Вообще — мы всѣ жили надеждами на Деникина, Колчака, а позже и на Брангеля. Увы! надежды были преждевременны...

Въ эту зиму мнѣ удалось продать мой домъ въ Петроградѣ одному еврею, и въ материальномъ отношеніи мнѣ стало немного легче: домъ я продала, конечно, не официально, а заднимъ числомъ.

Лѣто я провела въ Царскомъ Селѣ у одной знакомой и къ намъ время отъ времени приходили изъ Дѣтского дома мальчики колоть и липить дрова, получая за это обѣль.

Царское Село полно было дѣтскими домами: сама по себѣ мысль хорошая, такъ какъ климатъ въ Царскомъ хорошій, но въ тоже время дѣтей очень плохо кормили; хлѣба давали въ обрѣзъ, сахара часто не было, а ужъ мясо, молоко и сливочное масло было невиданной и неслыханной роскошью. Денегъ, видимо, на продукты не было. Лучше было бы не брать дѣтей, чѣмъ морить ихъ голодомъ.

Въ 1920-омъ году — еще не занимались дѣтскимъ воспитаніемъ, хотя ходить въ церковь уже считалось неблаговиднымъ. Съ 1923-го года по программѣ воспитанія начали преподавать дѣтямъ соціологію, устраивали въ школахъ богохульныя зреѣлища, стали пріучать дѣтей къ уличнымъ демонстраціямъ, къ бѣганью по улицамъ съ барабанами и красными тряпками, и пѣнью революціонныхъ пѣсенокъ. Конечно, многихъ дѣтей удалось такимъ образомъ испортить, — но что безусловно коснулось всей русской молодежи — это глубокое невѣжество.

Дѣти четырнадцати и пятнадцати лѣтъ плохо читаютъ, еще хуже пишутъ, никакихъ познаній по географії они не имѣютъ, русскую исторію просто отъ нихъ прячутъ. За то они вкрай и вкось толкуютъ всякія доктрины Карла Маркса, которая имъ преподносять во всѣхъ видахъ. Родители, конечно, въ отчаяніи и особенно тѣ, у которыхъ есть дочери, такъ какъ, помимо всего изложеннаго, дѣтей еще стараются развратить. Въ гимназіяхъ идутъ лекціи о половомъ вопросѣ, о сифилисѣ, вообще обо всемъ томъ, — что дѣтямъ знать не нужно и что они успѣли бы узнать позже, но въ большевикахъ работаетъ какая то злая сила, которая все старается разрушить и забросать грязью.

Тѣмъ не менѣе, когда мнѣ въ Царскомъ, и нѣсколько лѣтъ позже, въ другихъ городахъ, приходилось имѣть дѣлъ съ дѣтьми и молодежью, я не могъ сказать, чтобы наше молодое поколѣніе было окончательно испорченнымъ. На многихъ дѣтяхъ чувствуется только налѣтъ, а наше студенчество въ большин-

ствѣ случаевъ съ себя этотъ налетъ уже сбросило. За зиму 1925 года молодежь очень пострадала и многіе изъ нихъ были исключены изъ школы за критику и здравое отношение къ тому, что вокругъ нихъ дѣлается.

ГЛАВА 5.

Въ Царскомъ я прожила все лѣто и отдохнула отъ острой денежной нужды, наслаждаясь природой и чуднымъ Царскосельскимъ воздухомъ; тутъ я только поняла, что для всѣхъ несчастныхъ — природа огромное утѣшеніе: въ ея красотѣ и спокойствіи есть что то такое, что мирить даже съ самимъ жалкимъ существованіемъ.

Царскосельскіе парки содержались чисто и дворецъ Государя былъ въ такомъ видѣ, точно Государь только что оттуда выѣхалъ, даже всѣ фотографіи находились на своихъ мѣстахъ. Правда, мебель изъ дѣтскихъ комнатъ сперва была взята для дѣтскихъ домовъ, но потомъ опять поставлена на мѣсто.

Дворецъ миѣ показывалъ старый царскій слуга, служившій еще при Императорѣ Александрѣ II, теперь онъ былъ сторожемъ и показывалъ дворецъ по особымъ билетамъ.

По совѣтскимъ источникамъ Наслѣдникъ Цесаревичъ скончался въ Сибири послѣ тяжкой болѣзни, позже стали разказывать, что онъ погибъ вмѣстѣ съ отцомъ и сестрами. Все это слишкомъ безчеловѣчно, и безумно хочется вѣрить въ чудо.

Красивый, недавно выстроенный дворецъ Великаго Князя Павла Александровича (разстрѣяннаго вмѣстѣ съ другими Великими Князьями), обращенъ въ музей. Такъ хорошо помню высокую стройную фигуру Великаго Князя въ этомъ дворцѣ, я его лично хорошо знала и мнѣ кажется дикимъ, что можно было убить такого кроткаго, милаго человѣка.

Съ разрѣшенія завѣдующаго музеемъ я перевезла въ этотъ дворецъ-музей нѣкоторыя уцѣлѣвшія старинныя вещи изъ моей дачи. Когда я прѣѣхала на свою дачу за люстрами очень стариннаго Ампиръ, директриса дѣтскаго клуба не хотѣла мнѣ ихъ отдавать, доказывая, что дѣти къ нимъ очень привыкли. Тѣмъ не менѣе я настояла на своемъ; просто взять люстры домой мнѣ, увы, не разрѣшили.

Къ осени деньги отъ продажи дома стали приходить къ концу, во первыхъ, потому, что я не всѣ деньги получила, во вторыхъ — пришлось расплатиться съ долгами и, въ третьихъ — деньги были уже не деньги: они бѣзконачно падали.

Нужно было думать о томъ, что дѣлать дальше. Еврей, купившій мой домъ, предлагалъ мнѣ выйти замужъ за эстонца и уѣхать за границу. За-гра-

ницу мнѣ очень хотѣлось, но еврея я мало знала, а эстонца и совсѣмъ не знала — почему и побоялась пойти на такое предпріятіе. Къ тому же я получила въ это время письмо отъ одного молодого человѣка изъ Саратова, котораго мой покойный мужъ и я когда то воспитывали и который теперь занималъ хорошее мѣсто. Онъ просилъ пріѣхать къ нему, поселиться, и вообще смотрѣть на него, какъ на сына.

Подумавъ немного, я поѣхала въ Саратовъ. И онъ, и жена его встрѣтили меня очень тепло и радушно. Матвѣй Орѣшкинъ былъ сынъ одного изъ крестьянъ нашего села; я знала его съ 3-хъ лѣтняго возраста. Теперь онъ занималъ важный постъ въ Саратовѣ и, какъ я скоро замѣтила, сталъ коммунистомъ. Когда я заставила его сознаться въ этомъ и спросила — какъ онъ до этого дошелъ, онъ отвѣтилъ, что ждалъ какой-нибудь перемѣны два года, но не дождавшись, поступилъ въ партію, такъ какъ, во первыхъ, Ѳсть и пить надо, и во вторыхъ, только коммунистамъ даютъ хорошія мѣста.

По моимъ наблюденіямъ такихъ коммунистовъ очень много, есть даже такие, которые записывались въ партію, чтобы получить пару сапогъ, ибо былъ такой годъ, когда сапогъ совершенно не было, и цѣна на нихъ была совсѣмъ недоступна; коммунистамъ же совѣтская власть выдавала ихъ даромъ.

Скоро пріѣхали къ моему воспитаннику его родственники-крестьяне изъ моего бывшаго имѣнія. Въ то время начали уже тѣснить крестьянъ: былъ голодный годъ, а ихъ обложили непосильной выдачей зерна. Теперь только, при разговорахъ, я увидѣла ту рознь, которая возникла между братьями, несмотря на то, что они всегда были дружны между собой. Одинъ жилъ сытно и занималъ извѣстное положеніе, благодаря только лишь тому, что записался коммунистомъ, у другого крестьянина, не коммуниста, народное правительство отнимало его послѣдній кусокъ хлѣба. Крестьяне рассказывали, между прочимъ, что когда большевистскіе агенты пришли къ нимъ отбирать хлѣбъ, то бабы собрались, вооружились чѣмъ попало и избили ихъ. На слѣдующій день выписаны были надежные красноармѣйцы, которые бабъ «сократили».

По вечерамъ, къ моему Матвѣю приходили его товарищи, такие же какъ онъ молодые коммунисты. Въ разговорѣ ихъ проглядывало огромное самомнѣніе, невѣжество и любовь къ употребленію иностранныхъ словъ, смыслъ которыхъ они не всегда понимали. Видимо, ихъ всѣхъ очень забавляло «выступать», т. е. говорить на митингахъ, — объ этихъ своихъ «выступленіяхъ» они очень много говорили между собой.

Мнѣ тяжело и скучно было выслушивать ихъ разговоры, и я рѣшила уѣхать.

ГЛАВА 6.

Пріѣхавъ въ Москву, я скоро поступила сестрой милосердія въ Туберкулезный Институтъ. Остановилась я на Пречистенкѣ, около Зубовскаго бульвара. Мой институтъ былъ на другомъ концѣ Москвы. Приходилось въ 7 часовъ утра бѣжать туда пѣшкомъ верстъ восемь, и , проработавъ цѣлый день, возвращаться домой такимъ же способомъ. Трамваевъ въ то время почти не было и правомъ ъезды на трамваяхъ пользовались по особымъ билетамъ только избранные рабочіе.

Жалованіе платили ничтожное и притомъ очень неаккуратно, деньги къ тому же падали, — такъ что выходило, что работаешь и утомляешься, ничего не зарабатывая. Правда — выдавали паекъ, который считался лучшимъ изъ всѣхъ больницъ, но въ общемъ онъ былъ также очень малъ; напр., крупы давали только 3 фунта на весь мѣсяцъ. Единственнымъ питаніемъ было то, что намъ оставляли больные.

Свободныхъ комнатъ для сестеръ въ больницѣ не было и черезъ нѣкоторое время мнѣ дали поблизости — не комнату, а какой то закоулокъ у одного еврея. Въ больницѣ мнѣ разрѣшили взять себѣ старый матрасъ, который почему то состоялъ изъ трехъ частей и былъ жестокъ какъ камень. Ночью, подо мной эти части разѣзжались и я спала просто на доскахъ.

Для отопленія разрѣшалось брать деревья, которые привозились для больницы и складывались во дворѣ. Приходилось четверть версты тащить на своихъ плечахъ огромную, всегда сырую березу, — со двора больницы до моей квартиры — и тамъ подымать ее на четвертый этажъ, — по лѣстницѣ. Такъ какъ это дѣжалось въ дни отдыха, то я не знаю, когда я больше уставала.

Къ веснѣ 1921 г., по слухамъ голоднаго года, убавили порціи больнымъ, и приходилось довольствоватьсѧ сестрическимъ обѣдомъ: тарелкой кипятку съ кислой капустой. Проработавъ въ этихъ условіяхъ долгое время и продавъ еврейкѣ, у которой я жила, свое послѣднее бѣлье, я рѣшила взять отпускъ и отдохнуть , такъ какъ чувствовала, что физическихъ силъ у меня больше не было. Докторъ нашелъ у меня міокардитъ въ очень сильной степени, но отпуска мнѣ все таки не дали, и когда я заявила — что въ такомъ случаѣ я просто уйду, старшій врачъ мнѣ сказалъ, что онъ меня не отпустить, такъ какъ имъ сестры очень нужны. Тогда я написала ему официальное письмо, — что такъ какъ въ больницѣ сестеръ не кормятъ, то на слѣдующій день я на службу больше не приду. Впрочемъ, у меня къ нему нѣть и не было дурного чувства: онъ, конечно, оберегалъ интересы своей больницы. Всѣ сестры стремились уйти отъ такихъ условій, и неудивительно, что онъ старался насъ удержать. Вообще, и къ докторамъ и къ сестрамъ у меня осталось очень хорошее чувство. Мы всѣ работали въ очень тяжелыхъ

условіяхъ, но у докторовъ все таки была частная практика, а у сестеръ въ ту минуту не было ничего, такъ какъ взять себѣ сестру милосердія было непомѣрной роскошью, — денегъ ни у кого не было.

Изъ Туберкулезнаго Института я перешла сестрой въ Показательныя. Если къ новорожденнымъ. Эти ясли были устроены для дѣтей рабочихъ, почему говорили, что тамъ «пока» кормятъ. Дѣйствительно, въ смыслѣ питанія было немного лучше. Во главѣ стояла женщина-врачъ, относившаяся ко мнѣ очень хорошо, такъ какъ ей нуженъ былъ человѣкъ, которому бы она могла довѣрять. Ясли были расчитаны на 40 человѣкъ дѣтей; грудныхъ — полный комплектъ: 20 человѣкъ, и именно этихъ то мнѣ и поручили. Кромѣ меня была еще одна полуинтеллигентная сестра, и двѣ няни, которая оказались «чекистками»*) и очень этимъ хвастались, думая всѣхъ запугать. Видя, что я не «запугиваюсь», онѣ начали противъ меня интриги, но тутъ, неожиданно, меня защитили мои малыши.

Я сказала какъ то нянькамъ, или какъ ихъ величали «сестрамъ», что нельзя держать резиновыя соски въ одной и той же борной водѣ четыре дня подрядъ, и что нельзя грязную пеленку съ одного ребенка переносить на другого, — чѣмъ съ мѣста нажила себѣ смертельныйхъ враговъ.

Я имъ безусловно мѣшала: какъ только женщина врачъ уѣзжала, онѣ удирали въ кухню, пекли себѣ пирожки, а дѣти оставались въ другой части дома безъ нужнаго ухода. Не дѣля никому никакихъ замѣчаній, я сама стала заниматься маленькой командой и, очевидно, дѣти ко мнѣ привыкли и меня знали. Когда матери приходили въ 11 часовъ дня кормить ихъ грудью, то дѣти оборачивались и улыбались мнѣ. Чекистки начали было что-то нашептывать на меня доктору, но жены рабочихъ энергично меня защищали, заявивъ — что дѣти знаютъ только одну меня, потому что я, повидимому, одна съ ними вожусь, и что онѣ, матери — мнѣ безусловно довѣряютъ.

ГЛАВА 7.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя голодъ въ Россіи еще болѣе обострился и положеніе стало еще болѣе трагичнымъ. Въ это время въ Москву пріѣхали наши спасители-американцы; они развернули огромную продовольственную организацію въ самой Москве и вообще въ Россіи. Эта организація задалась цѣлью поддерживать въ голодный годъ русскихъ дѣтей и, дѣйствительно, много русскихъ дѣтей обязаны имъ своимъ существованіемъ. Мнѣ посовѣтовали начать хлопоты о полученіи въ завѣдываніе дѣтской столовой.

*) Ихъ мужья служили въ ЧЕ—КА.

Съ этимъ ходатайствомъ я пошла въ Эрмитажъ, гдѣ была въ эту минуту штабъ-квартира дѣтскихъ столовыхъ въ Москвѣ и вскорѣ, дѣйствительно, получила столовую. Ее вельно было мнѣ открыть и организовать, къ извѣстному сроку, на Ярославскомъ шоссе, недалеко отъ Сокольниковъ.

Завѣдующая столовой назначалась американцами и должна была набирать себѣ прислугу. Отъ совѣтской же власти назначался комендантъ, который долженъ былъ заботиться о ремонтѣ и о томъ чтобы всѣ нужды столовой удовлетворялись во время.

Помѣщеніе для столовой мнѣ указали очень подходящее, но оно, какъ и всѣ дома въ то время, конечно, требовало ремонта: окна были выбиты, плита не дѣйствовала и т. д. Совѣтская власть очевидно проявляла полное бездѣйствие и совсѣмъ не шла навстрѣчу американцамъ. Сами они ничего организовать не могли, да и денегъ у нихъ не было, но американцамъ все таки вставляли палки въ колеса.

Тщетно я просила сдѣлать ремонтъ въ своей столовой: срокъ открытия подходилъ, никто ничего не дѣлалъ. Пришлось починить плиту на собственный счетъ.

Вскорѣ на мое имя былъ полученъ приказъ отъ совѣтской власти — повѣсить въ столовой портреты вождей, которые я должна была отыскать, такъ какъ передъ этимъ, въ этомъ помѣщеніи, была совѣтская столовая. Въ кладовой, дѣйствительно, были портреты. Одинъ изъ нихъ былъ разбитъ, другіе, сознаться, я сама слегка «контузила» и отвѣтила, что повѣсить портреты вождей никакъ невозможно, такъ какъ они разбиты. Вместо вождей я въ столовой повѣсила образъ.

Наконецъ, столовая была открыта. Нѣсколько дней спустя прїѣхалъ американецъ, стоявшій во главѣ организаций московскихъ столовыхъ, мистеръ Дональдъ Реншавъ, съ виду холодный и непроницаемый, но какъ оказалось — очень добрый человѣкъ и отличный организаторъ.

За нимъ была уже извѣстная репутація, съ нимъ шутки были плохи и совѣтская власть его слегка побаивалась.

Отъ совѣтской власти во главѣ продовольственного дѣла былъ поставленъ латышъ Эйдукъ, видный чекистъ, который много звѣрствовалъ въ началѣ революціи. Съ нимъ у меня и произошелъ маленький инцидентъ: подъ начальствомъ коменданта моей столовой — латышки коммунистки, былъ водовозъ, который не былъ коммунистомъ. Его звали Василій: онъ былъ славный малый и очень исполнительный, хотя иногда и выпивалъ. Какъ то онъ ко мнѣ присталъ, чтобы я написала ему на бумагѣ, что имъ довольно, что воду въ столовую онъ возить аккуратно и т. п. Я ему объяснила, что это касается коменданта, а не меня, но онъ былъ настойчивъ и чтобы отвязаться отъ него — я написала ему все, что онъ просилъ.

Когда я, спустя нѣкоторое время, поѣхала въ Эрмитажъ отвозить от-

четы, изъ совѣтского отдѣла вылетѣла какая то бырышня и вручила мнѣ бумагу слѣдующаго содержанія: «Прошу передать завѣдующей столовой № 14, что если она въ своихъ донесеніяхъ будетъ придерживаться старой ореографіи, то я ее накажу. Завѣдующей продовольственнымъ дѣломъ Эй-дуку».

Я на этой же бумагѣ написала слѣдующій отвѣтъ: «Прошу передать завѣдующему продовольственной частью гражданину Эйдуку, что если онъ будетъ заниматься такими пустяками, какъ моя ореографія, то онъ пропускитъ массу важныхъ вещей, и такъ уже отъ него во время ничего добиться нельзя; также прошу передать ему, что я его своимъ начальствомъ не считаю, такъ какъ мой начальникъ есть — мистеръ Реншоу» и подписалась: «завѣдующая (черезъ «») Д. Д....» Эту бумажку я опять положила на столъ въ совѣтскую канцелярію, — тѣмъ дѣло и кончилось.

Черезъ 4 мѣсяца американцы мнѣ дали 2 столовыхъ, изъ которыхъ одна была очень большая — Алексѣевскій народный домъ, а другая была для бѣженцевъ на Александровскомъ вокзалѣ. Всего приходилось кормить около 1500 человѣкъ — дѣтей и бѣженцевъ. Американцы, кромѣ дѣтей, кормили еще и бѣженцевъ, которые бѣжали изъ голодныхъ губерній и толпами проѣзжали черезъ Москву. Это кормленіе бѣженцевъ совѣтской власти казалось очень предосудительнымъ, и на этой почвѣ она дѣлала американцамъ много непріятностей и немало крови испортила мистеру Реншоу, который, какъ американскій уполномоченный по Москвѣ, долженъ былъ съ нею бороться.

Дѣло для меня было знакомое и интересное; я когда то работала въ голоданые годы въ Саратовской губерніи, какъ предсѣдательница Краснаго Креста, но теперь время было уже не то — физическихъ силъ у меня совершен-но не было. Работа въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, при недостаточномъ питаніи, какъ то подточила организмъ и сердце совершенно не работало.

Прошло уже шесть мѣсяцевъ моей службы у американцевъ; весной прїѣхалъ одинъ американецъ для ревизіи всей американской продовольственной организаціи. Ему приготовили въ Москвѣ очень красивое помѣщеніе и искали кого нибудь, чтобы въ теченіе 3-хъ недѣль вести хозяйство и устраивать ему всякие пріемы. Мнѣ предложили за это взяться. Я хотѣла взять отпускъ, но отпускъ зависѣлъ отъ русскихъ властей, и ... они мнѣ его не дали. Тогда я просто ушла, такъ какъ желаніе отдохнуть и поѣсть по людски было непреодолимо.

Этотъ американецъ, мистеръ Гудричъ, и его жена оказались очень ми-тыми людьми и мнѣ очень жаль, что они прїѣхали въ Москву на такой ко-роткій срокъ.

ГЛАВА 8.

Послѣ ихъ отъѣзда я очутилась опять на свободѣ и надо было что нибудь изобрѣтать, чтобы жить дальше.

Вскорѣ мнѣ предложили одно мѣсто, которое меня устраивало, такъ какъ надо было ъѣхать на лѣто въ деревню. Одинъ бывшій офицеръ, который въ періодъ совѣтской власти рѣшилъ стать агрономомъ и изучать болѣзни грибовъ, предложилъ мнѣ быть при немъ «практиканткой», — на самомъ дѣлѣ, просто вести его хозяйство. Онъ былъ слегка ненормаленъ и, должна ему отдать справедливость, онъ меня обѣ этомъ предупредилъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшилась съ нимъ поѣхать и провести лѣто въ чудной мѣстности въ Звенигородскомъ уѣздѣ. Мое «практикантство» заключалось въ томъ, что я грибы искала, болѣзней въ нихъ не находила и усиленно уничтожала ихъ за обѣдомъ и ужиномъ вмѣстѣ съ моимъ полуумнымъ, а иногда и одна, когда онъ уѣзжалъ.

Глубокой осенью погода испортилась, дороги стали невозможны, такъ что сообщеніе съ Москвой очень затруднилось. Характеръ моего агронома, въ связи съ дурной погодой, такъ же испортился и онъ становился иногда очень несноснымъ. Я рѣшила поѣхать въ Москву и подыскать себѣ что нибудь другое.

Въ Москву въ это время, одновременно съ американцами, прїѣхала миссія Нансена, — также для оказанія помощи голодающимъ. Въ этой миссіи работали понемножку, если не всѣ націи, то очень многія. Нансена самого не было, онъ только изрѣдка наѣзжалъ.

Во главѣ миссіи стоялъ англичанинъ, мистеръ Горвінъ, очень сердечный и умный человѣкъ, который какъ то умѣлъ лавировать и ладить съ совѣтской властью, несмотря на то, что она ему дѣлала не мало непріятностей; кромѣ того, былъ мистеръ Гібсонъ, который организовалъ въ Москвѣ и въ провинціи студенческія столовыя; говорять даже, что онъ это дѣлалъ на свой счетъ. У Нансена работалъ одинъ голландецъ Г.

Когда я, вернувшись въ Москву, искала какого-нибудь мѣста, голландецъ даль мнѣ времененную работу — обслѣдовать нужду сестеръ милосердія въ Москвѣ, такъ какъ одна англичанка, извѣстная общественная дѣятельница, хотѣла передать имъ посылки съ продовольствиемъ.

Я выполнила это порученіе и довольно подробно составила отчетъ — зъ какомъ положеніи находятся сестры милосердія въ Москвѣ и, въ какихъ условіяхъ имъ приходится работать. Думаю, что интересъ проявленный иностранцами къ нашимъ сестрамъ воздѣйствовалъ на совѣтскую власть и полагаю, что теперь они работаютъ уже въ нормальныхъ условіяхъ.

Голландецъ Г. былъ очень симпатичнымъ и смѣлымъ человѣкомъ; онъ,

между прочимъ, сорвалъ красный флагъ съ того дома, гдѣ онъ жилъ, когда ему его повѣсили въ день совѣтскаго праздника. Совѣтская власть вызвала его для объясненій; хотя этотъ инцидентъ какъ то и уладился, но должно быть ему послѣ этого трудно было работать, такъ какъ черезъ три мѣсяца онъ совсѣмъ уѣхалъ изъ Россіи.

Немного позже этихъ иностраннѣй организацій, — католики, возглавляемые Папой Римскимъ Піемъ XI,— открыли также сѣть столовыхъ для тѣстей, и кромѣ того, бесплатно снабжали нуждающихся продовольственными посылками.

Эту зиму я прожила въ Москвѣ у своихъ друзей и жила, что называется, случайнѣмъ заработкомъ.

Одна знакомая лама, занимавшаяся переводами съ иностраннѣй языковъ для Московскаго Института Журналистики, предложила мнѣ взять одинъ переводъ, отъ котораго она отказалась. Надо было перевести — *Історію журнала во всѣхъ странахъ съ минуты появленія первого журнала*—по Британской Энциклопедіи и другимъ иностраннѣмъ источникамъ.

Работать надо было въ Румянцевскомъ музеѣ; я взяла себѣ двухъ помощницъ, хорошо говорящихъ по англійски, и мы съ большимъ увлеченіемъ принялись за дѣло.

Исторія англійскихъ журналовъ находится въ тѣсной связи съ исторіей англійскихъ королей и парламента, и когда я принесла первую часть перевода коммунисту, стоящему во главѣ Московскаго Института Журналистики, то я очень боялась, что этотъ переводъ не примутъ — коммунисты вообще боятся всякой исторіи и усиленно прячутъ ее отъ молодежи, какъ нелегальную литературу.

Мои опасенія были не совсѣмъ напрасны. Коммунистъ, прочитавъ мой переводъ, сначала очень испугался и сказалъ мнѣ, что онъ совсѣмъ не этого ожидалъ, но такъ какъ источники указаны были именно имъ, то я возразила, что перевела въ точности то, что было въ Британской Энциклопедії, и фантазировать на этой почвѣ я не могу.

Скрѣпя сердце, онъ принялъ мой переводъ, но успокоился только лишь тогда, когда я начала въ слѣдующемъ переводѣ перечислять заголовки журналовъ и писать эти заголовки русскими буквами. Очевидно, онъ хотѣлъ выучить заголовки и сверкнуть передъ кѣмънибудь своими познаніями.

«Вотъ это именно то, что мнѣ нужно», — сказалъ онъ мнѣ на этотъ разъ съ видимымъ удовольствиемъ. При расплатѣ онъ меня почему то обсчиталъ, иначе онъ не былъ бы коммунистомъ...

ГЛАВА 9.

Въ томъ же году я начала свои хлопоты для выѣзда заграницу; подала, какъ полагалось, анкету и заранѣе заплатила за паспортъ. Мнѣ назначили притти за отвѣтомъ черезъ десять дней. Когда я пришла въ указанный срокъ, то, заставивъ меня безконечно прождать въ приемной, предложили притти черезъ два дня. Черезъ два дня повторилось тоже самое, и такъ меня водили въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, — потомъ отказали! Деньги, отданныя за паспортъ, съ трудомъ вернули, но удержали два рубля «за отказъ».

Помню, что я пошла къ одному изъ высшихъ служащихъ въ Комиссариатъ Иностранныхъ Дѣлъ, чтобы спросить о причинѣ отказа. Онъ у меня спросилъ мою фамилію.

«Вы гражданка Д-а. Я знаю причину, по которой васъ не выпускаютъ, но я связанъ словомъ; васъ и не выпустить, вамъ здѣсь гораздо лучше». Пришлось хлопоты обѣ отвѣздѣ отложить на нѣкоторое время.

Съ начальными хлопотами обѣ отвѣздѣ связана бѣготня по разнымъ совѣтскимъ учрежденіямъ, и тутъ пришлось во-вочію увидѣть полную ненужность многихъ этихъ учрежденій.

Все это слѣдано для того, чтобы заставить всѣхъ служить, и дѣятельность большинства ихъ состоять въ томъ, что они толкнуть воду въ ступѣ, но толкнуть... чтобы не умереть съ голоду.

Обыкновенно, въ каждой семье и мужъ и жена служатъ зачастую въ разныхъ учрежденіяхъ, причемъ заработокъ каждого изъ нихъ даетъ имъ возможность прокормить только самого себя. Сохрани Боже, если есть дѣти, такъ какъ тогда заработокъ безусловно недостаточенъ. Кромѣ того — это обязательство служить вносить въ жизнь большой беспорядокъ; такъ какъ большинству прислуга не по средствамъ, то та же уставшая жена и мать, возвращаясь домой, принимается готовить обѣдъ, штопать и обшивать своихъ дѣтей. Всъ вѣчно торопятся, живутъ кое-какъ, и получается вѣчное бесплодное переутомленіе. Сплошь и рядомъ, мнѣ приходилось слышать и въ средѣ интеллигенціи, и въ средѣ рабочихъ: «Раньше при старомъ режимѣ въ семье работалъ одинъ мужъ и всѣ были сыты».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти безчисленныя и ненужныя совѣтскія учрежденія ложатся огромнымъ бременемъ на разоренную Россію. Раньше, напримѣръ, было одно Министерство Финансовъ, — теперь въ одной Москвѣ ихъ нѣсколько. На Воскресенской площади находится главный наркомфинъ (народный комиссаріат финансъ), а кромѣ того въ каждомъ участкѣ — по такому же учрежденію, при чемъ изъ за каждой бумажки — самой ничтожной — нужно обѣгать нѣсколько лѣстницъ и стоять въ хвостахъ около разныхъ столовъ и окошечекъ для полученія какой нибудь санкціи — вродѣ совѣтской печати.

Въ началѣ большевистской революціи въ этихъ окошечкахъ сидѣли барышни съ настроениемъ бѣшеныхъ собакъ и въ лучшемъ случаѣ онъ что-то безконечно жевали и пили чай, пока публика томилась въ ожиданіи. Послѣднее время въ учрежденія проникла интеллигенція и барышни стали чѣмнога снисходительнѣе.

Въ 22-омъ и 23-емъ г. г. финансовое положеніе въ совѣтской Россіи становилось совсѣмъ катастрофическимъ; деньги летѣли внизъ съ головокружительной быстротой каждый день и каждый часъ. Тогда большевики разыбили откуда то старого финансиста Кутлера, который ихъ выручилъ. Я отнюдь не финансистъ и не знаю къ какимъ мѣрамъ онъ въ данномъ случаѣ прибѣгъ, но одна изъ мѣръ была — безусловно насильственное пониженіе цѣнъ на жизненные продукты, и сдѣлано это было при помощи «чекінъ».

Проведя эту спасительную для большевиковъ операцию, Кутлеръ скопостижно умеръ.

Нѣсколько раньше заболѣлъ и Ленинъ — прогрессивнымъ параличомъ. Нельзя сказать, чтобы его отсутствіе въ правительствѣ было особенно замѣтно, развѣ только, что правительство съ мѣста замѣтило невыгоду «давошинки». Стали назначать плату за квартиры, освѣщеніе, воду и т. п., ибо дома пришли въ ужасное состояніе, водопроводы были испорчены, стѣны и потолки въ квартирахъ прокопчены, электричество въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ или плохо горѣло или совсѣмъ не горѣло, — ужъ про телефоны и звонки и говорить нечего. Денегъ же на ремонтъ не было и неоткуда было взять.

Еще при жизни Ленина торговля, которая была придушена въ первые годы, стала опять пробиваться наружу, появились лавки, рестораны, магазины, особенно гастрономическіе; начали пить даже чай и кофе, которыхъ не видѣли больше трехъ лѣтъ.

Съ мануфактурой было много хуже, оттого ли, что спроса на нее не было, оттого-ли, что этотъ видъ торговли еще больше тѣснили, но только и до сихъ поръ Москва въ этомъ отношеніи и близко не подходитъ къ тому, — что было въ дореволюціонный періодъ. Правительство вообще все время стремится все захватить въ свои руки, ничего не предоставляя частной инициативѣ. На частную торговлю оно накладывало и накладываетъ непомѣрные налоги, они въ полномъ смыслѣ слова являются петлей — вотъ почему на мѣсто частныхъ магазиновъ черезъ нѣсколько времени появляются кооперации. Но, несмотря на то, что всѣ частные доходы правительство перевело въ свой карманъ, денегъ всетаки никогда не хватаетъ, должно быть все это или расхищается, или же безтолково расходуется.

Нѣсколько разъ, въ первые годы революціи, правительство пробовало закрыть и рынки, но это каждый разъ вызывало въ народѣ слишкомъ большое возбужденіе. Вообще два, три года тому назадъ на рынкахъ происхо-

дили странныя вещи. Неожиданно приходили солдаты и, придравшись къ какому нибудь пустяку , начинали стрѣлять въ торговцевъ и въ публику, быть кого попало прикладами. Происходила паника, толпа разбѣгалась въ разныя стороны; тутъ же иногда устраивали облаву и отводили и торговцевъ и покупателей въ участокъ. На самомъ рынкѣ создавалась въ эту минуту отличная обстановка для воровства и такимъ образомъ еще разъ выполнялась основная задача коммунистической программы.

Въ 22 и 23 году появился было новый классъ людей *riches*, или какъ ихъ прозвали «изпманы» (иначе сказать — продуктъ новой экономической политики). Это были люди, нажившіе себѣ деньги спекуляціями, но совѣтская власть не дала расцвѣсти этому цвѣточку, живо арестовала ихъ, кого выслала, кого разстрѣляла, а деньги , конечно, прикарманивала, — тѣмъ дѣло и кончилось.

ГЛАВА 10.

Весной 1922 года совѣтской власти особенно остро понадобились деньги и правители рѣшили приступить къ ограбленію церквей. Протесты Патріарха, епископовъ и священниковъ не произвели никакого впечатлѣнія на нашихъ правителей, ведущихъ, по собственному неоднократному заявлению, свой древній родъ отъ Дарвиновской обезьяны, и вызвали лишь растрѣлы и аресты; всѣхъ епископовъ и священниковъ, осмѣлившихся громко осуждать правительство, немедленно ссылали, и гоненіе на Церковь съ каждымъ днемъ усиливалось. Церковь поддерживала совѣтъ и нравственный обликъ русскаго народа, а именно это то и нужно было совѣтской власти растоптать.

Въ періодъ ограбленія церквей правители добрались, между прочимъ, до русской святыни — Троицко-Сергіевской Лавры. Изъ Лавры устроили музей и бани, моши св. Сергія вынесли въ музей изъ Собора. Соборъ закрыли и церковныя службы въ немъ запретили.

На этой почвѣ создалась легенда, которая переходила въ Москву изъ уст въ уста. Разсказывали, — что въ Пасхальную ночь на колокольнѣ Сергиевскаго Собора послышался звонъ. Представители власти всполошились, — кто смѣеть звонить, когда запрещено служить въ Соборѣ? Послали на колокольню двухъ солдатъ, которые вернувшись рассказали, что видѣли тамъ старца съ бѣлой бородой, съ свѣтлымъ лицомъ и въ свѣтлой одеждѣ, и что это именно онъ звонить въ колоколь. Власти велѣли солдатамъ вернуться на колокольню и схватить старца; солдаты пошли выполнять приказаніе , но больше оттуда не вернулись... Когда ихъ пошли разыскивать, на колокольнѣ нашли два трупа.

ГЛАВА 11.

Ограбленіе и закрытіе многихъ церквей и монастырей не удовлетворило III Интернаціональ. Онъ рѣшилъ добраться до Православія, почему придуманъ былъ искусственный расколъ; отсюда возникновеніе «живой» или «красной» церкви. Г. П. У. (Государственное Политическое Управление) для этого вошло въ соприкосновеніе съ иѣкоторою частью духовенства и стало имъ руководить, конечно, — своими обычными пріемами: подкупами и запугиваніемъ. Въ идеиность живой церкви я не вѣрю, да и вообще мало кто вѣритъ. Въ Москвѣ этотъ проектъ потерпѣлъ фіаско, и несмотря на то, что подъ красную церковь отняли Храмъ Христа Спасителя, тѣмъ не менѣе онъ стоитъ всегда пустой. Близость Патріарха и хороій составъ духовенства дали насильникамъ рѣшительный отпоръ. Въ Петроградѣ и нѣкоторыхъ провинціяхъ духовенство было менѣе стойко, хотя многія церкви, черезъ нѣкоторое время, вернулись въ старое руслѣ.

Московскія же церкви во время гоненія особенно духовно поднялись. Люди съ высшимъ образованіемъ постригались въ священники и дьяконы, чудные хоры пѣвчихъ появились во всѣхъ церквахъ, несмотря на сравнительное безденежье. При каждой церкви образовалось сестричество и сестры замѣчательно заботливо относились къ порядку и убранству церкви. Въ большиіе праздники церкви убираются теперь такъ же, какъ раньше убирались на Троицынъ день, цѣѣтами и вѣтками деревьевъ. Къ тому же наше духовенство очень приподнято и молитвенно настроено. Все это вмѣстѣ взятое — дѣлаетъ нашу православную службу въ церквахъ особенно великолѣпной, и церкви, несмотря на огромное количество ихъ въ Москвѣ, послѣдніе годы переполнены народомъ. Въ большиіе праздники, чтобы попасть въ церковь, надо идти задолго до начала службы.»

Въ «красной церкви» есть безусловно выдающіеся ораторы между молодыми священниками, напримѣръ Введенскій: я слышала его проповѣдь до того, какъ онъ отдѣлился отъ Православія и должна сознаться, что онъ говорить съ большимъ подъемомъ и очень увлекательно, только въ голосѣ его есть что то непріятное и лицомъ онъ ужъ очень похожъ на еврея. Тѣмъ не менѣе въ толь, надѣюсь, недалекій день, когда сойдутъ со сцены большевики, исчезнетъ полностью, конечно, и «красная церковь».

ГЛАВА 12.

Въ началѣ лѣта 1923-го года я опять очутилась въ поискахъ какой нибудь работы. Предлагали разныя частные мѣста, больше всего предлагали быть гувернанткой и, между прочимъ, кто то изъ моихъ друзей сказалъ,

что квакеры открываютъ въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ лѣчебные пункты, чтобы лѣчить малярію, и что они набираютъ сестеръ милосердія. Я зашла въ ихъ контору въ Москвѣ, принесла имъ свои документы и вскорѣ меня отправили въ Бузулукъ, вмѣстѣ съ одной моей знакомой, докторомъ Тучковой.

Малярія въ Самарской и другихъ губерніяхъ, дѣйствительно, разрушила и подкашивала почти все населеніе, перенесшее два голодныхъ года и дошедшее до людоѣдства. Кромѣ тропической маляріи, въ это время въ Бузулукъ занесена была изъ Ташкента тропическая дезинтегрия, — болѣзнь въ Европейской Россіи мало известная, но которая также заразительна, какъ и холера и даже хуже холеры, ибо связана съ нарывомъ въ печени и огромной потерей крови. Сначала я работала въ Бузулукѣ въ совѣтской больнице, ухаживая за однимъ дезинтегрийнымъ больнымъ, служившимъ шофферомъ у квакеровъ и, слава Богу, выходила его. Это было въ англійской штаб-квартирѣ квакеровъ. Потомъ я сама заболѣла тропической маляріей настолько сильно, что меня отвезли, почти безъ памяти, въ Англійскую больницу. Тутъ, несмотря на недомоганіе, я почувствовала себя въ Царствѣ Небесномъ, до такой степени сестра-англичанка обо мнѣ заботилась. Вообще квакеры на рѣдкость милые люди и замѣчательно проводятъ христіанство въ жизнь. Я никогда не забуду то радушное и гостепріимное отношеніе, съ которымъ встрѣтили доктора Тучкова и меня въ Бузулукѣ.

Пробывъ въ больнице 10 дней, я стала проситься на работу, и меня отправили въ одно большое село, Сорочинское, главный пунктъ американскихъ квакеровъ, съ которыми англійские квакеры работали сообща.

Здѣсь была организована раздача хинина, страдавшимъ маляріей, и мы каждый день пропускали черезъ свою амбулаторію тысячу и больше человѣкъ.

Тутъ при большомъ стеченіи народа особенно ясно было видно, что стало съ населеніемъ этой мѣстности за эти два года. Такихъ распухшихъ и темнозеленыхъ лицъ я никогда еще не видѣла, даже странно было, видѣть, что эти люди еще разговариваютъ. Медицинская помощь была болѣе чѣмъ нужна, и спасибо англійскимъ и американскимъ квакерамъ, которые въ эту минуту протянули руку помощи нашему несчастному народу. Масса народонаселенія этой мѣстности, предоставленная исключительно заботамъ совѣтской власти, несомнѣнно погибла бы.

Мнѣ всего пришлось проработать тамъ около 4-хъ мѣсяцевъ, малярія ко мнѣ то и дѣло возвращалась и надо было, посовѣту докторовъ, перемѣнить климатъ. Я съ грустью простилась съ этой милой средой, въ которой мнѣ пришлось работать и съ тѣмъ дѣломъ, гдѣ я могла бы быть полезна, и вернулась въ Москву. На прощаніе американские квакеры меня одѣли съ

ногъ до головы, даже подарили пальто (дѣло шло къ зимѣ, а у меня—въ смыслѣ вещей—были одни лохмотья); потомъ выдали мнѣ мое жалованіе и, почувствовавъ себя миллионеромъ, я возвратилась въ Москву.

ГЛАВА 13.

Изъ значительныхъ событій за послѣдующій годъ — можно отмѣтить смерть Ленина, хотя онъ уже годъ передъ тѣмъ началъ страдать прогрессивнымъ параличомъ и быть совершенно невмѣняемъ. Когда онъ еще былъ въ состояніи говорить и понимать, то его, говорять, преслѣдовали видѣнія загубленныхъ имъ душъ. Послѣдній годъ онъ только мычалъ какія то невнятныя слова. Со смертью *великаго сифилитика* начались всякия искусно подстроенные демонстраціи, а совѣтская печать впала въ безконечный истерический припадокъ; всю Москву обвѣсили красными и черными флагами—но, на самомъ дѣлѣ, въ Москвѣ никакой печали не было, если не считать коммунистовъ съ траурной повязкой на рукавѣ..

Мнѣ вспомнилось мое дѣтство и трагичная кончина Императора Александра II; какъ тогда всѣ плакали и старъ и малъ, — плакали всѣ сословія. Чувствовалось, что русскій народъ потерялъ своего настоящаго Отца и Друга.

Похороны Ленина были обставлены болѣе чѣмъ торжественно и всѣмъ служащимъ было строго *предложено* пойти съ нимъ проститься. Во всѣхъ совѣтскихъ демонстраціяхъ служащіе въ учрежденіяхъ «должны» были принять участіе, подъ угрозой потери своихъ должностей — тѣмъ не менѣе многіе прибѣгали къ разнымъ хитростямъ, чтобы уклониться и являлись на минуту, послѣ чего тотчась же скрывались.

Въ день похоронъ Ленина было 30 градусовъ мороза и многіе солдаты, которые должны были стоять до конца, отморозили себѣ руки, ноги и носы.

Черезъ нѣкоторое время на высокій постъ Ленина былъ избранъ Рыковъ — извѣстный пьяница. Хотя онъ и русскій, но въ Совѣтской Россіи всѣмъ и каждому извѣстно, что все русское — мало авторитетно и русскіе, подобные Рыкову и другимъ — только марionетки въ рукахъ закулиснаго III Интернаціонала.

Когда Ленинъ былъ еще въ сознательномъ состояніи, то между нимъ и Троцкимъ не разъ происходили разногласія. Троцкій, какъ умный еврей, отлично понялъ, что для того, чтобы усидѣть на своей позиціи, надо понемногу правѣть: дѣлать уступки и заглаживать свои ошибки. Вообще онъ изъ тѣхъ коммунистовъ, которые въ коммунизмъ въ душѣ уже больше не вѣрятъ. Троцкій, какъ извѣстно, впослѣдствіе написалъ книгу «1917 годъ», которая вооружила коммунистовъ противъ него. Несмотря на многочислен-

ныхъ сторонниковъ — его нѣсколько разъ, подъ видомъ болѣзни, высыпали на Кавказъ. — Въ этомъ случаѣ, онъ игралъ роль Донъ Базиліо въ «Севильскомъ Цирюльникѣ», когда Донъ Базиліо выгоняютъ изъ комнаты и поютъ: «У вась лихорадка, у вась лихорадка». Только черезъ нѣкоторое время большевики опять возвратили Троцкаго.

ГЛАВА 14.

Въ 1923 году начали функционировать банки, т. е. государственный и промышленный, — послѣдній представляетъ изъ себя отдѣленіе государственного. Частныхъ банковъ въ Москвѣ нѣть; были пробы негласныхъ банковъ, но они скоро лопались и деньги куда то исчезали; земельныхъ банковъ также, конечно, нѣть.

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о земельномъ вопросѣ, который такъ стремительно принялось разрѣшать сначала Временное Правительство, а потомъ и большевики; о результатахъ, полученныхъ при Временномъ Правительствѣ, судить не берусь; знаю только, что имѣнія отчасти сожжены были уже тогда*), но большевики докончили разрѣшеніе этого сложнаго вопроса во всякомъ случаѣ нелѣпо.

Отобрать землю они отобрали, но, очевидно, крестьяне, не имѣя ни плуговъ, ни машинъ, ни обратного капитала, не могли ни запахать, ни обработать ту землю, которая была предметомъ ихъ историческихъ вожделѣній, да кромѣ того и не было особенного желанія работать на землѣ, которая имъ не принадлежала на правахъ собственности. За періодъ большевизма получились огромныя незапаханныя пространства земли, которые раньше, когда на нихъ были хозяйства, выносили на русскіе и иностранные рынки и хлѣбъ, и мясо, и кожу, и яйца, и всѣ молочные продукты. Поэтому до сихъ поръ, несмотря на то, что совѣтская власть искусственно и очень энергично снижаетъ цѣны, все таки, даже за послѣдіе годы, все стоятъ два раза дороже того, что стоило при старомъ правительствѣ, а вѣдь эти послѣдніе годы были признаны урожайными; я уже не говорю о первыхъ годахъ большевизма, когда подъ предлогомъ неурожая мы силѣли безъ бѣлага хлѣба въ теченіе 5 лѣтъ. Въ данную минуту**) опять назрѣваетъ безденежье и опять все дорожаетъ.

Когда я работала сестрой у квакеровъ, то наблюдала такую картину. Квакеры, видя, что крестьянамъ нечѣмъ обрабатывать землю, выписывали изъ Англіи тракторы и запахивали землю для нихъ; но это дѣлалось на клочкѣ

*.) Послѣ реформы недоброї памяти «селянского-министра» — пораженца В. Чернова. (Ред.)

**) Въ 1925 г. (Ред.)

земли въ Самарской губерніи. Такъ какъ нельзя расчитывать на доброту квакеровъ и на то, что они смогутъ это сдѣлать повсемѣстно, то лучше просто сознать свою ошибку и постараться ее исправить. Большевики это отчасти поняли, какъ поняли и то, что крестьянинъ только тогда будетъ интересоваться землей, когда она станетъ его собственностью; видя неудовлетворенность и недовольство крестьянъ, они послѣднее время рѣшили поощрять хуторское хозяйство (мысль покойного Столыпина), но такъ какъ въ ихъ программу собственность не входить, то они пошли на компромиссъ и сдаются землю въ аренду пока на двадцать лѣтъ.

Земельный вопросъ въ Россіи очень сложный вопросъ и подходить къ нему надо перекрестясь.

ГЛАВА 15.

Похоронивъ Ленина, и выстроивъ ему на площади мавзолей подозрительного типа, въ которомъ и сейчасъ покоятся его бренные останки, большевики опять устремили свои взоры на церковь.

Прежде всего они арестовали Патріарха домашнимъ арестомъ въ Донскомъ Монастырѣ, и черезъ нѣкоторое время отдали его подъ судъ.

Въ газетахъ начали появляться грамоты за подписью Патріарха, но никто имъ не довѣрялъ, зная, что они составлены въ Г.П.У., и что онъ лишенъ возможности ихъ опровергнуть. Между прочимъ дѣятели Г. П. У. рѣшили перемѣнить церковный православный стиль и доставили Патріарху Тихону бумагу за подписью восточныхъ Патріарховъ, ими же составленную и ими же подписанную, будто они, Патріархи, сообща рѣшили перейти на новый стиль въ смыслѣ празднованія православныхъ праздниковъ.

Должно быть бумага была умѣло составлена. Патріархъ Тихонъ ей сначала повѣрилъ и отдалъ соотвѣтствующее приказаніе духовенству, но черезъ нѣсколько дней, когда совѣтскій обманъ обнаружился, Патріархъ отмѣнилъ свое распоряженіе.

Вообще этотъ годъ болѣе предыдущихъ ознаменованъ арестами.

Старшая изъ внучекъ моего дяди, у котораго я жила по пріѣздѣ въ Москву, служила въ это время въ иностранной миссіи, которая нѣсколько лѣтъ работала въ Россіи и въ данную минуту ликвидировала еще свои дѣла. Она была корреспонденткой и переводила изъ совѣтскихъ газетъ то, что касалось экономической политики совѣтовъ; работала она подъ руководствомъ одного швейцара.

Послѣ убийства Воровского въ Женевѣ, совѣтская власть начала преслѣдовать этого швейцара настолько, что тотъ долженъ былъ покинуть Москву. Какъ только онъ уѣхалъ, моя племянница замѣтила, что ее на улицѣ и у подъѣзда дома стали выслѣживать какіе то подозрительные люди. Она обѣ этомъ мнѣ неоднократно говорила.

Нѣсколько недѣль спустя, когда мы въ одиннадцать часовъ вечера собирались ложиться спать, а дядя уже былъ въ постели, къ намъ неожиданно ввалилась компания чекистовъ и солдатъ. Ихъ было 9 человѣкъ, въ числѣ ихъ одна дама. Они объявили, что у нихъ есть ордеръ на арестъ моей племянницы, и что они должны произвести обыскъ. При этомъ они оцѣтили обѣ комнаты такъ, что нельзя было выйти.

Совершенно машинально я опустила руку въ карманъ и, о ужасъ! нашупала письмо, которое я получила наканунѣ изъ за границы черезъ одно изъ иностраннѣхъ консульствъ, и которое я забыла уничтожить. Въ этомъ письмѣ, полученномъ отъ одной подруги, стояла такая фраза: «Великій Князь Николай Николаевич въ Парижѣ, и потому теперь центръ тяжести въ Парижѣ». Этой фразы было вполнѣ достаточно, чтобы меня заподозрить въ контрѣ-революціи. Письмо надо было разорвать до обыска, а выйти было некуда.

Зная, что русскіе солдаты не только въ такихъ случаяхъ, но даже и въ случаяхъ разстрѣла не разъ выручали, — выбрала солдата съ сравнительно хорошимъ лицомъ и, на его глазахъ, разорвала письмо, а потомъ кусочки бумаги незамѣтно бросила за шкафъ — солдатъ меня не выдалъ и даже не тронулся съ своего поста.

Тѣмъ временемъ чекистъ латышъ, въ другой комнатѣ, усиленно рылся въ письменномъ столѣ. Когда я вошла въ комнату, то онъ мнѣ заявилъ, что я взяла одно изъ тѣхъ писемъ, которое онъ отложилъ для прочтенія. Онъ, мнѣ кажется, просто зналъ, что я получила письмо по почтѣ и хотѣлъ, чтобы я ему его отдала.

«Отдайте письмо сейчасъ же, а то я васъ арестую», настаивалъ латышъ.

Я ему на это сказала, что если ему очень хочется, онъ можетъ меня арестовать, но разъ я говорю, что письма не брала, — то значить я не брала; затѣмъ, выдвинувъ ящикъ своего стола для осмотра, я попросила поскорѣе обыскать мою постель, такъ какъ мнѣ очень спать хочется. Когда они исполнили мою просьбу, то я дѣйствительно легла одѣтая на постель и на ихъ глазахъ безмятежно заснула.

Они рылись до трехъ часовъ утра. Въ три часа племянница меня разбудила: ей объявили, что она собирается, что черезъ два часа за ней заѣдутъ и отвезутъ въ Ч.-К. Между ея письмами было много писемъ отъ иностраннцевъ; этого было достаточно, чтобы заподозрить ее въ шпионажѣ и контрѣ-революціи.

Въ этотъ вечеръ арестовали почти всю молодежь московскаго общества. Они просидѣли нѣкоторое время въ тюрьмѣ, причемъ на допросахъ, какъ выяснилось, интересовались больше всего — танцевали ли они фоксъ-тротъ съ иностранцами.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ всѣхъ выслали въ разные города Россіи и Сибири на 3½ года.

ГЛАВА 16.

Осенью 1924 года Патріархъ, вслѣдствіе болѣзни, былъ выпущенъ изъ подъ ареста.

Въ ноябрѣ былъ праздникъ образа Знаменія Божіей Матери. Недалеко отъ насъ былъ храмъ въ честь Знаменія и кто то изъ знакомыхъ мнѣ сказалъ, что Патріархъ тамъ будетъ служить.

Народу собралось очень много, всѣ его ждали, но Патріархъ не пріѣхалъ, такъ какъ въ это утро, какъ оказалось, убили его келейника. Рано утромъ въ наружную дверь кто то постучалъ, келейникъ вышелъ отворить, и былъ убитъ выстрѣлами наповалъ. Его трупъ, падая, загородилъ дверь. Патріархъ, услышавъ шумъ, вышелъ посмотреть въ чёмъ дѣло, и когда онъ съ трудомъ отворилъ дверь, то увидаль трупъ своего келейника, и вдалекъ убѣгающаго убийцу съ двумя шубами въ рукахъ. Это были шубы Святѣшаго.

Келейникъ былъ идеиной молодой человѣкъ, который пошелъ служить Патріарху для того, чтобы при немъ былъ вѣрный человѣкъ. Святѣшій, говорять, его очень любилъ.

Всю зиму Патріархъ болѣлъ и лежалъ въ больницѣ, отъ времени до времени, онъ все таки служилъ въ разныхъ церквиахъ. Въ началѣ марта онъ почувствовалъ себя лучше и собрался переѣхать въ Донской Монастырь на свою старую квартиру. Наканунѣ отѣзда у него заболѣлъ зубъ, и онъ, желая его вырвать, обратился къ зубному врачу.

Должно быть доза кокайна, которую ему вспрыснуль зубной врачъ, была слишкомъ велика, т. к. смерть послѣдовала внезапно.— Въ день Благовѣщенія, 25 марта, Патріарха не стало.

На слѣдующій же день, рано утромъ, тѣло Патріарха перенесли въ Донской Монастырь, сначала на его бывшую квартиру, а затѣмъ — въ Храмъ.

Народъ валилъ толпами, желая поклониться праху Святѣшаго; пришлось установить очередь, причемъ вся улица была запруженна народомъ, который терпѣливо стоялъ въ ожиданіи цѣлыми часами. Такъ продолжалось нѣсколько дней до дня похоронъ. Въ день похоронъ было до 60 тысячъ человѣкъ, среди которыхъ наблюдалось очень много молодыхъ рабочихъ. Похороны были обставлены очень торжественно. Въ толпѣ изъ устья простонародья я не разъ слышала одну и ту же фразу: «Вотъ на Ленина гнали, никто не шелъ, а тутъ всѣ сами идутъ».

Останки Святѣшаго опустили въ маленькую могилу у церкви Донского Монастыря. Послѣ похоронъ народъ еще нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ масками шелъ на его могилу и приносилъ ему цветы.

ГЛАВА 17.

Передъ Пасхой 25-го года я получила письмо отъ родственниковъ изъ за-границы, гдѣ они мнѣ совѣтывали еще разъ попробовать уѣхать.

Я рѣшила сначала пойти къ Калинину, такъ какъ нѣкоторымъ моимъ знакомымъ удалось уѣхать послѣ того, какъ они у него побывали. Онъ принималъ въ это время въ домѣ князя Голицына около Кремля. Надо было забираться въ его приемную съ 8-ми часовъ утра. Я такъ и сдѣлала и получила предварительно какую то записку, по которой я имѣла право предстать передъ его свѣтлыми очи.

Калининъ стоялъ въ комнатѣ за какими то перилами и рядомъ съ нимъ дѣвица восточного типа, — видимо, его секретарь.

Онъ средняго роста, въ очкахъ, съ довольно мохнатыми русыми волосами; происходитъ изъ крестьянъ и, говорять, сохранилъ хорошія отношенія со своими бывшими помѣщиками; не разъ выручалъ ихъ во время революціи. Я ему изложила мою просьбу и сказала, что по невѣдомымъ причинамъ меня изъ Россіи не выпускаютъ, и что я ходатайствую объ отъѣздѣ вътъ уже два года. Онъ молча меня выслушалъ и, не глядя на меня (по моему, коммунисты никогда въ глаза не глядятъ), написалъ на моемъ заявлениіи: «Удовлетворить», и затѣмъ фамилію какого то чекиста, къ которому я должна обратиться.

Этотъ чекистъ также написалъ: «Удовлетворить», и направилъ меня къ другому чекисту, который оказался болѣе ядовитымъ и прошелся насчетъ того, что я дворянка и бывшая помѣщица.

Я его успокоила, что имѣніе было не мое, а моего покойнаго мужа. Онъ мнѣ велѣлъ притти черезъ недѣлю за отвѣтомъ.

Ровно черезъ недѣлю въ Германіи выбрали президентомъ Гинденбурга. Это былъ тяжкій ударъ для совѣтской власти. Они такъ надѣялись, что развратить сосѣдей — нѣмцевъ. Счастье было такъ близко и такъ возможно... и вдругъ Гинденбургъ! Я тутъ, конечно, была не причемъ, но совѣтская власть срываетъ свой гнѣвъ обыкновенно на томъ, кто подвернется.

Поэтому я пошла къ чекистамъ лишь недѣли двѣ спустя. Чекистъ сначала поинтересовался, зачѣмъ я такъ долго не приходила за отвѣтомъ. Я сказала, что подготовляла нужные бумаги для отъѣзда. Онъ этимъ удовлетворился и заявилъ мнѣ, что Центральный Исполнительный Комитетъ разрѣшилъ мой выѣздъ, и затѣмъ прибавилъ со свойственной совѣтской власти самонадѣянностью: « Все равно, черезъ годъ опять будете къ намъ проситься».

Я сейчасъ же дала знать объ этомъ моимъ роднымъ и начала хлопоты о заграницной визѣ. Когда все было налажено, и я получила деньги на дорогу, то сейчасъ же отправилась подавать анкету.

Въ этотъ день, въ отдѣлѣ визъ и заграничныхъ паспортовъ, сидѣли особенно скверные типы. Взявъ мою анкету — одинъ изъ этихъ типовъ молвилъ: «Приходите за отвѣтомъ черезъ два мѣсяца». Я заявила, что имѣю разрѣшеніе на выѣздъ отъ Калинина и Центральнаго Исполнительнаго Комитета, но такъ какъ въ совѣтскихъ гражданахъ я не разъ замѣчала полное презрѣніе къ собственной власти, то и на этотъ разъ мои слова и номеръ квитанціи даннаго мнѣ разрѣшенія не произвели никакого эффекта — они попрежнему настаивали на томъ, что имъ нужно еще два мѣсяца для спровокъ.

Черезъ два дня я опять пошла къ Калинину, но , какъ оказалось, его въ Москвѣ не было. Я очень долго ждала въ пріемной и тутъ, сидя въ толпѣ крестьянъ и простонародья, все время слышала порицанія и негодованія по адресу правительства. Иронія судьбы — пока мы сидѣли въ ожиданіи, крестьяне подходили ко мнѣ и просили составить имъ прошеніе къ крестьянину Калинину, думая, должно быть, что это прошеніе будетъ имѣть больше успѣха. Многие изъ нихъ пришли изъ деревень другихъ губерній за зароботкомъ въ Москву и обратились за работой на Биржу труда, но тамъ никакой работы не оказалось; тогда они рѣшили обратиться къ Калинину, но тутъ ихъ не приняли и опять отправили обратно въ то же учрежденіе, которое носитъ громкое название, но отнюдь его не оправдываетъ.

Въ пріемной у Калинина лежать въ растяжку голодныя бабы съ такими же уставшими голодными дѣтьми. Крестьяне въ данную минуту бѣгутъ изъ деревни въ городъ, такъ какъ ихъ задушили налогами, а такъ какъ въ городѣ заработковъ тоже нѣтъ, то недовольство получается полное. Многие вспоминаютъ старое правительство, видя всю бездарность и беспомощность совѣтской власти. Когда я какъ то спросила у одного крестьянинна, отчего они не протестуютъ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что шпіонажъ такъ поставленъ въ деревнѣ, что сейчасъ же сожгутъ избу. За этотъ послѣдній годъ, между прочимъ, они усиленно убиваютъ сельскихъ корреспондентовъ, которые пишутъ въ газетахъ объ ихъ благополучіи.

Въ арміи также, говорятъ, большое недовольство, — солдатъ плохо кормятъ.

Относительно вѣрнодданности арміи совѣтской власти можно въ общемъ сказать, что она старыхъ офицеровъ, попавшихъ въ армію, предпочитаетъ офицерамъ коммунистамъ. Солдатъ на улицахъ видно мало. Одѣты они чисто и видна дисциплина.

Положеніе рабочихъ въ данную минуту также не очень блестяще. Имъ даютъ жалованье какъ будто приличное, но половину изъ него вычитываютъ на аэропланы, на инвалидовъ, на безпризорныхъ дѣтей*) и т. д.

*) А теперь въ пользу бастующихъ въ Англіи углекоповъ. (Ред.).

Вообще советская власть перенесла свои грабительские наклонности на крестьянъ и на рабочихъ. Рабочіе, въ виду близости власти, еще болѣе запуганы, но они также недовольны. Крестьяне въ этомъ году не разъ спрашивались потихоньку: «А правда, говорять, что Царь будто живъ?». Также до меня доходила фраза: «Если бъ сейчасъ къ намъ кто пришелъ, мы бы сейчасъ примкнули».

Да и что можетъ быть въ народѣ кроме разочарованій отъ этихъ правителей, которые не признаютъ собственности для другихъ, но признаютъ ее для себя, которые живутъ въ дворцахъ, женъ своихъ покрываютъ награбленными бриллиантами, при чемъ жены у нихъ часто мѣняются, а награбленные деньги переводятся на всякий случай въ заграничные банки!...

ГЛАВА 18.

Послѣ долгихъ ожиданій въ приемной Калинина, меня, наконецъ, принялъ какой то молодой человѣкъ, его замѣститель.

Когда я ему сообщила, что мнѣ отвѣтили при выдачѣ анкеты, онъ мнѣ сказалъ, что я должна была уѣзжать сейчасъ же въ день полученія разрѣшенія, и что теперь, очевидно, раздумали. Я уже хотѣла отложить всякия дальниѣшія хлопоты, но потомъ рѣшилась по совѣту друзей все таки подать просьбу о выѣздѣ и, вдругъ, неожиданно, черезъ двѣ недѣли, получила давно желанный паспортъ.*)

Тутъ ужъ я не долго думая, взяла билетъ на Петроградъ и, не задерживаясь въ Петроградѣ, такъ какъ бывали случаи, что паспорта отбирали, поѣхала дальше на Финляндію.

На Финляндской границѣ, когда вещи были приготовлены для осмотра и паспорта у пассажировъ были взяты, пограничные чекисты, войдя въ залу, гдѣ былъ багажъ, громко окликнули: «Здѣсь гражданка Д?».

Я ужъ думала, что меня должно быть арестуютъ и отошлютъ обратно въ Москву, но они только увели меня въ отдѣльную комнату для осмотра, вызвали чекистку ладу, которая распустила мои волосы и ощупала нѣть ли на мнѣ какихъ сокровищъ.

Убѣдившись, что за семь лѣтъ пребыванія въ советской Россіи, я пришла въ полную нищету, она сказала объ этомъ своимъ товарищамъ. Тѣ все таки не повѣрили, нырнули въ мой кожаный ручной мѣшокъ, вытащили

*.) Въ день полученія паспорта, я на улицѣ встрѣтила одну свою подругу, которая прошла мимо меня, и не здороваясь со мной, сказала мнѣ вполнѣ голосомъ: «Ты еще здѣсь? Уѣзжай, уѣзжай скорѣй». Я поняла, что это чье то дружеское предостереженіе.

оттуда мой паспортъ сестры милосердія и такъ какъ, по ихъ мнѣнію, онъ былъ слишкомъ толстъ, то они разорвали его, думая, что тамъ что нибудь заклеено. Ничего не найдя, они нехотя отпустили меня.

Я сѣла въ поѣздъ, не вѣра своему счастью, и когда наконецъ перебѣхала черезъ границу, вздохнула полной грудью и перекрестилась. мнѣ казалось, что съ плечъ у меня свалилась огромная тяжесть...

Господи! Когда же можно будетъ, перекрестясь, обратно вѣхать въ Свободную Россію?!!!

Д. Д-за.

ИЗЪ МАТЕРИАЛОВЪ КИЕВСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙКИ.

A.

Ч Е — К А. *)

Когда слабые, нервные, растеряно бледнеют, жмутся в углы, колеблются и не решаются, мы, сохранившие мощность духа, умеющие гореть в гневе и сознавать, что меч борющагося должен быть пламенен и тверд в руках Часового Революции, мы неуклонно вершим свое грозное и святое дело, дело борьбы с контр-революцией.

В борьбѣ, ведущейся не на жизнь, а на смерть, не может быть полумер и половинчатости.

Чрезвычайные обстоятельства чрезвычайного революционного времени требуют чрезвычайных мер борьбы.

Меч революции опускается тяжко и сокрушительно.

Рука, которой вверен этот меч, твердо и уверенно погружает оточенный клинок в тысячеголовую гидру контр-революции.

Этой гидре нужно рубить головы с таким расчетом, чтобы не выростали новые; у буржуазной змеи должно быть с корнем вырвано жало, а если нужно, и разодрана жадная пасть, вспорота жирная утроба.

У саботирующей, лгущей, предательски прикизывающейся сочувствующей, внеклассовой интеллигентской спекулянтины и спекулянтской интеллигентщины должна быть сорвана маска.

Для нас нет и не может быть старых устоев морали и «гуманости», выдуманных буржуазией для угнетения и эксплоатации «низших классов».

Наша мораль новая, наша гуманность ясная, ибо она поконится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия.

Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого либо, а во имя раскрепощения и освобождения от гнета и рабства в с е х.

Жертвы, которых мы требуем — жертвы спасительные, жертвы устилающие путь к Светлому Царству Труда, Свободы и Правды.

*) Передовая первого номера газеты киевской чрезвычайки—«Красный Меч».

Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет серо-бело-черный штандарт старого разбойного мира.

Ибо только полная безповоротная смерть этого мира избавит нас от возрождения старых шакалов, тех шакалов, с которыми мы кончаем, кончаем, миндальничаем, и никак не можем кончить раз и навсегда.

Вот почему мы так решительны и дерзновенны в наших методах борьбы.

Все войны, которые велись до сих пор, это были войны насильников за утверждение своего насилия.

Война, которую мы ведем, это священная война восставших униженных и оскорбленных, поднявших меч против своих угнетателей.

Может ли кто-либо посметь нас, вооруженных таким Святым Мечем, упрекать в том, почему мы боремся и как мы боремся?

В.

ДВА ПРИГОВОРА КИЕВСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙКИ.

РАСКРЫТИЕ ДВУХ ГРАНДИОЗНЫХ КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЗАГОВОРОВ.

1) Бразильский консул во главе белогвардейцев.

Секретным Отделом Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией раскрыт грандиозный контр-революционный заговор против Советской власти, центральной фигурой которого являлся Бразильский консул, граф Альберт Пирро. Вокруг него сгруппировалось все черное офицерство и представители буржуазного мира. В распоряжении организации имелись в достаточном количестве пулеметы, винтовки, пироксилин и проч., и с каждым днем увеличивались запасы оружия для того, чтобы иметь возможность захватить все главные советские учреждения в свои руки и произвести переворот в Киеве. У некоторых из арестованных по этому делу лиц найдены шифрованные записки, адресованные представителям англо-французских миссий. Многие буржуа обращались в консульство с целью приятия бразильского подданства, чтобы, таким образом, совершенно порвать с ненавистной им Советской властью.

Коллегия Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии, ознакомившись всесторонне с добытым по этому делу следственным материалом, постановила нижеследующих лиц расстрелять и приговор привести в исполнение в 24 часа:

1) Графа Альberta Pavlovicha Pирro, 35-ти лет, представителя Бразильской Республики при Советском Правительстве Украины, при помо-

и которого была организована контр-революционная организация, имевшая целью захватить власть в свои руки.

2) А л ф е р д о в а, Павла Прокофьевича, заведывающего оружием первых Киевских Инженерных Советских Командных Курсов, доставлявшего консульство оружие и патроны, при посредстве Б о л х о в и т и н о в а, бывшего офицера, состоявшего в личном конвое гетмана.

3) М и т р о ф а н о в а, Ивана Ивановича, помощника заведующего учебной частью 2-х Советских Командных Артиллерийских Курсов, бывшего подполковника генерального штаба, принимавшего активное участие в организации выступления.

4) Т р и ф а н о в с к о г о, Георгия Михайловича, землевладельца, контр-революционера, сознавшегося на допросе в том, что принимал все меры для того, чтобы избавиться от Советской власти.

5) П о п л а в с к у ю, Раису Леонидовну, служившую у консула в качестве сотрудницы; собиралась ехать во Францию для предупреждения г е т м а н с о о том, что из России выезжает инкогнито группа коммунистов агитационной целью.— При обыске найдены шифрованные записки на имя англо-французских представителей в Константинополе.

Об остальных лицах, связанных с этой организацией, следствие продолжает вестись.

В се у к р а и н с к а я
Ч р е з в ы ч а й н а я К о м и с с и я .

---

2) З а г о в о р П е т л ю р о в с к и х ш п и о н о в .

Секретным Отделом В.У.Ч.К. были получены сведения, что в одном из домов на Миллионной улице состоялось заседание петлюровцев, на котором был выработан подробный план захвата мостов, прилегающих к Киеву, совершивший внутренний переворот путем ареста членов Правительства. Для этой цели петлюровцы завели знакомство с одним из советских командиров, чтобы тот пошел им навстречу, т. е. предоставил бы в их распоряжение остаточное количество войск, настроенных против «коммуны».

Руководителем заседания был студент, видный петлюровец, под кличкою Стодоля». Последний вел также переговоры с кулаком деревни Бебрики, авриилом Романовичем Квасец, сообщившим, что все кулачье деревни безусловно будет на стороне петлюровцев. Медлить было нельзя, и Назарий Стодоля решил выехать в Жмеринку, чтобы оттуда пробраться дальше в штаб Петлюры для информирования его о создавшемся положении. Своим заместите-

лем он оставил своего приятеля, студента Политехнического Института, Кузьму Александровича Корж. Эта организация должна была удерживать власть в своих руках до проникновения в Киев петлюровского правительства. В момент переговоров вся группа была арестована. При них найдены компрометирующие их письма, полевые карты, винтовки и проч. При помощи найденных писем удалось установить всю подлую предательскую работу наймитов Петлюры. Агенты последнего были в тесной связи с шайкой Зеленого и предполагали немедленно выступить, как в Киеве, так и в прилегающих к нему районах. Вся эта организация была достаточно осведомлена о мельчайших подробностях нашей внутренней жизни. Из обнаруженного приказа Н-ка петлюровского штаба на имя атамана повстанческих войск на Черниговщине, бандита Ангела, видно, что эта организация, совместно с представителями кульчества и других банд, должна была захватить Бахмач, Круты, Гребенку и крепко их держать, захватив в тоже время Чернигов, продвигаться вперед, чтобы соединиться с Киевом, в котором власть должна быть в руках организаторов. Для успешного проведения этого плана в жизнь, заговорщики с их бандами должны были войти правым крылом в связь с Соколовским, оперирующим в районе Гостомля — Радомысль, а левым — с Зеленым на Юге ж. д. Киев-Полтава.

В настоящее время план этот потерпел фиаско, т.к. главные участники арестованы.

Коллегия В.У.К.Ч., рассмотрев дело некоторых участников заговора, постановила всех их расстрелять и приговор привести в исполнение в 24 часа,

ПОКА РАССТРЕЛЯНЫ:

Квасец Гавриил Романович, 42 лет, кулак Веприковской волости, Васильковского уезда, активный член организации.

Корж Кузьма Алексеевич, 32-х лет, студент Политехнического Института, один из главных организаторов контр-революционного штаба.

Тананайко Наталья Сергеевна, учительница, окончившая Институт благородных девиц, активный член организации.

Все остальные материалы по этому делу будут опубликованы дополнительно.

Всеукраинская
Чрезвычайная Комиссия.

III.

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

ДОКЛАДЪ
О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КИЕВСКАГО ЦЕНТРА
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ.

НАЧАЛЬНИКЪ
Киевского Центра
Русской Добровольческой

Главнокомандующему
Вооруженными силами
на Югъ Россіи.

Арміи.

« » Сентября 1919 г.

№ 647.

гор. Киевъ.

Первоначальный составъ Центра.

Послѣ взятія гор. Киева войсками Петлюры 1-14 Декабря 1918 года, Киевскій Центръ, работавшій въ послѣдніе дни Гетманской власти открыто, не могъ продолжать своей работы при прежнемъ личномъ составѣ, почему генераломъ Л—МЪ и было приступлено къ формированию Центра въ новомъ составѣ.

Должность Начальника Центра и Представителя Верховнаго Командования Русской Добровольческой Арміи въ Киевѣ была передана генераломъ Л—МЪ генералу П—О, Начальникомъ Штаба Центра назначенъ Генерального Штаба полковникъ Е—ІЙ, которымъ и былъ сформированъ штабъ въ слѣдующемъ составѣ: Помощникъ Начальника Штаба и Завѣдывающій провинціальными центрами Генерального Штаба полковникъ С—ІЙ, Завѣдывающій информационной частью Генерального Штаба полковникъ Б—ІЬ, Казначей Центра — капитанъ Ч—ВЪ, Секретарь — капитанъ П—ВЪ, Завѣдывающій снабженіемъ документами и помощникъ по информационной части полковникъ К—НЪ и оберъ-офицеры для порученій поручики Р—ІЙ и Д—ВЪ.

Работа Центра при Директоріи.

Дѣятельность Центра въ этотъ періодъ была направлена на:

1) Помощь офицерамъ, заключеннымъ правительствомъ Директоріи.
Въ этомъ дѣлѣ неоцѣнимыя услуги Центру оказали докторъ Л—ІЙ, благодаря

неутомимой зенергії которого было наложено питаніе заключенныхъ офицеровъ и оказаніе имъ медицинской помощи.

2) *Эвакуація офицеровъ изъ Киева въ Добровольческую Армію.* Эвакуація эта производилась, какъ одиночнымъ порядкомъ (причемъ для проѣзда въ Одессу офицеры снабжались Центромъ подъемными деньгами въ размѣрѣ до 250 р. и подложными документами), такъ и цѣлыми эшелонами по 400-800 человѣкъ, направлявшимися на Одессу и на Варшаву. Въ дѣль эвакуаціи офицеровъ большое содѣйствіе оказывали нѣкоторыя лица изъ высшаго нѣмецкаго командованія, добившіяся разрѣшенія Правительства Директоріи на освобожденіе заключенныхъ офицеровъ и ихъ эвакуацію. Всего изъ Киева было эвакуировано болѣе 2000 офицеровъ.

Большая часть работы по этому дѣлу выпала на долю полковника Р—Я, поддерживавшаго связь съ нѣмецкимъ командованіемъ и добившагося содѣйствія послѣдняго.

3) *Информаціонную работу*, выразившуюся въ сборѣ свѣдѣній объ армії Директоріи и о положеніи дѣль на Украинско-большевистскомъ фронтѣ и въ посылкѣ этихъ свѣдѣній въ разведывательное отдѣленіе Одесской группы Добровольческой Арміи.

Информаціи получались Центромъ отъ цѣлаго ряда лицъ, служившихъ въ Петлюровскихъ правительственныйыхъ учрежденіяхъ, лично знакомыхъ чинамъ Центра и сочувствующихъ дѣлу Добровольческой Арміи, а также съ правительственноаго и жел.-дор. телеграфа, гдѣ была установлена своя агентура.

Курьерами для отправки донесеній служили выѣзжавшиe въ Одессу одиночнымъ порядкомъ офицеры.

4) *На возстановленіе провинціальныхъ центровъ*, разрушенныхъ Петлюровскимъ переворотомъ и на *возстановленіе связи съ ними*. Для этой цѣли была выработана инструкція провинціальному центрамъ и для обѣзда правобережныхъ центровъ былъ командированъ чиновникъ Д—Въ.

Матеріальное положеніе Центра.

Генераломъ Л—Мъ для нуждъ организаціи Добровольческой Арміи въ Киевѣ было оставлено И. П. Д—ВУ 600.000 рублей, изъ коихъ 250.000 руб. для Центра (на 5 мѣсяцевъ по 50.000 руб.) и 350.000 руб. для организаціи «АЗБУКА» (на 5 мѣсяцевъ по 70.000 руб.), каковыхъ денегъ должно было хватить на срокъ до 1-го Іюня нов. стиля.

Измѣненіе состава Центра.

Въ послѣднихъ числахъ января мѣсяца, когда съ полной очевидностью выяснилось, что Киевъ въ ближайшіе дни будетъ занятъ большевиками,

Начальникъ Центра генералъ П—О вѣхалъ въ Одесу для полученія инструкцій. Вернуться въ Кіевъ генералу П—О не удалось, почему на должность Начальника Центра и Кіевскаго Представителя Верховнаго Командованія Русской Добровольческой Арміи вступилъ полковникъ Е—ІЙ, а на должность Начальника Штаба Центра полковникъ С—ІЙ.

Работа Центра при большевикахъ. — Февраль и Мартъ.

Послѣ занятія Кієва большевиками, центръ тяжести работы Центра перемѣстился въ область информаціи, ибо эвакуація была въ главной части закончена, да и не было возможности производить ее. Послѣ смѣны власти, развѣдывательный аппаратъ пришлось налаживать заново, такъ какъ, кромѣ агентуръ на телеграфахъ и телефонѣ, прежніе источники свѣдѣній были эвакуированы съ правительствомъ Директоріи.

Возникла необходимость ввода своихъ людей въ правительственные учрежденія, ибо въ совѣтскихъ кругахъ знакомыхъ, сочувствующихъ дѣлу Добрармії, Центръ не имѣлъ. По приказанію полковника Е—О поступили на совѣтскую военную службу Генерального Штаба полковникъ *-* въ оперативное отдѣленіе Губвоенкома, полковникъ *-* на должность Начальника Канцеляріи Артиллерійскаго Отдѣла снабженій Украинской Красной Арміи, капитанъ *-* въ фотометрическое отдѣленіе воздушного флота, капитанъ *-* — въ Губпродкомъ. Кроме того, въ цѣляхъ информаціи понемногу начали завязываться связи въ различныхъ учрежденіяхъ, какъ-то на желѣзныхъ дорогахъ, въ че-ка, у воинскаго начальника и т. п. Эти источники стали давать Центру — хотя и недостаточно полныя — данные о составѣ, организаціи, группировкѣ, снабженіи и состояніи красной украинской арміи, но была надежда, что при дальнѣйшемъ развитіи сѣти освѣдомительныхъ органовъ, Центръ будетъ получать исчерпывающія данныя по указаннымъ вопросамъ.

Сводки собираемыхъ свѣдѣній посылались въ Одесу, причемъ этотъ періодъ времени Центръ пользовался преимущественно курьерами организаціи «АЗБУКА».

Въ началѣ марта, въ составѣ Центра былъ приглашенъ инженеръ путей сообщенія Н. Н. П—ВЪ, какъ человѣкъ преданный дѣлу Добрармії, работавшій на пользу этого дѣла еще въ 1918 году (за что подвергся преслѣдованіямъ нѣмецкой контрь-развѣдки и былъ ею заключенъ въ тюрьму), располагающій большими связями въ жел.-дор. кругахъ и могущій быть полезнымъ информаціями въ этой области.

Въ серединѣ марта мѣсяца, въ составѣ Центра, былъ зачисленъ поручикъ Р—Ь, прибывшій изъ Одессы въ качествѣ курьера.

Преслѣдованіе чиновъ Центра Ч.-К.

Въ теченіе марта мѣсяца полковникъ Е—ІЙ получилъ цѣлый рядъ предупрежденій о томъ, что большевикамъ извѣстно о томъ, что онъ стоитъ во главѣ организаціи Добр. Арміи въ Кіевѣ, что въ Че-Каїмъются его примѣты и производятся усиленные розыски его. Предупрежденія эти заставили Центръ усилить конспирацію, причемъ полковникъ Е—ІЙ сталъ выходить на улицу лишь послѣ наступленія темноты.

31-го Марта (нов. стиль) Ч.-К. были арестованы по доносу ЯНУШЕВСКАГО полковникъ КИРКИНЪ (родственникъ полковника Е—ГО) и родственница полковника Е—ГО и полковника КИРКИНА — В. Ф. ГАЛЯНСКАЯ, хотя и не состоявшая на службѣ въ Центрѣ, но оказывающая Центру посильную помощь; одновременно съ ними была арестована также супруга полковника КИРКИНА.

Дабы арестъ этихъ лицъ, знаяшихъ фамиліи и адреса многихъ сотрудниковъ Центра (въ Ч.-К. при допросахъ широко примѣнялись пытки), не повлекъ за собой раскрытия всей организаціи, по приказанію полковника С—ГО, которому полковникъ Е—ІЙ передалъ руководство Центромъ, работа Центра была временно прекращена и чинамъ Центра было предписано скрыться.

10-го Апрѣля нов. ст. полковникъ КИРКИНЪ и В. Ф. ГОЛЯНСКАЯ были разстрѣляны, первый за работу въ Добрармін, вторая за укрывательство полковника Е—ГО, адресъ котораго она отказалась указать; М. Э. КИРКИНА была освобождена. Одновременно съ ними были разстрѣляны поручикъ НИКОЛЬСКІЙ и ПАЛИБИНЪ, работавшіе въ организаціи «АЗБУКА» и арестованные нѣсколько ранѣе полковника КИРКИНА.

Упорное преслѣдованіе Ч.-К. полковника Е—ГО создало для послѣдняго невозможность руководства работой Центра и необходимость его выѣзда изъ предѣловъ Совдепіи, почему должность Кіевскаго Представителя Верховнаго Командованія Добровольческой Арміи и Начальника Центра была передана полковникомъ Е—МЪ полковнику С—МУ. Полковникъ Е—ІЙ скрывался въ ожиданіи возможности выѣзда за предѣлы Совдепіи. Выѣхать полковнику Е—У удалось 4-го Іюня, когда онъ черезъ КОРОСТЕНЬ И ПОРОДНИЦУ благополучно прослѣдовалъ въ ВАРШАВУ.

Возобновленіе работы.

Во второй половинѣ апрѣля, когда по даннымъ обстановки выяснилось, что Ч.-К. потеряла нити для дальнѣйшаго преслѣдованія Центра, работа послѣдняго возобновилась.

Н о в ы я з а д а ч и .

За время прекращения работы Центра общая обстановка резко изменилась: Одесса была оставлена частями Добр. Армии и занята большевиками. Киевъ оказался въ глубокомъ тылу Красной Армии и въ сторонѣ отъ главнѣйшихъ операционныхъ направлений Добр. Армии, связь Киева съ Добровольческой Арміей крайне затруднилась, причемъ время проѣзда курьеровъ надлежало исчислять не днями, а недѣлями. Всѣ эти обстоятельства заставили полковника С—ГО пересмотрѣть задачи Центра, послѣ чего онъ были поставлены въ такой формѣ:

1) Информационная работа исключительно въ крупномъ масштабѣ, безъ мелочей, посылка сводокъ болѣе рѣдкая, но сводки полныя, и разработанныя, содержащія лишь такія данные, кои не потеряютъ своего значенія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, необходимыхъ на проѣздъ курьера.

2) Боевая работа по порчѣ желѣзныхъ дорогъ въ тылу Красной арміи, уничтоженіе военныхъ складовъ, а также добываніе денежныхъ средствъ для Центра путемъ ограбленія совѣтскихъ учрежденій и должностныхъ лицъ.

3) Политическая работа, которая должна выражаться:
а) въ обработкѣ общественнаго мнѣнія всѣхъ слоевъ населенія въ пользу Добрарміи, б) въ подготовкѣ материаловъ для будущей власти по всѣмъ отраслямъ управліенія и по всѣмъ вопросамъ внутренней жизни, в) въ антисовѣтской агитациі, имѣющей цѣлью разрушеніе Красной арміи, совѣтскаго аппарата управліенія и развитія саботажа.

Въ связи съ измѣненіемъ задач Центра, съ недостаткомъ денежныхъ средствъ, притока коихъ не было и есть необходимости усилить конспирацію, былъ нѣсколько измѣненъ составъ Центра: были освобождены отъ работы въ Центрѣ капитаны П—ВЪ и Ч—ВЪ, Центръ отказался отъ агентуръ на телеграфахъ, телефонѣ и радиотелеграфѣ, которыя давали лишь отрывочные, мелкія свѣдѣнія, не имѣвшія цѣнности при широкомъ масштабѣ работы и при большой продолжительности пути курьеровъ.

Источниками информації при Центрѣ остались: а) Генеральнаго Штаба полковникъ С—ІЙ, дававшій Центру полныя свѣдѣнія о Красной арміи (боевой составъ, оперативныя и мобилизаціонныя данные, снабженіе, состояніе войскъ и т.д.), б) Н. Н. П—ВЪ по вопросамъ транспорта, в) сводки организації «АЗБУКА», изъ коихъ Центръ черпалъ свѣдѣнія, какъ политическаго, такъ и военнаго характера и г) различные случайные и временные источники.

Для выполнения боевыхъ задачъ при Центрѣ долженъ быть быть сформированъ боевой отрядъ, на который должно было быть возложено приведеніе въ исполненіе приговоровъ военно-полевого суда, образованнаго при Центрѣ. Однако сформировать такой отрядъ не удалось, какъ вслѣдствіе неимѣнія денежныхъ средствъ, такъ и за невозможностью подобрать личный составъ (главнымъ образомъ Начальника отряда). Подбору личного состава препятствовали свирѣпствовавшій красный терроръ, а также отсутствіе въ обществѣ вѣры въ успѣхъ дѣла Добровольческой Арміи и увѣренности въ осуществленіи сверженія большевизма (это было до начала рѣшительного наступленія Добрарміи).

Для успѣшнаго выполненія задачъ политическихъ необходимо было привлеченіе въ составъ Центра людей, имѣющихъ связи въ политическихъ кругахъ и хорошо знакомыхъ съ политическими теченіями въ мѣстномъ обществѣ. Такимъ образомъ возникла необходимость созданія при Центрѣ Политического Отдѣла. На должность Начальника этого Отдѣла полковникомъ С—МЪ былъ назначенъ Начальникъ Киевскаго Отдѣла организації «АЗБУКА», Генеральнаго Штаба полковникъ БАРЦЕВИЧЪ,*) который по своей смѣлости, энергіи, широтѣ взглядовъ, преданности дѣлу Добрарміи, знакомству съ мѣстной политической обстановкой и связямъ въ мірѣ политическихъ дѣятелей, былъ единственнымъ кандидатомъ, способнымъ съ успѣхомъ выполнить сложныя задачи Политического Отдѣла Центра. Въ качествѣ помощниковъ Начальника Политического Отдѣла были привлечены къ работе въ Центрѣ помощники полковника БАРЦЕВИЧА по «АЗБУКЪ», поручики В—Ъ и Н—Ъ. Такимъ образомъ главные работники «АЗБУКИ» вошли въ составъ Центра, естественнымъ слѣдствіемъ чего было сляніе организацій Киевскаго Центра и «АЗБУКИ».

Въ цѣляхъ сгруппированія вокругъ Центра мѣстныхъ политическихъ дѣятелей, сочувствующихъ дѣлу Добрарміи и привлеченія ихъ такимъ образомъ къ активной работе на пользу Добрарміи, по иниціативѣ Центра, политическимъ его отдѣломъ, былъ созданъ «Областной Комитетъ Национального Объединенія», въ составъ которого вошли: К. П. В—О, с.-д. меньшевикъ-оборонецъ; Д. М. О—Ъ, н. с.; священникъ Е. М. А—Ъ; И. П. Д—Ъ, к.д.; А. П. П—Ъ, к. д., профессоръ; Л. И. Я—ІЙ, к.д.; П. И. И—О отъ кооперативныхъ круговъ; В.С.Н—Ъ, С.Г.Г—ІЙ, полковникъ БАРЦЕВИЧЪ, поручики В—Ъ и Н—Ъ, всѣ пятеро Шульгинской группы.

Комитетъ поставилъ себѣ задачей объединить въ себѣ всѣ тѣ сохранившія въ себѣ общественную energію силы, которыхъ считаютъ своимъ гражданскимъ долгомъ работать надъ возрожденіемъ русской государственности и создать мощную общественную поддержку власти Добр. Арміи.

*) Разстрѣлянъ большевиками. (Ред.)

Комітетъ приступилъ къ агітаціонній работе, къ созданію провінціальнихъ комітетовъ и ячеекъ Национального Объединенія, и къ разработкѣ и подготовкѣ матеріаловъ по всѣмъ отраслямъ управлениія для будущей власти Добр. Армії.

Крупной заслугой Політическаго Отдѣла было достиженіе полнаго соглашенія съ Городскимъ Самоуправлениемъ, съ РЯБЦЕВЫМЪ во главѣ. Нѣсколько болѣе видныхъ дѣятелей Городской Думы, могущихъ собрать вокругъ себя большинство Думы, согласилось на сотрудничество съ Центромъ и Национальнымъ Объединеніемъ въ дѣлѣ созданія временной власти на переходное время (послѣ оставленія Киева большевиками) въ лицѣ Б—О, — Самоуправлениія, но съ исполнителями, выдвинутыми Центромъ, причемъ такая, руководимая Центромъ, власть должна была дѣйствовать и въ случаѣ занятія города петлюровцами или поляками.

Въ дѣлѣ агіатаціи, Політическимъ Отдѣломъ было также сдѣлано очень много: была подыскана типографія, часть служащихъ и рабочихъ которой, сочувствуя нашему дѣлу, согласились печатать нашу агіатаціонную литературу и выполняли эту работу, сопряженную съ огромнымъ рискомъ, за минимальную плату; выпускалась газета «РУСЬ» (по одному номеру въ мѣсяцъ), а также было отпечатано нѣсколько возваній Киевскаго Центра. Распространеніе агіатаціонной литературы производилось, какъ «АЗБУКОЙ», такъ и спеціально, для этой цѣли, созданнымъ при Центрѣ распространительнымъ органомъ.

Включеніе въ составъ Центра Организаціи полк. БУЛЮБАША.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ агенты Політическаго Отдѣла напали на слѣдь антисовѣтской организації, которая именовала себя организаціей генерала ДЕНИКИНА, и имѣла склонность сильно преувеличивать свое значеніе и свои права, и плохо разбиралась въ политическихъ вопросахъ, вслѣдствіе чего создавалась опасность, что имя Добр. Армії можетъ быть дискредитировано. Ближайшее обслѣдованіе этой организаціи выяснило, что она состоитъ преимущественно изъ бывшихъ офицеровъ и работаетъ главнымъ образомъ въ области агіатаціи, а также стремится создать боевые отряды для нанесенія всякаго рода вреда большевикамъ. Дабы взять дѣятельность указанной организаціи подъ контроль Центра, и такимъ образомъ обезпечить Добр. Армію отъ дискредитированія ея имени, а также въ цѣляхъ координації дѣйствій и использованія достигаемыхъ этой организаціей положительныхъ результатовъ, полковникъ С—ІЙ подчинилъ эту организацію себѣ, наименовавъ ее агіатаціонно-боевымъ центромъ Киевскаго Центра Русской Добровольческой Арміи. Начальнику этого отдѣла полковнику Б—У была дана

подробная инструкція о задачахъ, правахъ и сферѣ дѣятельности организаціи.

Измѣненіе въ настроеніи общества въ связи съ успѣхами Добр. Арміи.

Побѣды Добр. Арміи въ началѣ іюня мѣсяца н. ст., создавшія угрозу ХАРЬКОВУ и ЕКАТЕРИНОСЛАВУ и послѣдовавшее затѣмъ паденіе этихъ городовъ, произвели рѣзкій переломъ въ настроеніяхъ Киевскаго общества. Появилась вѣра въ торжество дѣла Добр. Арміи: лица, которые прежде пугались одного упоминанія имени генерала ДЕНИКИНА, нашли возможность оказывать содѣйствіе Центру, короче говоря: по опредѣленію большевистской печати — «контрреволюція подняла голову».

Это обстоятельство облегчило работу Центра, создало благопріятную обстановку для агитации. Газета «РУСЬ» и возванія Центра встрѣчались съ большимъ сочувствіемъ и интересомъ во всѣхъ слояхъ общества, не исключая и рабочихъ, на распространеніе среди которыхъ агитационной литературы было обращено Цетромъ особое вниманіе.

Это же измѣненіе настроенія общества дало Центру возможность произвести два денежныхъ займа, одинъ въ размѣрѣ 100.000 руб. и другой въ 10.000 руб.. Первая изъ этихъ суммъ была передана на содержаніе «АЗБУКИ», которая, за неимѣніемъ средствъ, была наканунѣ ликвидациіи; 10.000 руб. поступили на содержаніе Центра.

Отъѣздъ полковника С—О.

16-го іюля у полковника С—О произошло столкновеніе съ евреемъ, завѣдывающимъ хозяйствомъ университета, въ результатѣ котораго полковникъ С—ІЙ былъ преданъ суду Революціоннаго Трибунала, и дабы избѣжать ареста и неминуемаго разстрѣла (всякое оскорблѣніе еврея разсматривалось какъ призывъ къ погрому и каралось разстрѣломъ), полковникъ С—ІЙ выѣхалъ изъ Киева въ ВОРЗЕЛЬ, откуда 27-го іюля выѣхалъ черезъ КОРОСТЕНЬ, ОЗЕРЫ и ДОМБРОВИЦУ на ВАРШАВУ. О томъ, удалось ли полковнику С—У проѣхать благополучно — свѣдѣній нѣть. Должность Киевскаго Представителя Верховнаго Командованія Добровольческой Арміи и Начальника Киевскаго Центра полковникомъ С—ІЙ была передана мнѣ.

Послѣдній мѣсяцъ работы Центра.

Начиная съ послѣднихъ чиселъ іюля мѣсяца н.ст., Совѣтское правительство начало готовиться къ оставленію Киева.

Подготовка эта выразилась:

1) Въ эвакуациі на съверо-востокъ всякаго цѣннаго, особенно военнаго, имущества.

2) Въ организації крупной подпольной агентуры, въ цѣляхъ развѣдки, пропаганды, организації бандитскихъ выступленій (для дискредитированія власти Добр. Арміи), вооруженныхъ возстаній и проведенія подпольного краснаго террора полѣ занятія Киева Добр. Арміей.

3) Въ агитації въ направленіи обостренія отношеній между Добр. Арміей и Петлюрой.

Работа же Центра въ этотъ періодъ времени выразилась въ слѣдующемъ:

1) Въ продолженіи развѣдывательной работы.

2) Въ агитационной работѣ, заключавшейся въ выпускѣ газеты «РУСЬ» и нѣсколькихъ возваній. Послѣднія имѣли цѣлью: а) дискредитированіе совѣтской власти, б) опроверженіе той лжи о Добр. Арміи, которой были полны большевистская газеты, в) обнародованіе идей, за которыхъ борется Добр. Армія, а также ея политики по вопросамъ рабочему и земельному, г) призывъ всѣхъ совѣтскихъ служащихъ и особенно желѣзнодорожниковъ къ саботажу, а красноармейцевъ къ переходу на сторону Добр. Арміи, д) призывъ къ желѣзнодорожникамъ и рабочимъ препятствовать всѣми мѣрами эвакуації г. Киева и выѣзу изъ Киева коммунистовъ и отвѣтственныхъ работниковъ.

3) Въ принятіи мѣръ къ обезпеченію порядка въ г. Киевѣ въ періодъ съ момента оставленія города большевиками и до установленія власти Добр. Арміи. По этому вопросу Центръ вошелъ въ соглашеніе съ Городскимъ Самоуправлениемъ о созданіи охраны города, причемъ на должность Начальника охраны города былъ выдвинутъ Центромъ генераль-маіоръ Ш—Ъ, который въ теченіе августа мѣсяца велъ подготовительные работы по созданію охраны, а съ 30-го августа н. ст. приступилъ къ формированию охраны, которая и функционировала до вступленія Добр. Арміи.

4) Въ работѣ по сбору материаловъ обѣ остающейся въ Киевѣ, для подпольной работы, коммунистической организаціи. Учетъ отвѣтственныхъ работниковъ и коммунистовъ производился развѣдкой «АЗБУКИ» съ самаго начала большевистского владычества, причемъ по этому вопросу собранъ огромный и весьма цѣнный материалъ.

5) Въ подготовкѣ партизанскаго отряда на линіи Ковельской жел. дороги. Агитационно-боевымъ отдѣломъ Центра черезъ офицеровъ, скрывавшихся на ст. ВОРЗЕЛЬ (Ковельской жел. дор.), велась въ окрестныхъ селахъ агитація въ пользу Добр. Арміи, которая встрѣтила здѣсь благодарную почву. Крестьяне 5-6 деревень высказали готовность подняться на борьбу съ большевиками, въ ВОРЗЕЛЪ находилось около 20 офицеровъ, готовыхъ принять на себя командныя должности, жаждаль принять участіе въ боевыхъ

дѣйствіяхъ противъ большевиковъ и офицерско-студенческій отрядъ (17 человѣкъ) охраны узоколейной жел. дороги Турчинка-Шершневское Лѣсничество съ инженеромъ К—Ъ во главѣ.

Кромѣ того, къ отряду долженъ былъ присоединиться красный артиллерійскій дивизіонъ (12 легк. орудій) изъ ЖИТОМИРА, личный составъ котораго, кромѣ нѣсколькоихъ коммунистовъ (подлежавшихъ уничтоженію), жаждалъ принять участіе въ борьбѣ съ большевиками.

Цѣлью дѣйствій отряду ставилось:

1) Перерывъ жел. дор. линіи КІЕВЪ-КОРОСТЕНЬ, что вызвало-бы а) прекращеніе подвоза дровъ изъ южнаго Полѣсья, въ результатѣ чего должны были стать всѣ желѣзныя дороги Малороссіи, б) прекращеніе эвакуаціи черезъ КОРОСТЕНЬ—ЖЛОБИНЪ.

2) Перерывъ жел. дор. линіи КОРОСТЕНЬ—МОЗЫРЬ, дабы перерѣзать желѣзную дорогу—путь отхода на сѣверъ красныхъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ районѣ КОРОСТЕНЯ.

3) Набѣги на тылы красныхъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ районѣ КОРОСТЕНЯ и ЖИТОМИРА.

4) Созданіе угрозы Кіеву съ сѣвера, съ цѣлью посѣять панику въ тылу красныхъ, оборонявшихъ КІЕВЪ.

Осуществленіе этого плана задерживалось лишь отсутствіемъ денежныхъ средствъ, которыхъ были получены Центромъ лишь 25 августа (н. ст.). По полученіи денегъ, въ ВОРЗЕЛЬ былъ командированъ полковникъ Б—Ъ съ приказаниемъ приступить къ организаціи отряда: изъ Кіева въ помощь ему было выслано 17 офицеровъ и было послано приказаніе инженеру К—У въ Турчинку о движениі его отряда въ ВОРЗЕЛЬ, въ распоряженіе полковника Б—А; было послано также приказаніе и артиллерійскому дивизіону о движениі его въ ВОРЗЕЛЬ.

Къ сожалѣнію, не всѣ расчеты Центра оправдались; дивизіонъ, начавъ движеніе къ ВОРЗЕЛЮ, вызвалъ подозрѣніе краснаго команднаго состава, долженъ былъ быть разоруженъ, почему личный его составъ разбѣжался, бросивъ орудія; количество оружія въ деревняхъ оказалось недостаточнымъ для вооруженія всѣхъ желающихъ, поэтому пришлось ограничиться формированіемъ небольшого партизанскаго отряда въ 100-200 человѣкъ. Отрядъ этотъ, въ ночь съ 30 на 31 августа (н. ст.), долженъ былъ начать свои дѣйствія производствомъ крушенія поѣзда, но бѣгство большевиковъ 30-го августа и занятіе Кіева Добр. Арміей указало на безполезность этого предпріятія за позднимъ временемъ.

6) Кромѣ того въ распоряженіи Центра была двухъ-орудійная гаубичная (48 лин.) батарея, сформированная при Совѣтскихъ Командныхъ Курсахъ капитаномъ М—Ъ. Офицерскій составъ батареи и прислуга, состоявшая изъ 80 фейерверкеровъ, были готовы активнымъ выступленіемъ оказать содѣ-

ствіе войскамъ Добр. Армії. Предполагалось придать батареѣ п'ехотное прикрытие и, съ этими силами, овладѣть мостами черезъ Днѣпръ въ то время, когда фронтъ красныхъ приблизится къ Киеву на разстояніе орудійного выстрѣла и, стрѣльбой по краснымъ съ тыла, открыть Добр. Армії путь къ Киеву. Однако и этотъ планъ осуществить не удалось, такъ какъ, за недостаткомъ времени и денегъ, не удалось сформировать необходимое п'ехотное прикрытие.

Связь Центра съ Добр. Арміей.

Связь Центра съ Добр. Арміей при правительствѣ Петлюры была очень легка и поддерживалась черезъ Одессу, куда сводки и направлялись черезъ выѣзжавшихъ изъ Киева офицеровъ.

Послѣ занятія Киева большевиками связь, хотя и затруднилась нѣсколько, но все же поддерживалась регулярно съ Одессою, благодаря слабости и подвижности красного фронта на Одесскомъ направлениі. Въ этотъ періодъ (февраль и мартъ) Центръ при посыпкѣ сводокъ пользовался преимущественно курьерами «АЗБУКИ». За эти два мѣсяца Центръ получалъ информаціи изъ Одессы 3 раза: въ срединѣ февраля прибыла курьерша, 14 марта съ особымъ порученіемъ Начальника Одесского развѣдывательного отдѣленія полковника А—А — поручикъ Р—Ъ и въ концѣ марта чиновникъ Д—Ъ, который установилъ связь съ Винницкимъ пунктомъ Добр. Армії, отвѣзъ водку этого пункта непосредственно въ Одессу, послѣ чего вернулся въ Киевъ.

Въ апрѣль вынужденное прекращеніе работы Центра лишило его возможности пересыпать донесенія, послѣ же возобновленія работы, когда Одесса была уже оставлена частями Добр. Армії, курьеры направлялись Центромъ непосредственно въ ЕКАТЕРИНОДАРЪ. Переѣзды эти сопровождались огромными трудностями, причемъ большія затрудненія и опасности представляли, какъ проѣздъ до фронта, вслѣдствіе необходимости выполненія большого количества формальностей для проѣзда и невѣроятной троготи полицейского режима въ странѣ, такъ и самый переходъ фронта, равнително густо занятаго красными. За періодъ послѣдніхъ 4-хъ мѣсяцевъ курьеры посыпались: 1) въ началѣ мая (нов. ст.) курьерша-прапорщица, 2) въ началѣ іюня (9 іюня и. ст.) — курьерша Т. А. Р—Я, 3) 7-го іюля (и. ст.) поручикъ Р—Ъ, которому, однако, проѣхать не удалось, такъ какъ въ станції КОЛОМАКЪ онъ былъ арестованъ, въ ожиданіи обыска былъ принужденъ уничтожить почту и только благодаря своему хладнокровію находчивости не погибъ и вернулся въ Киевъ., а же почта была послана въ поручикомъ Б—О въ началѣ августа (и. ст.). Въ первыхъ числахъ августа снова поѣхалъ поручикъ Р—Ъ съ восстановленной старой и новой

почтой, но проѣхать ему не удалось и на этот разъ, вслѣдствіе крайней подозрительности большевиковъ ко всякому новому лицу въ ближайшемъ тылу арміи и неопределенноти настроенія крестьянъ, отказывавшихъ въ пріютѣ, подозрѣвая въ немъ большевистскаго шпиона; на содѣйствіе же ихъ ему, какъ офицеру Добр. Арміи, разсчитывать было нельзя, такъ какъ крестьяне были сильно терроризованы и могли выдать его большевикамъ или украинскимъ повстанцамъ. 5) Послѣдній курьеръ со свѣдѣніями, посланными «АЗБУКОЙ», былъ посланъ 24-25 августа.

За все время съ конца марта (н. ст.) до конца августа (н. ст.) къ Центру не прибыль ни одинъ курьеръ изъ Добр. Арміи, что ставило Центръ въ очень тяжелое положеніе: Центру необходимы были информаціи, главнымъ образомъ, по политическимъ вопросамъ, ибо не зная курса внутренней и внѣшней политики Добр. Арміи очень трудно вести агитационную работу, приходилось частью дѣйствовать ощупью, частью довольствоваться краткой словесной информаціей, полученной въ началѣ іюня (н. ст.) отъ Харьковскаго Центра. Отсутствіе информаціи обѣ отношеніяхъ Добр. Арміи къ Петлюрѣ лишило Центръ возможности бороться противъ послѣдняго — какъ путемъ агитациіи, такъ и путемъ нѣкотораго вліянія на операциіи красной арміи, чѣмъ можно было воспрепятствовать усиленному продвиженію Петлюры и его подходу къ Киеву одновременно съ частями Добр. Арміи.

Единственнымъ курьеромъ, прибывшимъ въ Центръ послѣ 31 марта, былъ поручикъ Р—Й, прѣкавшій въ Кіевъ 29 августа (н. ст.), т. е. наканунѣ оставленія Кіева большевиками, почему Центръ вошелъ съ нимъ въ связь лишь послѣ вступленія въ Кіевъ Добровольческой Арміи.

Матеріальное положеніе Центра.

Генераломъ Л—Ъ было оставлено И. П. Д—У 600.000 руб., изъ нихъ 350.000 руб. на содержаніе »АЗБУКИ« и 250.000 руб. на содержаніе Центра по 50.000 руб. въ мѣсяцъ — на 5 мѣсяцевъ, т.е. до 1-го іюня н. ст. Крупные расходы, съ коими было связано дѣло эвакуаціи офицеровъ, заставили Центръ, съ первого мѣсяца работы при большевикахъ, сокращать свой бюджетъ, а пропажа при арестѣ чиновъ Центра въ апрѣлѣ 25.000 рублей, поставила Центръ въ тяжелое матеріальное положеніе; деньги были на исходѣ, нового притока средствъ не было, а начатая Центромъ агитационная работа и предположенное формирование боеваго отряда требовали большихъ затратъ. Организація «АЗБУКА» была еще въ болѣе тяжеломъ положеніи, т.к. вымѣ мѣсяцѣ єю были истрачены всѣ оставленныя ей деньги, а также 40.000 руб., полученные єю взаимообразно отъ Национального Центра. Однако, благодаря энергіи чиновъ Политического Отдѣла, Центру удалось въ іюнѣ

всяць произвести два денежныхъ займа, одинъ у Г. Б—А въ 100.000 руб. другой у г. Ф—А въ 10.000 руб. Первая сумма, за вычетомъ 3.000 рублей, плаченныхъ за размѣръ денегъ (были получены бѣлые деньги, неимѣвшія юденія), была передана Центромъ на содержаніе «АЗБУКИ», дабы дать возможность продолжать работу этой полезной организації. тѣмъ болѣе, что деньги были добыты чинами «АЗБУКИ»; вторая сумма пошла на погашеніе займа въ 10.000 руб., сдѣланного незадолго передъ тѣмъ у польской анти-совѣтской организаціи, съ которой Центръ все время поддерживалъ связь, начальствавшій августа агитационно-боевымъ отдѣломъ Центра (полк. В—Ъ) или получены заемообразно отъ Р—А 8.000 руб. и отъ Б—А 10.000 р.; эти деньги пошли на содержаніе добывшаго ихъ Отдѣла.

Въ концѣ августа н. ст., когда деньги Центра и «АЗБУКИ» были на сходѣ, а обстановка требовала усиленія активной дѣятельности, связанной съ большими расходами, члену Комитета Национального Объединенія и Национального Центра И. П. Д—У удалось сдѣлать заемъ въ 955.000 руб.,akovaya сумма и была имъ передана въ распоряженіе Центра.

Немедленно по полученіи денегъ — 50.000 руб. были высланы въ ВОР-ЕЛЬ для организаціи партизанскаго отряда; 168.000 руб. израсходованы на возвращеніе ранѣе сдѣланныхъ Центромъ долговъ, а именно:

И. П. Д—У	40.000 рублей
Б—У	100.000 рублей
Ф—У	10.000 рублей
Б—У	10.000 рублей
Р—У	8.000 рублей

Всего.....168.000 рублей.

Въ теченіе послѣдніхъ мѣсяцевъ, вслѣдствіе недостатка денегъ, чины и сотрудники Центра получали содержаніе совершенно не соотвѣтствовавшее ороворовизнѣ жизни въ Кіевѣ. При цѣнѣ хлѣба 40-120 руб. за фунтъ,огда по подсчету совѣтскихъ властей *голодный минимумъ* на пропитаніе диночнаго человѣка колебался отъ 3-8 тысячъ рублей въ мѣсяцъ, сотрудники Центра, получая 900-2.500 рублей въ мѣсяцъ, фактически голодали и добывали деньги на полуходяное существование свое и своихъ семей путемъ продажи вещей и займовъ у родныхъ и знакомыхъ. Дабы хотя отчасти возмѣстить ничтожность прежняго содержанія, послѣ полученія денегъ отъ Национального Центра, мною было выдано единовременное пособіе чинамъ Центра въ размѣрѣ 4.000 руб. и сотрудникамъ въ размѣрѣ 50.000 руб., а всего 104.000 руб..

На содержаніе организаціи «АЗБУКИ» въ сентябрѣ было выдано 66.000

руб. Текущіе и экстренные, связанные съ ликвидацией, расходы центра выразились въ суммѣ...*)

Кромѣ полученія денегъ занмообразно, мнѣ были переданы на нужды Добр. Арміи совѣтскими деньгами, похищенные у большевиковъ подполковникомъ С—Ъ, 179.711 руб. 17 коп. и Генерального Штаба полковникомъ С—Ъ 25.000 рублей.

Изъ оставшихся неизрасходованными остатковъ — 500.000 руб. возвращено Национальному Центру на покрытие долга (согласно сношенія бюро Национального Центра отъ 31 августа № 273), 25.000 руб. передано Начальнику Киевскаго развѣдывательного пункта капитану О—У (согласно телеграммы полковника Р—О); остальные при семъ представляются.

Кромѣ того за Центромъ остается долгъ въ пользу бюро Национального Центра въ суммѣ 455.000 руб., изъ коихъ 203.000 р. израсходованы на содержаніе организаціи «АЗБУКИ».

Списокъ приложений.

1) Копія рапорта Генерального Штаба подполковника С—ГО о его дѣятельности въ Красной арміи.

2) Копія рапорта Генерального Штаба подполковника П—А.

Генерального Штаба
Полковникъ (подпись)

И. д. Начальника Штаба
Поручикъ (подпись)

---

*) Сумма не указана (Ред.)

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ТАГАНРОГСКАГО ЦЕНТРА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ.

1918 — 1919 Г.Г.

29-30 апрѣля большевики, занимавши Таганрогъ, были изгнаны нѣмцами; почти въ это же время мимо Таганрога прошелъ въ Ростовъ, на присоединеніе къ Добровольческой арміи, отрядъ полковника Дроздовскаго. Живя въ Таганрогѣ, миѣ приходилось быть свидѣтелемъ массового стремленія въ Добровольческую Армію многихъ офицеровъ и солдатъ, жившихъ въ то время въ этомъ городѣ — къ сожалѣнію, почти никто изъ нихъ не имѣлъ средствъ; кроме того германское командование въ этихъ случаяхъ ставило всяческія прелони.

Таганрогъ, какъ извѣстно, является узломъ желѣзно-дорожныхъ путей, черезъ который проѣзжала изъ Украины масса офицеровъ и солдатъ, не имевшихъ служить у гетмана Скоропадского и направлявшихся на Донъ, главнымъ образомъ, въ Ростовъ и Новочеркасскъ — здѣсь они прежде всего сталкивались съ вербовщиками, такъ называемой, Астраханской, а затѣмъ и Южной армій — куда ихъ всячески и уговаривали поступать; свѣдѣнія же о Добровольческой Арміи въ то время были самыя туманныя.

Тогда то у меня и возникла мысль о созданіи политическихъ центровъ, т. е. о созданіи въ большихъ городахъ представителей Добровольческой Арміи, которые вели бы пропаганду, вербовали офицеровъ и солдатъ, направляли ихъ въ Добровольческую Армію; вели бы политическую и военную контрь-развѣдку и т. д.

Съ этой цѣлью, въ первыхъ числахъ мая 1918 года, я съ поручикомъ М. К. А-мъ отправился въ Новочеркасскъ, гдѣ заручился содѣйствиемъ и пропусками — какъ отъ Донскихъ властей, такъ и отъ представителей Добровольческой Арміи и 20 мая добрался до ст. Мечетинской, гдѣ и былъ въ отъ же день принять генераломъ Алексѣевымъ.

Выслушавъ меня очень внимательно, генералъ Алексѣевъ одобрилъ мою мысль о созданіи центровъ и приказалъ притти къ нему на слѣдующій день, осль того какъ онъ переговорить по этому вопросу съ генераломъ Деникинымъ.

На слѣдующее утро въ 10 час. я опять явился къ генералу Алексѣеву, отъ котораго узналъ, что мой проектъ одобренъ и принять и что я назначенъ Начальникомъ Таганрогскаго Центра, районъ котораго простирался отъ города Бердянска черезъ Мариуполь по побережью моря до Таганрога и Таганрогскій округъ включительно.

Получивъ личныя инструкціи отъ генерала Алексѣева по организациі центра и общему веденію дѣла, а также 5.000 рублей на первоначальные расходы, я отправился обратно въ Таганрогъ и принялъся за организацію Центра.

Въ Таганрогъ въ это время уже существовалъ Союзъ Увѣчныхъ Воиновъ — около 200 человѣкъ; я немедленно записался въ число членовъ, привлекъ на свою сторону Правленіе Союза и болѣе видныхъ дѣятелей и этотъ Союзъ принесъ впослѣдствіе много пользы для дѣла Добровольческой Арміи. Правленіе командировало въ мое распоряженіе трехъ членовъ, а именно студента С., прaporщика К., и солдата Р.; тѣмъ не менѣе работа въ этомъ отношеніи была крайне затруднительна, ввиду крайне недоброжелательнаго отношенія къ дѣлу Добровольческой Арміи германскихъ военныхъ властей оккупировавшихъ въ то время городъ.

Пропаганду идей Добровольческой Арміи особенно трудно было вести въ города, такъ какъ крестьяне и вообще населеніе, особенно въ угольномъ районѣ, относились крайне недовѣрчиво ко всякаго рода пропагандѣ. Въ это время при Союзѣ Увѣчныхъ Воиновъ было организовано ссудо-сберегательное кооперативное товарищество, во главѣ правленія котораго стали я и полковникъ С. Естественно, что у насъ возникла мысль использовать это ссудо-сберегательное товарищество въ цѣляхъ пропаганды идей Добровольческой Арміи, для чего въ Таганрогскомъ округѣ, Мариупольскомъ уѣздѣ и прилегающихъ къ Таганрогскому округу мѣстностяхъ Екатеринославской губ. были открыты отдѣленія ссудо-сберегательного товарищества — всего 54 отдѣленія, членами которыхъ были исключительно увѣчные воины — элементъ вполнѣ надежный въ смыслѣ распространенія идей и задачъ Добровольческой Арміи. Эти ячейки объѣзжались моими агентами, которые доставляли туда брошюры, разъясненія, приказы и т. п. изданія, получаемыя множество Особаго Отдѣленія Добровольческой Арміи.

Въ первыхъ числахъ октября были официально утверждены центры и штаты центровъ, при чемъ составъ Таганрогскаго Центра былъ опредѣленъ слѣдующимъ штатомъ:

Начальникъ Центра	I
Начальникъ Штаба Центра.....	1
Адъютантъ	1
Начальникъ контрѣ-развѣдки.....	1
Агенты развѣдки.....	3
Секретные агенты развѣдчики.....	(нѣсколько).

Казначей	1
Дѣлопроизводитель.....	1
Машинистка	1

Средствъ на содержаніе Центра, на контроль-развѣдку и другіе расходы, а также для уплаты жалованья служащимъ, кроме полученныхъ отъ генерала Алексѣева вышеупомянутыхъ 5.000 рублей, я не получалъ. Всѣ расходы были покрываемы изъ пожертвованій отъ лицъ сочувствующихъ Добровольческой Арміи, при чемъ этихъ пожертвованій не только хватало, но еще было сдано въ Штабъ Главнокомандующаго болѣе 120.000 рублей при расформированіи Центра, — когда Таганрогскій округъ и угольный районъ были заняты войсками ген. Май-Маевскаго и нужда въ Центрѣ миновала.

Работа Центра заключалась:

- 1) въ распространеніи идей Добровольческой Арміи,
- 2) въ вербовкѣ офицеровъ и солдатъ,
- 3) въ сборѣ оружія и обмундированія,
- 4) въ сборѣ денежныхъ средствъ и
- 5) въ развѣдкѣ и контроль-развѣдкѣ.

Всѣ отчеты первыхъ дней посыпались секретно и со специальными курьерами, при чемъ всѣ получаемыя отъ генерала Алексѣева инструкціи и приказы, вслѣдствіе его категорического требованія, послѣ прочтенія и ознакомленія съ ними, немедленно скигались.

Во время первыхъ дней власти Донского Правительства и оккупациіи Таганрога нѣмцами работать приходилось въ очень трудныхъ условіяхъ: въ то время, какъ плакаты Астраханской и Южной Армій, съ призывами поступать въ эти арміи, безпрепятственно расклеивались по улицамъ — Добровольческая Армія находилась подъ запретомъ и работать въ этомъ отношеніи приходилось скрыто.

Послѣ признания Донскимъ Атаманомъ генераломъ Красновымъ и гетманомъ Скоропадскимъ единой власти въ лицѣ генерала Деникина, Центры были объявлены офиціально и послѣ этого всѣ сношенія Центра со штабомъ значительно упростились — тѣмъ не менѣе переписку приходилось все же отправлять съ курьерами, а болѣе секретную — зашифровывать.

За время существованія Таганрогскаго Центра было отправлено въ Добровольческую Армію свыше 400 офицеровъ, 3.500 солдатъ, много оружія, обмундированія, болѣе 100.000 медикаментовъ и перевязочныхъ средствъ, и сдано 120.000 рублей наличными деньгами. Кроме того, независимо отъ этого, было отправлено въ полки Дроздовскій, Корниловскій и Марковскій — бѣлье, медикаменты, табакъ и разн. друг. предметы.

Всѣ офицеры и солдаты, прошедшіе черезъ Таганрогскій Центръ, для проѣзда въ Добровольческую Армію, снабжались необходимой суммой

денегъ и, кроме того, суточными; по возможности выдавалось и обмундирование изъ запасовъ Центра, — безъ всякаго расхода для штаба Главнокомандующаго.

Помощь Союза Учёныхъ Воиновъ была настолько значительна, что удостоилась благодарственного письма генерала Алексеева, которое и было использовано въ целяхъ пропаганды.

Работа Центра въ политическомъ отношении заключалась въ установлении связи съ лидерами всѣхъ политическихъ партий и информацией Штаба Арміи, какъ о различныхъ теченияхъ въ этихъ партіяхъ, такъ и отношенииіи ихъ къ дѣлу Добровольческаго движения; особенно трудно было работать среди рабочихъ на заводахъ, где число тайныхъ сотрудниковъ Центра поэтому было очень велико.

Интеллигентная часть населенія Таганрога къ дѣлу Добровольческой Арміи относилась весьма сочувственно.

Политическая информациія посыпалась Особой Части Штаба Главнокомандующаго два раза въ мѣсяцъ.

Генералъ М. И. Штенгель.

16 авг. 1919 г.
г. Ростовъ н-Д.

ПИСЬМО ГЕН. М. АЛЕКСѢЕВА ГЕН. М. ШТЕНГЕЛЮ.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ.
Добровольческая Армія.

Милостивый Государь,
Михаиль Ивановичъ,

Я прошу Васъ принять на себя непосредственное руководство дѣломъ отправки офицеровъ и солдат въ Добровольческую Армію изъ г. Таганрога и прилегающихъ къ нему районовъ. Для этой цѣли Вамъ надлежитъ объединить сочувствующіе нашему дѣлу общественные круги и образовать комитетъ содѣйствія, въ которомъ и принять на себя предсѣдательствованіе.

Я уполномачиваю Васъ на изысканіе денежныхъ средствъ на мѣстѣ, потребныхъ для организации дѣла набора и для отправки добровольцевъ въ Армію и довѣряю Вамъ по этому вопросу, отъ моего имени; обращаться къ лицамъ, сочувствующимъ идеямъ Добровольческой Арміи.

Прошу принять увѣренія въ моемъ къ Вамъ уваженіи и преданности

Мих. Алексѣевъ.

3 июля 1918 года
гор. Новочеркасскъ
№ 80

(М. П.)

УДОСТОВЪРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ТАГАНРОГСКАГО
ЦЕНТРА БАРОНА ШТЕНГЕЛЯ

Главнокомандующій
Добровольческой
Арміей
29 сентября 1918 года
№ 1053
г. Екатеринодаръ

Удостовѣреніе

Предъявитель сего полковникъ баронъ Штенгель является моимъ представителемъ для г. Таганрога съ Таганрогскимъ округомъ, г. г. Бердянска и Мариуполя и прибрежной полосы отъ Таганрога до Мариуполя включительно.

Генералъ-Лейтенантъ Деникинъ.

Начальникъ В.-Политического Отдѣла
(М. П.) Генерального Штаба полковникъ (подпись)

РАПОРТЪ ГЕН. ШТ. ПОДПОЛКОВНИКА Н.
ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ ВЪ Г. КІЕВЪ.

Генерального Штаба
Подполковникъ N.
25 Августа 1919 г.
№ 97.
г. Киевъ.

Копія.
Совершенно секретно.

Представителю Русской Добровольческой Арміи въ г. Киевъ
Генерального Штаба полковнику Б.

РАПОРТЪ.

Согласно преписанія Представителя Добровольческой Арміи въ Киевѣ отъ 25 Іюня (н. стиля) с. г. за № 311, я поступилъ въ красную армію, въ Штабъ группы войскъ *** направленія, где я находился безпрерывно съ 10 іюля по 15 августа (нов. стиля) въ должности Начальника *** Отдѣла и Начальника *** группы. Соответствующая инструкція мною была получена отъ Генерального Штаба подполковника ***.

Въ ночь съ 9 на 10 іюля я прибылъ на ст. Ворожба и ввиду ночного времени рѣшилъ остаться въ залѣ 1 класса до утра. Около 6 часовъ утра ко мнѣ подошелъ членъ мѣстнаго Отдѣла Чрезвычайки съ 4 вооруженными китайцами и заявилъ, что я арестованъ по подозрѣнію въ дезертирствѣ и шпіонажѣ въ пользу Добрарміи. Это обстоятельство меня нѣсколько озадачило, т.к. у меня въ плащѣ было зашито вышеуказанное предписаніе. Предъявленные мною документы, выданные мнѣ распоряженіемъ Наркомвоенъ, показались члену чрезвычайки подложными и онъ приказалъ китайцамъ отвести меня и подполковника *** въ вагонъ для обыска съ ногъ до головы, какъ онъ выражался. Всѣ мои просьбы отпустить меня въ Штабъ группы для проверки документовъ не привели ни къ чему. Китайцы уже приступили къ распределенію между собою моихъ вещей. Въ это время къ намъ подошелъ Начальникъ команды китайцевъ, бывшій прaporщикъ, и вновь осмотрѣлъ наши вещи и документы, которые были за подписью 1-го Помощника Начштаба Наркомвоенъ ШАПОШНИКОВА и за печатью Штаба Наркомвоенъ. Послѣ долгихъ переговоровъ и угрозъ, наконецъ, меня и подполковника *** отправили въ

Штабъ группы подъ конвоемъ 8 вооруженныхъ китайцевъ. Бр. и. д. Начштаба группы полковникъ ГРИГОРЬЕВЪ, бывшій сотрудникъ Харьковскаго Окруженкома, и Политкомъ Штаба, рабочій ВАСИЛЬЧЕНКО, провѣривъ наши документы, немедленно нась освободили. Въ тотъ же день Командующій группой назначилъ меня Начальникомъ *** Отдѣла ***, а черезъ 2 дня я быль назначенъ Начальникомъ Штаба ***.

Къ 10 Іюля эта группа состояла изъ 3-хъ пѣх. бригадъ (1-ой, 2 и 3), отряда матросовъ, одной кавал. бригады и 11 батарей, всего около 7.500 штыковъ, 350 сабель и 36 орудій. Кромѣ того, къ группѣ приданы были еще 2 бронепоѣзда: «Молнія» и «Воля», изъ коихъ первый работалъ—на линіи ст. Смородино — г. Богодуховъ, второй—ст. Готня — ст. Одноробовка. Духъ войскъ быль удовлетворительный съ точки зрењія совѣтской власти.

Группа имѣла задачей активно оборонять участокъ отъ с. Мурафа, черезъ Богодуховъ до м. Борисовка, всего протяженіемъ около 90 верстъ. Вся группа была раздѣлена на 2 боевыхъ участка: правый товарища ПАРХОМЕНКО (бывшій слесарь) въ составѣ 2 и 1 бриг. и лѣвый товарища САВЛИНА, въ составѣ 3 бригады. Конная бригада работала въ районѣ праваго боевого участка, но подчиниться ПАРХОМЕНКО отказалась.

Командующимъ группой состоялъ***, окончившій ускоренные академіческие курсы въ 1917 году. Начальникомъ Оперативнаго Отдѣленія состояли сначала штабсъ-капитанъ ***, сочувствующій коммунистической партії, а затѣмъ Генерального Штаба подполковникъ ***, первый быль мною назначенъ Помощникомъ Начальника ***. Вся власть въ Штабѣ группы принадлежала Реввоенсовѣту въ составѣ МОЛКАЧАНОВА, РУХИМОВИЧА, ИВАНОВА и АРТЕМА. Политотдѣль Штаба, состоявшій исключительно изъ евреевъ, оказывалъ нѣкоторое вліяніе на работу Штаба, благодаря шпіонажу и наблюденію за всѣми служащими Штаба — особенно за кадровыми офицерами. Кромѣ того работа отвѣтственныхъ работниковъ контролировалась Политкомами изъ матросовъ, солдатъ и рабочихъ. При Штабѣ состоялъ, но ни кому не подчинялся, Особый Отдѣль, который вѣдалъ контроль-развѣдкой и агентурной развѣдкой. Агенты посыпались также и для поднятія восстанія въ тылу Добрармії и въ районѣ Харькова, Чугуева, Змієва, Екатеринослава и Донецкаго бассейна. Агенты снабжаются фальшивыми паспортами и удостовѣреніями, которыя отпечатываются на кускѣ холста и зашиваются въ одежду или сапоги.

Отсутствіе у меня связи съ командованіемъ Добрармії сильно затрудняло мою работу, заставляя иногда работать наугадъ, или же добывать нужные свѣдѣнія при помощи органовъ развѣдки Штаба Группы. Ввиду этого, моя задача заключалась не въ освѣдомленіи, а въ непосредственномъ содѣствіи побѣдамъ Добрармії на *** направлениі, а также въ разстройствѣ и деморализації всей Группы.

Для того, чтобы наилучшимъ образомъ выполнить возложенную на меня задачу, я, въ первые же дни пребыванія въ Штабѣ, добился того, что-бы всѣ безъ исключенія входящія бумаги оперативнаго и развѣдательнаго характера поступали непосредственно ко мнѣ и чтобы всѣ политработники за всякими справками и объясненіями обращались исключительно ко мнѣ. Это обстоятельство давало мнѣ возможность подкладывать Командующему только тѣ бумаги, которая я считалъ нужнымъ, и уничтожать или скрывать тѣ, которые, въ интересахъ Добрарміи, не должны быть извѣстны никому, кроме меня. Результаты этой работы быстро сказались: въ теченіе мѣсяца Командующимъ группой былъ отданъ рядъ нецѣлесообразныхъ распоряженій и 6 боевыхъ приказовъ о переходѣ въ наступленіе, съ цѣлью овладѣнія Харьковомъ или для возстановленія положенія послѣ неудачи, но т. к. всѣ эти распоряженія и приказы не соотвѣтствовали обстановкѣ, то естественно ни одинъ изъ этихъ приказовъ не былъ выполненъ войсками, а всѣ попытки перейти къ активнымъ дѣйствіямъ въ самомъ началѣ кончались пораженіемъ. Чѣмъ нецѣлесообразнѣе былъ приказъ, тѣмъ энергичнѣе онъ проводился мною въ жизнь путемъ разговоровъ по прямому проводу съ Начальниками боевыхъ участковъ. Все это на практикѣ сводилось къ разстройству частей и подставленію ихъ подъ удары противника по частямъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ для характеристики работы Штаба группы подъ моимъ руководствомъ, въ періодъ боевъ съ 10 Іюля по 15 Августа включительно.

Прибывъ въ Штабъ группы, я прежде всего, съ разрѣшенія Командуюшаго, направилъ всѣ резервы съ *** направлениія, какъ наиболѣе важнаго, на второстепенные боевые участки, съ цѣлью, якобы, заполненія прорывовъ между частями.

Лихимъ ударомъ Добровольцы овладѣли Богодуховыми и прорвали затѣмъ фронтъ группы въ направлениі на Кириковку. Началось беспорядочное отступленіе красныхъ къ линіи р. Ворсклы. Однѣ части сразу отошли на линію Ворсклы, другія остановились въ полѣ пути, а третіи переходили въ наступленіе, что привело къ ряду отдельныхъ боевъ при крайне невыгодной для красныхъ обстановкѣ. Такой беспорядокъ на фронтѣ мнѣ удалось поддерживать въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Группа войскъ *** направлениія за періодъ, такъ называемой, *** операции понесла потери убитыми, ранеными и плѣнными и безъ вѣсти пропавшими болѣе 2.500 человѣкъ. Вскорѣ послѣ взятія Богодухова, добровольцы заняли и Краснокутскъ, благодаря чему надолго связь между *** группой и лѣвымъ флангомъ *** группы была нарушенa. Въ интересахъ Добрарміи мною не было принято никакихъ мѣръ для устраненія этого опаснаго положенія, что и было учтено и использовано командованіемъ Добрарміи при разгромѣ лѣваго фланга *** группы красныхъ наканунѣ занятія Полтавы,

Одновременно съ отходомъ главныхъ силъ группы на линію Ворсклы, отъ Начальниковъ боевыхъ участковъ начали поступать донесенія о большихъ потеряхъ, обѣ увеличеніи числа дезертировъ, о разстройствѣ частей, о потерѣ связи со своими подчиненными частями и съ сосѣдями и просьбы о присылкѣ пополненія, винтовокъ, обуви и обмундированія, также о смынѣ нѣкоторыхъ частей для приведенія ихъ въ порядокъ. Наиболѣе важныя изъ этихъ донесеній мною были скрыты отъ Командующаго и послѣдній, не зная обстановки и состоянія частей, отдалъ строгій приказъ о переходѣ въ общее наступленіе для возстановленія положенія и для овладѣнія Харьковомъ. Членами Реввоенсовѣта этотъ приказъ былъ встрѣченъ восторженно. Такимъ образомъ создалась удобная обстановка для разстройства и деморализаціи частей. Весь *** Отдѣль подъ моимъ руководствомъ приступилъ къ энергичному проведенію въ жизнь этого приказа. Однѣ части выдвигались впередъ, въ то время когда другія части, не успѣвшія еще получить приказа, продолжали отходить къ Ворсклѣ или оставались на мѣстѣ, поэтому всѣ наступательныя попытки неизмѣнно кончались пораженіемъ. Дезертирство увеличилось.

Такое безцѣльное, бессистемное и бесплодное передвиженіе частей продолжалось нѣсколько дней. На фронтъ былъ командированъ членъ Реввоенсовѣта РУХИМОВИЧЪ для выясненія причинъ неудачъ на мѣстѣ. По просьбѣ РУХИМОВИЧА Командующій отмѣнилъ приказъ о наступленіи. Части перешли къ оборонѣ и приступили къ укрѣплению позиціи по р. Ворсклѣ.

Цѣль моя была достигнута: въ то время когда шли упорные бои за овладѣніе Полтавой, *** группа, вслѣдствіе разстройства и дезорганизаціи, вынуждена была бездѣйствовать.

Штабъ группы приступилъ къ переформированію всей *** группы въ 41-ю стр. дивизію, согласно приказа Командарма 14. Приказано было дивизію сформировать въ составѣ одной кавал. бригады (два полка) и 3-хъ стр. бригадъ по три полка, съ нумераціей полковъ 361-369, а всю артиллерию переформировать въ 3 дивизіона. Вскорѣ этотъ приказъ былъ отмѣненъ, но затѣмъ вновь былъ подтвержденъ къ исполненію. Къ 15 августа эта группа находилась еще въ стадіи переформированія. Одновременно съ переформированіемъ шло и пополненіе частей группы. Эшелоны мобилизованныхъ прибывали на ст. Ворожба подъ сильнымъ конвоемъ вооруженныхъ коммунистовъ и политработниковъ. Несмотря на это разбѣжавшихся оказалось 100-300 человѣкъ на тысячу. Настроеніе красноармейцевъ подавленное, полу-паническое, отношеніе къ войнѣ—отрицательное. Въ виду этого, а также, въ виду недостатка въ частяхъ оружія, я старался эшелоны направлять непосредственно въ части боевой линіи съ цѣлью распространенія паники и деморализаціи войскъ. Нѣкоторые эшелоны направлялись въ запасные ба-

татлоны въ Бѣлополье и въ Глуховъ. Всего было получено около 18.000 дополненія безоружныхъ и около 4.000 винтовокъ.

Тѣмъ временемъ части Добрарміи успѣли захватить Полтаву и продолжали развивать свой успѣхъ въ направлениі на Ромоданы.

Путемъ агентурной и войсковой разведки мнѣ удалось выяснить, что Добровольцы готовятся къ наступленію противъ *** группы и что первый ударъ послѣдуетъ въ направлениі на ст. Готню, но всѣ эти свѣдѣнія я скрывалъ отъ всѣхъ и стала доказывать, что послѣ занятія Полтавы Добровольцы предпримутъ наступленіе отъ Полтавы на сѣверъ, съ цѣлью захвата Сумъ обходомъ съ запада.

Мои доводы возымѣли свое цѣйствіе: вниманіе Штаба было приковано къ правому флангу, резервъ праваго боевого участка былъ сосредоточенъ въ районѣ ст. Смородино, резервъ Командующаго — Бѣлопольскій полкъ — (бывшій запасный баталіонъ) оставленъ былъ въ Бѣлопольѣ.

Во исполненіе приказа Командарма 14, былъ отданъ приказъ о переходѣ въ общее наступленіе, съ цѣлью помочь *** группѣ выбить Добровольцевъ изъ Полтавы; во исполненіе этого приказа 2-ая бригада выдвинулась на линію Лопуховатый-Пархомовка-Борскла, не встрѣтивъ сопротивленія. Дальнѣйшаго развитія наступленіе не получило.

Согласно приказу Командующаго, *** группѣ надлежало протянуть свой лѣвый флангъ до Ракова, смѣнивъ здѣсь Грайворонскій полкъ *** группы, но т.к. этотъ полкъ въ боевомъ отношеніи былъ значительно слабѣе полковъ З-ей бригады этой группы и, имѣя въ виду наступленіе Добровольцевъ на Готню со стороны Тамароки, приказъ о смѣнѣ такъ и не былъ проведенъ мною въ жизнь.

Къ началу операциії Сумы — ст. Готня Сумская группа насчитывала до 11.000 штыковъ, 43 орудія, 700 сабель и 2 бронепоѣзда.

Операциія началась съ переходомъ добровольцевъ въ наступленіе противъ Грайворонскаго полка. Послѣдній какъ я и предполагалъ, не выдержалъ натиска и отошелъ на линію — Бѣлая Пѣна, обнаживъ лѣвый флангъ Сумской группы. Послѣ этого З-я бригада Сумской группы, будучи атакована съ фронта и съ фланга, также съ большими потерями отошла на линію Илекъ на участкѣ Вязовое-Вишневое. Между правымъ и лѣвымъ боевыми участками образовался прорывъ около 25 верстъ. Этимъ воспользовались Добровольцы и заняли Грайворонскъ, послѣ этого матросы изъ Б. Писаревки отошли на Славгородокъ, обнаживъ лѣвый флангъ праваго боевого участка.

Для заполненія прорыва между правымъ и лѣвымъ боевыми участками и для прикрытия подступовъ къ г. Сумы, со стороны ст. Готня была спѣшно сформирована 4 бригада тов. ШАТАЛОВА, въ составѣ Бѣлопольскаго (резервъ Командующаго) и Лебединскаго (изъ 1-ой бригады) полковъ съ приказаниемъ занять позицію въ районѣ с. Краснополье. Въ указанный районъ

прибылъ только Бѣлопольскій полкъ, а о Лебединскомъ полку въ Штабъ свѣдѣній не имѣлось.

Командующій группой, не ожидая прибытія Лебединского полка, отдалъ приказъ о переходѣ въ общее наступленіе «для восстановленія положенія». Представился удобный случай подвергнуть Бѣлопольскій полкъ (послѣдній резервъ Командующаго) отдѣльному пораженію и тѣмъ лишить Командующаго возможности повліять на дальнѣйшій ходъ боя, а также открыть путь на Сумы, къ выполненію чего и приступилъ. Прежде всего приказалъ командиру 4 бригады немедленно перейти въ наступленіе и занять ст. Готня. Сосѣди, 3 и 1 бригады, не будучи своевременно поставлены въ извѣстность о наступленіи 4-ой бригады, продолжали оставаться на мѣстѣ. Благодаря этому Бѣлопольскій полкъ, не доходя до ст. Харитоненко, былъ Добровольцами разгромленъ; остатки полка, всего 3 роты, начали отходить черезъ Краснополье на Сумы. Затѣмъ 367 полкъ (3 бригада) на приказаніе перейти въ наступленіе отвѣтилъ: «пришли немедленно обмундированіе и сапоги, въ противномъ случаѣ мы перестрѣляемъ командный составъ и перейдемъ на сторону бѣлыхъ».

Одновременно съ наступленіемъ со стороны Готни дбровольцы повели наступленіе и вдоль жел. дороги Кириковка-Смородино. Послѣ занятія Добровольцами Ахтырки и Смородина, весь правый флангъ группы началъ въ беспорядкѣ отходить на Сумы, причемъ 2 бригада было отброшена отъ жел. дороги на Лебединъ. Командующій вновь отдалъ приказъ о переходѣ въ наступленіе «для восстановленія положенія».

Несмотря на этотъ приказъ части продолжали отходить на сѣверъ, о чёмъ не было сообщено командиру 1 бригады 57 дивизіи, который занималъ м. Зеньковъ. Неожиданный отходъ Сумской группы поставилъ въ критическое положеніе всю 1 бригаду 57 дивизіи.

Достигнувъ линіи Сумы — ст. Пселъ, Сумская группа, за исключеніемъ небольшихъ отрядовъ коммунистовъ, была настолько разстроена и деморализована, что совершенно не была въ состояніе оказывать сопротивленіе противнику. Сумы были сданы почти безъ выстрѣла.

Къ утру 15 августа (н.стиля) отступающія части достигли ст. Ворожба, а раззѣзы противника появились въ районѣ ст. Виры.

Узнавъ отъ политкома штаба, ПРОСВІРИНА, что Реввоенсовѣтъ рѣшилъ назначить комиссию для разслѣдованія крупныхъ неудач на фронтѣ и для выясненія обстоятельствъ сдачи Сумъ, я немедленно уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и скрывался до занятія города частями Добрармії.

Въ общемъ, состоя на службѣ въ Совѣтскомъ Генеральномъ Штабѣ съ 23 марта по 16 августа (н. стиля) сего 1919 года, я непрерывно выполнялъ заданія Кіевскаго Центра Русской Добровольческой Арміи, а именно: съ 28

марта по 10 іюля работалъ въ Киевскомъ Губвоенкомѣ, въ качествѣ помощника Генерального Штаба подполковника *** по дезорганизаціи формированія войсковыхъ частей, а съ 10 іюля по 15 августа выполнялъ заданія, согласно вышепизложеннго.

Подпись: Генерального Штаба подполковникъ
(подпись)

Съ подлиннымъ вѣрно:

И. д. Начальника Штаба,

Поручикъ (подпись)

РАПОРТЬ СОСТОЯЩАГО ВЪ ШТАБЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
ВЕРХОВНАГО КОМАНДОВАНІЯ ДОБРАРМІИ ГЕН. ШТ. ПОДПОЛ-
КОВНИКА С-ГО ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ВЕРХОВНАГО КОМАНДОВАНІЯ
ВЪ КІЕВЪ.

Состоящій
въ Штабѣ Представителя
Верховнаго Командованія
Добарміи
Генштаба подполковникъ С—Й.
29 августа 1919 года.
№ 5.
гор. Кіевъ.

Секретно.

Представителю Верховнаго Ко-
мандованія Добарміи полков-
нику Б.

Съ окончаніемъ демобилизації Русской Арміи, т.е. съ 16-го марта 1918
года по 15-е февраля 1919 года, я нигдѣ не служилъ и отъ всѣхъ мобилизацій
Гетмана и Петлюры скрывался. Въ декабрѣ 1918 года я, около недѣли, былъ
въ Штабѣ Добровольческой дружины генерала К.

Съ приходомъ большевиковъ я получилъ въ 15 числахъ февраля 1919 года
предложеніе отъ Представителя Верховнаго Командованія Добарміи пол-
ковника Е., переданное черезъ полковника С., поступить въ одинъ изъ
штабовъ большевиковъ для информацій Добарміи.

Принявъ это предложеніе, я, въ первыхъ числахъ марта мѣсяца, посту-
пиль въ Кіевскій ***, въ мобилизаціонный отдѣль, вѣдавшій также и опера-
тивными дѣлами. Конечно, *** не могъ дать всѣхъ свѣдѣній, нужныхъ Центру,
но это была первая необходимая ступень службы. Бывая во всѣхъ штабахъ
Кіева, я получалъ все-таки много цѣнныхъ свѣдѣній, передаваемыхъ не-
медленно Центру черезъ полковника С. Черезъ мѣсяцъ службы я понялъ,
что работа въ пользу Добарміи можетъ вестись двумя путями — путемъ
информацій и путемъ разрушений всѣхъ важнѣйшихъ отраслей военнаго
дѣла Красной Арміи.

Мой планъ былъ одобренъ полковникомъ С., и я началъ работу.
Имѣя въ своихъ рукахъ дѣло мобилизаціи и формированій Красной Арміи,
я сразу же повелъ дѣло такъ, что ни одно формированіе не могло пройти,
а мобилизация, объявляемая въ самые неподходящіе моменты, не давала
никакого результата. Формируемыхъ 4 и 5 укр. дивизіи, а также всѣ вспомо-

гательные части и местные такъ и остались на первой стадии развитія. Приказы же о мобилизациі пришлось все время отменять.

Въ оперативномъ отношеніи, для облегченія положенія Добармії, было положено въ основу не дать ни одного штыка въ Донецкій бассейнъ, а для этого теоретически составлялись многочисленные доклады объ угрожающемъ положеніи внутренняго фронта.

Доклады эти рассматривались въ Совнаркомѣ и возымѣли свое дѣйствіе — Москвѣ постоянно отвѣчали, что помочи оказать нечѣмъ. Дѣйствительно, внутреннія восстанія потребовали массы средствъ и войскъ. Недоформированыя части бросались одна за другой на внутренній фронтъ и окончательно гибли. Для отвлеченія лучшихъ силъ былъ разработанъ докладъ сформированія полковъ ОСОБАГО НАЗНАЧЕНІЯ. Въ полки эти были взяты лучшіе кадры и средства полевыхъ формированій, а это окончательно нарушило весь планъ спѣшныхъ формированій.

Въ итогѣ, къ концу апрѣля, на Донской фронтъ почти ничего не было отправлено, мобилизация дала плачевые результаты, внутренній фронтъ удерживалъ до 32.000 войскъ, а восстанія, разжигаемыя необдуманными приказами и декретами — все разрастались.

Однако, къ концу апрѣля, я рѣшилъ перейти въ большій Штабъ, что и удалось сдѣлать — я занялъ должность Помощника Начальника Отдѣла ***. Синскавъ полное довѣріе, я съ первыхъ же дней взялъ въ свои руки всѣ формированія Украины. Въ оперативномъ отношеніи я составлялъ только доклады объ угрозѣ развивающейся анархіи внутренняго фронта. Большинство служившихъ въ Наркомвоенъ офицеровъ Генштаба поддерживали выскакываемыя мною предположенія. — Самъ же ПОДВОЙСКІЙ всесильно подчинался нашему вліянію.

Программа работы по своему масштабу нѣсколько расширилась, информацій получалось очень много, особенно о политическихъ событияхъ и переброскѣ войскъ.

Программа работы была такова:

- а) Сборъ всѣхъ цѣнныхъ свѣдѣній для Центра.
- б) Извлеченіе всѣхъ цѣнныхъ документовъ.
- в) Полученіе дислокаций и боевыхъ расписаній.
- г) Разрушение вновь создавшейся Украинской Арміи.
- д) Работа по обостренію отношеній Укрфронтъ и Наркомвоенъ.
- е) Разжиганіе угрозы внутренней смуты и мятежей, систематическое запугивание.
- ж) Оттягивание всѣхъ лучшихъ силъ на внутренній фронтъ.
- з) Борьба всѣми силами съ посылкой подкрепленій на Донецкій фронтъ.

Въ теченіе всего мая и юня работа шла строго по программѣ безъ всякихъ помѣхъ.

Сборъ информацій даваль хороши результаты. Удалось познакомиться съ важными секретными документами Совѣта Обороны и особенно секретной перепиской между Россійскимъ и Украинскимъ Совнаркомами. Дислокациіи и боевыя расписанія получались Центромъ два-три раза. Что касается разрушенія Арміи, то работа эта дала блестящіе результаты. ПОДВОЙСКІЙ, попавшій всесѣло подъ вліяніе моихъ проектовъ, одобрилъ рядъ такихъ неосуществимыхъ формированій, переварить которыхъ Украина не могла бы и въ нѣсколько лѣтъ. Создавалось сразу 6 дивизій, отдѣльныя бригады, мѣстная формированія, всего общимъ числомъ на 280.000 штыковъ, 85.000 лошадей и массы вспомогательныхъ частей.

Планы мѣнялись чуть ли не ежедневно. Все это окончательно дезорганизовало всѣ формированія.

Въ лучшіе моменты вся Украинская Армія, формируемая Наркомвоенъ, давала такія цифры: 42.000 штыковъ, 2.200 лошадей. Некомплектъ былъ колоссаленъ. Офиціальные отчеты были совершенно другіе — тамъ цифры были до 100.000 штыковъ, 10.000 лошадей (все дутыя цифры).

На почвѣ формированій возникла цѣлая переписка упрековъ между Комфронтъ АНТОНОВЫМЪ и Наркомвоенъ ПОДВОЙСКИМЪ. Переписка и отвѣты составлялись мною. Отвѣты АНТОНОВУ настолько обострили отношенія, что вмѣшался Центръ Московскій и въ результатѣ получилась отставка АНТОНОВА. Одновременно разжигался вопросъ о внутреннемъ фронте. «Бумажные» мятежи потребовали до 45.000 войскъ. А между тѣмъ ТРОЦКІЙ категорически требовалъ подкрѣплений на Донецкій фронтъ. Отписки, отговорки затягивали до бесконечности посылку подкрѣплений и только въ срединѣ юня рѣшено было послать 5 укр. дивизію; но здѣсь вновь удалось оттянуть одну бригаду на внутренній фронтъ, чѣмъ тормозилась вся переброска.

Дивизія, составленная изъ сырого матеріала, брошенная по частямъ въ бой въ районѣ ЛУГАНСКА, погибла, остатки ея были переброшены въ районъ КИРСАНОВА-РТИЩЕВО.

Такимъ образомъ, къ концу юня въ итогѣ работа дала хорошие результаты:

Были получены важнѣйшія свѣдѣнія, доставлены важнѣйшіе документы, дезорганизовано все формированіе Красной Аріи, оттянуто на внутренній фронтъ до 45.000 солдатъ. Донецкому фронту послано вмѣсто обѣщанныхъ 3-хъ дивизій, т.е. около 100.000 солдатъ, всего лишь 8-10.000 солдатъ, да и тѣ по частямъ разбивались.

Въ концѣ юня состоялась поѣздка ПОДВОЙСКАГО по всему фронту. Въ поѣздкѣ сопровождали ПОДВОЙСКАГО изъ Генштаба ***. Экзальтированный ПОДВОЙСКІЙ всесѣло поддался вліянію ***; путемъ предъяв-

ленія фантастическихъ плановъ и проектовъ удалось уговорить его принять на себя командование отдельными участками фронта, на что ПОДВОЙСКІЙ согласился. Успѣхи Добрарміи требовали недопущенія Петлюры къ Киеву. ПОДВОЙСКІЙ согласился съ мнѣніемъ, что самый опасный врагъ — это ПЕТЛЮРА, поэтому нужно было сосредоточить противъ него на Западной границѣ Украины значительныя силы. Въ началѣ іюля въ районѣ ПРОСКУРОВЪ—ЖМЕРИНКА—ВАПНЯРКА сосредоточено было до 30.000 солдатъ и сюда направлялись всѣ силы въ ущербъ Донецкому фронту. Это создало цѣлый конфликтъ между ЛЕНИНЫМЪ—ТРОЦКИМЪ, съ одной стороны, и ПОДВОЙСКИМЪ, съ другой. Нежеланіе дать помошь Красной Арміи Южнаго фронта ставило ПОДВОЙСКАГО на степень контръ-революціонера и измѣнника. Потребована была отставка ПОДВОЙСКАГО, а изъ Москвы послали на Украину ДЗЕВАЛТОВСКАГО.

По 20-е іюля ПОДВОЙСКІЙ оставался въ роли руководителя внутреннимъ фронтомъ. Своими беззлаберными дезорганизующими распоряженіями ПОДВОЙСКІЙ подготавлялъ крахъ фронта, чѣмъ и оказывалась помощь Добрарміи. Къ концу іюля ПОДВОЙСКІЙ ушелъ, а я попросился въ Штабъ Командующаго Войсками Киевскаго района ПАВЛОВА. ПАВЛОВЪ—тиль Подвойскаго, но еще болѣе беззлаберный, попалъ подъ вліяніе ***, и я продолжаль свою работу по указанной программѣ. Вмѣсто умиротворенія страны получился общій пожаръ возстаній. Внутренній фронтъ требовалъ напряженія всѣхъ средствъ и силь. Со взятиемъ Добровольческой Арміей Екатеринослава необходимо было возможно дальше отвести войска отъ Днѣпра къ западу. Намѣчавшаяся же изоляція Одесского Округа съ его войсками требовала удержанія тамъ войска для ихъ окруженія. Отъ Днѣпра были оттянуты почти всѣ силы, а для сего былъ выпущенъ даже ЗЕЛЕНЫЙ изъ района ТРИПОЛЬЯ въ районъ УМАНИ. Создавались, такимъ образомъ, ворота вдоль Днѣпра. Одесскому же округу по моимъ докладамъ не угрожала никакая опасность. Этому повѣрили и почти 2½ дивизіи остались отрѣзанными. Съ паденiemъ ПОЛТАВЫ и приближенiemъ Добровольческой Арміи къ Киеву обозначилась вся угроза Украинѣ, поэтому рѣшено было всю борьбу на внутреннемъ фронтѣ поручить знаменитому «дезорганизатору» и «сдатчику городовъ» ВОРОШИЛОВУ. ВОРОШИЛОВЪ предложилъ мнѣ должность Нач. *** фронта, на что я согласился. Созданіе лишняго (10-го) штаба потребовало почти недѣли, а между тѣмъ работа на фронѣ стояла. Гибли цѣлые части, безъ управлениія, связи и помощи. Фронтъ таялъ, солдаты бѣжали. Истинное положеніе было безнадежное.

Тогда приказомъ ТРОЦКАГО для спасенія Украины былъ назначенъ ПЕТЕРСЪ, который раздѣлилъ свою власть совмѣстно съ ЛАЦИСОМЪ и ВОРОШИЛОВЫМЪ. Былъ вновь организованъ Штабъ Военнаго Совѣта, который долженъ былъ координировать всю работу 12 армій и внутріфронтова-

ПЕТЕРСЬ имъль въ Киевскомъ районѣ до 24.000 солдатъ. Ему былъ данъ категорический приказъ ЛЕНИНА «продержаться пару дней въ Киевѣ и Киевъ будетъ спасенъ». Эта задача вполнѣ совпала съ задачей моей — удержать въ Киевскомъ районѣ побольше войскъ до ихъ полнаго окружения. Поэтому на всѣ категорические вопросы РАКОВСКАГО и «тройки» я отвѣчалъ, что Киевъ не будетъ сданъ, да и взять его съ такимъ колоссальнымъ гарнизономъ врядъ ли удастся. Кроме сего, я высказалъ пожеланія, что бы правительство оставалось до послѣдней крайности въ Киевѣ.

Создавалась возможность полнаго окружения арміи и правительства. Для облегченія же захвата жел. дор. КІЕВЪ—ДАРНИЦА и шоссе КІЕВЪ—БРОВАРЫ Добровольческой Арміей, я настоялъ на томъ, чтобы лучшія части Красной Арміи были переброшены на правый берегъ Днѣпра противъ ПЕТЛЮРЫ. Интернаціональная бригада и курсанты были брошены къ ВАСИЛЬКОВУ. Вдоль шоссе КІЕВЪ—ЖИТОМИРЪ на МАКАРОВЪ былъ посланъ 1-й Крѣпостной Пензенскій полкъ (до 2.000 штыковъ). Въ районѣ СВЯТОШИНО оставалась 2-ая пластунская бригада, какъ резервъ. На лѣвомъ берегу оставался полкъ курсантовъ и остатки 60 дивизіи. Въ резервѣ въ Киевѣ оставались еще Крѣп. бригада и резервная, всего до 8.000 штык. Изъ этой цифры до половины я оттянулъ въ резервъ, на правый берегъ Днѣпра, въ районѣ СВЯТОШИНО—ПОСТЬ ВОЛЫНСКІЙ.

Такимъ образомъ создавалась благопріятная обстановка для Добр. Арміи. Однако бои въ теченіе 16-19 августа не дали ожидаемаго результата — Киевъ не былъ еще отрѣзанъ. Резервы были израсходованы до послѣдняго человѣка. 19-е августа должно было рѣшить участъ Киева. Состоялось до 4-хъ засѣданій, гдѣ дебатировались вопросы сдачи или удержанія Киева. Я высказывался не сдавать города, ожидая окруженія, но его не послѣдовало. Между тѣмъ лучшія части въ паникѣ поспѣшно отходили черезъ Киевъ и на мосты. Въ городѣ тоже росла паника. Поэтому «тройка» рѣшила оставить городъ и отходить на линію ГОМЕЛЬ—ЧЕРНИГОВЪ тремя группами: отъ КОРОСТЕНЯ на МОЗЫРЬ (44 — 1 укр. дивиз.), вдоль праваго берега группы ПАВЛОВА, и вдоль лѣваго берега — группа МИРОНОВА. Связи съ частями не было, всѣ дѣйствовали по своему, поэтому и получилась такая паника. 24.000-й арміи не существовало; люди, не исполняя приказа, бросились на мосты и стихійно переправились на тотъ берегъ, дабы дальше прорваться на ЧЕРНИГОВЪ. Мосты приказано было взорвать, но мнѣ удалось такъ воздѣйствовать на подрывниковъ, что они ушли домой и моста не взорвали. Такимъ образомъ, Киевъ сдавался Д. Арміи и Петлюрѣ. На одновременное занятіе КІЕВА двумя претендентами большевики расчитывали, какъ на средство «пересорить» генерала ДЕНИКИНА и ПЕТЛЮРУ.

Завѣтная мечта занятіе КІЕВА Добровольческой Арміей стала реаль-

нымъ вопросомъ, и Армія была у города. Такимъ образомъ программа до конца была использована и выполнена.

Вотъ моя полугодовая работа на пользу Добровольческой Арміи. Тяжелая условия, постоянный шпіонажъ, разстрѣлы, преслѣдованія, троекратная открытия организаціи все это было тормозомъ для болѣе интенсивной дѣятельности.

Въ дѣлѣ информаціи и разрушенія фронта на *** направленія я обязанъ агенту Центра Генштаба подполковнику П.

Въ общемъ дѣлѣ очень сочувственно относились Генштаба подполковники: (приведены фамиліи четырехъ офицеровъ), капитанъ *** и бывшіе офицеры (приведены фамиліи трехъ офицеровъ) *** и *** очень много помогли въ дѣлѣ оттягиванія силь на внутрій фронтъ. Они же окончательно разрушили фронтъ въ районѣ Поста Волынского. Съ ними захвачено болѣе 100.000 рублей денегъ, каковыя сданы контроль-развѣдкѣ и въ Штабъ.

Подпись: Генштаба подполковникъ С-Й.

И. д. Начальника Штаба,
Поручикъ /подпись/.

ГЛАВНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕУДАЧЪ БѢЛАГО ДВИЖЕНИЯ НА ЮГЪ РОССИИ*).

Статья «Главные причины неудачъ бѣлого движения на Югѣ Россіи» принадлежитъ перу извѣстнаго военнаго писателя генерала П. И. Залѣсскаго, который всю свою жизнь, всѣми законными и доступными способами (лекціями, бесѣдами, литературными трудами и т. п.), боролся съ недугами старой Русской Арміи, зовя ее и Родину къ наущеннымъ и неотложнымъ реформамъ.

Прямолинейный въ своихъ докладахъ, чуждый какихъ бы то ни было компромиссовъ, искренно болѣюшій душой при видѣ недостатковъ родной арміи и безпощадно рѣзкій въ отношеніи бюрократическихъ военныхъ верховъ — онъ въ своихъ статьяхъ проводилъ мысль: «Великой Россіи — Великая Армія».

Въ тѣ поры, можетъ быть и позднѣхъ, но все же искреннѣхъ стремленій общества къ увеличенію мощи Россіи и Арміи, генераль Залѣсскій являлся для многихъ изданій желательнымъ сотрудникомъ и, одно время, писалъ въ трехъ газетахъ и пяти журналахъ. Его многочисленныя статьи о коннicyѣ вызвали правдивый и искренній откликъ генерала Самсонова: «это не только наущная нужды коннicyї, но и всей Русской Арміи!»

Его же статьи, напечатанные въ цѣломъ рядѣ номеровъ «Военнаго Голоса» 1906 г. — «Насущная нужды нашей Арміи въ связи съ интересами Русского Народа» — послужили настольнымъ руководствомъ Военной комиссии 1-й Государственной Думы въ ея работахъ.

Нижеслѣдующіе труды принадлежатъ перу генерала П. И. Залѣсскаго:

- 1) «Насущная нужды нашей коннicyї» изд. Березковскаго 1908 г.
- 2) «Главнѣйшіе виды дѣятельности коннicyї» изд. Березковскаго 1909 г.
- 3) «Организація, обученіе и служба коннicyї» изд. 1899 г.
- 4) «Коннicyа передъ данными современной войны» 1904 г.
- 5) «Подготовка команднаго состава» сборникъ Рябушинскаго «Великая Россія»
- 6) «Коннicyа» 1906 г.
- 7) «Насущная нужды нашей Арміи въ связи съ интересами Русского Народа»
- 8) «Воамедіе» (печатается)

и т. д.

Труды генерала Залѣсскаго не могли пройти незамѣченными и за-границей, и много его статей можно найти въ разныхъ иностранныхъ журналахъ.

Вокругъ вопросовъ, затрагиваемыхъ имъ, всегда создавалась оживленная полемика, не всегда пріятная для мертвыхъ бюрократическихъ военныхъ верховъ, что создало ему славу «безпокойнаго» и не разъ отражалось на его служебной дѣятельности.

Въ дни освободительного движения, будучи генераль-губернаторомъ Харькова (при гетманѣ Скоропадскомъ), онъ, съ присущей ему прямолинейностью, твердо вѣрь «русскую линію», не считаясь ни съ какими предписаніями — ни Украинскаго правительства, ни нѣмецкаго командованія и неизмѣнно пользовался самимъ глубокимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ окружавшихъ его.

Его авторитетъ среди нѣмецкаго командованія былъ настолько великъ, что когда однажды понадобилось отправить изъ Харькова въ Добровольческую Армію

*) Трудъ этотъ имѣть цѣлью: указать истинныя причины русской катастрофы, ведущія свое начало изъ глубины прошлыхъ вѣковъ, не взваливая вину — ни на евреевъ, ни на масоновъ, ни на единичныхъ общественныхъ дѣтелей. Авторъ.

нѣсколькою сотью офицеровъ съ пулеметами — нѣмцы не только дали подвижной составъ, но и назначили солдатъ въ помошь русскимъ офицерамъ для погрузки пулеметовъ, патроновъ и проч.

Въ настоящее время генералъ П. И. Залѣсскій живеть въ Сербіи и работаетъ надъ приведенiemъ въ порядокъ своихъ мемуаровъ.

Въ октябрѣ 1917 г. петроградскіе большевики легко сбросили остатки власти «Временного Правительства». Никто серьезно не препятствовалъ торжеству большевиковъ: сила была на ихъ сторонѣ, и всѣ подчинились имъ.

Я не сомнѣваюсь, что и временный Верх. Главнокомандующій, генералъ Духонинъ, исполнилъ бы требование народныхъ комиссаровъ о перемирии на фронтѣ, если бы они не такъ торопились и въ иной формѣ предъявляли бы свои требования. Всѣ «сопротивленія», въ какой бы формѣ они ни проявились, созданы дѣйствіями самихъ же большевиковъ, ихъ грубымъ и дикимъ насилиемъ надъ всѣми, въ комъ можно было заподозрить несогласіе съ ихъ взглядаами и критику ихъ дѣйствій, т. е. «контръ-революцію».

Въ сущности, никакихъ «контръ-революцій» и даже тенденцій къ нимъ не было — все, повторяю, подчинилось силѣ, хотя бы только воображаемой.

Гражданская война и всѣ восстанія все это создано насилиемъ большевиковъ и народилось далеко не сразу.

Бѣлогвардейцы, бѣлоармейцы, или просто «бѣлые» это — гонимые большевиками люди: офицеры, землевладѣльцы, купцы, промышленники, чиновники, зажиточные крестьяне, вообще — люди, которыхъ грабили, убивали и истязали... Среди спасавшихся отъ большевиковъ было не мало простого люда и даже полудикие калмыки, киргизы, башкиры и т.п. — подвергшіеся грабежу.

Но особенно ненавистны большевикамъ были офицеры, какъ опора прежняго правопорядка. И правы были офицеры, говоря:

«Три года мы тяжко, безмѣрно страдали,
Святыѣ завѣты Россіи храня;
Мы бились съ врагами, и мы не считали
Часами рабочаго нашего дня!
Въ глубокихъ могилахъ, безъ счета и мѣры,
Въ своихъ и въ враждебныхъ краяхъ,
Сномъ вѣчнымъ уснули бойцы офицеры,
Погибшіе въ славныхъ бояхъ!
Но мало того показалось народу,
И вотъ, чтобы прибавить могиль,
Онъ, нашей же кровью купивши свободу,
Своихъ офицеровъ убиль!...»

Да, исторіи есть что разскказать про страданія русскаго офицера съ февраля 1917 года!

Что же удивительного, что офицеръ уходилъ отъ своихъ гонителей и мучителей? Уходилъ не для «контръ-революці», не для гражданской войны, (офицеры всегда были *внѣ политики*), а только въ виду невозможности оставаться въ раionѣ, гдѣ царило безправіе, дикое, необузданное насилие и грабежъ, грабежъ безъ конца!!! Бѣжали всѣ, кто могъ бѣжать... Такъ бѣжали и Быховские плѣнники; такъ бѣжали со всѣхъ концовъ Россіи всѣ люди, кои именовались «буржуями»; такъ бѣжали ученики высшихъ и среднихъ школъ и даже дѣти убитыхъ и замученныхъ отцовъ и матерей!...

Спасшіеся отъ убийствъ и насилия русскіе люди скопились на разныхъ окраинахъ Россіи, и тамъ, *силою событій, принуждены были взяться за оружіе*; такъ образовались «бѣлые» фронты. Но часть спасавшихся, уже въ первые дни, ушла заграницу, гдѣ нынѣ скопилось до 2-хъ миллионовъ русскихъ людей всѣхъ положеній и состояній. Многіе изъ нихъ ушли не только отъ насилия, но и отъ невозможности работать въ атмосфѣре, гдѣ дважды-два не — четыре!

Возьмемъ, напримѣръ, армію.

Захвативъ власть, большевики овладѣли прежде всего арміей, которая была въ общемъ имъ послушна. Зачѣмъ же они начали съ того, что рѣшительно и безразсудно ее развалили?

Вѣдь она пригодилась бы имъ въ дни переговоровъ съ нѣмцами въ Брестъ-Литовскъ?

Что же сдѣлали большевики?

Они сдѣлали Верховнымъ Главнокомандующимъ многомилліонной Арміи — статского человѣка, военные знанія коего не превышали познаній унтер-офицера!

Новый Верх. Главнокомандующій началъ свою дѣятельность именно съ того, что добилъ Армію, и этимъ же обезоружилъ своихъ комиссаровъ, явившихся въ Брестъ-Литовскъ договариваться съ Германцами! Не имѣя Арміи, комиссары принуждены были не только уступить требованіямъ германцевъ, но и отдать имъ безъ боя значительную территорію и имущество: легіоны г-на Крыленки — тѣ русскіе люди, что храбро избивали своихъ офицеровъ и грабили «буржуевъ», — теперь спѣшило уходить, спасаясь отъ каски германского ландштурмиста...

Отсутствіе Арміи сказалось и въ свободной оккупациі нѣмцами Украины въ 1918 г. и въ успѣхахъ Деникина весною и лѣтомъ 1919 года. И, если бы не недостатки самихъ «бѣлыхъ» вождей и не верхоглядство*) Союзниковъ, то дорого большевики заплатили бы за опытъ Крыленки въ роли Верх. Главнокомандующаго!...

Но вѣдь такие же опыты производились ими и въ другихъ областяхъ жизни и государственного хозяйства!...

*) Скорѣе — недальновидность, близорукость. (Ред.)

Вотъ отъ этихъ то порядковъ и уходили многіе... Развалъ былъ вездѣ и во всемъ, и уже въ 1918 году вся Россія стонала, не только отъ насилия и грабежа, но и отъ голода и полнаго сумбура жизни! Понятно почему германцы, явившіеся въ 1918 г. для оккупированія Украины, были приняты многими, какъ спасители!

Германская оккупация Украины дала опору первой «контрь-революціи», ибо только въ тѣ дни, опираясь на нѣмцевъ, возможно было возстановить нормальный, культурный характеръ жизни, съ правами личности и даже съ охраной имущества.

Украина сдѣлалась культурнымъ оазисомъ *Rossii*, где можно было жить нормальной жизнью, не опасаясь ежеминутныхъ — обыска, грабежа, издѣвательства, насилия, убийства!... Здѣсь, на Украинѣ, не было и голода и всякихъ материальныхъ лишеній. Здѣсь каждый могъ работать для себя, не опасаясь грабежа и разоренія.

Сюда потекли ограбленные и обездоленные люди со всѣхъ концовъ Россіи.

Нѣмецкая оккупация Украины повліяла сильно и на Донскую и на Кубанскую области, прикрывъ ихъ на громадномъ протяженіи Украины.

Кромѣ того, нѣмцы помогали и Краснову, и Деникину — материалами и деньгами, и, въ то же время, не препятствовали притоку добровольцевъ со всей Россіи. Вообщѣ нѣмецкая оккупация Украины много помогла антибольшевистскому движенію. Она могла бы создать мощный фронтъ, если бы антибольшевики отрѣшились бы, хотя на время, отъ «мѣстничества» и жаднаго стремленія не только наверстать потерянное, но и пріобрѣсти кое-что въ общемъ хаосѣ.....

Вмѣсто быстраго осуществленія земельной реформы, оздоровленія администраціи, возстановленія нормальной арміи, — г.г. «вожди» и ихъ сотрудники занялись спорами, интригами и пролѣзаніемъ въ «дамки»—честолюбіемъ и хищничеству многихъ изъ нихъ не было предѣловъ! Всюду были на первомъ мѣстѣ личные интересы, но не общее дѣло!*)

Въ дни гетмана Скоропадского украинские «верхи» комплектовались изъ прежней русской бюрократіи (большой и малой), а потому обладали всѣми ея недостатками: *верхоглядствомъ* и забываніемъ *вчерашнихъ уроковъ*. Увидя поворотъ къ нормальной жизни, г.г. «буржуи» вообразили, что всѣ страданія кончены; что впереди не будетъ больше невзгодъ и испытаній, а потому — давай приниматься за старое: кто спѣшилъ пополнить свое имущество, не считаясь со вновь народившимися условіями жизни; кто безсовѣстно спекулировалъ; кто нагло бралъ взятки; кто слишкомъ широко пользовался жизнью: кутиль, игралъ въ карты, жуировалъ по ресторанамъ и садамъ и т. д..

*) Особенно преступно вели себя г. г. «украинские демократы», г. г. Петлюра, Винниченко, Поршъ и другіе.

Глядя на всѣхъ этихъ людей, можно было подумать, что въ Россіи не было революціи, не было ужасовъ развала фронта и дезертирства миллионовъ людей, носившихъ «почетное» званіе воина; не было неслыханныхъ грабежей, не лилась безвинная братская кровь!.. Все было забыто!..

Украина зажила вновь старою «русскою» жизнью и не использовала германской оккупациі для установленія прочного правопорядка.

Я знаю, что германскіе верхи мѣшали созданію арміи на Украинѣ.

Но почему же Украинская власть не провела немедленно земельную реформу, не создала надежной полиціи, не почистила администрацію,—это было бы непонятно, если не учесть извѣстныхъ особенности русской жизни и свойствъ русской бюрократіи—недобросовѣстной, легкомысленной и неосвѣдомленной.

Вся эпопея «Украины» 1918 года весьма характерна, какъ картина дѣятельности русско-украинской интеллигенціи въ періодъ затишья гражданской войны и прекращенія революціонныхъ эксцессовъ. Интриги, самомнѣнія, неизмѣримыя и необоснованныя честолюбія, узкій эгоизмъ и непониманіе обстановки — все это выявилось тогда съ прежней силой!

Трудно за 2 года освободиться отъ пороковъ, привитыхъ тысячелѣтіемъ!..

Но кто особенно удивилъ меня тогда своимъ непониманіемъ обстановки, такъ это — почтенные нѣмцы, германцы,—тѣ самые германцы, которые такъ предусмотрительно готовились къ міровой войнѣ и такъ блестяще ее вели въ теченіе 4 лѣтъ!

Столь чтимые мною (за военную подготовку и патріотизмъ) германцы, въ 1918 году ничего не поняли въ русскихъ дѣлахъ и вели себя на Украинѣ и на Западѣ, какъ узкие политики, увлекшіеся успѣхомъ.

Если бы въ 1918 году германскіе вожди не «зарвались» бы на Западѣ и не уподобились бы русскимъ «незнамъ» на Востокѣ, то Великая Германія не получила бы того тяжкаго краха, который постигъ ее въ концѣ 1918 года и послѣдствія коего она переживаетъ сейчасъ. Германія Бисмарка и Вильгельма I-го получила свое Возмездіе при Вильгельмѣ 2-мъ за увлеченіе успѣхомъ, и за участіе въ русской трагедіи!....

Украину послѣ нѣмцевъ заняли, такъ называемые, «украинскіе демократы», ядро коихъ составили разные — «балабачацы», «петлюровцы», «натіевци» и другіе «подростки» въ военной формѣ, руководимые г.г. сельскими учительями, бухгалтерами, волостными писарями, полицейскими приставами, прaporщиками, обратившимися вдругъ въ полковники, есауловъ, «томановъ» и членовъ «Директоріи»!!! Эти господа безъ труда овладѣли властью, не защищенну — ни штыками, ни реформами, и стали насаждать свою «неразбираху»*)... Но, подоспѣвшіе большевики еще легче выгнали вонъ этихъ «устроителей жизни», увлекшихся... опеоломъ власти и «самостійности».

*) Особенно безобразничали петлюровскія банды въ Кіевѣ, гдѣ они убили многихъ русскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ генерала графа Келлера.

Такъ пала «Украина эпохи гетмана Скоропадского», не сумѣвшаго со своими помощниками и совѣтниками найти равнодѣйствующей народнымъ чаяніемъ и создать себѣ опору въ правопорядкѣ, основанномъ на трудѣ и христіанской морали.

До какой степени все общество не понимало того, что совершается кругомъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, довольно распространенное мнѣніе, что «большевизмъ уже изжитъ въ Россійскихъ губерніяхъ, занятыхъ большевиками и что эти области находятся уже наканунѣ выздоровленія; на Українѣ же нѣть еще *полного* порядка *только* потому, что она не вкусила всѣхъ прелестей большевистскаго режима! Каждый разъ, когда раздавалось такое сужденіе, въ немъ звучали старые, знакомые мотивы, старая, знакомая недальновидность, неисправимый оптимизмъ и забвеніе вчерашихъ уроковъ!

Ужасовъ 17 и 18-го годовъ не было достаточно для вразумленія русской интеллигенціи, особенно — «правившей». Малѣйшее затишье — и всѣ принялись за старое, со старою идеологією! А если, что плохо, такъ это потому, что «Украина еще не изжила большевизма», а въ Россіи, видите-ли, уже «все обстоитъ благополучно»: большевики наканунѣ паденія!.. И это было въ 1918 году!...

Такое же недомысліе и незнаніе дѣйствительности сквозило и потомъ — въ самоувѣренныхъ рѣчахъ антибольшевистскихъ вождей въ 1919, 20, 21-хъ годахъ. Всюду было одно и то же: непониманіе совершающихся событий и желаніе видѣть не то, что есть, а слѣдовательно — и дѣлать не то, что нужно!

Я уже говорилъ, что гонимые большевиками русскіе люди собирались на всѣхъ окраинахъ Россіи. Здѣсь, иногда сами, иногда съ помощью Союзниковъ, они организовывались въ вооруженную силу и образовывали «фронты».

Такъ появились фронты: Сибирскій — адмирала Колчака, Сѣверный — генерала Миллера, Сѣв.-западный — генерала Юденича, Донской — генерала Краснова, «Добровольческая армія» ген. Корнилова, потомъ фронтъ генерала Деникина и, наконецъ, — Крымскій фронтъ генерала Врангеля.

Всѣ они въ общемъ имѣли однѣ и тѣ же характерныя особенности, съ нѣкоторыми отѣнками въ деталяхъ.

Пусть одни изъ нихъ, напримѣръ Сѣверный генерала Миллера и Донской генерала Краснова, были управляемы лучше другихъ; но всюду царила склонность къ спорамъ, мѣстничеству, взяточничеству, пьянству и всякимъ безобразіямъ!.. Всѣ эти большіе и малые «дѣятели» вели себя какъ легкомысленные и неразумныя дѣти! Въ минуты успѣховъ предавались неумѣренному ликованію и несбыточнымъ мечтамъ; а въ минуты неудачъ поддавались быстрому саморазложенію, приводившему ихъ къ катастрофамъ.

Тѣ высокіе моральные принципы, на которыхъ была заложена Добровольческая Армія, тотъ рыцарскій духъ, который она носила въ себѣ въ пер-

вые дни своего существованія — постепенно исчезъ, испарился, и къ концу борьбы поведеніе антибольшевистскихъ войскъ, въ сущности, мало чѣмъ отличалось отъ поведенія большевиковъ !

А между тѣмъ борющіяся стороны не имѣли одинакового удѣльного вѣса въ глазахъ населенія.

Для темной массы народа большевики были «своими» И это вѣрно, если взять только *теоретические* принципы большевиковъ и ихъ заманчивая обѣщанія. Антибольшевики являлись носителями *старыхъ* тенденцій; а часто и — мстителями за совершенное большевиками нарушеніе нормального правопорядка.

— Наши идутъ! — говорилъ народъ при приближеніи большевиковъ.

— Господа (паны) пришли! — говорило то же населеніе при вступлениі антибольшевиковъ.

Здѣсь — центръ трудностей для антибольшевиковъ *всѣхъ толковъ и оттѣнковъ!*.... Надо доказать населенію, что вы друзья ему!

А какъ это сдѣлать, если въ душѣ у васъ кипитъ злоба мщенія и нѣть пониманія обстановки; нѣть пониманія, *сознанія своей вины передъ темнымъ народомъ!*.....

Непониманіе, незнаніе было отличительной чертой русской власти и всѣхъ «правящихъ»...

«Они не знали». Они никогда ничего *не знали!*...

Они не знали: ни своихъ помощниковъ, ни общества, ни народа, ни государственныхъ порядковъ, ни большихъ и малыхъ дѣлъ, ввѣренныхъ имъ свыше!...

Я не стану описывать или разбирать всѣ фронты антибольшевиковъ. Однако, упомяну о нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе мнѣ знакомыхъ.

Донской фронтъ генерала Краснова, при общихъ антибольшевикамъ недостаткахъ, имѣлъ и значительный привкусъ *«самостійности»*. И это очень и очень мѣшало установленію доброго согласія съ ген. Деникинымъ, и затрудняло общую дѣятельность во всѣхъ областяхъ жизни, и прежде всего *въ военной*.

На фронтѣ, который далеко не весь состоялъ изъ донцовъ, всюду царила *«донская власть»*,. Всюду управляли и руководили молодые *есаулы* или *войсковыя старшины*, произведенные уже (мѣстною властью) въ генералы! Донская власть, какъ и другія антибольшевистскія и большевистскія власти, прочно забыла, что и пироги дѣлать — надо учиться, и что *«полководцы»* изъ капитановъ и поручиковъ рождаются не всякое столѣtie!....

Всѣ полѣзли въ *«дамки»*. Всѣ мало-мальски грамотные (а то и неграмотные) сдѣлались генералами, и стали управлять: арміями, фронтами, губерніями!...

Донская власть прочно забыла, что никто не возьметъ себѣ шофферомъ человѣка только мывшаго автомобиль, особенно, если тутъ же имѣется настоящій шофферъ!...

Все таки донцы принесли много жертвъ и положили много трудовъ въ борьбѣ съ большевиками.

Донцы рѣшительно помогли Деникину въ 1918 и 1919 годахъ. Скажу больше: безъ Дона и Краснова «добровольческая» армія перестала бы существовать еще въ 1918 году! Но неискусное командование войсками, легкомысліе многихъ командировъ и «самостійныя» тенденціи отразились пагубно на дѣлахъ фронта: успѣхъ носилъ болѣе чѣмъ случайный характеръ, а пропаганда большевиковъ легко овладѣвала сердцами казаковъ, не видѣвшихъ прочности въ порядкахъ существовавшей тогда на Дону власти... Пропаганда легко и ясно доказывала слушателямъ, что власть эгоистична и легкомыслена. Напрасны оказались администраторскіе и ораторскіе таланты генерала Краснова. Все это растворилось въ слабоволіи однихъ, алчности другихъ, легкомыслій третьихъ, неопытности четвертыхъ и «самостійныхъ» тенденціяхъ пятыхъ!

Въ результатѣ, Донской фронтъ началъ быстро разлагаться уже въ декабрѣ 1918 г., и только помочь «добровольческой» арміи Деникина, поддержанной Союзниками, спасли Донъ отъ полнаго наводненія большевиками.

Помогли, конечно, и сами большевики своею неорганизованностью и распущенностью арміи: развалъ арміи, произведенный въ 1917 г. и довершенный дѣяніями «великаго полководца Крыленко», не легко было остановить!..

Достаточно было Союзникамъ снабдить Добровольческія войска танками, одеждой, патронами, орудіями и снарядами, — чтобы большевики въ свою очередь покатились неудержимо на сѣверъ!...

Въ августѣ 1919 года Деникинъ былъ фактическимъ хозяиномъ всей Украины. Успѣхъ вскружилъ голову и этому антибольшевистскому «вождю». Онъ объявилъ о скоромъ занятіи Москвы... Всѣ газеты антибольшевиковъ вѣщали о побѣдахъ Деникина и о предстоящемъ бѣгствѣ большевиковъ на сѣверъ...

А между тѣмъ не надо было быть пророкомъ, чтобы предсказать еще въ маѣ 1919 года полный провалъ Деникинскай организації — и вотъ почему:

Глядя на все творившееся кругомъ, можно было подумать, что кто-то сказалъ:

«Наша взяла! Ну, теперь, друзья, тащи кто что можетъ!» Экипажи, вагоны автомобили, лошадей, склады, а главное — должности!

Всѣ потянулись къ власти!

Назначенія дѣлались самыя курьезныя, самыя дикія! Сильно работала своя «лавочка»..., Интересы общаго дѣла были гдѣ-то далеко..., въ туманѣ!...

Газеты того времени не разоблачали, не указывали грядущихъ бѣдъ за легкомысліе и эгоизмъ. Газеты лгали вмѣстѣ съ «властью», и вмѣстѣ съ нею держали обывателя въ пріятномъ невѣдѣніи истиннаго положенія вещей на фронтѣ и въ тылу*).

А между тѣмъ и на фронтѣ и въ тылу творилось нѣчто невообразимое: какой-то азартъ дѣтей, игравшихъ во взрослыхъ!...

Не только командиры корпусовъ и начальники дивизій, но даже командиры полковъ, баталіоновъ и батарей обзавелись «собственными» вагонами и поѣздными эшелонами! Вагоны и поѣзда обставлялись соотвѣтствующими удобствами, загромаждались «реквизированнымъ имуществомъ» и загромаждали всѣ пути и всѣ станціи... Владѣльцы поѣздовъ жили такъ хорошо, что *даже въ дни катастрофы, когда имъ надлежало бы быть среди войскъ, — не разставались съ «прелестями мирнаго бытія» и не покидали поѣзда.*

Въ тяжелые дни войны 1914 и 1915 годовъ я видѣлъ старыхъ генераловъ, которые жили среди войскъ, спали на соломѣ, питались заплѣснѣлой коркою черстваго хлѣба.

А тутъ, въ 1919 году, когда *все было поставлено на карту*, молодые люди вылощеніе, раздущенные, въ жениховскихъ костюмахъ—вертѣлись часами передъ зеркаломъ въ то время, когда на фронтѣ у нихъ гибли мужественные и самоотверженныя войска, когда взрывались ихъ бронированные поѣзда, танки и автомобили; когда отсутствіе управлениія сводило «на нѣть» колоссальный жертвъ невинныхъ, обездоленныхъ людей!!!

Легкомысліе или преступность царили вездѣ.

Пьянство и кутежи господъ поручиковъ и капитановъ въ «генеральскихъ штанахъ» доходили часто до стрѣльбы въ пистолокъ и даже до игры въ «кукушку!... Представьте себѣ людей, видѣвшихъ разложеніе фронта въ 1917 году, видѣвшихъ солдатскій русскій грабежъ, избіеніе офицеровъ! Представьте себѣ людей, видѣвшихъ бѣгство этихъ солдатъ съ фронта; пережившихъ всѣ ужасы и злодѣянія революціи! Представьте себѣ — русскихъ офицеровъ. Казалось бы, что жизнь не только состарила, но и научила ихъ; казалось бы, что они поняли всѣ ошибки прошлаго, ужасъ настоящаго и будущаго (въ случаѣ пораженія); казалось бы, что сердца ихъ горять желаніемъ успѣха, умъ сосредоточенъ мыслить, уста забыли улыбку, голова посыпана пепломъ!..

И вдругъ — вмѣсто всего этого: пьяная оргія! Да еще какія!...

Съ криками, пѣснями, гоготаніемъ, свистомъ, стрѣльбою въ стѣны и другъ въ друга! При чёмъ старшие начальники иногда подаются во всемъ этомъ

*) Исключеніе составляютъ выходившія въ Ростовѣ газеты «Родина» — редакт. В. Сѣвскій и «Военный Листокъ» — редакторъ ген. штаба полковн. Лисовой, которыхъ были закрыты по распоряженію ген. А. Драгомирова за поѣзденіе телегр., въ которой сообщалось предложеніе Л. Дикордика о соальнѣ конференціи изъ представителей антибольшевистской и сов. власти на Принцевыхъ Островахъ.

примѣръ. Куда же еще дальше идти въ области легкомыслія и неуваженія къ урокамъ жизни?

Надлежащаго контроля и глаза сверху не было. Даже военные власти сидѣли въ вагонахъ, и при томъ зачастую — въ 100, 200 верстахъ отъ фронта своихъ войскъ!

Съ «формированіями» творилось нѣчто неприличное. Каждый корнетъ или поручикъ видѣлъ себя уже командромъ того именно полка, въ коемъ онъ служилъ до революціи. Всюду возстанавливались «свои» полки! При этомъ, на фронтъ отправлялось 10-20 человѣкъ, а 300-400 сидѣли въ тылу: «формировались»!

Понятно — почему тылъ переполнялся праздными людьми, и колоссальными обозами, а фронтъ рѣдѣлъ не по днямъ, а по часамъ.

Тылы «пухли», канцеляріи нарождались, какъ грибы послѣ дождя, перья скрипѣли — какъ въ дни провала міровой войны, но все это не укрѣпляло, а разслабляло фронтъ. И всюду, какъ я уже говорилъ, царила «поѣздная» система управлениія: верхи сидѣли въ «собственныхъ» поѣздахъ, и оттуда правили войсками и страной!

Примѣры сверху заразительны: низы тоже обзавелись поѣздами; не было войсковой части, которая не имѣла бы своего жизнерадостнаго «эшелона», переполненнаго всякою «добычею».

Эшелоны эти были вооружены до зубовъ и охранялись (даже отъ ма- лѣйшей попытки контроля со стороны властей) специальными нарядами, съ пулеметами!

Эти же эшелоны сыграли фатальную роль при отступленіи, вѣрнѣе — бѣгствѣ арміи Деникина осенью 1919 года — загромождая всѣ пути и забивая всѣ станціи...

Гражданская часть арміи также была не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ и военная.

Гражданскій центръ — «Особое Совѣщаніе» вобралъ въ себя осколки старого чиновничества и «буржуевъ», кои много пережили, но ни чему не научились! Господа эти, вмѣстѣ съ военными «героями», видѣли себя уже въ Москвѣ и даже народили высшую и низшую администрацію тѣхъ губерній, кои еще не были заняты арміей!

Власти, состоявшія изъ «младенцевъ» или «людей случая», не отдавали себѣ яснаго отчета въ событіяхъ: они преступно увѣряли себя и другихъ, что все идетъ хорошо, что занятіе Москвы — дѣло нѣсколькихъ недѣль! Даже тогда, когда катастрофа было уже очевидна, власти увѣряли всѣхъ, что опасности нѣть, что такой-то и такой-то города *не будутъ сданы*.

Еще 24 ноября 1919 г. Харьковская Городская Дума была увѣрена въ

полной безопасности и прочности города Харькова*); а 28 ноября въ немъ уже не было властей Деникинской организаціи.

Такія явленія, увы, наблюдались очень часто и въ дни міровой войны, но никогда они не отражались такъ тяжко на населеніи, какъ въ гражданскую войну.

Эту мерзкую ложь властей, постоянно ошибочно ориентирующихъ населеніе, нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ только невѣжествомъ самихъ носителей власти и ихъ «добросовѣстнымъ» незнаніемъ дѣйствительного положенія вещей! Легкомысленная жизнь до послѣднихъ дней и болѣе чѣмъ легко-мысленная мѣропредпріятія для будущаго (напримѣръ, въ области новыхъ формированій) — служить тому подтвержденіемъ.

Даже солидные англичане были обмануты легкомысленными увѣреніями Деникинскихъ властей! Въ ноябрѣ 1919 г. я читалъ телеграмму англійского генерала Бригса, адресованную вождямъ Добровольческой Арміи. Телеграмма въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ говорить объ этихъ вождяхъ, даже о тѣхъ, кои занимались безмѣрнымъ пьянствомъ и кутежами!**) Телеграмма кончалась словами: «Ваше дѣло правое, а потому съ вами Англія!.....

Англія и Франція поддерживали Деникина усердно и добросовѣтно. Но они, какъ и нѣмцы 1918 г., не знали дѣйствительности, и слѣпо вѣрили Деникину... И въ этомъ ихъ ошибка, непростительная... для благоразумныхъ и обстоятельныхъ европейцевъ!

Въ ноябрѣ 1919 г. армія генерала Деникина стремительно и въ величайшемъ беспорядкѣ покатилась на югъ, къ Черному морю. Возмездіе за легко-мысліе и недальновидность власти было ужасное.

Картины бѣгства требуютъ особой кисти и фоліантовъ бумаги, ибо кратко нельзя изобразить трагизмъ десятковъ и сотенъ тысячъ людей, бросившихъ свои дома, поля, имущество, даже близкихъ людей; прошедшихъ въ невѣроятныхъ условіяхъ сотни и тысячи верстъ для того, чтобы — у берега моря собственноручно застрѣлить своего боевого товарища, а самому вплыв или на подкѣ искать спасенія на пароходахъ, переполненныхъ людьми, готовыми стрѣлять въ своего же, чтобы онъ не переполнялъ пароходъ дальше!

Или—кто можетъ изобразить ужасы ночи въ старой, дырявой рыбачьей баржѣ, среди открытаго моря, перегруженной людьми и имуществомъ въ 4 раза больше нормы?! Вода въ трюмѣ заливаетъ положенныхъ тамъ сыпучихъ физоныхъ; холодъ и морская болѣзнь одолѣли всѣхъ; некому, да и нечѣмъ вычерпывать воду; волны разбушевавшагося моря перекатываются черезъ

*) Я лично присутствовалъ на засѣданіи Думы, избравшей городск. головой Н. И. Ковалевскаго, и слушать оптимистической рѣчи отцовъ города.

**) Напримѣръ, М. — М.

баржу; мачты трещать; моторъ не работает; команда матросовъ изъ трехъ турокъ, ни слова не знающихъ по-русски, совершенно растерялась и покорно ждетъ близкой гибели баржи; среди пассажировъ — паника, крики, стрѣльба! И все это — послѣ мѣсяцевъ и даже годовъ непрерывной моральной и физической пытки!

«Эвакуація» даже на сушѣ — дѣло трудное и мучительное.

Что же сказать про эвакуацію «въ море», да еще среди общей паники. Да, это была общая паника, вызванная длительной атрофией власти.

Власть, бывшая весьма самонадѣянна при успѣхѣ, растерялась при неудачѣ, и исчезла въ дни эвакуації...

Начальники по прежнему сидѣли въ вагонахъ и торопились къ берегу моря, боясь, чтобы ихъ поѣзда не застряли на станціяхъ и чтобы не пропустить удобныхъ пароходовъ!

Многіе изъ «властей», еще недавно разыгрывавшихъ роль большихъ «особъ», поторопились скрыться даже тайно отъ своихъ начальниковъ и отъ своихъ подчиненныхъ!

Глядя на все это, невольно спрашиваешь себя: «какое право имѣли эти люди брать власть въ свои руки?»

И съ горечью приходится отвѣтить: «бездарные порядки прошлаго, — воспитали не только бездарныхъ носителей власти (провалившихъ войну 1914-16 г. г. и создавшихъ обстановку благодріятную революціи), но и — недобросовѣстныхъ общественныхъ, политическихъ и военныхъ дѣятелей, думавшихъ больше о себѣ, а не объ общемъ дѣлѣ»!

Всѣ эти люди, — такъ жадно рвавшіеся къ власти еще мѣсяцъ или недѣли тому назадъ, такъ смѣло бравшіеся за руль государственного корабля, — теперь, растерянно удирали, обгоняя другъ друга!

Глядя на старшихъ, и малые терялись окончательно...

Общий развалъ не поддается описанію!

Скажутъ: «сила солому ломить» и «паника естественна для побѣжденного, попавшаго въ безвыходное положеніе»....

Но тогда, честный историкъ долженъ подчеркнуть, что никакой подавляющей силы не было на противуположной сторонѣ! Что сторона эта была тоже слабо организована и весьма грѣшила по всѣмъ отрослямъ военного дѣла; и что ея побѣды — лучшее доказательство легкомыслія и грѣховъ «бѣлыхъ» вождей, оказавшихся еще болѣе не на высотѣ своей задачи и «бѣлыхъ» организацій, оказавшихся неспособными къ очищенію отъ старыхъ грѣховъ, а потому и бѣсъильными въ борьбѣ даже съ плохо организованнымъ и слабо снабженнымъ врагомъ!...

Своимъ поведеніемъ бѣлые били самихъ себя! А этого ничѣмъ другимъ нельзя объяснить — какъ только: прошлымъ, — прежними грѣхами и ошибками...

Послѣ Новороссійской эвакуаціи Деникинъ долженъ былъ уйти...: и въ него никто уже не вѣрилъ!...

Власть онъ передаль генералу Врангелю*). Положеніе Врангеля было весьма трудное: материальное разстройство арміи и всѣхъ средствъ было колоссальное! Крымъ, куда перебрались остатки Деникинскихъ организаций, защищался слабымъ отрядомъ энергичнаго генерала Слашева, занимавшаго перешейки (Перекопскій и Чонгарскій); но внутри полуострова было пусто и скучно въ смыслѣ снабженія....

Врангель помогли сначала англичане, и только потомъ — французы и американцы (материално).

Но Врангель повторилъ опять почти всѣ ошибки Деникина: не смогъ сбросить привычекъ прошлаго!

Земельная реформа проведена имъ съ большимъ запозданіемъ.

Армія по существу осталась прежняя, со всѣми «добровольческими» особенностями, хотя и называлась «русская». Тѣ же поручики и капитаны на поляхъ генераловъ; тѣ же «вундеркинды» всюду!

То же и въ гражданской администраціи: протекціонизмъ, «лавочка»; вездѣ «свои»; вездѣ служеніе лицамъ, а не общему дѣлу! Всюду: спекуляція, взяточничество, пролѣзаніе въ «дамки», заносчивость и самомнѣніе расployовавшихся фаворитовъ власти и разныхъ птенцовъ въ полковничихъ и генеральскихъ мундирахъ или даже въ статскихъ пиджакахъ! — Словомъ —то же, что было и при Деникинѣ (за малыми исключеніями).

Даже печать лгала также безцеремонно, а можетъ быть и хуже и наглѣе!

Въ результатѣ всѣхъ этихъ порядковъ: полная неорганизованность — и въ арміи, и въ тылу.

По заявлению самого Врангеля**), у него на фронтѣ было 40 тысячъ, а въ тылу 300 тысячъ военныхъ!

И — это говорить «Главнокомандующій, облеченный полнотою власти!..

Произошло это, конечно, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ и у Деникина фронтъ былъ жидкій, а тылъ пухлый.

Очевидно, власть, усердно увѣрявшая всѣхъ (и себя) въ скорой побѣдѣ, не видѣла ничего «далше своего носа» и тѣмъ болѣе — не обладала даромъ предвидѣнія и талантами истинныхъ народныхъ вождей! Не было ясного пониманія своихъ задачъ, своихъ правъ и обязанностей, и способовъ достижения того, чего требовала жизнь въ сложившейся обстановкѣ. А жизнь

*) Совершенно неизвѣстному въ мирное время офицеру, сдѣлавшему во время міровой войны карьеру отъ командира эскадрона до начальника дивизіи — благодаря атакѣ на 2 герман. орудія въ 1914 году, кои, вмѣстѣ съ 1 батал. пѣмец. тѣхоты, боролись цѣлый день съ подавляющей превосходящими силами нашей гонницы и артиллериі (три кавал. дивизіи). Въ гражданской войнѣ обнаружились энергія и таланты «партизана».

**) Сдѣлано въ Константинополѣ въ 1920 году.

требовала прежде всего: знаний и добросовестного отношения к общему делу.

Власть не сумела дать ни того, ни другого, и въ той именно дозе, какъ того требовала жизнь.

Вообще, приходится вновь сознаться, что горький опыт Деникина и его войскъ ничему не научилъ Брангеля и его сподвижниковъ! Даже въ отношении къ обществу Брангель и Деникинъ имѣютъ много общаго: то же «диктаторство»; то же неудержимое самомнѣніе; то же усыпленіе общества оптимистическими извѣстіями, кричащими сообщеніями о побѣдахъ и увѣреніями въ близости конца страданіямъ!...

Конецъ оказался действительно близкимъ — .....ближе, чѣмъ можно было ожидать, даже при самомъ пессимистическомъ настроеніи! Но только не тотъ конецъ, какой предрекалъ Брангель и его сотрудники.

Еще 1-го октября (с. ст.) 1920 г. въ Крыму раздавались самыя оптимистическія предположенія; и даже 26 октября (с.ст.) газеты пѣли дифирамбы Брангелю и увѣряли, что «Крымъ крѣпокъ, какъ никогда!» Еще 27 октября усыпленный обыватель Крыма и даже чиновники не подозрѣвали возможности эвакуації! А 29 октября (по старому стилю) эта эвакуація уже началась и, конечно, въ великомъ смятеніи! Съ обывателемъ вновь власть продѣлала ту же гнусность, которая столько разъ практиковалась съ 1915 года: успокаиваютъ и даже глумятся надъ «паническимъ» настроеніемъ обывателя; а потомъ — «въ три счета» покидаютъ городъ или село, предлагая обывателю собраться въ 5 минутъ съ «ручнымъ багажемъ»!

Только тѣ, что стояли близко у центра могли принять мѣры для вывоза своего имущества.* Тѣ же, кто вѣрилъ властямъ, и особенно тѣ, которые не занимались спекуляціей или накапливаніемъ валюты — остались «при печальномъ интересѣ», т.е. съ ручнымъ багажемъ и безъ гроша въ карманѣ!.....

Что именно произошло на фронтѣ и почему власть рѣшилась на эвакуацію, описывать не буду. Но не могу умолчать, что — все это надо было предвидѣть (при «добровольческихъ» порядкахъ въ «русской» арміи) и потому надо было: солидно укрѣпить перешейки, снабдить ихъ своимъ постояннымъ гарнизономъ и организовать постепенный отходъ арміи къ морю.

Вместо такой организаціи мы вновь видимъ «бѣгство» вразсыпную отъ перешейковъ прямо къ морю! При чѣмъ сигналъ даетъ сама власть, объявившая о правѣ «желающихъ» — уѣзжать! Политическую ошибку военному преститительно сдѣлать: онъ можетъ оказаться слабымъ въ дѣлахъ гражданскихъ; наконецъ, могутъ быть ошибки и въ военныхъ операцияхъ! Но, какъ не предусмотрѣть планомѣрный и медленный отходъ къ морю и защиту Крыма? Это элементарное требование жизни «Русской Арміей», очевидно, упущенное въ хаосѣ интригъ и въ блескѣ самомнѣній. Наконецъ, почему герои Крымской Ставки, не предпочли смерть за свои идеалы, смерть въ честномъ бою, въ борь-

* Съ накопленной валютой.

бѣ не безъ шансовъ на успѣхъ, а избрали бѣгство и проклятую эвакуацію?! Ту самую эвакуацію, которая привела большинство участниковъ (не всѣхъ, правда) къ нищенскому, безконечно тѣгостному существованію на чужбинѣ. Вѣдь этому существованію нѣть словъ для опредѣленія! И если оно лучше «rossiйскаго» въ физическомъ отношеніи, то во всякомъ случаѣ оно хуже въ моральномъ отношеніи, ибо оставшіеся въ Россіи могутъ сказать: «намъ тяжело, но мы не покинули Родину въ трудныя минуты ея жизни»... А что же можемъ сказать мы — эмигранты?!!

— — —

А тутъ, какъ нарочно, лѣзутъ въ голову воспоминанія о прежнемъ: все легкомысленное поведеніе власти, въ которую вѣрили и которой повиновались!

Картини одна другой безотраднѣе встаютъ въ памяти...

Урокъ въ Манчжуріи.

Преступное якшаніе власти съ Дубровинскими погромщиками.

Вызывающее обращеніе съ Государственною Думой. Занятіе вздоромъ и побрякушками въ арміи, вмѣсто широкаго использованія уроковъ Японской войны и революціи 1905 года. Неготовность арміи передъ войной 1914 г. Общая паника передъ германцами, особенно послѣ ряда пораженій въ 1914 году...

Быстрая приспособляемость чиновниковъ всѣхъ видовъ и ранговъ, нашедшихъ свои выгоды — и въ затяжной войнѣ, и въ безславномъ отступленіи, и въ разореніи Страны по примѣру 1812 года!

Безстыжая погоня за всякими благами, начиная отъ большихъ окладовъ при минимальныхъ служебныхъ обязанностяхъ и кончая боевыми наградами безъ предѣла и нормы и даже безъ риска жизнью!

Человѣку, не утратившему стыда — трудно было дышать! И ясно былъ видѣнъ полный провалъ войны, если на смѣну легкомыслія и бездарности не придетъ хотя бы сознаніе своей вины.

Но..... бездарность была упрямая и до конца вѣрила въ свою звѣзду и «авось»....

Но «авось» не вывезъ и на этотъ разъ. Все повалилось въ бездину.

Армія, созданная Петромъ Великимъ, укрѣпленная Минихомъ, давшая Румянцева, Суворова, Скобелева, видѣвшая Берлинъ, Парижъ и Царьградъ, армія построенная на дисциплинѣ и рыцарскихъ понятіяхъ, — эта армія первая обратилась въ смрадный трупъ!

И надо было видѣть, какъ спасались командные крысы съ тонущаго корабля, и какъ растаскивали «товарищи» всякое имущество — казенное и частное!

Жутко вспоминать прошлое.

Но вотъ, посвѣтлѣло. Порядокъ принесли вчерашніе противники —

германцы. Украина, Донъ, Кубань, Крымъ, Кавказъ могли бы установить прочный правопорядокъ. Такъ — гдѣ тутъ?!

Вновь — легкомысліе, незнаніе и недальновидность! Вновь интриги и личные интересы! Забыты всѣ кровавые уроки! «На Москву», «не допущу», «разнесу», — и прочія «повелѣнія» послышались на всемъ Югѣ Россіи, смышиваясь съ пьяными пѣснями, криками мнимыхъ побѣдителей и съ мечтами «вождей» о торжественномъ вѣзде въ Москву!.....

Затѣмъ — провалъ и при этомъ грандіозный!

Кошмаромъ кажутся картины бѣгства Добровольческой арміи въ 1919 и 1920 годахъ.

Нераспорядительность, растерянность и дурной примѣръ разныхъ властей: всѣ думаютъ только о спасеніи себя и своего имущества бѣгствомъ. Объ оборонѣ никто даже не заикается; слова: «стой»—никто не приносить... Все бѣжало безъ оглядки, таша за собою свои громоздкіе «эшелоны» съ разнымъ нужнымъ и ненужнымъ имуществомъ!

Такъ докатились до Екатеринодара, послѣ скандальной сдачи Новороссійска и Ростова. А тутъ—опять интриги, опять самолюбіе, самодержавіе; опять ошибочная оцѣнка обстановки; опять самомнѣніе и рядомъ — полная нераспорядительность!

И вновь все понеслось дальше, къ берегу моря, къ Новороссійску — въ прежнемъ беспорядкѣ и въ прежней растерянности той власти, которая еще недавно упивалась почетными встрѣчами, тріумфальными пріемами и правомъ «повелѣвать»!

Насмотрѣлся я—и въ Харьковѣ, и въ Ростовѣ, и въ Екатеринодарѣ, и въ Новороссійскѣ — на эту власть!

И даже сейчасъ горечь пережитого давить грудь! Вѣдь мы жили безъ властей, а лишь среди произвола и самодурства большихъ и малыхъ носителей атрибутовъ власти, вѣрнѣ — имитаторовъ власти, мечтавшихъ лишь о своемъ достаткѣ, развлеченияхъ или карьерѣ!... Люди, не пересыкавшіе передъ этой случайною и неумною властью, терпѣли всевозможныя униженія и лишенія! Съ большимъ трудомъ имъ удавалось передвигаться .. Переѣздъ въ Крымъ былъ сплошнымъ кошмаромъ... И здѣсь власть повторила вновь ошибки вчерашняго дня, не взирая на ужасный опытъ. Первоначальный успѣхъ, видимо, и тутъ вскружилъ голову и наполнилъ сердце несбыточными мечтами... Самодержавная власть, самодержавная рѣшенія и — дурные совѣтчики, приведшіе къ общему провалу!

Не слѣдуетъ забывать, что Врангель имѣлъ поддержку всѣхъ культурныхъ странъ міра, а силы противника на Крымскомъ фронѣ мало превосходили числомъ силы «русской арміи»!

Но «лавочка», эгоизмъ, легкомысліе, недальновидность и легендарное самомнѣніе привели все къ краху. — Мы сами все знаемъ; мы сами все умѣемъ!

— было написано на лицахъ многочисленныхъ врангелевскихъ «вундеркиндовъ» — отъ полковниковъ до полныхъ генераловъ (эти чины были наиболѣе предпочтительны для «вундеркиндовъ»).

Ну вотъ, и «сумѣли... привести всѣхъ (или почти всѣхъ) голыми на чужбину, въ одинъ день бросивъ Перекопскія позиціи и въ одну недѣлю отдавъ «неприступный» Крымъ съ его колоссальнымъ имуществомъ!

Стоило изъ-за этого 7 мѣсяцевъ мучить людей и нести громадная жертвы?

Но жертвы и лишенія несли, конечно, одни, а повелѣвали и фантазировали другіе!..

Съ невеселыми думами ъехали изъ Крыма голодные, холодные, измокшіе русскіе бѣженцы — преимущественно офицеры.

Особенно тяжко было тѣмъ, кто не лукавилъ, съ совѣствомъ въ сдѣлку не входилъ, ни подъ что не поддѣлывался, въ «дамки» не лѣзъ, никого не грабилъ, спекуляціей не занимался, взятокъ не бралъ, валюту не накапливаль, въ политику не совался, въ Наполеонаы не заносился, въ солдатики не игралъ, къ государственному рулю не тянулся!.. Люди, отдававшиѣ всю жизнь *Rossiu*, оказались на корабляхъ съ «ручнымъ багажомъ», и безъ всякихъ средствъ къ существованію... Впереди была тьма, а сзади — Родина, а въ ней: близкіе люди, все имущество, всѣ прежніе труды, вся прошлая жизнь!

Все было отнято.

Но съ эвакуацией Крыма отняты были и послѣднія надежды, и самыя скромныя мечты!...

Съ паденiemъ Самодержавія многіе мечтали о *Новой Rossiu*. Конечно, не кровавой и безумной. Мечтали о Россіи: чистой, грамотной, трудолюбивой, честной, благородной и дѣловитой; Россіи — богатой знаніями и талантами; Россіи — могучей, красивой и стойкой. Но судьбѣ угодно было дать міру иное зрѣлище. Судьбѣ угодно было держать Россію въ собственномъ плѣну и бить ее ея же руками — сначала съ помощью легкомысленныхъ и бездарныхъ людей, подготовившихъ ея «неготовность» къ міровому экзамену; потомъ — съ помощью глубочайшихъ канцеляристовъ и эпикурействующихъ бюрократовъ, окончательно провалившихся на этомъ міровомъ экзаменѣ; затѣмъ — помощью смѣси: авантюристовъ и фантазеровъ съ пропойцами, каторжниками и кокайнистами; соціалистовъ съ капиталистами, республиканцевъ съ монархистами, коммунистовъ съ простыми жуликами, вахмистровъ съ полковниками и генералами, проходимцевъ съ титулованными аристократами!...

Такъ окончила свое существованіе *Старая Россія*, Россія — родившаяся въ мукахъ Смутнаго времени; не погибшая тогда только благодаря благородству и энергіи Мининыхъ и Пожарскихъ; Россія вскормленная Филаретами, Морозовыми, Ртищевыми, Стрешневыми, Ордынъ-Нащокиными, Матвѣевыми

подъ флагомъ первыхъ Романовыхъ; Россия, двинутая по пути культуры мощною рукою геніального Петра Великаго, безъ устали трудившагося во славу ея! Такъ погибла блестящая Россия Екатерины Великой, умѣвшей находить талантливыхъ сотрудниковъ и отличать правду отъ лжи! Погибла Россия 1812 года, нашедшая въ себѣ силы перенести съ честью великое испытаніе Судьбы и принесшая безчисленныя жертвы для освобожденія Европы отъ геніального завоевателя; Россия, спасшая Пруссію въ 1807 г., Австрію въ 1849 г.; освободившая Болгарію — покровительница всѣхъ православныхъ странъ и заступница всѣхъ Славянъ! Пала Россия — легкомысленная и расточительная, но всегда гостепріимная и щедрая на помощь; Россия, неумѣвшая жить для своего блага, но много сдѣлавшая для блага другихъ; Россия, преступная, но прежде всего передъ самой собою; Россия блестящая и даже красива, но устарѣвшая и застывшая въ мысляхъ о былыхъ удачахъ, и потому — не сумѣвшая во-время направить свой государственный корабль по другому курсу!

Такъ погибла и надежда на скорое возстановленіе въ Россіи нормальной человѣческой жизни, построенной на началахъ труда и этики. И массы русскихъ людей, часто совершенно неповинныхъ, напримѣръ женщины и дѣти, влачать жалкое, тягостное существованіе на Родинѣ!... А въ то же время другіе русскіе люди (тоже много невинныхъ) скитаются по чужимъ землямъ, моля о гостепріимствѣ и заработкѣ! И даютъ имъ; — даютъ нехотя, иногда, съ высокомѣрнымъ видомъ благодѣтелей, даютъ изъ жалости и ради прежнихъ заслугъ ихъ Матери-Россіи!..... И трудится эмигрантская масса, въ потѣ лица зарабатывая кусокъ хлѣба!

Чѣмъ только она не занимается? :

Плотники, сапожники, писаря,
чертежники,
сторожа, настройщики, повара,
обойщики
въ Мексикѣ — ковбоями, въ U.S.A.
— Hotel-boy-ями
кучера и булочники, пекаря и тру-
бочники
маляра — стекольщики, пѣвчие —
наборщики,

Шофферы, носильщики, судомойки,
пильщики,
въ Африкѣ — сержантами, въ Па-
рижѣ — музыкантами
майнеръ — въ Пенсильваніи, дан-
сингъ-менъ — въ Британіи.
сторожъ — полотеры, повара —
актеры
кузнецы — рабочіе и проч. и проч.
и проч.

Смотри, Россия, и радуйся (если это можетъ тебя радовать): какъ твои офицеры, генералы, профессора и чиновники — работаютъ на маленькихъ роляхъ и даже на черномъ труде! Не даромъ они проходили университетскіе

курсы и разныя Академіи! Теперь это имъ пригодится для тасканія камней или для переписыванія бумагъ!..

Много вины на нихъ — это правда. Кланялись низко неумнымъ капитанамъ, стоявшимъ у власти и ведшимъ государственный корабль къ погибели; молчали или поддакивали помощникамъ этихъ капитановъ — лишь бы и савмимъ перепало что либо съ «барского стола»! Ну, и дотанцовались, докланялись, доигрались!!! Теперь, таская камни и переписывая ненужные бумаги — есть о чёмъ вспомнить, о чёмъ пожалѣть, въ чёмъ покаяться! Нагрѣшили; ну — и покайтесь! ..

Такъ нѣть же! И теперь многіе безумствуютъ. Одни разыгрываютъ «правителей» и «главнокомандующихъ» (это въ чужомъ-то государствѣ и послѣ позорного провала на экзаменѣ!); другие въ солдатики играютъ, муштруя неподчиненныхъ имъ людей, треты норовятъ «выиграть» на несчастъи соотечественниковъ; четвертые не брезгаютъ ни чѣмъ въ добываніи средствъ къ жизни... Вмѣсто раскаянія и траура, многіе предаются веселію, чревоугодію, пьянству и злобѣ!

И все это — наслѣдие прошлаго. Не было тогда заложено твердыхъ началь этики и благородства: все было показное, вѣнчаное... А когда настало испытаніе — не хватило величія духа! Сразу всѣ обмельчали, обезличили и показали истинную свою сущность, сущность рабовъ и рабовладѣльцевъ въ одно и то же время!!!

Большевики... Это вѣдь тоже продуктъ прошлаго режима: озлобленные рабы, съ молокомъ матери впитавшіе ненависть по всему прошлому, являющемся для нихъ эмблемой гнета и униженія! *Сами лѣзутъ въ буржсу и капиталисты*, но прежнихъ буржуевъ и капиталистовъ ненавидятъ всѣми фибрами души, и не потому только, что «ставку» свою поставили на селяка и чернорабочаго (это вѣдь дѣло вожаковъ), а потому, повторяю, что велика ненависть ко всему прошлому — рабовладѣльческому и рабскому! О это прошлое!

Оно отравило и рабовъ, и рабовладѣльцевъ.

Первые нынѣ мрутъ съ голода и холода на Родинѣ; а вторые — и на Родинѣ, и за-границей.

И нѣть исхода пока не раскаются рабовладѣльцы и не образумятся рабы! Пока и тѣ, и другие не станутъ на путь истинно-христіанской морали и честнаго всеобщаго труда — для объединенія во имя общаго блага!

Всѣмъ русскимъ и даже всему миру нужна работоспособная и кредито-способная Россія.

Она будетъ таковою только тогда, когда станетъ на путь христіанской морали; не показной, а — дѣйствительной, въ основѣ которой лежитъ принципъ: «живи, и другому дай жить!»

Генералъ П. Залльскій.

IV.

ПЕРЕПИСКА БѢЛЫХЪ ВОЖДЕЙ
И ПРОЧ. ДОКУМЕНТЫ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ГЕНЕРАЛА Л. Г. КОРНИЛОВА
ЯНВАРЬСКИХЪ ДНЕЙ 1918 ГОДА.

Въ дни эвакуациі 1919 года, въ Музей были переданы г.* * *, копіи матеріаловъ отчета по командировкѣ въ Сибирь изъ Добр. Арм., съ приложеніями, въ числѣ которыхъ находилась и политическая программа генерала Л. Г. Корнилова январьскихъ дней 1918 г.

Нынѣ этотъ отчетъ напечатанъ въ IX т. «Архива Русской Революціі». Говоря, между прочимъ, о вышеупомянутой программѣ, авторъ отчета заявляетъ слѣдующее — «неизвѣстно являлась ли эта программа личнымъ мнѣніемъ генерала Корнилова, или же составляла она политическое credo организаціі».

Какъ лицо, находившееся въ то время во главѣ управлениія В.-Политическимъ Отдѣломъ, могу засвидѣтельствовать, что программа эта являлась, именно, личнымъ мнѣніемъ генерала Корнилова, что о ней не знали ни генераль Алексѣевъ, ни широкіе общественно-политические круги, и что она въ то время носила скорѣе характеръ проекта, который, прежде широкаго обнародованія, подлежалъ еще утвержденію.

Характеренъ фактъ получения этой программы генераломъ Алексѣевымъ.

Когда изъ разговора съ авторомъ упомянутаго выше отчета (передъ его отправленіемъ въ Сибирь) выяснилось, что онъ имѣть политическую программу, о которой генераль Алексѣевъ ничего не знаетъ, послѣдній, totчасъ же по уходѣ * * *, вызвалъ меня и продиктовалъ слѣдующее письмо (приводится по памяти):*)

«Ваше Высокопревосходительство,
Милостивый Государь
Лавръ Георгіевичъ,

до меня дошли свѣдѣнія, что Вами выработана политическая программа, являющаяся будто бы той платформой, на которой строится наша организація.

Такъ какъ обѣ этомъ прежде всего долженъ знать я, прошу Васъ не

*) Всѣ сношенія между собою генералы Алексѣевъ и Корниловъ вели путемъ переписки или черезъ офицеровъ, несмотря на то, что ихъ кабинеты находились въ одномъ помѣщении (въ д. Парамонова).

отказать въ предоставлениі мнѣ одного экземпляра означенной программы.

Уважающій Васъ

Михаилъ Алексѣевъ».

Съ этимъ письмомъ я отправился въсосѣдній кабинетъ, гдѣ находился генералъ Корниловъ, отъ котораго и получилъ одинъ экземпляръ этого документа, при чемъ генералъ Корниловъ собственноручно поставилъ вверху «№3», а затѣмъ, подумавъ немногого, въ верхнемъ правомъ углу приписалъ: «Проектъ».

Для многихъ появленіе этой программы въ то время явилось полной неожиданностью — авторство ея приписывалось, то небезызвѣстному Добрынскому, то другимъ лицамъ, окружавшимъ генер. Корнилова, и только черезъ 7 мѣс. въ печати появилось впервые описание появленія этого документа, которое и приводится здѣсь полностью.

ВЕЛИКІЙ ПАТРІОТЪ.

(31 марта — 30 сентября).

«СОЮЗЪ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССІИ» и Л. Г. КОРНИЛОВЪ.

Недавно въ газетахъ промелькнуло извѣстіе объ образованіи въ Москвѣ тайного «Союза Возрожденія Россіи», въ который вошли представители всѣхъ существующихъ въ Россіи прогрессивныхъ и демократическихъ партій отъ кадетовъ до меньшевиковъ включительно. Союзъ ставитъ своей задачей сверженіе совѣтской власти и установленіе въ Россіи, до созыва Учредительнаго Собранія, буржуазно-демократической диктатуры. На постъ диктатора «Союзъ», какъ сообщили газеты, выдвигаетъ Б. В. Савинкова.

Насколько это извѣстіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, я свѣдѣній не имѣю, но, понѣкоторой ассоціаціи событий, могу предполагать, что оно не лишено вѣроятности.

Идея созданія подобнаго союза родилась еще семь мѣсяцевъ тому назаль въ головѣ незабвенного Лавра Георгіевича Корнилова. Это было въ понедѣльникъ, 22-го января, ровно за недѣлю до рокового выстрѣла А. М. Каледина. Я сидѣлъ въ кабинетѣ у Лавра Георгіевича, въ Ростовскомъ особнякѣ Парамонова, занятомъ подъ Штабъ Добровольческой Арміи, и внимательно слушалъ его разсказъ о лихомъ дѣлѣ добровольцевъ подъ Синявкой.

Дѣло было, дѣйствительно, молодецкое. Тысячная банды большевиковъ

окружила на станции добровольческий арьергардъ въ 15 человѣкъ юнкеровъ и офицеровъ. Положеніе горсточки храбрецовъ было отчаянное, но они не только не сдались въ плѣнъ, но, послѣ горячаго боя, прогнали большевиковъ далеко за станцію, захвативъ большевистскій паровозъ съ платформой и двумя пулеметами и благополучно докатили на немъ къ своему отряду.

Генераль Корниловъ несказанно радовался успѣху и былъ въ хорошемъ расположениіи духа, несмотря на то, что первыя зловѣщія тучи, надвинувшіе вскорѣ грозной бури, уже начали гущаться на батайскомъ горизонте.

Разсказъ о подвигѣ добровольцевъ еще не былъ законченъ, когда въ кабинетъ вошелъ юный адъютантъ генерала, поручикъ Долинскій, и доложилъ, что пришелъ И. А. Добрынскій.

Съ лица генерала разомъ сбѣжала веселая улыбка. Оно сдѣлалось непроницаемо холодное и неподвижное, словно покрытое слоемъ колладія. Онъ приказалъ просить. Черезъ минуту дверь съ шумомъ открылась и въ кабинетъ широкими шагами влетѣлъ нынѣшній «министръ иностранныхъ дѣлъ» Астраханского войска.

Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ съ энглизированными усами, затянутыемъ въ новенькой «фрэнчъ» цвѣта зрѣлыхъ желудей, въ черныхъ «галифз» съ ярко желтыми астраханскими лампасами и въ черныхъ лакированныхъ сапогахъ, увѣнчанныхъ у каблуковъ парою кавалерійскихъ шпоръ. Слѣва на груди у него красовался солдатскій Георгіевскій крестикъ. Увидѣвъ генерала, онъ торопливо раскланялся и уронилъ на полъ ріпсе-лез.

— Плохая примѣта! — засмѣялся Лавръ Георгіевичъ, подавая вошедшему руку и указывая на стулъ. — Садитесь!

Добрынскій, извинившись, принялъся отыскивать упавшее ріпсе-лез. Въ комнату вошелъ генераль-майоръ Романовскій, взглянувъ на астраханца, все еще продолжавшаго близорукимъ жестомъ нашупывать подъ столомъ злополучныя стекла, на его лампасы и шпоры, чуть-чуть улыбнулся въ усы и, протянувъ Лавру Георгіевичу пачку телеграммъ, скрылся вновь за дверью.

«Верховный», какъ всѣ величали въ штабѣ генерала Корнилова, тотчасъ углубился въ телеграммы, словно забывъ о нашемъ существованіи. Но вдругъ поднялъ голову, вперилъ пару проницательныхъ глазъ въ Добрынского и громко отчеканилъ:

— Я васъ слушаю.

Я сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ въ адъютантскую генерала.

Разговоръ между Лавромъ Георгіевичемъ и астраханскимъ политикомъ продолжался около полу-часа. По долетавшимъ сквозь двери звукамъ голосовъ можно было заключить, что Добрынскій горячо убѣждалъ въ чемъ-то генерала. Тотъ молча слушалъ, но иногда сухо и рѣзко вставлялъ свои замѣчанія. И тогда въ голосѣ астраханца слышались дрожащія нотки. Отдельныхъ словъ, конечно, не было возможности разобрать.

Наконецъ голосъ Добрынского смолкъ, послышалось движение, звякнули шпоры, хлопнула дверь. Я, не осмѣливаясь вторично беспокоить Лавра Георгіевича, хотѣль было уйти домой, но, вдругъ, поручикъ Долинской нагналъ меня уже на лѣстницѣ и сказалъ: «Генераль просить вѣсъ къ себѣ».

Я поспѣшилъ вернуться.

— Вы не очень заняты? — встрѣтилъ меня вопросомъ Лавръ Георгіевичъ еще у порога.— Хочу дать вамъ маленькую работу по вашей части!

Въ то время мы всѣ на Дону были совершенно отрѣзаны отъ столицъ тѣснѣмъ кольцомъ большевистской блокады. Объ отправкѣ редакціи корреспонденцій я даже не мечталъ и приходилось цѣлыми днями томиться отъ бездѣлія. Вполнѣ понятно я выразилъ генералу живѣйшую готовность быть ему всячески полезнымъ.

Генераль Корниловъ безъ всякихъ обиняковъ объяснилъ мнѣ суть своего дѣла. Послѣднее время генерала часто посѣщали всякаго рода политическіе дѣятели и подолгу занимали его время надъ выясненіемъ личныхъ взглядовъ Лавра Георгіевича по тѣмъ, либо инымъ вопросамъ государственной политики.

Чтобы избѣжать въ дальнѣйшемъ повторныхъ разговоровъ, генераль Корниловъ и поручалъ теперь мнѣ составить ему «корниловскую программу», болѣе или менѣе дающую исчерпывающіе отвѣты на всѣ основныя задачи государственного устройства.

— Я ознакомлю васъ со своими мыслями, а вы, ужъ сами, какъ тамъ хотите, расписывайте,—сказалъ Корниловъ.— По крайней мѣрѣ отѣлаюсь разомъ, за то, кто потомъ ко мнѣ съ политикой пристанетъ — суну ему въ руку программу и до свиданія!

Я рѣшилъ попробовать воспользоваться хорошимъ расположениемъ духа генерала, чтобы удовлетворить свое корреспондентское любопытство, затронутое таинственной бесѣдой съ астраханскимъ дѣятелемъ. Онъ являлся къ тому же, какъ мнѣ стало случайно извѣстно, еще и эмиссаромъ Московскаго кривошеинско-самаринского праваго монархическаго центра и, несомнѣнно, сплеталъ какую нибудь сложную политическую интригу.

— Вамъ понадобилась программа въ связи съ визитомъ Добрынского? — задалъ я тогда осторожно вопросъ генералу.

Лавръ Георгіевичъ понялъ мой маневръ и лукаво улыбнулся.

— Бѣда съ этими корреспондентами! Все имъ надо знать. Ну, да ладно! Добрынский все уговариваетъ меня бросить Добровольческую Армію иѣхать къ Астраханскимъ казакамъ. Говорить, что тамъ уже собрано 50 миллионовъ рублей на формирование арміи. Но все это, навѣрно, не серьезно... Не вѣрю я что то въ это дѣло. Со своими добровольцами я уже сроднился, бросить ихъ не могу... Въ Астрахань все же пошлю Голицына — пусть провѣритъ. Можетъ быть и правда!.. Про программу онъ тоже говорилъ, что она нужна для пропаганды, вотъ я и вспомнилъ къ случаю...

Онъ на минуту задумался, вскочилъ порывисто со стула, прошелся раза два изъ угла въ уголъ и вдругъ разомъ бросилъ:

— Пишите!

Я досталь записную книжку, карандашъ и обратился весь во вниманіе.

И Лавръ Георгіевичъ началь пунктъ за пунктомъ, кратко, сильно и ясно, излагать свои политическія доктрины. И предо мною, вдругъ обрисовалась, во всю свою необъятную величину, другая сторона свѣтлого ума Корнилова — ума истаго государственного мужа и мудраго политика.

Всѣ русскіе полководцы, отъ временъ Суворова и до нашихъ дней, любятъ повторять одну и ту же фразу: — «я солдатъ, а не политикъ». Часто эту фразу говорилъ и Л. Г. Корниловъ. У многихъ, въ томъ числѣ и у меня, по этому сложилось убѣжденіе, что все, что вѣнчано войнами и арміями, мало интересовало покойнаго генерала. Когда теперь я вспоминаю то утро 22-го января, особенно остро чувствую — какого великаго человѣка потеряла Россія.

Генераль Корниловъ диктовалъ всего около 20 минутъ. Но этого времени для него было вполнѣ достаточно, чтобы охватить и освѣтить по пунктамъ сложнѣйшіе вопросы русской государственности.

«Преступное легкомысліе, либо сознательное предательство людей воспесенныхъ къ власти стихійной волной революціи, — диктовалъ генераль Корниловъ, — ввергнувъ нашу родину въ пучину анархіи, дали возможность торжествовать кучкѣ германскихъ наемниковъ и политическихъ шарлатановъ. Прикрываясь знаменемъ народоправства, они водворили диктатуру терни, и грозятъ окончательной гибелью всей культурно-исторической жизни страны.

Печальный опытъ революціи показалъ всю несостоятельность правительства, создаваемыхъ изъ представителей нынѣшихъ различныхъ политическихъ партій. Слишкомъ связанные въ своихъ дѣйствіяхъ партійными программами, они, либо отставали отъ требованій жизни, либо, не считаясь съ реальными силами народа, забѣгали впередъ. Государственный организмъ, безъ того надорванный міровой войной и революціей, отъ этого еще болѣе расшатывался, разлагался, создавая благопріятную почву для большевистскихъ всходовъ.

Поэтому генераль Корниловъ, вступая снова на арену открытой борьбы во имя спасенія Россіи и чести націи, ставитъ своей цѣлью сверженіе большевистского самодержавія и водворенія въ Россіи такого образа правленія, который бы возродилъ страну къ ея былому величію и вывелъ бы ее на свѣтлый путь свободы, вѣчного мира и счастья народныхъ массъ.

Такой образъ правленія можетъ быть достигнутъ единственно путемъ єдиной самоотверженной работы всѣхъ здоровыхъ национально-демократическихъ элементовъ государства, которые, слившись воедино въ одинъ могутий союзъ Возрожденія Россіи, выдѣлили бы изъ себя наиболѣе государствен-

но мыслящихъ людей, независимыхъ, сильныхъ духомъ и волей, признанныхъ патріотовъ и готовыхъ въ каждый моментъ отдать свою жизнь за благо Родины и Народа. Эти люди и составятъ правительство спасенія Россіи, безподобное для предателей, грозное для враговъ и желанное для всѣхъ вѣрныхъ, честныхъ русскихъ гражданъ».

Выждавъ, когда я покончу съ записью послѣдняго тезиса, генералъ Корниловъ началъ излагать уже отдѣльные пункты своей программы.

Всѣхъ параграфовъ набралось 14-ть. Привожу ихъ я, конечно, въ сокращенномъ видѣ.

Въ программѣ на первомъ мѣстѣ значилось возстановленіе попранныхъ большевиками правъ гражданства.

— Всѣ русскіе граждане, говорилъ генералъ Корниловъ, равны между собою. Ни сословнымъ, ни національнымъ ограниченіямъ въ свободной Россіи не можетъ быть мѣста, всѣ въ одинаковой степени отвѣтственны передъ закономъ и страной.

Затѣмъ генералъ находилъ необходимымъ возстановленіе въ первую очередь свободы слова и печати, возстановленіе свободы торговли и промышленности, отмѣну націонализаціи частныхъ финансовыхъ и промышленныхъ предпріятій, возстановленіе свободы совѣсти, возсозданіе разогнанныхъ большевиками городскихъ демократическихъ думъ и управъ, возстановленіе судовъ, введеніе всеобщаго бесплатнаго начального и средняго образованія и дарование широкой автономіи церкви.

Армія безусловно должна формироваться безъ комитетовъ и комиссаровъ, на основахъ строгой военной дисциплины, при наличіи единой воли начальства. Всѣ обязательства передъ союзниками генералъ Корниловъ считалъ ненарушимыми.

— Германія—заклятый врагъ Россіи и всего славянства, —говорилъ онъ.

— Либо полная побѣда надъ Германіей, либо гибель Россіи. Иного выбора нѣтъ.

По вопросамъ о національныхъ автономіяхъ въ Россіи, Л. Г. Корниловъ высказалъ необыкновенную терпимость.

— Польша и Финляндія,—заявилъ онъ, —должны быть не только признаны самостоятельными, но для болѣе тѣснаго и вѣчнаго союза съ великой Россіей, всячески поддержаны послѣдней и материально, и морально въ ихъ стремленияхъ къ образованію отдѣльныхъ національно-государственныхъ единицъ.

За рабочими онъ оставлялъ всѣ цѣлесообразныя завоеванія революціи, какъ-то: восьмичасовой рабочій день, право союзовъ и стачекъ, широкое развитіе кооперации, за исключеніемъ гибельнаго для развитія промышленности рабочаго контроля надъ предпріятіями.

Учредительное Собрание, созванное въ дни гражданской войны, выборы въ которое производились неравномѣрно, не всюду и не свободно, по мнѣнію

Лавра Георгієвича, не могло являться выразителемъ истинной воли народной. Правительство спасенія Россіи, по вдовреніи въ странѣ порядка и законности, должно подготовить новые выборы, со строгимъ соблюденіемъ выборныхъ законовъ и правилъ и тогда передать всю власть новому Учредительному Собранию.

Въ заключеніе земельной вопросъ генералъ Корниловъ разрѣшаль такъ государство выкупаетъ у помѣщиковъ и духовенства землю и отдаеть ее, вмѣстѣ со всѣми свободными государственными землями, бѣднѣйшимъ крестьянамъ, бесплатно, въ полную ихъ собственность; для болѣе имущихъ — по справедливой оцѣнкѣ; майоратныя земли конфискуются безъ выкупа, полностью; для помѣщиковъ, ведущихъ лично сельское хозяйство, долженъ быть установленъ достаточный максимумъ землевладѣнія. Генералъ Корниловъ разсчитывалъ такимъ образомъ привлечь на сторону будущаго правительства миллионы вновь образовавшихся мелкихъ собственниковъ.

Послѣдній земельный пунктъ, однако, при окончательной редакціи «Корниловской программы», по настоянію П.Н. Милюкова, былъ измѣненъ генераломъ приблизительно въ духѣ кадетскихъ требованій.

Въ тотъ-же день я закончилъ данную мнѣ работу. Перепечатавъ программу на машинкѣ съ 5-ю копіями, я отнесъ ее генералу. На третій день я былъ вновь приглашеннѣ къ нему. Протягивая мнѣ подписанный имъ одинъ изъ экземпляровъ программы, Лавръ Георгіевичъ, смѣясь, заявилъ:

— У васъ легкая рука! Программа всѣмъ понравилась. Для проведенія ея мнѣ совѣтуютъ образовать «Союзъ Возрожденія Россіи». Какъ прогонимъ большевиковъ отъ Ростова, такъ сейчасъ и займусь этимъ дѣломъ; нужно будетъ выработать уставъ и тактику Союза.

Я предложилъ свои услуги по наброскѣ конспекта устава. Генералъ горячо пожалъ мою руку:

— Спасибо! Буду радъ. Займитесь!..

Таковы были послѣдніе политические замыслы генерала Корнилова. Увы, ему такъ и не пришлось осуществить ихъ самому.

Объ идеѣ Корниловскаго союза я, между прочимъ, рассказалъ ротмистру Н. К. Кузьмину-Караваеву и б. комиссару при VII арміи, доктору Н. Г. Григорьеву, работавшимъ при Политическомъ Совѣтѣ Добровольческой Арміи въ группѣ Б. В. Савинкова. Она ихъ привела въ восхищеніе.

Оба потомъ, послѣ разгрома Ростова, уѣхали въ Москву къ Савинкову, захвативъ съ собою копіи политической программы Л. Г. Корнилова и составленного мною конспекта будущаго устава Союза Возрожденія. Конспектъ былъ уже разсмотрѣнъ и одобренъ генераломъ.

Быть можетъ нынѣшній Союзъ Возрожденія Россіи, объединившій въ

Москвѣ всѣ національно-демократическія политическія теченія, и явился осуществленіемъ замысла великаго русскаго патріота. Если нѣть, привожу эти строки для установленія исторической точности.

М. Лембичъ.

Екатеринодаръ,
4-го сентября 1918 года.

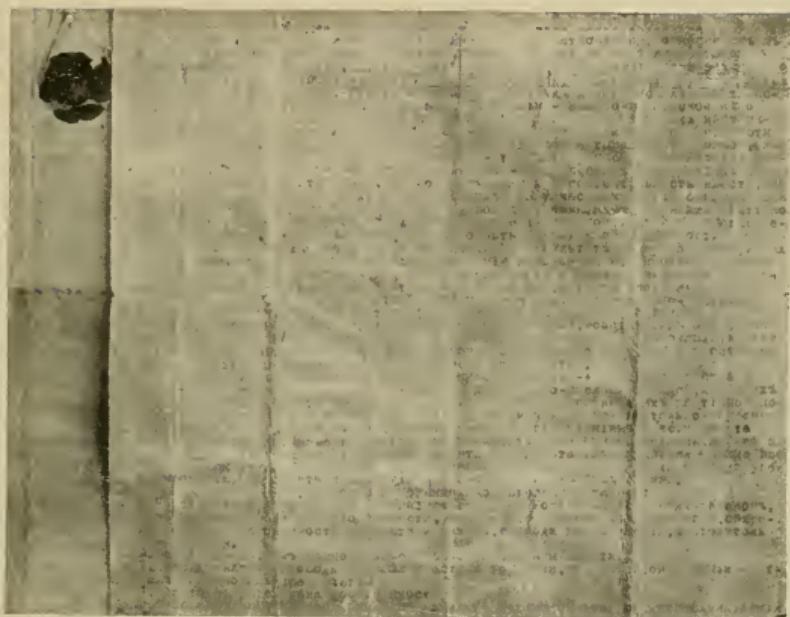
П О Л И Т И Ч Е С К А Я П Р О Г Р А М М А Г Е Н.
КОРНИЛОВА. *)

Преступное легкомысліе либо сознательное предательство людей, вознесенныхъ къ власти стихійной революціонной волной, привело страну въ состояніе полной дезорганизаціи и анархіи. То, что предсказывалъ ген. Корниловъ въ первые дни освободительного движенія, съ чѣмъ онъ рыцарски боролся, наконецъ, свершилось: — Россія оказалась въ рукахъ политическихъ авантюристовъ, дѣлающихъ подъ флагомъ соціальной революціи — велико-германское дѣло разложенія боевой мощи страны. Играя, съ одной стороны, на низменныхъ инстинктахъ темныхъ народныхъ массъ, съ другой — на моральной и физической усталости широкихъ слоевъ русскаго общества, вызванной тяжелой четырехлѣтней войной, такъ называемой «Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ», утвердилъ у насъ деспотическую диктатуру черни, несущую гибель всѣмъ культурно-историческимъ завоеваніямъ страны.

Печальный опытъ революціи показалъ полную несостоятельность власти, созданной представителями различныхъ нынѣшихъ политическихъ партій, слишкомъ связанныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ мертвой буквой программы. Какъ въ рядахъ партійной демократіи, взявшей на себя ініціативу управлія страной, такъ и въ противоположномъ лагерь, вслѣдствіе этого не могло быть достаточной увѣренности и твердости въ опредѣленіи своей линіи поведенія. Въ результатѣ пожарь анархіи, вспыхнувшій въ центрахъ и перенесшійся въ армію и на окраины, неизбѣжно сметаль всѣ политическія комбинаціи, выдвигаемыя сторонами и привель наконецъ къ господству германо-большевизма. Поэтому ген. Корниловъ, вступая снова на арену политической борьбы во имя спасенія Россіи и чести націи, ставить своей цѣлью сокрушеніе большевистскаго самодержавія и замѣну его такимъ образомъ правленія, который обеспечивалъ бы въ странѣ порядокъ, возстановилъ бы попранныя права гражданства и, закрѣпивъ цѣлесообразная завоеванія революціи, вывелъ бы Россію на свѣтлый путь свободы и прочнаго почетнаго мира, столь необходимаго для культурно-экономического прогресса государства.

*) Полный текстъ.

Есть статья М. Чембала:
«Политическая программа И. Г. Корнилова».

Такой образъ правления ген. Корниловъ видить: — создание въ странѣ временной сильной Верховной власти изъ государственно-мыслящихъ людей, для коихъ интересы Родины стоять безспорно выше вопросовъ преуспѣянія ихъ партійной политики, и которые, въ своихъ дѣйствіяхъ, руководились бы исключительно искренней любовью къ Родинѣ и горячимъ самоотверженнымъ стремленіемъ спасти ее отъ неизбѣжной гибели. Низвергнувъ гибельную диктатуру черни и оперевшись на всѣ здоровые національно-демократические элементы народа, эта власть должна прежде всего свои усилия направить къ подавленію анархіи, возрожденію арміи, урегулированію транспорта и поднятію производительныхъ силъ страны.

Общія основанія Корниловской программы таковы:

1. Возстановленіе правъ гражданства: всѣ граждане равны передъ закономъ безъ различія пола и національности, уничтоженіе классовыхъ привилегій, сохраненіе неприкосновенности личности и жилища, свобода передвиженій, мѣстожительства и проч.,
2. Возстановленіе въ полномъ объемѣ свободы слова и печати,
3. Возстановленіе свободы промышленности и торговли, отмѣна націонализациі частныхъ финансовыхъ предпріятій,
4. Возстановленіе права собственности,
5. Возстановленіе русской арміи на началахъ подлинной военной дисциплины. Армія должна формироваться на добровольческихъ началахъ (по принципу англійской арміи), безъ комитетовъ, комиссаровъ и выборныхъ должностей,
6. Полное исполненіе всѣхъ принятыхъ Россіей союзныхъ обязательствъ международныхъ договоровъ. Война должна быть доведена до конца въ тѣсномъ единеніи съ нашими союзниками. Миръ долженъ быть заключенъ всеобщій и почетный на демократическихъ принципахъ, т. е. съ правомъ на самоопределение порабощенныхъ народовъ.
7. Въ Россіи вводится всеобщее обязательное начальное образование съ широкой мѣстной автономіей школы,
8. Сорванное большевиками Учредительное Собрание должно быть созвано вновь. Выборы въ Учредительное Собрание должны быть произведены свободно, безъ всякаго давленія на народную волю и во всей странѣ. Личность народныхъ избранниковъ священна и неприкосновенна.
9. Правительство, созданное по программѣ ген. Корнилова, отвѣтственно въ своихъ дѣйствіяхъ только передъ Учредительнымъ Собраниемъ, коему она и передастъ всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное Собрание, какъ единственный

- хозяинъ Земли Русской, должно выработать основные законы русской конституціи и окончательно сконструировать государственный строй.
10. Церковь должна получить полную автономію въ дѣлахъ религіи. Государственная опека надъ дѣлами религіи устраивается. Свобода въроиспovѣданій осуществляется въ полной мѣрѣ.
  11. Сложный аграрный вопросъ представляется на разрѣшеніе Учредительного Собрания. До разработки послѣднимъ въ окончательной формѣ земельного вопроса и изданія соответствующихъ законовъ, всякаго рода захватно-анархической дѣйствія гражданъ признаются недопустимыми.
  12. Всѣ граждане равны передъ судомъ. Смертная казнь остается въ силѣ, но примѣняется только въ случаяхъ тягчайшихъ государственныхъ преступленій.
  13. За рабочими сохраняются всѣ политico-экономической завоеванія революціи въ области нормировки труда, свободы рабочихъ союзовъ, собраній и стачекъ, за исключениемъ насильственной соціализации предпріятій и рабочаго контроля, ведущаго къ гибели отечественной промышленности.
  14. Генералъ Корниловъ признаетъ за отдѣльными народностями, входящими въ составъ Россіи, право на широкую мѣстную автономію, при условіи, однако, сохраненія государственного единства. Польша, Украина и Финляндія, образовавшіяся въ отдѣльныя национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны Правительствомъ Россіи въ ихъ стремленіяхъ къ государственному возрожденію, дабы этимъ еще болѣе спаять вѣчный и несокрушимый союзъ братскихъ народовъ.

Ген. Корниловъ.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА М. В. АЛЕКСѢЕВА НАЧАЛЬНИКУ ТАГАНРОГСКАГО ЦЕНТРА ПОЛКОВНИКУ БАРОНУ М. И. ШТЕНГЕЛЮ.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ
Добровольческая Армія

Милостивый Государь
Михаилъ Ивановичъ,

Прежде всего выражаютъ свое глубокое удовольствіе энергией, съ которой ведется работа въ Таганрогѣ, поэтому при семъ препровождаю Вамъ особое письмо, которое Вамъ надлежитъ объявить въ Союзѣ Солдатъ.

Привлеченіе лѣвыхъ элементовъ подъ тѣмъ лозунгомъ, который Вы указали въ своемъ рапортѣ, не представляется возможнымъ. Въ общемъ процессъ революціи идея Учредительного Собрания мало по малу отходитъ назадъ, и устроеніе государственного порядка произойдетъ, повидимому, какими то иными путями; кромѣ того, и политическая обстановка такова, что еще не скоро создадутся условія, при которыхъ можно было бы въ Учредительное Собрание произвести выборы и его созвать. Необходимо считаться съ существующимъ положеніемъ вещей и поэтому лозунгъ «Учредительное Собрание», надлежитъ признать нынѣ уже мало дѣйствительнымъ для практической работы (чего не отрицаютъ даже и лѣвые элементы).

Полномочія Вамъ посылаются, но объединеніе общественныхъ круговъ надлежитъ производить съ осторожностью, въ томъ смыслѣ, чтобы не принимать на себя какихъ либо партійныхъ лозунговъ; созданіе Единой Россіи и освобожденіе ея отъ порабощенія вѣшнимъ врагомъ настолько могутъ служить для объединенія всѣхъ истинно-государственныхъ элементовъ, что иныхъ лозунговъ пока и не требуется.

Вербовку добровольцевъ возьмите болѣе въ свои руки: необходимо въ корнѣ пресечь наборъ добровольцевъ вербовщиками отдѣльныхъ частей; это только вредно отзывается на дѣлѣ. Вамъ должно быть известно объявление Военно-Политического Отдѣла, помѣщенное въ Новочеркасскихъ и Ростовскихъ газетахъ, въ которомъ этотъ вопросъ разъясняется; одинъ экземпляръ Вамъ посылаю.

Районъ, находящійся въ Вашемъ вѣдѣніи, необходимо использовать вполнѣ, но слѣдуетъ воздержаться отъ посылки вербовщиковъ въ районы,

смежные Вашему, т.к. это можетъ привести къ путаницѣ въ дѣлѣ. Ближайшими къ Вамъ центрами являются: Харьковъ, Екатеринославъ, Киевъ и, кроме того, центры, обслуживающіе Крымъ: Ялта, Симферополь, Севастополь. Въ ближайшее время Вамъ будетъ выслана подробная схема.

Желаніе семейныхъ офицеровъ, чтобы часть жалованья выдавалась имъ на мѣстѣ, въ Таганрогѣ, неисполнимо, къ сожалѣнію; это явилось бы чрезвычайно затруднительно для нашихъ финансовыхъ и контрольныхъ органовъ. Въ борьбѣ со всякаго рода самозванцами, появляющимися въ Таганрогѣ, лучше было бы воздержаться отъ содѣйствія нѣмецкаго коменданта; съ этимъ нужно бороться своими средствами и, прежде всего, тѣмъ, что взять дѣло въ свои руки настолькоочно прочно, чтобы для самозванцевъ не оставалось поля пѣятельности.

Офицеры бывшаго Заамурскаго полка на полученіе лошадей въ нашихъ конныхъ частяхъ расчитывать могутъ.

Увѣдомленіе Васъ о томъ, куда зачислены прибывающіе отъ Васъ добровольцы, очень затруднительно, т.к. фактическое распределеніе по частямъ производится въ Арміи.

Прошу принять увѣренія въ моемъ къ Вамъ уваженіи и преданности

Мих. Алексѣевъ.

№ 87.

5 іюля 1918 года.

Новочеркасскъ.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА М. В. АЛЕКСѦЕВА Г-ЖѦ Х.

Генералъ АЛЕКСѦЕВЪ.
Добровольческая Армія.

Милостивая Государыня,

Полковникъ Сергѣй Николаевичъ Р—ій сообщилъ мнѣ, что у Васъ находятся нѣкоторыя денежныя суммы, собранныя при Вашемъ содѣйствіи и предназначаемыя Добровольческой Арміи.

Я поручаю полковнику Генерального Штаба Лисовому обратиться лично къ Вамъ по этому вопросу, дабы не беспокоить Васъ перепиской.

Если бы сообщеніе полковника Р-го оказалось правильнымъ, то я могу лишь выразить Вамъ свою глубокую благодарность за тотъ трудъ, который Вы приняли на себя въ этомъ дѣлѣ.

Помимо того значенія, которое для нась можетъ имѣть финансовая поддержка, я радъ быть сочувстїе нашему дѣлу встрѣтить именно у Васъ.

Прошу принять увѣренія въ моемъ глубокомъ къ Вамъ уваженіи и въ совершенной преданности.

Михаилъ Алексѣевъ.

№ 88.

5 іюля 1918 года.

Гор. Новочеркасскъ.

ПИСЬМО ГЕН. М. В. АЛЕКСѢЕВА ГЕН. А. П. БОГАЕВСКОМУ.

Копія.

Спѣшно.

Генералъ АЛЕКСѢЕВЪ.

Милостивый Государь
Африканъ Петровичъ,

Какъ Вамъ извѣстно, Добровольческая Армія испытываетъ большую нужду во всѣхъ видахъ довольствія.

Не будучи въ состояніи получить отъ Всевеликаго Войска Донского тѣхъ или иныхъ предметовъ снаряженія, обмундированія и продовольствія, Добровольческая Армія въ тоже время не можетъ самостоительно, безъ соответствующаго разрѣшенія, пріобрѣсти эти предметы путемъ закупокъ. Между тѣмъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, многіе изъ необходимыхъ для нась предметовъ имѣются въ продажѣ на рынкѣ въ Ростовѣ.

Въ виду изложеннаго прошу Васъ не отказать въ представлениі права производства покупокъ представителю Добровольческой Арміи, каковымъ является купецъ Мefодій Константиновичъ И-въ и о выдачѣ на его имя разрѣшенія, которое имъ лично будетъ вручено Областному и Окружному Интендантамъ Всевеликаго Войска Донского — послѣднее и желательно оговорить въ означенномъ разрѣшеніи. Считаю необходимымъ поставить Васъ въ извѣстность, что такое рѣшеніе вопроса во многомъ облегчить тяжелое положеніе Добровольческой Арміи.

Примите увѣренія въ искреннемъ къ Вамъ уваженіи и пр.

№ 64.

29-го Іюня 1918 г.
г. Новочеркасскъ.

Мих. Алексѣевъ.

ИЗЪ БЛОКНОТА ГЕНЕРАЛА М. В. АЛЕКСѢЕВА.

РАДІОГРАММА

генерала М. В. Алексѣева генералу А. И. Деникину.

Командующему Арміей.

Доблестное поведение въ бою подъесаула Ф—ва, его тяжелое ранение являются данными, смягчающими, а быть можетъ совершенно заглаживающими вину его передъ Донскимъ Войскомъ, къ составу коего принадлежалъ онъ во время нарушенія имъ долга службы и казака-гражданина. Къ составу этого Войска онъ принадлежить и въ настоящую минуту.

Полагаю, что нѣть законныхъ оснований изъять дѣло подъесаула Ф—ва изъ общаго порядка подследственности и подсудности, опредѣленного кн. XXIV С.В.П. 1869 г., донынѣ неотмѣнной.*)

Ген. Алексѣевъ.

*) Подъесауль Ф—въ, совершивъ какой то проступокъ въ бытность его на службѣ въ Донской Арміи, съ цѣлью избѣгнуть наназанія, «самовольно перевелся» на службу въ Добровольческую Армію.

Несмотря на справедливое требование Донскихъ властей о «выдачѣ» названного офицера — штабъ Добр. Арміи, подъ разными предлогами, уклонился отъ исполненія — дѣло дошло до генер. Алексѣева, который въ этомъ вопросѣ опредѣленно站ъ на сторону Атамана Всея В. Донского.

Случай этотъ былъ не единственный и «перелетные пташки» подобнаго рода бывали съ обѣихъ сторонъ.

ЦЕРЕПИСКА О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВѢ НА ВЕРСАЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦІИ

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА А. П. БОГАЕВСКАГО ГЕНЕРАЛУ
А. И. ДЕНИКИНУ

Предсѣдатель
Совѣта
Управляющій Отдѣлами
Правительства
Засвѣдѣлого Войска Донскаго
12-го октября 1918 г.
№ 1145.
Ростовъ н/Д.

Его Превосходитељству А. И. ДЕ-
НИКИНУ, Главнокомандующему Добро-
вольческой Арміей.

Милостивый Государь
Антонъ Ивановичъ,

По порученію Донскаго Атамана, обращаюсь къ Вамъ со слѣдующимъ
предложеніемъ:

События на Западѣ, а такъ же на Балканскомъ полуостровѣ, настолько
измѣняютъ общее положеніе, что весьма возможно скорое заключеніе мира и
конференція, на которой, очевидно, будетъ рѣшаться такъ же и судьба Россіи.
Чрезвычайно допустить, чтобы этотъ вопросъ рѣшался безъ участія представи-
телей отъ тѣхъ частей Россіи, котораяю своими силами добивались само-
стоятельного существованія или при участіи представителей Совѣтской
части, съ которой всѣ мы ведемъ упорную борьбу.— Конечно, на конферен-
ціи должны быть представители настоящей Россіи, желающіе ея возстанов-
ленія въ прежнихъ предѣлахъ и моши; но предварительно необходимо всѣмъ
памъ сговориться о томъ — какія требованія предъявить на будущемъ между-
народномъ совѣщаніи. — Для этого было бы желательно уже теперь обмѣ-
няться мнѣніями, для чего Донской Атаманъ предлагаетъ Вамъ созвать
совѣщаніе въ Екатеринодарѣ, на которое будетъ присланъ представитель
Дона, — или согласиться на то, чтобы починъ въ этомъ дѣлѣ взялъ на себя
генераль Красновъ; тогда совѣщаніе будетъ собрано въ Новочеркасскѣ.

Не откажите увѣдомить меня для доклада Атаману Ваше рѣшеніе по
этому вопросу.

Примите увѣренія въ совершенномъ уваженіи и преданности
А. Богаевскій.

ОТВѢТЬ ГЕНЕР. А. И. ДЕНИКИНА ГЕНЕР. А. П. БОГАѢВСКОМУ

Главнокомандующій
Добровольческой Арміей
(по Общему Управл.).
25-го Октября 1918 года.

№ 318.

г. Армавиръ.

Милостивый Государь
Африканъ Петровичъ,

Вопрѣкъ, затронутый въ Вашемъ письмѣ отъ 12 Октября за № 1145, представлять чрезвычайную важность и я вполнѣ согласенъ съ Атаманомъ Всевеликаго Войска Донскаго о необходимости теперь же приступить къ обмѣну миѣній по этому вопросу.

Особое Совѣщеніе при Добровольческой Арміи, состоявшееся 12 Октября подъ моимъ предсѣдательствомъ, уже намѣтило нѣкоторыя положенія, которыя необходимо поставить въ основаніе при предстоящихъ переговорахъ о перемирии, а затѣмъ и на мирной конференції.

Эти положенія, прилагаемыя при семъ въ копіи, и могли бы быть положены въ основаніе работъ того совѣщенія, которое я, согласно предложенія Атамана, считалъ бы желательнымъ собрать въ Екатеринодарѣ.

Въ возбужденномъ Вами вопросѣ о представительствѣ на будущей мирной конференціи — несомнѣнно то, что нѣть никакой возможности создавать такое коллективное представительство, въ которомъ приняли бы участіе делегаты отъ всѣхъ тѣхъ частей и областей Россійскаго Государства, которымъ удастся сговориться между собою до начала мирной конференціи.

Единственнымъ возможнымъ рѣшеніемъ этого вопроса, при настоящихъ условіяхъ, я считалъ бы установленіе, на предстоящихъ совѣщеніяхъ въ Екатеринодарѣ, перечня опредѣленныхъ лицъ, изъ числа дипломатовъ, генераловъ и финансистовъ-экономистовъ съ именами настолько извѣстными и въ Россіи, и заграницей, чтобы имъ можно было бы ввѣрить защиту интересовъ всей Россіи на всемірномъ конгрессѣ.

Словомъ, я полагалъ бы остановиться на принципѣ персонального назначенія въ составѣ delegaciіи опредѣленныхъ лицъ, а не на принципѣ представительства отъ каждой области, вошедшей въ объединеніе.

Желательно, чтобы Вашимъ представителямъ были бы даны по этому вопросу надлежащія инструкціи.

Затѣмъ я пошель бы далѣе. Общность задачъ, которыя приняли на себя Всевѣликое Войско Донское и Добровольческая Армія, въ дѣлѣ освобожденія страны отъ власти большевиковъ и возсозданія единства, моши и величія нашей Родины, властно требуетъ полнаго взаимодѣйствія всѣхъ

вооруженныхъ силъ и всѣхъ правительствъ, принявшихъ на себя въ полной мѣрѣ указанную задачу. Для этого я считалъ бы своевременнымъ поднять на проектируемыхъ совѣщаніяхъ въ первую очередь вопросъ объ объединеніи командований вооруженными силами, ведущими бои противъ большевиковъ на территории Донского, Кубанскаго, Терскаго и Астраханскаго казачьихъ войскъ и въ предѣлахъ Черноморской и Ставропольской губерніи. Объединеніе это должно коснуться, главнымъ образомъ, оперативной части и части военного снабженія войсковыхъ соединеній, находящихся на боевыхъ фронтахъ.

Одновременно желательно подвергнуть обсужденію вопросъ и объединеніи въ тѣхъ же областяхъ и губерніяхъ дѣла внѣшнихъ сношеній, тѣсно связанныя съ общимъ оперативнымъ командованіемъ.

Если на нашихъ совѣщаніяхъ, исходя изъ самаго искренняго желанія найти пути къ полному единству въ нашемъ общемъ, великому и святымъ дѣлѣ, намъ удастся сговориться по перечисленнымъ мною кардинальнымъ вопросамъ, то въ недалекомъ будущемъ можно было бы выдвинуть на очередь объединеніе и въ тѣхъ отрасляхъ государственного устройства, которыхъ Донской Атаманъ перечислилъ въ своемъ письмѣ отъ 3 Сентября сего года № 679, а именно:

- а) установление общей системы денежныхъ знаковъ,
- б) объединеніе учрежденій Государственного Банка и другихъ учрежденій Министерства Финансовъ,
- в) объединеніе учрежденій Министерства Юстиціи,
- г) объединеніе продовольственного дѣла и торговопромышленной политики, а въ особенности товарообмена,
- д) въ связи съ пунктомъ г) — уничтоженіе внутреннихъ таможень и объединеніе границъ,
- е) объединеніе управлений путями сообщенія, почты и телеграфа.

Въ случаѣ согласія Донского Атамана на вышеизложенную программу, прошу меня увѣдомить въ спѣшномъ порядке, какіе именно вопросы Вы полагали бы возможнымъ поставить на обсужденіе первого совѣщанія и что явится на немъ представителями Всевеликаго Войска Донского, въ зависимости отъ чего мною будетъ окончательно намѣченъ день засѣданія и будутъ назначены представители отъ Добровольческой Арміи и приглашены представители отъ Кубанскаго Казачьяго Войска.

Позволяю себѣ выразить надежду, что этотъ первый шагъ къ «собиранию Земли Русской» приведетъ къ полному единству всѣхъ нашихъ будущихъ действий на пользу всѣми нами горячо любимой Родины.

Примите увѣреніе въ искреннемъуваженіи и преданности.

А. Деникинъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ПИСЬМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИЕЙ ОТЪ 25 ОКТЯБРЯ 1918 Г. ЗА № 318.

ВЫПИСКА

изъ журнала № 5 Особаго Совѣщанія при Главнокомандующемъ Добровольческой Арміей.

Засѣданіе 12 Октября 1918 года.

СЛУШАЛИ:

- 1) .....
- 2) Предложеніе Главнокомандующаго обсудить вопросы:
  - а) .....
  - б) о подготовкѣ къ предстоящимъ мирнымъ переговорамъ.

ПОСТАНОВИЛИ:

- 1) .....
- 2) .....
- а) .....
- б) При подготовкѣ къ предстоящимъ мирнымъ переговорамъ принять за основание нижеслѣдующія положенія:

1) Единство представительства Россіи на мирной конференціи, съ исключениемъ изъ него делегатовъ большевистскихъ и тѣхъ территоріальныхъ образованій, которыя въ своихъ основныхъ принципахъ расходятся съ цѣлями Добровольческой Арміи.

2) Аннулированіе политическихъ и экономическихъ договоровъ, заключенныхъ съ Германіей, или съ ея союзниками, а также самостоятельныхъ актовъ о введеніи въ занятыхъ областяхъ того или иного порядка управления. Возстановленіе нарушенныхъ такими договорами или актами, правъ, возмѣщеніе причиненныхъ этимъ путемъ убытковъ (возвратъ золота, военного и торговаго флота, предметовъ вооруженія, подвижного состава желѣзныхъ дорогъ и пр.) и прекращеніе вывоза изъ Россіи продовольствія и имущества.

Это требованіе, само собою разумѣется, не имѣть въ виду соглашеній, заключенныхъ Державами Согласія.

3) Очищеніе Германіей и ея союзниками русской территоріи въ предѣлахъ границъ 1914 года, включая и Финляндію.

Такое же требованіе признается необходимымъ и въ отношеніи Польши.

4) Занятіе на русской территоріи, оккупированной нынѣ Германо-Австро-Турецкими войсками главнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ или иныхъ важныхъ въ стратегическомъ отношеніи пунктовъ русскими частями, или же временно войсками державъ Согласія до момента сформированія достаточно сильныхъ русскихъ отрядовъ.

5) Немедленный приступъ къ обмѣну военно-плѣнными.

6) Обязательство Германіи и ея союзниковъ препятствовать какимъ бы то ни было способомъ возвращенію въ Россіи единаго прочнаго строя.

ПРЕДСЪДАТЕЛЬСТВОВАЛЪ: Главнокомандующій
генералъ-лейтенантъ Деникинъ.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: А. М. Драгомировъ, А. С. Лукомскій,
А. А. Нератовъ, В. А. Степановъ, В. В.
Шульгинъ, А. С. Макаренко, О. О. Гейманъ,
В. А. Лебедевъ, А. С. Санниковъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Начальникъ Политической Канцеляріи
Генерального Штаба полковникъ (подпись).

ТЕЛЕГРАММА

Предсѣдателю Совѣта Управляющихъ Отдѣлами генералу Богаевскому.

Сообщаю для свѣдѣнія копію отвѣта Министру Иностранныхъ Дѣлъ Украины его циркулярную депешу 22 ноября старого стиля *двоеточіе кавычки* Киевъ Министру Иностранныхъ Дѣлъ Афанасьеву Циркулярную телеграмму 22 ноября получилъ опозданіемъ отъ Донского Правительства точка Главнокомандующій Добрарміи вполнѣ раздѣляетъ необходимость совмѣстнаго обсужденія вопросовъ связанныхъ возстановленіемъ единства Россіи и полагаетъ *двоеточіе* первое виду событій послѣдняго времени Киевъ какъ мѣсто съезда нежелателенъ предпочтительный Екатеринодаръ или Симферополь въ т о р о е обсужденіе отношений къ различнымъ державамъ для Добрарміи является излишнимъ Добрармія всегда признавала только твердую солидарность всѣхъ дѣйствій Державами Согласія и нынѣ твердо ведеть политику томъ же направлениі и не имѣть никакихъ оснований отступать отъ него и впредь точка Третье участіе конференціи Грузіи правительство коей стоитъ опредѣленной самостійнической позиціи и ведеть политику крайне враждебную Россіи и унижающую достоинство русскаго имени Добрармія считаетъ совершенно недопустимымъ пока Грузія не измѣнить своего отношенія вопросъ возстановленія Россіи точка №623 Екатеринодаръ 16 ноября Предсѣдатель Особаго Совѣщанія при Главнокомандующемъ Добровольческой Арміи генераль Драгомировъ *кавычки* точка № 658 Екатеринодаръ 18 ноября Драгомировъ.

ПЕРЕПИСКА ПО ГРУЗИНСКОМУ ВОПРОСУ

ПИСЬМО ГЕН. А. П. БОГАЕВСКАГО ГЕН. А. И. ДЕНИКИНУ.

Милостивый Государь
Антонъ Ивановичъ,

Всѣ Ваши письма на мое имя своевременно были доложены мною Донскому Атаману и Правительству. Ваши указанія и пожеланія приняты во вниманіе и при будущихъ переговорахъ и совѣщаніяхъ, лицамъ, которые будутъ для этого назначены, будутъ даваться соотвѣтствующія указанія.

Что касается вопроса объ отношеніяхъ съ Грузіей, то пока они еще не наладились. Еще до полученія Вашего письма, по настоянію отставного генераль-маиора Токай-Швили (грузинъ), постоянно живущаго въ Ростовѣ и много лѣтъ служившаго на Дону, Атаманомъ была обѣщана для Грузіи партія хлѣба въ 15 вагоновъ въ обмѣнъ на батумскій чай, табакъ и пр. Часть этого хлѣба выдана съ условіемъ, чтобы при раздачѣ его въ Грузіи могли получить долю и русскіе жители, что и было обѣщано генераломъ Токай-Швили. Послѣдній; а такъ же русскіе офицеры, пріѣзжавшіе ко мнѣ съ Кавказа, увѣряютъ, что грузинскій народъ въ массѣ не проявляетъ никакой враждебности къ русскому населенію; этого желаетъ кучка авантюристовъ, составляющая нынѣ грузинское самозванное правительство, занявшееся усердной націонализацией всего негрузинскаго.

По частнымъ свѣдѣніямъ, Грузія предполагаетъ послать офиціальное посольство на Донъ для установленія съ нимъ добрыхъ отношеній; пока же изъ Тифлиса прибылъ консулъ, съ которымъ, однако, до сихъ поръ имѣть дѣла не приходилось. Нашего представителя въ Грузію также не назначено.

А. Богаевскій.

ЗЫПИСКА ИЗЪ ДОКЛАДА-ПИСЬМА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В. В. Д.
ПРИ КУБАНСКОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВѢ 13 СЕНТЯБРЯ 1919 Г.

АТАМАНЪ

I.

Зимовой Станицы
Представитель Всевеликаго
Войска Донского
при Кубанскомъ Прави-
тельствѣ.

№ 9.

13 Сентября 1919 года
г. Екатеринодарь
Графская ул., д. № 28.

..... Цѣль посольства — опредѣленіе границъ между Грузинской республикой и Кубанью и райономъ, занятымъ Добровольческой Арміей, а также и по товаро-обмѣну и, какъ мнѣ кажется, это и есть главная побудительная причина ихъ прѣѣзда, такъ какъ въ Грузіи острая нужда въ хлѣбѣ и фуражѣ.

Между прочимъ, грузинамъ еще ранѣе какимъ то путемъ, вѣроятно по прошенію съ кубанцами, удалось получить разрѣшеніе на вывозъ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ муки или пшеницы и фуража, но когда этотъ грузъ плѣдовалъ съ Кубани черезъ Новороссійскъ, то онъ тамъ былъ задержанъ оеннымъ губернаторомъ, полковникомъ Добровольческой Арміи, кажется, Кутеповымъ.

Вчера же было первое засѣданіе Грузинского посольства съ Верховнымъ Командованіемъ Добровольческой Арміи: генералами Алексѣевымъ, Драгорѣвымъ, Деникинымъ, Лукомскимъ и Романовскимъ — также участвовалъ Шульгинъ, а отъ Кубанского Правительства — Бычъ и одинъ Управляющей тѣломъ. Долженъ быть быть на этомъ засѣданіи и Войсковой Атаманъ А. П. Ролимоновъ, но онъ уѣхалъ еще 8-IX въ Ейскъ — официально для осмотра порта — вообще по служебнымъ дѣламъ, а по другой версіи — онъ уѣхалъ просто на охоту съ хорошими знакомыми — вообще А. П. не особенно себя труждаетъ работой и дѣлами, что можетъ отразиться невыгодно для него а предстоящихъ выборахъ на Радѣ Атамана.

Передъ его отѣздомъ у него былъ роскошный вечеръ, на который и я олучилъ приглашеніе, какъ лично — онъ заѣхалъ меня пригласить, — такъ и исьменно, официальнымъ письмомъ, въ 8 час. веч., на чашку чая, которая атинулась до 3-хъ часовъ ночи. Ровно въ 12 часовъ былъ поданъ прекрасный астрономической ужинъ съ массой изысканныхъ блюдъ — столъ былъ шикар-

но сервированъ, масса цветовъ, фруктовъ и изобиліе винъ, ликеровъ и всякихъ прочихъ крѣпкихъ напитковъ. Вечеръ не носилъ характера официальнаго, хотя и было на вечерѣ не менѣе 24 персонъ—были ген. Драгомировъ, (Алексѣевъ отсутствовалъ по болѣзни), Деникинъ, Эрдели, Романовскій, Невадовскій—были и дамы, въ томъ числѣ и м-мъ Деникина. Но никого изъ членовъ Правительства — ни Быча, ни Рябовола. Весь вечеръ игралъ прекрасный оркестръ, пѣль чудный хоръ войсковыхъ пѣсенниковъ и казаками и мальчуганами-казачатами исполнялись танцы: казачокъ, гопакъ и неизмѣнная лезгинка. Быль исполненъ и гимнъ Кубани, при исполненіи которого не вставали.

Почему допускается Правительствомъ Грузинской Республики, не только неуваженіе, а возмутительное отношение вообще къ русскимъ и къ офицерамъ въ особенности? Этими грѣшить отнюдь не простой народъ, а Правление Круга и интеллигенція. Не задаются ли грузины цѣлью, совмѣстно съ нѣмцами, окружить враждебнымъ отношеніемъ къ Добровольческой Арміи?

На какомъ основаніи Грузія заняла часть Черноморской губернії? Гегечкори всячески старается отвѣтить уклончивыми отвѣтами: такъ, напримѣръ, по поводу Черноморской губ. онъ началъ издалека не по вопросу, а съ воскуренія фіміама Добровольческой Арміи, что, дескать, доблестная героическая Добровольческая Армія, поставившая себѣ такую великую цѣль, освобожденіе отъ большевиковъ всей родины — Россіи, и что, какъ понимаютъ они, грузины, всѣ помыслы, цѣли и желанія Добровольческой Арміи должны быть направлены туда — на сѣверъ, на Москву и Петроградъ, а не на такой (сравнительно съ поставленной цѣлью клочекъ) участокъ незначительный, какъ Черноморская губернія. Что грузины расчитывали этимъ оказать дружескую услугу (ловкій господинъ), занявъ и такимъ образомъ охраняя Черноморскую губернію. Что въ ихъ планы — теперяшняго состава Правительства — отнюдь не входить непріемлемое, а тѣмъ болѣе враждебное отношение къ Добровольческой Арміи и что если бы такая политика по отношению къ Добров. Арміи, да еще съ нѣмцами вмѣстѣ, была возможна или предполагалась, — онъ, Гегечкори, точасъ же, какъ и его коллеги, ушли бы изъ состава Правительства. Что никакого преслѣдованія русскихъ въ Грузіи не наблюдается.

По послѣднему отвѣту неудачное и довольно безтактное выступленіе сдѣлалъ Бычъ, заявившій, что ему извѣстно отъ возвращающихся кубанцевъ, что никто изъ кубанскихъ казаковъ никакимъ униженіямъ и стѣсненіямъ со стороны Грузіи не подвергался, за что онъ получилъ должную суровую отповѣдь, какъ и грузины, отъ генераловъ Добровольческой Арміи и особенно Драгомирова: что стоитъ только обратиться къ печати, которая переполнена указаніями на тяжелое положеніе русскихъ въ Грузіи.

Вѣроятно и Вы сами читали № 140 «Приазовскаго Края» отъ 7-IX въ отдѣлѣ: «Въ Грузіи», гдѣ узко националистическая политика Грузинскаго

Правительства вызывает рѣзкий протестъ среди общественныхъ круговъ Грузіи. Это даже возмутило самихъ грузинъ и извѣстный грузинскій журналистъ Левонъ Кипіані выступилъ въ «Кавказскомъ Словѣ», возмущаясь за отношеніе къ русскимъ. Простите опять я уклонился и отъ себя. Вообще на этомъ засѣданіи Верховное Командование Добровольческой Арміи держало себя съ большимъ достоинствомъ — и въ заключеніе ген. Алексѣевъ твердо заявилъ, чтобы въ слѣдующее, т.е. въ сегодняшнее засѣданіе, онъ требуетъ опредѣленныхъ отвѣтовъ, и чтобы грузинскіе представители явились бы съ картой въ рукахъ, въ которой точно обозначили свои границы, и что Добровольческая Армія не допускаетъ никакого посягательства на территорію Русского государства, иначе они не получать ничего. О посѣщающихъ засѣданіяхъ напишу, быть можетъ удастся достать колію протокола засѣданій, хотя, если это и не удастся, то, во всякомъ случаѣ, съ общей картиной переговоровъ, я надѣюсь быть освѣдомленнымъ. Что касается Шведской миссіи, то она, проживая здѣсь съ 23-VIII — официально по вопросу обь обмѣнѣ плѣнныхъ германцевъ и австрійцевъ — состоить изъ двухъ лицъ и двухъ лакеевъ при нихъ. Всѣ говорятъ хорошо по-русски. Одинъ изъ нихъ — старшій, даже прекрасно говорить — очень милый, необыкновенно общительный и живой, съ выпрѣвкой прекраснаго строевого офицера — нѣсколько фамильярный и назойливый а la штабсъ-капитанъ Рыбниковъ, но въ болѣе утонченномъ, европейскомъ стилѣ, — веселый собесѣдникъ и большой любитель выпить — однимъ словомъ, «компанейскій человѣкъ».

Меня береть сомнѣніе: живутъ они съ 23-VIII, выполняя такую простую миссію благородную (какъ забота) и обмѣнѣ плѣнныхъ, а все-таки позабылись привезти съ собою достаточное количество напитковъ, въ особенности прекраснаго шампанскаго, которымъ они очень радушно и щедро угощаются — кто имъ можетъ быть полезнымъ.

Прошу принятьувѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности

Вашъ покорный слуга В. А жиновъ.

ВЫПИСКА ИЗЪ ДОКЛАДА-ПИСЬМА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В. В. Д.
ПРИ КУБАНСКОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВѢ 14 СЕНТЯБРЯ 1919 Г.

АТАМАНЪ
Зимовой станицы
Представитель Всевеликаго
Войска Донского
при Кубанскомъ Правительствѣ
№ 11.
14 Сентября 1919 года.
г. Екатеринодаръ.
Графская ул. № 28.

..... Вчерашинее засѣданіе, какъ и нужно ожидать, закончилось разрывомъ, т.е., къ прекращенію переговоровъ. На категорическое требование Добровольческой Арміи о немедленномъ очищеніи Сочинскаго и Гагрскаго округовъ, занятыхъ грузинами — г. Гегечкори даваль уклончивые отвѣты, что они занимаютъ временно, что они этимъ помогаютъ Добр. Арміи, что тамъ 20 проц. грузинъ; — на это ему было указано, что русскихъ мин. 34 проц. — да и другія населяющія эти округи народности тяготѣются къ русскимъ. И такъ какъ грузинами опредѣленного отвѣта на согласіе ихъ очистить Сочи и Гагры не давалось, а они пытались найти другіе пути соглашенія и перейти къ обсужденію другихъ вопросовъ, то ген. Деникинъ твердо заявилъ, что здѣсь все они — народъ очень занятой и тратить время на разговоры и дебаты, неприводящіе къ положительному и практическимъ результатамъ — не представляется возможности, и конечно, не можетъ быть уже и обсужденія о разрѣшеніи вывоза хлѣба и продуктовъ съ Кубани и района занятаго Добр. Арміей. И засѣданіе было прервано, несмотря на попытки грузинъ дебатировать по другимъ вопросамъ.

А сегодня, когда я заходилъ къ ген. Деникину, живущему вмѣстѣ съ ген. Алексѣевымъ — я столкнулся съ выходящими, повидимому отъ ген. Алексѣева, Гегечкори и, судя по тому, что посольство не собирается уѣзжать, надо полагать, что грузины пойдутъ на уступку Добр. Армій...

В. А жиновъ.

v.

КАЗАЧЕСТВО

ОХРАНА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ ВЪ 1917 Г.

Въ концѣ ноября 1917 года, я получилъ предписаніе отъ Войскового Штаба Донской Области отправиться на пограничныя станціи желѣзныхъ дорогъ Донской области, по ея западной границѣ, провѣрить готовность назначенныхъ туда подрывныхъ командъ и знаніе чинами командъ своихъ обязанностей. Въ задачу командъ входила порча жел.-дор. пути при приближеніи большевиковъ. Мосты и станціонныя сооруженія порчѣ не подлежали.

Въ первую очередь была провѣрена команда на ст. *Чертково*. Здѣсь находилось четыре офицера, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи два чемодана отъ кавалерійскаго выюка съ толомъ, въ количествѣ ок. 2 пудовъ, вполнѣ достаточномъ для основательной порчи пути. Они, видимо, были не вполнѣ увѣрены въ возможности успѣшно выполнить возложенную на нихъ задачу, такъ какъ уже тогда высказывались ими предположенія, что казаки 35 полка, на ст. *Милерово*, не позволяютъ имъ своевременно взорвать путь. Кромѣ того, не было у офицеровъ увѣренности въ своихъ знаніяхъ въ подрывномъ дѣлѣ; отсутствовала правильная развѣдка и большевики могли появиться совершенно неожиданно, не давъ разрушить путь. Сдѣлавъ указанія какъ и что взрывать и какъ наладить развѣдку, я отправился на ст. *Колпаково* (линія Звѣрево-Дебальцево). Здѣсь я не могъ найти подрывного поста, несмотря на всѣ старанія. Командантъ мнѣ заявилъ, что до сегодня подрывники были, но уѣхали.

Проехавъ черезъ *Дебальцево* я былъ задержанъ краснотвардейцами, налетѣвшими сюда и задержавшимися, какъ я узналъ на обратномъ пути, на одни сутки въ *Дебальцево*. Видимо, ихъ патруль, повѣрявшій въ поѣздѣ документы, былъ не опытнымъ, ибо мое революціонное удостовѣреніе (большевистское) отъ Штаба Петроградскаго Округа (гдѣ я, до прѣезда на Донъ, служилъ) было достаточно для того, чтобы я показался патрулю вполнѣ благонадежнымъ для большевиковъ элементомъ, несмотря на то, что былъ въ офицерской формѣ.

На станціи *Ханженково* дѣло было въ надежныхъ рукахъ. Здѣсь командиромъ отряда, державшимъ мѣстныхъ большевиковъ въ страхѣ, былъ сотникъ Грековъ (впослѣдствіе «Бѣлый Дьяволъ»), наладившій охрану и

имѣвшій взрывчатое вещество для порчи пути. За нѣсколько дней до моего прїѣзда , по словамъ сотника Грекова, онъ съ отрядомъ сдѣлалъ набѣгъ на ст. *Иловайскую*, гдѣ разогналъ мѣстный военно-революціонный комитетъ и отбилъ патроны, захваченные большевиками у стоявшей тамъ на охранѣ команды. Настроеніе у казаковъ отряда сотника Грекова на ст. *Ханженково* было , видимо, крайне взвинченное, они все время ждали появленія большевиковъ, во всемъ видѣли ихъ довлѣющую силу и были этимъ деморализованы. Напримѣръ, наканунѣ моего прїѣзда, патрульный казакъ убилъ выстрѣломъ изъ винтовки казака своего же отряда, бѣжавшаго ночью по станціонной платформѣ, принявъ его за большевика.

На обратномъ пути я проѣхалъ черезъ г. *Луганскъ* на станцу Луганскую.

Въ г. *Луганскъ*, за нѣсколько часовъ до моего прїѣзда, прибыли большевики съ оружіемъ, желая, видимо, вооружить мѣстныхъ большевиковъ, но, какъ мнѣ рассказывали на станціи, сами были разоружены гайдамаками.

На полустанкѣ, передъ станицей *Луганской*, на первой остановкѣ при вѣзѣдѣ въ Область, былъ тоже подрывной посты. Разспросивъ коменданта станціи, я узналъ, что здѣсь находится офицеръ-подрывникъ со взрывчатымъ веществомъ, живетъ въ поселкѣ не далеко отъ станціи. Ни развѣдка, ни связь не наложены, да и при наличіи малаго числа чиновъ охранной команды и ненадежности ихъ, ничего нельзѧ было сдѣлать. Лично видѣть этого офицера мнѣ не удалось, да и незачѣмъ было, все равно съ имѣвшимися средствами нельзѧ было наладить дѣло.

Я спѣшилъ скрѣпѣ назадъ, дабы представить соображенія сбъ организаціи болѣе серьезной подрывной обороны Области. Кстати замѣчу, въ то время взглянуть на характеръ борьбы былъ иной, мы не предполагали производить серьезнаго разрушенія жел.-дор. сооруженій, а думали ограничиться лишь порчей самого пути.

Подрываніе рельсовъ не ведеть къ долгому прекращенію движенія и вообще не представляетъ собой серьезной, трудно возстановимой порчи. Замѣнить подорванные рельсы дѣло нѣсколькихъ минутъ.

Правда, такому взгляду на дѣло способствовало то обстоятельство, что, на ряду съ начинавшимися военными дѣйствіями, продолжалось нормальное, для того времени, пассажирское и грузовое движеніе, прервать которое на продолжительное время не находили возможнымъ.

По всѣмъ станціямъ приграничной полосы, гдѣ мнѣ приходилось выходить изъ поѣзда, а въ особенности на узловыхъ, шла страшная большевистская агитациѣ, рассказывали о большевистскихъ побѣдахъ, о взятіи ростовскими большевиками Новочеркасска и пр. Все это жадно схватыва-

лось слушателями и разносилось ими дальше, безсознательно играя въ руку большевикамъ.

Происходило же это отъ полнаго отсутствія контръ-агитациі и газетъ изъ Новочеркасска.

Вернувшись изъ командировки (въ началѣ декабря, числа 2-5) я подалъ предположенія объ организаціи подрывной обороны области.

Оборона предполагалась двухъ родовъ:

1. *Пассивная* — съ минированиемъ ж.-д. пути въ предѣлахъ Области большими (до 5 пудовъ) сближенными зарядами и со взрывомъ ихъ электрическимъ токомъ, по наблюденію, съ агентурной и военной развѣдкой, высланной въ сторону появленія большевиковъ.

2. *Активная* — съ формированиемъ подрывныхъ поѣздовъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ подрывнымъ имущество и жел.-дор. инструментомъ, а такъ же накатными (подъ уклонъ) платформами, съ большими (до 30 пудовъ) зарядами взрывчатаго вещества и ударными приспособленіями, дѣйствовавшими при столкновеніи съ поѣздомъ противника. Личный составъ поѣзда и обуродованіе его должны были позволить дѣлать наѣги, если не всѣмъ поѣздомъ, то специальными выдѣленными для этого командами, въ районы занятые большевиками.

Минировать путь предполагалось у всѣхъ приграничныхъ жел.-дор. станцій по всей границѣ Области.

Поѣзда же (всего пять) должны были обслуживать линіи:

- 1-й Алексиково-Царицынъ,
- 2-й Великокняжеская - Царицынъ,
- 3-й Жел. дороги Макльевскаго угольнаго района,
- 4-й и 5-й Лихая -Чертково, Лихая-Царицынъ, Звѣрево-Дебальцево и Звѣрево-Родаково.

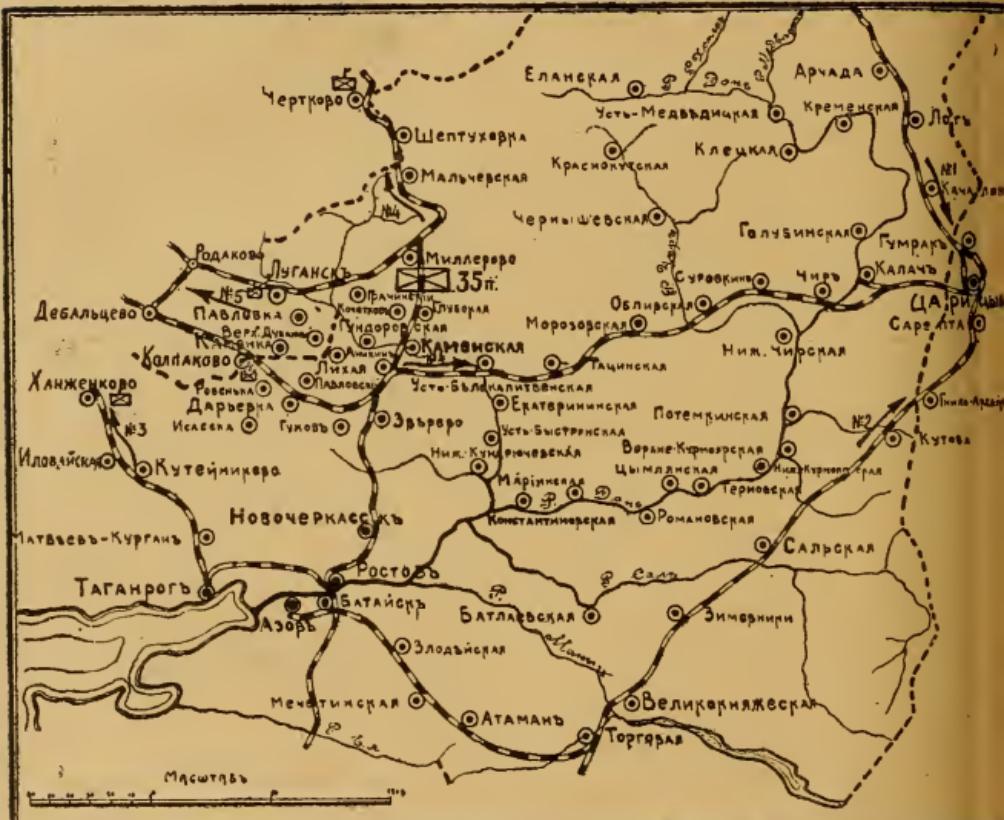
Отсутствіе личнаго состава и взрывчатаго вещества въ должной мѣрѣ, не дало возможности выполнить планъ обороны.

Было приступлено къ формированию первого подрывного поѣзда, который и былъ сформированъ въ серединѣ декабря 1917 года подъ командой поручика инженерныхъ войскъ Ермолаева и съ командой изъ юнкеровъ и добровольцевъ отъ Добровольческой Арміи (тогда еще, кажется, Союза офицеровъ).

Поѣздъ имѣлъ запасъ жел.-дор. инструмента, 50 пудовъ динамита, подрывные электрическіе провода, аккумуляторныя батареи, приборы для испытанія проводовъ и запаловъ и проч. подрывное имущество. Состоялъ поѣздъ изъ вагона 2 класса для команды, теплушкі-кухни, вагона-склада для инструмента и подрывного имущество и вагона-склада для динамита.

Отправленный на ст. Каменскую въ распоряженіе генерала Назарова

«ОХРАНА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ ВЪ 1917 ГОДУ».

поездъ вскорѣ былъ вызванъ оттуда на Таганрогскій фронтъ къ *Матвееву Кургану*, гдѣ, произведя нѣсколько взрывовъ, погибъ при отступленіи отъ ряда полковника Кутепова, нарвавшись на разобранный путь. Со словъ очевидцевъ, видимо отъ сотрясенія, при сходѣ съ рельсовъ, произошло воспламененіе динамита (можетъ быть, отъсильнаго удара или какой иной причины) и поездъ былъ уничтоженъ. Съ нимъ погибъ поручикъ Ермолаевъ и вся команда.

Динамика, по моимъ расчетамъ, должно было остатся около 30 пудовъ, количество вполнѣ достаточное для полнаго разрушенія всѣхъ четырехъ вагоновъ.

Вскорѣ послѣ сформированія первого поѣзда, долженъ былъ быть готовъ и второй. Командиромъ поѣзда былъ назначенъ ротмистръ Гессель, сынъ полковника Добровольческой Арміи. Команда была имъ подобрана. Отказъ со стороны Н-ка Военныхъ Сообщеній дать вагоны для поѣзда, заимѣніемъ ихъ, и отсутствіе взрывчатаго вещества, задержали формирование поѣзда, а использование людей Добровольческой Арміей для своихъ формирований, совершенно прекратили попытки продолжать формировать поѣзда дальше.

Инженерныхъ Войскъ
Полковникъ В. Модракъ.

7 февраля 1919 г.

г. Новочеркасскъ.

ДВЪ НЕДѢЛИ СОБЫТИЙ НА ДОНЕ.

Изъ дневника неизвѣстнаго офицера *)

*Ростовъ на Дону.
Ноябрь, 21-го числа 1917 года.*

Дорогой другъ, Александръ Федоровичъ! Совершающіяся на нашихъ глазахъ событія столь разнообразны, столь быстро слѣдуютъ одни за другими, что все казавшееся еще вчера важнымъ и зловѣщимъ — сегодня забывается и вытѣсняется изъ памяти болѣе свѣжимъ. Чтобы не сбиться и не смѣшивать одно съ другимъ — надо записывать, что и собираюсь дѣлать, не зная, будетъ ли эта запись отправлена или нѣтъ...

21-го, т. е. сегодня, прибыли въ Таганрогъ два транспорта съ черноморскими моряками, направляющимися къ намъ, въ Ростовъ, на помощь нашимъ большевикамъ; сегодня же они погрузили уголь и хотѣли выйти сюда — вышли или нѣтъ, я еще не знаю. По слухамъ, въ гирлахъ приготовлены баржи, для затопленія въ фарватерѣ, съ цѣлью преградить проходъ этимъ транспортамъ.

19-20-го, большевики реквизировали здѣсь у частныхъ лицъ автомобили, въ предупрежденіе захвата ихъ Войсковымъ Правительствомъ; набрали штуку 12 — между прочимъ, взяли у богача Ахвердова роскошный лимузинъ; сегодня они разѣзжали на нихъ, вооруженные съ ногъ до головы. Войсковое Правительство ограничивается пока наблюденіемъ. Предполагалось здѣсь сегодня и вооруженное выступленіе, но день прошелъ спокойно.

Вчера, въ Новочеркассѣ, Войсковое Правительство обезоружило безъ выстрѣла весь пѣхотный гарнизонъ — два полка: взято много патроновъ и винтовокъ — по однимъ свѣдѣніямъ 10, по другимъ 17 тысячъ, какихъ системъ —неизвѣстно, но, вѣрнѣе, разныхъ. Такимъ образомъ у казачества толь обезпечень и можно надѣяться, что здѣсь будутъ дѣйствовать рѣшительнѣе.

Командуетъ здѣсь всѣми казачими силами молодой генералъ Потоцкій.

*) Листки этого дневника были мною найдены на вокзалѣ г. Ростова — въ день занятія города войсками ген. Каледина.

Сейчасъ пронесся слухъ, что будто бы двѣ роты изъ Ростова заняли Батайскъ и не пускаютъ молочницъ — посланной туда казачьей части они объявили, что уступать только силъ оружія.

Чуть не позабыть: вчера 20-го, съ утра, наши солдаты разобрали на протяженіи 200-300 саж. желѣзнодорожный путь въ направленіи къ Новочеркаску, около Таганрогского проспекта, почему и не было цѣлый день поездовъ; подъ охраной казаковъ пути были исправлены и въ 6 час. вечера отсюда были отправлены первые поѣзда.

Это, такъ сказать, наши мѣстныя новости — общія же, всероссійскія, — казаковъ: захватъ Ставки матросами Крыленки, убійство ген. Духонина, выхѣдъ Корнилова съ товарищами по аресту и съ 4-мъ сотнями текинцевъ изъ Быхова.

Навѣрное многіе молятся, чтобы ему удалось благополучно добраться къ намъ.

22 ноября.

Грозовыя тучи на нашъ Тихій Донъ собираются со всѣхъ сторонъ. Сегодня въ 16 часовъ оба транспорта съ матросней вышли изъ Таганрога, держа курсъ на Ростовъ. Войсковой Атаманъ приказалъ, если попытаются высадиться вооруженными, стрѣлять.

На насъ же идетъ пѣхотный гарнизонъ Астрахани, который былъ оборуженъ мѣстными казаками еще въ началѣ большевистской авантюры, но теперь вновь откуда то добылъ оружіе; идутъ черезъ Царицынъ.

Наконецъ, Ленинъ отправилъ изъ Петрограда нѣсколько эшелоновъ кронштадскихъ моряковъ съ карательными цѣлями на Донъ — они находятся въ пути уже дней 10-14, но гдѣ болтаются — неизвѣстно...

Я думаю — чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ. Тѣмъ не менѣе на Дону Войсковое Правительство пустило логоловый «сполохъ».

Это значитъ собираютъ стариковъ, чтобы они возвѣствовали на казачью молодежь, которая заражается большевизмомъ. Поживемъ увидимъ. Сегодня имѣются пока слѣдующія непроверенные слухи, дошедшия по проволокамъ*): близъ ст. Жлобинъ былъ бой между матросами, посланными для поимки Корнилова (не тѣми ли, что были посланы противъ Дона, но съ пути получившими другое назначеніе) и вѣрнымъ ему ударнымъ батальономъ. Матросы, будто-бы, здорово насыпали.

Второе: будто бы, нѣмцами объявлены слѣдующія условія для перемирия: 1) Нашъ фронтъ отодвинуть на 100 верстъ, 2) Удалить генераловъ, неугодныхъ нѣмцамъ, замѣнивъ ихъ другими, которыхъ они, нѣмцы, ука-

*) Обычное явленіе во время гражд. войны, являющееся результатомъ частныхъ переговоровъ телеграфныхъ чиновниковъ сосѣднихъ станцій.

жутъ (не германской ли службы?) и 3) Для выработки мирныхъ условій никакихъ уполномоченныхъ отъ настъ не требуется, такъ какъ эти условія будутъ диктоваться нѣмцами!

Vae victis! Что-то скажутъ на это г. г. Ленинъ, Бронштейнъ и вся эта компания?

Въ публикѣ паника: вклады изъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ усиленно выбираются, приходные кассы въ казначействахъ и государственныхъ банкахъ сидѣть безъ дѣла — притока нѣть ни откуда, расходные же кассы работаютъ во всю. Завтра изсякнетъ запасъ денежныхъ знаковъ. Войсковое Правительство готовить свои боны, но когда то выйдутъ они?...

Ко всѣмъ существующимъ голодамъ: сахарному, угольному, керосиновому, мануфактурному, обувному и другимъ, — прибавился еще одинъ: денежный! «Бывали хуже времена, но не было подлѣй!»

Знаете ли какъ называется въ просторѣчіи Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, желающей управлять Россіей: «ЦЕНТРОХАМЪ».

23 ноября.

Сегодня въ три часа дня прибыли сюда, вооруженные пушками и пулеметами, три транспорта съ черноморскими моряками — по сто человѣкъ на каждомъ. Оказывается — затопленію баржъ въ фарватерѣ воспротивился начальникъ порта. На транспортахъ комиссаръ флота — іудейского типа. Отшвартовались около «Колхиды», вблизи мореходного училища, на которое немедленно навели свои орудія (семь); пока агрессивныхъ дѣйствій съ ихъ стороны не было.

Не легче и съ другой стороны: «Виокель» сдѣлалъ распоряженіе о пропускѣ блиндированного поѣзда съ балтійскими моряками изъ Харькова на Ростовъ — ожидается завтра...

Странно то, что сегодня на совѣщаніи членовъ военно-революціонного комитета съ генераломъ Потоцкимъ, они заявили, что «ЦентроХама» они не признаютъ — что же именно они признаютъ, осталось невыясненнымъ.

24 ноября.

Вчера состоялось соглашеніе между Войсковымъ Правительствомъ и С. С. и Р. Д., по которому послѣдній согласился возвратить реквизированные автомобили. Когда же одинъ изъ пострадавшихъ владѣльцевъ отправился за своимъ автомобилемъ, то ему заявили, что они исполнять обязательства соглашенія не намѣрены. Такимъ образомъ, положеніе безъ перемѣнъ.

Казаки и большевики другъ друга пугаютъ, но, очевидно, — другъ друга боятся.

Сегодня получили извѣстіе, что ваша дивизія назначается въ Донецкій бассейнъ, на охрану рудниковъ. Буду ждать пріятныхъ извѣстій отъ васъ.

25 ноября.

Событий здѣсь никакихъ и пока все спокойно. Черноморские моряки пришли сюда какъ будто для того, чтобы быть подальше отъ орудій Гебена и Бреслау. Сегодня они послали въ свой комитетъ телеграмму съ жалобой на Каледина, который разоружаетъ пѣхоту, красную гвардію и непокорныхъ казачьихъ части.

Подобные приказы дѣйствительно выпущены, но срока для сдачи оружія не назначено!...

Потоцкій объявилъ сегодня, что Ростовъ съ 22-го находится въ состояніи гражданской войны.

1-го декабря.

Цѣлую недѣлю не записывалъ — не до того было... А событий произошли вотъ какія: раньше телеграфъ охранялся казачимъ карауломъ. 23 ноября была поставлена общая охрана: 12 казаковъ и столько же солдатъ большевиковъ. Въ ночь на 26 ноября, по распоряженію Потоцкаго, была сдѣлана попытка арестовать депутатовъ С. С. и Р. Д., засѣдавшихъ въ Марсѣ. Совѣтъ оказалъ сопротивленіе и въ перестрѣлкѣ были убиты: штабсъ-капитанъ, участвовавшій добровольцемъ въ отрядѣ казаковъ, и нѣсколько большевиковъ — въ томъ числѣ членъ Совѣта, нѣкто Кунда. Арестъ не удался, вслѣдствіе слабости казачьяго отряда.

Цѣлый день, 26-го ноября, по городу шла безтолковая стрѣльба изъ винтовокъ и револьверовъ, стрѣляли также орудія транспортовъ, по случамъ — по Александровской станицѣ.

Около солдатскихъ бараковъ, на границѣ, построены окопы и проволочные загражденія.

Объявленъ приказъ Каледина о разоруженіи и распускѣ по домамъ пѣхотнаго гарнизона 252 и 255 пѣх. полковъ.

27-го началось наступленіе Каледина отъ Александровской станицы; цѣлый день гремѣлъ бой на границѣ Нахичевани; участвовали и орудія транспортовъ.

Теперь уже выяснилось, что наступали — офицерскій и юнкерскій батальоны — казаки шли неохотно и иногда совсѣмъ отказывались.

У большевиковъ принимали участіе въ бою матросы, единичные солдаты и красная с....

Бой шелъ также возлѣ вокзала, гдѣ стоялъ Потоцкій со своимъ штабомъ и сотней казаковъ.

Пѣхотный гарнизонъ оказался, за все время, первый разъ послушнымъ: солдаты кучками, съ котомками и сундуками, но безъ оружія тянулись по Сѣнной, Пушкинской и Б. Садовой на вокзалъ. Телефонъ, телеграфъ и пути желѣзной дороги на Новочеркасскъ повреждены; по ночамъ грабежи

и убийства. Жители съорганизовываются въ домовые комитеты для самоохраны; всѣ, иногда женщины, отбывают часы караульной службы.

28-го утромъ вокзалъ сдался большевикамъ; Потоцкій со штабомъ попалъ въ плѣнъ и отправленъ на «Колхиду», гдѣ находится штабъ революціонныхъ войскъ; подъ Нахичеванью бой продолжается.

На телеграфѣ казачья охрана обезоружена и распущена, телеграфъ занятъ большевиками и такъ какъ контроль за телеграммами не установленъ, то работа не прерывается.

29-го сраженіе продолжается: хулиганская команда являлась трижды съ приказомъ штаба красногвардейцевъ объ арестъ начальника телеграфной конторы Алешинскаго, но чины, угрожая забастовкой, отстояли его. Тѣмъ не менѣе, чтобы не подвергаться дальнѣйшимъ насилиямъ, Алешинскій скрылся.

Большевики заняли также наше новоустроенное радио.

30-го ноября сраженіе продолжается. Въ Думѣ объявлено требование Каледина о безусловной сдачѣ большевиковъ и красногвардейцевъ, разоруженіи ихъ и объ уходѣ транспортовъ. Со стороны наступленія Каледина слышна сильная орудійная стрѣльба.

Рѣзкая перемѣна въ настроеніи казаковъ — остатки гарнизона объявили нейтралитетъ. Явившейся къ Каледину депутациіи отъ Городской Думы, имъ было сказано: «безусловная сдача, или завтра въ 2 часа мои казаки будутъ въ Ростовѣ. Стратегическое окруженіе закончено».

Начались бои у Олимпіадовки.

2 декабря.

Въ часъ ночи арестованъ Зеелеръ. Началось энергичное наступленіе казаковъ со всѣхъ сторонъ и, въ 2 часа дня, казаки уже были на Сѣнной площади Ростова. Къ 4 часамъ бой окончился: Ростовъ и Нахичевань были во власти Каледина. «Колхида» и транспорты ушли за желѣзнодорожный мостъ. Красные и остальной сброда обезоруживаются.

3 декабря.

Ночью «Колхида» брошена командою — остались 8 матросовъ украинцевъ, генераль Потоцкій, Зеелеръ и 10 офицеровъ, которые утромъ освобождены. Транспорты, воспользовавшись густымъ туманомъ, удрали въ Таганрогъ, гдѣ стараются поднять чернь по ростовскому образцу. Здѣсь продолжается разоруженіе разнаго сброва.

4 декабря.

Пронесся слухъ будто бы казачій разъездъ задержалъ Сырцова, къ сожалѣнію, слухъ этотъ не подтвержденъ...

.....?

VI.

СЛАВЯНЕ – БОЛЬШЕВИЗМЪ –
БѢЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

СЪ ЧЕХОСЛОВАЦКИМИ ЛЕГИОНАМИ ОТЪ ВОЛГИ ДО ТИХАГО ОКЕАНА.

«...Люби Правду, храни Правду, стой за Правду ажъ до смерти»...
(Слова Яна Гуса на его памятникъ, на Старомъстской площади въ Прагъ Чешской).

Съ особымъ чувствомъ я приступаю къ этимъ строкамъ и прошу у Бога помощи, дабы Онъ далъ мнѣ возможность, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, какъ можно спокойнѣе и безпристрастнѣе отнестишь ко всему пережитому, о которомъ я, здѣсь, поведу свое повѣствованіе.

Не въ судъ или въ осужденіе кого либо пишу я эти строки, не изъ желанія возбудить чье либо любопытство, и не въ расчетъ на дешевую сенсацію приступаю я къ этому труду, а по чувству долга, какъ патріотъ своей Страны-Родины, и какъ человѣкъ, исполненный братскихъ славянскихъ чувствъ къ Чешскому Народу, гостепріимствомъ котораго я, волей или незовѣй, пользовался, и которымъ пользуются еще и сейчасъ многіе русскіе люди, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь, профессора и писатели.

Быть можетъ эти строки вызовутъ малодушное волненіе среди Пражской русской колоніи, но волненіе это, я, лично, счель бы излишнимъ, такъ какъ я не намѣренъ сводить съ кѣмъ либо личные счеты. Я лишь собираюсь, по возможности объективнѣе, бросить взглядъ на недавнее прошлое, которое насъ непосредственно касается и на событія, свидѣтелемъ и участникомъ которыхъ я былъ съ момента прихода Чехословакихъ легионовъ въ Казань, и дальше, по Сибирской магистрали, до береговъ Тихаго океана.

При этомъ я долженъ оговориться, что всѣ тѣ немногіе документы, которыми я располагаю — документы совершенно случайно у меня задержавшіеся, ибо будучи весьма дружески настроенъ къ братьямъ чехамъ и, относясь къ нимъ искренне и по братски, я никогда и въ мысляхъ не имѣлъ собирать противъ нихъ какіе либо документы. Да и то, что я имѣю, сохранившись лишь какимъ то чудомъ, тѣмъ болѣе, что въ Чехословакіи я жилъ

подъ постоянной угрозой обыска, при чмъ послѣдній и былъ, наконецъ, произведенъ у меня 10 марта 1924 года.*)

1.

Для того, чтобы читателямъ были яснѣе мои взаимоотношения съ Чехословакскими легіонерами, я вынужденъ начать именно съ описанія этихъ взаимоотношеній и съ того времени, когда, наконецъ, исполнилось мое завѣтное желаніе — увидѣть настоящихъ сыновей моего любимаго чешскаго героя Яна Гуса. Образъ этого славянскаго мученика не разъ вставалъ передо мной въ ореолѣ своихъ страданій за Чешскій народъ, за его Вѣру и Свободу. И вотъ, будучи эвакуированъ изъ Дѣйствующей Арміи въ Кіевъ, въ 1915 году я, подъ вліяніемъ празднства въ память пятисотлѣтней годовщины со дnia мученической кончины Яна Гуса, рѣшилъ посвятить ему свои строфы въ нѣсколькоихъ отгѣльныхъ драматическихъ картинахъ, которые впослѣдствіи были передѣланы мною въ 5-ти актную пьесу, подъ руководствомъ извѣстнаго профессора слависта Казанскаго Университета Н. М. Петровскаго (скончавшагося потомъ отъ голоднаго тифа).

Первая встрѣча съ чехословакскими легіонерами произошла въ то время, когда моя драма «Янъ Гусъ» уже освободилась отъ цензурнаго запрета, а я самъ, какъ и всѣ русскіе люди, — находился въ тяжеломъ положеніи — подъ властью большевиковъ и, конечно, вмѣстѣ съ родной Казанью и всѣмъ Поволжемъ, радовался успѣхамъ Чехословакскихъ легіоновъ, идущихъ на помошь своей старшой славянской сестрѣ — Россіи, еще такъ недавно освободившей — однихъ славянъ отъ тысячелѣтняго чужестраннаго ига, другихъ отъ угрозы поработенія.

Въ это время, я уже былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ представителями мѣстной чешской колоніи, главнымъ образомъ, съ соколами, посѣтившими первое чтеніе моей драмы «Янъ Гусъ» артистами мѣстнаго театра, — въ стѣнахъ родного мнѣ Казанскаго университета. Въ то же время, артистами того же театра была прочитана и другая моя историческая пьеса «Ливонскіе рыцари» («Меченосцы»), которая, еще будучи поэмой, была просмотрѣна и одобрена моимъ учителемъ по творчеству, поэтомъ К. Р., многочисленныя письма котораго за десятилѣтній періодъ я сохранилъ и до сего времени, какъ драгоценнѣйшую память объ этомъ свѣтломъ человѣкѣ и поэту.

*) Несмотря на тщательные поиски комиссаровъ тайной полиції — обыскъ былъ безрезультатнымъ. На мой недоумѣній вопросъ — о причинѣ обыска, полицейскіе сыщики отвѣтили мнѣ буквально стѣдущее — что я подозреваюсь въ черченіи этнографической карты Карпатской Руси, на предметъ отдѣленія ея отъ Чехословакской Республики. При чмъ я, будто бы, дѣлаю это не одинъ, а вмѣстѣ съ Ив. Запкинымъ (извѣстный борецъ-волжанинъ, обладающій природнымъ умомъ, но, вѣдѣствие, малограмотности, съ трудомъ подписывающей свое имя!).

Чтеніе этихъ произведеній, проникнутыхъ любовью къ Родинѣ и Славянству и при этомъ — чтеніе публичное, было однимъ изъ способовъ моей дѣйственной борьбы съ большевиками*), и устраивая эти членія, какъ разъ почти наканунѣ занятія Казани чехами, я, конечно, рисковалъ не малымъ...

Какъ сейчасъ я вижу картину занятія Казани Чехословацкими легионерами. Съ какимъ восторгомъ все населеніе города Казани, отъ мала до велика, встрѣчало своихъ избавителей — братьевъ Чехословаковъ, Сербовъ и отрядъ Русской Народной Арміи, пришедшихъ съ бѣлыми повязками на рукавѣ!

Съ какой поспѣшностью, равной паникѣ, бѣжали коммунисты изъ Казани въ разныя стороны — неуспѣвшіе убѣжать бросали оружіе, падали на колѣни, плакали, просили пощады!..

Во главѣ всего Волжского фронта стоялъ, здравствующій и по нынѣ, начальникъ военной канцеляріи Чехословацкаго Президента Т. Г. Масарика, — генераль Чечекъ.

Во главѣ 1-го Чешскаго стрѣлковаго имени Яна Гуса полка, стоялъ доблестный командиръ, въ то время только поручикъ, а потомъ полковникъ Швецъ, храбрый и честный воинъ, любившій Россію горячей неподкупной любовью, рвавшійся освободить ее отъ большевистскихъ путъ.

Во главѣ Сербскаго отряда стоялъ доблестный воевода Благотичъ, вскорѣ погибшій смертью храбрыхъ за Россію, Сербію и все Славянство, въ неравныхъ бояхъ подъ городомъ Свіяжскомъ. Какъ сейчасъ вижу его гробъ на лафетѣ, буквально утопавшій въ цвѣтахъ, славянскихъ лентахъ и многочисленныхъ вѣнкахъ — это провожали на мѣсто вѣчнаго упокоенія героя-славянина, помнившаго свой долгъ и оставшагося вѣрнымъ до конца матери Россіи.

Русскимъ отрядомъ командовалъ полковникъ Степановъ; сюда же входилъ и только что созданный добровольческій отрядъ доблестнаго героя Каппеля.

Все это движение возглавлялось Комитетомъ Учредительного Собрания, съ помощникомъ военного министра эсъ-зромъ Лебедевымъ и эсъ-эрами — Фортунатовымъ, Брушвитомъ и другими.

Еще за долго до выступленія чеховъ, къ намъ, на берега Волги, летѣли вѣсти о чемъ то важномъ, о какомъ то торжественномъ событии... И когда это совершилось, то почувствовалось, что наступилъ, действительно, торжественный моментъ, впослѣдствіи выдвинувшій много и героическихъ и предательскихъ имёнъ — имёнъ запечатлѣнныхъ исторій. Эти имена передавались въ то время изъ устъ въ уста и, какъ эхо,

*) Такъ же открыто я боролся, когда редактировалъ журналъ «Нѣ Свѣту» — органъ Казанскаго Губернскаго Союза Увѣчныхъ Воиновъ, недопускная из-чтати ни большевистскихъ декретовъ, ни статей.

отзывались по всей Россіи, и волновали сердца обывателя, жаждавшаго прихода избавителей отъ коммунистического ига. Но что они несли Русскому Народу — не было извѣстно...

А слухи шли, набѣгали, разрастались и, наконецъ, свершилось!

Была взята Самара, затѣмъ Симбирскъ — настала очередь и Казани. Волненіе среди населенія усилилось: одни говорили, что подошли бандиты, другіе отвѣчали, что идутъ освободители, несущіе законъ, порядокъ и хлѣбъ...

Но вотъ стихла орудійная и ружейная стрѣльба — вошли избавители... Жизнь казанцевъ начала выпрямляться, какъ выпрямляется цвѣтокъ изъ подъ давившаго его камня; лица гражданъ до того хмурыя, забитыя — повеселѣли и опять затрепетала, какъ выпущенная на свободу птица, повседневная жизнь.

Къ сожалѣнію, это состояніе длилось недолго — былъ упущенъ важный моментъ закрѣплениія взятыхъ позицій. Вмѣсто этого — начались безконечные митинги, всевозможная собранія, засѣданія, резолюціи, голосованія и все то, что, въ концѣ концовъ, явилось одной изъ важнѣйшихъ причинъ неудач въ борьбѣ съ большевиками. — Чувствовалась безсистемность, неумѣстная нервоэность, суетливость... Все это остановило порывъ, движеніе впередъ, а самое главное, не былъ захваченъ желѣзнодорожный мостъ у Казани, дабы престъчь накапливаніе большевистскихъ силъ.

А между тѣмъ опять начались бои; большевики, бѣжавшіе вначалѣ безъ оглядки при одномъ имени «чехи», понемногу оправились, ибо первый ударъ, который былъ настолько ошеломляющимъ своей неожиданностью, что, при условіи дальнѣйшаго его развитія, чешскіе, сербскіе отряды и русская добровольческая Народная Армія могли бы, чуть ли не на плечахъ бѣгущихъ коммунистовъ, выйти на Московскую дорогу и покрыть себя неувядаемой славой — этотъ первый ударъ не былъ своевременно разбитъ и это не случилось по многимъ причинамъ.

Я, лично, считаю эти причины слѣдующими: 1) отсутствіе опредѣленного заданія у руководителей движенія, 2) полная неспособность поставить дѣло не на митинговую, а на серьезную, чисто военную почву, 3) не было дано населенію дѣйствительной увѣренности въ правотѣ этого дѣла изъза безконечной расплывчатости лозунговъ, провозглашаемыхъ на митингахъ и въ воззваніяхъ, 4) отсутствіе единой руководящей авторитетной воли у главнокомандованія, такъ какъ генералъ Чечекъ не былъ популяренъ среди русского населенія и отрядовъ, а, слѣдовательно, и не имѣлъ достаточнаго авторитета, 5) открытый вывозъ золотого запаса изъ кладовыхъ государственного казначейства и переводъ его въ депозитъ эсъ-эровского «Комуча». Послѣднее послужило однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ пропаганды большевиковъ, во множествѣ оставшихся въ Казани, вслѣдствіе

опять таки не достаточного устройства административного аппарата и непріятія соотвѣтствующихъ мѣръ, какъ для борьбы съ этими элементами, такъ и для борьбы съ ихъ пропагандой.

Большевики распространяли слухи, что чехи и эсъ-эры пришли не для освобожденія Казани, а для вывоза русского народнаго достоянія — русскаго золота, и что они это продѣлаютъ и въ другихъ городахъ. Эта пропаганда возымѣла свое дѣйствіе и въ сильной мѣрѣ воспрепятствовала дальнѣйшему притоку добровольцевъ.

Такъ какъ ни уговариванія, ни возвзванія, ни митинги не помогали, то въ отношеніи мѣстнаго крестьянскаго населенія были приняты крутыя мѣры — вплоть до насильственной мобилизациіи крестьянъ съ угрозами разстрѣла дезертиrovъ.

Но населеніе въ своей массѣ оставалось глубоко равнодушнымъ къ различнаго рода «демократическимъ» призываамъ, ибо оно уже одинъ разъ болѣво обожглось на этихъ лозунгахъ; и дѣйствительно, сулили ему и красный рай, и братство, и равенство, и свободу, и землю, и волю, а вмѣсто этого они получили цѣпи рабства и неслыханный гнетъ III Интернаціонала. Очевидно, крестьяне и рабочіе, помнили пословицу: «извѣршившись въ рубль, не повѣрять и въ игль» и оставаясь безразличными, думали свою думу, тяжелую, непроницаемую...

II.

А бои подъ Казанью развивались, становились упорнѣе, ожесточеннѣе, силы большевиковъ увеличивались, а наши слабѣли. Появились убитые и раненые — много раненыхъ. Общеславянская кровь какъ бы вѣнчала великий подвигъ четырехъ братскихъ славянскихъ народовъ: русскихъ, сербовъ, чеховъ и словаковъ. Единственный разъ за все время борьбы эта кровь братскаго единенія славянскихъ народовъ являлась яркимъ символическимъ лучемъ въ наступившей затѣмъ тѣмѣ деморализациіи, охватившей Чехословакіе легіоны, когда они, послѣ героическихъ подвиговъ, покатились отъ береговъ Волги назадъ и когда, на всѣ просьбы о помощи, ихъ «вожди» со спокойствіемъ, граничащимъ съ цинизмомъ, отвѣчали: «Мы не вмѣшиваемся въ русскія дѣла, наша политика — рельсы». (Т.Г. Масарикъ).

Но еще не было произнесено этихъ предательскихъ словъ, еще на чехахъ и словакахъ почивалъ великий духъ героеvъ Зборова и Бахмача, и они еще дрались какъ соколы, мужественно отбиваясь отъ чернаго воронья — интернациональныхъ силъ, среди которыхъ было не мало мадьяръ, латышей, австрійцевъ и нѣмцевъ, переодѣтыхъ въ красноармейскую форму и организованныхъ въ особые отряды въ мѣстахъ нахожденія бывшихъ австрійскихъ и германскихъ консульствъ, при чемъ пріемъ и запись въ эти отряды велась именно въ помѣщеніяхъ этихъ консульствъ.

Среди чеховъ особенно выдѣлялся изъ командировъ доблестный Швецъ — всегда въ бою, всегда на позиціи... Вѣдь только искреннее удивленіе передъ подвигами чехословаковъ и искрення любовь къ нимъ могли вдохновить слѣдующія строфы, посвященного имъ стихотворенія, которымъ открывалась первая страница моей книги «Янъ Гусь».

БРАТЬЯМЪ ЧЕХО-СЛОВАКАМЪ.

(Посвященіе)

Благословенъ Вашъ славный путь
Къ зарѣ величья и свободы,
Гдѣ, послѣ долгой непогоды,
Вамъ можно будетъ отдохнуть.

Погибнувъ въ пламени костра,
Янъ Гусь живеть средь васъ вѣками...
Чу! Вдохновенными устами
Онъ говоритъ: «Пришла пора».

Пришла пора! И ожилъ вновь
Славянскій духъ, о братья, чехи!
На полѣ битвъ звенять доспѣхи
Бойцовъ за Правду и Любовь...

Пусть бой жестокъ! Самъ Богъ за насы!
Пусть сѣть смерть, вражду и стоны, —
Трепещутъ хищные тевтоны, —
Суда и мести близокъ часъ...

Когда жъ умолкнетъ эвонъ мечей,
Въ святомъ порывѣ возрожденія,
Взойдетъ заря освобожденья
Въ сіянѣ радостныхъ лучей...

О вѣрьте, братья! Часъ придетъ,
Когда свободный и счастливый,
Въ святомъ трудѣ надъ вольной нивой
Народъ Богемскій процвѣтѣтъ...

1918 г. Казань.

Эти строки, излившіяся изъ моего искренне любящаго сердца, я думаю, вполнѣ ограждаютъ меня отъ какого бы то ни было подозрѣнія въ мотивахъ, заставившихъ приступить къ составленію этого труда. Повторяю, что только искрення любовь къ чехословакамъ диктуетъ мнѣ эти строки, только искренний голосъ брата и друга заставляетъ меня стать ближе къ правдѣ въ отношеніи тѣхъ событий, кровью связанныхъ съ судьбами моей Родины, въ

которыхъ они принимали участіе и предостерегающе крикнуть имъ: — «Братья, Чехи! Посмотрите на свой путь, завѣщанный вамъ вашими великими вождями Яномъ Жижкой, Яномъ Гусомъ и другими, поставившими на міровую высоту чешское имя! Осмотритесь! Ибо вашъ теперешній путь, путь братанья вашего Правительства съ большевистскими комиссарами — агентами III Интернаціонала, какъ это недавно имѣло мѣсто на VIII Сокольскомъ слетѣ въ Прагѣ Чешской, — путь невѣрный, не славянскій путь, путь оскверняющій могилы вашихъ сыновей и братьевъ, павшихъ смертью храбрыхъ на берегахъ Волги, въ горахъ Алтая и Урала, путь сводящій на нѣтъ подвиги этихъ славянскихъ соколовъ и накрѣпко закрывающій двери въ грядущую послѣбольшевистскую Возрожденную Россію».

И я буду счастливъ, я буду считать свою цѣль достигнутой, если этотъ мой зовъ коснется хоть одного еще вѣрного Россіи и Славянству сердца чеха и заставить это сердце забиться искренней, неподкупной, дѣйственной любовью къ старшей славянской сестрѣ — Россіи, нынѣ всѣми покинутой и преданной — не только своими союзниками, но и братьями — за освобожденіе которыхъ вѣками кровоточила Россія, нынѣ страдающая въ цѣляхъ неслыханного рабства.

Душой и вдохновителемъ русского отряда на Волгѣ былъ молодой офицеръ Каппель; его добровольческій отрядъ, состоящей большей частью изъ офицерства, студенчества и гимназической молодежи, дѣлалъ чудеса храбрости. Онъ держалъ въ страхѣ большевистскія силы и оборонялъ до послѣдней возможности весь, такъ называемый, Услонскій районъ, на другомъ берегу Волги, отгоняя съ помощью одной лишь пушки и большевистскія банды — не только на суши, но и на рѣкѣ. Этимъ-то воднымъ путемъ большевики и думали воспользоваться и, высадивъ десантъ, разъединить молодецкій отрядъ Каппеля съ главными силами и, окруживъ,ничтожить. Но каждый разъ Каппель, неожиданнымъ контръ-наступленіемъ, разрушалъ ихъ планы и часто бывало, что поддержаный нашей небольшой рѣчной флотиліей, обращалъ, какъ наступавшія съ суши, такъ и съ Волги большевистскія во много разъ лучше вооруженные суда и пѣшие отряды въ бѣгство.

Но время шло, Каппелевскія силы таяли, а помощь не приходила. Какіе только слухи не ходили въ то время объ этой помощи! Дошло до того, что ожидали, съ часу на часъ, прихода нѣсколькихъ союзническихъ дивизій, главнымъ образомъ, почему то японскихъ...

Дѣйствительность показала иное — вмѣсто ожидаемыхъ союзническихъ войскъ, съ позицій прибывали все новые и новые раненые, а большевики все больше и больше наглѣли — наглѣли и нѣмецкіе аэропланы, которые все чаще и чаще дѣлали налеты на беззащитный городъ, сбрасывая бомбы

очень большой силы; жертвами этих цивилизованных варваровъ являлись большей частью дѣти, женщины, старики со старухами. Какъ сейчасъ, помню неподдѣльное горе одной вдовы-матери, дочь которой, шедшая на свой ежедневный заработка — репетиторскій урокъ, и кормившая этимъ заработка мать — была убита одной изъ бомбъ, сброшенныхъ съ аэроплана на беззащитныхъ жителей рукой культурнаго варвара.

А между тѣмъ число раненыхъ все увеличивалось и, наконецъ, рѣшено было серьезно заняться этимъ вопросомъ. Подъ госпиталь, или вѣрнѣе перевязочный пунктъ, было отведено Дворянское Собраніе, тамъ же была стоянка ночного дежурства внутренней стражи милиціи, несшей службу по отдѣльнымъ, разбросаннымъ по всему городу постамъ, на случай беспорядковъ или оказанія помощи и въ качествѣ резерва войскамъ, находящимся на позиціяхъ; какъ инвалидъ Великой Войны, я тоже получилъ назначеніе — начальника одного изъ сторожевыхъ постовъ внутренней охраны. Помощь этой охраны понадобилась въ послѣдній критическій моментъ защиты Казани. Но что могли сдѣлать инвалиды, преподаватели средне-учебныхъ заведеній, профессора университета и т. п., противъ регулярныхъ нѣмецко-латышско-мацѣярскихъ войскъ, среди которыхъ были и чешскіе коммунисты, поднявшіе братоубийственную руку не только на единокровныхъ братьевъ русскихъ, но и на единоутробныхъ братьевъ чехословаковъ, сражавшихся на нашей сторонѣ!

Чтобы достать необходимыя деньги для ухода за ранеными, на лѣкарства и перевязочные средства, которыхъ далеко не хватало, рѣшено была устроить день сбора и наименовать его «Днемъ Народной Арміи».

Нужно при этомъ отмѣтить, что значительную помощь раненымъ, въ свое время, оказалъ 5-й Чехословацкій санитарный поѣздъ со своими летучками, который обслуживалъ обширный районъ отъ Екатеринбурга до Сызрани и Казани. Я думаю вполнѣ умѣстной и не лишенной интереса будетъ краткая историческая справка о созданіи Чехословацкихъ санитарныхъ поѣздовъ*).

Передъ выступленіемъ противъ большевиковъ, 1-я Чешская дивизія находилась въ районѣ гор. Пензы, а именно: 1-й, 4-й и Запасный полки и два эшелона добровольцевъ. Въ Кузнецкѣ и Сызрани находились эшелоны артиллеріи; 3-й, 2-й и 1-й эшелоны 1-го Яна Гуса полка стояли въ то время въ районѣ Челябинска. Санитарный эшелонъ № 1-й, обслуживающій 1-ю дивизію, былъ назначенъ на стоянку въ Челябинскѣ — пунктъ наиболѣе безопасный. Такимъ образомъ, такъ называемая, «Пензенская группа» осталась безъ санитарного поѣзда. Околодки при эшелонахъ были болѣе чѣмъ недостаточны — безъ перевязочного материала

*.) Эта справка дана мнѣ Н-комъ санит. эшелона въ гор. Николаевскѣ, куда я былъ приглашенъ чехами для осмотра ихъ санитарныхъ учрежденій.

и медикаментовъ. При этихъ тяжелыхъ санитарныхъ условіяхъ и началась борьба съ большевиками. Нужно было найти какой то выходъ изъ создавшагося положенія и наладить подачу помощи раненымъ Чехословацкимъ легіонерамъ, которыхъ, къ тому же, предвидѣлось большое количество. Чехословацкіе врачи, стараясь разрѣшить эту трудную въ санитарномъ отношеніи задачу, немедленно приступили къ дѣлу организаціи съ неослабѣвающей энергией и любовью къ страдающимъ.

Первенствующее мѣсто между ними, какъ своей плодотворной дѣятельностью, такъ и неутомимой энергией, занялъ дивизіонный врачъ 1-й дивизіи д-ръ Панекъ. Ему удалось, при очень тяжелыхъ условіяхъ, почти изъ ничего, подъ обстрѣломъ, создать небольшой санитарный эшелонъ, состоящей изъ трехъ классныхъ вагоновъ и одного вагона-теплушкіи — перевязочной. Но этого было, конечно, недостаточно и, вмѣстѣ съ возрастающимъ наплывомъ раненыхъ, началь ощущаться недостатокъ мѣсть, а также и недостатокъ перевязочныхъ матеріаловъ.

Къ счастью, 4-го іюня, въ Липягахъ, удалось отбить у большевиковъ кое-какъ оборудованный поѣздъ № 97, носящий почему-то название — «Поѣздъ имени русскаго солдата» — я потому говорю «почему то», что это было въ то время, когда понятіе «русскій» и все съ нимъ связанное: Русское Государство, его славное прошлое, его исторія, религія и т. п. — преслѣдовались, а почетное и понятное званіе солдатъ, замѣнено неуклюжимъ и непонятнымъ «красноармеецъ».

Послѣ взятія Самары съ дальнѣйшимъ продвиженіемъ по Волгѣ, вслѣдствіе разрозненности фронта, постепенно выдѣлялись изъ Пензенскаго санитарного эшелона, насчитывавшаго въ свое время 21 классный вагонъ, по нѣсколько отдѣльныхъ классныхъ теплушекъ и санитарныхъ летучекъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ, — число ихъ доходило въ октябрѣ мѣсяцъ до 5-ти.

Въ августѣ мѣсяцѣ врачемъ этого поѣзда былъ назначенъ д-ръ Янцикъ. Подъ его управлениемъ были оборудованы больницы въ г.г. Уфѣ и Златоустѣ, за счетъ этого же, такъ широко развернувшагося, поѣзда; кромѣ того, была устроена прифронтовая прачечная и мастерскія, обслуживающія своими средствами все, подлежащее ремонту.

Съ 28-го мая, за все время боевъ на Волгѣ, было принято поѣздомъ 4165 раненыхъ и больныхъ, которыхъ нужно было не только кормить, но и частью одѣвать, такъ какъ раненые, по заявлению чехословацкаго врача д-ра Янцика, приходили съ фронта зачастую въ одномъ только бѣльѣ...

Невольно склонишь голову предъ этимъ скромнымъ, но великимъ въ своей скромности, подвигомъ неусыпнаго труда и самоотверженія такихъ тружениковъ, какъ д-ра Панекъ и Янцикъ.

Но они могли, какъ мы видѣли, въ условіяхъ чрезвычайной напряжен-

ности, обслуживать только лишь Чехословакіе легіоны. Намъ же, русскимъ, о своихъ раненыхъ приходилось думать самимъ.

И воть въ теченіе 6-8 августа 1918 года былъ организованъ «День Народной Арміи».

III.

Организація «Дня Народной Арміи», имѣющая цѣлью оказаніе широкой помощи раненымъ и больнымъ воинамъ, къ слову сказать, являлась чуть ли не единственнымъ положительнымъ достижениемъ во всей хаотической, бессистемной и нервозной дѣятельности «Комуча» въ Казани.

«День Народной Арміи» открылся парадомъ войскъ, свободныхъ отъ служебныхъ нарядовъ.

Какъ сейчасъ вижу молодцевато-подтянутый отрядъ чеховъ, отвѣчающихъ на привѣтствіе начальствующихъ лицъ дружнымъ славянскимъ: «Наздарь!».

А воть смуглые, загорѣлые сербы, волею Провидѣнія, поставленные бокъ-о-бокъ со своими братьями русскими и чехами, въ борьбѣ противъ общаго врага. — «Живіо» — несется изъ ихъ рядовъ.

Величественную и незабываемую картину представляли русскіе борцы, изображавшіе древнихъ русскихъ богатырей. Среди нихъ былъ борецъ всероссійской извѣстности Иванъ Заикинъ (Добрыня Никитичъ), а также извѣстные борцы Климовъ — Святогоръ*) (Илья Муромецъ), Дмитріевъ (Алеша Поповичъ) и рядъ другихъ.

Были составлены и всюду распространены воззванія. Въ одномъ изъ наиболѣе характерныхъ по тому времени интересно отмѣтить слѣдующія слова обѣ Учредительному Собраниі:

«Знайте всѣ, что Учредительное Собраніе будетъ имѣть равные голоса и палаты, какъ одного класса, такъ и другого.

Услышьте всѣ, что Учредительное Собраніе — избранники равнаго народа будутъ одинаковы для всѣхъ, а потому узнайте другъ друга, и бѣдный и богатый — всѣ братья и сыны Русской Земли».

Заканчивается это воззваніе поистинѣ трагическимъ возгласомъ:

«О, Матушка Земля Родная, пошли намъ Минина и Пожарского!»

Закипѣла работа. Во дворцѣ бывшаго Командующаго Войсками Казанскаго Военнаго Округа генер. Сандецкаго, среди ряда разныхъ комиссій, засѣдала и комиссія культурно-просвѣтительная. Эта комиссія и возложила на меня задачу организовать литературный вечеръ въ Казанскомъ Городскомъ театрѣ, что и было съ успѣхомъ выполнено, при горячемъ отклиѣ, какъ артистовъ, такъ и дирекціи этого театра.

*) За участіе въ «Днѣ Нар. Арміи» Климовъ былъ разстрѣлянъ большевиками.

Этотъ вечеръ-концертъ начался исполненіемъ чешскаго и сербскаго гимновъ и марсельезы, а вся программа была посвящена славянской музыкѣ и славянскимъ произведеніямъ, и памяти Яна Гуса.

Городской театръ быль переполненъ: и аристократъ, и послѣдній рабочій — всѣ принесли свою лепту «Дню Народной Арміи».

Вечеръ-концертъ закончился американской лотереей, гдѣ публика, подъ вліяніемъ охватившаго ее жертвенного порыва, отдавала рядъ цѣнныхъ вещей, которая тутъ же и разыгривались, при чемъ нѣкоторыя русскія дамы снимали даже обручальные кольца и серьги и жертвовали ихъ въ пользу семействъ убитыхъ сербовъ и чехословаковъ.

Говоря объ этомъ фактѣ, я не хочу подчеркивать этимъ какой либо особенный подвигъ — просто я не могу пройти мимо этого явленія, ярко иллюстрирующаго тотъ порывъ и воодушевленіе, которыми были встрѣчены чехи, какъ братья, какъ герои-освободители...

Какъ это ни грустно, но нужно подчеркнуть, что меньше всего, на призывъ жертвовать въ пользу больного и раненаго, отозвались имущіе классы — казанское купечество, которое, за рѣдкими исключеніями, нехотя развязывало свою мошну; были неоднократные случаи, когда, сидѣвшіе на золотыхъ миллионахъ, купцы давали не больше какъ... керенку... двадцати или сорока рублевую — измятую, изорванную... Стыдно вспомнить — Мининыхъ не было, да что то не видно ихъ и по сегодняшній день, хотя за границей и живутъ русскіе банкиры, финансисты и торГОво-промышленники съ многомилліонными капиталами въ крѣпкой валютѣ.

Богъ послалъ намъ теперь князя Пожарскаго въ лицѣ Е. И. В. Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, но Мининыхъ какъ то, по прежнему, не находится, и пуста казна Великаго Князя — «Фондъ Спасенія Россіи». Помощь же больному и раненому воину-инвалиду составляется изъ скучныхъ средствъ, кровно заработанныхъ тяжелымъ трудомъ тѣхъ же простыхъ русскихъ патріотовъ эмигрантовъ: офицеровъ, солдатъ, казаковъ — молодежи, работающей въ рудникахъ, на заводахъ, на постройкахъ дорогъ — не брезгающей никакой черной работой и крѣпко вѣрующей въ грядущее освобожденіе Россіи.

И помню я — плохо кончили казанские и волжские торГОво-промышленники. Ограбленные до нитки большевиками, многіе изъ нихъ окончили жизнь въ кровавыхъ подвалахъ палача Дзержинскаго, а иные прибѣжали искать защиты опять таки у того же раздѣтаго, голоднаго русскаго добровольца, въ помощи которому они отказали въ тотъ именно моментъ, когда онъ отстаивалъ не только Свободу, Права и Честь своей Родины, но и ихъ собственное достояніе.

Грустная и печальная страница, не къ чести русскихъ имущихъ клас-

совъ, послужившая одной изъ главнѣйшихъ причинъ неудач национальной борьбы съ III-мъ Интернационаломъ на всѣхъ добровольческихъ фронтахъ.

Между тѣмъ событія развивались далеко не въ пользу нашу, иначе говоря, приближался роковой моментъ подведенія итога тѣмъ непоправимымъ ошибкамъ, которая были допущены главарями движенія на Волгѣ.

Эти роковые итоги пришли неожиданнѣе, чѣмъ можно было бы расчитывать; развязку ускорилъ мятежъ — выступленіе рабочихъ Пороховской Слободы и Алафузовскихъ заводовъ.

Никто не ожидалъ, что Казань — главный городъ Поволжья, будетъ такъ быстро и внезапно сданъ, но, къ сожалѣнію, фактъ совершился.

Хотя рабочіе Пороховской Слободы и Алафузовскихъ заводовъ и были усмирены, хотя по улицамъ города, за подписью городского головы Корсакова (бывшаго уѣзднаго предводителя дворянства), и расклеивались воззванія отъ имени В. Лебедева, что Казани никакая опасность не угрожаетъ и что населеніе призываются спокойно заниматься своимъ ежедневнымъ трудомъ, — повсюду, тамъ и тутъ, чувствовалось приближеніе роковой развязки.

И она наступила скорѣе, чѣмъ ожидали, именно въ силу тѣхъ причинъ, которая могли бы быть легко устранимы, если бы руководителемъ былъ не дилетантъ — морской министръ Керенскаго, а лицо опытное, авторитетное, разбирающееся въ обстановкѣ и заботящееся не о партійныхъ выгодахъ, а о пользѣ страждущаго Отечества и прежде всего только о немъ.

Вѣдь вотъ, напримѣръ, тотъ же городъ Уральскъ, пунктъ сравнительно небольшой и не обладающей такими разносторонними средствами защиты — могъ же держаться гораздо дольше...

Объясняется это, повторяю, тѣмъ, что руководители изъ «Комуча» не поняли и не оцѣнили достаточно всей важности г. Казани, какъ главнаго и опорнаго пункта всего Поволжья, да, откровенно сказать, и не до этого имъ было: съ утра до ночи и съ ночи до утра митинги, засѣданія, собранія и опять митинги, — на которые допускались въ оппоненты ораторы съ явно коммунистической окраской, — отнимали у нихъ все дѣловое время.

Большевики — наоборотъ, понявъ огромное значеніе Казани, воспользовались пустоболтаніемъ вождей противной стороны и заняли весьма важный стратегическій пунктъ — переправу черезъ Волгу, укрѣпили въ то же время свои позиціи противъ Казани: окопами, проволочными загражденіями и могущественной артиллерией — вотъ почему всѣ усилия незначительного гарнизона Казани отбросить большевиковъ и развить дальнѣйшій успѣхъ, оказались запоздавшими и осуществлены быть не могли.

Если бы во главѣ движенія стояли люди соответствующаго опыта и знаній, они бы поняли, что занявшие Казань чешско-сербскіе отряды нужно усилить какъ можно скорѣе; они бы поняли, что въ періодъ продолжительна-

го бездѣйствія красныхъ подъ Казанью, за это время можно было основательно укрѣпить, какъ самый городъ, такъ и его окрестности и особенно Верхній Услонъ, державшійся единственно доблестью горсти Каппелевцевъ и явившійся стратегическимъ ключемъ всей обороны, они поняли бы и многое другое — чего не поняли руководители изъ Учредительного Собрания и что привело къ катастрофѣ подъ Казанью.

IV.

Непоняли или не хотѣли, — или же въ ихъ расчеты уже не входила эта «второстепенная задача», какъ удержаніе Казани, — главная задача — задача по вывозу золотого запаса изъ Казани была уже блестяще ими выполнена. А что она была въ это время выполнена «аккуратно» и кладовыя Казанского Казначейства были очищены своевременно и основательно — объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя данныя. Къ нимъ принадлежитъ, между прочимъ, мало известная широкимъ кругамъ, книга чешскаго легіонера маіора д-ра I. Ф. Кудели.

Книга эта носить интересное название:

«О россійскомъ золотомъ запасѣ и чехословакскихъ легіонахъ».

Издана она въ 1924 году, подъ редакціей исторического отдѣла «Pamatniku Odboje» въ Прагѣ, въ «Легіографіи» — собственной типографіи легіонеровъ, являющейся однимъ изъ многочисленныхъ предприятій Банка Чехословакскихъ Легіонеровъ.

Беру эту книгу не какъ первую попавшуюся,* а потому, что она является изданіемъ, съ одной стороны, офиціознымъ, а съ другой, настойчиво рекомендуется русскимъ; такъ, напримѣръ, она была прислана въ библіотеки русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Прагѣ, для студентовъ эмигрантовъ, и прислана съ «предложеніемъ» ознакомить всѣхъ русскихъ студентовъ данного высшаго учебнаго заведенія съ ея содержаніемъ.

Въ этой книгѣ выражается искренняя благодарность всѣмъ лицамъ, давшимъ устныя информаціи о судьбѣ РОССІЙСКАГО ЗОЛОТОГО ЗАПАСА, вывезенного изъ Казани и добавляется, что очеркъ *«О россійскомъ золотомъ запасѣ»* вышелъ еще весной 1922 года на чешскомъ языке; лѣтомъ того же года онъ былъ переведенъ на французскій языкъ и напечатанъ въ *«Gazette de Prague»* и отдѣльной брошюре. Тутъ же маіоръ д-ръ Куделя добавляетъ, что для русскаго изданія этотъ очеркъ не много расширенъ и переработанъ.

*) Кто такой д-ръ Куделя видно изъ газ. *«Narodni Listy» № 231, 24 авг. 1926,* которая говоритъ, что это: «одинъ изъ историковъ русскихъ легій» и «передовыхъ мыслящихъ людей».

Для чего маюру д-ру Куделѣ нужно было расширять, а главное перерабатывать свой очеркъ для русскаго изданія — конечно, лучше знать ему самому — у русскаго же читателя это сообщеніе вызываетъ лишь, по меньшей мѣрѣ, недоумѣніе...

Но обратимся къ упомянутой книгѣ д-ра Кудели; при внимательномъ чтеніи ея, у болѣе вдумчиваго читателя получается впечатлѣніе, какъ разъ обратное тому, котораго хочетъ добиться д-ръ маюръ Куделя, а послѣ прочтенія всей книги въ цѣломъ, невольно, самъ собою, напрашивается вопросъ — но если высшее командованіе чехословакими легионами, какъ пришло, такъ и ушло съ однѣми «бѣлыми ризами», то почему же такое, казалось-бы, излишнее волненіе и беспокойство, переходящее временами въ паническій страхъ за чистоту этихъ «бѣлыхъ ризъ»? Почему не волнуются и не негодуютъ представители другихъ бывшихъ въ то время союзныхъ войскъ: сербскихъ, французскихъ, англійскихъ, японскихъ или, наконецъ, американскихъ? И почему ихъ имена не связываются съ судьбой Россійскаго золотого запаса?

«О Казанскомъ золотомъ запасѣ, — пишетъ д-ръ Куделя, — часто говорятъ и пишутъ въ томъ смыслѣ, что обвиняютъ Чехословакское войско въ Россіи въ лишеніи Русскаго Народа его золотого запаса. Иногда это толкуется съ дѣйствительной или притворной симпатіей къ названнымъ легионамъ, съ симпатіей, которая старается ихъ оправдать, другой же разъ — съ ненавистью указывается на то, что чехословакіе легионеры растащили изъ золотого запаса столько, сколько хотѣли.

Нерѣдко утверждаютъ, что, изъ такимъ образомъ украденного золота образовался основной капиталъ и фонды Банка Чехословакихъ Легіоновъ.

Нелѣпая агитація нѣкоторыхъ группъ русскихъ реакціонеровъ развлекаетъ свою публику сказками о томъ, что высокій (сравнительно съ другими средне-европейскими государствами) курсъ чехословакской кроны подкрѣпленъ золотомъ, украденнымъ изъ Казанскаго золотого запаса.

Вотъ почему я написалъ этотъ очеркъ исторіи той части Россійскаго золота, которое лѣтомъ 1918 года было взято у большевиковъ въ Казани, а въ началѣ весны 1920 года досталось имъ обратно.* (стр. 27).

Материалъ доставили мнѣ, помимо упомянутыхъ статей и книгъ, равно какъ и соотвѣтственной литературы о легионахъ, прежде всего устная ин-

*) Фактически — золото, какъ это будетъ описано далѣе, было выдано большевикамъ далеко не полностью, а въ количествѣ равномъ приблизительно какой то одной трети — судьба остальныхъ какихъ то двухъ третей неизвѣстна.. Въ интересахъ исторической точности нужно замѣтить, что небольшая часть этихъ денегъ, которыя чехословаки пытались скрыто провести подъ американскими флагомъ, попала въ руки атамана Семенова, долгое время содержавшаго свою армію на эти именно средства.

Покойный Адмиралъ Колчакъ отдалъ распоряженіе о самомъ щадительномъ контролѣ надъ чехословакскими поѣздами, съ привлечениемъ, въ случаѣ надоб-

формациі, которая я старался, насколько это было возможно, достать отъ всѣхъ лицъ, причастныхъ къ исторіи золотого запаса; изъ нихъ я называю И. М. Брушвита, генерала Я. Сырового, генерала Ст. Чечека, полковника Л. Крейчи, подполковника Фр. Шипа, подполковника Р. Медека и др-а И. Благошъ; д-ръ Глосъ прислалъ мнѣ изъ Познаний свой разсказъ письменно».

Однако, что же это за лица, на устной информациі и которыхъ, главнымъ образомъ, построенъ весь очеркъ о «Российскомъ золотомъ запасъ»?

Говоря объ этихъ лицахъ, я, прежде всего, долженъ замѣтить, что, быть можетъ, я не коснулся бы ихъ, если бы на нихъ въ своей книгѣ не опирался самъ авторъ, маіоръ д-ръ Куделя, сославшись на этихъ лицъ, какъ на живые документы.

И. М. БРУШВИТЬ, — членъ партіи эсъ-эровъ, бывшій министръ финансовъ Самарского эсъ-эровскаго «Комуча»; по его именно приказу Российской золотой запасъ и былъ перевезенъ изъ Казани въ Самару.

И. М. Брушвить пользуется сейчасъ въ Прагѣ исключительнымъ вниманіемъ Чехословацкаго Правительства, т. е. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое въ Чехословацкой Республике является, скромно говоря, доминирующими.

Всѣ же остальные «живыѣ документы», упомянутые авторомъ, на устныя информациі которыхъ онъ ссылается — чехи легіонеры, т. е. тѣ же «обвиняемые», безпричастіе которыхъ представляется весьма сомнительнымъ. Тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ этихъ лицъ являются непосредственно заинтересованными, — какъ напр., подполковникъ ФР. ШИПЪ, одинъ изъ Директоровъ Легіобанка и одинъ изъ организаторовъ финансовъ Чехословацкихъ легіонеровъ въ Россіи.

Или, напр., маіоръ д-ръ Н. БЛАГОШЪ, бывшій уполномоченный Правительства Чехословацкой Республики въ Иркутскѣ, выдавшій Адмирала А. В. Колчака большевикамъ — нынѣ онъ занимаетъ крупный постъ при Чехословацкомъ посольствѣ въ Берлинѣ.

Или генераль ЯНЪ СЫРОВОЙ, бывшій Командующій Чехословацкими легіонами въ Сибири — нынѣ Военный Министръ Чехословацкой Республики...

Я не буду касаться остальныхъ лицъ — я лишь упомяну, что ни по какимъ законамъ въ мірѣ — «обвиняемые» не могутъ быть въ одно и тоже время и свидѣтелями.

ности, международной контрольной комиссіи; атаманъ же Семеновъ, въ цѣляхъ прекращенія дальнѣйшей утечки русскаго золотого запаса, пригрозилъ чехословакамъ взрывомъ тунелей и рядомъ другихъ мѣръ.

Этимъ то и объясняется вся та травля со стороны, какъ чехословацкихъ круговъ, такъ и русскихъ, находящихся въ непосредственной связи съ ними, въ силу общности интересовъ, по адресу и адм. Колчака и адм. Семенова.

Несмотря на все это, будемъ однако же и мы опираться на эти свидѣтельства и посмотримъ, что говорить д-ръ Куделя о судьбахъ Казанского золотого запаса.

Въ первой главѣ своей книги д-ръ Куделя описываетъ, какимъ образомъ въ Казани былъ сосредоточенъ золотой запасъ. Брестские переговоры о мирѣ между центральными державами и представителями Совѣта Народныхъ Комиссаровъ были во второй половинѣ февраля прерваны заявлениями совѣтскихъ делегатовъ: аннексіонного мира мы не подпишемъ, но и воевать не будемъ,—на что Германія отвѣтила приказомъ по своимъ войскамъ—перейти вглубь Россіи.

Въ виду этого германского наступленія, Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ рѣшилъ сосредоточить весь золотой запасъ Россіи въ Казани, въ кладовыхъ мѣстнаго Отдѣленія Государственного Казначейства.

По предписанію Предсѣдателя Совнаркома, были спѣшно приспособлены подвалыя помѣщенія Банка подъ кладовыя и, съ мая мѣсяца, началась перевозка въ Казань металлическихъ запасовъ изъ Петрограда, Москвы и другихъ городовъ.

Такъ какъ впослѣдствіи миръ все таки не только былъ подписанъ и утвержденъ Всероссійскимъ Съездомъ Совѣтовъ, но въ Москву прибылъ уже германскій посолъ, то приходится искать другую причину эвакуації и концентрації золотого запаса. А найдется она, вѣроятно, zo внутреннемъ положеніи совѣтской власти того времени, когда приходилось беспокоиться за будущій день, ввиду того, что и въ самой красной столицѣ положеніе было не вполнѣ надежнымъ.

Какъ бы то ни было, въ Казани предположено было сосредоточить весь золотой запасъ Россіи, золотой запасъ Румыніи (пресловутую Румынскую «кукушку»), а также значительную часть серебра.

Взятіе Самары чехословаками (въ началѣ іюня) пріостановило эвакуацію запасовъ Москвы, но изъ другихъ городовъ она продолжалась въ теченіе всего іюня мѣсяца.

Въ общемъ въ Казань, по утвержденію д-ра Куделя, за это время было доставлено золота въ монетѣ и слиткахъ на сумму свыше пяти сотъ миллионовъ рублей номинальныхъ — 531 ящикъ съ золотомъ, платиной и издѣліями (медалями и крестами) монетнаго двора, около восеми миллионовъ серебряной монеты и на стотридцать три миллиона рублей процентныхъ бумагъ вкладчиковъ Петроградской Сберегательной Кассы.

Послѣ взятія чехословаками Симбирска, Ленинъ и главный Комиссарь Банка, Поповъ, предприняли спѣшно розыски новыхъ помѣщеній для перевозки металлическихъ запасовъ, но обслѣдованіе Вятки и Перми, куда предполагалось ихъ эвакуировать, не дало удовлетворительныхъ результатовъ.

Тогда же, въ Нижнемъ Новгородѣ, была снаряжена особая экспедиція изъ нѣсколькихъ пароходовъ и баржъ, задачей которыхъ являлась погрузка казанскихъ металлическихъ запасовъ и отправка ихъ вверхъ по Волгѣ до Нижняго, а затѣмъ по рѣкѣ Окѣ.

Мѣсто новаго храненія запасовъ въ точности не было известно: по одной версіи предполагалось вывезти ихъ въ Москву, по другой — сложить въ Коломнѣ, подъ особой охраной рабочихъ Коломенского завода, а по третьей — баржи съ металломъ потопить въ руслѣ рѣкъ Волги и Оки.

Экспедиція эта прибыла въ Казань 28 іюля и приступила къ подготовкѣ погрузки. Предварительная совѣщанія и подготовительная работа заняли около недѣли времени и на 5 августа было назначено начало работъ по погрузкѣ.

Но въ 8 часовъ вечера, когда были поданы къ зданію Банка вагоны трамвая и пришли рабочія команды, со стороны пристаней, отстоящихъ въерстахъ въ семи отъ городѣ, раздался первый пушечный выстрѣль.

Стоявшій у пристаней караванъ судовъ снялся съ якорей и ушелъ вверхъ по Волгѣ, въ городѣ же остались два комиссара (изъ пяти прибывшихъ для погрузки золота), которые, погрузивъ на четыре грузовика сто ящиковъ золота на приблизительную сумму сто миллионовъ рублей и на девяносто пять миллионовъ кредитныхъ билетовъ, уѣхали около 4-хъ часовъ ночи.

Въ ту же ночь правленіемъ Банка было получено отъ мѣстнаго Совѣта предписаніе о немедленной выдачѣ всѣхъ денежныхъ знаковъ, но это предписаніе не было исполнено».

На этомъ и заканчивается глава: «О Казанскомъ золотомъ запасѣ».

V.

Третья глава книги говорить о томъ, какъ золотой запасъ былъ перевезенъ изъ Казани въ Самару.

«Въ началѣ августа 1918 года, военное командованіе только что возникшаго Поволжского фронта, поставило задачей соединиться съ Арміей генерала Деникина на югѣ, находящейся всего въ какихъ нибудь ста вѣрстахъ, для чего нужно было взять Саратовъ.

Но помощнику военнаго министра «Комуча» Вл. Лебедеву удалось убѣдить Командованіе, что надо итти не на Саратовъ, а въ противоположномъ направлѣніи — на сѣверъ, где легко можно овладѣть крупнымъ и богатымъ городомъ Казанью, въ которомъ, помимо огромныхъ военныхъ складовъ, находится недавно перевезенный туда «золотой запасъ».

И такъ вразрѣзъ съ планомъ Верховнаго Командованія и помимо запрещенія Командующаго Поволжскимъ Фронтомъ, Вл. Лебедевъ и Степа-

новъ повели группу войскъ на съверъ и 6-го августа 1918 года взяли гор. Казань.

Управляющимъ Отдѣломъ (Министерствомъ) Финансовъ въ Самарскомъ Правительствѣ въ то время былъ Членъ Всероссійскаго Учредительного Собрания И. М. Брушвитъ; онъ немедленно отдалъ приказъ — о перевозкѣ золотого запаса въ Самару.

Этотъ приказъ встрѣтилъ въ Казани извѣстное противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ дѣятелей, которые желали сдѣлать Казань центромъ антибольшевистской борьбы, и потому отказывали въ эвакуаціи чего бы то ни было, — въ Самару были лишь отправлены тѣ въ осемьдесятъ миллионовъ рублей, которые незадолго до боевъ съ Чехословаками, были перевезены изъ Самарского Государственного Банка въ Казань.

Въ отвѣтъ послѣдовалъ второй приказъ и очень рѣшительный: «Кому́чъ» отдалъ спѣшное распоряженіе замѣстителю Управляющаго Военнымъ Отдѣломъ Вл. Лебедеву, принять экстренные мѣры для немедленной отправки золотого запаса изъ Казани въ Самару и употребить для этой цѣли всѣ имѣющіяся перевозочные средства.

Казанцы продолжали пассивное сопротивленіе эвакуаціи, ссылаясь на то, что у нихъ не имѣется достаточнаго количества надежныхъ людей для перегрузки золотого запаса.

И вотъ тогда Управляющій Министерствомъ Финансовъ отправляеть съ этой цѣлью изъ Самары въ Казань триста человѣкъ и два грузовика; изъ этихъ трехсотъ человѣкъ — сто были взяты изъ студенческой боевой дружины, сто — изъ сапернаго баталіона и сто изъ Самарской организаціи партіи «эсъ-эровъ».

Далѣе, въ книгѣ приводится нижеслѣдующая радио-телеграмма Вл. Лебедева:*)

«Казань. Всѣмъ. Комитету Членовъ Учредительного Собрания и всѣмъ радиостанціямъ:

Сообщаю, что въ настоящую минуту отправка золотого запаса, принадлежащаго Россіи, закончена.

Я отправилъ изъ Казани:

1. Весь золотой запасъ въ нарицательную стоимость шестьсотъ пятьдесятъ семь миллионовъ рублей, по нынѣшней цѣнѣ шесть съ половиной миллиардовъ рублей.
2. Сто миллионовъ рублей кредитными билетами.
3. На огромную сумму всякихъ другихъ цѣнностей.
4. Запасы платины и серебра.

*) Эта радио-телеграмма была напечатана въ «Вѣстникѣ Учредительного Собрания» отъ 25 августа 1918 года № 38.

Счастливъ донести, что теперь все это народное достояніе отъ грабителей и предателей, п о л н о с т ь ю, перешло въ руки Учредительного Собрания и Россія не должна беспокоиться о цѣлости своего богатства».

Помощникъ Управляющаго Военнымъ Отдѣломъ Вл. Лебедевъ.

Я уже говорилъ, что вывозъ золота произвелъ на населеніе удручающее впечатлѣніе и, несмотря на успокаивающія завѣренія властей, всѣ отлично понимали, что Казань будетъ оставлена.

Надъ городомъ появились уже большевистскіе аэропланы, которые сбрасывали летучки съ угрозами населенію всяческими репрессіями, если оборона города будетъ продолжаться. Подвозъ продуктовъ изъ деревень почти прекратился, слухи — одинъ другого нелѣпье и тревожнѣе, ползли по городу...

Но вернемся къ книгѣ д-ра Куделя — онъ оговаривается, что хотя въ его задачу не входитъ приводить цифровыя данныя золотого запаса, но, будучи увѣреннымъ въ томъ, что читателей этотъ вопросъ интересуетъ — онъ приводить цифры, опубликованныя впослѣдствіи Омскимъ Министерствомъ Финансовъ:

«Всего запасовъ изъ Казани вывезено:

а) въ русской монетѣ на	—	523.458.484 р. 42 к.
золота: б) въ иностранной »	—	38.065.322 р. 57 к.
в) въ слиткахъ »	—	90.012.027 р. 65 к.
<hr/>		
Итого	—	651.535.834 р. 64 к.»

Опредѣляя эти суммы, д-ръ Куделя, найдя разницу между приведенной имъ общей суммой золота и упомянутой выше радио-телеграммой В. Лебедева, приводить и сумму, упомянутую въ этой телеграммѣ, а именно, что номинальная стоимость Казанскаго золота была опредѣлена суммой — *657.000.000 рублей*.

Такимъ образомъ мы видимъ разницу пока около с е м и миллионовъ рублей.

Разницу эту д-ръ Куделя объясняеть недостаточностью сообщенія Вл. Лебедева, который, будто бы, преслѣдовалъ лишь агитационную цѣль, а именно: сообщая о переводѣ золотого запаса изъ Казани, онъ будто бы, хотѣлъ уменьшить такимъ образомъ интересъ къ этому пункту (? — Авт.)

Далѣе, согласно того же радио-телефрафнаго сообщенія Вл. Лебедева, въ Казанскомъ золотомъ запасѣ было кредитныхъ билетовъ на с т о м и л - л и о н о въ рублей и на огромную сумму разныхъ другихъ драгоцѣнностей, и кромѣ того большиe запасы платины и серебра; такимъ образомъ получается еще одна «маленькая» разница уже на сумму свыше ста миллионовъ рублей, не считая платины, серебра и другихъ драгоцѣнностей.

Но что чрезвычайно интересно, такъ это слѣдующее обстоятельство: д-ръ Куделя добавляетъ, что самъ бывшій Министръ Финансовъ Самарскаго «Комуча» И. М. Брушвитъ, въ сообщеніи о Казанскомъ золотѣ, заявилъ, что чиновники Государственного Банка оцѣнивали стоимость Казанскаго золотого запаса въ одинъ миллиардъ сто миллионовъ рублей. (Чехосл. журналъ «Пржеродъ» № 3, годъ изд. I.)

Очевидно, чиновники Казанскаго Государственного Банка оцѣнивали запасы платины, серебра и другія цѣнности, помѣченныя въ телеграммѣ Вл. Лебедева, не больше не менѣе какъ въ полмилліара рублей, т. е. они то и составляли чуть ли не половину всего золотого запаса, вывезеннаго изъ Казани; кромѣ того, сюда нужно присоединить и вышеупомянутые восемьдесятъ миллионовъ рублей, отправленные въ Самару.

Но, какъ мы видимъ изъ цыфръ Омскаго Казначейства, весь золотой запасъ, привезенный въ Омскъ, составлялъ всего лишь 651.535.834 р. 64 к. т. е. немногимъ больше половины вывезеннаго изъ Самары въ Уфу въ сентябрѣ 1918 года.

VI.

Въ это время въ Уфѣ эсъ-эры организовали Директорію. Новорожденная Директорія, конечно, была еще слишкомъ слаба и тутъ же на Совѣщаніи обратилась съ просьбой къ присутствующимъ въ качествѣ «гостей» представителямъ Отдѣленія Чехословацкаго Национальнаго Совѣта, предоставить охрану для золотого запаса, который долженъ былъ прослѣдовать въ Челябинскъ.

«Ихъ просьба была удовлетворена, — разсказываетъ далѣе д-ръ Куделя — и къ эшелонамъ россійскаго золота были приставлены чехословацкіе патрули.

Вагоны продолжали быть опечатанными самарскими печатями и находиться подъ присмотромъ чиновниковъ Самарскаго Правительства и Государственного Банка, которые сопровождали золотой запасъ еще изъ Казани.

Золото было привезено въ Челябинскъ, гдѣ въ то время находился Главный Штабъ противобольшевистскаго фронта и тамъ оно было перегружено изъ вагоновъ въ бетонные подвалы казеннаго злеватора».

Объ этой же передачѣ эсъ-эрь золотого запаса подъ чешскую охрану имѣется документъ и въ книгѣ В. Зензинова: «Государственный переворотъ Адмирала Колчака въ Омскѣ 18 ноября 1918 года» (изданіе: Парижъ 1919 г., стр. 43).

«Съ Чехословацкими Легионами отъ Волги до Тихаго Океана».

Къ статьѣ Александра Котомина:
«Съ Чехословацкими легионами отъ Волги до Тихаго Океана».

Командуюцій 1-ї Србакової Гуситекой дивизії полковник Шнедль † 25.10.1923

Наші богатирі.

ПЕРЕДАЧА ЗОЛОТОГО ЗАПАСА РОССИИ.

«Какъ извѣстно, золотой запасъ, захваченный въ Казани и перевезен-
ный оттуда въ Самару, былъ затѣмъ эвакуированъ въ Сибирь, гдѣ долженъ
быть поступить въ распоряженіе Всероссійскаго Правительства.

Въ связи съ Омской катастрофой и новымъ кризисомъ власти, Совѣтъ
Управляющихъ Вѣдомствами, въ засѣданіи Совѣта отъ 28 ноября с. г.,
принялъ слѣдующее постановленіе:

Въ виду того, что формальная передача серебрянаго запаса Комитета
Членовъ Учредительнаго Собранія Всероссійскому Временному Прави-
тельству, по независящимъ отъ Комитета причинамъ, не состоялась, а Совѣтъ
Управляющихъ Вѣдомствами не имѣть возможности охранять этотъ запасъ
— поручить члену Совѣта Ф. П. Рудько обратиться къ Чехословакскому
Национальному Совету съ просьбой о томъ, чтобы онъ принялъ весь эва-
куированный изъ города Самары въ Сибирь золотой и серебряный запасъ
подъ свою охрану для передачи, какъ обще россійскаго досто-
янія, Всероссійскому Учредительному Собранию или Всероссійскому
Правительству, которое можетъ явиться, какъ результатъ общаго соглаше-
нія и потому будетъ пользоваться общимъ признаніемъ».

Въ связи съ этимъ постановленіемъ, Совѣтомъ Управляющихъ Вѣдом-
ствами послана Чехословакскому Национальному Совету слѣдующая телеграмма:

«Екатеринбургъ. Чехосовѣту. При взятіи Чехословаками и войсками
Народной Арміи въ августѣ мѣсяцѣ Казани, — захвачены были, находив-
шіяся въ Государственномъ Банкѣ, золото, палтина и серебро, къ вывозу
которыхъ въ Москву большевики приступили за два дня до паденія Казани,
но успѣли захватить съ собою только нѣсколько десятковъ пудовъ золота.
Всего въ Казани взято было 40.000 пудовъ золота и платины — въ
слиткахъ и монетѣ, т. е. большая часть всего запаса золота, принадлежа-
щаго Россійскому Государству, и 30.000 пудовъ серебра.

Чтобы сохранить эти цѣнности отъ возможности обратнаго захвата
ихъ большевиками, Комитетъ Членовъ Учредительнаго Собранія распоря-
дился перевезти ихъ въ Самару, а затѣмъ въ Сибирь, съ тѣмъ, чтобы передать
ихъ потомъ, какъ всенародное достояніе, Временному Всероссійскому
Правительству.

Однако эта передача не успѣла состояться и, съ паденіемъ Всероссій-
скаго Правительства, возникаетъ опасность, что захваченные отъ большеви-
ковъ цѣнности попадутъ въ руки тѣхъ, которые используютъ ихъ во вредъ
Россіи. Поэтому Совѣтъ Управляющихъ Вѣдомствами постановилъ въ
засѣданіи 28 сего ноября: въѣрить указанныя выше цѣн-
ности Чешскому Народу, въ лицѣ Чехосовѣта для

охраны и затѣмъ передачи Учредительному Собранию или общепризнанному Правительству съ тѣмъ, чтобы до этой передачи никто этими цѣнностями распоряжаться не могъ.

Официальный текстъ Постановленія Совѣта Управляющихъ Вѣдомствами о передачѣ будетъ присланъ дополнительно».

Въ чёмъ несходство этой телеграммы съ разсказомъ д-ра Кудели? Въ времени. Д-ръ Куделя говорить, что эта передача состоялась на Уфимскомъ Совѣщаніи, т. е. въ сентябрѣ 1918 года — эта же телеграмма говоритъ о спасеніи золота отъ принявшаго единоличную власть адмирала Колчака, т. е. о событияхъ въ ноябрѣ 1918 года.

Во всякомъ случаѣ Казанскій золотой запасъ не залежался и въ Челябинскѣ.

Въ половинѣ октября 1918 года, по свидѣтельству д-ра Кудели, Омское Министерство Финансовъ (еще значить до переворота адмирала Колчака), въ лицѣ Министра Финансовъ Михайлова, распорядилось перевезти золотой запасъ въ Омскъ безъ вѣдома и согласія, какъ Директоріи, такъ и Главно-командующаго генерала Сырового, въ Ставкѣ котораго находилось золото. Замѣщавшій въ то время генерала Сырового, во время его отсутствія, Начальникъ его штаба, генералъ М. К. Дитерихсъ, разрѣшилъ погрузить золото въ вагоны и отправить въ Омскъ, подъ охраной чешского караула.

Въ концѣ книги, какъ бы между прочимъ, д-ръ Куделя добавляетъ, что Министръ Финансовъ Самарскаго «Комуча», Брушвитъ, указываетъ, что во время перевозки изъ Казани золото вѣсило 80.000 пудовъ и для перевозки понадобилось два поѣзда по сорокъ вагоновъ каждый.

«Насколько же помнить генералъ Сыровой,—пишетъ д-ръ Куделя,— золота въ Челябинскѣ было привезено три эшелона въ составѣ около ста двадцати вагоновъ». И дальше неожиданно прибавляется: «разницу въ этихъ цифрахъ нужно объяснить тѣмъ, что кромѣ золота было въ Казанскомъ золотомъ запасъ и серебро, и другія драгоценности».

Что же это еще значить?...

По сообщенію И. М. Брушвита, весь золотой запасъ съ упаковкой умѣщался въ 2-хъ поѣздахъ по сорокъ вагоновъ. Значитъ ли это, что въ это количество онъ не включилъ такую «мелочь», какъ сорокъ вагоновъ серебра и драгоценностей?...

«Адмиралъ Колчакъ увезъ съ собою изъ Омска только 28 вагоновъ» — обличительно киваетъ д-ръ Куделя.

Въ приводимомъ выше документѣ — просьба «Комуча» къ Чешскому Национальному Совѣту взять подъ охрану золотой запасъ — указываемая цифра 40.000 пудовъ золота и 30.000 пудовъ серебра приблизительно под-

ходить къ указываемымъ г. Брушвитомъ 80.000 пудамъ золотого запаса — значить въ общемъ опять таки не болѣе двухъ эшелоновъ.

Но въ этомъ документѣ не упоминается о другихъ драгоценностяхъ, хотя среди «просителей» былъ и Вл. Лебедевъ, оповѣстившій «всѣхъ» въ своей радио-телеграммѣ о «всякихъ другихъ цѣнностяхъ» на огромную сумму, и обнадежившій Россію небезпокоиться о цѣлости ихъ. О Самарскихъ восьми и десяти миллионахъ рублей также ничего не говорится, какъ будто это такая мелочь, о которой не стоитъ и упоминать. О такихъ же пустякахъ, какъ сто миллионовъ кредитными — я уже и не говорю, ихъ и слѣдъ простыль...

Въ концѣ то концовъ — что же мы узнаемъ отъ д-ра Кудели о Казанскомъ золотомъ запасѣ? Очень немного...

Сколько взято въ августѣ мѣсяцѣ въ Казани? Мы точно не знаемъ...

Сколько дошло въ сентябрѣ 1918 г. до Уфы? Неизвѣстно...

Сколько привезено чехами въ Челябинскъ? Со странной прибылью...

Сколько, наконецъ, получено Омскимъ Правительствомъ въ октябрѣ?

Данныхъ нѣть...

Всѣ причастные или, какъ ихъ называетъ д-ръ Куделя, «живые документы», вмѣсто того, чтобы ясно и опредѣленно сказать: «мы приняли столько то», говорятъ только: «изъ Казани вывезено...» и при этомъ не только впадаютъ въ странная противорѣчія, но словно нарочно въ своихъ показаніяхъ преподносятъ общественному мнѣнію величины несознѣмимыя: рубли, ящики, эшелоны, вагоны, пуды и т. д...

Да не посѣтуетъ читатель, что я такъ долго задержался на этомъ большомъ вопросѣ.

Вывозъ золота изъ Казани — событіе государственной важности и во всей борьбѣ за Волгу играетъ главнѣйшую роль, слѣдовательно, и каждого русскаго патріота онъ интересуетъ прежде всего. Золотой запасъ — достояніе нашихъ дѣдовъ и отцовъ, переданное нашему поколѣнію. А какъ мы распорядились съ этимъ наслѣдствомъ? Кто то прішелъ, взялъ, погрузилъ, возилъ, перевозилъ, другъ у друга выхватывалъ съ цѣлью спасти и такъ «спасли», что теперь и концовъ не найдешь...

И сами мы, русскіе люди, дошли до такого состоянія, что даже интересоваться судьбой русскаго золота считается чуть ли не зазорнымъ. Конечно, истина выяснится въ полной мѣрѣ по возстановленіи нашей Родины, но и сейчасъ, въ глухую полночь, когда всѣ кошки сѣры, мы этимъ вопросомъ должны интересоваться и освѣщать, не взирая на то, что кому нибудь и почему нибудь это не нравится. Больѣ того — это нашъ нравственныи долгъ, ибо грядущее намъ на смѣну поколѣніе предъявить намъ

рано или поздно грозный вопросъ: «А что вы сдѣлали съ наслѣдіемъ дѣдовъ?».

На этотъ вопросъ мы должны быть готовы дать ясный и опредѣленный отвѣтъ!

VII.

Казань продолжала переживать послѣдніе дни передъ паденіемъ; какъ миражъ; постепенно исчезала и, наконецъ, совершенно исчезла надежда на помошь союзниковъ. Обстрѣлъ города усилился, къ большевикамъ подошли сильныя подкрѣпленія изъ интернаціональныхъ отрядовъ, формированіе которыхъ ими въ то время тщательно скрывалось (нынѣ — это иностранные легіоны — войска III Интернаціонала)*).

И вдругъ, какъ то внезапно, стало извѣстно, что Казань оставлена не только представителями Правительства, Лебедевымъ и Фортунатовымъ, но и военнымъ командованіемъ, и что войска отходить на Сибирскій трактъ — въ городѣ началась паника.

Извѣстіе объ оставленіи Казани войсками пришло поздней ночью съ 7 на 8 сентября и всѣ казанцы, кто хоть мало-мальски былъ связанъ съ дѣломъ обороны родного города, поняли, что они первые подвергнутся всѣмъ жестокимъ гоненіямъ, неоднократно обѣщаннымъ Троцкимъ въ его приказахъ...

Начались тяжелыя сцены разставанья...

Голосила молодая жена, прощаясь съ мужемъ добровольцемъ и немогущая послѣдовать за нимъ въ неизвѣстность съ двумя маленькими дѣтьми.

Старый русскій генералъ, участникъ многихъ кампаній, послѣдній разъ крестилъ своего единственного сына гимназиста-добровольца, наказывая ему стоять до конца за трехцвѣтное русское знамя...

Безсильно рыдала, пришибленная горемъ, старушка мать, надѣвая на сына студента, образокъ Казанской Божьей Матери.

Вотъ идетъ слободской рабочій, окруженный цѣлымъ выводкомъ своихъ ребятишекъ. Нѣсколько разъ онъ останавливается и беретъ по очереди на руки то того, то другого малыша, ни-какъ не желающихъ отстать отъ «тяті».

*) Послѣ славной смерти на полѣ брани сербскаго воеводы Благотича, среди сербскаго отряда стало замѣтаться невольное уныніе; несмотря на свою малочисленность, сравнительно съ остальными гарнизономъ Казани, сербы составляли довольно вѣскую силу: ни разу среди нихъ не прогнула дисциплина, ни на одну минуту не поколебалась ихъ вѣра въ правоту дѣла борьбы съ большевизмомъ и самое главное — ни чѣмъ они не связали себя въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ «русскій золотой запасъ» — какъ пришли, такъ и ушли нищими — вотъ почему имъ теперь и не приходится прибѣгать къ всевозможнымъ средствамъ въ цѣляхъ самооправданія въ этомъ роковомъ и деликатномъ вопросѣ, какъ это вынуждены дѣлать политические и военные вожди чехословакскихъ легіоновъ.

Короче говоря: любовь къ Россіи у нихъ не была связана съ золотомъ...

Уже разданы всѣ гостинцы, обѣщаны всѣ подарки, а ребятишки все бѣгутъ за отцомъ. Наконецъ, уговаривавшая ихъ мать махнула рукой и кинулась назадъ — въ свой слободской домишко. Наспѣхъ захвативъ кое-что, она возвращается и уже всѣ, вмѣстѣ, они спѣшатъ къ городскимъ воротамъ.

Помню, какъ потомъ я собиралъ эту дѣтвому на большую скрипучую телѣгу, уступленную мнѣ Уѣзднымъ Союзомъ Увѣчныхъ Воиновъ; дѣти беззаботно пѣли пѣсни, смѣялись, а вокругъ шли понурившись родители...

По дорогамъ тянулись бѣженцы, также нагруженные дѣтьми и захваченными вполыхающими вещами... Попадались встрѣчные — это были поддавшиеся первой паникѣ и теперь возвращавшіеся обратно.

Среди нихъ вижу, измученное безсонной ночью, доброе лицо старого преподавателя нашего реального училища; онъ перекрестилъ меня: «вы идете, а я не могу уже: боленъ я, да и старъ» — и мы разстались...

Отходящіхъ начали догонять новыя волны бѣженцевъ, которыя рассказывали, что красные уже вошли въ крѣпость и набросились на близлежащія улицы, что они грабятъ и разбиваютъ лавки, что уже сбросили съ колокольни священника и вообще творятъ разныя безчинства...

Надъ дорогами, усѣянными бѣженцами, летали нѣмецкіе аэропланы... А въ головѣ, какъ удары молота, раздавались слова проклятій, остающихся въ городахъ: «Зачѣмъ вы приходили? Вы растоптали нашу вѣту въ васъ. Вы же большевиковъ, — тѣ хотѣли прямо говорить, что идутъ грабить и убивать насъ, вы же говорили, что пришли насъ спасать и... обманули — предали насъ въ руки красныхъ палачей, а сами теперь трусливо убѣгаєте»...

Надъ головами, въ смутномъ сентябрьскомъ небѣ, курлыкали перелетныя птицы, наводя на однихъ горькія думы о только что покинутыхъ гнѣздахъ, у другихъ же вызывая надежды на лучшее, въ этой притаившейся гдѣ то впереди неизвѣстности — куда они, шагъ за шагомъ, день за днемъ, все дальше и дальше уходили отъ родной рѣки...

(Продолженіе слѣдуетъ)

Александръ Котомкинъ.

«Революционная Армія» въ иностранной карикатурѣ.

Русская женщина-солдатъ спасаетъ Россію.

VII.

МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКОВЪ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗЪ ВОЗЗВАНИЯ

КЪ АРТИСТАМЪ И ХУДОЖНИКАМЪ
МОСКОВСКАГО СОВѢТА РАБОЧИХЪ ДЕПУТАТОВЪ

15 апрѣля 1917 г.

...Граждане артисты и художники! Глухая замкнутая стѣна долго отпѣляла вѣсъ отъ вскормившаго вѣсъ народа, вашъ голосъ не могъ доноситься до него, огонь вашего таланта согрѣваль только привилегированныхъ счастливцевъ. Теперь стѣна пала, передъ вами широкій просторъ и огромныя массы людей, жаждущихъ света, добра и красоты; для каждого желающаго изъ вѣса работы много. Приходите!

Предсѣдатель Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Л. Хинчукъ.

Предсѣдатель Художественно-Просвѣтительнаго Отдѣла В. Вересаевъ.

РЕЗОЛЮЦІЯ

КАЗАЧЬЯ ГОССЪЕЗДА

28 іюля 1917 г. (п. 2-й).

...Вывести Россію на путь спасенія можетъ только единая, сильная, национальная власть, облеченнная неограниченными полномочіями...

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ГАЗЕТНЫХЪ СТАТЕЙ — (МЫСЛИ)

А. И. ШИНГАРЕВЪ

НА 6-МЪ СЪЕЗДЪ ВСЕРОССІЙСКАГО СОЮЗА ГОРОДОВЪ

10 апрѣля 1917 г.

...Въ данный моментъ отъ хлѣба зависитъ все государство... Безъ хлѣба невозможно сохранить только что добытую свободу...

...Я вѣрю, что страна, отдавшая государству своихъ дѣтей, отдастъ ему и свой хлѣбъ. Я ухожу спокойнымъ, потому, что вѣрю, что хлѣбъ и свобода намъ обеспечены...

БѢЛОРУСОВЪ

изъ статьи «КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ»
 («Русс. Вѣдомости», 30 іюля 1917 г.)

...Потому что, — это установлено не нами, — есть тѣ, которые не одобряютъ эту революцію, которая есть — суть контръ-революціонеры...

Н. Д. СОКОЛОВЪ

НА ВСЕРОССІЙСКОМЪ СЪѢЗДЪ УЧИТЕЛЕЙ
 9 апрѣля 1917 г.

...Двоевластія нѣть. Есть лишь правильное соотношеніе двухъ группъ: Временного Правительства и крупнѣйшей организаціи, которая обладаетъ досчаточнымъ авторитетомъ для осуществленія демократическихъ реформъ...

Н. В. ЧАЙКОВСКІЙ

1) ВЪ ЗАСѢДАНІИ ОБЪЕДИНЕННЫХЪ ЦЕНТРАЛЬНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ С. С. И Р. Д.
 9-го іюля 1917 г.

...На нась, соціалистахъ, лежитъ отвѣтственность за разруху въ армії...

...Вспомните, что еще два мѣсяца назадъ нельзя было и заикнуться о словѣ — родина...

...Въ Исполнительномъ Комитетѣ лидерами и воjsаками были большевики...

...Вотъ мы и добились, что втолковали солдату, который шелъ изъ простого естественаго человѣкку чувства защищать свою землю, свой домъ, свою семью, — втолковали идею, что онъ идеть на войну для наполненія кармановъ капиталистовъ...

2) ВЪ ЗАСѢДАНІИ «СТАРОЙ ГВАРДІИ»
 4 августа 1917 г.

...Мы, старые революціонеры, старые политические противники, забыли прежніе споры и нашли слово, которое обожгло наши сердца однимъ и тѣмъ же пламенемъ. Это слово — «спасение родины».

Но это слово, увы, не объединило всей Россіи...

П. Н. МИЛЮКОВЪ

1) НА РУССКО-АМЕРИКАНСКОМЪ МИТИНГЪ
10 апрѣля 1917 г.

Еще нѣсколько недѣль назадъ, обращаясь къ вамъ съ этой кафедры, я говорилъ:

«Милостивые Государи и Государыни»...

Теперь, съ сердцемъ полнымъ радости, я говорю:

«Граждане и гражданки Свободной Россіи»...

2) НА ЧАСТНОМЪ СОВѢЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВ. ДУМЫ
18 іюля 1917 г.

...Министры-социалисты, вошедши въ коалиціонное правительство, официаlально заявили, что они входять не для соглашенія, а для продолженія классовой борьбы...

...Въ нашихъ требованіяхъ, обращенныхъ къ Правительству, нѣть ничего партійнаго... заявленіе это есть тотъ минимумъ обще-руssскихъ требованій, обращенныхъ къ Правительству, исполненіе которыхъ только и можетъ дать этой власти действительно всенародную, а не партійную поддержку...

3) НА 9-МЪ КАДЕТСКОМЪ СЪВѢЗДЪ
25 іюля 1917 г.

...Большевизмъ больше не опасенъ, какъ не опасна реставрація...

4) НА МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢЩАНІИ
16 августа 1917 г.

...Социалисты западные вносятъ миръ и успокоеніе. Наши социалисты усиливаютъ классовую борьбу...

...Болѣе умѣренныя группы социалистовъ согласны признать то положеніе, что среди большевиковъ есть предатели и измѣнники, но они также не допускаютъ мысли о томъ, что сама идея большевизма преступна.

КН. Г. Е. ЛЬВОВЪ

ВЪ БЕСЪДЪ СЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПЕЧАТИ
12 іюля 1917 г.

...Я глубоко скорблю, что наши революціонныя демократическія организаціи не отразили въ себѣ истинныхъ чувствъ и государственного пониманія русскаго народа.

Въ то время, какъ Россія предала проклятью наемныхъ убийцъ и ихъ друзей съ нѣмецкой и уголовной помъстью, они по прежнему работаютъ въ составѣ С.С. и Р.Д. При такихъ условіяхъ Совѣты не могутъ вести русскую демократію по пути государственности, какъ понимаетъ ее русскій народъ въ цѣломъ. Они никаке уровня общественной народной морали...

ИЗЪ ПИСЬМА В. Л. БУРЦЕВА
ВЪ РЕД. «НОВАГО ВРЕМЕНИ»
9-го іюля 1917 г.

...М. Горькій работаетъ надъ разложеніемъ Россіи и развитиемъ въ ней анархіи рука объ руку съ ленинцами, изъ которыхъ одни сознательно, а другие безсознательно все время были агентами Вильгельма II въ Россіи во времена войны и дѣлали его дѣло...

ИЗЪ БЕСЪДЫ П. Н. ПЕРЕВЕРЗЕВА
СЪ СОТРУДНИКАМИ ПЕЧАТИ
7-го іюля 1917 г.

...Лично я давно убѣжденъ, что Ленинъ работалъ на германскія деньги. Точно также я глубоко убѣжденъ и высказывалъ это открыто, что считаю его неспособнымъ взять деньги для себя.

...Ленинъ — это почти сумасшедшій фанатикъ...

Л. Г. ДЕЙЧЪ
ВЪ БЕСЪДЪ СЪ СОТРУДНИКАМИ ПЕЧАТИ
7-го іюля 1917 г.

...Ленинъ всегда держался того мнѣнія, что деньги не имѣютъ запаха...

Н. Д. АВКСЕНТЬЕВЪ

1) ВЪ ЗАСЪДАНІИ ОБЪЕДИНЕННЫХЪ ЦЕНТРАЛЬНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ С. Р. И С. Д.
14-го іюля 1917 г.

...Мы должны пасть съ честью, защищая революцію...

...Побольше дѣла и поменьше словъ. Мы много диспутировали, и я боюсь, что мы продиспутируемъ и настоящій моментъ...

) ВЪ ЗАСЪДАНИИ ЦЕНТРАЛЬНАГО ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО
КОМИТЕТА.

4 августа 1917 г.

...Демократія или должна взять на себя всю ответственность за государственное устройство, или же прямо заявить: я отказываюсь оть государственного строительства, пускай это дѣлаетъ кто либо другой...

) НА МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВЪЩАНИИ.

...Мы можемъ охарактеризовать внутреннее положеніе Россіи, какъ положеніе развала и распыленности власти и наличіе воли групповыхъ стременій...

...Временное Правительство смигъеть завѣрить, что если появятся такіе,* то они прежде всего переступятъ черезъ трупы Временного Правительства...

Н. В. НЕКРАСОВЪ

НА МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВЪЩАНИИ

...Надо смотрѣть правдѣ въ глаза — нельзя винить только старое правительство. Дѣятельность революціоннаго правительства была наиболѣе расточительной...

.. Еще одинъ болѣй вопросъ, еще одна горькая правда. Нашъ революціонный строй обходится казначейству дороже тараго...

А. Ф. КЕРЕНСКІЙ

) ВЪ ЗАСЪДАНИИ ОБЪЕДИНЕННЫХЪ ЦЕНТРАЛЬНЫХЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ

14 іюля 1917 г.

...Мы беремъ на себя обязанность спасти родину и революцію и то что ороаже жизни: великія идеи свободы, равенства и братства, во имя которыхъ мы боролись, страдали и умирали...

...Временное Правительство будетъ рѣшительно бороться, какъ съ реакционными попытками справа, такъ и съ анархіей слѣва. Пусть никто не ду-

*) Рѣчь идеть о посягателяхъ на власть Врем. Прав. (Ред.).

маеть, что нанесенный намъ ударъ сдвинетъ государство хоть бы на одинъ шагъ. Это допущено не будетъ.

...Русская Армія пойдетъ туда, куда ей укажетъ военный министръ и Временное Правительство...

2) НА МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВЪЩАНІИ

...Наша сила въ великомъ довѣріи, которое питаютъ къ намъ широкія массы народа и вѣсъ наши братья, которые миллионами, взявшись штыки и оружиє, защищаютъ наши границы, родину и революцію...

..И только черезъ нашу жизнь можно погубить и разодрать тѣльо великой демократіи русской...

...И если нужно будетъ для государства, мы душу свою убьемъ, но государство спасемъ...

А. М. МАСЛЕННИКОВЪ

ЧАСТНОЕ СОВЪЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕН. ДУМЫ

18 іюля 1917 г.

27 февраля сюда пришелъ взбунтовавшійся Волынскій полкъ и прибѣжали толпы рабочихъ.

Вожаки революціи Керенскій, Скобелевъ и Чхеидзе пришли и молили Государственную Думу, чтобы она возглавила это возстаніе, что только въ этомъ залогъ успѣха революціи, а не солдатскаго бунта, который будетъ легко подавленъ.

Государственная Дума возглавила это движеніе. Благодаря Думѣ дѣятельно совершилась революція, но въ этотъ моментъ къ революціи примазалась кучка сумасшедшихъ фанатиковъ, проходимцевъ и предателей, называвшихъ себя Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣтъ Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ...

...Пора бросить терминоологію Николая II...

У него прежде всего было «Я», а на заняткахъ Россія. У нынѣшнихъ господъ, захватившихъ власть, тоже революція впереди, а потомъ гдѣ то Россія...

В. М. ПУРИШКЕВИЧЪ

ЧАСТНОЕ СОВѢЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕН. ДУМЫ
18 іюля 1917 г.

.. Я убъжденійшій монархистъ и своихъ убъжденій не могу отнять.
Но я готовъ служить послѣднему умному соціаль-демократу, стоящему
у власти, и запрятать свои симпатіи, если буду вѣрить, что онъ поведетъ
Россію къ спасенію...

...Керенскій такой же чисто идеиній человѣкъ, какъ и Церетели. Они
крystalльно чистые люди, но они оторваны отъ быта и знанія родной земли.
Нужно прежде всего, чтобы власть проявила боевой импульсъ и чтобы пере-
стала существовать партія «И. И.» — испуганной интели-
гентіи.

Ф. И. РОДИЧЕВЪ.

ЧАСТНОЕ СОВѢЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕН. ДУМЫ,
18 іюля 1917 г.

... Временное Правительство — несчастно...

... Мы стоимъ передъ катастрофой и несчастье состоить въ томъ, что
власть, ответственная за судьбы родины, не смѣеть сказать странѣ всю
правду въ глаза...

... Нельзя одновременно вести войну и перестраивать всю соціальную
жизнь въ условіяхъ международного пожара...

... Въ трудную минуту — долгъ каждого, кому дороги судьбы отечества,
не поддаваться паникѣ... Тѣмъ болѣе мы не должны бросать въ страну пани-
ческихъ возгласовъ...

Б. В. САВИНКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАСЪДАНІЕ ВЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ.
21 іюля 1917 года.

... Главная и основная причина разрухи арміи — бездѣйствіе
власти, проявленное полномочными органами революціонной демократіи.

Тамъ, где льется ежеминутно кровь, тамъ думали действовать словами
и увещеваніями.

Въ армії нѣть дисциpliны, ибо полномочные органы революціонной демократіи воспрепятствовали созданію ея во время.

Неужели же органы революціонной демократіи такъ глубоко и безнадежно не понимаютъ армії? Ибо въ томъ, что за четыре мѣсяца революціи мы потеряли армію — виновны только они.

И. Г. ЦЕРЕТЕЛИ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Недисциплинированная армія — угроза революціи.

Армія, въ которой обсуждаютъ и критикуютъ боевые приказы, немыслима... Всякіе боевые приказы должны быть выполнены безъ разсужденій...

Н. И. АСТРОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Отъ распутья царизма мы попали въ другое распутье...

П. А. КРОПОТКИНЪ.

1) НА ЗАСѢДАНІИ «СТАРОЙ ГВАРДІИ»

4 августа 1917 г.

... Всѣ расчеты Германіи построены на упадкѣ нашего духа...

У насъ по старой привычкѣ всего ждуть отъ правительства, а агенты германского генерального штаба, въ роли истинныхъ соціаль-демократовъ, дѣлаютъ все возможное, чтобы раздробить наши силы и убить нашъ дух...

2) МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Не будемъ дѣлиться на правыхъ и на лѣвыхъ, у насъ одна родина и за неё мы должны лечь костями, и правые, и лѣвые.

П. П. РЯБУШИНСКІЙ.

1) ТОРГОВО - ПРОМЫШЛЕННЫЙ СЪЕЗДЪ ВЪ МОСКВѢ.

4 августа 1917 г.

... Мы искренно привѣтствовали сверженіе царской власти, но свергая царскую власть мы не хотѣли, чтобы народъ страдалъ и чтобы мы и вся Россія находились подъ новой тираніей...

2) МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Мы слышали здѣсь «зелененькия и красныя слова съ ужимками царскаго

наслѣдія», но мы не видѣли и не видимъ власти; управляютъ нами несбыточныя мечты невѣжества и демагогіи...

... Если постылое прошлое нась размежевываетъ, то пусть мы сблизимся хотя бы въ горѣ....

А. И. ГУЧКОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Прежде мы воевали плохо, а теперь еще хуже... Мы идемъ къ тому, чтобы проиграть войну окончательно...

... Наша теперешняя власть больна тѣмъ, что ея нѣть...

... Такъ называемая революціонная демократія исключила изъ своего состава многіе и многіе элементы нашей, въсущности, сугубо демократической страны...

В. А. МАКЛАКОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

16 августа 1917 г.

... Никакіе ваши крики не помышшаютъ мнѣ сказать, что разложеніе арміи началось послѣ переворота...

... Нужны не слова. Нужно работать. Докажите, что вы любите родину не какъ театръ для революціи или для демонстраціи... Умѣйте дерзать...

П. Б. СТРУВЕ.

МОСКОВСКОЕ СОВѢЩАНІЕ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ
ДѢЯТЕЛЕЙ.

8 августа 1917 года.

... Пусть смолкнутъ, наконецъ, всѣ эти безмысленные, съ точки зрѣнія научной совершенно никуда негодные, рѣчи и возгласы о классахъ и классовой борьбѣ въ настоящее время, о буржуазіи и пролетаріатѣ...

... Сейчасъ въ Россіи есть также два вида или дѣвь породы людей, которые были въ грозное смутное время 17 вѣка: — прямые и кривые. Одни стоять за Россійское государство, за его оборону, за его чѣльность и честь; другіе — въ темной водѣ политической смуты и хозяйственной разрухи производить захваты и разрушаютъ господство права, подрываютъ народное согласіе, моющъ вооруженной силы и, наконецъ, подрываютъ народное хозяйство...

В. В. ШУЛЬГИНЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

...Всякіе коллективы мало подвижны, близоруки и глубоко эгоистичны, Коллективы требуютъ, чтобы имъ говорили въ желательномъ смыслѣ...

...Когда мы требуемъ, чтобы вы были сильны, мы не преслѣдуемъ узко классовыхъ интересовъ... Мы желаемъ, чтобы вы были сильны во имя Россіи...

... Они (коллективы) мало подвижны — вы это видѣли у Тарнополя, когда митинговая стратегія запоздала спасти все то, что Совѣщаніе по оборонѣ съ такимъ адскимъ трудомъ накопило въ теченіе полутора лѣтъ. А знаете ли вы, что такое, рядомъ съ митинговой стратегіей, митинговое исправленіе паровозовъ?..

С. И. ТРЕТЬЯКОВЪ.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Если бы потребовалось, то мы отдали бы на алтарь отечества все, даже свою жизнь...

И. А. ИЛЬИНЪ.

МОСКОВСКОЕ СОВѢЩАНІЕ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

... У Ленина есть сейчасъ въ Россіи преемникъ. Этотъ преемникъ Викторъ Черновъ.

... Черновъ настолько неумный человѣкъ, что то, что я, никогда не бывшій ни министромъ, ни солдатомъ, понимаю, — онъ, министръ, спасающій Россію, этого не понимаетъ, онъ думаетъ, что солдатъ останется на фронты, когда землю дѣлятъ...

Н. С. ЧХЕИДЗЕ

ВЪ ЗАСѢДАНІИ ЦЕНТРАЛЬНЫХЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ

14 іюля 1917 г.

...Мы (С. С. и Р. Д.) не остановимся ни передъ какими жертвами для спасенія революціи и Россіи...

М. В. РОДЗЯНКО.

ЧАСТНОЕ СОВѢЩАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕН. ДУМЫ.
18 іюля 1917 г.

...Передъ нами во весь ростъ стоитъ угроза государственного банкротства, разоренія земствъ и городовъ, разрушенія промышленности и торговли и сельского хозяйства, полное разстройство железнныхъ дорогъ, угроза холода и голода для городского населенія.

Катастрофа въ тылу повлечетъ за собою гибель арміи, а гибель арміи есть гибель Россіи.

Путь одинъ — твѣрдая и суровая власть.

Иначе вмѣсто народной власти создастся другая, безпощадная къ тьмъ свободамъ, которыя завоеваны русской революціей...

Е. ЕГОРОВЪ.

ИЗЪ СТ. «КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ»
(«Нов. Вр». 27 іюля 1917 г.)

... Монархія пала безболезненно. Она пережила самое себя. Она пала не потому, что не нашла защитниковъ въ столицѣ государства: она умерла въ сердцахъ двухсотъ миллионного народа задолго до возстанія въ столицѣ.

Стрѣльба въ воздухъ — вотъ чѣмъ было низвержено царское самодержавіе...

Б. О. БОГДАНОВЪ.

СОВѢЩАНІЕ ПО ОБОРОНѢ.
7 августа 1917 года.

... Наша революція не зажгла всемірного пожара революціи, о чѣмъ мы говорили пять мѣсяцевъ...

ГЕНЕРАЛЪ М. В. АЛЕКСѢЕВЪ.

1) МОСКОВСКОЕ СОВѢЩАНІЕ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ
ЦѢЯТЕЛЕЙ.

8 августа 1917 г.

... Въ ряду прочихъ факторовъ, армія импѣтъ громадное значеніе для будущаго Россіи. Будетъ армія дратиться, будетъ она одерживать побѣды, — Россія спасена; будетъ продолжаться бѣгство и, быть можетъ, не будетъ Россіи.

2) МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Въ солдатской массѣ было сознаніе долга, было единеніе съ офицерствомъ, хотя кадровые офицеры, искони бывшие солдатами и искренно солдата любившие, были перебиты. Но люди, влившіеся въ офицерскую среду, несмотря на свою меньшую подготовку, поддерживали прежнія традиціи и съ охотой отдавали свою жизнь, идя впереди солдатъ...

ГЕНЕРАЛЪ Л. Г. КОРНИЛОВЪ.

1) ВЪ БЕСЪДЪ СЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПЕЧАТИ.

18 июля 1917 г.

... При всякой опасности нужно думать объ общемъ для насъ дѣлѣ, а не о себѣ и тогда будешь спокойенъ...

2) МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

... Между тыломъ и фронтомъ не можетъ быть разницы въ суровости возвездія за измѣну...

... Нельзя допустить мысли, что каждая реформа будетъ покупаться у насъ цѣною пораженій...

VIII.

ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ

НОВАЯ СИЛА.

Русская эмиграция находится на порогѣ весьма показательныхъ событій духа времени — событій, которыя теперь уже раскололи ее на два лагеря и которыя, въ конечномъ итогѣ, могутъ дать или рядъ непредвидѣнныхъ сюрпризовъ въ общемъ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ, выдвинувъ его на новые пути и облачивъ въ новые формы, или же раздробить и безъ того раздробленную эмиграцію, вызвать новый потокъ (или потопъ) пререканій, упрековъ, полемики и, усиливъ враждебность взаимоотношеній, похоронить на долгія времена идею участія Зарубежной Руси въ дѣлѣ Освобожденія Россіи.

Рѣчь идетъ о психологически и физически естественномъ сдвигѣ въ рядахъ эмиграціи — о *перемѣщеніи политического центра тяжести* въ дѣлѣ борьбы съ большевизмомъ — отъ отцовъ къ дѣтямъ, отъ старииковъ къ молодежи, иными словами говоря,— молодежь, недовольная бездѣятельностью или безплодностью дѣятельности старшаго поколѣнія, желаетъ отнынѣ дѣло борьбы взять въ свои руки, вести его наиболѣе *активными путями* и, въ своемъ лицѣ, создать дѣйствительную силу — *силу дѣйствія*, а не словоговоренія, силу, которая поможетъ эмиграціи выбраться изъ пропасти и ввергнуть туда неистовствующій большевизмъ.

Такова, въ краткихъ словахъ, суть вопроса — это еще пока не землетрясеніе, это только глухие подземные удары, но уже сейчасъ можно сдѣлать прогнозъ, что во 1) вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ далеко не без болѣзни, ибо наиболѣе воинствующая часть стараго поколѣнія «позицій своихъ безъ боя не сдастъ» и во 2) что событіе это будетъ чревато послѣдствіями въ зависимости отъ дальнѣйшихъ взаимоотношеній между старымъ и новымъ поколѣніями.

Мнѣ кажется, что къ рѣшенію этого вопроса — о борьбѣ — съ одной стороны, «за удержаніе власти», а съ другой, «за пріятіе власти», — нужно подходить съ величайшей осторожностью, и отбросивъ въ сторону личныя симпатіи и антипатіи, партійные счеты, глухую ненависть къ прошлому и безпричинную зависть къ будущему, поставить этотъ вопросъ на реальную почву — что *дала въ прошломъ и что можетъ дать въ будущемъ каждая изъ сторонъ.*

Вся жизнь и дѣятельность старого поколѣнія — въ прошломъ, и только безумецъ возьметъ на себя смѣость отрицать заслуги ихъ во всѣхъ отрасляхъ культурной жизни Русскаго Государства. Заслуги эти неоспоримы и настолько велики, что не въ этихъ краткихъ строкахъ можно учесть ихъ; скажемъ лишь обще: только благодаря этимъ великимъ и неоспоримымъ заслугамъ мы имѣемъ возможность гордиться Великой Россіей прошлаго, давшей міру невиданные и неподражаемые образцы въ той или иной области.

И поистинѣ не только «шапки долой передъ ихъ сѣдиной», но и земной поклонъ великимъ культурнымъ заслугамъ ихъ, великой силѣ, двигавшей ихъ въ былья времена...

Но если велики ихъ заслуги, то тѣмъ не менѣе велики и ошибки, а можетъ быть и преступленія, совершенныя ими и, опять таки, только близорукій станеть утверждать, что вся ихъ дѣятельность прошла гладко и безболѣзно...

Нѣтъ! Одни изъ нихъ, шествуя по намѣченному своимъ крайнимъ разумѣніемъ пути возвеличенія Россіи, свернули на пути ложные и сознательно или безсознательно, но совершили рядъ величайшихъ ошибокъ и глубочайшихъ преступленій, и что хуже всего — горды своими прежними заслугами, самоувѣренные въ своемъ величию, а стало быть и безошибочности, они не имѣли гражданскаго мужества во время остановиться, хотя бы на мгновеніе, и критически разобраться во всемъ содѣянномъ ими, подвести итоги плюсовъ и минусовъ, провѣрить этапы пройденного пути — нѣтъ, критики они и тогда не терпѣли, какъ не терпѣть ее и теперь!..

И такимъ образомъ, созиная и разрушая, они дошли до того предѣла, до той роковой черты, самоувѣренно-легкомысленно перешагнувъ которую они сами же сдѣлались первыми жертвами всего содѣяннаго ими...

Другie — стоя у кормила власти или общественности и видя ошибочные или преступные шаги своихъ соратниковъ или сверстниковъ, въ силу ли бездѣятельности, нейтральности, преступнаго попустительства — или какъ это принято называть — бюрократизма, не захотѣли, или просмотрѣли, или не съумѣли во время остановить ихъ разрушительную работу и въ результатѣ вмѣстѣ съ ними и Россіей свалились въ пропасть, изъ которой вѣтъ уже болѣе восьми лѣтъ тщетно стараются выкарабкаться.

Наконецъ, и это самое главное — восемь лѣтъ, восемь долгихъ лѣтъ и тѣ и другиѣ барахтаются на днѣ этой пропасти и до сихъ поръ не только не могутъ выбраться изъ нея, но даже не создали проблеска этой возможности для себя и для другихъ.

Казалось бы ужасъ всего пережитаго, сознаніе своихъ ошибокъ, миллионы загубленныхъ жизней, нищета, неудачи, а главное позоръ Родины должны были чemu нибудь научить ихъ, заставить найти общий языкъ, соединить

свои усилив и, отбросив въ сторону сведеніе партійныхъ или иныхъ счетовъ, стать на единственно возможный путь — путь общности дѣйствій.

Такъ нѣтъ же! гордясь каждыемъ только своими заслугами въ прошломъ (повторю опять таки — совершенно справедливо), старое поколѣніе упорно вмѣстѣ съ тѣмъ не хочетъ признать ни прошлыхъ ошибокъ и преступленій, виноваты всѣ и вся — кроме нихъ, ни ложныхъ методовъ и безсистемности настоящаго, а болѣе всего не хотятъ сознаться въ своемъ бессиліи, безплодности, въ томъ, что они отстали отъ теченія современной жизни, далеко ушедшій впередъ и не понимаютъ смысла ея — вотъ почему всѣ лѣкарства спасенія Россіи, приготовленныя по ихъ рецептамъ, оказываются или устарѣвшими, или ядовитыми, или безрезультатными.

Каковы же эти методы, которые выдвинуты ими во имя освобожденія Россіи? Прежде всего мы видимъ старую партійную пререканія, дающія въ конечномъ итогѣ до отвращенія нудную старческую болтологію; далѣе — вновь выдвинуты затасканные лозунги, съ которыми отживающему поколѣнію также тяжело разстаться какъ со старымъ халатомъ; на основаніи логарифмическихъ вычисленій заслугъ прошлага, возникаетъ споръ о мѣстничествѣ, а главное — величайшая самоувѣренность каждого изъ нихъ только въ *своей* правотѣ, вѣра въ дѣйствительность только *своихъ* принциповъ и методовъ, все же остальное — чушь, однимъ словомъ, полное отсутствіе какого бы то ни было примиряющаго и объединяющаго начала.

А между тѣмъ время не ждетъ, время торопится, летить, уходить въ вѣчность — все живущее отживаеть, отцѣваетъ, слабѣеть, обезсиливаетъ и уходитъ въ небытіе — таковы законы природы, которымъ все живущее подчиняется... кроме, повидимому, нашего старого поколѣнія.

У «семи нянекъ дитя безъ глазу», — удивительно ли, что при такомъ положеніи дѣлъ, эта пословица въ Зарубежной Руси оправдалась полностью?

Что бы не взяло старое поколѣніе въ свои руки — дѣло это неизмѣнно хи-
рѣть, глохнетъ и умолкаеть на вѣки, а на смѣну имъ идутъ новыя попытки, новыя дозы лѣкарствъ спасенія, по старымъ уже испробованнымъ и оказав-
шимися негодными рецептамъ, новые фантастические узоры на старой блещу-
щей дырами и заплатами ткани, затѣмъ, какъ полагается, очередной провалъ
всей затѣи и такъ безъ конца...

Итакъ, — подведя итогъ о старомъ поколѣніи, нужно, не боясь нареканій, прямо и открыто сказать: блескъ прошлага, бессиліе, а отсюда безплодность, настоящаго и беспроспѣтность будущаго.

Естественно, что молодое поколѣніе не можетъ съ этимъ примириться и такъ какъ будущее принадлежитъ ему, то оно и заявило неоспоримыя права на самостоятельность устройства этого своего будущаго; но прежде всего, слѣдя системѣ, нужно сказать нѣсколько словъ — кто же эта молодежь?

Это тѣ, кто въ свое время воздавали идеаль своихъ стремленій въ той или иной области, по образцу апостоловъ старого поколѣнія, кто молился этимъ апостоламъ и боготворилъ ихъ, кто за величайшее благо считалъ попасть къ нимъ въ число учениковъ, кто съ трепетомъ слѣдилъ за каждымъ ихъ словомъ, шагомъ, движеніемъ.

Это тѣ, кто девять лѣтъ тому назадъ — проявили дѣйствительную активность на улицахъ Петрограда, Москвы и другихъ городовъ.

Это тѣ, кто не помиралъ съ неудачами въ этой первой борьбѣ и перенесъ эту дѣйствительную и дѣйственную борьбу на берега Дона, Кубани, Волги, Сѣв. и Зап. Двины.

Это тѣ, кто вели эту борьбу не только на внѣшнихъ фронтахъ, но и на фронтахъ внутреннихъ, создавая затрудненія и осложненія существованіе совѣтской власти.

Это, наконецъ, тѣ, кто послѣ испытанныхъ неудачъ и пораженій (не по ихъ, простыхъ исполнителей, винѣ), попали въ ту же эмиграціонную пропасть и, втеченіе восьми лѣтъ, довѣрчиво и терпѣливо, помогали своимъ учителямъ, въ ихъ безсильныхъ потугахъ, вылѣзть изъ нея.

Это тѣ, кто, извѣрившись въ нихъ, ушелъ на фабрики, заводы, рудники — работая и учась, учась и работая, обеспечивая себѣ насыщенный день и пріобрѣтая знанія (опытъ у нихъ уже есть) — для будущей борьбы и твердо вѣря въ успехъ этой послѣдней компромиссной борьбы.

Вотъ какова эта молодежь въ прошломъ и настоящемъ, претендующая на самостоятельное устройство своего будущаго.

Окажется ли эта послѣдняя задача ей по плечу? — трудно сказать...

Мы не знакомы ни съ планами, ни съ надеждами молодости, но считаемъ своимъ долгомъ предостеречь ее, какъ отъ чрезмѣрныхъ, на этомъ трудномъ и тернистомъ пути увлечений, такъ и отъ полнаго игнорированія мудрой страсті: но бережно принявъ отъ нихъ захирѣвшую идею освобожденія, вдохнуть въ нее духъ молодости, жизненности, энергіи и активности.

Политического прошлаго у молодого поколѣнія нѣтъ — въ этомъ можетъ быть его минусъ, но за то у молодежи есть другое прошлое, обволокивающее ихъ сердца теплотой воспоминаній и привязанности къ другу другъ, должностное послужить залогомъ самаго тѣснаго единенія: этотъ могущественный плюсъ зиждется на той крови, которую проливали на поляхъ Дона, Кубани, Сѣвера, Запада и Юга Россіи вся молодежь въ цѣломъ: и монархисты, и кадеты, и эсъ-деки, и эсъ-эры, и безпартійные...

Владимиръ Игоревъ.

НЕСОГЛАСИЯ ВЪ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Новая тяжесть обрушилась на эмиграцию и именно съ той стороны откуда меньше всего ждали: ко всѣмъ многочисленнымъ недугамъ, разъѣдающимъ и ослабляющимъ и безъ того слабый организмъ эмиграціи, грозитъ присоединиться еще одинъ — недугъ церковнаго разъединенія.

Къ счастью, на этотъ разъ, рѣчь идетъ не о какомъ нибудь лжеученіи или искаженіи того или иного догмата православной вѣры — несогласія происходитъ, главнымъ образомъ, по вопросу о признаніи или непризнаніи Карловицкаго Собора высшимъ и полномочнымъ Орагомъ Зарубежнаго Церковнаго Управления, о дѣйствительности или недѣйствительности его постановленій и, въ связи съ этимъ, о подчиненіи или неподчиненіи этимъ постановленіямъ, т. е. тому же Карловицкому Собору.

Это, такъ сказать, общая формула разногласій, изъ которой конкретно уже вытекаетъ вопросъ о возглавлении приходовъ тѣхъ или иныхъ зарубежно-территориальныхъ церковныхъ подраздѣленій, а отсюда, следовательно, вопросъ и о первенствѣ...

Вся отрицательная сторона этого печального явленія заключается въ томъ, что Владыки не удержались отъ искушенія вынести эти, внутренніе между собою, несогласія на судъ эмиграціи путемъ прессы, непосредственного общенія съ группами эмиграціи или же общенія черезъ довѣренныхъ лицъ.

Естественно, что эмиграція вскорыхнулась, забурлила, и, проявивъ свое сочувствие въ одномъ случаѣ и несочувствие въ другомъ — раскололась на два лагеря: *друговъ и недруговъ по отношенію къ тому или иному Епарху.*

Такимъ образомъ, события, въ сущности второстепеннаго характера, въ области несогласія церковно-административныхъ толкованій, выносятся на судъ головы, чѣмъ создается поводъ для критики и подрываются престіжъ того или иного Владыки, но самое главное дается еще одинъ лишній поводъ для торжества нашихъ враговъ — большевиковъ и темныхъ большевистствующихъ силъ.

Не въ томъ дѣло, что по документамъ Св. Патріарха Тихона, функции Зарубежныхъ Владыкъ ясно или неясно разграничены, а дѣло въ томъ, что эти документы, очевидно, въ какой то мѣрѣ вызываютъ такія сомнѣнія, что даже сами, Высшіе Церковные Служители, не могутъ разобраться въ нихъ, прити къ единству мнѣній и толкуютъ ихъ различно — какъ же можно въ этомъ случаѣ полагаться на судъ общества, не знакомаго въ тонкостяхъ — ни съ каноническими правилами, ни съ постановленіями Вселенскихъ Соборовъ, не знающаго подробностей причинъ разногласія и могущаго противопоставить только лишь чистыя симпатіи и антипатіи.

О. М.—я.

ТРЕХЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА СОЮЗА ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВЪ.

12 мая *) для Галлиполийцевъ былъ памятный день — въ этотъ день они праздновали трехлѣтнюю годовщину своего бытія во Франціи (а въ общемъ итогѣ 8½, тѣль ихъ существования — что еще важнѣе).

Ко дню празднованія прибылъ генер. баронъ Врангель, послѣдній Главно-командующій Русской (Добровольческой) Арміи, который и присутствовалъ на банкѣтѣ Галлиполийцевъ — въ салонахъ Доре.

Огромный залъ еле могъ вмѣстить всѣхъ пожелавшихъ принять участіе — несомнѣнныи признакъ симпатій и вниманія общества къ семейнымъ праздникамъ нашей Арміи.

Кромѣ членовъ Союза, присутствовали дамы и большинство общественныхъ и политическихъ дѣятелей, живущихъ въ Парижѣ и пожелавшихъ привѣтствовать Галлиполийцевъ съ годовщиной ихъ доблестнаго военно-рабочаго бытія во Франціи, — что и было высказано многими изъ присутствующихъ въ теплыхъ словахъ.

Лейтмотивомъ застольныхъ рѣчей звучали надежды на скорое возвращеніе въ Россію и надежды возлагаемыя въ этомъ отношеніи на Армію. И доблестные казаки и гости слились во-едино.

*) Эта и слѣдующія даты относятся къ 1926 году.

Рѣзкимъ диссонансомъ, непріятно поразившимъ присутствующихъ, и особенно старыхъ офицеровъ, явилось «колбюнопреклоненіе» одного изъ молодыхъ офицеровъ, когда онъ подносилъ традиционную «чарочку» генералу Врангелью.

Какъ выяснилось потому — это «традиція» молодыхъ Галлиполійцевъ...

Странная традиція... Молодымъ Галлиполійцамъ не слѣдуетъ забывать, что подобной традиціи не было ни въ Русской Императорской Арміи, ни въ Добровольческой Арміи временъ генераловъ Алексѣева, Корнилова и Деникина, ни въ другихъ братскихъ Добровольческихъ Арміяхъ — адмирала Колчака, генерала Юденича, генерала Миллера...

И имя этой традиціи: «униженіе офицерскаго достоинства».

ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.

31-го іюля въ Собраниі Союза Галлиполійцевъ состоялось панихида по павшимъ воїндамъ и убиеннымъ воинамъ въ Великую Войну, послѣ чего предсѣдателемъ Союза, генераломъ Репьевымъ, было открыто торжественное собраніе, посвященное двѣнадцатилѣтію войны, на которомъ присутствовало всего.. увы 45 человѣкъ, въ томъ числѣ—изъ высшаго командованія одинъ только генераль Шатиловъ, вскорѣ, впрочемъ, ушедший.

А жаль! этотъ торжественный и знаменательный день нужно было бы вмѣстѣ провести всѣмъ участникамъ войны — отъ высшаго генерала и до самаго младшаго офицера...

Собраніе было открыто теплой рѣчью генерала Репьева:

«12 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда мы по повелѣнію Императора обнажили мечь противъ дерзкаго врага, вставъ на защиту маленькой братской Сербіи — за это время пережито не мало. Мы шли на борьбу съ радостнымъ сердцемъ,увѣренные, что побѣда будетъ за нами—такъ и было бы—если бы солдаты не поддались лозунгамъ мирной жизни... врагъ не могъ съ нами справится и пошелъ на интриги»...

Перечисляя всѣхъ Вождей, упомянувъ о павшихъ участникахъ, а также и о гибели Царской Семьи, генераль Репьевъ предложилъ почтить ихъ память вставаниемъ.

«Великая по замыслу война — продолжалъ докладчикъ — окончилась по зорнымъ Брестъ-Литовскимъ міромъ, не потому что нась разбили, а потому, что русскіе солдаты не захотѣли воевать и вить, въ результатѣ, Россія во власти темныхъ силъ, а мы въ изгнаніи».

Послѣдняя часть рѣчи генерала Репьева обѣ объединеніи подъ главенствомъ Верховнаго Вождя Великаго Князя Николая Николаевича, во имя освобожденія Россіи, было покрыта громкимъ «ура» присутствующихъ.

Слѣдующій докладчикъ, полк. Жолондковскій подробно освѣтилъ состояніе всѣхъ сторонъ передъ войной.

Сильное впечатлѣніе на присутствующихъ произвела рѣчь полковника Пятницкаго, полна глубокой любви къ Россіи и гордости бывыми подвигами. Докладчикъ негодуетъ, что союзники, столь обязанные Россіи, забыли не только о всемъ содѣянномъ нами, но вообще забыли самое слово «Россія» — какъ будто бы этого слова — ни въ историческомъ, ни въ географическомъ лексиконѣ и не было никогда!...

«Но Россія воскреснетъ — говорить докладчикъ — и займетъ то мѣсто, которої ей принадлежитъ по праву въ ряду другихъ государствъ...»

Собраніе было закончено чтеніемъ прекрасныхъ стихотвореній корнета Станюковича, среди которыхъ нужно отмѣтить «Забытый танкъ».

IX.

ВНУТРЕННЯЯ РОССИЯ

Б Е С Ъ Д Ы
СЪ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ РОССИИ ВНУТРЕННЕЙ.

Когда я говорю об интеллигенции России Внутренней, я, конечно, имѣю въ виду интеллигенцию не типа Зиновьевыхъ, Литвиновыхъ, Нахам-кесовъ, Троцкихъ и т. п. совѣтскихъ воронъ въ павлиньихъ перьяхъ, забравшихся въ чужія хоромы — нѣть, я подразумѣваю ту часть старой русской интеллигенціи, которая волей или неволей вынуждена была остаться въ свое время въ Россіи и впослѣдствіи, такъ сказать, «осовѣтилась», хотя бы только во вѣшнихъ своихъ формахъ.

Не легко это ей далось, конечно, и, часто, въ дни совѣтского гнета — въ чрезвычайкѣ ли, въ холодной ли комнатѣ у «буржуйки», въ дни долгихъ ли странствованій за пудомъ муки или мѣркой картофеля, въ глубокіе ли вечера церковныхъ богослуженій, на принудительныхъ ли работахъ или въ другіе дни вольного или невольного бездѣйствія, русскій интеллигентъ не разъ имѣлъ возможность окинуть взглядомъ недавнее прошлое, подвести итоги увлеченіямъ молодости, политической или общественной дѣятельности зрѣлыхъ лѣтъ и поразмыслить о неизвѣстномъ будущемъ.... Можетъ быть даже иногда глубокій вздохъ или набѣжавшая слеза не разъ прерывали эти размышленія... но прошлаго не вернешь и не исправишь — оставалась лишь настоящая тяжелая повседневная борьба за подневольное существованіе...

Съ тѣхъ поръ прошло много долгихъ лѣтъ! За это время многое измѣнилось и въ совѣтскомъ режимѣ... Обворованная до нищеты русская интеллигенція понемногу заполнила собою всѣ совѣтскія учрежденія, и, въ погонѣ за кускомъ хлѣба, втянулась въ «совработу» во всѣхъ ея отрасляхъ; снискавъ довѣріе совѣтской власти, она заняла доминирующее, конечно дѣлового характера, положеніе (за хорошую работу платить вѣдь и хорошія деньги).

Многіе изъ нихъ, подъ той или иной формулой, получили обратно свое имущество, а другіе обзавелись новымъ, третыи «осовѣтились» и внутренне почти всѣ изъ нихъ пользуются нѣкоторыми правами относительной свободы, въ томъ числѣ и правомъ свободнаго, если не считать нѣкоторыхъ необходимыхъ формальностей, выѣзда за-границу.

Вотъ съ этого то рода бывшей, старой, русской, а нынѣ совѣтской интел-

лигентіей: докторами, учителями, адвокатами, чиновниками, приватъ-документами (нынѣ профессорами), журналистами, офицерами и ихъ женами и т. п., мнѣ, волей неволей, и приходилось сталкиваться въ дни моихъ скитаній по Сербіи, Германіи, Швейцаріи, Америкѣ и особенно въ послѣдніе мѣсяцы въ Парижѣ, куда пріѣзжаетъ девять десятыхъ всѣхъ выѣзжающихъ изъ Россіи... а столкнувшись — долго и о многомъ говорить.

Отрывки этихъ бесѣдъ, въ томъ видѣ, какъ они записаны у меня въ блокнотѣ или въ памяти, я и привожу здѣсь: они не имѣютъ между собою никакой связи, часто противорѣчатъ другъ другу, часто попадаются однѣ и тѣ же фразы, но это просто потому, что бесѣды велись въ разное время, съ разными лицами и на разныя темы.

Я. Л.

... Трудность вашего положенія заключается въ томъ, что на смѣну существующему большевизму подрасли и подрастаютъ новыя поколѣнія, тщательно обработанныя въ большевистскомъ духѣ. Они, можетъ быть, будуть болѣе либеральны (не думайте — это не парадокс) — чѣмъ ихъ отцы, но и они не сдадутъ своихъ позиций, не уступятъ своего доминирующего положенія безъ боя...

... Сила большевизма — въ концентраціи и «идейности»; ваша слабость въ разбросанности не только территоріальной, но и идейной...

... Всѣ себѣ представить не можете, какъ рвутся дѣти рабочихъ и крестьянъ въ учебные заведенія вообще и въ университеты въ частности.

Я служу въ Наркомпросѣ и все это проходитъ черезъ мои руки; уже въ первые дни болѣе или менѣе спокойного существованія совѣтской власти, послѣ гражданской войны, не было медвѣдѣя уголка въ Россіи, куда бы не былъ отправленъ самыи захудалый учитель...

— Позвольте, но вѣдь дѣтей то эти учителя начиняютъ всякой дрянью?

— Совершенно вѣрно, но вѣдь грамотность то остается грамотностью...

... Русскій мужичекъ теперь значительно поумнѣлъ: и раньше онъ отличался хитростью, а теперь постѣ всего пережитаго и тѣмъ болѣе, бывало спросишь его: «Ну что, какъ теперь живется?»

«Да что жь — получишь въ отвѣтъ — и теперь плохо и раньше плохо, и раньше хорошо и теперь хорошо», — на лицѣ у него ничего не прочтешь, а глаза у него где-то въ глубинѣ, смыкаются... да и въ уголкахъ, чуть чуть, собраны на смѣшиліи морщины: такъ и читашь въ этихъ глазахъ: «умень то ты, баринъ, умень-да умъ то у тебя дуракъ»...

... Быть случай, когда мужики привезли на базаръ хлѣбъ и разные другие продукты и узнавъ, что цѣны на мануфактуру совѣтскимъ опредѣлены высокие, заявили: «несходно» и повернули обратно... Силой мужика теперь ничего сдѣлать не заставишь, времена ужъ не тѣ — прошло!!!

... Совѣтскій режимъ убилъ у насъ душу, — осталась одна оболочка, голодъ и холодъ довершили остальное и мы превратились въ безвольныхъ и покорныхъ существа; ну-съ, а затѣмъ имъ осталось лишь помянуть наше пальцемъ и показать кусокъ хлѣба; чтобы мы... поползли къ нимъ — наамъ дали взятку...

... Помните, какъ было сильно раньше общественное мнѣніе, какъ чутко всѣ къ нему прислушивались, какъ считались съ мнѣніемъ того или иного авторитетного лица, какой шумъ создавался во время тѣхъ или иныхъ судебныхъ процессовъ, какъ жадно прочитывались газеты, затрагивающія ту или иную злободневную тему; теперь — ничего подобного нѣтъ, теперь каждый живеть своей личной жизнью, думаетъ, гдѣ бы перехватить лишній рубль, а понятіе «общественное мнѣніе» навсегда похоронено, ибо, во-первыхъ, у насъ «общественное мнѣніе» и «чека» — синонимы, а во-вторыхъ, современный условія, даже западной жизни, показываютъ, что, такъ называемому, «общественному мнѣнію» — гроша цѣна...

... Деньги мы въ банкахъ не держимъ — дудки! Не тѣ времена! Еще рабочий попадается на эту удочку и несетъ свои грехи въ сберегательныя кассы, а мужикъ — нѣтъ, онъ предпочитаетъ поскорѣе бумажки превратить въ золото, а золото... зарыть въ укромномъ мѣстечкѣ, ибо «деревенская кубышка» — надежнѣе «совѣтскаго государственного банка».

Я, лично, зарабатываю практикой 5-6 тысячъ рублей въ годъ и, признаться, хотѣлъ однажды положить часть денегъ въ банкъ; спасибо, знакомый кассиръ отсовѣтывалъ — «держите ихъ, голубчикъ, — говорить, — у себя; сохранности ради превратите въ доллары — этакъ то будетъ надежнѣе, мало ли что можетъ случиться»....

Я, конечно, такъ и сдѣлалъ; точно также поступаетъ и большинство интеллигентій. Мы сперва покупали доллары и фунты въ банкахъ; потомъ, когда начали записывать наши адреса — пошли на базаръ; тамъ хоть и переплатишь 10-20 коп. на долларъ, за то безопаснѣе... Ну, а какъ спрятать — этому насъ съ вами не учить!...

... Почему я уѣзжаю обратно? — слушайте же и передайте другимъ... «спасателямъ» (съ нескрываемымъ презрѣніемъ добавилъ онъ).

Я — бывшій военный врачъ арміи Колчака, сидѣвшій въ трезвычайкѣ, оправданный лишь благодаря тому, что прокуроръ и одинъ изъ судей были моими товарищами по университету.

Послѣ всего пережитаго и выстраданнаго я скажусь и весь ушелъ въ себя — всѣ эти семь лѣтъ я не подаваль и признаковъ жизни; въ Соврессіи было лишь тѣло — душа и мысли были съ вами, моими близкими и родными...

Наконецъ въ этомъ году, благодаря вліянію и связямъ моихъ товарищей по тайной организаціи, я получилъ командировку за-границу — я думалъ, что сойду съ ума отъ радости: семьи у меня нѣтъ, бояться мнѣ не за кого было — я твердо рѣшилъ не возвращаться.

Что же я нашелъ здѣсь? Извините, но я тому не подберу опредѣленія: бедламъ? вавилонъ? нѣтъ — это все не то, эти опредѣленія болѣе понятны... вотъ развѣ только «хаосъ» — будешь наиболѣе подходящимъ...

Извините, я, вѣроятно, буду разбрасываться, но это результатъ уже вашего заграницнаго вліянія, ибо вы всѣ мечтаетесь здѣсь изъ стороны въ сторону, не знаете за что и какъ взяться...

Вы хотите спасать Россію — прекрасно! Но кто же вамъ теперь повѣрить, что это вамъ по силамъ, когда вы не въ состояніи спасти вашихъ же одиночныхъ членовъ, когда вы не можете спасти самихъ себя — хотите примѣръ? Извольте: здѣсь у васъ, въ Парижѣ, около 30 благотворительныхъ организацій и до 10 инженерныхъ корпорацій и, наряду, съ этимъ, инженеръ умираетъ съ голоду и обращается за грошевой помощью къ частной благотворительности; въ Берлинѣ — та же история, въ Польшѣ этотъ вопросъ обстоитъ въ такомъ же видѣ.

Вы мнѣ говорите о свободѣ здѣсь? Знаете ли, ваша свобода сильно смахиваетъ на свободу временъ Керенскаго — «свободу болтовни и ничего недѣланья».

И если ваша свобода выражается въ наличіи иѣсъколькихъ десятковъ политическихъ партій, группировокъ, объединеній, организацій «многоглаголющихъ» и ничего недѣлающихъ для дѣйствительнаго спасенія Россіи, то Богъ съ ней, съ подобной свободой...

Поймите же, что большевики радуются вашему раздроблению — чёмъ больше партий, тѣмъ меньше въ нихъ членовъ, тѣмъ менѣе эти партии работоспособны, а слѣдовательно и жизненны, а слѣдовательно и опасны... Поймите же, что этимъ вы, можетъ быть и невольно, играете въ руку большевикамъ...

Вотъ еще примѣръ — я зондировалъ здѣсь почву на предметъ принятія меня однѣмъ высокимъ лицомъ. Будучи врачомъ по профессіи, имѣя незапятнанное прошлое, обслуживая огромный крестьянскій участокъ, состоя въ одной изъ активныхъ антибольшевистскихъ организацій — я имѣлъ въ данныхъ расчитывать, что свѣдѣнія, имѣющіеся въ моемъ распоряженіи, заинтересуютъ, какъ нѣкоторыя организаціи, такъ и означеннѣе лицо.

И что же вы думаете? въ двухъ случаяхъ мнѣ было предложено подать письменный докладъ за моей подписью... Когда же я явился въ одну изъ редакцій съ подобнымъ же предложеніемъ, то встрѣтившій меня, какой то худосочный юноша, небрежно протянулъ: «напишите, мы посмотримъ: если подойдетъ — чтонибудь помѣстимъ»...

Нѣтъ, господа, съ такими пріемами вы далеко изъ Парижа не уѣдете...

... Г. П. У. — это тѣ же царскіе жандармы, но болѣе преданные своему дѣлу и, вслѣдствіе этого, болѣе грубые и безсердечные, ибо каждый «чекистъ» въ тоже время и палачъ...

... Вы помните какой переполохъ въ царскія времена вызывала голодовка политическихъ заключенныхъ и какія принимались мѣры — вилоть до насилиственного кормленія.

Теперь, если бы это случилось, — современная власть въ Соврессіи, въ отвѣтъ на докладъ объ этомъ, пожала бы презрительно плечами и проѣдила бы сквозь зубы: «чортъ съ ними, пускай дохнутъ!...»

У насъ ощущается острый недостатокъ въ честныхъ интеллигентныхъ работникахъ. Въ провинціяхъ разные «завхозы», «завпрѣды» и т. п., за малѣйшую оплошность и за малѣйшее воровство или растрату, съ быстройтою пули, слетаются со своихъ мѣстъ и разстрѣливаются. И если бы совѣтская власть получила соотвѣтствующія завѣренія въ «дѣловомъ» только отношеніи къ нѣмъ эмиграціи, то повѣрьте, что большинство изъ нихъ получили бы весьма выгодную и пріемлемую формулу для возвращенія.

... Простите, но я не могу ни разговаривать съ вами, ни пригласить васъ къ себѣ, ни притти къ вамъ — у меня въ Россіи остались дочь и мужъ, а это не совсѣмъ для нихъ безопасно — понимаете?...

... Абортъ нынѣ узаконенное явленіе; каждая русская гражданка имѣть право, получивъ свидѣтельство изъ соотвѣтствующей комиссіи, притти въ любую больницу и заявить о своемъ желаніи, и ни одинъ врачъ и подумать не смѣть объ отказѣ.

Отсюда появился новый видъ безработныхъ: акушерокъ и тѣхъ, которые въ свое время назывались «бабками».

Впрочемъ и онѣ скоро нашли себѣ примѣненіе и пооткрывали «институты красоты»; вы себѣ, конечно, представляете, что изъ этого получается?

Въ Харьковѣ, напр., буквально черезъ каждые 2-3 дома, вы можете увидѣть подобного рода «акушерскіе» институты красоты.

... Что мы здѣсь дѣлаемъ и зачѣмъ пріѣзжаемъ сюда за-границу?

Во-первыхъ, отдохнуть, во-вторыхъ, вдохнуть хотя крупинку той свободы, которой вы здѣсь пользуетесь, въ третьихъ — чemu нибудь научиться, изучить какую нибудь профессію (парикмахерскую, института красоты, парфюмерное дѣло, «совершенствоваться въ научныхъ познаніяхъ» и т. п.), что бы потомъ, вернувшись, содратъ съ «товарищей» десятую шкуру и вернуть хотя бы часть уворованнаго — они насы научили работать на свою же голову.

... Большевистская организація отличается отъ эмигрантской дезорганизаціи уже по смыслу самого слова; во-вторыхъ, еще тѣмъ, что въ то время, какъ тамъ,

во имя общаго дѣла, поступаются частностями и отдельными лицами, вы, здѣсь, во имя своихъ личныхъ интересовъ, готовы другъ другу горло перегрызть...

... Возвращаться въ Россію я никому не совѣтую, такъ какъ возвращающихся ожидаетъ рядъ мученій.

Здѣсь вы, напр., мучаетесь изъ за насущнаго куска хлѣба, но это еще не такъ обидно, потому что вы здѣсь не у себя, — въ остальной же личной вашей жизни — каждый изъ васъ «самъ себѣ хозяинъ».

Тамъ, дома, васъ ожидаетъ также борьба, изъ за того же куска хлѣба, но это несравненно тяжелѣе, именно потому, что вы будете у себя дома. Во-вторыхъ, имѣете ли вы понятіе о томъ, что значитъ приспособляться? Это значитъ — слѣдить за всѣми особенностями повседневной жизни, учитьвать еле замѣтные отблѣки настроеній, изучать особенности того лица или учрежденія, куда волей или неволей вы попали и, на основаніи цѣлаго ряда подмѣченныхъ факторовъ, сдѣлать соотвѣтствующіе выводы и выводы должны быть непремѣнно правильные, такъ какъ малѣшная оплошность влечетъ за собою иногда крупныя непріятности; эта задача не по плечу даже многимъ старожиламъ и отсюда приспособляемость часто выливается въ «лангейство», «подхалимство» и, въ лучшемъ случаѣ,носить характеръ прислуживания. Постѣ восьмилѣтняго отсутствія и пользованія относительной свободой — для васъ это будетъ задача нелегкая.

Въ третьихъ, вы здѣсь не знаете, что такое «страхъ»? А тамъ васъ съ первыхъ дней ожидаетъ «страхъ», — самый настоящій «страхъ». По прибытии вамъ недвусмысленно дадутъ понять, что «че-ка» еще существуетъ и что... И вы будете бояться сдѣлать лишній шагъ, сказать лишнее слово, въ каждомъ новомъ человѣкѣ вы будете видѣть провокатора «че-ки», что часто и бываетъ...

Въ четвертыхъ, вы обладаете здѣсь самымъ драгоцѣннымъ даромъ: «собственной волей»; въ моментъ перѣезда за-границу — вамъ придется съ этимъ разстаться...

Въ пятыхъ, шестыхъ, седьмыхъ и т. д. — живите здѣсь пока живется и о возвращеніи въ Россію пока не думайте...

Для русскаго народа нуженъ или царскій, или большевистскій кулакъ — середины быть не можетъ, и Керенскій погибъ именно благодаря своей «политической анеміи».

Сейчасъ большевики силы этимъ кулакомъ, суть коего заключается въ единой организаціи и террорѣ.

... Да, наши прихожане ведутъ себя куда приличнѣе вашихъ... Нашимъ молящимся и въ голову не придетъ стоять въ шляпѣ, въ двухъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ совершаются богослуженія, курить, флиртовать и, какъ я слышала однажды... ужасно браниться. Это удѣль лишь наиболѣе дикихъ коммунистовъ, ну а для нихъ вѣдь — все возможно. И потомъ... торговля — въ стѣнахъ церковной ограды — это уже достижениѳ вашей заграницной свободы...

... Скажите, какая изъ вашихъ партій возьметъ на себя смѣлость и отвѣтственность передъ лицомъ всего Русскаго Народа, въ случаѣ паденія большевизма, пріять въ свои руки власть и готова ли хоть одна изъ нихъ къ этому — я не говорю, конечно, о тѣхъ губернаторахъ, въ одномъ изъ славянскихъ государствъ, которые не такъ давно разбирали губернаторскія вакансіи — эти то всегда готовы.

... Самая крупная и дѣйствительно могущественная изъ вашихъ организацій, которую не удалось до сихъ пору никому расколоть — это ваша (и наша — да, наша), Бѣлая Армія.

... Пожарскій то у васъ есть, а вотъ Минина, при современной валютѣ, вамъ врядъ ли удастся найти. По крайней мѣрѣ, я сильно сомнѣваюсь, что бы кто ни-быть изъ вашихъ торгово-промышленныхъ или финансовыхъ дѣятелей согласился бы безвозмездно занять это амплуа...

... Хотите знать когда вы будете имѣть право думать о спасеніи Россіи? Когда ваши главнѣйшия партійныя группировки сольются въ братскомъ поцѣлуѣ

и поднимут общее знамя борьбы! — Невозможно?! Тогда все осталное съ вашей стороны безсовѣстный обманъ «малыхъ сихъ».

... Я членъ кооператива и старый солдатъ: участникъ японской, германской и гражданской войнъ, при чемъ во время послѣдней перебывалъ чуть ли не на всѣхъ фронтахъ.

Какъ членъ кооператива я исколесилъ три четверти Россіи и вотъ, что я вамъ отвѣчу на вашъ вопросъ: ни одного слова я не слыхалъ отъ крестьянъ и рабочихъ (кромѣ, конечно коммунистовъ), ни за, ни противъ Николая Николаевича.

Правда, нужно знать психологію русскаго человѣка — прямо и открыто онъ своихъ мыслей не высказываетъ, но человѣкъ знающій народъ, уже по направлению его мыслей, можетъ прочитать скрытый въ нихъ смыслъ.

А мысли большинства изъ нихъ таковы — при одномъ упоминаніи имени Николая Николаевича получались слѣдующіе отвѣты:

«А кто его знаетъ — можетъ и лучше будетъ»...

«Кабы онъ былъ такой, какъ на войнѣ»...

«Старъ онъ — гдѣ ужъ ему со всей этой то ордой, прости Господи, справиться».

«Кабы президентомъ былъ еще ничего, а ежели царемъ — такъ, значитъ, надо подумать и соопча рѣшить мѣромъ»...

Въ общемъ позвольте мнѣ сдѣлать мой личный выводъ: Великий Князь, я думаю, для Русскаго Народа не страшенъ, — страшны безграницы честолюбія и диктаторскія замашки лицъ, которыхъ его окружаютъ.

Я старый журналистъ и мечтатель; сидя тамъ, я мечталъ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на свободное слово, прочитать, просмаковать каждую газетную строчку.

И когда до насъ доходили старые, затрепанные, жирные и липкие, отъ тысяччи рукъ ихъ державшихъ, номера «Нового Времени», «Руля», «Дней» или «Послѣднихъ Новостей», — это для нашего кружка было чѣлое событие — большой праздникъ: бережно, бывало, держишь въ рукахъ этотъ старый газетный листъ, какъ какой нибудь драгоценный сосудъ, вдыхаешь этотъ знакомый газетный ароматъ — вѣдь вотъ казалось бы и бумага также, и буквы такія же, и краска... а нѣтъ, пахнетъ чѣмъ то другимъ, болѣе дорогимъ и близкимъ сердцу.

И все таки это было не то... это были рѣдкія минуты наслажденій; хотѣлось периода, системы — узнатъ, чѣмъ люди живы и чѣмъ они дышать, во что вѣруютъ — хотѣлось лично дорваться и окунуться въ эту дорогую печатную нирвану...

... Неужели вы думаете, что послѣ всего выстраданного нами, мы въ случаѣ паденія большевиковъ, допустимъ васъ играть у насъ какую нибудь роль — скажите спасибо, если мы вообще только пустимъ васъ въ Россію.

... Вспомните мое слово — если эволюція большевизма будетъ ити тѣмъ же темпомъ — то черезъ 3-5-10 лѣтъ — трудно опредѣлить точно — вы все будете на родныхъ мѣстахъ.

Наше Г. П. У. страшно для контръ-революціонеровъ, бандитовъ, воровъ, взяточниковъ и тѣхъ, кто растрачиваетъ народныя деньги — всѣхъ ихъ мы разстрѣливаемъ безпощадно...

... Вы, собственно говоря, должны быть намъ признательны за всѣ ваши униженія и оскорблѣнія, — совѣтская власть сторицей воздаетъ нашимъ бывшимъ «союзничкамъ»...

... Лозунгъ сегодняшняго дня, правда, официально еще не провозглашеній, — «Россія для русскихъ»; потому то и вылетѣлъ въ свое время Троцкій, потому то вылетѣли Зиновьевъ и Каменевъ — въ свое время подлетѣть также и Сталинъ со всей своей восточной компаніей. Но кого мнѣ по истинѣ жаль — это тѣ сто тысячъ еврейскихъ семействъ, которымъ отводятся земли для колонизаціи — это безумное предприятіе будетъ имѣть роковый послѣдствія....

... Совѣтская власть не боится террора, во-первыхъ, потому, что во главѣ власти стоять не одно, а нѣсколько лицъ — всѣхъ же не убьешь; во-вторыхъ, каждый знаетъ, что за убийство одного изъ нихъ отвѣтять десятки и сотни неподвижныхъ, въ-третьихъ — былой «героизмъ» подобного рода большевиками, какъ героизмъ, сведенъ «на нѣть»...

... Кстати обь иностранцахъ—прошли тѣ времена, когда иностранецъ появлялся въ Россіи въ роли «индійского набоба», ставиль свои условия, и его условия подобострастно принимали; затѣмъ онъ набивалъ свои карманы русскимъ золотомъ и уѣзжалъ полный презрѣнія къ этимъ «кошонамъ» или «швейнъ».

Теперь иностранецъ держитъ себя у нась тише воды и ниже травы — ему говорятъ: «вы хотите работать у насъ — извольте, но помните, что вы работаете не у себя дома, а у настъ —значить, всѣ наши требования должны быть вами безоговорочно принимаемы; вы не являетесь хозяиномъ — хозяева мы, а за вашу энергию, труды и затраченный капиталъ получите такой то процентъ изъ тѣхъ денегъ, которые вы у насъ заработаете».

Долго послѣ этого иностранецъ чешетъ себѣ затылокъ, никто никогда такъ съ нимъ не разговаривалъ и, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ надеждъ, онъ съ тѣжелымъ вздохомъ или соглашается, или уѣзжаетъ несолоно хлѣбавши...

... Рѣшилъ я какъ-то пройти на лекцію къ монархистамъ — не пустили, такъ какъ не членъ партіи, т. е. не монархистъ. Слѣдующій разъ я сунулся на собраніе Р. Д. О. — тоже не пустили, т. к. я не членъ партіи.

Бросилъ политику, — и пошелъ на вечеринку въ кають-кампанію — чуть ли не выгнали, т. к. я не морякъ — на этомъ моя связь съ эмиграціонными кругами и окончилась...

(Выдержка изъ лекціи «*Кто наши враги?*», прочитанной въ Чикаго и Детройтѣ С.-А. С. Ш. въ мартѣ 1925 г. тов. Д.).

... Но несмотря на все изложенное мною, товарищи, для нась русская заграницная буржуазія не страшна. Я вамъ расскажу, товарищи, какъ въ древнее время рабы воевали противъ господъ и началась гражданская война и вотъ, передъ началомъ рѣшительного сраженія, вождь работъ, Спартакъ, обратился съ рѣчью къ своимъ солдатамъ: «Товарищи, — говорить онъ, — бейте эту буржуазную съ-ч мечами по мордѣ, потому что ничего они такъ въ жизни не боятся какъ потерять свою красу». И что же вы думаете товарищи? Когда началось сраженіе, въ которомъ участвовала вся буржуазія знать и самыя красивыя и знатныя воины — стоило только что бы какой нибудь спартаковецъ немножко поцарапать его лицо, — какъ онъ бросалъ оружіе и обращался въ бѣгство, и спартаковцы выиграли сраженіе.

Товарищъ Ленинъ — это нашъ Спартакъ! Онъ долго изучалъ, присматривалъ и прислушивался къ русской буржуазіи и, наконецъ, пришелъ къ убѣждѣнію, что несмотря на всѣ громкія слова, она не пойдетъ ни на какія жертвы иничѣмъ не поступится, что бы спасти старый отжившій уже строй.

Вы помните, товарищи — сколько разъ эта самая буржуазія, еще при Керенскомъ, говорила, что мы, дескать, всѣ умремъ до послѣдняго, мы все отдадимъ до послѣдней нитки, заложимъ женъ и дѣтей, но спасемъ Россію.

Тогда нашъ Спартакъ — товарищъ Ленинъ громко крикнулъ: товарищи бей по ихъ карману, такъ какъ они ничего больше въ жизни не боятся, какъ потерять свои награбленныя богатства.

И что же мы видимъ, товарищи? — какъ только дѣло коснулось ихъ кармана — никто изъ нихъ не умеръ — всѣ удрали съ деньгами народа за-границу.

Такимъ образомъ, исторія повторяется, товарищи: много тысяч лѣтъ тому назадъ, товарищъ Спартакъ, а теперь — нашъ учитель Ленинъ сошлись на принципахъ и методахъ борьбы съ кровопийцами народа: или въ морду, или по карману; и она, эта хваленная могучая и сильная буржуазія, побѣжала и тогда и теперь.

Но они, повторю, товарищи, намъ не страшны по вышеприведеннымъ логичнымъ, понятнымъ, а потому и бесспорнымъ мотивамъ. Гораздо большая опасность угрожаетъ Совѣтской власти со стороны міровой буржуазіи — заграниценныхъ капиталистовъ — буржуазіи болѣе сплоченной, болѣе многочисленной, болѣе рѣшительной и не любящей болтовни.

Помните, товарищи, что въ будущей борьбѣ она, эта буржуазія, поставить на карту все рѣшительно, — до послѣдней копѣйки и не дай Богъ если она побѣдить: тогда мы пропали, тогда опять на сотни лѣтъ мы рабы — и не только мы, но и наши дѣти и наши внуки...

(Отвѣтъ одного изъ красныхъ командировъ лицу отправленному съ порученіемъ изъ Бѣлой Арміи).

...Хорошь или плохъ большевизмъ, но мы къ нему уже привыкли и съ нимъ уживаемся и до тѣхъ поръ ни къ вамъ, ни съ вами не пойдемъ, пока вы не дадите намъ реальныхъ доказательствъ вашей силы, забвенія, примиренія и искренней готовности совмѣстной съ нами работы во имя успокоенія народныхъ массъ и возсозданія международнаго положенія Россіи.

...Времена мѣняются и кто знаетъ—можетъ быть въ ближайшемъ будущемъ, мы будемъ эмигрантами, а вы займете наши мѣста?...

X.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

ГДЪ МАТЕРИАЛЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ?

Главнѣйшими факторами правильного освѣщенія тѣхъ или иныхъ историческихъ событій, какъ извѣстно, является весь тотъ соответствующей данной эпохѣ официальный и неофициальный материалъ (документы, письма, дневники, литература, художественные материалы, фотографіи, зарисовки и т. п.), который нагляднымъ образомъ характеризуетъ всѣ основныя элементы обстановки, т. е. лица, мѣсто, время и образъ дѣйствій: причины, факты и слѣдствія.

Вся литература послѣдующаго данной эпохѣ времени будетъ имѣть значеніе лишь постольку, поскольку она основана на этихъ именно документальныхъ данныхъ и подобный материалъ, какъ напр., воспоминанія, очерки, описанія, изслѣдованія, исторіи и т. п., долженъ приниматься читателемъ въ зависимости отъ его обоснованности и съ поправкой за счетъ индивидуальныхъ качествъ автора — отсюда и вытекаетъ историческая цѣнность тѣхъ или иныхъ трудовъ, претендующихъ на вниманіе госпожи Кліо.

Дѣлая краткую предпосылку о положеніи этого вопроса въ періодъ войны и революціи, авторъ этихъ строкъ ставить себѣ главной задачей дать, въ общихъ чертахъ, обзоръ этого вопроса въ періодъ войны гражданской, съ цѣлью помочь будущему историку — найти и разобраться въ тѣхъ первоисточникахъ этого времени, которые лепестками разбросаны по всему русскому и заграничному миру и которые, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, не попали на страницы многочисленныхъ воспоминаній, мемуаровъ и т. п. — вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ указаны и безвозвратно погибшіе материалы-нахожденіе хоть части которыхъ явится для историка счастливой случайностью.

*

* *

Во время европейской войны, на вопросъ о собираніи историческихъ материаловъ, во всѣхъ государствахъ было обращено самое серьезное вниманіе и, какъ результатъ правильной постановки этого дѣла, спустя всего два-три года послѣ окончанія войны, книжный рынокъ былъ переполненъ многочисленными томами военныхъ, военно-историческихъ и военно-политическихъ сочиненій; уже тогда встрѣчались попытки (главнымъ образомъ, во французской и американской литературѣ) охватить войну въ цѣломъ,

на всемъ ея протяженіи — правда, въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, преслѣдовались скорѣе цѣли коммерческаго характера...

Само собою разумѣется, что и въ нашей «отсталой въ культурномъ отношеніи Россіи» — на этотъ вопросъ было обращено исключительное вниманіе и дѣло собираянія и сохраненія военныхъ матеріаловъ было поставлено на должную высоту: чуть ли не съ первыхъ дней была образована В.-Историческая Комиссія и отведены огромныя помѣщенія подъ архивы, куда части войскъ, періодически, по мѣрѣ накопленія у нихъ матеріала, сдавали весь этотъ, излишній въ боевой обстановкѣ, грузъ.

В.-Историческая Комиссія во все время продолженія войны занималась разборкой и систематизаціей этого матеріала, а за время совѣтской власти и значительно расширила свои функции, какъ въ смыслѣ организаціи работы и личнаго состава, такъ и въ смыслѣ продуктивности этихъ работъ — результатъ не замедлилъ сказаться: въ русской военной литературѣ мы уже имѣемъ рядъ трудовъ по изслѣдованію разныхъ періодовъ и разныхъ вопросъ минувшей войны, такихъ авторовъ, какъ напр., генералы Заіончковскій, Клембовскій, Свѣчинъ, Маниковскій, Незнамовъ и др.*)

*

* *

Насколько организація сбора матеріаловъ войны поставлена была въ теченіе всего періода 1914-1917 г. г. въ нормальныя условія — настолько же этотъ вопросъ во время революціи и послѣдовавшей затѣмъ гражданской войны — находился въ условіяхъ крайне легкомысленнаго отношенія и даже преступнаго бездѣйствія?

Казалось бы, что уже съ первыхъ дней революціи необходимо было образовать учрежденіе, аналогичное В.-Исторической Комиссіи и имѣющее цѣлью сборъ и храненіе матеріаловъ русской революціи — въ дѣйствительности ничего подобнаго сдѣлано не было. Въ результатѣ — много цѣнныѣ шага матеріала погибло во время пожаровъ, хояйничанья темныхъ и заинтересованныхъ силъ въ офиціальныхъ архивахъ, или попросту было варварски уничтожено въ припадкѣ дикой злобы ко всему тому, что не соотвѣтствовало духу или понятію времени, политической или партійной мысли.

Въ общемъ нужно еще разъ подчеркнуть, что на сборъ и храненіе матеріаловъ по исторіи революціи не было обращено должнаго вниманія (если не считать отдѣльныхъ неорганизованныхъ попытокъ — попытка не связанныхъ опредѣленной задачей и опредѣленнымъ руководствомъ, — за-глохшихъ чуть ли не въ самомъ началѣ ихъ возникновенія) и, несмотря на

*.) Среди зарубежной военной литературы необходимо отмѣтить труды генераловъ Н. Головина, Ю. Данилова, В. и А. Драгомировыхъ, П. Залѣсского.

переполненный рынокъ воспоминаніями этой эпохи, нужно сказать, что они далеко не въ полной мѣрѣ, далеко не всесторонне и, наконецъ, далеко не вполнѣ объективно, охватываютъ событія за февраль-октябрь 1917 года.

*

* *

Повторяю, что все вышеизложенное является лишь вступительными словами для освѣщенія этого вопроса въ періодъ большевизма и гражданской войны.

Я не буду касаться этого вопроса въ его цѣломъ видѣ и замѣчу лишь, что, здѣсь, большевики, проявивъ «захватное право», въ широкой степени опубликовываютъ все то, что еще такъ недавно являлось или государственной тайной, или страницами той или иной частной жизни и было недоступно общему свѣдѣнію; я остановлюсь только на организаціи сбора матеріаловъ обѣими сторонами (большевистской и антибольшевистской) въ періодъ гражданской войны.

Неизвѣстно — было ли что нибудь похожее на—В.—Историческую Комиссію или другую какую нибудь организацію по сбору и сохраненію матеріаловъ у большевиковъ, но за то съ полной опредѣленностью можно сказать, что у противной стороны — антибольшевистской на этотъ вопросъ, до марта мѣсяца 1919 года не было обращено никакого вниманія, — короче говоря — каждый генераль или полковникъ, каждый политический или общественный дѣятель, каждый служащій какого либо учрежденія, считали принадлежащимъ, на правахъ собственности, попавшій къ нимъ тотъ или иной матеріалъ, хотя бы и офиціального характера*).

А такъ какъ генералы, полковники, общественные и политические дѣятели послѣ окончанія войны разъѣхались по бѣлу свѣту, то и исторія этого періода разсыпалась по различнымъ странамъ и собирать ихъ приходится буквально по лепесткамъ.

Куда же исчезли эти груды исписанной бумаги, горы свѣженапечатанныхъ книгъ и брошюръ, тюки плакатовъ и ящики съ дѣлами и перепиской?

Нижеприводимые примѣры дадутъ, если не исчерпывающій, то достаточно полный отвѣтъ на этотъ вопросъ:

A) *Совѣтскія войска эвакуируются — Добровольч. Армія вступаетъ...*

Все равно о какомъ пункте идеть рѣчь, ибо вездѣ происходило одно и то же. Итакъ, совѣтскія войска эвакуируются и, конечно, часть матеріаловъ увозится, а часть уничтожается. Добровольческая Армія, вступивъ въ тотъ или иной пунктъ, въ лицѣ особо назначенныхъ Политическимъ Отдѣломъ чиновъ, принимается за розыскъ большевистскихъ офиціальныхъ и неофи-

*) Примѣровъ сколько угодно: предс. комисс. по разслѣдов. звѣрствъ со-дѣян. больш.—г. Мейнгардъ, генералы Лукомскій, Покровскій, Врангель и т. д.

циальныхъ учрежденій и находитьъ штабы, чрезвычайки, политотдѣлы, агитотдѣлы, клубы и т. п.

Послѣ осмотра и ознакомленія съ найденными въ нихъ материалами, часть — по 1-2 экземпляра книгъ и брошюръ, а также документы, дѣла, печати и т. п. отправляются въ высшій штабъ, часть же наиболѣе интереснаго материала, не исключая и документовъ, разбирается присутствующими «на память» — все же остальное безжалостно уничтожается.

Такъ какъ, въ это же время, работаетъ и «контръ-развѣдка», то, конечно, всякий благоразумный гражданинъ, если онъ только когда нибудь и задавался «историческими цѣлями», прежде всего подумаетъ о личной безопасности и, изъ боязни «исторіи», постарается, тѣмъ или инымъ путемъ, какъ можно скорѣе, избавиться отъ находящагося у него непріятнаго и опаснаго материала.

Между тѣмъ промежуточные штабы, оставивъ у себя также «на память» или «для дѣла» опять-таки наиболѣе интересные экземпляры весь остальной материал отсылаютъ въ слѣдующій — высшій штабъ и, наконецъ, постѣдняя инстанція оставляетъ лишь самое необходимое съ точки зрѣнія возможнаго использованія въ данный моментъ — все же остальное уничтожается.

Другой примѣръ:

Б) Добровольческая Армія эвакуируется — Согѣтскія войска вступают...

Уже за нѣсколько дней упаковывается наиболѣе цѣнное и портативное имущество — весь же остальной малоцѣнныи или громоздкій материал уничтожается или по-просту выбрасывается: улицы города, пригородные пути и пути вдоль желѣзныхъ дорогъ сплошь усыпаны выброшеннымъ не-必需нымъ «хламомъ» — здѣсь и плакаты, и приказы, и пачки брошюръ, и листовокъ, и прокламацій, и хозяйственныхъ дѣль, и разныхъ книгъ, и газетъ — однимъ словомъ, все то, что видѣли многіе десятки тысячъ эвакуирующихся гражданъ на путяхъ къ Новороссійску и Севастополю.

Большевики занимаютъ оставленный добровольцами пунктъ и, въ свою очередь, устремившись на поиски «контръ-революціонныхъ учрежденій», и найдя таковыя, въ яростномъ ослѣплении, сжигаютъ и уничтожаютъ все найденное въ нихъ «до тла»; а такъ какъ, въ это же время, начинаетъ свою обычную работу и «че-ка», то опять таки благоразумный обыватель, опасаясь «исторіи», постарается заглавовременно и поскорѣе отдѣлаться отъ этихъ непріятныхъ «историческихъ» материаловъ, которые къ нему попали въ тѣхъ или иныхъ цѣляхъ.

Таковы примѣрно условія «нормальной» эвакуаціи — можно себѣ представить, что творится въ условіяхъ эвакуаціи, выражаясь мягко — внезапной, эвакуаціи моментального характера, какъ это имѣло мѣсто при уходѣ Добровольческой Арміи въ Кубанскій походъ, или при оставленіи Ка-

зани чехо-словаками или, наконецъ, при оставленіи Крыма генераломъ Врангелемъ?

Вотъ тѣ причины, въ силу которыхъ историки, при изученіи русской революціи и гражданской войны, не разъ будуть поставлены въ затруднительное, а иногда и безвыходное положеніе за отсутствіемъ тѣхъ или иныхъ первоисточниковъ, и вотъ почему нужно теперь же, пока еще не поздно, зафиксировать мѣста скопленія большого или меньшаго количества материаловъ этого періода и указать или тѣхъ лицъ, которыя этими материалами обладаютъ, или хотя бы слѣды, по которымъ, при достаточной энергіи, материалы впослѣдствіи могутъ быть найдены.

Нельзя не признать, что совѣтская власть находится въ этомъ отношеніи въ блестящихъ, по сравненію съ нами, условіяхъ,*) ибо, во-первыхъ, она обладаетъ территоріей минувшихъ событій, а во-вторыхъ, огромными средствами, дающими ей возможность легко и всесторонне разрѣшить этотъ вопросъ.

Идя на встрѣчу многочисленнымъ попыткамъ занести минувшія событія на страницы исторіи, авторъ настоящей статьи спѣшилъ подѣлиться нѣкоторыми воспоминаніями о безвозвратно погибшемъ историческомъ материалѣ данной эпохи, о случайно уцѣлѣвшемъ, а также о лицахъ обладающихъ имъ и о мѣстахъ случайного скопленія материаловъ — быть можетъ будущіе историки смогутъ использовать то, что для насъ, по ироніи судьбы, въ данное время, недоступно.

1. Въ предыдущей книжкѣ «Бѣлага Архива» было уже въ краткихъ чертахъ упомянуто какую невозградимую потерю понесла исторія Добровольческой Арміи передъ Кубанскимъ походомъ и какие материалы были уничтожены — (сожжены) — тогда мнѣ казалось, что все было весьма основательно сожжено. И вотъ, спустя полтора года постѣ описаннаго событія, я познакомился съ одной очень милой и преданной бѣлому движению барышней, служившей въ Ростовѣ, въ Политическомъ отдѣлѣ генерала Врангеля, у которой оказалась на рукахъ... обгорѣлая тетрадка подлинныхъ приказовъ генерала Корнилова и генерала Деникина; два-три экземпляра было переданы въ мой «Музей Современныхъ Событий въ Россіи», а остальные, повидимому, находятся у нея и по сіе времена.

2. Въ гор. Новочеркасскѣ, у одного изъ телеграфныхъ чиновниковъ, я видѣлъ ленты прямого провода — телеграфные разговоры генерала Кaledина и М. П. Богаевскаго съ Союзомъ Казачьихъ Войскъ, со Ставкой и т. п. — цѣна этихъ лентъ была очень высока, и при всемъ желаніи приобрѣсти ихъ — это оказалось мнѣ не по средствамъ.

3. Въ концѣ 1917 года, въ гор. Ростовѣ на Д., прибыль небезызвѣстный матросъ Федоръ Баткинъ, остановившійся въ одномъ изъ офицерскихъ общежитій. Уходя на поиски квартиры, онъ попросилъ Начальника общежитія особенно присмотрѣть за его чеподаномъ, прибавивъ, что черезъ полтора-два часа онъ пришлѣтъ за чеподаномъ «своего офицера».

*) Въ газетныхъ извѣстіяхъ недавняго прошлаго имѣются любопытныя сообщенія: 1) что сов. властью отправлена истор. комиссія по слѣдамъ Таманской Арміи для сбора, попутно слѣдованія арміи, материаловъ и 2) что въ Сибири, въ разныхъ мѣстахъ, обнаружены «Колчаковскіе Архивы».

Дѣйствительно, спустя два часа, въ общежитіе явился какой то молодой офицеръ и потребовалъ отъ имени Баткина чемоданъ, который и былъ переданъ ему, ничего не подозрѣвавшимъ Начальникомъ общежитія.

Черезъ полчаса постѣ этого явился самъ Баткинъ и тутъ только выяснилось, что чемоданъ былъ похищенъ, такъ какъ Баткинъ никого не посыпалъ; въ чемоданѣ же находились слѣдующіе цѣнныя материалы: письма генерала М. В. Алексѣева, письма генерала Л. Г. Корнилова періода подготовки къ выступленію противъ Временного Правительства и самого выступленія, полевая книжка генерала Корнилова, часть писемъ генерала И. П. Романовскаго, различные документы о побѣздахъ на фронты, а также краткій описанія дѣятельности нѣкоторыхъ антибolshevistскихъ организаций — все это пропало вмѣстѣ съ чемоданомъ.

4. Въ концѣ 1918 года, Начальникомъ Штаба Добровольческой Арміи, генераломъ И. П. Романовскимъ, было поручено генеральному штабу полковнику И. И. Терванду составленіе официального описанія 1-го Кубанского (Ледянаго) похода, при чёмъ въ его распоряженіе были предоставлены исчерпывающіе документы, въ томъ числѣ и папка Корниловскихъ документовъ. Впослѣдствіи функции полковника Терванда въ этомъ направлении были значительно расширены и онъ уже получила задачу составить описанія боевыхъ дѣйствий Добровольческой Арміи за время и второго Кубанского похода.

Къ осени 1919 года, первая часть заданія полк. Тервандомъ была исполнена и сдана для печати въ «Освагъ». Вслѣдствіе быстро разыгравшихся военныхъ событий и начавшейся, въ связи съ этимъ, эвакуации Ростова, печатаніе книги закончено не было (по словамъ полк. Терванда, были отпечатаны всего лишь первый листъ). Для окончанія начатой работы полк. Тервандъ испросилъ разрѣшеніе отправиться въ Чехословакію, куда и отбылъ съ нѣсколькоими ящиками цѣнного исторического материала. Изъ Чехословакіи полк. Тервандъ отправился въ «родную» ему Эстонію, увезя съ собою, какъ папку съ Корниловскими документами, такъ и ящики съ военно-историческимъ материаломъ.

5. Бывая въ Софіи у генерала Покровского и помогая ему въ разборѣ и оцѣнкѣ нѣкоторыхъ документовъ (которыхъ у него было два довольно большихъ ящика), я, среди документовъ обѣ участій его въ Ледяному походу и дальнѣйшей его службѣ и боевой дѣятельности въ рядахъ Добровольческой Арміи, натолкнулся на два дѣла съ надписью «Калабуховская исторія». Эти дѣла содержали рядъ цѣннѣйшихъ документовъ секретнаго характера, опредѣляющихъ роль въ степень участія нѣкоторыхъ командныхъ лицъ Добров. Арміи въ этой исторіи, а также подобныя указанія и директивы, полученные въ свое время генераломъ Покровскимъ отъ своего непосредственнаго въ то время начальника для без болѣзни и безотказнаго проведения этой «исторіи» въ жизнь.

6. Въ Архивѣ Отдѣла Иностранныхъ Дѣлъ Всевеликаго Войска Донскаго имѣется два весьма интересныхъ дѣла, содержащихъ переписку между Вождями Добровольческаго и Донскаго Командованія за 1918-1919 г. г. по различнымъ вопросамъ. Часть этой переписки опубликована въ сборникахъ «Бѣлага Архива».

7. Въ 1919 году, въ Константинополь, въ числѣ прочихъ эмигрантовъ, прибылъ нѣкто г. Мейнгардъ, предсѣдатель, такъ называемой въ общежитіи, «звѣрской» комиссіи — Комиссіи по разстѣданію злодѣяній, совершенныхъ большевиками, привезя съ собою большое количество материаловъ, являющихся результатомъ дѣятельности Комиссіи.

Спустя нѣсколько времени материалы эти были перевезены во Францію и здѣсь были сданы въ Musee de la Guerre. Въ настоящее время ведутся переговоры о передачѣ этихъ материаловъ въ одинъ изъ Американскихъ Университетовъ: Stanford University, California.

Эти несомнѣнно интересные материалы будущей Россіи, конечно, будетъ весьма трудно получить обратно.

8. Въ концѣ 1918 года, въ г. Новочеркассѣ, какъ сейчасъ помню, — въ пятницу пришелъ ко мнѣ покойный нынѣ генералъ Н. И. Ивановъ и среди

разговора заявилъ, что у него на квартире имѣются весьма интересные и многочисленные документы, какъ напр., письма Государя, оперативныя документы, матеріалы 1905 г. и февраля 1917 г., матеріалы Южной Арміи, гдѣ онъ, по его словамъ, «влипъ въ грязную исторію» и т. п., которые ему удалось вывезти на Донъ, но что онъ, вслѣдствіе своей старости, не надѣется ихъ использовать и не прочь передать ихъ мнѣ, молодому человѣку... и т. д., для чего и пригласилъ меня къ себѣ въ слѣдующій вторникъ. Къ глубокому моему прискорбію генералъ заболѣлъ въ воскресенье, а во вторникъ... скончался... Гдѣ матеріалы — неизвѣстно?

9. Какъ извѣстно, покойный генераль М. Г. Дроздовскій, во времія формиро-
ванія отряда въ Румыніи, вѣль подробный дневникъ. Въ этомъ дневникѣ, шагъ за
шагомъ, описывалась исторія формированія отряда, содѣйствіе и противодѣйствіе
этому начинанію со стороны нѣкоторыхъ высокихъ русскихъ и румынскихъ
военныхъ лицъ, движение отряда на Донъ и бои, какъ самостоятельный, такъ
впослѣдствіе и въ рядахъ Добровольческой Арміи; къ этому послѣднему времени
относится и рядъ весьма интересныхъ документовъ: рапорты генерала Дроздов-
скаго о неудовлетворительномъ состояніи арміи и о причинахъ этого отрицатель-
наго явленія, стратегическія соображенія покойного, шедшія иногда вразрѣзъ
съ плашами Главнаго Командованія Добровольческой Арміи, донесенія о преступ-
ной дѣятельности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ — однимъ словомъ, все то,
что послужило причиной отрицательнаго отношенія Ставки къ покойному, что
не разъ высказывалось Штабомъ въ отвѣтахъ генералу Дроздовскому.

Весь этотъ матеріалъ генераль Дроздовскій наканунѣ своей смерти обѣщалъ,
въ присутствіи свидѣтелей, передать мнѣ, своему старому боевому товарищу,*)
на храненіе.

Но въ день смерти его, изъ политической канцеляріи, явился полковникъ
Чайковскій, который и забралъ весь матеріалъ по распоряженію генерала Дра-
гомирова (Абрама). Конечно, при этихъ условіяхъ, было уже трудно что нибудь
оттуда получить...

10. Огромные матеріалы, къ сожалѣнію, пока полностью недоступны, имѣют-
ся въ распоряженіи генерала Врангеля, находящіеся главной своей частью въ
г. Сараево и Карловцахъ, составляющихъ Архивъ Арміи. Въ настоящее время,
въ связи съ появившимися въ газетахъ сообщеніями объ изданіи «Бѣлаго
Движенія» или «Лѣтописи бѣлага движенія», въ основу которого будетъ зало-
женъ дневникъ ген. Врангеля, повидимому, часть этихъ матеріаловъ, конечно,
несекретного характера, лежавшихъ долгое время подъ спудомъ, рѣшено
использовать.

11. Слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о различныхъ офиціальныхъ
и неофиціальныхъ представителяхъ Добровольческой Арміи, командированныхъ
за-границу и снабженныхъ, въ свое время, различными матеріалами. Такъ какъ
командировкіи эти дѣлались всякий разъ безъ заранѣе выработанного плана и
носили случайный характеръ, то и снабженіе ихъ матеріалами носило кустарный
характеръ, — такъ напр., въ однихъ случаяхъ давался одинъ — другой фильмъ
для «распространенія въ западныхъ кинематографахъ», въ другихъ — фотографіи
звѣрствъ — для помѣщенія въ газетахъ или устройства «витринъ» и т. п.
Нѣкоторая изъ этихъ матеріаловъ, за невозможность использования ихъ, были
сданы въ русскія посольства тѣхъ странъ, гдѣ въ данный моментъ находился
тотъ или иной представитель (такъ были сданы фильмы въ посольства Франції
и Сербіи), въ другихъ случаяхъ фильмъ былъ проданъ (такъ, напр., былъ проданъ
въ Сербіи негатив фильма «Генераль Врангель въ Крыму»), въ третьихъ — мате-
риалы были оставлены у себя (въ Америкѣ), но справедливость требуетъ отмѣтить
и случаи широкаго и активнаго использованія матеріаловъ, какъ напр. г. Гр.
Алексинскимъ и рядомъ др. лицъ.

12. Этотъ краткій обзоръ быль бы не полонъ, если бы не упомянуть о двухъ
центрахъ, повидимому, наибольшаго скопленія матеріаловъ.

*) По Краснопольскимъ боямъ.

Первый изъ нихъ — старыйший, Музей Современныхъ Событий въ Россіи, характеръ и дѣятельность его съ достаточной подробностью изложены въ первомъ сборникѣ «Бѣлаго Архива».

Второй — «Архивъ Русской Революціи» (Прага), хотя и болѣе позднаго об-разованія, тѣмъ не менѣе, благодаря, повидимому, широкимъ средствамъ, имѣющимися въ его распоряженій, развила и развиваетъ широкую дѣятельность въ отношеніи сбора матеріаловъ и нужно надѣяться — станетъ центральными мѣстомъ сдачи матеріаловъ т. е. примѣтъ на себя функции Зарубежной В.—Исторической Комиссіи.

13. Когда Главн. Команд. Добр. Арміи было отказано нѣкоторымъ нѣмецкимъ офицерамъ и даже цѣлымъ частямъ въ пріемѣ ихъ на службу, — послѣдними было сожжено, какъ лишний грузъ, большой канцелярскій матеріалъ, среди которого несомнѣнно было много цѣнныхъ матеріаловъ (Крымъ, Таганрогъ, Ростовъ).

14. Политическій представитель нѣмецкаго командованія при Всевеликомъ Войскѣ Донскомъ, небезызвѣстный маіоръ Кохенгаузенъ, вель весьма интересный дневникъ (небольшій выдержки изъ котораго будутъ мною опубликованы) и обладалъ весьма цѣнными документами по вопросу о взаимоотношеніяхъ Дона, Добр. Арміи и Нѣмецкаго Главнокомандованія — всѣ эти матеріалы увезены имъ въ Германію.

Весьма возможно, что въ этомъ краткомъ, очеркѣ, многое и пропущено, но въ этомъ случаѣ страницы «Бѣлаго Архива» предоставлены каждому для дополненія найденныхъ пробѣловъ и для продолженія этого необходимаго очерка.

Я. Лисовой.

Д-ръ Д. С. Пасманикъ. Революціонные годы въ Крыму. 1926 годъ.

Среди потопа всячаго рода воспоминаній, мемуаровъ, самооправданій, обличеній и т. п. — нѣтъ-нѣтъ да и промелькнутъ страницы, на которыхъ взглѣдъ почему то задержится нѣсколько дольше и внимательнѣе... послѣ этого, обыкновенно, садишься поудобнѣе въ кресло, закуриваешь папиросу, да такъ и просидишь далеко за полночь, пока не проглотишь послѣднюю строку — книга д-ра Пасманика принадлежитъ именно къ этому числу изданий.

Съ первой и до послѣдней страницы — изъ каждой строки, изъ каждой буквы, такъ и бѣть ключемъ честная и искрення любовь интеллигента-еврея къ Россіи, страданіе ея недугами, вѣра въ ея освобожденіе и могущество и какъ результатъ этой глубокой вѣры — стремленіе отдать все, можетъ бытъ даже и жизнь, за ту Россію, которую авторъ любить и которую считаетъ своей Родиной и Родиной русскихъ евреевъ.

Авторъ, военный врачъ, не чувствуетъ, подобно другимъ интеллигентамъ, никакой радости при извѣстіи о революціи — онъ ошеломленъ и придавленъ; это «не революція, а страшная катастрофа» — грандиозный солдатскій бунтъ, возглавляемый Государственной Думой, и прежде всего о чёмъ думаетъ авторъ — «надо спасать культуру».

На дальнѣйшихъ страницахъ своихъ воспоминаній, онъ останавливается зачастую на добродушно-туманныхъ, на безволныхъ интеллигентахъ, которые, онъ это чувствуетъ, «загублять Россію» — что дѣлаетъ честь его пронигматичности, но больше всего его, какъ военного врача, поражаетъ глубокое равнодушіе офицеровъ, которыхъ онъ жестоко обвиняетъ въ «мертвой пассивности, политической безграмотности и гражданской трусости».

«...Странно было — пишетъ авторъ — видѣть эти банты (красные — конечно) на грудяхъ старыхъ генераловъ и молодцеватыхъ полковниковъ, для которыхъ вчера еще подобная декорация была немыслима. И сдѣлано это было безъ борьбы, безъ внутреннихъ мукъ». Приводятся и другіе, болѣе убийственные при-

мѣры — дѣлается оцѣнка еще болѣе рѣзкая и безпощадная... Авторъ береть на себя смѣость поставить точку надъ і — «эта фальши, и это безволіе офицерства и буржуазной интеллигенціи ввергли Россію въ бездну большевизма».

Дальнѣйшія страницы заполнены авторомъ живыми описаніями активныхъ попытокъ прогибодѣйствія надвигающемуся ужасу, различныхъ выступленій противъ разрушительной демогогіи, борьбы съ надвигающимся большевизмомъ, работы при нѣмцахъ въ качествѣ редактора русской газеты, отстаивающей русскіе интересы, столкновеній, или вѣрнѣй разногласій, со своими партійными единомышленниками и т. д., и т. д.

Трудно, конечно, передать, даже въ общихъ чертахъ, содержаніе этой несомнѣнно интересной книги: многое уже намъ знакомо, многое принимается авторомъ слишкомъ близко къ сердцу, многія явленія, въ особенности явленія гражданской войны, повидимому, не совсѣмъ понятны автору, коечто можно и отрицать, но съ однѣмъ изъ выводовъ автора нельзѧ не согласиться — «Но кто изъ насъ безгрѣшень въ великомъ русскомъ бѣдствіи?... Мое глубочайшее убѣжденіе: нѣть такого безгрѣшного русского гражданина».

Послѣ Крыма д-ръ Пасманикъ єдетъ въ Новороссійскъ искать «работы», но съ горечью констатируетъ, что онъ для себя «работы въ районѣ Добрарміи не нашелъ» и тогда онъ рѣшилъ выѣхать за границу. — «что бы тамъ работать для Россіи, что тогда означало для генерала Деникина».

И работалъ! Живы еще и по сю пору свидѣтели его самоотверженной и честной работы на страницахъ «Общаго Дѣла» втчение почти трехъ лѣтъ.

Въ концѣ книги приложенъ интересная полемика съ И. Н. Петруниевичемъ по вопросу о русской интеллигентіи. И здѣсь авторъ прямо, опредѣленно и частно, безъ всякихъ увиливаній, заявляетъ: «Новую Россію будеть строить не часть интеллигентіи И. И. Петруниевича, а весь народъ, вмѣстѣ съ арміей и интеллигентіей» и что «прежняя слабосильная, безвольная, немощно гуманитарная интеллигентія» умерла. Ей на смѣну должна появиться новая интеллигентія: волевая, цѣлевая, властная, дѣловитая, національная, упорная и пачевсего государство-строительная. Однимъ словомъ: для оздоровленія Россіи абсолютно необходима интеллигентія, но совершенно иная, чѣмъ та, которая дѣйствовала въ Россіи во второй половинѣ 19-го столѣтія и которая допустила воцареніе хама на родинѣ въ октябрѣ 1917 года».

Прочтите эту книгу!

Князь Д. Н. Святополкъ-Мирскій. Чѣмъ объяснить наше прошлое и чего ожидать отъ нашего будущаго? Парижъ 1926 г.

Жестокость и размахъ русской революціи авторъ объясняетъ низкимъ культурнымъ уровнемъ развитія современной Россіи и бѣдностью страны и суро-востъ климата.

Въ поискахъ за причинами революціи, авторъ забирается вглубь исторіи и приходитъ къ выводу, что «преобразованія Петра» (о которыхъ онъ, между прочимъ, весьма невысокаго мнѣнія) не «преобразили», а «обезобразили» духовный «образъ» русскаго человѣка. И хотя жизнь понемногу стушевала и загладила крайности Петровскихъ реформъ (Вѣкъ Екатерины), но безпочвенность и оторванность отъ русской культурной мысли прошлаго навсегда сохранились въ качествѣ крайне вредной заклаки.

Далѣе, переходя въ эпохѣ Императора Николая I-го, авторъ говоритъ, что «не пониманіе русскими мыслящими людьми истинаго положенія у себя на родинѣ и ошибочное толкованіе, вслѣдствіе недостаточнаго культурнаго развитія, западно-европейской эволюціи, дало въ конечномъ итогѣ декабрьскій бунтъ и русская революція получила свое первое боевое крещеніе» (Несомнѣнно!). Это царствование дало революціонному движению новые боевые силы — нашу интеллигентію, начало которой положилъ Императоръ Александръ I-ый, насаажденіемъ среднаго и высшаго образования.

«Преждевременное и неуклюжее освобожденіе крестьянъ Императоромъ Александромъ II» — авторъ называетъ — самой крупной и непоправимой ошибкой, которая, въ связи съ отказомъ дать дворянству «Конституцію», отбросила послѣднее въ лагерь идеальной интеллигентіи и это въ значительной мѣрѣ способствовало подготовкѣ революціи.

Далѣе авторъ подробно останавливается на эволюціи — со времени освобожденія крестьянъ и до послѣднихъ дней — трехъ нашихъ главныхъ общественныхъ классовъ: дворянства, крестьянства и интеллигентіи.

«Предвзятость и незрѣлость политической мысли, оторванность отъ жизни, непониманіе крестьянина, систематическая оппозиціонность, незнаніе истиннаго положенія вещей въ Россіи, отсутствіе чувства отвѣтственности передъ страной, застарѣлая привычка исканія популярности — вотъ что внесли наши дворянѣ — земцы въ новоиспеченный парламентъ» — такую рѣзкую оцѣнку даетъ авторъ дворянству.

Столь же нелестныя оцѣнки и для крестьянства: «некультурные, инертные, чуждые устоевъ собственности и ідей порядка, отчасти революционизированные»; и для интеллигентіи въ кавычкахъ (болѣе лѣвое и болѣе крайнее отвѣтственіе русской интеллигентіи въ широкомъ смыслѣ этого слова): слѣпые, фантастическіе мечтатели, во имя превратно понятыхъ ими ідей свободы и справедливости, мутившіе душу наивнаго крестьянина и съявишіе съмсна анархіи, грабежа и насилия.

Далѣе авторъ переходитъ ко второму вопросу: Что ждать отъ нашего будущаго?

Авторъ полагаетъ, что нашу современную интеллигентію въ ближайшемъ будущемъ ждетъ соціально-политическое увяданіе и умирание — во всякомъ случаѣ, для будущей Россіи, она или непригодна, или вредна; въ Россіи, несомнѣнно на царящій нынѣ большевизмъ, который рано или поздно падетъ, вслѣдствіе внутреннихъ и вѣнчихъ причинъ — неизбѣжно возстановленіе монархіи — монархіи абсолютной, но съ «торжественнымъ» при вступленіи на престолъ возвѣщеніемъ народа своей непреклонной, искренней и нелицемѣрной воли даровать народное представительство, какъ только позволять обстоятельства: «умиротвореніе страны, уясненіе ея положенія и наличіе общественныхъ элементовъ годныхъ для представительства».

Собственно говоря, основная мысль автора сводится въ этомъ послѣднемъ вопросѣ къ тремъ основнымъ факторамъ: «Царь, крестьянство и мыслящій руководящій классъ».

Несмотря на отсутствіе плана и исторіософской системы (въ чёмъ сознается и самъ авторъ) и мѣстами — трудное изложеніе, книга эта представляетъ несомнѣнныи интересъ съ точки зрѣнія и оріиниальности мыслей автора, и идеологическаго подхода къ будущему образу правленія въ Россіи, и ярко написанной картины этого будущаго — въ томъ видѣ, какъ она представляется автору...

А. С. Александровъ. Большевики, поднявшіе мечь, отъ меча должны и погибнуть. Парижъ. 1926 г.

Въ своемъ предисловіи авторъ откровенно заявляетъ, что его трудъ составленъ и издается исключительно въ цѣляхъ агитационныхъ — съ этой точки зрѣнія книга не оставляетъ желать ничего лучшаго...

Суть власти большевиковъ, соотношенія различныхъ группировокъ и лицъ изложены авторомъ съ полнымъ знаніемъ вопроса, а «эпизод крушения нарыва Троцкаго» читается съ особеннымъ интересомъ, при чёмъ нужно отмѣтить исключительное мастерство автора, съ которымъ онъ дѣлаетъ выводы въ назиданіе эмиграціи не только въ этомъ случаѣ, но и посвящаетъ ей особую главу съ тяжкими обвиненіями въ бездѣятельности, а это, по нынѣшнимъ временамъ, хотя и морально, но не проходитъ даромъ.

Авторъ, со свойственной ему прямотой, заявляетъ, что всѣ прогнозы эмиграціи, построенные на различныхъ фантастическихъ теоріяхъ, въ конечномъ итогѣ, могутъ привести къ гибели Национальной Россіи, распыленію эмиграціи и раздѣленію Россіи на «сферы вліянія».

Эмиграція бездѣйствуетъ, эмиграція живеть иллюзіями, эмиграція даже не понимаетъ разлагающаго вліянія этого бездѣйствія — нужно бросить тактику выжиданія и т. д. — нужна вооруженная борьба.

Все это вѣрно, все это до ужаса вѣрно — но гдѣ та сила, которая можетъ расшевелить нашу спящую старушку? Какой нуженъ языкъ, что бы заставить ее понять то, что понимаетъ каждый болѣющій за Россію?

О. М—я.

XI.
ПРИЛОЖЕНИЕ.

Илья Савченко

ВЪ КРАСНОМЪ СТАНѢ

Записки офицера.

ВЪ КРАСНОМЪ СТАНѢ.

Записки офицера.

Авторъ очерковъ «Въ красномъ станѣ», Илья Савченко — журналистъ, офицеръ. Въ февралѣ 1920 года, его, больного тифомъ, эвакуировали съ фронта въ Екатеринодаръ, который черезъ нѣсколько дній былъ оставленъ войсками Добровольческой Арміи, не успѣвшей вывезти своихъ больныхъ и раненыхъ. Въ числѣ многихъ тысячъ обреченныхъ на плѣнъ оказался и И. Савченко.

Этому плѣну И. Савченко посвятилъ первую часть своихъ очерковъ «Въ красномъ станѣ», которые были напечатаны въ журнале «Русская Мысль» (кн. VI-VIII и IX-XII). Въ рядѣ художественно изображенныхъ моментовъ авторъ рисуетъ картины лазаретной паники передъ сдачей города большевикамъ, самый актъ плѣна, встречи, впечатлѣнія, наблюденія, разговоры... Понемногу настѣняется мысль о восстаніи, создается заговорщицкій кругосвѣтъ — восстаніе при поддержкѣ нѣкоторыхъ красныхъ командировъ близко къ осуществленію и назначается на I-е мая. И вдругъ... все рухнуло!... Въ ночь на I-е мая участники заговора арестовываются, многіе изъ нихъ въ спѣшномъ порядке разстрѣливаются — автору съ большимъ трудомъ удается скрыться...

Начинается зѣрниная жизнь въ плавняхъ Кубани, где авторъ встрѣчается со многими офицерами — одиночками, такъ же какъ и онъ, не желавшими примириться съ советской властью. Молодежь принимается за работу: организуется разведка, распредѣляются роли — на долю автора выпадаетъ связьность проникнуть въ ряды красной арміи, что бы быть въ курсѣ ея плановъ и задачъ...

Очерки «Въ красномъ станѣ» обратили на себя вниманіе и зарубежной, и советской печати, удѣлившей этому «человѣческому документу» рядъ статей и замѣтокъ. Большой фельетонъ «Бѣлогвардейскія признанія» — съ подробными выдержками изъ очерковъ, былъ напечатанъ въ Екатеринодарской газете «Красная Кубань» (4-III-1924).

Высокія литературные качества очерковъ Ильи Савченко въ свое время отмѣтили А. Кизеветтеръ, Ю. Ахенальдъ и др.

Печатаемые въ настоящей книгу «Бѣлаго Архива» очерки «Въ красномъ станѣ» охватываютъ послѣдующій періодъ пребыванія автора среди большевиковъ — отъ момента проникновенія его въ красную армію и до бѣгства къ казакамъ, поднявшимъ восстаніе на Линейной Кубани.

Описаніе казачьяго восстанія — подъ заглавіемъ «Зеленая Кубань» — появилось въ IV и V книгахъ журнала «Голосъ минувшаго на чужой сторонѣ».

Перу автора принадлежитъ, кроме того, рядъ отдельныхъ очерковъ и рассказовъ, рисующихъ отдельные эпизоды и типы гражданской войны, какъ напр., «Полковникъ Шумайловъ», «Зеленые сказы», «Шрамъ», «Галлиполійское сидѣніе», книга на французскомъ языке «La guerre des verds sur les Monts du Caucase» и др.

Редакція.

I. КОНСПИРАТИВНАЯ ЗАДАЧА.

Добровольческая Армія въ марте 1920 года такъ спѣшило покинула Кубань, что даже не успѣла оставить секретнаго явочнаго пункта, куда бы мы, плѣнны, могли явиться за полученіемъ директивъ и указаний. А вѣдь въ плѣнъ сдано было нѣсколько десятковъ тысячъ бойцовъ...

Передъ этой громадой плѣнныхъ былъ жестокій выборъ: либо концентрационные лагери, либо вступленіе въ ряды красной арміи — ни то, ни другое большинству изъ насть не улыбалось.

... Стали организовываться тайные офицерскіе кружки, раскрывавшіеся, впрочемъ, большевиками черезъ нѣсколько дней постѣ ихъ образованія. Въ конспираціи мы были люди неопытные, да и предателей среди насть расплодилось не мало — на предательствѣ нѣкоторые дѣлали себѣ красную карьеру.

Кружокъ, къ которому я принадлежала, также вскорѣ былъ расшифрованъ и въ ночь на 1 мая 1920 года — день, на который мы организовали въ Екатеринодарѣ возстаніе, — большинство его дѣйствующихъ лицъ было арестовано и разстрѣляно *).

Осталось изъ этого кружка въ живыхъ нѣсколько человѣкъ. Кое-кто задержался въ Екатеринодарѣ, другіе перекочевали въ Майкопъ, Армавиръ, на Терекъ.

Послѣ первомайского разгрома, заговорщицкаго кружка у насть уже фактически не было, но «на всякий случай» мы учредили въ Екатеринодарѣ «адресъ», куда должны были время отъ времени заглядывать. Мы все еще надѣялись, что Добровольческое командование какъ нибудь догадается прислать на Кубань своихъ тайныхъ сотрудниковъ; пока же что рѣшили для этихъ будущихъ сотрудниковъ собирать материалъ.

Капитанъ Т. поѣхалъ на развѣдку въ Пятигорскъ. Тамъ у него были старыя связи и онъ надѣялся использовать ихъ.

Поручикъ П. переправился за Кубань, въ районъ линейныхъ станицъ, где «зеленые» уже имѣли нѣсколько отрядовъ и дрались съ большевиками; надо было держать съ ними связь.

Я долженъ быть по подложнымъ документамъ вступить въ красную армію...

Было еще нѣсколько своихъ людей — рѣшено было держать другъ съ другомъ связь... Плана никакого у насть не было — были лишь надежды.

Изъ разговоровъ съ плѣнными офицерами и казаками можно было сдѣлать выводъ, что никто изъ нихъ «всерѣзъ» не вѣрилъ въ продолжительность плѣнья. Всѣмъ казалось, что это только случайный эпизодъ, что вотъ-вотъ загремятъ подъ Екатеринодаромъ добровольческія пушки и дурной сонъ разсѣется...

2. «ЛИПА».

Изготовленный для меня общими усилиями документъ гласилъ, что я, имя рекъ, — начальникъ конно-развѣдочной команды 127-го полка, 14-й дивизіи. Этотъ полкъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, какъ, впрочемъ, и вся бригада, въ которую онъ входилъ, расформировалася въ Ростовѣ на Дону. Другой документъ гово-

*) См. обѣ этомъ «Русская Мысль», кн. VI-VIII.

риль, что я только что выписанъ изъ екатеринодарского лазарета, гдѣ находился въ излѣченіи отъ раны, полученной въ бою на Манычѣ. Третій документъ предписывалъ явиться въ распоряженіе екатеринодарскаго коменданта для направленія въ «свою часть».

Къ визиту въ комендантское управление надо было подготовиться. Прежде всего надлежало заглянуть въ «Устав Внутренней Службы Российской Рабоче-Крестьянской Арміи», чтобы не сдѣлать при представлении красному начальству чего нибудь «бѣлогвардейскаго».

Обзаведясь фуражкой съ красной звѣздой и соотвѣтствующей гимнастеркой, я пошелъ на розыски «Устава внутренней службы», который и пріобрѣлъ благополучно въ красноармейскомъ кооперативѣ. На изученіе устава пришлось истратить не больше двухъ часовъ, т.к. уставъ оказался переработкой, хорошо мнѣ знакомаго, старого Устава внутренней службы. Встрѣтились, впрочемъ, кое-какія нововведенія. Нашъ уставъ говорилъ о «начальникѣ» и «подчиненномъ», красный уставчикъ «начальника» замѣнилъ «руководителемъ», а «подчиненного» «руководимымъ». Руководитель — это образецъ «революціоннаго долга». Руководимый долженъ брать съ него «революціонный примѣръ». Такъ какъ чиновъ въ красной арміи нѣть — всѣ имѣются по должностямъ: тов.командиръ полка, тов. командающій арміей и т. д. Взамѣнъ погонъ, для отличія въ должностяхъ, введены нарукавные знаки. Знаки состоять изъ небольшихъ квадратиковъ — чѣмъ больше квадратиковъ и чѣмъ они крупнѣе по размѣрамъ, тѣмъ важнѣе персона товарища. Пришлось зазубрить скалу квадратиковъ, чтобы умѣть разбираться въ должностяхъ. Затѣмъ надо было запомнить цвѣта, ибо каждый родъ войска имѣеть свой цвѣтъ или, какъ говорятъ, «свой приборъ». Не лишие было узнать, что «радъ стараться» не принято въ красной арміи, и что на благодарность начальства надо отвѣтывать — «служу народу» или «служу революціи».

Одолѣвъ уставъ, можно было ити передъ очи, новаго для меня, краснаго начальства...

3. У КРАСНАГО КОМЕНДАНТА.

Въ комендантскомъ управлениі меня встрѣтилъ адъютантъ, пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ и, ознакомившись съ моими документами, заявилъ:

— Вашъ полкъ, товарищъ, расформировывается — въ общемъ вся бригада расформировывается... Всѣхъ чиновъ вашей бригады приказано направлять въ 3-ю стрѣликовую бригаду.

Это распоряженіе не было для меня новостью — меня интересовалъ вопросъ другой: всѣ ли чины «моей» бригады будутъ переведены въ 3-ю бригаду. Встрѣча со «своими» была, разумѣется, нежелательна. Я закинулъ по этому вопросу осторожную «удочку», на что получилъ успокоительный отвѣтъ: кадры «моей» бригады назначены на укомплектованіе одной изъ дивизій, стоящей въ Ростовѣ, въ 3-ю же бригаду назначаются выписывающіеся изъ лазаретовъ, отпускаемые и прочие случайные хвости, оказавшіеся на Кубани.

Получилъ предписаніе явиться къ мѣсту новой службы.

Зашелъ въ ближайшее кафе, чтобы написать рапортъ на имя командира 3-й стрѣликовой бригады о томъ, что прибылъ въ его распоряженіе. Пришлось три раза переписывать рапортъ: Б и Ъ все время предательски проскакивали на свои мѣста.

4. ВЪ ШТАБЪ З-Й СТРЪЛКОВОЙ БРИГАДЫ.

На трамваѣ добрался до штаба бригады. Начальникомъ штаба былъ бывшій штабс-капитанъ Тихоновъ. Представился ему. Онъ просмотрѣлъ комендантское предписаніе, пришипленное къ моему рапорту и пошелъ доложить обо мнѣ командиру бригады. У двери они встрѣтились — командиръ бригады, товарищъ Карлсонъ, входилъ какъ разъ въ кабинетъ.

— Вы бывшій офицеръ? — чуточку шепелявя , съ латышскимъ акцентомъ, обратился ко мнѣ Карлсонъ.

— Да.

— Давно въ красной армії?

— Съ 1918 года.

— Вашъ офицерскій чинъ?

— Поручикъ.

— Какъ въ поликахъ комсоставъ? — обратился онъ къ начальнику штаба.

— Полный штатъ, — отвѣтилъ Тихоновъ.

— А въ штабѣ?

— Свободно мѣсто сотрудника.

На рапортъ моемъ , въ углу, комбригъ крупнымъ почеркомъ выводить: «Приномандировать къ штабу сотрудниковъ».

Итакъ, я вошелъ въ красную армію...

Чтобы избѣжать излишнихъ разговоровъ и разспросовъ, разыгрываю бур-бона; со всѣми сухъ, чуточку грубовать; держусь офицерально.

Штабъ бригады состоять изъ начальника штаба , двухъ его помощниковъ — одного по оперативной части и одного по административной, двухъ сотрудниковъ, т. е. по нашему говоря, адъютантовъ и нѣсколькихъ писарей.

Оперативной работы, конечно, сейчасъ никакой нѣтъ — бригада отдыхаетъ послѣ боевъ. Кроме обычной переписки, штабъ приводить въ порядокъ списки личнаго состава полковъ, дописываетъ заднимъ числомъ приказы по бригадѣ, приводить въ порядокъ архивъ.

Чувствую себя все время напряженно. Слово «товарищъ» говорю, кажется, чаще, чѣмъ это нужно. Трудно очень съ новыми терминами. Всѣ эти «запекавдивы», «продикомы», «инспехармы», «иначнабриги», «иначвосо» — очень утомляютъ; а съ ними все время приходится имѣть дѣло — такова ужъ моя служба. Ошибиться въ терминѣ рисковано — могутъ взять подъ сомнѣніе: два года въ арміи и не знать, что такое «иначвосо» или «инспехармъ»...

Приходится пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы усвоить этотъ тарабарский языкъ, и долженъ отдать себѣ справедливость: успѣхи на этомъ фронте я дѣлала ощущительные.

— Завтра, товарищъ, комбригъ производитъ смотръ учебной команды 125-го полка — вы назначаетесь ассистентомъ...

Мнѣ предстояло записывать недочеты въ подготовкѣ учебной команды, дѣлая при этомъ ссылки на соответствующія статьи уставовъ. Цѣлые сутки я проводила за столкой красныхъ уставчиковъ; заучивать, впрочемъ, приходилось только измѣненія, такъ какъ старые уставы я зналъ довольно хорошо. Эта работа сошла вполнѣ благополучно и всѣ мои замѣчанія по поводу смотра полностью, безъ какихъ бы то ни было измѣненій, были приведены въ приказѣ по брига-

дѣ. Для «пущей важности» пришлось удариться въ революционную фразеологію и въ моихъ замѣткахъ значилось:

— Учебники-красноармейцы не отчетливо опредѣляли роль краснаго воина... Ни одинъ изъ опрошенныхъ красноармейцевъ не далъ уставного опредѣленія того, что называется краснымъ воиномъ и какова его роль въ русской и міровой революціи... На этотъ отдѣлъ обученія слѣдуетъ обратить особое вниманіе...

Карлсону мои замѣтки очень понравились и, какъ похвалу, онъ изрекъ:

— Васъ надо бы въ строй пустить... Что вамъ въ штабѣ киснуть... Отличный начальникъ учебной команды быть бы...

У меня же на счетъ штабного «киснутия» были свои особые планы...

Послѣ инспектированія учебной команды, на меня начальникъ штаба возложилъ сразу двѣ работы: 1) сдѣлать предметный справочникъ, выбравъ для этого изъ приказовъ на республикѣ, арміи, дивизіи и бригадѣ все необходимое для руководства и 2) привести въ порядокъ военный дневникъ бригады. Вторая работа была интереснѣе въ бытовомъ отношеніи, но непосредственнаго касательства къ моимъ конспиративнымъ заданіямъ не имѣла — это была уже история. За то цѣлый кладъ я нашелъ въ первомъ порученіи начальника штаба. Оно открывало мнѣ доступъ ко всѣмъ приказамъ, особенно къ приказамъ секретнаго характера, изъ которыхъ я получилъ богатый дислокационный и оперативный материалъ. Изъ приказовъ по Екатеринодарскому укрѣпленному району я зналъ теперь о группировкѣ красныхъ войскъ на зеленомъ фронѣ, ихъ численность, стоянки штабовъ, секторы развѣдокъ, общія оперативныя заданія и проч.

Я съ жадностью накинулся на изученіе приказовъ и очень скоро смогъ сообщить въ екатеринодарскій «адресъ» свѣдѣнія, которыя, въ свою очередь, пошли дальше по назначению...

5. ВЕЧЕРИНКА У КАРЛСОНА.

Нужно мнѣ было какъ то что то спросить у начальника штаба — звоню ему по телефону.

— Онъ у комбрига, — отвѣтилъ ординарецъ.

Звоню туда — къ телефону подходитъ самъ комбригъ.

— Разрѣшите, товарищъ комбригъ, просить къ телефону товарища начальника штаба.

— Срочное что нибудь?

— Нѣть, я хотѣлъ спросить о суточной рапортичкѣ въ штабѣ дивизіи.

— Берите вашу рапортичку и приходите ко мнѣ...

У Карлсона собралась небольшая компанія: Тихоновъ, начальникъ штаба дивизіи и начальникъ связи дивизіи. Когда я вошелъ къ Карлсону, всѣ встали. Карлсонъ представилъ меня. Онъ очень любезно усадилъ меня за столъ, обильно уставленный всевозможными бутылками и закусками. Всѣ были уже «на вѣводѣ».

— Вы, конечно, бывшій офицеръ, — сразу же замѣтилъ начальникъ штаба дивизіи. — Это, впрочемъ, видно и безъ вопроса. А вѣдь, господа, на насть печать лежитъ... Ей Богу, печать!

— Во-первыхъ, не «господа», — началь было Карлсонъ, но начальникъ штаба дивизіи сейчасъ же его остановилъ:

— И во-первыхъ, и во-вторыхъ, и въ десятыхъ между собою мы — «господа»,

а «товариши»... — онъ сдѣлалъ гримасу пренебреженія, — это для простаго народа...

Карлсонъ шутливо возражалъ:

— Какъ коммунистъ...

— Иди ты къ черту съ твоимъ коммунизмомъ. Мы люди беспартійные, а коммунизмъ это тоже для простаго народа... Ну вамъ, ваше высокородіе, нужно догонять. Ваше имя — отчество? Мое — Николай Викторовичъ. Старый измайлопецъ, чортъ меня подери!

Налили мнѣ рюмку.

— Вы мнѣ очень нравитесь, — не унимался подвыпившій начальникъ штаба дивизіи, игравшій въ этой компаніи первую скрипку, какъ старшій по должностіи, — за что бы вы хотѣли выпить?...

Наштадивъ держалъ свою рюмку противъ моей и ждалъ.

— Это, господа — товарищи, очень интересно. Всѣ мы знаемъ другъ друга и я, напримѣръ, знаю за что готовъ выпить ты, Карлсонъ. Ты, конечно, за лучшій коммунизмъ (онъ произнесъ это подъ латышскій акцентъ), ты, Васька, за неизмѣнныхъ «милыхъ женщинъ», прекрасныхъ женщинъ». Тихоновъ шептъ молча и упрямо; его тостъ всегда одинаковъ: «шобъ не було! Я знаю всѣхъ васъ насквозь, съ головы до ногъ и съ ногъ до головы, — а это новый человѣкъ: homo novus. Итакъ, ждемъ!

Пришлось сказать нѣсколько словъ подъ тонь пьянной компаніи. Говорилъ я что то о «радугѣ жизни», о «сложномъ комплексѣ», имя которому человѣкъ и еще что то нарочито сумбурное и неясное.

— Попробуемъ выпить за радугу жизни!

Выпили. Пили еще много.

Васька, начальникъ связи штадива, послѣ какой то рюмки водки, даже сказалъ:

— Нашего брата въ арміи терпать, но не любить, а все же мы — мы... Безъ насъ тю-тио Ильичъ съ Лейбушкой... Мы мозгъ, мы — сила... Мы, чортъ возьми, въ концѣ концовъ, все...

Карлсонъ пытался замять щекотливую тему, но разговоръ продолжалъ вертѣться вокругъ офицерства.

— Ну возьмите нашего Володина*)... Париумахеръ командуетъ арміей... И командуетъ... Здорово командуетъ... Париумахеръ быть генераловъ, собаку съѣвшихъ по военной части. А развѣ это парижмахеръ Володинъ ихъ быть? Бьемъ мы... Не будь у Володина нашего брата, кадроваго офицера, онъ узъ альбы вмѣстѣ съ Троцкимъ, что значитъ стричь подъ бобрикъ.. Есть фаршированную щуку и командовать арміей, господа, это не совсѣмъ одно и тоже! — начальникъ штаба дивизіи при этомъ тонко защелкалъ широрами подъ столомъ. — Да-сь, не одно и тоже...

— Володинъ — это дрянь. Такъ, высокочна; если бы не его свизъ съ Кремлемъ дальше комбата**) не пошелъ бы. Вотъ Степинъ***)... Да, это молодчага! — замѣтилъ начальникъ связи дивизіи.

— Сказалъ тоже, — подернулъ плечами начальникъ штаба дивизіи. — Степинъ кадровый офицеръ. Это фигура!

*) Бывшій Командующій IX Кубанской Арміей.

**) Командиръ баталіона.

***) Командующій IX Арміей послѣ Володина.

— Большая фигура, — согласился Карлсонъ. — Онъ меня однъ разъ такъ подтянулся по телефону, что и сейчас еще поджилки трясутся, когда вспоминаю. Степинъ большой человѣкъ — жаль покойника. Безъ него IX армія осиротѣла. Левандовский*) — это не то...

— Ну, не скажи, — вступилъ за Левандовскаго начальникъ штаба дивизіи. — Нѣть, господа, старое офицерство лицомъ въ грязь не ударяетъ. Это говорю вамъ я, старый измайловецъ! Вы посмотрите, какъ Левандовский докладъ принимаетъ. Какъ будто онъ родился командармомъ! А выѣзжъ его.. видѣли? Такъ ъѣздили когда то только старые командиры... Да и то давно уже такъ не ъѣздили...

— Старая армія умираетъ, но не сдается! — рявкнулъ совсѣмъ охмѣлѣвшій начальникъ связи.

Когда входилъ вѣстовой Карлсона съ новой бутылкой вина или съ какой-нибудь другой сѣдью, разговоръ прерывался. Вѣстового стеснялись, да и не безопасно было — вся эта офицерская компания черезъ часъ могла очутиться въ чрезвычайкѣ.

— Такъ говорите, бригаду расформировываютъ? — спросилъ Тихоновъ, возвращаясь къ разговору, который былъ, повидимому, до моего прихода.

— Да, командармъ опредѣленно обѣ этомъ сказалъ.

— Неужели это все изъ-за Дейбнера?

— Исключительно.

— Но это неизѣроятно! Я Дейбнера знаю во-кань! Какой тамъ, къ черту, оицъ контэр-революціонеръ... Его къ красной звѣздѣ за Манычскіе бои представляли, — сказала Карлсонъ.

— Ты коммунистъ, атtestуй его, поручись головой, что онъ не при чемъ во всей этой исторіи.

А дѣло было вотъ въ чемъ: Дейбнеръ, бывшій штабс-капитанъ, командиръ 125-го полка, считался однимъ изъ лучшихъ командировъ. Успѣхъ Манычской операции въ значительной степени обязанъ его инициативѣ, находчивости, личности и умѣнію ориентироваться въ боевой обстановкѣ. Въ апрѣль 1920 года къ нему въ полкъ поступило нѣсколько плѣнныхъ офицеровъ, назначенныхъ въ полкъ съ соблюдениемъ всѣхъ правилъ. Лишь одного офицера, полковника, Дейбнеръ принялъ въ полкъ на свой страхъ и рискъ, какъ добровольца, минуя всѣ высшія инстанціи, куда онъ только донесъ о фактѣ приема офицера-добровольца. Комиссаръ полка зналъ обѣ этомъ и санкционировалъ приказъ о зачисленіи. Когда екатеринодарская чрезвычайка раскрыла офицерскій первомайскій заговоръ, добралась она и до полковника-добровольца. Установлено было его знакомство съ нѣкоторыми участниками заговора. Дейбнеръ сейчасъ же былъ арестованъ. Въ другихъ полкахъ бригады тоже нашли офицеровъ, изъ числа плѣнныхъ, которыхъ че-на сопричислили къ заговору. Бригада была объявлена ненадежной и командармъ приказалъ расформировать ее.

— Жаль бригаду!.. Боевая бригада, старая... — сощрушился Карлсонъ.

— Получишь другую... Это я тебѣ обѣщаю... Разговоры по этому поводу уже были... Все пока благополучно, — успокаивалъ начальникъ штаба дивизіи.

— И вы, — обратился онъ къ Тихонову, — получете штаббригъ, и вы, — обратиль онъ ко мнѣ свои взоры... — Хотите ко мнѣ адъютантомъ? Мы съ вами, я вижу, уживаемся... Выпьемъ, господа! Къ черту всякая формированія и расфор-

*) Левандовский — Командующій IX Арміей послѣ Степина.

мирования. Давайте кутнемъ сегодня по хорошему, по настоящему. Звони, Васька, въ штабъ, что бы подали мой «Бенцъ». Кутимъ сегодня!

Я попробовалъ было воспользоваться оживлениемъ компаніи и уйти восвояси, но не удалось.

— Э, батенька, нѣть! Дудки-съ! Пожалуйте съ нами.. Такого шампанского вы давно уже не пили. А какія будуть женщины!...

Черезъ двадцать минутъ мы сидѣли уже въ штабномъ «Бенцѣ» и безшумно мчались по затихшимъ улицамъ засыпавшаго Екатеринодара.

Красная улица... Машина остановилась у какого то парадного подъѣзда. Шоферъ, видимо, возилъ сюда не разъ своего барина. По мраморной лѣстницѣ, устланной бархатной дорожкой, поднялись во второй этажъ.

— Радъ, очень радъ вѣсть видѣть, господа... Милости прошу, — встрѣчалъ насъ хозяинъ квартиры, солидный человѣкъ лѣтъ сорока пяти, одѣтый въ безукоризненную визитку, полосатыя брюки со свѣжей складкой и лакированные ботинки. Въ его акцентѣ слышалось что то не русское: это былъ или грекъ, или еврей.

Прошли въ гостиную. Хозяинъ гостепріимно сутился и заботливо усаджалъ насъ у круглого стола, подвигая каждому удобное кресло съ подлокотниками.

Лакей принесъ серебряное ведерко съ замороженнымъ «Мумомъ». Появился жареный миндаль, ваза съ фруктами.

— Сейчасъ пріѣдутъ такія то и такія то, — называлъ хозяинъ квартиры имена незнакомыхъ мнѣ лицъ.

Тихоновъ шепнулъ мнѣ:

— Собираются екатеринодарскіе миллионеры... Шампанскимъ и шмевъ-де-феромъ они откупаются отъ реквизицій...

Гостиная становилась все людѣе и люднѣе. Пріѣхали тузы. Пріѣхали сотрудники Кубанскаго Особаго Отдѣла... Появились женщины...

Лакеи раскинули карточные столики. Началась игра. Тузы проигрывали. Не знаю, почему это считалось легче, чѣмъ просто дать взятку... Суммы проигравшихъ были очень велики. Большевики здѣсь снимали обильную жатву.

6. МОЙ СОЖИТЕЛЬ ПО КВАРТИРѦ.

Въ бытность мою при штабѣ 3-й бригады жилъ я въ реквизированной комнатѣ вмѣстѣ съ писаремъ изъ штаба. Это, правильнѣе сказать, былъ не писарь, а нѣчто вродѣ дѣлопроизводителя. Человѣкъ былъ занятный. Политически онъ былъ беззвѣтъ, но душою—типичный большевикъ. Ничего святого у этого человѣка не было — никакихъ принциповъ: жуликъ и авантюристъ чистѣйшей воды. Ко всему этому, онъ еще былъ нарядкость словоохотливый малый. Москвичъ. Въ большевицкихъ водахъ плаваетъ съ первыхъ октябрьскихъ дней.

Мой сожитель, видимо, питалъ ко мнѣ какое то исключительное довѣріе, ибо онъ дѣлился со мною своими похожденіями по Р. С. Ф. С. Р. такъ откровенно, что я порою думалъ, ужъ не издѣвается ли онъ надъ мою способностью слушать его «тысячу и одну ночь».

— Хорошая штука наша Совѣтросія, — помню философствовалъ онъ какъ то за чаемъ. — Будь только съ головой, а остальное все къ твоимъ услугамъ... Въ началѣ революціи былъ я въ Москвѣ... Ну, конечно, первымъ дѣломъ надо

было въ начальство выйти. Туда сюда сходилъ, кое съ кѣмъ поговорилъ. Въ одинъ день все обтяпалъ и предписаніе получить: принять комиссаріатъ участка. Ну, разумѣется, по Сенъѣ и шапку давай — реквизиціуль особнячекъ для себя. До-минъ выбралъ себѣ на ять. Сами понимаете, что въ своемъ участкѣ — своя рука владыка: семь комнатъ, ковры, рояли, картины... Вѣхалъ. Вѣхать то вѣхалъ, да самъ я одинъ въ семи комнатахъ — это тоже не модель. Рѣшилъ себѣ мадаму взять. Бабу раздобыть такую, что на всей Москвѣ не сыскать. Ну, а разъ мадама — значить надо было фасонъ держать. Бриллантовъ этихъ, шелку да жемчугъ доставалъ я ей сколько душенькѣ ея хотѣлось. Ордеръ, обыскъ и — дѣло въ шляпѣ! Брать то было у юго... Поваръ былъ у меня — отмѣнній поварь. Кормилъ онъ меня и мою мадаму такими гастрономіями, что и не выговорить: что не названіе, то три зтажа. Жилось, однимъ словомъ, хорошо. Денегъ было—сколько хотѣль. Да поймался по пустяшному дѣлу: реквизиціуль не въ своемъ участкѣ. Споръ начался, дѣло всерьезъ пошло. Пришлось по-добру, по-здраво-ву драпать...

Поколесиль я малость, да и поступиль въ правозаступники... Заявиль себя адвокатомъ. По тѣмъ временамъ — это было хлѣбное дѣло. Вообще времена были хорошія!... Назначили меня въ революціонный трибуналъ въ Ярославль. Три дѣла я тамъ только и провелъ. Малость подработалъ. Милліонера, одного пароходчика, выкручивать — тутъ изрядно я взялъ. Пополамъ мы его капитанецъ честно подѣлили, при чемъ бумажки были не въ счетъ — расчетъ вели на золото. И золотомъ я отъ него получилъ, какъ одну копѣйку, 60.000 цѣлначей — монетка какъ никакъ!... Н-да... Да только скоро юриспруденція моя сорвалась. Доискались, что я не адвокатъ и что по этой части маракую мало. Хотѣли было подъ судъ отдать, да все сошло благополучно. Замяли дѣло. Кончилось все это тѣмъ, что меня перевели въ красную армію — въ строй. Ну-съ, это дудки!... Сталь ловчиться. Около мѣсяца проторчать въ полку, а потомъ и тиснуль рапортъ: такъ моль и такъ, я — студентъ-медикъ и хочу быть переведеннымъ изъ строя на лѣкарскую должность. Лѣкаря въ тѣ поры хорошо зарабаты-вали: марфій, коканиччикъ, спиртага, то, другое, десятъ е — глядишь и есть дѣтишкамъ на молочишко. Дѣло выгорѣло — назначили лѣкаремъ въ запасный полкъ. Все было хорошо, пока рецептовъ писать не пришлось, а случай подоспѣлъ — вlopался, конечно. По латински то я ни гу-гу. Кокайнъ и спиртъ — это я научился по аптечному выводить, ну, а разныя тамъ мурренныя вепци — ша-башъ... Хорошія были времена!.. А сейчасъ могила... Вотъ и копчу штабное небо. Ни Богу свѣтчику, ни чорту кочережка...

Первое время мнѣ казалось, что это мой наблюдатель. Я зналъ, что у красныхъ контръ-развѣдка поставлена блестяще. За каждымъ мало-мальски по-дозрительнымъ человѣкомъ непремѣнно слѣдить кто нибудь изъ специальнно поставленныхъ людей — это цѣлая система ссыска. Ко мнѣ приставить для наблюденія члена комячайки моей части, за нимъ слѣдить кто нибудь по назначению Особаго отдѣла, а за этимъ наблюдателемъ имѣть глазъ секретный агентъ Псарма, находящійся непремѣнно въ каждой полку или батареѣ. Каждая воїйская часть имѣетъ сыщика ЦИКа, а за нимъ слѣдить человѣкъ изъ Совѣта Обороны Республики. Кромѣ этого хвоста наблюдателей отъ учреждений, имѣются личные агенты Ленина и Троцкаго, со специальными мандатами, имѣющими магическую силу.

Я долго присматривалъ и наблюдалъ моего сожителя. И рѣшилъ, что врядъ-и онъ быть изъ наблюдающихъ за мной. Больше того: какъ «свой человѣкъ»

онъ раскрылъ мнѣ штабную тайну, о которой случайно узналъ отъ друзей изъ штабной комачайки — для наблюденія за мной приставленъ одинъ изъ писарей штаба. Дѣйствительно, я только послѣ этого сталъ понимать, почему я такъ часто въсюду сталкивался со своей «тѣнью». До разсказа моего сожителя, я какъ то не обращалъ на это никакого вниманія.

7. РАСФОРМИРОВАНІЕ «МОЕЙ» БРИГАДЫ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пьяной вечеринки у Карлсона, я получилъ предписаніе отправиться въ распоряженіе предсѣдателя Армейской ликвидационной комиссіи, которая приступила уже къ расформированию опальной бригады Карлсона. Въ комиссіи я получила мѣсто секретаря и, въ значительной мѣрѣ, моими трудами дѣло ликвидации бригады было доведено до благополучнаго конца, за что я получила даже особую письменную благодарность отъ предсѣдателя комиссіи. Комиссія эта была создана ad hoc и потому, какъ только работа ея была закончена, всѣ участники комиссіи возвращались къ прямымъ своимъ обязанностямъ. Исключениемъ былъ только я, т. к. у меня не было уже своей части. Предсѣдатель комиссіи далъ мнѣ предписаніе явиться въ распоряженіе инспектора пѣхоты IX арміи.

Расформированіе бригады для меня было какъ нельзя болѣе кстати. Съ ея расформированіемъ я приобрѣталь уже нѣкоторую «легальность», т. к. у меня оказывалось не только «маргариновое» прошлое: я получаль на руки настоящіе, а не «липовые» документы.

Въ инспекціи мнѣ объявили, что я назначаюсь въ обозъ 14-ї дивизіи — шло какъ разъ его пополненіе.

Пребываніе въ обозѣ не входило въ мои планы — я запротестовалъ.

— Я кавалеристъ... Согласно такого то приказа по арміи я долженъ быть направленъ по роду оружія... Кромѣ того, я строевикъ и служить вѣ строя не согласенъ...

— Все это такъ, но и въ обозѣ требуется комсоставъ.

Возникъ споръ — впрочемъ, мнѣ скоро уступили въ моихъ кавалерійскихъ домогательствахъ и черезъ полчаса у меня уже было предписаніе явиться по роду оружія — къ Инспектору кавалеріи IX арміи.

8. ВЪ ИНСПЕКЦІІ КАВАЛЕРІИ.

Въ инспекціи кавалеріи меня встрѣтили очень любезно, «по кавалерійски», и сейчасъ же предложили заполнить анкетный листъ, гдѣ нужно было указать прохожденіе службы въ рядахъ красной арміи, службу въ царской арміи, службу у бѣлыхъ, какую должность хотѣль бы занять въ кавалеріи, принадлежали къ компартии. Я показалъ, что у бѣлыхъ не служилъ и хотѣль бы занять штабную должность.

Начальникъ канцеляріи — бывшій прапорщикъ запаса кавалеріи, а до войны судебный слѣдователь, тов. Чубиновъ — сейчасъ же доложилъ обо мнѣ инспектору кавалеріи.

Долго ждать пріема не пришлось. Черезъ двѣ минуты Чубиновъ вышелъ и пригласилъ меня въ кабинетъ къ инспектору.

Вхожу. Великолѣпный дубовый письменный столъ. Глубокія кожаныя крѣ-

сла. За столомъ съ чувствомъ собственного достоинства возсѣдаетъ инкавъ*) тов. Михаиль Чувелевъ, бывшій комм-вояжеръ какой то еврейской фирмы въ Польшѣ. Справа, за маленькимъ столомъ — его помощникъ, породистый Коршъ, бывшій гвардій полковникъ.

Представляюсь. Чувелевъ держитъ себя сверхъ-генераломъ. Молча выслушиваетъ мой рапортъ, руки не подаетъ. Коршу отвѣшиваю поклонъ — этоѣ спускается съ начальственныхъ высотъ и протягиваетъ мнѣ выхоленную руку.

— Какую должность вы хотѣли бы получить? — спросилъ Чувелевъ, разсматривая мою анкету.

— Я хотѣль бы нести штабную службу.

— Почему именно штабную?

— Минъ думается, что въ штабной работе я буду болѣе полезенъ, чѣмъ въ строю. У меня есть нѣкоторый штабной стажъ... правда, по старой арміи...

— А въ какомъ вы чинѣ? Да, поручикъ... Каковъ же вашъ штабный стажъ?

— Въ старой арміи я былъ полковымъ адъютантомъ, работалъ одно время въ оперативной части штаба дивизіи.

— Что-жъ, проэкзаменуйте товарища, — обратился Чувелевъ къ Коршу, — пригласите въ комиссию... онъ назвалъ незнакомую мнѣ фамилію кого то изъ сотрудниковъ инспекціи кавалеріи.

Тутъ же въ кабинетѣ я подвергся экзамену въ комиссіи изъ трехъ — Чувелева, Корша и какого то усатаго «товарища», несомнѣнно изъ старыхъ ротмистровъ, прокомандовавшаго эскадрономъ лѣтъ пятнадцать. Экзаменовать меня, собственно, одинъ Коршъ; Чувелевъ просматривалъ во время испытанія какія то бумаги на свое мѣсто и накладывалъ на нихъ резолюціи, слушая однѣмъ лишь ухомъ мои отвѣты; усатый ротмистръ внимательно курилъ и читалъ газету, изрѣдка посматривая на меня изъ подлобья. Коршъ развернулъ на столѣ карту — двухверстку, положилъ компасъ, бумагу, карандашъ.

— Представьте себѣ, что вы начальникъ штаба конной бригады. У васъ три кавалерійскихъ полка, квартирующихъ въ станицахъ Елизаветинской и Ново-Тигаровской, — онъ показалъ на картѣ эти станицы. — Въ станицѣ Елизаветинской стоять два вашихъ полка, въ станицѣ Ново-Тигаровской — одинъ. Штаббригъ квартируетъ въ Елизаветинской. Противникъ, силы до бригады пѣхоты, въ станицахъ такихъ и такихъ то. Отдайте въ письменномъ видѣ приказъ о сторожевомъ охраненіи и развѣдкѣ.

Я задалъ нѣсколько вопросовъ — о томъ, есть ли у меня артилерія и гдѣ она квартируетъ, о сосѣдяхъ справа и слѣва, обѣй общей ситуациіи на фронтѣ, въ который входитъ мой сторожевой участокъ, послѣ боя ли бригада моя расквартирована, или до боя и проч.

— Отлично... Вопросы ваши существенны.

Онъ внесъ добавленія въ свою задачу и я набросалъ приказъ по бригадѣ о сторожевомъ охраненіи. Приказовъ такихъ за свою службу я писалъ уже не мало*), и потому задача эта была мнѣ по силамъ.

Коршъ взялъ мой приказъ и сталъ провѣрять мои заданія полкамъ по картѣ. Усатый ротмистръ отложилъ свою газету и тоже наклонился надъ картой.

*) Инкавъ-инспекторъ кавалеріи.

*) Я лѣва года былъ старшимъ оперативнымъ адъютантомъ штаба 4-ї Донской конной дивизіи.

— Вотъ вы приказали вести бригадную развѣдку, — сказалъ усатый ротмистръ, — на это дѣло вы ухлопали въ общей сложности два эскадрона — такъ?

— Такъ.

— Ну вотъ. Да два эскадрона разсыпаны вами на сторожевику. Не слишкомъ ли это большой расходъ для бригады?...

Надо было защищаться.

— Очень трудно, товарищъ, рѣшить тактическую задачу такъ, что бы не встрѣтить еще и другого возможнаго рѣшенія. Кромѣ того, всякое рѣшеніе всегда индивидуально. Каждый, разрабатывающій ту или иную задачу, всегда дѣлаетъ удареніе на что то свое. Но въ защиту моего рѣшенія разрѣшите привести слѣдующія соображенія: своей развѣдкѣ я поставилъ двѣ задачи: а) развѣдывать противника съ боемъ и б) если удастся вытѣснить его изъ занимаемыхъ имъ станицъ, то удержать за собою взятыя станицы, т. н. бригада съ разсѣтостью все равно должна начать наступленіе на расположение противника. Вотъ почему я мою развѣдку сдѣлалъ нѣсколько больше уставной. Моя развѣдка — это въ то же время мой боевой авангардъ. Охрану я тоже усилилъ, т. н. противъ меня стоить пѣхота и мѣстность къ тому же очень пересѣченная.

— А какова уставная норма высылки развѣдывателей? — спросилъ Коршъ.
Я отвѣтилъ.

— Правильно. Приказъ вашъ вполнѣ удовлетворителенъ. У васъ есть личный опытъ. Какъ находите вы, товарищъ инспекторъ?

— Да, да, конечно.

Усатый ротмистръ, въ отвѣтъ на вопросъ Корша, кратко отвѣтилъ:

— Годень.

Но Чувелевъ все же не удовлетворился экзаменомъ «по штабистикѣ».

— Проэкзаменуйте товарища и по строю.

Начался экзаменъ съ эскадроннаго ученія. Вмѣсто взводовъ — спички. Начальники — спичечные головки. Эскадронное ученіе я зналъ и потому всѣ построенія исполнилъ правильно, и правильно подальше всѣ нужныя команды. Но когда Коршъ наломалъ спичекъ на цѣлый полкъ и вытянулъ его въ резервную колонну, пришлось признаться, что къ полковому ученію я не подготовленъ.

— Я полкомъ, товарищъ, никогда не командовалъ... Я знаю только эскадронное мѣсто въ полковомъ ученіи, да и то, пожалуй, теперь уже забылъ и это...

— А вотъ попробуемъ... Авось... Двойную колонну полка изъ резервнаго порядка можете построить?... Подайте команду и покажите какъ она исполняется эскадронами.

Построеніе это было не изъ трудныхъ и я припомнилъ и команду, и исполненіе ея.

— Что-жъ, отлично... Все по уставу...

Коршъ задалъ еще нѣсколько простыхъ построеній — сдѣлалъ и ихъ.

Экзаменъ кончился. Чувелевъ предложилъ подсесть къ его столу.

— Экзаменъ вы сдали и на начальника штаба бригады, и на командира полка. Я васъ все таки хочу назначить въ строй и именно въ запасный дивизионъ арміи. Тамъ 12 эскадроновъ и надѣю ними нуженъ опытный глазъ. Дивизиономъ командуетъ тов. Понамаревъ, но онъ не кавалеристъ, дѣло это знаетъ слабо и дивизиону вы будете очень полезны. Тамъ есть где показать себя. Запасная часть, маршевые эскадроны для всей IX арміи — это видная работа. Поработайте сначала

ла тамъ, а штабная работа отъ васъ не уйдетъ. Да и нѣтъ сейчасъ вакансій. Я васъ въ одномъ могу завѣрить: я буду имѣть васъ въ виду.

Я не сталъ возражать. Въ конечномъ итогѣ я получалъ назначеніе выгодное для моихъ цѣлей: съ маршевыми эскадронами можно было разсыпать по всей кавалеріи IX арміи своихъ людей. Это позволило бы наладить связь, а такъ какъ въ запасномъ понамаревскомъ дивизіонѣ, по моему свѣдѣніямъ, было много плѣнныхъ офицеровъ и казаковъ, новое мое назначеніе неожиданно открывало предо мною новые возможности...

9. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОВОМУ НАЧАЛЬСТВУ.

Въ тотъ же день я отправился въ слободу Дубинку, находящуюсъ въ четырехъ верстахъ отъ Екатеринодара, чтобы представиться товарищу Понамареву — моему новому начальнику.

Понамаревъ принялъ меня болѣе чѣмъ любезно и выразилъ живѣйшую радость, что, наконецъ то, онъ получилъ помощника-строевика.

— Тяжело одному, — жаловался онъ на свою судьбу, — я и командиръ, я и комиссаръ дивизіона — работы по уши. Ну-съ, а теперь мы раздѣлимъ трудъ. Да и, между нами говоря, я не кавалеристъ настоящій. Былъ двадцать лѣтъ тому назадъ вольноопредѣляющимся въ кавалерійскомъ полку, но это, сами знаете, одно, а командовать 12 эскадронами — другое. Вести занятія я не могу. Эскадронные командиры мои — тоже не спцы. Есть одинъ, бывшій офицеръ, но лодырь такой, что его не расшевелишь... Вотъ вы и беритесь за это дѣло. Дѣйствуйте моимъ именемъ. На меня всегда можете разсчитывать...

Кириллъ Федоровичъ Понамаревъ былъ выше-среднаго роста, статень и, видимо, очень стѣдиль за своею внѣшностью. Это не былъ «баринъ», но онъ держалъ себя «подъ барыша». Усы и бороду онъ брилъ. Въ немъ было что то артистическое — посѣдѣвшая густая шевелюра, большиe выразительные глаза... Въ 1905 году онъ отбывалъ воинскую повинность въ какомъ то кавалерійскомъ полку — въ какомъ это было туманно. Одинъ разъ онъ оказывался въ гусарахъ, другой — въ кирасирахъ. Въ повѣствованіяхъ своихъ Понамаревъ былъ недостаточно твердъ. Говорить, что служилъ вольноопредѣляющимся. Во время октябрьскихъ дней первой революціи участвовалъ въ беспорядкахъ, былъ преданъ суду, осужденъ на каторгу, но благополучно бѣжалъ за-границу. Эмигрантомъ кочевалъ по Германіи, Швейцаріи, Франціи и Италии. Въ Россію вернулся въ «запломбированномъ вагонѣ» вмѣстѣ съ Ленинымъ и Троцкимъ, съ которыми былъ, по его словамъ, друженъ. По всему было видно, что онъ не имѣлъ среднаго образования, хотя и говорилъ, что сейчасъ же по окончаніи гимназіи поступитъ въ полкъ, что бы отдѣлаться отъ воинской повинности. Жизнь за-границей, знакомство съ языками и эмигрантская кружковщина развили его. Онъ не мало прочелъ на своемъ вѣку брошюръ, умѣлъ показать свой товаръ лицомъ, temperamentно, съ огонькомъ могъ произносить на митингахъ рѣчи. Красноармейцы, видя его солидность и внѣшнюю строгость, поговаривали, что Понамаревъ — бывшій полковникъ...

Прощаясь съ моимъ командиромъ, я попросилъ разрѣшеніе взять верховую лошадь, чтобы сѣздили въ городъ, и бричку для перевозки своего багажа въ дивизіонъ. Багажъ этотъ былъ не сложенъ: постель да чемоданъ — но все же багажъ.

10. МОЙ ВЪСТОВОЙ.

Понамаревъ рѣшилъ сразу поставить мое пребываніе въ дивизіонѣ на со-
лидную ногу и заговорилъ о томъ, что мнѣ надо подыскать хорошаго вѣстового.

— Вы какъ на счетъ плѣнныхъ? Наши красноармѣйцы немногого того, рас-
пущены, а плѣнныя, пока обживутся, будуть ручнѣе.

— Минѣ все равно — плѣнныи или красноармѣецъ... Лишь бы любить ло-
шадь, да ухаживаль за ней.

Пока Понамаревъ потчевалъ меня чаемъ съ вишневымъ вареньемъ, его вѣ-
стовой сходилъ съ понамаревской запиской въ эскадронъ, гдѣ поѣздали для ме-
ни лошадь и назначили вѣстового.

Едучи въ городъ, разсматриваю своего вѣстового.

— Казакъ?

Это, впрочемъ, можно было и не спрашивать. Несомнѣнно мой вѣстовой
былъ казакъ, чистокровнѣйшій донецъ. На нихъ вѣдь печать казачья лежитъ
такая, что не ошибешься.

— Такъ точно — донецъ...

— Какого полка былъ?

— 26-го коннаго...

Я взглянулъ пристальнѣ на казака. Вѣдь 26-й конный полкъ — мой
полкъ... Въ этомъ полку я началъ свою службу въ Донской Арміи, въ этомъ
полку въ 1918 году былъ раненъ...

Казакъ продолжалъ:

— Насъ тутъ въ дивизіонѣ сотни двѣ будеть... Я васъ сразу призналь...
А полковнику Маноцкову*) ногу отрѣзали. Слыхали?

— Вотъ что, станица, это, конечно, хорошо, что у меня подъ рукой будетъ
своихъ людей двѣ сотни. Люди вы все вѣрные... Но только никому ни гу-гу,
что я плѣнныи... Понимаешь? И казакамъ нашимъ скажи, чтобы молчокъ былъ.
Я тутъ тайкомъ у красныхъ и дѣлаю видъ, что у бѣлыхъ никогда не былъ — по-
нимашь?

— Про это не извольте беспокоиться, господинъ есаулъ... Дѣло тутъ сурь-
езное... Мы и сами готоримъ, что надо восстаніе поднимать... Слыханное ли
дѣло... Почитай тридцать тысячъ казаковъ въ плѣну... Да мы тутъ, ежели съ
умомъ, все вверхъ дномъ могимъ перевернуть...

— Вотъ и будемъ мара��ать на этотъ счетъ. Надо только другъ за дружки
держаться, да изыскъ за зубами хорошо до поры до времени держать...

— Это уже будьте покойны... Съ нами тутъ и есауль Пъ... Онъ не открылся,
что офицерь, и красноармѣйцемъ простымъ въ строй пошелъ... А на счетъ
секрету будьте покойны. У казаковъ выдачи нѣту. Не сумлѣвайтесь **)...

11. ВЪ ДИВИЗІОНЪ.

Съ Понамаревымъ у меня сразу же наладились наилучшія отношенія. Стро-
евымъ хозяиномъ дивизіона былъ я. Всѣ мои требованія, вплоть до внутренне-
го распорядка дивизіона — компетенція, къ слову сказать, комиссара части

*) Командиръ 26-го Донского коннаго полка.

**) Упоминаю о своемъ вѣстовомъ такъ откровенно, ибо онъ бѣжалъ
отъ красныхъ и находится вѣнѣ ихъ досягаемости.

— безпрекословно исполнялись Понамаревымъ. Онъ былъ несказано радъ, что могъ сбросить съ себя непосильную строевую обузу.

До меня эскадроны почти ничѣмъ строевымъ не занимались, такъ какъ Понамаревъ не могъ организовать строевую работу, а командиры эскадроновъ тоже предпочитали службу въ дивизіонѣ превратить въ лѣтній отдыkhъ послѣ долгой боевой страды. Если же когда — никогда эскадроны выѣзжали на проѣздку лошадей, — это ужъ, хочешь не хочешь, приходилось дѣлать, что бы не погубить конскій составъ, — то дѣлалось это такъ распущенено, хулигански, что эскадроны походили не на воинскую часть, а на толпу базарныхъ цыганъ. Одни ъѣхали на поѣзданныхъ лошадяхъ, другіе даже поѣздали не потрудились... Курили, разговаривали... Ъехали кто какъ хотѣлъ и умѣль.

При мнѣ началась «каторга» для дивизіона. Словечко это было пущено красноармейцами, какъ мнѣ передавали казаки. Я ввелъ уставной режимъ. Все должно было дѣлаться въ положенные часы, на какой предметъ я объявилъ расписание дня, предупредивъ, что за нерадѣніе буду наказывать по всей строгости «революціонной дисциплины». Два раза въ день, утромъ въ 6 часовъ и вечеромъ въ 7 часовъ, была назначена генеральная чистка лошадей на эскадронныхъ коновязяхъ. Коновязей не было и въ поминѣ и въ три дня пришлось ихъ выстроить. Я самъ выходилъ на уборку и требовалъ, чтобы всѣ эскадронные командиры со всѣмъ своимъ команднымъ составомъ были на своихъ мѣстахъ. Утромъ и послѣ обѣда — строевыя занятия. Расписание занятій я объявилъ въ приказѣ и приказалъ неуклонно руководствоваться имъ. Въ первые же дни иѣ-которые командиры эскадроновъ оказались неисполнителными. Я доложилъ Понамареву и кой кто сейчасъ же былъ отрѣшены отъ командованія, двухъ эскадронныхъ командировъ оштрафовали въ размѣрѣ половинного мѣсячнаго содержанія, одного подвергли аресту на гауптвахтѣ съ объявленіемъ въ приказѣ по дивизіону.

Дивизіонъ мнѣ нужно было сдѣлать своимъ, такимъ, который бы безпрекословно подчинялся моему приказу. Только такой послушный дивизіонъ могъ быть полезенъ въ возможномъ будущемъ...

Не успѣть я еще ввести твердаго режима въ дивизіонѣ, какъ получился приказъ: въ виду контрѣ-революціоннаго настроенія близлежащихъ къ Екатеринодару черноморскихъ станицъ, дивизіонъ перевести въ станицу Ново-Титаровскую.

Это было прикрытие для Екатеринодара, если бы черноморскія станицы вѣдумали серьезно зашевелиться.

Переходъ въ контрѣ-революціонный районъ подбадривалъ меня — можно было и помочь оказать черноморцамъ...

Въ Ново-Титаровскую мы прибыли уже въ порядкѣ и въ порядкѣ расквартировали эскадроны. Вновь отстроили коновязи. За станицей было великолѣпное поле. Я разбилъ здѣсь нѣсколько манежей, стѣнки обложилъ дерномъ, сдѣлалъ манежный препятствія, приборы для рубки и работы пикой, и проч. Черезъ недѣлю въ дивизіонѣ шла уже жизнь нормальной воинской части. Понамаревъ ни во что не вмѣшивался и большую часть времени проводилъ въ Екатеринодарѣ, слегка покучивая тамъ и предаваясь отдыху. Но какъ то все же заглянула онъ ко мнѣ на плацъ. На двухъ манежахъ шла ъѣзда. Въ однѣомъ ъѣздили съ сѣдлами, на другомъ — безъ сѣдель. Одни эскадроны занимались взводнымъ ученіемъ, другіе — учились рубкѣ, третьи — работали пиками. Я подобающе встрѣтилъ начальство — вѣрнѣе, не подобающе. Согласно красному строевому уставу, ко-

мандиру части, если только онъ ге объявишь заранѣе, что будетъ инспектировать свою часть, никакихъ знаковъ воинской вѣжливости не оказывается — ни «встрѣчи», ни команды «смирно» ему не положено. Командиръ того эскадрона, къ которому онъ подѣзжаетъ, береть только подъ козырень. Я продѣлалъ Понамареву «старорежимную» встрѣчу: выстроить эскадроны, скомандовать «смирно» и поскакаль съ рапортомъ. Понамареву этотъ «старый режимъ» понравился. Онъ объѣхалъ эскадроны и попросилъ меня показать ему полковое ученіе, которого онъ никогда, кажется, не видѣль. Къ полковому ученію дивизіонъ не былъ еще подготовленъ и потому я могъ показать Понамареву только нѣсколько элементарныхъ построений, съ которыми дивизіонъ уже былъ знакомъ.

Послѣ «смотра» Понамаревъ произнесъ рѣчъ, въ которой говорилъ о революціонной арміи, о томъ, что «мы» — авангардъ міровой революціи, что по нашему образцу всѣ народы будутъ строить жизнь.

— Мы рыцари новой жизни. Но это званіе обязываетъ. Оно требуетъ подвига и примѣра, лишеній и жертвъ... Я знаю какъ труденъ режимъ дисциплины и какъ хочется вамъ отдохнуть послѣ побѣдныхъ боевъ съ бѣлыми бандами. Но бой еще не конченъ. Мы все еще въ станѣ враговъ, и потому сабли наши не должны затупляться. Будемъ работать, не будемъ тяготиться тяжелой воинской службой. Настоящій отдыхъ еще далеко впереди. Вы имѣете опытнаго руководителя. Учитесь у него кавалерійскому искусству. Симъ побѣдиши!

Съ пѣснями пошли эскадроны по квартирамъ...

Не знаю, о чемъ думалъ Понамаревъ, пропуская мимо себя стройные ряды... Я же думалъ о томъ, что, если Богъ поможетъ, эти эскадроны, быть можетъ, сыграютъ свою роль...

Мой вѣстовой, толкавшійся все время среди красноармейцевъ, питать меня свѣдѣніями о настроеніяхъ въ эскадронахъ. Красноармейцы дѣлились у насъ на «своихъ» и на «чужихъ». «Свои» не роптали на меня, такъ какъ понимали, что я «прибираю» дивизіонъ къ рукамъ, что бы имѣть его «на всякий случай». «Чужіе» открыто проклинали заведенную мною «каторгу». Чистка лошадей, маѣжъ, ученія, дисциплина, наказанія за распущенность, — а за всѣмъ этимъ я слѣдилъ, — все это было для «чужихъ» непривычной мукой, возвращеніемъ къ «проклятому старому режиму».

Въ дивизіонѣ было много донцовъ. Одни изъ нихъ были въ красной арміи еще съ Мироновскаго восстания, другие стали «товарищами» только послѣ мартовской новороссійской драмы. Эти двѣ группы донцовъ были между собою на ножахъ. Наступающей стороной были новороссійские пѣнники. Они упрекали «мironовцевъ» въ гибели Дона и грозили, что станицы съ ними будутъ еще расчетъ производить.

— Вернемся на Донъ... Не вѣчно же будетъ комиссарское царство... Тамъ поговоримъ кто что дѣлалъ и гдѣ былъ, — говорили пѣнники.

— А вотъ ты норазговаривай, такъ въ чрезвычайнѣ въ гостяхъ побываешь, — припугивалъ «мironовецъ», но до начальства эти «домашніе разговоры» не доходили, если только не вмѣшивался въ разговоръ ктонибудь изъ красноармейцевъ-коммунистовъ, которыхъ было, впрочемъ, немногого въ дивизіонѣ, но все же они были и были старательно разсироплены по всѣмъ эскадронамъ, — это были глаза и уши комиссара дивизіона. Донцы же, какъ не ссорились между собой, сора изъ избы не выносили. «Мироновцы» и сами иерѣдко подумывали о томъ, что день расплаты за грѣхи передъ Родиной когда нибудь да настанетъ.

Въ дивизіонѣ было не мало мироновцевъ, буденовцевъ, жлобинцевъ, думенковцевъ, блинновцевъ и прочей прославленій братіи, считавшей себя кавалерійской аристократіей и бывшей въ явной оппозиції мнѣ и моему режиму. Стычки съ ними бывали нерѣдки. Понамареву я докладывалъ о дерзостяхъ «аристократіи» и онъ, должнѣ отдать ему полную справедливость, всегда, просто съ моихъ словъ, безъ комиссарской провѣрки, становился на мою сторону и безпощадно грѣль, «аристократію». Особенно дерзкихъ и хулиганствующихъ мы, подъ разными предлогами, сплавляли изъ дивизіона.

Самымъ ощущительнымъ наказаніемъ для буденовца или думенковца — это переводъ въ пѣхоту. Обычно «аристократъ» предпочиталъ дезертирство такому умаленію его кавалерійского достоинства. Страхъ передъ «разжалованіемъ въ пѣхоту» помогалъ мнѣ справляться съ распущенными дивизіономъ.

Принаслѣдъ я какъ то на одинъ эскадронъ, въ которомъ было особенно много хулиганствующихъ думенковцевъ. Занимался я съ ними юзой безъ сѣдель. Во время перерыва для отдыха слышу разговоръ: упражненіе это «старорежимное», «уставомъ красной арміи не предусмотрѣнное», «у Думени этимъ не занимались»...

И уже съ расчетомъ, чтобы я непремѣнно услыхалъ, думенковецъ подчеркнуто громко сказалъ:

— А били офицериковъ почемъ здря!.. Изюминка тутъ въ другомъ... Лихость нужна, а не каблучокъ въ манежѣ оттягивать, да локотки прижимать...

Играя обнаженной шашкой, онъ приговаривалъ:

— Каблучокъ тянуть не умѣю, а вотъ этой самой сабелькой четыриадцать офицериковъ срубилъ... Безъ манежа... По-думенковски...

Можно было, конечно, сдѣлать видъ, что я не слышу. Можно было просто прекратить разговоръ, но захотѣлось проучить наглеца.

Я подошелъ къ нему.

— Такъ говорите, что васъ рубкѣ уже учить больше не нужно?

— Рубкѣ мы учились въ бояхъ... Наша школа тамъ... На офицерскихъ головкахъ...

— Можетъ быть вы, товарищъ, и правы... Покажите свое искусство... Пожалуйте сюда...

Думенковецъ догадался чего я хочу.

— Это дѣло!.. Попробуемъ, товарищъ командиръ... Ну-ка, сабелька, не выдай!

Мы скрестили шашки. Думенковецъ не имѣлъ понятія объ эспадронномъ фехтованіи, но все же перешелъ въ наступленіе.

Я подзадаривалъ его:

— Ничего, смѣлѣе, смѣлѣе... Не бойся, не зарубиши...

Каждый ударъ думенковца я безъ труда парировалъ, потомъ выбралъ удобный моментъ и выбилъ у него шашку изъ руки.

— Вотъ хвалишься, а шашку держать въ рукѣ не умѣешь. Ты рубилъ головки навѣрно связаннымъ по рукамъ офицерамъ... Ну, по конямъ!.. Заниматься!..

Этого думенковца, черезъ нѣсколько дней, я откомандировалъ отъ дивизіона въ пѣхоту, придавшись къ плохой уборкѣ коня.

Оппозиція мнѣ была и въ командномъ составѣ; пожалуй, еще болѣе ненавистная. Среди командировъ было не мало, такъ называемыхъ, красныхъ офицеровъ изъ курсантовъ. Они «давили фасонъ», одѣвались щеголевато, ходили непремѣнно со стеками. Знаний у нихъ было очень немного; все это были скороспѣлки, менѣе

подготовленные къ командованію, чѣмъ самый плохенький унтеръ-офицеръ старой арміи, прошедшій девятимѣсятную школу учебной комаеды полка. Я успѣль скоро изучить своихъ командировъ эскадроновъ и взводовъ и знать кто на мѣстѣ и кто нѣть; опредѣлить я также, по возможности, и политический духъ каждого. Это тоже имѣло для меня значеніе.

Надо было произвести чистку.

Я предложилъ Понамареву устроить испытаніе нашему комсоставу, доказывая, что при слабыхъ командирахъ вся моя работа будетъ ити впустую. Мало организовать строевую работу, надо еще имѣть помощниковъ, которые могли бы проводить въ жизнь эту организацію. Понамаревъ не возражать, спросивъ только, не противорѣчать ли такія испытанія уставу. Я увѣрилъ его, что такая пропѣрка входитъ въ прямые обязанности командира части, т. к. онъ несеть отвѣтственность за подготовку людей, а для этого нужно имѣть увѣренность въ подготовкѣ комсостава.

Устроили пропѣрку. Я экзаменовалъ, Понамаревъ только слушалъ. «Жертвы» мною были намѣчены заранѣе. Для «жертвъ» у меня было заготовлено по нѣсколько заковыристыхъ вопросовъ изъ устава строевой службы. На такие вопросы, обыкновенно, въ отвѣтъ стѣдовало гробовое молчаніе. Въ результатѣ экзамена большинство неугодныхъ мнѣ командировъ было свалено. Рѣшено было отправить ихъ въ инспекцію кавалеріи. Тутъ же мы намѣтили и замѣстителей.

Цѣлая пачка прозактируемаго комсостава была послана въ инспекцію на экзаменъ и все они возвратились въ дивизіонъ со свидѣтельствами комэскадроновъ и комвзводовъ.

Не удалось мнѣ свалить лишь одного командира эскадрона, краснаго офицера и коммуниста; къ тому же онъ былъ протежѣ самаго Понамарева. Чтобы задобрить Понамарева, пришлось схитрить:

— Надо бы,— помню сказать я,— смѣнить еще и этого комэска... Между нами говоря, командиръ онъ никудышный, но онъ коммунистъ... Это надо беречь... Ну, какъ нибудь, будемъ изворачиваться...

Понамаревъ долженъ былъ оцѣнить по достоинству такой подходъ къ дѣлу...

Коммунистовъ въ дивизіонѣ было немногого. На тысячу съ лишнимъ красноармейцевъ ихъ было не больше 50-60 человѣкъ; они составляли дивизіонную комячейку. Коммунисты занимали въ дивизіонѣ привилегированное положеніе, ихъ чище обмундировывали, они имѣли свой клубъ, содержимый на средства Политического Отдѣла Арміи, гдѣ изъ, въ придачу къ коммунистической литературѣ, давалось пиво и чай. Хозяйственныхъ нарядовъ въ дивизіонѣ они не несли, да и отъ караульной службы увиливали.

Обладали они и особымъ «пролетарскимъ правомъ»: коммунисты могли въ красноармейскихъ кооперативахъ пріобрѣтать всѣ товары по твердой цѣнѣ — нужно ли говорить, что это право открывало дорогу къ довольно доходной спекуляціи.

Нѣсколько разъ въ недѣлю комячейка собирала дивизіонъ на митингъ, послѣ котораго выносилась некамѣнная резолюція, заканчивающаяся штампованной фразой:

— Да здравствуетъ россійская коммунистическая партія! Да здравствуетъ Совѣтъ Народныхъ Коммисаровъ!

Пятьдесятъ коммунистовъ продѣлывали это совершенно свободно, т. к. крас-

ноармейцы митингами не интересовались и поднимали руку за что угодно. Для нихъ это была лишь скучная повинность.

Режимъ, заведенный мною въ дивизионѣ, митинги, естественно, вытѣснилъ. Для нихъ просто не оставалось времени, или ихъ надо было устраивать въ часы, положенные для отдыха, что совершенно не улыбалось красноармейцамъ. Комячейка рѣшила протестовать противъ моего распорядка дня, говоря, что политическое развитіе дивизиона у насъ въ загонѣ. Въ этомъ духѣ былъ поданъ рапортъ Понамареву, какъ комиссару дивизиона. Понамаревъ запросилъ меня — какъ быть? Комячейка имѣла право заботиться о политическомъ воспитаніи красноармейцевъ и нажимать на это было бы неблагоразумно, ибо, если бы даже Понамаревъ отказалъ комячейкѣ въ ея домогательствахъ, она добилась бы своего отъ Политического Отдѣла Арміи. Меня же комячейка «подмочила бы», рассказалъ въ Поварѣ, что я «контръ-реолиціонеръ», тѣсно коммунистовъ и проч. Нужно было пойти навстрѣчу комячейкѣ. Рѣшено было отвести два дня въ недѣлю на политическое развитіе дивизиона, и то два дня не полныхъ: до обѣда занятія; послѣ обѣда — политическая грамота. Комячейка поторговалась съ Понамаревымъ, но успокоилась — жаловаться теперь уже было не на что.

12. ПОНАМАРЕВЪ.

Понамаревъ могъ бы быть примѣрнымъ комиссаромъ: развитой, волевой, видавшій виды, кое-что читавшій, — онъ могъ бы развить свою комиссарскую дѣятельность въ дивизионѣ не въ примѣръ комиссарамъ сосѣднихъ частей, которые ничего, кроме партійного билета, за душой не имѣли. На комиссарскомъ горизонте онъ былъ фигурантъ яркой, на голову выше многихъ своихъ коллегъ. И когда то, въ первый періодъ комиссарства, онъ, по его же словамъ, много работалъ. Къ нему приходили посмотретьть, какъ надо работать. Теперь онъ охладѣлъ къ работе. Митинги проходили безъ его участія и руководства — онъ выдохся. Дивизионъ поэтому не вываривался въ коммунистической пропагандѣ, какъ другія части, где комиссарт вѣль политическое воспитаніе своихъ красноармейцевъ: каждую недѣлю секретарь Понамарева, Молотковъ, составлялъ недѣльный докладъ въ Поварѣ о политической работе въ дивизионѣ и этимъ дѣло ограничивалось.

Мысли Понамарева вертѣлись теперь вокругъ личныхъ дѣлъ: онъ не такъ давно женился, жена гостила у ея родныхъ въ Балашовѣ и ее нужно было выписать сюда, въ дивизионъ — комиссарская работа отходила на второй планъ.

Тутъ кстати замѣтить: Понамаревъ женился по христіанскому церковному обряду. Для другого бы коммуниста — это зарѣзъ: партія немедленно же исключила бы такого «вѣроотступника» изъ своихъ рядовъ. На Понамарева донесли въ ЦИК партіи — началось дѣло. Но оно очень скоро было ликвидировано по приказу изъ Москвы. Ходили слухи, что Понамаревъ — секретный освѣдомитель Ленина, и что онъ снабженъ его личнымъ мандатомъ, предъ которымъ мѣстная власти бессильны.

Какъ то вечеромъ зашелъ я къ Понамареву. На скамеечкѣ, у воротъ, мы усѣлись, и весь вечеръ проболтали о всякой всячинѣ. Замѣтивъ на станичной церкви массивный крестъ, Понамаревъ сказалъ:

— Такой бы золотой крестикъ имѣть и больше ничего не нужно. Купилъ бы я въ Малороссіи хуторокъ, бычковъ завелъ бы, лошадокъ, коровокъ... Хо-ро-шая штука!..

Коммунизмъ для него былъ карьерой, а не идеологіей. Въ другое бы время и при другой обстановкѣ изъ него выработался бы недурной чиновникъ. По натурѣ своей онъ не былъ революціонеромъ, но власть онъ любилъ и дорожилъ своимъ положеніемъ. Ко всему этому Понамаревъ былъ еще циникъ.

Послѣ сидѣнія на скамеечкѣ за воротами, Понамаревъ пригласилъ меня «ть себѣ» въ садъ.

— Яблоки тамъ ю-какія!

Пошли въ «его» садъ. Понамаревъ сталъ рвать съ дерева яблоки. Увидѣла это хозяйка, запротестовала.

— Что же вы это въ чужой садъ безъ спросу забралисъ и хозяиничаете!.. Заведите свой и рвите тамъ сколько вамъ понравится. Да еще гостей навели...

— А ты, милая, не горячись. Садъ это не твой.

— А чей же?

— Божій. Мы Божьими дарами пользуемся.

— Сами безбожники, а туда же на Бога ссылается.

— Какъ безбожники? Видишь, говорю, что яблоки Божьи, значить признаю яблочного Бога... А къ тому же еще, это садъ моего брата.

— Какого тамъ брата... Уходите изъ саду! Нѣтъ декрету такого, что бы чужіе яблоки таскать. Мы этимъ живемъ... Тутъ и такъ неурожай.

— Декрета такого нѣтъ, но если по хорошему, по христіанскому, такъ всѣ люди братъ и твой мужъ мнѣ — братъ, а ты сестра. Вотъ я и ємъ яблоки моихъ родичей. Брату у брата можно яблочкомъ попользоваться и третьяго брата не грѣхъ угостить...

Такъ онъ съ шуточками и прибауточками пользовался садомъ своего «брата», и цѣлыми мѣшками возилъ яблоки въ городъ своюимъ «братьямъ» изъ Особаго Отдѣла и инспекціи кавалеріи.

13. ВЪ СТАНИЦЪ

Красноармейцы тоже не стѣснялись «по братски» залѣзать въ чужіе сады и огороды. Особенно охотно и даже «съ чувствомъ» дѣлали это плѣнныи доицы, которые къ кубанцамъ питали нескрываемую вражду.

— Матери вашей чертъ! Не хотѣли воевать — кормите нась теперь вашими садами и огородами... У нась на Дону ничего не осталось... Равенство, такъ равенство... и у васъ пусть будетъ столько же...

Доицы, впрочемъ, спуска не давали никому.

Коммунистовъ доицы иначе не называли, какъ «жидовскими прихвостиями» и громко говорили, что казаки никогда «жидамъ» не служили и служить не будутъ. Говорилось и о томъ, что «коммунистовъ всѣхъ перевѣшать надо», тогда «народъ сковорится» и въ Россіи установится порядокъ. Офицера за такія рѣчи повѣсили бы на первой же осинѣ, казаку это прощалось, просто объ этомъ не доводилось до свѣдѣній начальства.

Квартирный хозяинъ тоже дѣлили красноармейцевъ на подневольныхъ въ на коммунистовъ. Подневольныхъ красноармейцевъ онъ кормили и поили тѣмъ, что сами єли, а коммунисты были въ немилости:

— Ленинъ пусть вѣсъ кормить... Вы его отродье...

Многіе коммунисты скрывали свое коммунистическое званіе, чтобы не быть изгоями среди своихъ же красноармейцевъ, но коммунисты были всѣ на перечеть и поэтому «игра» не удавалась. Но тутъ у хозяевъ дворовъ получался заколдован-

ный кругъ: кормить коммунистовъ они не хотятъ, а если ихъ добровольно не кормить, они сами кормятся — крадутъ птицу, колять свиней, опустошаютъ погреба съ молокомъ, масломъ и яйцами.

Станица кряхтѣла отъ красноармейского постоя, но еще больше имъ приходилось терпѣть отъ постой всевозможного краснаго начальства. На красноармейцевъ хоть когда—никогда можно было пожаловаться начальству, а на начальство жаловаться уже было некому.... А начальство было куда требовательнѣе красноармейцевъ! Красноармѣйца накорми хлѣбомъ и щами — онъ и доволенъ, порою и «спасибо» скажетъ. А начальствоши не ёсть, ему подай цыпленка, едѣтай яичницу, да къ чаю не просто бѣлаго хлѣба нарѣжь, а спеки оладьи, блинчики, хворость изжарь, давай непремѣнно все «по господски».

Я квартировалъ у казачки-вдовы. Мужъ, бывшій старый служака конвой Его Величества, былъ давно уже покойникъ, сынъ ея убитъ въ Корниловскомъ походѣ. Жила старуха съ дочерью, мужъ которой ушелъ съ Деникинскими войсками въ Крымъ. Это была настоящая «надетская» семья. Мною и моими двумя вѣстовыми хозяйствка не имѣла особыхъ оснований быть недовольной. Я за все платилъ ей, а вѣстовые мои, хотя и не платили за постой и «харчи», но они работали у нея и во дворѣ, и въ полѣ такъ, что она не могла нахвалиться ими.

— И вотъ поди-жь ты, и тѣ въ красной армїи, и энти... А люди совсѣмъ разные... Эти люди, какъ люди, а тѣ одно слово — товарищи. Ваши слуги и не ругаютъся никогда, а тѣ, прости Господи, что ни слово, то «въ Бога мать».

Частенько она допытывалась:

— Да вы не изъ красныхъ... Красные не такие...

Старуха любила потолковать со мною на тему о томъ, долго ли продержится большевицкая власть, что слышно про бѣлыхъ, много ли зеленыхъ, вѣрно ли что все коммунисты — жиды и живы ли «бѣдный батюшка, Царь-Государь нашъ».

И если я не рисковалъ говорить откровенно со своей квартирной хозяйствкой, то за то она не боялась меня.

— А я вотъ, по старушечки, думаю, что красное царство не надолго... Богъ не допуститъ... Поцарствуютъ эти воры, что власть укради, да и поймаются... Не можетъ это долго быть. Сейчасъ народъ смотрѣть, кряхтить да помалкивать, да какъ за народомъ чередъ придетъ, да какъ начнетъ онъ всѣхъ этихъ комиссаровъ помеломъ мести, да вилами угощать, такъ живо Рассея въ Рассею превратится. Вы меня старуху простите. Я хочу правду говорить, какъ передъ Богомъ. Побѣть народъ комиссаровъ...

Приходили ко мнѣ частенько старики-казаки. Кто съ жалобой придетъ на красноармейцевъ, кто съ просьбой уменьшить у него на квартирѣ число красноармейскихъ ртовъ, кто просить освободить отъ подводной повинности, т. к. ояъ собралсяѣхать въ поле... За всѣмъ этимъ надлежало ходить въ Понамареву, какъ командиру и комиссару части и начальнику станичаго гарнизона, — но китили его боялись.

— Ему никакъ не угодишь, — говорили казаки, — придешь съ виноватымъ видомъ, запричитъ:

— «Что казанской сиротой стоишь? Совѣтская власть обидѣла тебя? Ишь зѣ три погибли согнулся. Трудно... При кадетахъ гоголемъ ходить, а тутъ стоишь, точно изъ тебя жилы тянуть...»

— Придешь свободно, развязно, какъ къ «своему» — тоже плохо:

— «Ты что же это къ своему сосѣду пришелъ?.. Уши врозь, дугою ноги...

Небось къ атаману приходилъ шапку ломалъ, а тутъ на-ка тебѣ... Ты еще раз-сядься тутъ...»

— Назовешь его «господинъ комиссаръ» — закричать, что «господъ» теперь неѣть, а сказать «товарищъ» боязно, чего доброго обидится, что въ товарищи къ нему записался.

Объ этомъ мнѣ такъ и говорилъ одинъ станичникъ. И предпочитали они ко мнѣ ходить со своими дѣлами. Сдѣлаешь обыкновенно все, что можно сдѣлать. Благо, что Понамаревъ ничего не имѣлъ противъ моего вмѣшательства въ его компетенцію — это разгружало его отъ обязанностей.

Какъ то послѣ одного такого дѣлового визита, проситель, казакъ-старикъ, задержался у меня. Сидѣть, молчать... Шапку въ руки мнѣть. На поль смотрѣть, точно вычитываетъ что то.

— Что, отецъ, еще какая докука есть?

— Есть, родной... Спросить хочу...

И, оглядѣвшись, старикъ спрашивается:

— Скажите мнѣ, ради Христа, — долго еще власть эта продержится?

— У меня нельзя, отецъ, обѣ этомъ спрашивать. Думай своей головой. А то вотъ ты меня пытаешьъ, чтонибудь узнаешьъ, что мы съ тобою о такихъ вещахъ говоримъ и, конечно — меня повѣсять, какъ собаку. Не полагается мнѣ обѣ этомъ разговаривать. Ты человѣкъ умный, самъ и рѣшай это...

Старикъ сочувственно покачалъ головой и ушелъ.

Совѣтская власть для богатыхъ кубанскихъ станицъ была во-истину нестерпимой. Первое, наиболѣе ощущительное впечатлѣніе отъ этой власти было таково, что казаки перестали чувствовать себя хозяевами въ своемъ хозяйствѣ, хозяйство точно выпало изъ ихъ рукъ. Учетная комиссія станичного продкома назойливо вторгалась въ хозяйство и все брала на учетъ — посѣвную площадь, хлѣбные запасы, скотъ, наличіе рабочихъ рукъ. Тщательнейшимъ образомъ определялся дворовый «продовольственный взятокъ», назначался затѣмъ срокъ и къ этому сроку надлежало сдать въ продовольственную комиссию столько-то мѣшковъ зерна, столько-то птицы, скота, яицъ... Хозини не имѣли права заколоть свинью, зарѣзать теленка или курицу, использовать даже куриняя яйца безъ ордера комиссіи. Комиссія точно опредѣляла какой процентъ живности могъ владѣльцъ употребить на свои домашнія нужды. Обычно станица противилась продовольственнымъ реквизиціямъ, прятала куръ, гусей, утокъ, свиней. Бабы ухватами и кочергами защищали свое добро, но на этотъ случай продкомы имѣли особые продовольственные карательные отряды и ихъ пулеметами искоренялась казачья непокорность.

Совѣтская власть прежде всего била по собственннической психологіи. Къ психологіи же коллективизма станица никакъ не могла приспособиться — тутъ таилась безысходная война. Взрослое населеніе станицы было въ открытой оппозиціи ко всему совѣтскому и миру здѣсь не предвидѣлось. Молодежка оказалась болѣе приспособляемой и за очень короткій срокъ она поддалась новымъ вліяніямъ и новому быту. Прежде всего она оказалась падкой на хулиганство, пахабную пѣсню, развратъ. Молодые казачки, прельщенныи «трофеями» похода думениковцевъ и буденовцевъ, охотно, за колечко, сережки, кусокъ шелка дарили своихъ кавалеровъ лаской и любовью. Вечерами станица превращалась въ сплошную гулянку, гдѣ царили неотразимые держатели награбленныхъ серегъ и колецъ.

Станичный врачъ, практикующій въ станицѣ много лѣть, говорилъ мнѣ:

— Прежде въ станицѣ венерикъ былъ рѣдкостью — развѣ пріѣдетъ съ

фронта казакъ, а сейчасъ... сейчасъ у меня лѣчится пятиадцать казачекъ... Вы понимаете, ка-за-чекъ больныхъ лузсомъ...

Мужья, отцы, братя были въ Добровольческой Арміи или въ повстанческихъ зеленыхъ отрядахъ, а станичная молодежь, ничтоже сумняшеся, голосила подъ гармошку думенковца:

Офицеръ молодой,
Погонъ бѣленький...
Возъращайся домой
Пока цѣленький!

или

Пароходъ идетъ,
А дымъ кольцами...
Будемъ рыбу кормить
Добровольцами...

И все это распѣвалось «кадетскими дѣтьми», тѣми, въ семье которыхъ уже реквизировался хлѣбъ для красной арміи, кому грозила конфискація имущества за уклоненіе отъ мобилизациіи брата, а братъ въ это время скрывался въ плавняхъ.

Старыхъ казачьихъ пѣсень не было слышно совсѣмъ. Замолкла запорожская пѣсня. А какъ пѣли эти пѣсни еще такъ недавно черноморские казаки! Пришло большевицкое «Яблочко» и задушило казачью старую пѣснь. Развѣ въ полѣ, на пашнѣ, сѣдой казань-усачъ вполголоса затянетъ что-нибудь дѣдовское, родное, обвѣянное вѣками.

А дѣтскія игры... Войну всегда любили мальчики. На палочкахъ верхомъ, съ палкой-шашкой въ руки, мчится маленький витязь. Въ мальчикѣ пробуждался рыцарь, душа требовала отваги, подвига. Но въ японскую войну игра въ войну всегда кончалась тѣмъ, что «макака» былъ битъ, даже и тогда «макака» продолжалъ бытьбитымъ, когда Витте заключилъ для Россіи миръ пораженія въ Порт-смутѣ. Въ Великую войну, нѣмецъ тоже всегда оказывался пораженнымъ. Дѣтское национальное чувство, инстинктъ подсказывали необходимость побѣды. Национальная кровь говорила. А теперь дѣтская игра въ гражданскую войну кончалась неизмѣнной побѣдою красныхъ. Побѣждалъ комиссаръ, лихо вѣзжающій въ станицу. Доходило до того, какъ я наблюдалъ, что никто изъ дѣтей не хотѣлъ играть бѣлыхъ — всѣ хотѣли быть красными. И тотъ, кому доставалось счастье быть комиссаромъ — былъ на седьмомъ небѣ. И это тѣ дѣти, у которыхъ въ семье кто-нибудь отдалъ свою жизнь въ рядахъ бѣлой арміи...

Ничего не будетъ удивительного, если въ семье казаченка, съ радостью принимающей постъ игрушечного комиссара-побѣдителя, вы на стѣнахъ комнаты увидите портреты царской семьи, Корнилова, Деникина, Брангеля, Шкуро... Молодежь живеть уже не этимъ. У нихъ нѣть воспоминаній прошлаго — они всецѣло во власти сеодняшняго дня. Старики же берегутъ это прошлое.

Изъ за «старорежимныхъ» портретовъ бывало не мало столкновеній съ властью, требовавшей уничтоженія контр-революціонныхъ комнатныхъ украшений:

— Мѣшаетъ тебѣ что-ли патреть? Висить, ну и пусть висить. Троцкаго и Ленина вашего они не трогаютъ...

— Это враги народа!

— Ну и пусть враги... Хочу и враговъ народныхъ видѣть...

Въ городѣ разговоръ былъ бы иной. Тамъ власть кручѣ. Въ станицѣ стараются не доводить дѣло до возстанія, которое какъ бы чувствовалось въ воздухѣ.

Станицу прибираютъ къ рукамъ мягче, осторожнѣе, съ оглядкой.

Бываль я нѣсколько разъ на станичныхъ сходахъ, созываемыхъ пріѣзжающими изъ города сотрудниками Политического Отдѣла IX Кубанской арміи.

Собирались казаки на сходъ не густо. Приходили только потому, что боялись неудовольствія начальства. Въ станицѣ Марьинской былъ случай, когда ни одинъ казакъ не пришелъ на сходъ. Ораторъ обидѣлся, донесъ на станицу. Станицу объявили «кадетской» и увеличили проразверстку въ ней настолько, что казаки возопили и рѣшили, что впередь лучше унѣ ходить и слушать ораторовъ, а то и неровень часъ и худобы постыдней лишатся.

На сходѣ обычно выступаетъ пріѣзжій ораторъ. Темой для своей рѣчи онъ береть какой гибудь очередной боевой вопросъ. Онъ говорить и каждую свою мысль заканчиваетъ вопросомъ:

— Вѣрно я говорю, товарищи?

Если казаки отвѣчаютъ «вѣрно», «правильно», ораторъ дальше развиваетъ тему и, окончивъ рѣчь, читаетъ резолюцію, что, моль, сходъ станицы такой то, заслушавъ докладъ такого то, единогласно постановилъ то-то и то-то.

Чаще всего казаки на вопросъ оратора отвѣчаютъ молчаниемъ.

— Что же вы, товарищи, молчите, ровно воды въ ротъ понабрали? Скажите — «нѣрно» или «не вѣрно». Если не вѣрно, то объясните почему. Бояться нечего. Совѣтская власть дала вамъ свободу слова... Говорите, что думаете — вѣрно я говорю?

Молчать казаки — опустить головы и упрямо молчать.

— Если не хотите меня слушать, я уйду, — начинаетъ обижаться докладчикъ.

— Зачѣмъ уходить?... Говори, а мы будемъ слушать... Дѣлать то все равно нечего...

На другой день вы можете прочесть въ «Красной Кубани» отчетъ о митингѣ въ такой то станицѣ, единогласно вынесшей резолюцію о поддержкѣ совѣтской власти...

14. ВТЯГИВАНІЕ МЕНЯ ВЪ КОМПАРТИЮ.

Я часто бесѣдовалъ съ Понамаревымъ на темы о политикѣ большевиковъ въ станицѣ, при чемъ въ этихъ разговорахъ коммунистъ Понамаревъ оказывалъся болѣе контрѣ-революціоннымъ, чѣмъ я. Онъ находилъ, что коммунизмъ надо приспособлять къ мѣстнымъ условіямъ, что нужна индивидуализація мѣръ и способовъ совѣтизациі, и же доказывать, что сильная власть можетъ пренебречь «мѣстными условіями» и что, если дѣлать поправки на «индивидуальность населенія», то это приведетъ къ зависи состояй, а это дастъ пищу для всяческихъ броженій, неудовольствій и проч. Я рисовалъ себѣ большими большевикомъ, чѣмъ самъ коммунистъ Понамаревъ... Это, впрочемъ, возымѣло свое дѣйствіе; адъютантъ дивизіона, быв. артиллерійскій поручикъ Збыковскій, по секрету показалъ мнѣ копію секретной аттестаціи, данной обо мнѣ въ Политический Отдѣль Арміи. Понамаревъ писалъ, что я «отличный организаторъ», «знатокъ коннаго дѣла», «строгій руководитель», и что «не будучи въ компартии, стою на стражѣ совѣтской республики и высоко держу знамя красной арміи»...

Понамаревъ нѣсколько разъ заводилъ рѣчь о моемъ вхожденіи въ партію, суля мнѣ большую служебную карьеру.

— При вашемъ знанії дѣла быть еще партійцемъ, да вы черезъ годъ арміей командовать будете...

— Я старый анархистъ-индивидуалистъ и ломать себя уже поздно — да и не нужно. Я и безъ партійнаго билета дѣлаю не меныше партійца. Не въ этомъ

дѣло, вся суть въ довѣріи ко мнѣ, но его, я думаю, мнѣ можно безбоязненно оказать.

Такъ и слыть и всюду какъ безвредный для совѣтской власти «анархистско-индивидуалистъ». У Понамарева я пользовался большими довѣріемъ, а черезъ него мое реномѣ укрѣплялось и въ Инспекціи кавалеріи и въ Политическомъ Отдѣлѣ Арміи.

15. ДВѢ РАЗВѢДКИ.

Только дивизіонъ нашъ наладилъ работу и стала втягиваться въ режимъ, какъ получился новый приказъ: перевести дивизіонъ въ станицу Елизаветинскую, т.е. еще ближе къ Екатеринодару. Понамаревъ показалъ мнѣ секретный приказъ по Екатеринодарскому Укрѣпленному Раionу, въ которомъ сообщалось, что зеленое движение на Кубани растетъ съ каждымъ днемъ, и что населеніе ему сочувствуетъ и помогаетъ повстанцамъ, чѣмъ можетъ.

Зеленые яко-бы появились и на Черноморской половинѣ Кубани. Дивизіону предписывалось перейти въ Елизаветинскую и «на всякий случай» прикрывать Екатеринодаръ со стороны Черноморья. Дивизіонъ долженъ былъ организовать развѣдку, освѣщаю раionъ по радиусу 25 верстъ. Намъ приказывалось каждый день давать донесенія въ штабъ Укрѣпленного района о положеніи на нашемъ участкѣ.

О томъ, что въ плавняхъ были зеленые, я зналъ. Знать я также, что подъ самой ст. Елизаветинской сидѣть въ камышахъ сотникъ Пилюнъ,* съ которымъ некоторые зеленые отряды держать связь. Но какія свѣдѣнія отъ него, что дѣлается у насъ, я переслалъ ему со своимъ человѣкомъ. Нѣкоторыя ориентировочные свѣдѣнія о зеленыхъ онъ сообщилъ мнѣ. Черезъ «камышатниковъ» я поддерживалъ связь съ поручикомъ П., который въ это время бродилъ по линейнымъ станицамъ и пропагандировалъ восстаніе. Довольно регулярно и нашъ екатеринодарский «адресъ» получалъ изъ разныхъ мѣстъ информаціи — связь все время была. Угнетало только то, что вся эта информація являлась «мертвымъ капиталомъ». Всѣ наши цѣнныя свѣдѣнія не превращались въ дѣло. Конспирація оказывалась какъ бы для «внутренняго употребленія».

Во исполненіе приказа по Укрѣпленному Раionу, мы перекочевали въ ст. Елизаветинскую. Вновь надо было все начинать сначала: коновязи, манежи и проч. — на это я продолжалъ дѣлать удареніе, надѣясь, что все это еще со- служитъ службу... Въ штабъ Украина была представлена схема развѣдочныхъ секторовъ — штабъ утвердилъ наші планы. Я исправно высыпалъ особо подобранные развѣзды и исправно доносилъ, что «все обстоитъ благополучно». Но эти же самые развѣзды, правда не всѣ, а особые, которые направлялись изъ «подозрительныхъ мѣстъ», приносили мнѣ иногда свѣдѣнія о новой группѣ зеленчуковъ, появившихся въ плавняхъ и изыскивавшихъ способы и средства,

* Сотникъ Пилюнъ весною 1920 года образовалъ Зеленую Кубанскую Сѣчь, временно настроенную къ Добровольческой Арміи. Онъ помогъ красной арміи отбросить добровольцевъ къ берегамъ Черного моря. По приходѣ большевиковъ на Кубань, онъ получилъ въ командование красную колпуну дивизію, но очень скоро разочаровался въ большевикахъ и бѣжалъ отъ нихъ. Онъ скрывался въ плавняхъ и непосредственного участія въ новомъ зеленомъ движении не принималъ.

чтобы переправиться на Линейный берегъ Кубани. Иногда удавалось оказать имъ помощь совѣтомъ, указаниями и т. п. Нѣсколько разъ съ такими, готовыми къ отпѣтию, отрядиками я командировалъ въ зеленый станъ для связи кое-кого изъ своихъ казаковъ — это была цѣнная взаиморазвѣдка. «Легализировать» такую «посылку» особаго труда не составляло — въ приказѣ отдавалось: «полагать въ отпускну». Понамаревъ никогда не слѣдилъ за этимъ дѣломъ, а приказы редактировалъ я. Адьютанты вообще не долюбливали бумажного дѣла. «Посылки» такимъ образомъ сходили совершенно гладко.

Недѣлю мы благополучно отквартировали въ Елизаветинской. Никакой зеленої опасности официально не было обнаружено и начальство въ Екатеринодарѣ могло быть спокойно...

16. ОБЛАВА НА ПИЛЮКА.

Какъ то ночью будить меня Понамаревъ — онъ только что вернулся изъ Екатеринодара.

— Вставайте! Пилюнь здѣсь... Особый Отдѣль получилъ свѣдѣнія, что онъ въ плавняхъ возлѣ Елизаветинской. Надо сейчас же организовать облаву...

Встаю. Предстоитъ непріятное дѣло — чего доброго, дѣйствительно накроемъ Пилюка. Правда, въ плавняхъ много не побродишь, да еще ночью, а все таки возможность напасть на логовище Пилюка была не исключена.

Зажгли лампу. Развернули карту Елизаветинского района. Набросали планъ облавы: концентрический полукругъ долженъ флангами упереться въ Кубань и постепенно съживаться такъ, чтобы все, что есть живого, оказалось въ нашемъ неводѣ...

Я приказалъ прислать мнѣ на квартиру дежурного по дивизіону и дежурныхъ трехъ эскадроновъ. Я хотѣлъ обойтись двумя эснадронами, но Понамаревъ «для вѣрности дѣла» настоялъ на трехъ. Когда дежурные явились, я приказалъ имъ срочно выводить эскадроны на церковную площадь и ждать тамъ моего приказа.

— Но что бы была полната тишина, — предупредилъ я. — Ни разговоровъ, ни шума...

Это нужно было для Понамарева. А когда онъ пошелъ лично поглядывать за соблюдениемъ тишины, я послалъ своего вѣстового въ одинъ изъ трехъ эскадроновъ, предназначенныхъ въ облаву, съ тѣмъ, чтобы трубачъ эскадрона — трубачъ тамъ былъ свой человѣкъ — пропустилъ «во всѣ легія» тревогу. Когда его за это потянули къ начальству, пусть объяснитъ, что «по тревогѣ полагается трубить», онъ и пропустилъ. Къ тому же его эскадронъ былъ дежурнымъ эскадрономъ — тѣмъ болѣе, моль, трубить надо... А тамъ дѣло замнемъ... Выручимъ...

Трубачъ выполнилъ свою роль идеально: сигналъ въ ночномъ воздухѣ быть слышанъ на нѣсколько верстъ. Пилюнь долженъ былъ его услышать и догадаться, что что-то случилось. Во всякомъ случаѣ будетъ насторожѣ.

Облава не удалась — четыре часа мы рыскали по камышамъ, но ни одного зеленаго не поймали. Трубачу же здорово попало отъ Понамарева: онъ засадилъ его на дѣвѣ недѣли на гауптвахту и приказалъ смѣстить съ трубаческой должности. Но это все было не существенно, въ сравненіи съ тѣмъ, что могло бы быть, если бы не было сигнала тревоги...

О неудачномъ сигналѣ мы ничего въ штабѣ не донесли, донесли просто: «въ плавняхъ ни Пилюка, ни вообще зеленыхъ не обнаружено»*).

17. ПРИБЫДЪ ИНСПЕКТОРА КАВАЛЕРИИ ФРОНТА.

Тов. Чувелевъ сообщилъ Понамареву, что инспекторъ кавалеріи фронта, тов. Малинскій, пріѣзжаетъ въ Екатеринодаръ и намѣренъ произвести смотръ кавалерійскимъ частямъ арміи. Смотръ будетъ «на выборку», таинъ что и мы были подъ начальственной угрозой. Малинскій — старый кавалеристъ, очни втереть ему мудренно; строгій, любить подтінуть.

Надо было на всякий случай подготовиться. Понамаревъ струсиль, т. к. дивизіонъ представлять надлежало ему, а смотрового порядка онъ и не нюхаль. Я и самъ былъ не твердъ по этой части. Пришлось засѣсть за строевой кавалерійскій уставъ, чтобы заучить порядокъ смотра, встрѣчи, церемоніальяго марша. Дѣло это было хлопотливое и строго уставное.

Проштудировавъ уставчикъ, я приказалъ эскадронамъ построиться на церковномъ плаку. Всю церемонію парада продѣлывалъ я — Понамаревъ только слѣдилъ за тѣмъ, что и въ какомъ порядке дѣлается, какія подаются команды и проч. Продѣлавъ нѣсколько разъ встрѣчу и маршъ, я успокоился: все шло болѣе или менѣе удовлетворительно. За Понамарева же мнѣ беспокоиться не приходилось: умѣніе командовать на смотрѣ лежало всецѣло на его отвѣтственности.

Послѣ отдыха занялся дивизіономъ Понамаревъ. Дѣло это у него не клелись. При церемоніальномъ маршѣ онъ забылъ скомандовать «шашки вонъ, пики къ бою», не указалъ равненія, не скомандовалъ дистанцію между взводами; указалъ направляющій эскадронъ, но не скомандовалъ остальнымъ эскадронамъ «поворотъ на право» — въ общемъ, выходило негладко. Онъ вторично продѣлывалъ весь парадъ, исправилъ одни недочеты, но сдѣлалъ рядъ новыхъ промаховъ. Никогда не работая съ дивизіономъ, онъ терялся теперь съ управлениемъ 12-ю эскадронами.

Понамареву нужно было, кроме строевой репетиціи, провѣрить еще и политграмоту. Малинскій этимъ не будетъ интересоваться, но съ нимъ ёдетъ комиссарь кавалеріи фронта; этотъ можетъ заглянуть въ эту область подготовки дивизіона — это его сфера.

Сгѣшили людей; Понамаревъ собралъ предсѣдателей эскадронныхъ комічеекъ.

— Какъ у насъ дѣло съ политграмотой, друзья?

— Не подкачаемъ, товарищъ, — отвѣтили предсѣдатели комічеекъ.

Понамаревъ сталъ обходить спѣшенніе ряды эскадроновъ, опрашивая на выборку отдельныхъ красноармейцевъ.

— Что такое коммунизмъ? — спрашиваетъ онъ одного красноармейца.

Красноармеецъ заморгалъ глазами и сталъ опредѣлять понятіе коммуниза:

— Это такие люди, которые... которые, значитъ, революцію дѣлаютъ... борцы за народъ...

*) Трубачъ-казакъ находится въ досягаемости большевиковъ. Онъ былъ отпущенъ мною домой — на Донъ, и больше въ красную армію не возвращался.

— Не такъ. Повторяй за мной: коммунизмъ это есть ученіе...

... Коммунизмъ это есть ученіе...

... которое стремится освободить пролетаріат...

... ослабонить пролетаріат...

... изъ подъ власти капитала и передать всѣ орудія производства въ руки организованныхъ рабочихъ и крестьянъ... Понятно?

— Такъ точно, товарищъ комиссарь!

— Да не «такъ точно», а отвѣтай: «понимаю», моль, «да».

— Слушаюсь, товарищъ комиссарь.

— И не «слушаюсь» — это все старорежимное; пора бы уже забыть! Третій годъ ты въ красной арміи, а все еще, какъ попугай, твердишь — «такъ точно» да «никакъ нѣть».

— Скажи мнѣ, — обращается Понамаревъ къ другому красноармейцу, — почему наша республика называется «Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика»?

— Такъ что потому, что это республика коммунистическая.

— Ну... допустимъ. Почему же она «Россійская».

— На Рассейской землѣ, значить, гдѣ отцы и дѣды наши жили... Опять же коммуна заведена...

— А «соціалистическая» почему?

— А такъ какъ сицилисты власть захватили, Рассея и называется сицилистической...

Понамаревъ мрачнѣлъ. Онъ понималъ, что это его недочеть, что обученіе политической грамотѣ — его прямая комиссарская обязанность. Для успокоенія души даль нагоняй предсѣдателямъ комячеекъ, сказавъ, что работы ихъ надъ красноармѣцами не видно никакой.

Надо было прорепетировать и комячейку. Къ ней больше предъявляется требованій, она должна быть болѣе сознательной.

— Какая разница между буржуазнымъ государствомъ и соціалистическимъ?

— Что такое соціализація?

— Въ чёмъ состоить политика имперіализма? Что ей противопоставляетъ пролетаріат?

И тутъ отвѣты были неутѣшительные. Секретарь дивизіонной ячейки, тов. Еремѣевъ, на вопросъ о томъ, какая разница между буржуазнымъ и соціалистическимъ государствами, отвѣтилъ:

— Разница огромная: буржуазное государство можетъ быть, а соціалистическое нѣть.

— Какъ? — всполошился Понамаревъ. — Вы съума сошли, тов. Еремѣевъ! А наша совѣтская республика не соціалистическая развѣ?

— Такъ то республика, а не государство! — отвѣтилъ не смущившійся секретарь комячейки. — Государство — это съ государемъ, а республика всегда безъ царя бываетъ...

«Политическая зрѣлость» дивизіона предстала передъ Понамаревымъ въ далѣко неприглядномъ видѣ. За такую подготовку могутъ смѣстить съ комиссарства, предать суду, ибо это уже «контръ-революціонная халатность», не исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей. Впрочемъ, Понамаревъ довольно скоро успокоился, видимо, вспомнивъ, что въ карманѣ его френча лежитъ бумажка изъ Кремля.

Дивизіонъ съ пѣснями отпустили по квартирамъ.

Вечеромъ Понамаревъ зашелъ ко мнѣ; пили чай. Понамаревъ жаловался на свою командирскую и комиссарскую судьбу.

— Передъ Чувелевымъ я вамъ буду заворачивать дивизіономъ, какъ хочу. Онъ самъ такой же кавалеристъ, какъ и я. Оба мы въ этомъ дѣлѣ — пары пятакъ. А кирасиры, уланы, гусары — это публика терпая. Малиновскій зубы проѣлъ на уставчикъ. Вотъ и хлопай завтра глазами. А эта политическая грамотность — будь она неладна! Ну втѣмѧште вы въ голову Иванову или Сидорову разницу между федеративнымъ строемъ и чортъ его знаетъ еще какимъ. Онъ неграмотный — представлѣніе не имѣть не только о политической эзбукѣ, а просто обѣ азбукѣ, которую дѣти знаютъ, а я долженъ отвѣтить за его политическую зрѣлость. Арутюновъ вмѣсто федералисты говорить «федерасты». Научите ка его Бухаринской словесности!... Еремѣевъ, коммунистъ, прошелъ партійную школу, митинги ведеть, рѣчи произносить передъ тысячной толпой, а все еще считаетъ, что республика и государство разныя двѣ вещи... Конечно, нужно армію ввести въ орбиту новыхъ понятій. Но дайте людей для работы. Чему Еремѣевъ можетъ научить, когда онъ самъ певѣцъ певѣцкій? А вѣдь онъ мой ближайший сотрудникъ... А работники есть... Есть силы. Вотъ вы... Вы меня простите, но такъ нельзя — надо помогать. Бросьте вы къ черту вашъ анахизмъ! Будемъ дѣло дѣлать. Вамъ надо въ партію входить и работать...

Весь вечеръ мы занимались церемоніей парада. Въ ходъ была пущена и коробка спичекъ, и цветная полоски бумаги. Къ часу ночи Понамаревъ уже безъ ошибки продѣлалъ, правда, на столѣ пока что всю процедуру смотря и не записываясь умѣль сдать строевой рапортъ.

На другой день, въ 4 часа, памъ былъ назначенъ смотръ. Приказаніе инспекціи кавалеріи гласило, что дивизіонъ долженъ представить я. Видно, Чувелевъ боялся строевой неопытности Понамарева. Понамареву на смотрѣ отводилась роль военкома дивизіона и я его пристроилъ на правомъ флангѣ. Мѣсто его на смотрѣ не было опредѣлено уставомъ и потому мѣсто это приходилось «самоопредѣлять».

На автомобиляхъ прибыло высокое начальство.

«Встрѣча» удалась. Эскадроны довольно чисто отсалютовали.

Трубачи играли «Интернациональ»...

Малинскій сдѣлалъ знакъ трубачамъ.

— Здравствуйте, красные орлы!

— Здравствуйте, товарищъ Инкавъ!

— Молодцами смотрите!

— Служимъ народу, товарищъ Инкавъ!

Инкавъ отѣхалъ къ церковной оградѣ и приказалъ пропустить дивизіонъ церемоніальнымъ маршемъ.

Маршъ удался лучше, чѣмъ можно было ожидать.

— Да здравствуетъ красная кавалерія! — встрѣтилъ Инкавъ, проходившую мимо него учебную команду.

— Ура! — гаркнула въ отвѣтъ учебная команда.

— Да здравствуетъ Советская Россія! — встрѣтилъ Инкавъ слѣдующій эскадронъ.

— У-р-а!

Каждый эскадронъ привѣтствовался какимъ нибудь революціоннымъ возгласомъ.

Когда все эскадроны прошли церемониальнымъ маршемъ, дивизіонъ вновь построился развернутымъ порядкомъ.

Инкавъ поблагодарилъ дивизіонъ за «отличный видъ» и далъ людямъ оправиться. Начальство почтительно собралось вокругъ Малинского — подъѣхалъ и т. д.

— Видомъ дивизіона я очень доволенъ... Благодарю васъ, товарищъ... — обратился онъ ко мнѣ. — Видна большая работа... Вы вѣдь помощникъ командира — не такъ ли?

Чувелевъ представилъ Малинскому Понамарева.

— Какъ вашъ командный составъ? — обратился онъ къ нему.

Понамаревъ сообщилъ, что команднымъ составомъ онъ доволенъ и добавилъ, указывая на меня:

— У меня отличный строевой помощникъ...

— Да, да... Я это слышалъ въ инспекціи кавалеріи... Я и хотѣлъ собственно посмотретьъ васъ и вашу работу, — обратился онъ ко мнѣ. — Дивизіономъ я очень, очень доволенъ...

Послѣ отдыха Малинский захотѣлъ посмотретьъ подготовку эскадроновъ въ различныхъ областяхъ строевого ученія.

— Учебная команда пусть покажетъ мнѣ манежную ѻзду, 2-й эскадронъ — эскадронное ученіе, 5-й эскадронъ — рубка, 7-й — работа пикой...

Послѣ 2-го эскадрона Малинский больше ничего не смотрѣль. Дивизіонъ былъ отпущенъ по квартирамъ.

Смотрѣ кончился. Комиссаръ фронта отъ смотра политической грамотности отказался.

18. КАВАЛЕРИЙСКИЕ КУРСЫ КОМСОСТАВА.

Начальство отправилось къ Понамареву на чашку чая, которая была организована на славу: было и вино, и фрукты, и вареніе, и пирожныя...

За чаемъ шла бесѣда на разныя темы и такъ какъ младшаго начальства здѣсь не было, — самый младшій по должности былъ здѣсь я, — все говорилось болѣе или менѣе откровенно.

Зашла рѣчъ о кавалерійскихъ курсахъ для команднаго состава. Авторомъ этихъ курсовъ былъ Малинский. Онъ видѣль, что командный составъ ввѣренныхъ ему частей очень слабо подготовленъ и что необходимо «подтянуть» въ строевомъ отношении начальство.

Малинский говориль:

— Курсы совершенно необходимы. Нашъ командный составъ ниже всякой критики. Мы переходимъ на мирное положеніе и здѣсь одною лихостью уже не возмѣшишь. Конница требуетъ методической работы и надъ всадникомъ, и надъ лошадью — это очень отвѣтственная работа, это цѣлая наука. Въ былыхъ временахъ командный составъ — что же тутъ между нами скрывать — былъ не чета нашему. Два года шла работа въ военныхъ училищахъ. Въ полкъ прибывалъ молодой корнетъ, онъ попадалъ въ хорошо налаженный эскадронъ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ опытнаго командира эскадрона. Четыре-пять лѣтъ онъ учился конному дѣлу въ полку, а потомъ еще, передъ полученіемъ эскадрона, уходилъ въ особую офицерскую кавалерійскую школу, гдѣ изъ офицера вырабатывался во-истину виртуозъ своего дѣла. А нашъ командный составъ...

Малинский вспомниль, что за столомъ сидить инспекторъ кавалеріи IX-й арміи, никогда не служившій въ кавалеріи, и сталъ говорить мягче.

-- Намъ, конечно, пока что такая школа не подъ силу, но создать курсы, гдѣ бы командиры научились хоть правильно сидѣть въ сѣдлѣ, чтобы показать затѣмъ это красноармейцамъ — это намъ по силамъ. И это неотложно надо сдѣлать. Я осмотрѣлъ части кавалеріи и вынесъ убѣйственное впечатлѣніе, Два-три полка только и похожи на что то. А все остальное для моего кавалерійскаго сердца — ножъ острый. Я видѣлъ полки, гдѣ люди понятія не имѣютъ о расчесѣ для посадки: садятся прямо кучей — кучей и спѣшиваются. Въ одномъ полку не знали разницы между командой «направо» и «поворотъ направо». Вообще это, конечно, не конница, а просто люди, посаженные на коней... Надо весь ком-состав пропустить черезъ курсы. И отборъ нужно сдѣлать. Негодныхъ нужно убрать. Конницу нужно спасать, а то мы лошадей погубимъ. Вѣдь большинство просто понятія не имѣетъ о режимѣ питанія лошади, уходѣ за нею... А конскій составъ — это не шутка: доконатъ его легко, создать его очень трудно...

Кто то изъ присутствующихъ замѣтилъ, что на этихъ кавкурсахъ можетъ быть уменьшить авторитетъ команднаго состава.

— Удобно ли, что и командиръ полка, и командиръ эскадрона, и даже взводные командиры будутъ на однихъ и тѣхъ же курсахъ?... Субординація пострадаетъ...

— Ну, знаете ли, если дорожить субординаціей, покоящейся только на томъ, что ни командиръ полка, ни его помощники ничего не знаютъ, то это знать не дорожить конницей... Ничего иѣть зазориаго въ томъ, что люди будутъ учиться тому, чего они не знаютъ, но что обязаны знать по долгу службы... Конечно, лучше было бы имѣть рядъ курсовъ: на однихъ обучаются командиры взводовъ, на другихъ эскадронные командиры и т. д., но такихъ курсовъ надо создать тогда цѣлую лѣстницу. Надо вѣдь тогда открыть особые курсы для начальниковъ кавалерійскихъ дивизій.. Вѣдь среди нихъ врядъ ли найдется три человѣка, которые въ курсахъ этихъ настоятельнѣйшимъ образомъ не нуждаются.

Онъ изъ скромности, надо полагать, не упомянулъ о курсахъ для инспекторовъ кавалеріи...

Въ разговорѣ вмѣшался комиссаръ Малинского:

— Не нужно только при докладѣ командарму особенно сгущать краски. Страй, конечно, святое дѣло... Такъ, кажется, говорилось въ старину? Но строй это еще не все — важень духъ, революционный подъемъ! Вотъ у бѣлыхъ команднаго состава былъ со школой. Тамъ всѣ уставчики запали на ять. Но кончилось для нихъ дѣло все же плохо. Уставчикъ вещь хорошая и полезная, но строй еще не все, — важна политическая сознательность арміи. И строй нашъ уже не такъ плохъ. Блеска иѣть былой кавалеріи — ну что жъ, это не велика утрата... Не надо бить комсоставъ по самолюбію. Постепенно и у насъ появится опытный въ строевомъ дѣлѣ командный составъ. Это дѣло времени. Старая армія тоже вѣдь не въ одинъ годъ обзавелась спецами — дойдемъ и мы до этого.

19. РАЗГОВОРЫ О ДУМЕНКѢ И КЕЛЬЧЕВСКОМЪ.

Разговоръ перешелъ съ служебныхъ темъ на животрепещущія. Заговорили о процессѣ Думенки, закончившемся нѣсколько дней тому назадъ смертнымъ приговоромъ красному генералу — кавалеру ордена красной звѣзды. Процессъ этотъ вызывалъ въ то время много шума и толковъ.

— И главное, когда это все разразилось надъ его головой... Нѣть уже ни бѣлыхъ, ни войны... — сказалъ Малинскій.

— Предательство — всегда предательство, — замѣтилъ Понамаревъ.

— Да, но доказано ли предательство? — продолжать Малинскій, — не очередной ли это «заговоръ»?

— Смертный приговоръ говорить, что доказано. Думенко опредѣленно мечталъ о переходѣ на сторону бѣлыхъ. Цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній устанавливаютъ, что Думенко вѣль секретные переговоры съ генераломъ Сидоринымъ. На судѣ фигурировали телеграфныя ленты — разговоръ между Думенко и Сидоринымъ. Думенко хотѣлъ сразу же сдаться со своимъ корпусомъ на Манычѣ, Сидоринъ же предлагалъ повременить и говорилъ, что надо эту сдачу обставить такъ, чтобы однимъ ударомъ разгромить его и Буденаго. Въ февралѣ они должны были какъ разъ сомнѣться на Манычѣ и Сидорину хотѣлось, чтобы Думенко не просто сдался, но поставилъ бы и Буденаго въ безвыходное положеніе. Если бы планъ Сидорина удался, вся картина на фронтѣ была бы совершенно иной.. Все наше спасеніе было въ конницѣ. Разгромъ конницы былъ бы нашимъ разгромомъ... — говорилъ комиссаръ кавалеріи фронта.

— Ну, а что же Думенко ? Признался?

— Наоборотъ, полный отказъ отъ всѣхъ обвиненій... А когда ему показали телеграфную ленту, онъ сказалъ: — «дайте мнѣ полъ часа свободного времени и телеграфиста, и я сфабрикую вамъ ленту не о томъ еще, а что самъ Ленинъ и Троцкій вели переговоры съ Деникинымъ о разгромѣ красной арміи»...

— Вообще съ конницей у насъ не все благополучно. Она, правда, вывѣзла васъ, но она же все время и угрожаетъ намъ... Думенко разоблаченъ, Мироновъ разоблаченъ... Въ Буденовскихъ частяхъ раскрыта сейчасъ бѣлая офицерская организація... Безпокойный родъ оружія!..

Малинскій сказалъ:

— А въ старину было какъ разъ наоборотъ: конница была самымъ надежнымъ родомъ оружія...

— Эти то «старые времена» еще и сидѣть тайкомъ въ конницѣ... Старая закваска не такъ легко умираетъ... Нуженъ глазъ да глазъ...

— Мы вотъ говоримъ о чашихъ предателяхъ... А слышали ли вы, товарищи, о томъ, что весною Донская армія должна была въ полномъ составѣ, вмѣсть со своимъ Командующимъ Арміей и Атаманомъ, перейти къ намъ? Да-съ, я слышала объ этомъ отъ одного очень освѣдомленного лица. Фамилію его не назову вамъ, а только онъ офицеръ генерального штаба и занимаетъ въ нашей арміи очень видное мѣсто. Такъ вотъ онъ говорилъ мнѣ, что генералъ Кельчевскій тоже вѣль переговоры съ нашимъ командованиемъ, но уже о сдачѣ Донской Арміи...

— Это, вѣроятно, творимая легенда...

— Брядъ-ли, — защищать свои свѣдѣнія Малиновскій. — Говорилъ мнѣ объ этомъ генштабистъ, а они въ курсѣ такихъ дѣлъ. Онъ передавалъ даже пѣ-которая подробности. Дѣло въ томъ, что Донцы, и въ частности Кельчевскій, были не въ фаворѣ у Добровольческой Арміи. Отношенія у нихъ были до того рогатыя, что Донская Армія просто не исполняла приказовъ Главнаго Командованія. Среди Донцовъ начался расколъ. Одни захотѣли по домамъ уйти, другие стали подумывать о перебѣжкѣ къ намъ для «совмѣстной службы». Донское командинаніе оказывалось подъ угрозой — казаки говорили, что надо не только перейти къ краснымъ, но и генераловъ своихъ привести. Вотъ, моль, вамъ ви-новники войны, берите ихъ, дѣлайте съ ними, что хотите, и давайте дѣло миромъ

кончать. Кельчевский будто бы все это взвесил, такой финаль борьбы не казался ему невероятным и онъ задумалъ произвести маленькую оперативную комбинацію, результатомъ которой должно было быть окружение Донской Арміи и сдача ее въ пленъ. По этому поводу Кельчевский вель переговоры кое съ кѣмъ изъ нашихъ генштабистовъ. Эти генштабисты, вы вѣдь знаете — одна семья. Ихъ мало, они другъ друга знаютъ. Кельчевский, видимо, хотѣлъ выговорить себѣ нѣкоторая почетная условія сдачи...

— Если это и такъ, то Его Превосходительство нѣсколько опоздали! Мы и безъ него сдѣлали «маленькую оперативную комбинацію», какъ вы изволили выразиться...

— Неужели во всемъ этомъ есть хоть доля истины? — думалъ я, слушая увѣренную рѣчь Малинского.

Припомнились мнѣ наши зимнія тревоги на Дону. Вспомнилъ и одно нѣсколько необычное, ночное засѣданіе на хуторѣ Елкинѣ, на которое были приглашены начальникомъ штаба 4-й донской конной дивизіи, генер.штаба полковникомъ Барцевичемъ, командиры полковъ дивизіи, командиры бригадъ и ихъ начальники штабовъ. Былъ на этомъ тайномъ засѣданіи и я, какъ старшій адьютанть штаба дивизіи. Полковникъ Барцевичъ только что вернулся изъ Ростова и Новочеркасска, куда ъздилъ специально для того, что бы «произвести развѣдку» въ штабахъ Добровольческаго и Донского командованія. Всюду онъ встрѣтилъ нѣкоторую растерянность и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. На фронтѣ творилось что то неописуемое. Полки не хотѣли драться. Одинъ большевицкій развѣдѣзъ выгонялъ изъ станицъ цѣлые полки. Полки таяли не по днямъ, а по часамъ — казаки или уходили домой, или сдавались краснымъ. У начальниковъ не было увѣренности, что въ одинъ, далеко не прекрасный день, ихъ не предадутъ въ руки большевиковъ. Барцевичъ рѣшилъ организовать тайную офицерскую сотню, куда, въ случаѣ какихъ либо превратностей военной судьбы, надо было собираться командному составу. Такой сотней можно было, если не продолжать войну, то хоть спасти себя отъ пѣна, на время скрыться гдѣнибудь, а тамъ уже дѣйствовать, глядя по обстановкѣ. Планъ полковника Барцевича былъ одобренъ и начальникомъ дивизіи, генераломъ Лобовымъ, и другими участничками совѣщенія.

На вопросъ участниковъ совѣщенія: — «А что же думаетъ командованіе?..», полковникъ Барцевичъ отвѣтилъ «туманной» фразой: — «Поговорка говорить: на Бога надѣйся, а самъ не плошай! Ну, а нашему начальству далеко до Бога... У нихъ и деньги припасены, и паспорта иностранные въ карманѣ... Съ иностранными миссіями, въ случаѣ чего, и улепетнуть, а мы тутъ расхлебывай...»

Это все было, но все это не то, о чёмъ говорить Малинский и что ему повѣдалъ какой то крупный офицеръ генерального штаба...

О Думенкоскомъ «предательствѣ» и зналъ кое-что. Моя дивизія все время драилась съ нимъ зимою 1919 года на Манычѣ. Уже тогда у насъ были слухи, что Думенко не прочь сдаться намъ со своимъ лихимъ коннымъ корпусомъ. Въ хуторѣ Веселомъ я видѣлъ записку, написанную рукою Думенко. Адресовалась она на имя Начальника 4-й донской дивизіи, генерала Калинина. Думенко, подъ напоромъ нашихъ частей, оставилъ хуторъ Веселый и въ домѣ, гдѣ онъ квартировалъ, онъ оставилъ записку, приказавъ казаку, хозяину дома, передать записку генералу Калинину. Казакъ исполнилъ порученіе Думенко. Записка гласила: «Ухожу. Не хочу драться съ казаками. Можетъ скоро свидимся». Подписи не было. Но казакъ, передававшій записку говорилъ, что писалъ ее самъ Думенко

и писаль при немъ. Подписи же не поставилъ, видимо, изъ предосторожности. Идя вслѣдъ за уклонявшимся оть боевъ Думенко, мы все время получали интересныя свѣдѣнія о его поведеніи. На хуторѣ Жеребковомъ мы узнали оть мѣстныхъ казаковъ, что Думенко разстрѣлялъ здѣсь же на хуторѣ своего комиссара за то, что тотъ сталъ вмѣшиваться въ оперативные распоряженія Думенко. Казаки говорили, что комиссарь требовалъ контръ-атаки противъ насъ, Думенко не соглашался, говоря, что онъ будетъ отступать, пока не соединится съ конницей Буденного, который идетъ къ нему, якобы, на подмогу. Черезъ нѣсколько дней въ бою онъ разстрѣлялъ другого своего комиссара. Думенковскій разъѣздъ захватилъ какъ то нашъ офицерскій разъѣздъ. Плѣнныхъ доставили въ штабъ. Думенко ихъ лично распрашивалъ и объявилъ, что имъ предоставляется выборъ: хотять — могутъ остаться у красныхъ, не хотять — могутъ безпрепятственно возвращаться къ себѣ. Часть казаковъ осталась у красныхъ, а офицерь и три казака вернулись къ намъ. Отъ нихъ мы узнали тоже кое-какія свѣдѣнія о настроеміяхъ Думенко. Вѣроятнѣе всего, что планъ сдачи, если онъ и былъ у Думенко, былъ его личной затѣей. Въ Думенковскіе полки эта идея не прошла; по крайней мѣрѣ, плѣнныя думенковцы ничего объ этомъ не показывали на допросахъ.

Отъ Думенко и Кельчевскаго разговоръ за столомъ перешелъ къ Врангелю. Здѣсь была известна исторія борьбы между генералами Врангелемъ и Деникинымъ — знали также и о возстаніи капитана Орлова. Крымскій фронтъ считали послѣдней вспышкой борьбы. Всѣ были увѣрены, что къ осени врангелевскій фронтъ будетъ совершенно ликвидированъ. Говорили о польскомъ фронтѣ — онъ внушилъ болѣе тревоги. Боялись, что за Польшу вступится Франція и тогда дѣла могли принять совсѣмъ опасный поворотъ. Ввязываться въ войну съ Европой не хотѣли. Въ общемъ публика настроена была не мрачно. Всѣ рады были, что для нихъ войны уже позади, и что пока что участникамъ бесѣды въ удѣль данъ отдыхъ. У всѣхъ было настроеніе какихъ то каникулъ... Гдѣ то тамъ, въ Крыму, на польской границѣ гремятъ пушки, лаютъ пулеметы, щелкаютъ винтовки. Но это гдѣ то далеко... въ сторонѣ... Здѣсь же не слышно гула войны. Зеленые?... Конечно, непріятность, но съ ними тоже кто то дерется... Во всякомъ случаѣ пока что — можно считать себя на положеніи отдыхающихъ...

Поздно вечеромъ уѣхало въ городъ, рѣшивъ тамъ докончить пріятно начатый день...

20. ПОСЛЪ СМОТРА.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смотра, я былъ вызванъ въ инспекцію кавалеріи. Малинскій по телеграфу запрашивалъ — соглашусь ли я принять на себя организацію кавалерійскихъ курсовъ IX Кубанской арміи, съ тѣмъ, что я же буду и начальникомъ этихъ курсовъ. Отъ этого назначенія я категорически отказался. Готовить къ строю красный командный составъ совсѣмъ не входило въ мои задачи. Мнѣ очень хотѣлось оставаться въ дивизіонѣ, гдѣ я уже кое-какъ подобралъ людей, наладилъ кое-какія связи. И потомъ это все таки боевая часть. Въ случаѣ чего, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ наступленіе которыхъ я упрямо вѣрилъ, эта боевая часть, мною же подготовленная, можетъ оказаться очень полезной. Зеленое движеніе съ каждымъ днемъ ширилось. Оно было у меня подъ бокомъ. Терять съ нимъ стыкъ мнѣ не хотѣлось. Чувствелъ внялъ моей просьбѣ и рѣшилъ телеграфировать Малинскому о моемъ от-

казъ отъ этого назначенія. Для Чувелева у меня былъ особый доводъ: откомандую я курсами — Малинскій забереть меня къ себѣ... Съ IX арміей, значить, надо разстаться... А IX армія мнѣ «родная», въ ней я провелъ всю красящую службу. Чувелеву же врядъ ли хотѣлось со мной разставаться. Поэтому онъ очень охотно поддержкаль мой отказъ отъ должности начальника кавкурсовъ.

Черезъ двѣ недѣли курсы все же были организованы и во главѣ ихъ сталъ кто то изъ старыхъ кавалеристовъ. Командный составъ частей былъ разбитъ на четыре группы. Одна за другой онъ должны были пройти курсы. Составлена была первая очередь, куда попалъ и инспекторъ кавалеріи Чувелевъ! Въ эту же очередь былъ включенъ и Понамаревъ. Это была группа по преимуществу высшаго команднаго состава. Тамъ было много начальниковъ дивизій, коман-дирозвъ бригадъ и полковъ.

Заѣхалъ я какъ то по дѣлу въ инспекцію кавалеріи. Встрѣтился съ Чуве-левымъ. Рассказывается, что и его «забрили» въ курсанты.

— Красивый номерокъ — не правда ли? Инспектора кавалеріи въ манежной фэздѣ будеть погонять плѣнныи корнетъ... Да, да плѣнныи! Почти всѣ инструкто-ра курсовъ изъ бѣлыхъ... Малинскій совсѣмъ съ ума спятилъ. И Левандовскій тоже шляпа, — тотъ наружжалъ ему, а этотъ радъ стараться...

21. ГЕРОЙ БАЛАШОВА, БУТУРЛИНОВКИ, УСТЬ-ХОПЕРСКА И ПР.

Какъ разъ во время этого разговора начальникъ канцеляріи доложилъ, что въ инспекцію прибыль командиръ какого то полка, хочетъ представиться ин-спектору и просить о назначеніи комиссіи для испытанія его на должностъ ко-мандира бригады.

— Просите!

Въ кабинетъ вошла фигура — здоровенный дѣтина. По актерски бритый, лохматый, косая сажень въ плечахъ. На немъ была дорогая кавказская шашка, бинокль, револьверъ въ кобурѣ, полевая сумка. За плечами, на шнуркѣ, красный башлыкъ. Не было на вошедшемъ только пушки и пулемета.

Представился.

— Я командовалъ четырьмя полками... Братъ Балашовъ, Бутурлиновку, Усть-Хоперскъ, Медвѣдовскую... Представленъ за Манычъ къ красной звѣздѣ... Получилъ благодарность въ приказѣ по Оборонѣ Республики, — аттестовалъ себя командиръ полка.

— Что же вамъ еще нужно? — спросилъ его Чувелевъ.

— Хочу бригаду.

Туть же была составлена экзаменационная комиссія, въ которую вошелъ и я.

— Вотъ вамъ карта и компасъ, — обратился къ красному командиру полка предсѣдатель экзаменационной комиссіи Коршъ, — ориентируйте карту.

Командиръ полка не понялъ того, что отъ него требуютъ и сталъ вертѣть компасъ по столу то въ одну, то въ другую сторону.

— Карту ориентируйте, товарищъ, карту, а вы компасъ ориентируете...

Компасъ сколько не вертите, пока вы его не сломаете, стрѣлка все равно будеть показывать на сѣверъ... Вы знаете, что значитъ «ориентировать карту»...

— Этого я не знаю... Мое дѣло командовать въ бою...

— Да, но для этого то и нужно умѣть обращаться съ картой.

— Начальникъ штаба на это будетъ у меня имѣться...

— Но и вы, товарищъ, должны это умѣть. А то начальникъ штаба будеть вѣсъ за носъ водить...

— Я и безъ карты взялъ Балашевъ, Бутурлиновку, Усть-Хоперскъ, Медвѣдскую...

Экзаменъ по «тактикѣ» кончился — перешли къ строю. Предложили изъ взводной колонны бригады построить линію колоннъ. Разумѣется, не построить.

— На должностіе командаира бригады вы, товарищъ, еще не подготовлены, — объявили герою Бутурлиновки, Балашова, Усть-Хоперска и прочихъ весей бѣдной Россіи.

Чувелевъ слышалъ отвѣты испытуемаго и приказалъ намъ подвергнуть краснаго героя испытанію на должностіе командаира полка.

Результаты оказались очень неблагопріятны для экзаменующаго сн.

— Экзаменуйте на эскадронъ! Распорядился Чувелевъ.

Среѣзлся.

— ... на взводъ!

Тоже среѣзлся.

— Товарищъ Чубиновъ, заготовьте товарищу предписаніе отправиться въ штабной дивизіонъ товарища Андреева. Онъ назначается туда рядовымъ красноармѣйцемъ.

— Какъ?!... — возмутился командаиръ полка, — я взялъ съ четырьмя полками Балашовъ, Бутурлиновку...

— Потрудитесь, товарищъ, исполнять приказъ! Съ такими знаніями, какъ у васъ, придется отдавать назадъ, и Балашовъ, и Бутурлиновку...

Красный командаиръ вдругъ свалился со своихъ командаирскихъ высотъ и мечтаний въ красноармѣйской изѣ. Бѣда его была въ томъ, что онъ не прошелъ хотя бы унтеръ-офицерской школы старой арміи. «Ун더라» старой кавалеріи безъ особаго труда получали эскадроны и полки, — особенно сверхъ-срочные, кого принято было называть — «шкуры». Прошедши строгую школу учебной команды и особые дополнительные курсы для сверхъ-срочныхъ унтеръ-офицеровъ, знаявшіе наизусть уставы, они отлично справлялись со своими красными эскадронами и даже полками. Знающіе психологію солдата, выросшіе съ имъ въ одѣомъ быту, не боящіеся пограбить сами и разрѣшающіе это своимъ «руководимымъ», ундра, въ роли красныхъ командаировъ полковъ, были ка своеимъ мѣстѣ. Достаточно назвать имена Будениаго, Думенки, Гая, Блишова, Жлобы... Всѣ они до революціи носили погоны съ унтеръ-офицерскими нашивками, а теперь командаравали конными дивизіями, корпусами и даже арміями. Вѣрные революціи за то, что она такъ вознесла ихъ, обожаемые солдатами, какъ начальники изъ «солдатской породы», — можно ли имѣть лучшихъ красныхъ генераловъ?...

Но у нашего героя не было старорежимной унтеръ-офицерской школы — въ этомъ то и заключалась его служебная бѣда.

22. ПОВЫШЕНИЕ ПО СЛУЖБѢ.

Послѣ экзамена чуть ли не всей инспекціей кавалеріи поѣхали обѣдать. Былъ съ нами и Понамаревъ. За обѣдомъ я узналъ, что вмѣсто Чувелева инспекторомъ кавалеріи назначенъ Сумовский, бывшій полковникъ кавалеріи. До этого назначенія онъ занималъ должностіе помощника инспектора кавале-

ри Х-й армії. За обѣдомъ же было рѣшено, что я приму отъ Понамарева диви-
зіонъ, ввиду его откомандированія на кавкурсы.

Вмѣстъ съ Понамаревымъ, въ командирскомъ экипажѣ, я вернулся домой.
По дорогѣ шелъ разговоръ все на ту же тему, — о перемѣнахъ, съ связи-
емъ учрежденіемъ кавкурсовъ. Официально считалось, что всѣ курсанты сохра-
няютъ за собой свои должности и что они будутъ находиться только въ коман-
дировкѣ. Кое кому объѣщано было постѣ курсовъ повышеніе по службѣ. Въ ча-
стности, Понамареву обѣщана была Реввоенсовѣтомъ арміи, гдѣ у Понамарева
было много друзей, должность начальника кавалерійской дивизіи. Чувелевъ
долженъ былъ вернуться на свой старый постъ инспектора кавалеріи.

— Какъ только получу дивизію, я заберу васъ къ себѣ... Хотите полкъ —
полкъ получите, хотите бригаду — устрою вамъ бригаду...

Поблагодаривъ Понамарева за благорасположеніе ко мнѣ, я спросилъ у
него — кто же будетъ военкомъ у меня въ дивизіонѣ. Для меня это было су-
щественно важно, т. к. военный комиссарь, обычно, болѣе влиятельная особа,
чѣмъ командиръ. Командиръ, по существу, фигура безвластная. Вся власть —
у комиссара, вплоть до ареста командира, если таковой покажется комиссару
неблагонадежнымъ. Мнѣ особенно важно было знать, кто будетъ приставленъ
ко мнѣ для политического наблюденія за мной и у кого я долженъ буду получать
контроль-ассигновки для всѣхъ моихъ распоряженій по дивизіону.

Понамаревъ отвѣтилъ, что онъ и самъ подумываетъ о замѣстителе на постъ
 комиссара дивизіона. Онъ имѣлъ въ виду двухъ кандидатовъ: Молоткова (его
секретаря) и Дубового (бывшій секретарь военкома армейского кавалерійского
депо; депо это было недавно расформировано и Дубовой былъ уже не у дѣла).

Пономаревъ разсуждалъ:

— Дубовой — добрый малый, бывшій офицеръ, прaporщикъ, кажется.
Но Дубовой тряпка; его красноармѣйцы не будутъ бояться. Вамъ не на кого
будеть опереться... Но за то онъ не вмѣшивался бы ни во что. Онъ любить вы-
шить, поспать, поохотиться — охотникъ онъ заядлѣйший... Молотковъ — тоже
добрый малый. Молоднякъ еще. Человѣкъ самостоятельный и крѣпкій — этотъ
справится съ нашими башибузуками. Но онъ будеть дѣйствовать по комиссар-
скому катехизису — буквѣль человѣкъ. Вотъ тутъ то и выбирайте — Молот-
ковъ, пожалуй, будеть понадежнѣе. Я съ нимъ потолкую, сведу васъ вмѣстѣ.
Думаю, что вы уживетесь. Ну, а въ случаѣ неладовъ, — командиры вѣдь, рѣдко
дружать съ комиссарами своими, — обращайтесь ко мнѣ: я всегда васъ поддер-
жу.

Какъ ни старался я заполучить къ себѣ въ комиссары Дубового, прошла
все же кандидатура Молоткова. Его поддержалъ и Политический Отдѣлъ Арміи,
гдѣ Молотковъ былъ на виду и считался коммунистомъ, подающимъ надежды.
Для него новое назначеніе было уже карьерой и замѣтнымъ повышеніемъ.

Черезъ нѣсколько дней Понамаревъ подалъ рапортъ, что сдастъ, а я, что при-
нимать дивизіонъ, и я поѣхалъ въ инспекцію лично отвести рапорта. Да и надо
было представиться новому инспектору кавалеріи Сумовскому.

Сумовскій принялъ меня очень любезно, разспрашивалъ о моей «ста-
рорежимной службѣ». Нашли мы не мало общихъ знакомыхъ. Онъ сказалъ, что
слышалъ обо мнѣ «много лестнаго» и что на-дняхъ пріѣдетъ ко мнѣ въ станицу
смотрѣть дивизіонъ.

Перемѣнился въ инспекціи и комиссарь; старый комиссарь тоже былъ от-
командированъ на курсы; фамилія нового комиссара была Леоновичъ. Я немного.

уже знать его по инспекці; до своего назначенія комиссаромъ, онъ былъ сотрудникомъ для порученій при инспекціи кавалері. Это былъ интеллігентный человѣкъ, универсантъ; былъ когда-то меньшевикомъ, теперь сталъ партійнымъ коммунистомъ.

- Вась съ Молотковымъ поздравить можно... — улыбнулся онъ мнѣ.
- Если съ этимъ можно поздравлять, готовъ принять поздравленія...
- Молоткова я знаю... Упрямъ, какъ стоерось... Хлопотъ у васъ будетъ не мало... Это не Понамаревъ... Впрочемъ, если будутъ тренія, я къ вашимъ услугамъ... Все, что можно будетъ сдѣлать — сдѣлаемъ...

23. НА ЭКСТРЕННОМЪ ВЫЗОВЪ.

Посылавшіеся для развѣдки въ зеленый станъ донцы — официалью считались находящимися въ отпуску или въ командировкѣ; по возвращеніи своеимъ въ дивизіонъ, они доставляли очень цѣнныя свѣдѣнія о развивающемся на Линейной Кубани зеленомъ движениі, которая я, въ свою очередь, сообщаль въ нашъ екатеринодарскій «адреcъ». Зеленымъ они доставляли мои развѣдочныя сообщенія о томъ, что дѣлается въ красномъ станѣ, гдѣ сосредоточены большевицкія части, каковы силы большевиковъ на зеленомъ фронтѣ, секторы развѣдки и проч. Правда, все это носило, по своему масштабу, кустарный характеръ. Изъ всѣхъ зеленыхъ отрядовъ я имѣлъ, болѣе или менѣе, постоянную связь только съ отрядомъ сотника Чичи-Бабы — этого было недостаточно. Но предполагалось, что Чичи-Баба мою «развѣдку» не консервируетъ, а распространяетъ дальше по зеленымъ отрядамъ. Я смотрѣль на связь съ Чичи-Бабой только какъ на начало связи съ зелеными и что дальше удастся эту связь расширить и углубить. Екатеринодарскій «адреcъ» былъ мало живучъ. Располагалъ онъ цѣннѣйшимъ материаломъ, но реализации этого материала, дѣйственной реализации, не было еще видно. Онъ пыталъ своими свѣдѣніями нѣсколькоихъ лицъ. Этимъ вся работа «адреса» пока и ограничивалась. Не было среди нась лица, которое могло бы заняться развитиемъ дѣла, — либо все еще полагалось «въ ожиданії», и это «ожиданіе» начинало уже томить. Время шло. Концентраціонные лагери все гуще и гуще набивались плѣнными, не пожелавшими поступать въ ряды красной арміи. Въ лагеряхъ было уже нѣсколько бунтовъ, такъ какъ плѣнныхъ посыпали на самыя тяжелыя работы, плохо кормили и всячески притѣсняли. Всѣ эти бунты кончались массовыми разстрѣлами — много было разстрѣляно и моихъ знакомыхъ. При этихъ условіяхъ медленное движеніе нашей «улиты» беззмѣрно тяготило душу. Хотѣлось дѣйствія, борьбы... Энергіи было много. Нужно было только толково и организовано суммировать ее.

Успѣхъ былъ обезпечень, ибо всѣ чувствовали себя какъ бы на «экстренномъ вызовѣ»... Вотъ-вотъ что то произойдетъ...

24. ЛЕГЕНДЫ О ГЕНЕРАЛЪ ФОСТИКОВЪ.

Одинъ изъ моихъ развѣдчиковъ, посланный въ Баталашинскій отдельъ, по возвращеніи съ развѣдки, передалъ, что баталиашинцы очень сочувствуютъ казачьему восстанію и имѣютъ свой отрядъ, который находится гдѣ то у Джем-тура. Отрядомъ руководить баталиашинецъ — генераль Фостиковъ. Красные

пытались, черезъ родныхъ генерала, живущихъ въ Баталпашинскѣ, уговорить его сложить оружіе, предлагая генералу какой то большой постъ въ красной арміи и тутъ же грозили, что если Фостиковъ не сдастся, че-ка расправится съ его семьей.

Мой развѣдчикъ говорилъ, что посломъ отъ большевиковъ къ генералу поѣхалъ его отецъ-старикъ.

— Покорись, сынъ. Замучать они насъ всѣхъ, запытаютъ... Комиссары такъ и велѣли тебѣ это пересказать...

— Не могу, отецъ. Не казачье это дѣло голову гнуть передъ комиссарами. А мучить они васъ не посмѣютъ. Такъ и передай имъ — Фостиковъ, моль, скажаль, что если они только тронуть тебя, мать, жену, или кого-нибудь изъ нашихъ, я буду имъ мстить, какъ звѣрь... За каждого изъ васъ замучу сотни большевиковъ. И станица пусть васъ бережетъ!...

— Уѣхалъ отецъ обратно въ станицу,—разсказываетъ мнѣ легенду казакъ, — пересказалъ генеральскую волю комиссарамъ, а тѣ говорятъ:

— Ну пусть жена еще пойдетъ. Можеть она его уговорить. И пущай скажетъ этому лѣсному генералу, что комиссары, моль, изведутъ всю семью и чтобы жена, значить, въ скорости возвращалась съ отвѣтомъ. Не возвратится — къ такому то дню и часу, почнутъ комиссары бить Фостиковскую родню.

— Пойѣхала жена. Христомъ Богомъ просить и молить генерала покориться, и слушать не хочетъ!

— Не могу! Казакамъ помочь оказать долженъ. Слово имъ такое дать.

— Перебьютъ они насъ...

— А ты не єзжай туда больше.

— А ребенокъ то какъ?...

— Ничего ребенку нестанется. Есть кому посмотреть. А ребенка какъ-нибудь выкрадемъ...

— И осталась жена при Фостиковѣ, — докладывастъ казакъ. — А комиссары ждали пождали... Срокъ возвращенія миновалъ. Они и перебили Фостиковскую родню. Слово свое тоже сдержали. Всѣхъ перебили и ребенка тоже... Теперь станица боится, что генералъ осерчалъ и не ровенъ часъ на станицу гибѣть своей изольть. Деснать, не соблюли семью мою, а я за васъ всѣхъ дѣло дѣлаю...

Развѣдчики нерѣдко доставляли мнѣ аналогичныя легенды, героями которыхъ были то отдѣльные офицеры, то станичные атаманы или урядники. Я не зналь, радоваться ли, что станицы уже творять легенду, или печалиться, что легендами напитали меня мои развѣдчики, а фактъ, годныхъ для дѣйствія, увы, — никакихъ нѣть... Впрочемъ, и казачьи легенды въ каномъ то смыслъ были фактъ: такой колоритъ легенды о Фостиковѣ тоже позволялъ дѣлать кое какие выводы. Я чувствовалъ, что Фостиковъ не одинокъ въ томъ дѣлѣ, которое онъ начинать и что помыслы казачества близки къ его начинаніямъ. Фостиковъ становился героемъ казачьихъ разсказовъ... О немъ ходятъ красивыя сказки — онъ тема разговоровъ «по душамъ» среди казаковъ.

25. НА КВАРТИРЪ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА.

Воть и о Корниловѣ не перестаютъ вспоминать казаки. Хорошую онъ славу оставилъ по себѣ.

Квартировалъ я какъ разъ въ томъ домѣ (ст. Елизаветинская), гдѣ стояль штабъ генерала Корнилова.

Хозяйка рассказывала мнѣ:

— Обходительный былъ человѣкъ, добрый, доступный,. Хоть и генераль онъ былъ, а просто держаль себя и съ простымъ казачествомъ не гнушался говорить... Воть тутъ у нихъ телефонъ былъ, — показывала хозяйка на окно.— Воть тутъ, на этомъ столѣ, гдѣ у васъ бумаги лежать, канцелярія была. А спаль генералъ на постели, гдѣ вы сейчасъ спите. Съ нимъ въ этой же комнатѣ былъ генералъ Богаевскій... Да вы, навѣро, все это знаете? — вдругъ перебила себя хозяйка.

— Откуда же мнѣ это знать... Я — красный, они — бѣлые...

Хозяйка лукаво поглядѣла на меня и покачала головой въ знакъ сомнѣнія.

— Ой-ли... Что то мнѣ думается, что вы не у красныхъ тогда были... У красныхъ въ тѣ поры одна шантрана была... Это теперь поражились они офицерами... Не похожи вы на краснаго...

— Забрело же тебѣ въ голову, мать, Богъ не вѣсть чѣто...

— Воть забрело и забрело... И лицо ваше мнѣ знакомо... Да право же вы были съ Корниловымъ...

— Говорю же не былъ...

— Ну Богъ съ вами , коли признаваться не охота... Телефонъ этотъ звонилъ у нихъ цѣлые сутки. Говорить все больше генераль Богаевскій. А иногда самъ Корниловъ говорилъ. Видать , что это вождь. Говорить такъ, что умрутъ всѣ , какъ одинъ, а будеть по его приказу. Душою онъ говорилъ. И въ душу. Богаевскій — головою говорилъ, а Лавръ то Георгіевичъ душой, вогъ отсюда, — она энергично показала на грудь.— Не любилъ онъ, когда мы его тутъ звали «превосходительствомъ». — Называйте меня Лавромъ Георгіевичемъ, — говоривъ онъ, — у меня вѣдь имя человѣческое есть.

Хозяйка вновь вернулась къ своимъ догадкамъ:

— Ну, не правду, я старуха, говорю, что вы знаете все это? Вѣдь вы были съ Корниловымъ! Чуетъ моя душа , что были!...

Я вновь отдѣлся отговоркой.

— А про сестру милосердную Татьяну слыхали?

— Нѣть, расскажите...

— При Корниловѣ она была. Когда она входила въ комнату, всѣ вставали и Корниловъ вставалъ. Ручку всѣ ей цѣловали. Сказывали, что это царская дочна была, великая княжна Татьяна... Тихая она была, ласковая... А краси-ва, такъ ровно на картинкѣ нарисована. Казаки сказывали, что ее убили по-томъ... У меня и карточка Лавра Георгіевича спрятана. Хроню ее отъ этихъ, прости Господи, нехристей... Вы меня, старуху, простите... Васъ я этимъ не обижу, вы хоть и въ красныхъ, да не красный... Душа ваша бѣлая, офицерская..

Казачка порылась въ сундукѣ и достала фотографическую карточку Корнилова.

— Эхъ и человѣкъ это былъ!... Кабы не убило его на фермѣ, давно бы ояъ эту войну закончили и порядокъ навель... Казаки пошли бы за нимъ. Это такъ

о первоначалу казаки не знали куда пристать. А теперь бы все къ нему пошли...
елерь то видать за что ошь своихъ людей въ бой водить...

Казачья Кубань бережно хранила свѣтлый образъ народнаго героя, хоті
тотъ герой и не быть покинуть ивъ свое время...

26. ВѢСТИ О НАЗАРОВѢ.

Вернулся съ Дона казакъ. Рассказывая, что на Дону появился ка-
ой-то Назаровъ. Но однou персю — это полковникъ, но другой — сотникъ.
Что будто ошь съ Донскими казаками пришелъ отъ Врангеля, изъ Крыма. Точ-
ко казакъ ничего не знаетъ, не можетъ даже назвать районъ дѣйствій Назарова.
Извѣстно было только, что Назаровъ съ маленьkimъ десантомъ высадился въ
Таганрогъ и вошелъ вглубь Донской Области...

Назаровскій десантъ мени очень заинтересовалъ. О немъ и сейчасъ же
общились въ скатеринодарскій «адресъ» и послалъ вѣстника за Кубань къ сот-
нику Чичи-Бабѣ. О десантѣ хотѣлось знать достовѣрнѣе и подробнѣе. Нѣсколь-
кимъ донцамъ даши были «командированы» на Донъ съ тѣмъ, что если дѣло это
въ серьезъ пусть одинъ только возвратится для донлада, а остальные пусть
римкнутъ къ Назарову. Помощь Назарову будетъ не велика, но это были бы
юди для связи, въ которой Назаровъ, конечно, нуждался.

Изъ за командировокъ была стычка съ Молотковымъ — первая наша стычка.
— Пятнадцать командировокъ сразу... Вѣдь за это насть подгинуть, ес-
и узнаютъ... И все изъ пѣхиныхъ...

— Пѣхинымъ надо дойтиѣ оказать... Не вѣчно же они будуть у насть на
ожложеніи пѣхиныхъ... Люди служить, стараются... Надо поощрять... Нусть
ойдутъ на Донъ и рассказываютъ тамъ, что съ ними тутъ, хотя и съ пѣхинными,
обращаются по-человѣчски... А потому что же дѣлать? Отпуска запрещены...
Надо ихъ замѣнять командировками... Вы обратите вниманіе на дезертирство...
Что результатъ прекращенія отпускокъ... Командировки даютъ выходъ изъ это-
го тяжелаго для красноармейцевъ положенія...

Молотковъ упрямился дать свою подпись на командировочный сидѣтель-
ства.

— Дѣло это ваше... Но тогда принимайте на себѣ и ответственность за дѣ-
тертирство изъ дивизіона...

Помирились на томъ, что Молотковъ сократилъ число командировокъ съ
5 на 10.

Черезъ иѣкоторое время донцы представили Молоткову «доказательство»
ихъ вѣрности красной армїи и революціи: нѣсколько донцовъ подали заявленія
принятии ихъ въ комітѣйну дивизіона. Сдѣлано это было для того, что-
бы имѣть, свои глаза и уши среди коммунистовъ дивизіона. Они вѣдь вмѣстѣ
съ комиссаромъ дивизіона дѣлали накія то свои тайныя дѣла, вели свою разыѣд-
ку, наблюдали за командирамъ составомъ и проч. Надо было попробовать и за
коммунистами...

27. ВОЗЗВАНИЯ УЛАГАЯ И МОИ ВОЗЗВАНИЯ.

Въ теченіе дня пять-шесть разыѣдовъ несли службу разыѣдки. Каждому изъ
нихъ давалась опредѣленная задача и точно указывался районъ разыѣдки. Среди
нихъ разыѣдовъ всегда у меня былъ одинъ свой разыѣдъ, донесенія которого ис-

посылались въ штабъ укрѣпленного района. Свои разѣзды я направлялъ въ мѣста, гдѣ можно было дѣйствительно натолкнуться на зеленыхъ. Въ Черноморской Кубани зеленыхъ отрядовъ не было, были только маленькия группы, ютившіяся около рѣки Кубани и ожидавшія возможности тайкомъ переправиться на зеленый Линейный берегъ. Иногда они это дѣлали на плотахъ, которые вязали изъ камышей, иногда удавалось раздобыть гдѣ нибудь дырявую лодку.. Разѣзды мои нерѣдко натыкались на такія группы... Были даже перестрѣлки, о которыхъ приходилось доносить въ Екатерино达尔ъ, но конечная цѣль была связаться съ этими зелеными группами и разсказать имъ, куда надо переправляться, что бы на Линейномъ берегу не нарваться на красныхъ.

Какъ то разѣздъ доставилъ мнѣ повстанческую прокламацію, составленную отъ имени генерала Улагая. Воззваніе это начиналось слѣдующими словами (привожу по памяти) : «Казаки! Вольные сыны Кубани! Я — генераль Улагай, командующій Зеленою Арміей на Кубани, приказываю вамъ весь хлѣбъ, находящійся въ полѣ, свозить во даоры и не молотить, что бы не дать краснымъ хлѣба. Потерпите еще немного — скоро мы освободимъ Кубань отъ красной нечисти. Знайте, что армія Брангеля вышла на Дибръ, бѣть красныхъ и идеть на соединеніе съ Польской Арміей. Генераль Шкуро со всей арміей на Черноморскомъ побережкы, генераль Покровскій со своими казаками въ районѣ Майдона и Армавира» и т. д.

Воззваніе это было написано отъ руки, въ немъ было много грубыхъ грамматическихъ ошибокъ. Подпись была сдѣлана, якобы рукой Улагая и даже росчеркъ имѣлся... Воззваніе было несомнѣнно кѣмъ то сѣфабриковано, при чѣмъ фабрикантъ не имѣлъ, видимо, никакого представленія о томъ, гдѣ генералы Шкуро и Покровскій и гдѣ самъ генераль Улагай, командиръ не существующей «Зеленої Армії». Воззваніе это было сработано кѣмъ то на предметъ поднятія «казачаго духа» и такъ какъ воззваніе было найдено возлѣ станицы Ивановской, можно было полагать, что авторомъ его былъ сотникъ Стусь. Со Стусемъ я одно время держалъ связь, когда онъ съ маленькой группой казаковъ скрывался въ Красномъ Лѣсу (недалеко отъ станицы Марьянской), но потомъ я потерялъ его изъ виду.

Бодрить казаковъ, разумѣется, надо было. Не слѣдовало только вводить ихъ въ заблужденіе о Шкуро, Покровськомъ, Улагай... Когда казаки узнавали, что это ложь, воззванія начинали производить дѣйствія, обратная тѣмъ, на какія расчитывали авторы воззваній. Красные газеты сообщали вѣдь не мало свѣдѣній о бѣлыхъ генералахъ и въ этихъ свѣдѣніяхъ, рядомъ съ небылицей, обнаруживалась и подлинная неприглядная правда.

Я тоже «сѣфабриковалъ» нѣсколько возвзваній, но мои возвзванія не вводили казаковъ въ заблужденіе ложью о Шкуро и Улагай. Я писалъ, что въ лѣсахъ Линейной Кубани имѣются повстанческие отряды Фостикова, Фартукова, полковника Улагая, полковника Крыжановскаго... Ряды ихъ растутъ... Они дерутся за освобожденіе Кубани отъ большевиковъ... Имъ надо помочь... Кѣмъ въ отряды нужно ити всѣмъ, кто чувствуетъ отвѣтственность за судьбы Кубани. Станицы должны оказывать всяческую помощь повстанцамъ, снабжать ихъ оружиемъ, одеждой, довольствіемъ, помогать нравственной поддержкой...

Воззванія эти, размноженные екатерино达尔скимъ «адресомъ» на пишущей машинкѣ, распространялись моими разѣздами по станицамъ Черноморской Кубани, и выпускались отъ вымыщенного учрежденія — «Комитета Возставшей Кубанч».

Одно изъ моихъ возваній въ секретномъ пакетѣ было прислано штабомъ Укрѣпленаго района въ мой дивизіонъ съ приказаниемъ вести тщательную разведку, т. к., по имѣющимся у Украйона свѣдѣніямъ, «Комитетъ Возставшей Кубани» находится въ районѣ черноморскихъ станицъ...

28. ПОЛУЭСКАДРОНЪ АНТИФЕЕВА.

Въ этомъ же пакетѣ было и другое приказаніе : спѣшио выдѣлить изъ состава дивизіона полуэскадронъ въ полномъ боевомъ снаряженіи и направить его въ распоряженіе тов. Андреева, въ помощь его отряду, ведущему бои въ районѣ станицы Черноморская-Имеретинская.

Мельгнула возможность!...

Не говоря ничего Молоткову, я сейчасъ же приказалъ поѣздать коня и поскакать въ штабъ Укрѣпленного Раіона просить о посылкѣ на «линивіацію зеленыхъ» не полуэскадронъ, а весь дивизіонъ.

— Полуэскадронъ — это вѣдь ничто. Надо сразу брать быка за рога. Попшите мой дивизіонъ и черезъ двѣ недѣли я вамъ донесу, что Линейная Кубань очищена отъ зеленыхъ бандъ... Что жъ полуэскадронъ... Мы ихъ вспугнемъ, а они вѣдь птицы перелетныя — вспорхнутъ и въ другомъ мѣстѣ засидутъ... Поручите задачу линидаціи повстанцевъ дивизіону... Двѣнадцать эскадроновъ, да вы еще миѣ пару батарей придайте — за милую душу будетъ наведенъ порядокъ за Кубанью.

— Увы, это невозможно. У насъ всѣ части учтены до послѣдняго человѣка... На вашъ дивизіонъ возложена не менѣе отвѣтственная задача — прикрывать Екатеринодаръ. Адреевъ прикрываетъ съ одной стороны, вы съ другой...

Не выгорѣло...

Возвращившись въ дивизіонъ, вмѣстѣ съ Молотковымъ, выбрали полуэскадронъ. Выбиралъ, собственно, я, но дѣлался видъ, что мы решаемъ вопросъ сообща. Командиромъ полуэскадрона былъ назначенъ Антифеевъ — старый донской вахмистръ. Въ дивизіонъ онъ проникъ по «липовымъ бумагамъ». Онъ былъ моей правой рукой во многихъ дѣлахъ. Антифеевъ былъ вызванъ и ему объяснили о приказѣ штаба Укрѣпленного района. Выступить эскадронъ долженъ сегодня же вечеромъ.

Послѣ этого официальнаго разговора была у меня съ Антифеевымъ и секретная бесѣда.

— Берите въ этотъ полуэскадронъ только своихъ людей. Два пулемета ^{въ озъ} мите съ собой. Захватите хороший запасъ патроновъ и пулеметныхъ лентъ. Лишь бы только все гладко было...

— Это ужъ будьте покойны... Подкачать тутъ Боже избавь... Часто сдѣляемъ...

— Ну смотрите же... Если выйдетъ негладко, насть тутъ засыпете...

— Богъ милостивъ... Попробуемъ...

Къ вечеру полуэскадронъ былъ готовъ и построглся передъ штабомъ дивизіона для осмотра. Я остался доволенъ видомъ людей... Къ зеленымъ долженъ быть перейти отличный полуэскадронъ...

Молотковъ рѣшилъ сказать напутственное слово:

— Вамъ, товарищи, выпала честь первымъ изъ дивизіона пойти въ боевое дѣло. Зеленая сволочь, составленная изъ бѣлогвардейскихъ офицеровъ и отбросовъ казачества, вновь поднимает голову и мечтастъ свергнуть народную власть, чтобы вновь закабалить казачество и заставить его работать на тунеядцевъ генераловъ, помѣщиковъ, богачей и прочихъ враговъ народа. Имъ мало крови, которая льется вотъ уже шесть лѣтъ. Они хотятъ въ ней утопить весь русскій народъ. Но красная армія умѣеть расправляться съ палачами. Красные всадники имѣютъ острыя шашки. Товарищи, радуйте дивизіонъ своими боевыми успѣхами! Бейте зеленую сволочь!..

Товарищи поѣхали «радовать дивизіонъ»... Впереди Антифеевъ... Рядомъ съ нимъ политрукъ Ивановъ... Справа по три... Доны затянули пѣсню...

«Поѣхаль, казакъ на чужбину далеку,
«Поѣхаль одинъ на конѣ ворономъ»...

Что то Богъ дастъ...

29. ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРЪ.

Пользуясь командирскими положеніемъ, я часто бывалъ теперь въ Екатеринодарѣ, проводя тамъ день, иногда два.

Въ городѣ большевики чувствовались значительно ощутительнѣе, чѣмъ въ станицахъ. Въ станицѣ большевизмъ былъ коркой, подъ которой пузырировала, вопреки всѣмъ декретамъ, почти прежняя жизнь. Казаки также сытоѣ ёли, какъ и прежде, несмотря на продовольственный учетъ всего ихъ хозяйства, также дѣлали свою полевую работу, по прежнему съ зорькой выгоняли на попасъ свою скотину. На улицѣ, какъ и встарь, бѣгалъ казаченокъ съ громадной краюхой бѣлого хлѣба въ зубахъ.

Въ городѣ не то. Городъ бѣлый хлѣбъ считаетъ уже лакомствомъ. Здѣсь и черный хлѣбъ приходится раздѣбывать съ трудомъ. Мясо рѣдкостью стало въ самихъ зажиточныхъ семьяхъ. Чай въ городѣ пьютъ безъ сахару, безъ молока, безъ масла...

Квартиры всѣ «уплотнены». Буржуевъ потѣсили. Семья въ 5-6 человѣкъ ютится въ двухъ комнатахъ, а остальная часть квартиры отдавалась безкомнатными пролетаріямъ. Квартирная комиссія опредѣляла необходимую обстановку для реквизированыхъ комнатъ, при чѣмъ въ число необходимаго включалось все лучшее и цѣнное, если только это лучшее и цѣнное не было уже вывезено изъ квартиры въ первые дни большевицкой власти.

Въ городѣ назначались реквизиціонныя недѣли: недѣля бѣлья, недѣля обуви, недѣля кроватей, недѣля художественныхъ вещей. Это означаетъ, что въ теченіе недѣли всѣ дома въ городѣ будутъ осмотрѣны и если идеть недѣля бѣлья, заберутъ все лишнее бѣлье, считая лишнимъ все, что превосходитъ объявленную большевиками норму. Въ недѣлю обуви — отберутъ обувь...

«Недѣль» этихъ городъ пережилъ не мало. Тайно, ночью, все что можно было зарыть, зарывалось въ погребахъ, дворахъ, на чердакахъ, или вывозилось на сохраненіе въ ближайшую станицу къ знакомымъ казакамъ, где реквизиціонныхъ недѣль большевики не устраивали. Здѣсь охотились не за бѣльемъ и художественными вещами, а за болѣе необходимымъ — за хлѣбомъ.

Побывалъ я, въ одинъ изъ моихъ наѣздовъ въ Екатеринодаръ, на своей квартирѣ, въ которой жилъ еще въ періодъ моего легальнаго пребыванія въ Екатеринодарѣ. Это было еще въ апрѣлѣ, когда я только-только выписался изъ ла-

зарета, на койкъ которого быть взяты въ плѣнъ. Здѣсь знали, что я бѣлый офицеръ, что я въ плѣну. Визитъ сюда былъ, по меньшей мѣрѣ, не остороженъ. Но въ одномъ я былъ увѣренъ: здѣсь меня не выдадутъ. Тянуло же меня сюда другое...

— Вы? — удивилась моему появлению хозяйка дома, принявшая нѣкогда прогательное участіе въ моей судьбѣ.

Начались разспросы... Какъ? Какимъ образомъ я въ формѣ, красная звѣзда на фуражкѣ, и пр.

— Командную дивизіономъ...

— Ну, знаете, отъ кого, отъ кого, но отъ васъ я подобного хамелеонства не ожидала... Хотя вы и красная персона, но все же скажу вамъ, что это нечестно... Вотъ такъ всѣми буквами и-е-ч-е-с-т-и-о... Ваши друзья разстрѣливаются въ концентраціонныхъ лагеряхъ, томятся въ чрезвычайкахъ, а вы... вы красный командиръ...

Сестра хозяйствки, милая барышня, которую мнѣ то и хотѣлось, главнымъ образомъ, повидать, тоже не преминула замѣтить укоризненно:

— Я васъ не такимъ себѣ рисовала... 1-е мая и вотъ теперешній вашъ видъ...

«Самъ» ходилъ по комнатѣ, крутилъ хоклацкій усъ и не разговаривалъ совсѣмъ; онъ изрѣдка только поглядывалъ на меня тяжелымъ, бреэгливымъ взглядомъ.

Это были люди, которымъ можно было довѣриться и раскрыть тайну, да и тяжело было здѣсь играть роль хамелеона...

— Я очень радъ, что вы остались все тѣми же хорошими людьми, ненавидящими большевиковъ. Но и я остался тѣмъ же бѣлымъ офицеромъ... То что вы видите сейчасъ — эти нарукавныя нашивки, красную звѣзду на фуражкѣ — это маскарадъ... Я въ красной арміи нахожусь, какъ развѣдчикъ...

Я рассказала о своемъ арестѣ послѣ неудачной попытки возстанія 1-го мая, о судѣ надо мною, о смертномъ приговорѣ, о моемъ побѣгѣ изъ чеки, і азскажаль о своихъ скитаніяхъ въ плавняхъ и о томъ, какъ и для чего я вступила въ красную армію.

Посѣтъ моей исповѣди гнѣвъ смѣнился на милость. Я былъ и обласканъ, и благословленъ на работу. Имъ же я оставилъ адресъ родныхъ, на тотъ случай, если со мной что нибудь случится, и заручился ихъ согласіемъ припрятать меня, если въ этомъ встрѣтится надобность. Вообще неожиданностей могло быть не мало и было очень хорошо, что была квартира, со своими людьми, готовыми помочь въ бѣдѣ.

«Самъ» быть до большевиковъ богатымъ человѣкомъ и вель крупную торговлю хлѣбомъ — теперь же онъ служилъ въ Совнархозѣ или въ «Совнархаосѣ», какъ онъ его называлъ.

— Пришлось идти на службу... Есть хочется... Меня вѣдь реквизиули все-го — нищимъ сдѣлали... Да и потому это спасеть менѣ отъ такъ называемыхъ «общественныхъ обязанностей» по очисткѣ городскихъ нечистотъ, советскихъ отхожихъ мѣстъ и прочей прелести. А вотъ женская половина моетъ полы въ Совнархаосѣ...

Дамы были виѣ себя. Каждый день они являлись на сборный пунктъ и партіями, подъ командой милиционера, гнались на мытье половъ въ совѣтскій учрежденія. Освобождались только роженицы и имѣющія грудныхъ дѣтей. Нѣ-которые, чтобы уклониться отъ «общественныхъ обязанностей», черезъ знакомыхъ врачей, раздѣбывали свидѣтельства о беременности, но это не всегда по-

могало: квартальный комитет назначалъ иногда переосвидѣтельствованіе и тогда получался совсѣмъ скверный анекдотъ: псевдо-роженицу предавали суду за «саботажъ» — ее ждала тюрьма или другія совѣтскія мѣры огражденія общественной безопасности.

«Не работающій — не єсть» — говорила «трудовая республика совѣтовъ», и чтобы провести эту теорему въ жизнь все населеніе города было раздѣлено на категоріи. Кто не работалъ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ — относился къ категоріи, которая нигдѣ ничего не могла купить. Чтобы получить право на питаніе, надо было чѣмъ то и какъ то служить совѣтской власти. Мытье половъ — позволяло требовать право на питаніе. Красные хотѣли видѣть гражданъ за работой на совѣтскую власть. Они не допытывались сочувствуешь ли гражданинъ начинаніямъ совѣтской власти; «како вѣруши» — ихъ перестало интересовать. Но всякий уклоняющейся отъ работы въ совѣтскихъ учрежденіяхъ разсматривался какъ паразитъ, какъ притвишійся противникъ, какъ контръ-революціонеръ. И что бы знать этихъ уклоняющихся отъ работы на совѣтскую власть, чтобы имѣть ихъ на постоянномъ учетѣ, Кубанскій Революціонный Комитет ввелъ квартальную статистику. Каждую недѣлю предсѣдатель квартального комитета представлялъ Кубанскому Революціонному Комитету именной списокъ своего квартала съ отмѣткой противъ каждой фамиліи: «продкомъ», «рабконтроль», «культпросвѣтъ», «худстудъ», «не служить нигдѣ...». Отмѣченные «не служить нигдѣ» подчёркивались краснымъ карандашемъ и брались на учетъ Особаго Отдѣла. Почему не служить? На какія средства живеть? Чѣмъ занимался до прихода большевиковъ? Саботажника начинали беззконечными вызовами на допросъ, обысками. Квартальному комитету вмѣнялось въ обязанность всѣхъ, кто «не служить нигдѣ», употреблять принудительно на общественные работы. Не хочетъ работать въ учрежденіи, какъ чиновникъ, работай какъ уборщикъ этого учрежденія. И только исключительно твердые люди выдерживали себя и находили сплы мыть клоузеты, покупая этимъ возможность не превратиться въ совработника. Такихъ твердыхъ и упрямыхъ людей было очень немного — единицы, но они были. Масса же городская, толкаемая голодомъ, обычами, совѣтскими клоузетами и заплеванными лѣстницами, которыхъ надо было мыть и чистить, — шла работать на своихъ враговъ.

Большевики цѣнили опытныхъ чиновниковъ старого режима. Безъ нихъ совѣтскія канцеляріи превращались въ бумажный водоворотъ, разобраться въ которомъ было дѣломъ мудренымъ. Опытныя руки чиновниковъ создавали большевикамъ настоящія канцеляріи, съ архивами, входящими и исходящими. Крупные чиновники занимали большие посты въ совѣтскихъ учрежденіяхъ и руководили совѣтской канцелярской машиной, а чтобы машина эта не надѣлала контръ-революціонной бѣды, въ каждому такому новоявленному совработнику-спецу приставлялся зоркій коммунистъ-наблюдатель.

Интеллигенцію втягивали въ соотвѣтствующую работу. Интеллигентами заполнялись совѣтскія библіотеки, культпросвѣты, художественные студіи, статистическая учрежденія, школы и проч.

«Библіотечное дѣло» у красныхъ было поставлено на большую высоту. Денегъ на это Москва не жалѣла. Вагоны литературы приходили на Кубань и распредѣлялись по безчисленнымъ совѣтскимъ библіотекамъ, разбросаннымъ по всѣмъ улицамъ. Столько библіотекъ врядъ-ли имѣла какаянибудь изъ наипросвѣщеннѣйшихъ странъ міра! Другой вопросъ — что это были за библіотеки. Это

быть наборъ агитационной литературы, и только. У этихъ библиотекъ была и другая особенность: литературу можно было не возвращать обратно въ библиотеки. На каждой книжѣ былъ приложенъ ярлычекъ, который прямо гласить: «прочтай и передай для прочтения своему товарищу!» Это учреждение только по советской терминологии могло называться «библиотекой», на самомъ же дѣлѣ это былъ агитационный книжный пунктъ. При каждой библиотекѣ былъ лекционный залъ, где ежедневно читались лекціи и доклады. Интеллигенты стояли за библиотечнымъ прилавкомъ и раздавали коммунистическую литературу, которая призывала къ погрому интеллигентовъ и буржуа. Эти же голодные и запущенные интеллигенты читали лекціи по истории, литературѣ, общественной философіи, изъ книгъ воинъ вылезая, чтобы приспособить свои мысли къ аудиторіи и заслужить внимание со стороны властей предержащихъ. Сотрудники Политотдѣла слѣдили за работой интеллигентовъ при библиотекахъ и корректировали лекціи кооптированной интеллигентіи. Въ Екатеринодарѣ было учреждено нѣсколько краткосрочныхъ курсовъ для изученія агитационно-библиотечного дѣла. Окончившіе курсъ посыпались въ станицы устраивать библиотеки и руководить ихъ дѣятельностью. Поѣздка въ сѣтія станицы была очень заманчива и голодные интеллигенты очень охотно шли на эту работу. Книги до-большевицкаго изданія официально не изымались изъ употребленія, но неофициально они считались «нерекомендованными» и въ библиотечныхъ каталогахъ должны были обозначаться звѣздочкой, что означало: «книги эти выдаются только по особому ходатайству и съ разрѣшенія библиотечной агитационной комиссіи»...

Особенно много интеллигентныхъ силъ вошло въ «Пролеткультъ», учрежденіе, поставившее себѣ задачей пробуждать въ пролетариатѣ творческія силы въ области литературы, науки и искусства. «Искусству» вообще большевики удѣляли много вниманія. Художественные кружки или студіи, какъ ихъ здѣсь называли, росли въ Екатеринодарѣ, какъ грибы послѣ хорошаго дождя. Надѣ каждой такой студіей висѣлъ трафаретный плакатъ-девизъ «пролеткультъ»: «Господство пролетариата приведетъ цивилизацию, культуру и науку до расцвѣта, которого история еще не знала». Это, кажется, изреченіе Лассала въ его «Принципахъ труда въ современномъ обществѣ». Въ студіяхъ читались популярныя лекціи по вопросамъ эстетики, живописи, музыки, поэзіи и литературы. Литературно-музыкальные вечера, выставки, театръ — все это преподносилось на подмосткахъ студій. Царили здѣсь футуристы.

30. САЛОНЪ МАДАМЕ Б — НОЙ.

Въ одинъ изъ своихъ прѣѣзовъ въ Екатеринодарѣ, навѣстилъ я и нѣкую madame B—ну, съ которой мнѣ какъ то, въ какомъ то кафѣ, познакомилъ Понамаревъ.

— Не женщина, а помадка, — рекомендовалъ мнѣ Понамаревъ г-жу Б—ну, и тутъ же добавилъ: — у нея свой салонъ... Тамъ собирается нашъ бомондъ...

Я получилъ приглашеніе «бывать» и воспользовался имъ. Объ этомъ «салонѣ» въ городѣ не мало говорили и мнѣ хотѣлось посмотретьъ, что онъ собою представляетъ.

Madame B. была вдовой. Ея мужъ, офицеръ летчикъ, погибъ въ бѣлой арміи во время боевого полета. У Б. остались очень небольшія средства и маленькая дѣвочка на рукахъ. Красные летчики, послѣ взятія Екатеринодара, узнали с

Б., навѣстили ее, какъ жену ихъ бывшаго сотоварища еще по царской арміи, и сочли своимъ пріятнымъ долгомъ не оставить хорошенъкую вдову безъ своего вниманія. Около ея квартиры, на Кузнечной улицѣ, всегда стояло нѣсколько автомобилей, подкатывали нарядные лихачи, привозя летчиковъ и танкистовъ, выдѣлявшихся въ красной арміи своимъ стремлениемъ къ нарядности и лоску. До поздней ночи въ окнахъ не потухалъ свѣтъ и не смолкалъ бравурный рояль. Въ городѣ было уже все непомѣрно дорого, многаго уже совсѣмъ нельзѧ было найти въ продажѣ, хлѣбъ раздѣбывался еле-еле для себя, а у г-жи Б. столь былъ полонъ лествы. Къ Б—ной не приходили съ обысками и изъятіями. Ее не тащили мыть уборныя и лѣстницы въ совѣтскихъ хозахъ и комахъ. Отъ нея не ушла кухарка. За дѣвочкой по прежнему ходила молоденская гувернантка, француженка. Штабные офицеры, танкисты, летчики, сотрудники Поарма, богатые дѣльцы, пристроившись къ новымъ условіямъ жизни, защищали неприкосно-вѣнность квартиры хорошенъккой офицерши, да и саму офицершу, умѣвшую такъ мило принимать гостей.

Здѣсь можно было услышать не мало занимательнаго. И въ первый же мой визитъ я кое-что и услышала.

Вотъ молодой офицеръ генерального штаба... Ногти отполированы... Проборъ — какъ струна. Онъ въ визиткѣ. Это запрещается — военные должны быть всегда въ формѣ, но онъ «вольнодумецъ». Красиво грассируя, онъ позираетъ въ салонѣ, потягивая крюшонъ:

— Постѣ Петра Россія не знала революціонной власти. Прорубила Россія окно въ Европу, надышалась западной гнилью и рѣшила, что только и свѣта, что въ окошкѣ. А теперь наступили времена иныхъ: Европа должна пробивать окно къ намъ. Свѣтъ не съ Запада, а съ Востока! И не каламбуромъ должно звучать, что мы вновь подняли сейчасъ дѣло Петра, съ тою лишь разницей, что Петръ Московскую Русь обращалъ въ Россію Петербургскую, а мы Петербургскую Россію обращаемъ въ союзъ всѣхъ народовъ... Россіи больше нѣть... Границы нашей республики никто указать не можетъ... Наши границы уходятъ въ безпредѣльность всѣхъ народовъ... Изъ Петербургской Россіи мы создаемъ универсальную республику, свободный и открытый союзъ всѣхъ народовъ, въ который могутъ входить всѣ государства, готовыя строить новую жизнь, служить новой культурѣ...

Кто то поддакнула:

— Мы наследники Петра и въ другомъ: наши декреты это вѣдь тѣ же петровскіе указы о бородахъ и кафтанахъ... Кто дѣлаетъ революцію, тотъ дѣлаетъ ее только такъ... Судить будетъ потомъ исторія... Современники не всегда понимаютъ то, что развертывается передъ ихъ глазами... Нужна перспектива, нѣкоторая историческая удаленность отъ событий...

— Господа, а походъ въ Индію!.. Этотъ петровскій планъ вѣдь только теперь вновь мы воскрешаемъ. Я предлагаю выпить за покойника... «Боже, Царя храни» — можно и не пѣть по этому торжественному случаю, но революціонеръ на тронѣ достоинъ соотвѣтствующаго вниманія!... Хорошъ былъ покойникъ!!!

Шумно выпили за Петра Великаго, при чёмъ какой то сотрудникъ Поарма провозгласилъ:

— Да будетъ ему земля пухомъ!..

Всѣ засмѣялись, а madame Б—на даже сыграла начало шопеновскаго

похоронного марша въ честь вѣнценоснаго революціонера, прародителя соўѣтскіхъ революціонеровъ...

Заговорили о походѣ черезъ Румынію въ Венгрію:

— Румынію можно пройти церемоніальнымъ маршемъ въ недѣлю... Венгрія готова встрѣтить насъ съ распущенными знаменами... А вы представляете себѣ, господа, что въ это время творять рабочіе во Франціи и Германії?..

Въ перемежку съ комплиментами хозяікъ, здѣсь развиваются «историческая теорія», строить открытый универсальный союзъ народовъ всѣхъ странъ, смакуютъ военный маршъ по Европѣ...

Въ каждомъ салонѣ долженъ быть поэтъ и музыкантъ — есть они и здѣсь. Я помню музыку одного такого маѣстро. Рисуется побѣдный узоръ... Трещать пулеметы... Грохочутъ пушки... Слышно «Боже, Царя храни»... Откуда то издалека чуть слышится Марсельеза... Она вплетается въ патріотической гимнъ, борется съ нимъ... Пушки грохочутъ ожесточеннѣе... Наконецъ, побѣда!.. «Марсельеза» уступаетъ мѣсто «Интернаціоналу»... — Однимъ словомъ подражаніе «1812 году» Чайковскаго.

Госпожа Б., конечно, не на свои средства содержала салонъ. Салонъ былъ «въ складчину», на которой, къ слову сказать, иое изъ участниковъ «складчины» свихнуль себѣ шею. Нѣсколько лицъ привлечены были къ отвѣтственности за растраты. Какой то комиссаръ пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Въ этомъ же салонѣ шла очень крушая карточная игра.

31. ОФІЦЕРСКІЕ РАЗГОВОРЫ.

Вѣроятно для контраста съ «преемниками Петра Великаго» судьба свела меня съ Б—скимъ,—бывшимъ полковникомъ 14-го Гусарскаго Митавскаго полка. У красныхъ — онъ давно. Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ не у дѣль и находился въ опалѣ, исполняя въ той станицѣ, где квартировалъ мой дивизіонъ, какое то случайное порученіе. Официально онъ числился въ резервѣ инспекціи кавалеріи. Я думаю, что онъ былъ подъ наблюдениемъ. Заnimъ числилось какое то служебное неблагополучіе. До опалы же Б—скій былъ на виду у красного командованія, командовалъ пѣхотной дивизіей и командовалъ удачно, нанеся нѣкоторымъ частямъ Донской Арміи въ 1919 году серьезные удары. Эти боевые успѣхи его дивизіи причинили ему не мало душевныхъ страданій.

Мы возвращались вмѣстѣ въ дивизіонъ, какъ разъ поѣхъ моего первого и послѣдняго визита къ г—жу Б. Вхали въ моемъ командирскомъ экипажѣ. Разговорились. Б—скій почему-то стала рассказывать мнѣ о своей службѣ у красныхъ и о своихъ «удачахъ» на фронѣ гражданской войны.

— Уклониться отъ боя нельзя. Приказъ точно даетъ задачу. Да и комиссаръ подъ бокомъ. Слѣдить за каждымъ моимъ распоряженіемъ. Да и начальникъ штаба у меня человѣкъ поганенький — карьеру дѣлалъ. Полки подобрались, какъ на зло, хороши. И дерутся хорошо, и послушны. Матеріаль то вѣдь одинъ и тотъ же... Старый солдатъ, красный солдатъ, бѣлый солдатъ — тѣсто то вѣдь одно. Что ни бой — успѣхъ. Бьемъ бѣлыхъ... Бью людей, да что тамъ таиться, а у самого душа плачетъ. Не красный же я... Воспитаніе, сорокъ пять лѣтъ за плечами — все это не вычеркнешь. Вы какъ хотите судите меня, а я признаюсь вамъ: къ большевикамъ душа у меня не лежитъ... Скорѣе она тамъ, у бѣлыхъ...

Признаніе это было рискованнымъ и я не могъ понять, почему это Б—скій

такъ разоткровенничался... Такія откровенія мало знакомымъ людямъ стоять никогда жизни...

Разговорились о томъ, что съ нами сдѣлали бы бѣлые, если бы мы очутились у нихъ въ плену.

— А стыдно намъ было бы!.. Какими глазами я посмотрѣль бы на своихъ бывшихъ сослуживцевъ?.. Мы носимъ теперь несмываемую печать проклятія... Это не вѣрно, что мы оказались въ тискахъ событий и что не было выбора... Для честныхъ людей всегда выборъ есть... Можно было пробраться къ Корнилову... Можно... Ну, а нельзя было, значитъ, пускай пулю въ лобъ. «Пришлось пойти къ краснымъ...» Это не оправданіе...*)

Это говорилъ одинъ изъ тѣхъ офицеровъ, кто, будучи душой и совѣстю съ Корниловымъ и Деникинымъ, служилъ за страхъ Троцкому и Ляину. Этихъ людей «съ проклятыемъ на душѣ» было не мало въ красной арміи. Но не мало было и такихъ, которые откровенно говорили между собой:

— Гдѣ наша душа — у бѣлыхъ или у красныхъ — рѣчь не обѣ этомъ. Къ бѣлымъ намъ нѣть возврата. Тамъ нась ждетъ позоръ и судъ. Теперь мы стоимъ передъ необходимостью во что бы то ни стало дать побѣду красной арміи. Лучше тутъ быть спецомъ, чѣмъ тамъ краснѣть передъ тѣми, кто не снялъ погонъ съ плечъ и креста съ груди.

Эту какъ разъ фразу сказали мнѣ начальникъ одной изъ дивизій.

Во время этого разговора было еще иѣсколько офицеровъ. Разговоръ все время вертѣлся вокругъ будущаго.

— А будущее, вѣроятно, будетъ таково: рапо или поздно народъ попрѣтъ напроломъ, сомнѣтъ наши ревкомы и комбѣды, доберется до губкомовъ, развѣсть на фонарныхъ столбахъ комиссаровъ и комитетчиковъ, потомъ пойдетъ дальше, доберется до Москвы, которая къ тому времени изъ красной превратится въ розовую съ бѣлымъ отливомъ, зазвонить въ кремлевскіе колокола, а мы, пожалуйте бриться...

Такую картину рисовать себѣ офицеръ, носившій свой георгіевскій орденъ на часовой цѣпочкѣ, въ видѣ брелока.

Присутствующій тутъ же офицеръ генерального штаба возразилъ ему:

— Бриться... Бритыми окажутся только чудаки и наивные сентименталисты. Намъ же не рекомендуется прикомандировываться къ сонму сихъ людей. Когда дѣло дойдетъ до фонарныхъ столбовъ и музыки кремлевской мѣди, тогда и мы, надо думать, увидимъ, что наступаетъ время, какъ вы изволили выразиться, бриться... Но бриться все же, а не быть бритыми... А разъ мы увидимъ финишъ этого шабаша, значитъ и предпримемъ соотвѣтствующія дѣйствія. Мы въ Кремль придемъ не позже вашихъ звонарей. И зазвонимъ въ колокола мы, а не кто другой. У насъ всегда останется достаточный процентъ арміи, который увидѣвшъ, что дѣло идетъ «къ расчету стройся», сумѣеть запѣть «Громъ побѣды раздавайся». Намъ краснѣть не придется, бѣлые генералы нась не смогутъ судить, т. к. къ тому времени мы окажемся у власти и нашими штыками она будетъ охраняться. Отъ насъ будетъ зависѣть, принять бѣлыхъ или не принять... Но мы, конечно, будемъ великудушины. На радостяхъ будетъ очень весело и хорошо... Нужно только быть съ головой на плечахъ. Въ Европѣ это называется — быть реальнымъ политикомъ.

*) Полковникъ Б—скій сейчасъ находится за границей и поэтому выше приведенный разговоръ для него безопасенъ.

Это говорили люди, на опытѣ и знаніяхъ которыхъ покоилась красная армія, это говорила командная элита, безъ которой красная армія превратилась бы въ стадо, въ толпу.

Вся эта элита была увѣрена въ неизбѣжномъ паденіи той власти, которой она служить. Этотъ уродливый анекдотъ былъ возможенъ потому, что элита была увѣрена, что она не опоздаетъ къ кремлевскому звону, что она сумѣть, когда это станетъ явью, первой забраться на колокольню. Это была психологія преторіанства. Въ этой игрѣ часть высшаго офицерства играетъ «съ шансомъ» того шулера, который никогда не проигрываетъ.

— Ну, а вдругъ проиграшь?

— Не можетъ быть... Я играю съ шансомъ...

— Съ какимъ шансомъ?

— Когда проигрываю — не плачу...

32. МОИ ПРИКАЗЫ ПО ГАРНИЗОНУ.

Возвращаясь въ дивизіонъ послѣ экскурсій въ городъ, я заставалъ обычно въ кабинетѣ цѣлый ворохъ пакетовъ съ надписью «секретно», «совершенно секретно», «оперативно» и проч. Вскрывать эти бумаги надлежало только совмѣстно съ комиссаромъ. Ни онъ, ни я — другъ безъ друга — вскрыть такие пакеты не имѣли права. Хранилъ же эти пакеты, послѣ ихъ прочтенія, комиссаръ. Тановъ былъ порядокъ. Я привыкъ при Понамаревѣ отъ него отступать. Понамаревъ мнѣ совершенно довѣрялъ и разрѣшилъ вскрывать все пакеты безъ него. Отчасти это было вызвано тѣмъ, что Понамаревъ иногда по нѣсколько дней отсутствовалъ изъ дивизіона, и онъ не хотѣлъ, чтобы дѣло изъ за этого тормозилось. Этую практику, удобную для меня, я пытался сохранить и при Молотковѣ. Обыкновенно онъ знакомился со всѣми «входящими» уже послѣ моего ознакомленія съ ними. Все эти бумаги полны были распоряженій о развѣдкѣ, порядкѣ донесеній и распоряженій по управлению гарнизонами. Я, помимо обязанностей командира дивизіона, былъ еще и начальникомъ гарнизона станицы и мнѣ подчинены были всѣ воинскія и гражданскія власти, находящіяся въ ней.

Приказъ по гарнизону, обычно, составлялъ я самъ. Въ приказахъ этихъ я писалъ, что за порчу телефонныхъ проводовъ, за нападеніе на чиновъ арміи, за храненіе оружія, уклоненіе отъ мобилизациіи, отказъ отъ выполненія хлѣбныхъ продразверстокъ, я, въ силу предоставленной мнѣ власти, буду преслѣдоватъ виновныхъ по всей строгости революціонныхъ законовъ, имущество виновныхъ буду конфисковать и семьи брать заложниками. Вообще «грозы» пускаль я не мало, стараясь возможно болыше задѣть самолюбіе свободолюбивыхъ казаковъ. Режимъ въ гарнизонѣ я нарочно устанавливаль такой, чтобы дать почувствовать тиранничность власти. Струна должна была быть все время натянута. Молотковъ подписывалъ все это безъ возраженій. Строгости мои должны были нравиться его коммунистическому сердцу. Въ этомъ состояла моя официальная работа. Екатеринодарскій же «адреcъ» строчилъ подъ мою диктовку возвзашія къ казакамъ, гдѣ говорилось, что совѣтская власть держится разстрѣлами и что казаки, несмотря на угрозы большевиковъ, будутъ продолжать рвать провода, подстрѣливать изъ за кустовъ своихъ палачей, не давать хлѣба

красной арміи и, вмѣсто службы въ рядахъ красной арміи, уходить въ казачьи повстанческие отряды, чтобы освободить Родину-Кубань отъ неказачьей власти пришельцевъ.

Къ счастью, мнѣ ни разу не пришлось карать за нарушеніе моихъ обязательныхъ постановлений. Кончалось, обыкновенно, все такъ, что виновные не обнаруживались. Молотковъ, въ такихъ случаяхъ, настаивалъ на коллективной ответственности станицы, но круговая порука мною категорически отрицалась. Для вида вызова иногда стариковъ станицы, накричу на нихъ, напугаю разстрѣломъ и отпушу. Это-то ужъ приходилось дѣлать. Передъ Молотковымъ я все же долженъ былъ соблюдать нѣкоторый декорумъ свирѣпости.

— Нельзя, Николай Ивановичъ, за все по высшей мѣрѣ дуть... Этакъ мы всѣхъ возстановимъ противъ себя. Итакъ страху нагнали. Въ другой разъ побоятся рвать провода.

— Да, нельзя же и попустительствомъ заниматься. Мы только пугаемъ, а примѣра строгости не показываемъ, — говорилъ Молотковъ.

33. ВОЙНА СЪ МОЛОТКОВЫМЪ.

Такъ въ маленькихъ препирательствахъ я сотрудничалъ съ Молотковымъ. Впрочемъ, однажды я проявилъ всю полноту власти: ночью въ станицѣ вдругъ раздалась стрѣльба... Поднялась тревога... Оказалось, что это гуляютъ мѣстные комсомольцы... Я приказалъ ихъ арестовать и предать суду за тайное храненіе оружія...

Молотковъ отказался подписать приказъ о преданіи комсомольцевъ суду. Но ужъ тутъ я настоялъ.

— Нельзя, Николай Ивановичъ, попустительствомъ заниматься. Мы все только пугаемъ, пора и примѣръ строгости показать, — настаивалъ я словами самого Молоткова.

Но это, видимо, обозлило Молоткова.

Черезъ нѣсколько дней у меня съ нимъ произошла серьезная стычка. Я немного переборщилъ.

Дѣло было, впрочемъ, такъ:

Молотковъ показалъ мнѣ на соотвѣтствующій пунктъ комиссарской инструкції, гласящей о порядкѣ вскрыгія секретныхъ пакетовъ и сказаль, что надо будетъ впредь слѣдоватъ этой инструкціи. Онъ боялся, какъ бы на этой почвѣ не получилось для него какихъ либо непріятностей.

Я ощетинился.

— Это что — недовѣріе ко мнѣ, какъ командиру?..

— Я о недовѣріи вамъ ничего не сказалъ, — инструкція этого требуетъ.

— Это ли она требуетъ? Въ инструкції вашей говорится о секретныхъ бумагахъ, адресованныхъ на имя части... Если же на конвертѣ значится «командиру части», то почему я не имѣю права вскрыть пакетъ, хотя и секретный, но адресованный все же непосредственно и лично мнѣ?..

Это было произвольнымъ толкованіемъ — я это зналъ, но буквальный смыслъ инструкціи позволялъ дѣлать такое толкованіе.

— Я васъ все же прошу пользоваться моими указаніями по этому вопросу.

— Хорошо, вы мой комиссаръ, у васъ есть право дѣлать мнѣ указанія. Я подчиняюсь имъ. Но я сегодня же подаю рапортъ объ уходѣ изъ дивизіона. Я не могу работать, когда мнѣ не довѣряютъ...

Я нѣсколько зарвался, но отступать уже нужно было съ достоинствомъ, благо, Молотковъ поторопился обставить это отступление всѣми конвенансами. Онъ сталъ, вдругъ, разсыпаться въ заявленіяхъ, говоря, что онъ не предполагалъ, что я такъ пойму его просьбу и такой именно смыслъ вложу въ его желаніе придерживаться инструкціи.

Пришлося и мнѣ поспѣтиться.

— Если это не знать недовѣрія ко мнѣ, я никогда не стану возражать противъ законныхъ требованій инструкціи.

Инцидентъ былъ улаженъ. Молотковъ не хотѣлъ доводить дѣло до инспекціи, гдѣ, онъ былъ увѣренъ, я получу поддержанку.

Но это было только вицѣнимъ примиреніемъ. Молотковъ терпѣть не могъ меня за мою самостоятельность. Въ тайникахъ души онъ очень хотѣлъ бы свалить меня.

Стычки у насть становились все чаще и чаще. Каждый изъ насть безъ труда находилъ поводы для взаимнаго неудовольствія. Да и такъ — и Молоткову и мнѣ — легко было влѣзть въ сферу компетенціи другъ друга.

Получили мы какъ то приказъ о томъ, что время отъ времени, начальники гарнизоновъ, совмѣстно съ ихъ комиссарами, должны производить обыски и облавы съ цѣлью поимки дезертировъ, уклоняющихся отъ мобилизаціи, и отобранія оружія отъ населенія. Я на бумагѣ сдѣлалъ помѣтку: «Принять къ свѣдѣнію. Къ дѣлу». Молотковъ также подписался подъ резолюціей, но, подписавшись, Молотковъ рѣшился дѣйствовать на свой страхъ и рискъ, а чтобы въ своихъ дѣйствіяхъ не быть одинокимъ, онъ притянулся на помощь районнаго комиссара — тов. Орла. Это былъ пренепріятнѣйший человѣкъ. Бѣды станицамъ онъ причинилъ не мало, выискивая всюду «контръ-революцію». Совмѣстно съ тов. Орломъ, Молотковъ и произвелъ обыскъ въ станицѣ. Нѣсколько казаковъ было арестовано за храненіе оружія. Отбирались даже фамильные кинжалы, было отобрано нѣсколько паръ погонъ, хравившихся у казаковъ.

Узнавъ о ночныхъ обыскѣ въ станицѣ, я попросилъ у Молоткова объясненій.

— Въ моихъ секретныхъ инструкціяхъ есть указанія, что я могу, подъ свою отвѣтственность, производить обыски и облавы.

— Безъ вѣдома начальника гарнизона? Какъ же я могу отвѣтчать за гарнизонъ, когда за моей спиной кто-то еще секретно распоряжается?!

— Ваше неудовольствіе вы можете направить товарищу Орлу... Онъ старшій комиссаръ района... Ему здѣсь все подчинены...

— Я ему не подчиненъ...

— Но онъ можетъ подчинить васъ въ порядкѣ чрезвычайной обстановки...

Молотковъ объявилъ мнѣ войну. Отъ него нужно было таcъ или иначе отдѣлаться, ибо ничего доброго война эта мнѣ не предвѣщала.

— Этотъ вопросъ, Николай Ивановичъ, намъ съ вами, я вижу, полюбовно не разрѣшить. Обратимся по начальству...

— Обращайтесь вы, если вамъ мои дѣйствія кажутся неправильными.

— Но это будетъ уже жалоба на васъ... А я хотѣлъ бы не жаловаться, а только получить разъясненія.

— Вотъ и обращайтесь за разъясненіями... Миѣ незачѣмъ обращаться... У меня есть на этотъ предметъ ясная инструкція.

Я поѣхалъ въ инспекцію. Леоновичъ выслушалъ меня и сказалъ, что это «обыкновенная исторія».

— Молотковъ, конечно, по своей комиссарской молодости переусердствовалъ. Ничего, я его вызову и цунку. Не хорошо, что въ дѣло замѣшанъ тов. Орель... Онъ тамъ у васъ, дѣйствительно, старшій. Впрочемъ, я буду сегодня въ Политотдѣлѣ арміи и поговорю объ инцидентѣ.

Сумовскій тоже поддержалъ меня:

— Леоновичъ усмирить вашего Молоткова. И не такихъ усмиряли... Вамъ, впрочемъ, недолго осталось быть въ дивизіонѣ: вы на-дняхъ получите новое назначеніе. Малиновскій говорилъ о васъ командарму. Васъ мѣтить на формирующуюся новую бригаду...

34. АТАРБЕКОВСКАЯ РЕГИСТРАЦІЯ.

25 іюля Реввоенсовѣтъ IX-ї арміи отдалъ приказъ о всеобщей регистрації командного состава красной арміи на Кубани. На эту регистрацію обязаны были явиться всѣ офицеры, юнкера и вольноопредѣляющіеся когда либо служившіе въ Добровольческой Арміи, а также и тѣ изъ вышеназванныхъ категорій, которыхъ, хотя и не служили у бѣлыхъ, но поступили въ красную армію, послѣ января 1918 года. Такой «глубокой» регистраціи еще ни разу не было. Эта регистрація захватывала командный составъ, находившійся въ красныхъ рядахъ свыше 2-хъ лѣтъ. Регистрація была вызвана «заговоромъ», раскрытымъ на Кубани, въ которомъ оказался замѣшаннымъ красный командный составъ. Такъ какъ я всюду показывалъ, что вступилъ въ ряды красной арміи въ 1918 году, — на регистрацію надлежало явиться и мнѣ...

Ити на регистрацію съ моимъ липовымъ послужнымъ спискомъ было не безопасно, но и не пойти было нельзя. За уклоненіе отъ регистраціи — смертная казнь: такъ гласилъ приказъ, а Атарбековъ *) не любилъ пускать свои угрозы на вѣтеръ. Бѣжать?... Жаль... Еще, въ сущности, почти ничего не сдѣлано...

Изъ дивизиона, кромѣ меня, должны были отправиться на регистрацію еще нѣсколько человѣкъ; часть изъ нихъ не скрывала своей службы у бѣлыхъ, часть, какъ и я, приѣгла къ фальшивымъ документамъ; должны были пойти на регистрацію и старые, настоящіе красные командиры, вступившіе къ красную армію послѣ января 1918 года.

На всякий случай даль знать о возможной бѣдѣ въ екатеринодарскій «адресъ». Въ дивизіонѣ оставался Г. **) Его документы позволяли ему не ити на регистрацію. Даль ему кое-какія указанія и распоряженія.

Заѣхали въ инспекцію кавалеріи развѣдать — чѣмъ пахнетъ эта регистрація. Въ инспекціи были удивлены, что и мнѣ предстоитъ регистрироваться. Посмотрѣли приказъ. Пожали плечами.

— Вотъ еще беспокойные люди!.. — говорилъ Сумовскій. — Ну регистрируйте сколько вашей душѣ угодно комсоставъ изъ плѣнныхъ, но старый комсоставъ тягать на регистрацію...

— Не кончится ли все это прогулкой въ мѣста не столь отдаленные?..

— Ну, это врядъ-ли... Этотъ приказъ вѣдь тянетъ на регистрацію добрую половину армейского комсостава...

Когда я подошелъ къ зданію Зимнаго театра, въ которомъ была назначена

*) Предсѣдатель Реввоенсовѣта IX Кубанской арміи.

**) Г. — незамѣнимый въ конспираціи человѣкъ. Ему я сбязаѣъ многимъ, его же находчивости я обязанъ тѣмъ, что еще живъ. Настоящая его фамилія называется не на букву Г.

регистрація, театръ былъ почти полонъ регистрируемыми. Люди пріѣзжали изъ Новороссійска, Ейска и другихъ городовъ. Съѣзжался районъ, занятый IX-й Кубанской арміей. Нигдѣ не видно ни карауловъ, ни патрулей. Регистрируемые приходили, заполняли опросный листъ, сдавали его на соотвѣтствующій по алфавиту регистраціонный столъ и были свободны до 5-ти час. вечера. Въ 5 час. должны были намъ раздать особыя учетныя карточки и мы отпускались по своимъ частямъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласило объявление Реввоенсовѣта арміи, вывѣшеннное у входа въ театръ.

Въ 5 часовъ вечера театръ былъ переполненъ. У дверей появились часовые. Выйти изъ театра уже было нельзѧ — впускали свободно.

— Почему поставлены часовые? Мы развѣ арестованы?

— Что вы! Ничего подобнаго! А только если будетъ и дальше хожденіе взадъ и впередъ, мы никогда не окончимъ регистрацію.

Часамъ къ шести театръ былъ окружены кольцомъ войскъ. Становилось яснымъ, что тутъ дѣло пахнетъ не просто регистраціей.

Еще черезъ полъ часа сомнѣніямъ уже не было мѣста... На сцеяѣ появился самъ товарищъ Атарбековъ.

Водарилась тишина...

— Тише! Тише! Товарищъ Атарбековъ будетъ говорить!..

— Товарищи! Бѣлая армія, какъ вамъ извѣстно, разбита... Остатки бѣлыхъ бѣжали въ Крымъ. Тамъ они успѣли немного оправиться отъ разгрома и открыли фронтъ, которымъ командуетъ баронъ Брангель. У насъ есть свѣдѣнія, что уже не мало изъ вашего числа перебѣжало съ красной Кубани въ Крымъ. Мы знаемъ также, что бѣлая зараза гиѣздится не только среди плѣнныхъ. Нѣсколько дней тому назадъ я раскрылъ большой заговоръ среди команднаго состава арміи... Для васъ, товарищи, не секретъ, конечно, что Кубань охвачена кольцомъ зеленыхъ бандъ, концентрически стягивающихся къ сердцу Кубани — къ Екатеринодару. Позвольте васъ спросить, товарищи: изъ кого состоять эти зеленые отряды? Кто ими руководитъ? — Руководить ими офицерство. Товарищи, васъ здѣсь сейчасъ собрано около 8.000. Сколько среди васъ есть нашихъ недруговъ, мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что они есть. И ихъ не мало. Но заниматься сейчасъ отборомъ мы не можемъ — во время пожара никогда этимъ заниматься. Есть среди васъ, разумѣется, и люди неопасные, но «льсь рубять — щепки летятъ». Благодарите за это тѣхъ, кто не бросилъ до сихъ поръ мысли итти противъ народа и совѣтской рабочей власти... Я долженъ сообщить вамъ непріятную вѣсть: дабы обезопасить Кубань и не держать около порохового погреба горючий материалъ, Реввоенсовѣтъ арміи рѣшилъ сегодня же эвакуировать васъ въ концентраціонные лагери Россіи... У кого имѣется при себѣ оружіе, немедленно сдайте его, т. к. здѣсь же въ театрѣ я произведу повальныи обыскъ и у кого найдется спрятанное оружіе, тотъ будетъ разстрѣлянъ тутъ же въ театрѣ... Оружіе сдавайте на тѣ столы, куда вы подавали ваши регистраціонныя карточки...

Поднялся невообразимый шумъ...

О такомъ исходѣ регистраціи мало кто думалъ... Всѣ были безъ вещей... Кое у кого изъ высываемыхъ были семьи... Нельзя ихъ даже предупредить...

Среди регистрируемыхъ есть даже члены компартіи...

Восьмитысячная орава гудить, протестуетъ, вопрошаеть, негодуетъ... На безконечные вопросы сотрудникамъ Реввоенсовѣта, получался одинъ торопливый отвѣтъ:

— Некогда, товарищи, заниматься частными вопросами... Поѣзда ждуть посадки... Изъ лагерей уже будете хлопотать...

Собрались мои дивизіонеры... Что то надо предпринимать... Но что можно было сдѣлать въ этой кашѣ? У многихъ было оружіе... Можно было попытаться поднять бунтъ... Но многие ли его поддержатъ?.. Кругомъ театра — войска... Негдѣ развернуться... Да и въ театрѣ такая густая каша...

Сдавалось оружіе; прямо отъ стола, гдѣ принималось оружіе, регистрируемыхъ сортировали по фойе и отдѣльнымъ комнатамъ, подвергая каждого обыску.

Началась отправка на вокзалъ — отправляли пачками, по алфавиту. Отнимаетъ это не мало времени... Наступаетъ глубокій вечеръ — отправлено только три буквы... Эвакуація должна затянуться дня на два...

Наступила ночь... Дошли только до буквы З.

Вмѣстѣ со мной сотникъ * * *. Мы изловчились и не пошли въ указаннія намъ комнаты. Бродимъ съ нимъ по толпѣ и рѣшаемъ, что предпринять.

— Нельзя ли гдѣ нибудь спрятаться въ театрѣ? Вѣдь переклички не дѣлаютъ... Отправляютъ пачками, по комнатамъ... Путаница тамъ идеть не малая... Гдѣ нибудь притаиться, а потомъ, когда вся эта музыка кончится, тамъ видно будетъ, что дальше дѣлать... Сотрудники Атарбекова одурѣютъ въ этой кашѣ... вниманіе будеть притуплено...

Вмѣстѣ съ * * * ищу какого нибудь выхода въ подвалъ или на чердакъ... Нашли лѣстницу, ведущую подъ крышу. Какимъ то чудомъ она оказалась не охраняемой. Поднялись... Громадный чердакъ. Есть выходъ на крышу. Здѣсь можно спрятаться.

Я послалъ * * * на поиски дивизіонеровъ... Насъ было человѣкъ пятнадцать. Нѣсколько человѣкъ уже были эвакуированы, но остальныхъ еще можно было припрятать.

Задача найти кого нибудь въ такой сутолокѣ была нелегкая, но все же нѣ сколько человѣкъ * * * разыскаль и направиль на чердакъ... Всю ночь мы подбирали своихъ... Насъ собралось уже восемь человѣкъ... У одного сохранился даже браунингъ — единственное наше оружіе...

Утромъ, часовъ въ восемь, шла эвакуація буквъ Л. и М. * * *, все еще рыскаль, разыскивая дивизіонеровъ. Наконецъ, встревоженный, онъ пробрался на чердакъ.

— Васъ ищутъ, — сказалъ онъ мнѣ. — Въ нѣсколькоихъ мѣстахъ я слышалъ какъ на весь залъ выкликали вашу фамилію...

35. НЕОЖИДАННАЯ ВЫРУЧКА.

— Ну, значитъ, вlopался...

Можно было, конечно, не итти... Скрываться — такъ скрываться... Но, съ другой стороны, я этимъ подводилъ другихъ скрывающихся... Начнуть меня искать... чего доброго набредутъ на лѣстницу, ведущую на чердакъ и, вмѣстѣ со мною, захватятъ и остальную дивизіонную компанію...

Я рѣшилъ пойти на развѣдку, взявъ съ собою для связи одного изъ дивизіонеровъ. На всякий случай я сообщилъ, что нужно дѣлать, если друзьямъ удастся счастись: они должны были держать связь съ екатеринодарскимъ «адресомъ». Онъ помогъ бы имъ нѣкоторое время скрываться и указать бы куда направиться...

Спустившись внизъ, я, дѣйствительно, услышалъ, какъ въ разныхъ мѣстахъ выкрикивается мою фамилія... Рѣшилъ пока что не отзываться... Ничего добра-го эти вызовы не предвѣщали.

Наконецъ, въ толпѣ я увидѣлъ Леоновича, комиссара инспекціи. Онъ сразу же замѣтилъ меня.

— Идемте... Мы васъ съ разсвѣта уже ищемъ... Васъ разрѣшили освобо-дить...

Жметъ мнѣ руку.

— Тутъ и Сумовскій... Хлопотъ съ вами было по горло!...

Мигнувъ дивизіонеру, бывшему возлѣ меня для связи и слышавшему мой разговоръ съ Леоновичемъ, я пошелъ къ выходу. У дверей стоялъ Сумовскій.

— Ну, поздравляю васъ! Еле выцарапали!...

Сумовскій предъявилъ ордеръ о моемъ освобожденіи и мы благополучно выбрались изъ театра.

Уже въ экипажѣ мнѣ рассказали, какихъ хлопотъ стоило мое освобожде-ніе. Въ одиннадцать часовъ вечера стало извѣстно, что насы высылаютъ. Сумов-скій первый узналъ объ этомъ и помчался къ Леоновичу. Вмѣстѣ съ нимъ, они сейчасъ же поѣхали на квартиру къ командующему арміей, тов. Левандовскому. Левандовскій ничего не имѣлъ противъ моего освобожденія, но сказалъ, что это не отъ него зависитъ, т. к. регистрацію ведеть Реввоенсовѣтъ арміи. Въ чась-ночи удалось добраться до предсѣдателя Реввоенсовѣта и говорить о моей «незамѣнимости» и «преданности совѣтской власти»... Еле уговорили его на-писать бумажку объ освобожденіи...

Въ инспекціи меня наполнили чаемъ и по телефону дали знать въ дивизіонъ, чтобы за мною прїѣхать экипажъ...

Поблагодаривъ Сумовскаго и Леоновича за любезность, я пошелъ въ «ад-ре-съ» предупредить о случившемся и даль указанія, куда направить дивизіо-неровъ, если имъ удастся избѣжать эвакуаціи и вообще скрыться отъ цѣпкихъ рукъ тов. Атарбекова. Имъ нужно было пробираться на рѣчку Цеце, гдѣ опе-рировалъ со своимъ отрядомъ сотникъ Чипчи-Баба.*)

36. «РАЗГРОМЪ» АНТИФЕЕВСКАГО ПОЛУЭСКАДРОНА.

Прошло уже нѣсколько дней со времени высылки полуэскадрона въ распо-ряженіе тов. Андреева. Изъ приказа по Екатеринославскому укрѣпленному раіону я зналъ, что антифеевскій полуэскадронъ прибыль по назначению.

Синку я какъ то въ кабинетѣ и подписываю бумаги.

Вѣтаетъ Молотковъ.

— У насы бѣда! Антифеевскій полуэскадронъ разбить!

— Да что вы говорите?!...

— Вотъ донесеніе отъ политрука...

Читая донесеніе. Политрукъ полуэскадрона Ивановъ, пишеть, что полу-эскадронъ 23-го іюля прибыль въ штабъ тов. Андреева и получить приказаніе стать на квартиры въ ст. Черноморской, гдѣ для полуэскадрона былъ заго-тованъ фуражъ. 27-го іюля штабъ Андреева приказалъ полуэскадрону перей-

*) Дивизіонерамъ моимъ не удалось скрыться. Ни о комъ изъ нихъ я не получалъ больше никакихъ свѣдѣній...

ти въ ст. Имеретинскую. Во исполненіе приказа полуэскадронъ выступилъ въ походъ, выславъ предварительно впередъ развѣзы. Сзади полуэскадрона шель арьергардный развѣздъ. Приблизительное на путь пути между Черноморской и Имеретинской, Антифеевъ получилъ изъ арьергарднаго развѣзда донесеніе, что какъ только полуэскадронъ оставилъ Черноморскую, въ нее сейчасъ же вошли зеленые, силуя около эскадрона... Рѣшено было повернуть назадъ и атаковать зеленую банду. Въ боевомъ порядке полуэскадронъ вернулся въ Черноморскую. Но зеленыхъ тамъ не оказалось. На церковной площади былъ устроенъ привалъ. Вдругъ, неожиданно, изъ дворовъ выплыли зеленые и стремительно атаковали мирно отдыхающій полуэскадронъ. Политрукъ Ивановъ не растерялся, онъ вскочилъ на пулеметную двуколку и ускакалъ. Выѣхавъ на окраину станицы, онъ открылъ пулеметный огонь по площади, но преслѣдуемый зелеными, долженъ былъ въ одиночествѣ отступить на ст. Саратовскую, къ штабу тов. Андреева, гдѣ и доложилъ о постигшемъ полуэскадронъ несчастіи.

— Скандалъ... Позоръ...—сочувствовалъ я Молоткову.—Какъ же это Антифеевъ такъ опростоволосился?

Разыграно было все, какъ по нотамъ... «Сложность» инсценировки дѣлала честь находчивости Антифеева...

О случившемся мы сейчасъ же донесли въ штабъ Екатеринодарского Укрѣпленного Раиона, откуда получили незамедлительно грозный приказъ: «произвести строжайшее разслѣдованіе. Политрука Иванова, по его возвращенію въ дивизіонъ, выслать въ штабъ Украйона».

Къ вечеру прибыль въ дивизіонъ и Ивановъ. Я и Молотковъ подробно допросили его и выяснили, что мѣры предосторожности по уставу все были соблюdenы, что Ивановъ дѣйствовалъ геройски и отправили Иванова въ штабъ Украйона, при чемъ я донесъ, что полуэскадронъ, съ момента выступленія дивизіона, вышелъ изъ подъ моего подчиненія, и что все дальнѣйшія неудовольствія начальства по поводу боевыхъ дѣйствій полуэскадрона надлежить адресовать товарищу Андрееву.

Черезъ нѣсколько дней мы получили приказъ — срочно выслать новый полуэскадронъ въ распоряженіе тов. Андреева. Тутъ я уже отказался отъ соблазна снабдить зеленыхъ еще однимъ добрымъ полуэскадрономъ, ибо это могло бросить серьезную тѣнь подозрѣнія на меня и на мой дивизіонъ... Впереди вѣдь маячила бригада... Съ нею можно было, при удачѣ, сдѣлать что либо болѣе серьезное и надо было поэтому вести себя болѣе осмотрительно...

Прошло около недѣли послѣ «разгрома» полуэскадрона Антифеевѣ. Въ екатеринодарскій «адреcъ» пришло донесеніе Антифеева и сводка Чичи-Бабы о положеніи дѣль на зеленомъ фронтѣ. Все это доставилъ одинъ чичи-бабинъ казакъ, уже нѣсколько разъ дѣлавшій вылазки въ красный станъ для развѣдки и связи.

Антифеевъ писалъ какъ было дѣло. Явишись въ штабъ тов. Андреева, Антифеевъ ориентировался о положеніи на фронтѣ. Получивъ приказъ стать по квартирамъ въ ст. Черноморской, онъ немедленно это сдѣлалъ, при чемъ ему было сказано въ штабъ, что станица Черноморская ненадежна и что нужно смотрѣть «въ оба». По свѣдѣніямъ штаба Андреева, гдѣ то возлѣ Черноморской прячется въ лѣсу отрядъ сотника Чичи-Бабы. Это совпадало съ тѣми свѣдѣніями, которая имѣлъ я и которыми снабдилъ Антифеева передъ его выступленіемъ изъ дивизіона. Изъ Черноморской онъ связался съ Чичи-Бабой и условилъся о планѣ сдачи, при чемъ это должно было произойти почти такъ, какъ и про-

ошло. Отступление от плана, однако, случилось: Чичи-Баба имѣлъ въ ночь передъ сдачей полуэскадрона стычку съ краснымъ разъездомъ и рѣшилъ, что въ Черноморскую подошли андреевскія подкрѣпленія, о чемъ, нолагалъ Чичи Баба, Антифеевъ не имѣлъ возможности его предупредить. Нужно было развѣдать. Пока Чичи-Баба развѣдывалъ, получился приказъ полуэскадрону перейти въ Имеретинскую... Чичи-Баба долженъ былъ вдогонку уже послать Антифееву сообщеніе, что «все остается по старому». Пришлось спѣшило выдумать «занятіе» Черноморской зелеными. Въ остальномъ показаніе политрука довольно вѣрно рисовало картину пѣна...

Сотникъ Чичи-Баба писалъ, что все сдѣлано гладко, благодарили за «подарокъ» и говорилъ о томъ, что дѣлается въ зеленомъ станѣ. Свѣдѣнія его были неутѣшительны. Онъ жаловался на разрозненность зеленыхъ, на ихъ вялость, на отсутствіе организующей руки... Чичи-Баба сообщилъ кое какія свѣдѣнія об отрядѣ есаула Тимченки, полковника Фартукова и полковника Крыжановскаго. Намѣчено было нѣсколько «личинныхъ адресовъ» для связи. Чичи-Баба объѣщалъ мои свѣдѣнія разсыпать по отрядамъ зеленыхъ: эти свѣдѣнія могли помочь имъ въ ихъ операцияхъ.

37. НАЗНАЧЕНИЕ МЕНЯ КОМАНДИРОМЪ БРИГАДЫ.

Вопросъ о формированиіи новой кавалерійской бригады благополучно по-двигался впередъ. По вопросу формированиія меня нѣсколько разъ вызывала инспекція кавалеріи. Былъ вызванъ я и къ начальнику штаба арміи, бывшему генеральному штабу полковнику Захаревичу, пожелавшему лично дать міръ инструкціи по формированию бригады.

— Зеленые растуть... Линейная Кубань — сплошное зеленое царство... Ваша бригада предназначается на этотъ фронтъ... Зеленые сильны знаніемъ мѣстности... Ихъ, кромѣ того, поддерживаетъ населеніе... Но ихъ надо во что бы то ни стало ликвидировать... Отрядъ тов. Андреева — у него 800 штыковъ — перейдетъ въ ваше подчиненіе... Вамъ будетъ придано двѣ горныхъ батареи... Вамъ будетъ назначенъ опытный начальникъ штаба... Вы и сами вѣдь штабисты... Вмѣстѣ съ ними вы должны разработать планъ операциіи... Потомъ мы его вмѣстѣ обсудимъ... Придется вести партизансную войну... Тутъ нужна особая сноровка... Однимъ словомъ, все это обдумайте, просмакуйте... Бригада будетъ формироваться недѣли двѣ, такъ что времени на разработку операциіи имѣтъся достаточно ... У зеленыхъ самая опасная фигура — генераль Фостиковъ... Онъ молодъ, храбръ, отличный партизанъ и знаетъ свою лѣсную Кубань, какъ никто... Вамъ придется помѣряться съ нимъ силами...

— Что-жъ, попробуемъ!

— Въ добрый часъ! Отправляйтесь въ инспекцію и получите предписаніе о назначеніи васъ командиромъ кавбригады.

Получивъ въ инспекції предписаніе, я въ радушномъ настроеніи возвращался въ дивизіонъ.

Бодро бѣжала пара командирскихъ — сѣрыхъ въ яблокахъ. Кучерь былъ свой человѣкъ, донской казакъ, и я рассказалъ ему, что его тоже ждѣтъ повышеніе по службѣ, и что онъ уже не вѣстовой командира дивизіона, а вѣстовой командинга бригады и даже выше: вѣстовой Начальника Своднаго Линейнаго Отряда...

Балагуримъ, мечтаемъ о возможныхъ въ скоромъ будущемъ дѣлахъ...

38. МОЛОТКОВСКОЕ ОТКРЫТИЕ.

Экипажъ подъѣжалъ къ небольшому лѣску, красиво разросшемуся на поворотѣ дороги, что въ полѣ-пути между Екатеринодаромъ и стоянкой дивизиона. Изъ-за деревьевъ высунулась фигура Г. — онъ дѣлалъ мнѣ знаки остановиться. Я слѣзъ съ экипажа и зашелъ въ лѣсокъ.

— Въ чёмъ дѣло?

— Молотковъ разнюхалъ нашу работу...

— ?!...

Оказалось, что не только я посыпалъ развѣдчиковъ и вѣстниковъ къ зеленымъ... Постыпалъ ихъ туда и Молотковъ... Мои развѣдчики и развѣдчики Молоткова встрѣтились въ плавняхъ. Одинъ изъ молотковскихъ молодцовъ сегодня вернулся и доложилъ ему, что я держу связь съ зелеными... Молотковъ сейчасъ же приказалъ дивизіону выступить въ ст. Ново-Титаровскую подъ прикрытие Заградительного отряда товарища Терека, а самъ занялся обыскомъ моей квартиры.

— Но въ Екатеринодарѣ еще ничего не знаютъ... Я только что изъ штаба арміи... Въ инспекціи кавалеріи тоже ничего не знаютъ...

— Молотковъ донесъ, да мы перехватили на дорогѣ донесеніе... Его везь Егорушкинъ... Да вотъ и онъ...

Егорушкинъ былъ донецъ, вахмистръ. Въ дивизіонѣ онъ былъ по подложнымъ документамъ и значился «мironovцемъ», т. е. изъ отряда нѣкогда славнаго донца Миронова. Онъ числился въ сонмѣ дивизіонной аристократіи. По подложному же коммунистическому билету онъ вступилъ въ дивизіонную комячайку. Съ нимъ то, какъ съ «вѣрнымъ человѣкомъ» и было послано донесеніе въ штабъ Укрѣпленного района, съ копіями — въ Инспекцію, въ Штабъ Арміи, въ Реввоенсовѣтъ и въ Поармъ.

Донесеніе было съ надписью — «С. Секретно. В. Срочно. Въ собственныя руки». Донесеніе осторожно вскрыли, благо, оно не было припечатано сургучной печатью. Молотковъ доносилъ, что онъ раскрылъ «заговоръ», что я въ связи съ зелеными, что онъ отправилъ дивизіонъ «для безопасности» въ распоряжение тов. Терека, а самъ производить обыскъ на моей квартирѣ. Поджидаетъ моего возвращенія въ дивизіонъ, чтобы арестовать меня. Просить о задержаніи меня, если я попадусь кому либо въ городѣ на глаза. Молотковъ заканчивалъ свое донесеніе просьбой дать «руководящія указанія».

Ничье имя въ донесеніи, кроме моего, не фигурировало.

На донесеніи стояло: 12 час. 10 м. дня.

Донесеніе нужно было, конечно, доставить, иначе Егорушкину пришлось бы скрываться, а онъ былъ въ дивизіонѣ весьма нужный человѣкъ, оказавшій намъ не разъ уже отличные и очень цѣнныя услуги.

Если въ городѣ еще ничего не знаютъ о «заговорѣ», мой побѣгъ можно устроить безъ особыхъ хлопотъ... Въ городѣ же, повидимому, еще ничего не знаютъ... По телефону Молотковъ съ городомъ не говорилъ. Говорить онъ могъ только черезъ промежуточную станцію, находящуюся въ этомъ же лѣсѣ, но Г. увѣрилъ меня, что съ городомъ Молотковъ сегодня не говорилъ. Мелькнула мысль — не говорилъ ли Молотковъ окружнымъ путемъ — черезъ Ново-Титаровскую, но Г. увѣрялъ меня, что п изъ Ново-Титаровской никто не звонилъ, ибо Ново-

Титаровская связана съ Екатеринодаромъ черезъ эту же промежуточную станцію... Быть можетъ даль знать по телеграфу?... Мало вѣроятно... Ужъ если не прибѣгъ онъ къ телефону, то къ телеграфу и подавно... Оставалось еще одно предположеніе, что тов. Терекъ могъ послать донесеніе отъ себя... Но провѣрить это было уже невозможно. Гонецъ отъ тов. Терека могъ проѣхать незамѣченнымъ изъ этого лѣсна... Изъ Ново-Титаровской въ Екатеринодаръ была своя дорога и она проходила въ сторонѣ...

На всякий случай я приказалъ порвать провода въ направлениі на Екатеринодаръ.

Ясно одно: нужно, какъ можно скорѣе, скрыться съ краснаго горизонта...

Планъ я намѣтилъ такой: я єду въ городъ и изъ города постараюсь пробрать-ся за Кубань. Донесеніе єдетъ за мной... Я самъ укажу Егорушкину, когда его надлежитъ сдать и въ какомъ порядкѣ сдать юній донесенія... А что бы оправдать задержку въ доставкѣ весьма срочнаго донесенія, мы придумали оказію: возвращаясь въ дивизіонъ, Егорушкинъ долженъ расковать на переднюю ногу коня... На раскованномъ конѣ, извѣстно, какая быстрая передвиженія... Тутъ Егорушкину и было оправданіе за медленность доставки донесеній.

39. БѢГСТВО ИЗЪ КРАСНАГО СТАНА.

Преподавъ Г. кое какія инструкціи, сообщивъ планъ моихъ вѣроятныхъ дѣйствій, я поѣхалъ въ городъ... Егорушкинъ съ донесеніемъ — сзади меня...

Заѣхали въ «адресъ», гдѣ я наскоро сообщилъ о «катастрофѣ». Рѣшилъ єхать въ штабъ Укрѣпленного района... Блеснулъ выходъ... Если тов. Рыбалко — начальникъ района — еще ничего не знаетъ, дѣло можетъ выгорѣть...

Егорушкину приказалъ дожидаться меня возлѣ штаба.

Черезъ нѣсколько минутъ я сидѣлъ уже въ кабинетѣ тов. Рыбалко и ожидалъ предписанія отправиться «по дѣламъ службы» въ ст. Имеретинскую. Лежавшее у меня въ карманѣ свѣженѣкое предписаніе инспекціи кавалеріи, гласящее, что я назначаюсь командиромъ бригады, подъ начало которой переходитъ отрядъ тов. Андреева, — сыграло свою роль. Рыбалко, на основаніи этого предписанія, давалъ пропускъ черезъ мостъ, безъ котораго на тотъ берегъ — зеленый берегъ Кубани — переправиться было очень трудно. Нужно было раздобывать лодку... Вообще это было уже предпріятіе...

Пропускъ писался безконечно долго... Такъ мучительно я еще никогда не ощущалъ время...

Наконецъ, пропускъ готовъ...

Теперь надо было указать Егорушкину очередь развозки донесеній. Во всякомъ случаѣ штабъ Укрѣпленного района долженъ узнать постѣднимъ о случившемся, ибо онъ знаетъ въ какую сторону я кинулъся... Надо было начинать съ Поарма...

Простишись съ Егорушкинымъ,* я покатилъ на мостъ черезъ Кубань.

На мосту карауль. Я предъявилъ пропускъ. Начальникъ караула отдалъ честь... и предо мною открылась зеленая Кубань...

Отъѣхавъ отъ моста съ версту, я остановилъ экипажъ и перерѣзъ полевой телефонный проводъ, соединяющій Екатеринодаръ со штабомъ тов. Андреева, къ которому я рѣшилъ заѣхать, чтобы на прощанье съ красными получить пос-

* Егорушкинъ нѣкоторое время оставался въ дивизіонѣ, а затѣмъ дезертировалъ къ себѣ на Донъ.

лѣдниою отъ нихъ информацію о положеніи на красно-зеленомъ фронтѣ. Штабъ Андреева стоялъ въ ст. Саратовской. Андреевъ теперь могъ узнать обо мнѣ только черезъ гонца, но у меня былъ шансъ опередить его.

Къ 6 часамъ на взмыленныхъ лошадяхъ я подкатилъ къ штабу Андреевскаго отряда. Познакомился съ Андреевымъ. Здѣсь уже знали, что съ полученiemъ кавбригады, андреевскій отрядъ переходитъ ко мнѣ въ подчиненіе, и потому приняли меня, какъ свое начальство.

Тов. Андреевъ далъ самыя послѣднія свѣдѣнія о группировкѣ зеленыхъ.

— Сейчасъ на Линейной Кубани зарегистрировано около двадцати зеленыхъ бандъ, не связанныхъ между собою ни общностью командованія, ни единствомъ оперативнаго плана... Это банды одиночки. Одни изъ нихъ успѣли развиться до внушительныхъ размѣровъ, а большинство, такъ себѣ — взводники, полусотни... Тенденцію къ увеличенію обнаруживаетъ отрядъ генерала Фостикова и банды Махошевскаго лѣса... Полковникъ Фартуковъ оперикуетъ въ районѣ Курджипской, полковникъ Постѣвінъ — въ районѣ Переоправной и развиваетъ движеніе по западному берегу Лабы на станицы Губскую и Бесленеевскую... Генералъ Фостиковъ держится въ станицахъ Надежной, Спокойной и Отрадной. Онъ крѣпнетъ и будетъ, вѣроятно, командовать всѣми зелеными силами... Въ Махошевскомъ лѣсу еще нѣсколько отрядовъ: отрядъ Ющенки, отрядъ Крыжановскаго и отрядъ есаула Уртхмалидзе.

— Такъ... А наши силы изъ чего состоять?

— Наши силы здѣсь ничтожны... Мой отрядъ, да части 34-й дивизіи...

Товарищъ Андреевъ по картѣ показалъ мнѣ подробнouю дислокациою красныхъ силъ.

Полученный только что свѣдѣнія были очень цѣнны для екатеринодарскаго «адреса» и для Г., который долженъ быть пѣ дивизіона, по возможности, поддерживать связь со мной. Чтобы доставить эти свѣдѣнія въ Екатеринодаръ и Г., нужно было вернуть въ дивизію моего вѣстового.

Попросивъ «для вида» у Андреева конвой въ два всадника и верховую лошадь для себя, я объявилъ Андрееву, что сейчасъ же думаю выѣхать въ ст. Имеретинскую, къ стоянкѣ своего полуэскадрона для раздачи людямъ жалованья...

Андреевъ не совѣтывалъѣхать, глядя на ночь, говоря, что тутъ и днемъ дороги не безопасны, но я разыгралъ изъ себя безстрашного героя и поѣхалъ. Не оставаться же здѣсь было до утра...

Вѣстового я отправилъ въ дивизіонъ...

— Если будуть допрашивать — говори одно: знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю... Пріѣхалъ, моль, командиръ въ ст. Саратовскую, а мнѣ приказалъ возвращаться... Я и возвернулся... А больше ничего не знаю...

Черезъ полчаса съ двумя красноармейцами я выѣхалъ изъ штаба тов. Андреева.

Темнѣло. Сейчасъ же за станицей начинался глухой лѣсъ. Конвой врядъ ли благодарили меня за путешествіе вечеромъ по жуткому лѣсу, гдѣ изъ за каждого куста можно было ожидать засады.

Отѣхавъ съ версту — дорога раздвоилась: одна шла на Имеретинскую, другая — на Черноморскую.

Я свернуль на ст. Черноморскую.

Конвой, знаяшій дороги, замѣтилъ это.

— Товарищъ командиръ, мы неправильно пошли... Это дорога на Черноморскую!

— Ну такъ что-жъ?...

— А сказывали, что въ Имеретинскую направляемся.

— Значить, не вѣрно сказывали...

Дорога стала глуше... Въ лѣсу уже воцарилась ночь... Моя сѣрая папаха-кубанка все время цѣплялась за вѣтви, и я поминутно пригибался къ передней лукѣ, чтобы защитить глаза.

Въ головѣ проносился рой мыслей... Лучше всего, конечно, было бы, если бы на насъ сейчасъ напали зеленые. Моя задача была бы разрѣшена...

Но, зеленые, — увы! — не нападали...

Казаки говорили, что ужъ больно лихо мы ёдемъ — какъ бы бѣдой это не кончилось.

— Тутъ, товарищъ, что не кустъ, то зеленый, а мы точно по своему двору раскатываемъ... Того и жди пулью сбоку...

— Полно грустить... Пуля... Эка невидаль... Пора уже къ нимъ привыкнуть... Показалась Черноморская.

— Вотъ и станица, а чья она, чортъ ее ночью разбереть... Можетъ тутъ зеленые... Вѣдь тутъ какъ: мы въ станицу — зеленые уходить въ лѣсъ, мы изъ станицы — они тутъ какъ тутъ...

Но станица оказалась «нашей». Вѣхали. Я занялъ одну избу. Красноармейцамъ приказалъ расположиться гдѣ нибудь поблизости..

40. «ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ».

Прошло уже не меньше 7-8 часовъ, какъ въ Екатеринодарѣ узнали изъ донесенія Молоткова обо мнѣ. Навѣрно ишутъ меня уже всюду... Сидѣть въ Черноморской не рекомендовалось...

Съ разсвѣтомъ я рѣшился двинуться дальше. Декорация конвоя мнѣ больше была не нужна. Его теперь можно было использовать, чтобы послать большевикамъ «послѣднее прости».

На листѣ полевой книжки я написалъ:

— «Товарищу Андрееву. Копія почему красному начальству. Прощайте. Радь буду встрѣтиться съ вами въ бою. Мстить вамъ за все, что вы дѣлаете съ Родиной, считаю своимъ долгомъ».

Запечаталъ записку и пошелъ будить свой конвой.

— Вотъ что, ребята, срочно сѣдлайте коней и что есть духу скачите въ штабъ тов. Андреева... Тутъ важное донесеніе... Отвѣтъ привезите мнѣ сюда же... Да дуйте, смотрите, безъ остановки... Каждая минута дорога...

Конвой думалъ было сослаться на то, что еще темень, ночь... Мыслимо ли, моль, это... Но я такъ прикрикнулъ на конвой, что ему иначе больше не оставалось, какъ исполнить грозный приказъ.

Задокали подковы по затихшей станицѣ.

Конская рысь все дальше и дальше..

Свободенъ!

Я вывелъ коня со двора, перекрестился на церковь, темнѣвшую на площади, и поѣхалъ, взявъ направленіе на ст. Линейную, въ районъ рѣки Цеце...

Что-то Богъ дастъ! Чѣмъ вновь судьба подарить!...

Галлиполи

1920 г.

Илья Савченко.

СОДЕРЖАНИЕ

БЪЛАГО АРХИВА

Т. I

	стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	9
I. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.	
1. Секретный Отчетъ Комиссаровъ XI Арм. И. Киріенко и А. Чекотило	13
2. Я. П. Лисовой. А. Керенскій въ Армії Генерала Дени- кина (по матеріал. шт. 28-й дивизії).....	35
3. » » Революціонные генералы	52
II. РЕВОЛЮЦІЯ И БОЛЬШЕВИЗМЪ.	
1. П. Нестеренко. Гатчина въ дни борьбы съ большевизмомъ	72
2.. Ф. Гнѣсінъ. Туркестанъ въ дни революціи и большевизма	81
III. БЪЛОЕ ДВИЖЕНИЕ.	
1. Засѣданіе Политического Собѣщанія Добр. Арміи 15 ян- варя 1918 г.	96
2. Докладъ Главнок. Вооруж. Силами Юга Россіи о полож- женіи дѣлъ на Зап. фронтѣ вообще и обѣ арміи полк. Бермонта-Авалова въ частности	101
3. Объяснит. записка по этому докл. ген. шт. полк. Я. М. Лисового	127
IV. ПИСЬМА БЪЛЫХЪ ВОЖДЕЙ.	
1. Письмо Верховн. Правителя Адмирала А. В. Колчака Донск. Атаману генер. А. П. Богаевскому	136
2. Письмо генер. М. В. Алексѣева генер. А. И. Деникину	138
3. Наказъ генерала М. В. Алексѣева членамъ Донской миссіи	142
4. Письмо генер. М. В. Алексѣева генер. П. Н. Краснову	144
5. Письмо генерала М. В. Алексѣева генералу А. П. Бога- евскому	147
6. Письмо генер. И. П. Романовскаго генералу А. П. Бога- евскому	151

7. Директивы генерала М. В. Алексеева Нач. В.-Политич. Отд. Д. Ар. М.	153
8. Изъ блокъ-нота генер. М. В. Алексеева	154
V. СЛАВЯНЕ — БОЛЬШЕВИЗМЪ — БѢЛОЕ ДВИЖЕНИЕ.	
1. Черезъ Сибирь къ свободѣ (переводъ съ чешскаго)	158
2. Г. Малецъ. Докладъ Главнокомандующему Вооружен. Сил. Юга Россіи Члена Русскаго Нар. Сов. Прикарпатской Руси	163
3. Письма Карпаторусск. Обществ. и Полит. дѣятелей	177
VI. МЫСЛИ СОВРЕМЕННИКОВЪ РЕВОЛЮЦІИ.	
П. Н. Милюковъ, А. И. Гучковъ, Н. Н. Щепкинъ, И. И. Киренко, М. Каменскій, Дж. Бьюкененъ, генералы М. В. Алексеевъ, А. М. Драгомировъ, В. Лечицкій, М. Лещъ, полков. Васильевъ и др.	181
VII. ЗАРУБЕЖНАЯ РОССІЯ.	
Лекція Е. Д. Кусковой.— Зарубежный Съзѣдъ.— Католичество и Православіе на фонѣ Парижскихъ дней.— Красновъ— Койсуговъ— Суворинъ.— Годовицна смерти генерала Л. Г. Корнилова	187
VIII. ВНУТРЕННЯЯ РОССІЯ.	
1. Влад. Игоревъ. Красная армія и «военизациія»	197
IX. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ	203
X. ПРИЛОЖЕНИЕ.	
1. Памятка «Музея Современныхъ Событий въ Россіи»	207

ИЛЛЮСТРАЦІИ:

Послѣдній портретъ адмирала А. В. Колчака, Офицеры до митинга и во время митинга, А. Керенскій въ арміи ген. Деникина, Бермонтъ-Аваловъ — генералъ Гольцъ и ихъ армія, Пррапорщикъ Крыленко, Поручикъ Дзевалтовскій, Призывъ въ красную армію, Жизнь красныхъ курсантовъ и др. Фотодокументы, карты, копіи прокламаціи, карикатуры и т.п.

ПЕЧАТАЕТСЯ

Большой Архивъ

КНИГА IV

ВЪ 4-ОЙ КНИГЪ БУДЕТЬ ПОМЪЩЕНЪ

„Дневникъ мистера Джемса Уильслея”

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ
КНИГА:

Я. М. Лисовой

„ГИБЕЛЬ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ“

ПЕЧАТАЕТСЯ
НОВАЯ КНИГА

Генерала П. И. Залѣсскаго

„ВОЗМЕЗДІЕ“.

XII.

ОТДѢЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

РУССКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

1920-21г.

РИСУНКИ
А.А.ВЕРБНИЦКАГО.

На пути къ пристани.

Посадка и погрузка.

В. «Балотань».

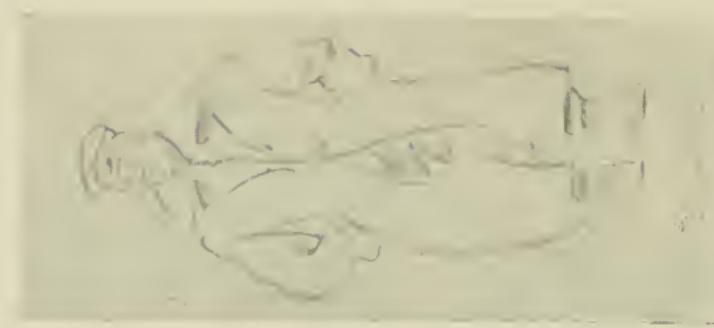
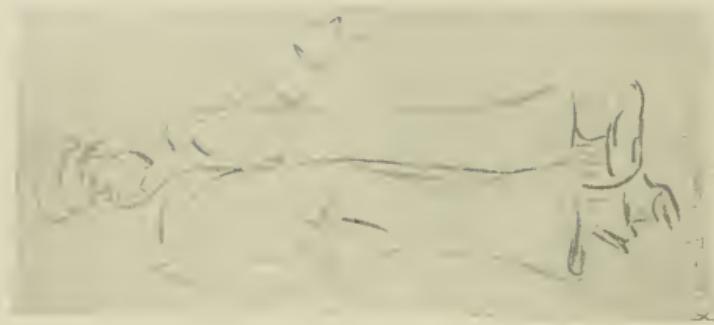
На падуб.

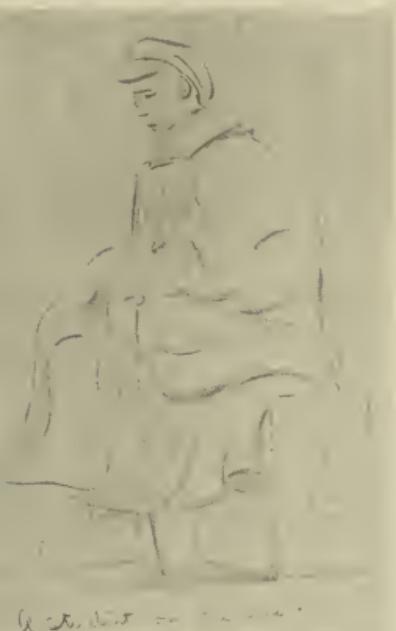

«И это все, что у меня осталось...»

Бенедикт.

Ночная прогулка на Родину.

Студентъ на палубѣ.

Спить....

Умывальни и...

На одомъ изъ станокъ.

Донской казакъ.

Приват-доцентъ.

Полковникъ.

Крымскій татаришъ.

Офицеръ.

Студентъ.

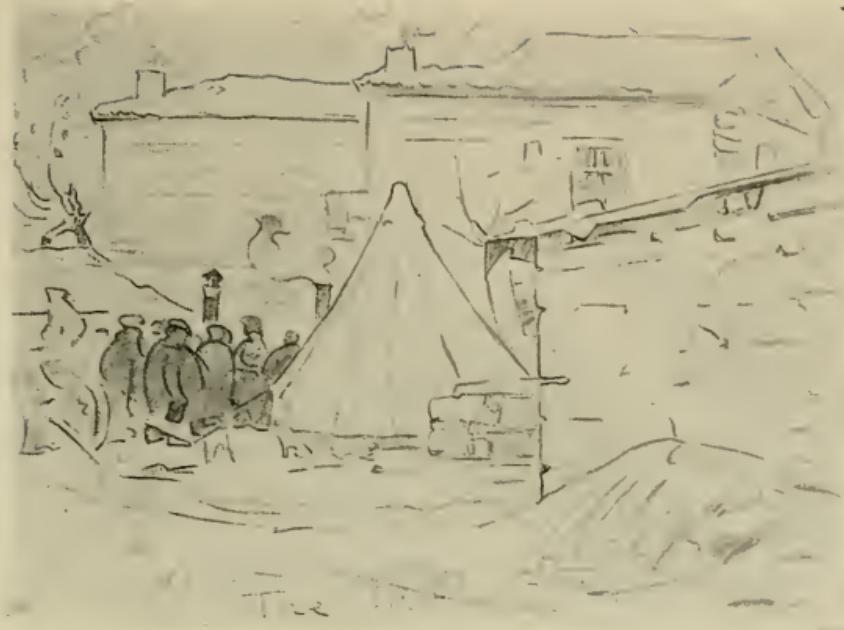
Блакенецъ.

Кубанскій казакъ.

Солдатъ.

Первый лагерь.

The Camp of Russia. Immigrants

Лагерь русских эмигрантовъ.

Разборка воды.

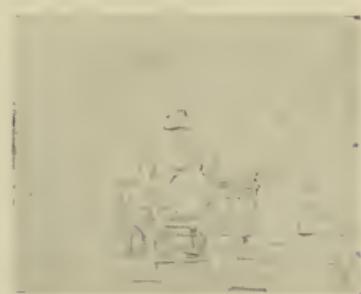

Готовить пищу.

У костра.

Съ видомъ.

Въ новомъ кабинетѣ.

У колодца.

Вечерний отдыхъ.

У костра.

Сапогъ твоешъ.

Журналистъ.

Дѣвушка.

Губернаторъ.

Въ новой странѣ.

Складъ изданий
Librairie Mme De Salsky
2, rue Pierre-le-Grand, Paris.

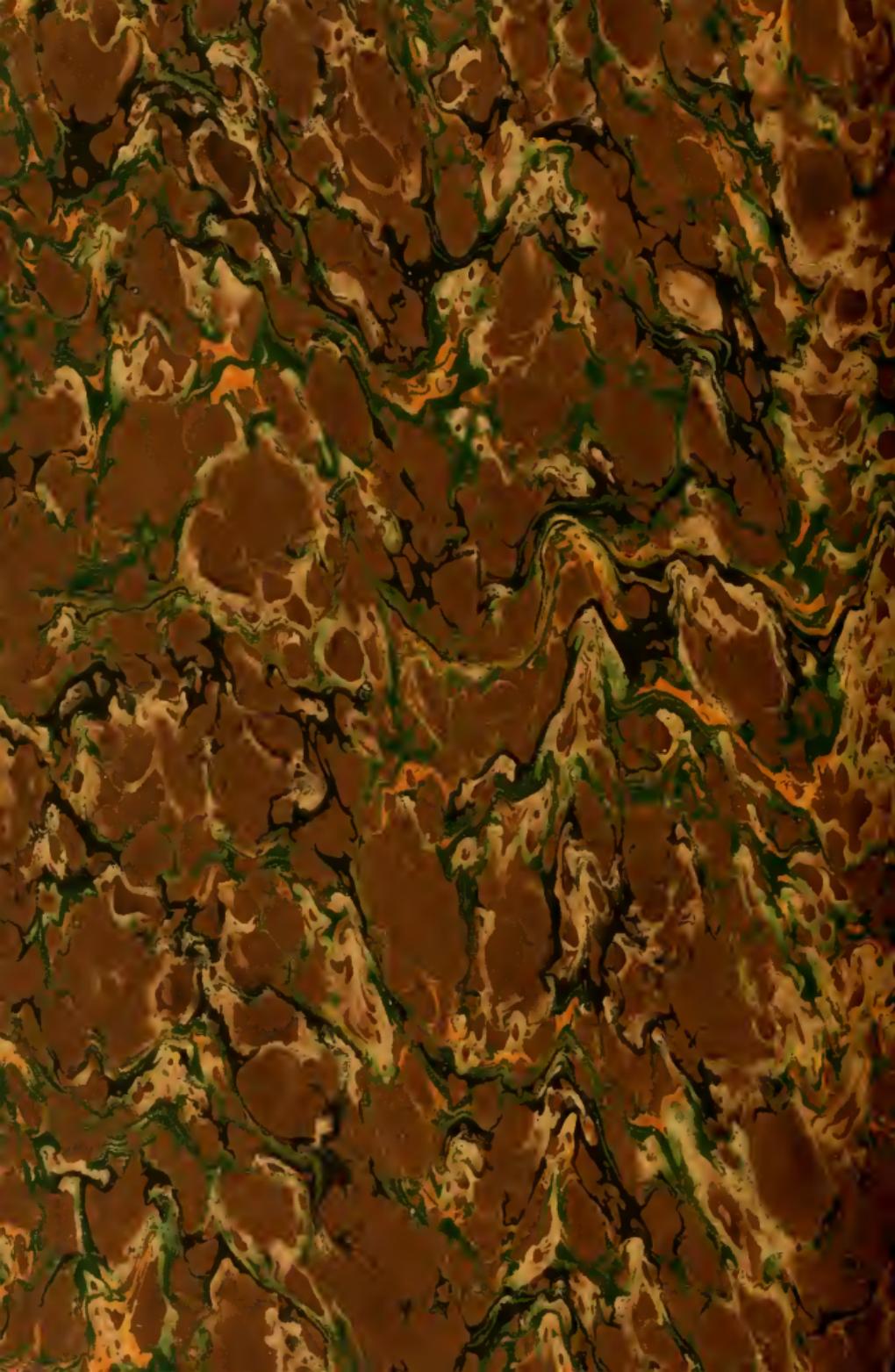

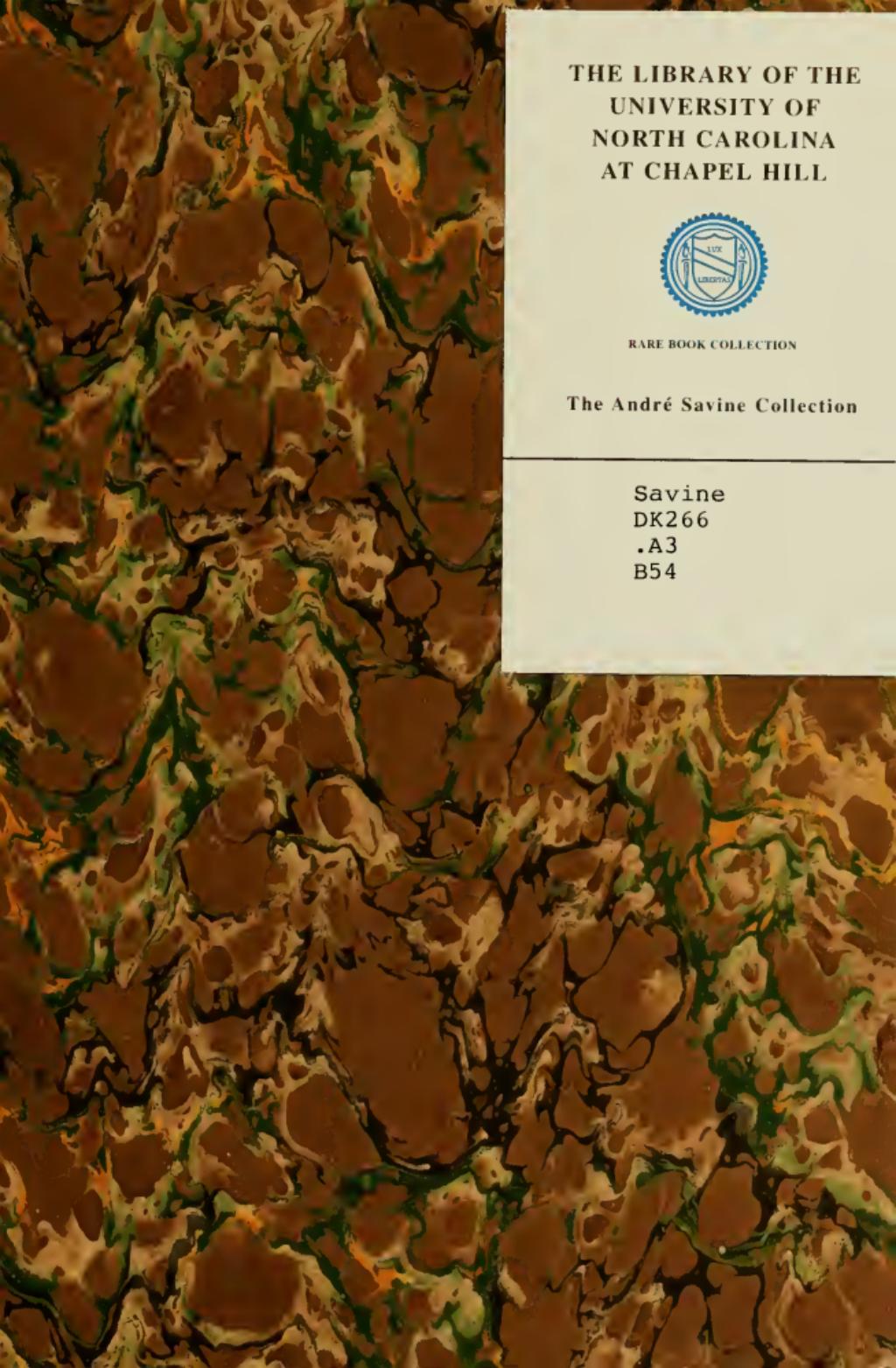

The background of the entire page is a detailed marbled paper pattern, characterized by intricate, organic shapes in shades of brown, tan, and green.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK266
.A3
B54

